№ 10977. Omd. XVIII.

Eva

Московская общественная и университетская библиотека

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXVII. — 1/14 ЯНВАРЯ 1907.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ТРЕТІЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

15908
491.

ТОМЪ I

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

3585

Библиотека общества

КОНСТАНТИНЪ КАРЛОВИЧЪ ГРОТЪ

Посвящается его памяти *).

Людское правосудіе выражается въ воздаяніи каждому должнаго по дѣламъ его,—Божеское—въ требованіи у каждаго отчета въ томъ, что̀ ему было дано Создателемъ. Эта мысль Руссо, высказанная имъ въ „Савойскомъ викаріи", глубоко вѣрна. Дѣйствительно, цѣнить кого-либо какъ дѣятеля справедливо лишь по тому, что̀ онъ сдѣлалъ. Но судить внутренняго человѣка съ его духовными задатками и побужденіями слѣдуетъ уже не по тому, что̀ онъ сдѣлалъ, а потому, что̀ онъ *могъ и долженъ* былъ сдѣлать. Однако справедливость послѣдняго суда не свойственна одностороннему и узкому кругозору людскому. Отъ взора людей часто бываетъ скрыто то, въ какой мѣрѣ дѣятель былъ „рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ", насколько и какой „талантъ" зарывалъ онъ въ землю и въ чемъ состояла та невозможность, у предѣловъ которой смолкаетъ чувство долга.

Сегодня мы присутствовали при актѣ человѣческаго правосудія по отношенію къ почтенному, выдающемуся общественному дѣятелю. Это правосудіе, при жизни человѣка, рѣдко признаетъ его заслуги и почти никогда за нихъ не вознаграждаетъ. Но по смерти—иногда чрезъ много лѣтъ—оно видитъ, что то, что̀ ему казалось обыденнымъ дѣломъ злободневной жизни, было подви-

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи попечительства о слѣпыхъ, вѣдомства императрицы Маріи Александровны, въ день открытія памятника К. К. Гроту.

гомъ или труднымъ посѣвомъ добра. Тогда оно признаетъ былыя заслуги и какъ умѣетъ—часто безплодно и запоздало—за нихъ вознаграждаетъ. Если кругъ дѣятельности покойнаго былъ небольшой и спеціальный, тѣсный,—группа оставшихся друзей и послѣдователей проникается любовью къ своему усопшему вождю и учителю и — „на забытую могилу бросаетъ поздніе цвѣты". Но если область дѣятельности была обширная и отзвуки ея все растутъ и расширяются, то благодарныя воспоминанія находятъ себѣ осуществленіе въ металлѣ и камнѣ, и возникаетъ памятникъ.

Такое именно правосудіе воздано сегодня общественной дѣятельности Константина Карловича Грота. Русскіе люди должны быть ему благодарны, ибо онъ былъ борцомъ съ общественной и личной слѣпотой и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи многое.

Общественная слѣпота—это то состояніе, при которомъ общество мирится съ условіями существованія, устраняющими свѣтъ, освѣщающій и вызывающій къ жизни лучшее, что̀ есть въ человѣкѣ, какъ въ свободномъ и духовно-нравственномъ существѣ. Это *лучшее* выражается въ нравственномъ достоинствѣ человѣка и въ способности его къ духовному совершенствованію. Оно можетъ быть подавлено искусственною *тьмою* безправія и невѣжества, когда общественное устройство не даетъ свободно развиваться лучшимъ сторонамъ духовной природы народа, заглушая въ немъ и правосознаніе, и сознаніе собственнаго достоинства. При этомъ, просвѣщеніе народа не льетъ своихъ лучей широкою волной, а лишь скупо пробивается кое-гдѣ чрезъ случайныя щели, но за то своекорыстіе строитъ свое благополучіе на человѣческой слабости и проявленіяхъ животной природы.

Въ такой общественной слѣпотѣ была Россія въ тѣ годы, когда молодой Гротъ — внукъ протестантскаго пастора, переселившагося въ Россію,—вступилъ въ дѣятельную жизнь. На первыхъ же шагахъ ему пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что̀ И. С. Аксаковъ остроумно называлъ *фасадностью* общественнаго устройства своей родины, скрывавшею за видимою стройностью архитектурныхъ линій „мерзость запустѣнія".

Еще въ 1844 году, при ревизіи приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, встрѣчаясь съ реальными Гоголевскими типами и превосходящими самую смѣлую фантазію злоупотребленіями, Гротъ вынесъ убѣжденіе, что мѣстные органы управленія дѣлаютъ *не то, что слѣдуетъ*, а оффиціальная благотворительность ровно *ничего не дѣлаетъ*. Имѣя счастіе быть сотрудникомъ незабвеннаго Н. А. Милютина, онъ получилъ воз-

можность заглянуть въ закулисную сторону дѣятельности мѣщанскихъ и ремесленныхъ управъ и участвовалъ въ реформѣ ихъ устройства. Но судьба влекла его на болѣе обширную арену лично-отвѣтственной борьбы, какъ бы говоря ему словами поэта: „иныя ждутъ тебя страданья, — другихъ восторговъ глубина". Она поставила его лицомъ къ лицу — въ качествѣ самарскаго губернатора, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ,—съ наиболѣе рѣзкими проявленіями общественной слѣпоты.

Тогдашняя Россія въ своей внутренней жизни стояла на трехъ главныхъ устояхъ: на крѣпостномъ правѣ, откупѣ и рекрутствѣ. Среди нихъ ютился судъ, полный „неправды черной", по выраженію Хомякова, и, какъ рѣдкіе островки въ морѣ тьмы, свѣтились университеты. Съ первыми двумя изъ этихъ устоевъ вступилъ въ борьбу Гротъ, не смущаясь ни враждой, ни клеветою, и вѣрный высказанному имъ однажды правилу: „была бы вѣрность возвышенной цѣли, а остальное сдѣлаютъ время и стойкость".

Крѣпостное право, оставившее такой глубокій и трудно искоренимый слѣдъ на всемъ нравственномъ складѣ русскаго общества,—слѣдъ не изглаженный и до сихъ поръ,—встрѣтило молодого самарскаго губернатора во всеоружіи своего владычества „душою". Это владычество, со своимъ правомъ ссылки, тѣлеснаго наказанія и другихъ безконтрольныхъ каръ, тлетворно разрушало душу „души", разрывая ея естественныя связи и оскорбляя чувство привязанности къ избранницѣ сердца, къ родителямъ, къ родному мѣсту. Оно было тою организованною несправедливостью, къ которой такъ примѣнимы слова Тьера: „l'injustice n'est pas stérile: elle a aussi des enfants et ils sont dignes de leur mère". Противъ отдѣльныхъ и рѣзкихъ проявленій этой несправедливости сталъ бороться Гротъ, со всей доступной ему властью, путемъ разслѣдованій жестокаго обращенія и возбужденіемъ вопросовъ о наложеніи опекъ. А когда, въ 1858 году, издалека раздался — вначалѣ слабый и многимъ ненавистный — благовѣстъ освобожденія крестьянъ, Гротъ отозвался на него съ прямодушнымъ восторгомъ. Его рѣчь въ собраніи дворянъ, наэлектризовавшая многихъ,—его дѣятельность по учрежденію губернскаго комитета,—приглашеніе имъ въ члены отъ правительства Юрія Самарина и энергичная поддержка послѣдняго въ трудныя минуты борьбы — составляютъ несомнѣнныя заслуги Грота. Вокругъ него—одинокаго въ своей личной жизни—шипѣла клевета и жадно читались злобные на него памфлеты. Ему дважды грозилъ вызовъ на поединокъ со стороны видныхъ душевладѣль-

цевъ. Его другъ и соратникъ—Юрій Самаринъ—чистѣйшій и благороднѣйшій слуга родины, долженъ былъ ходить съ револьверомъ, изъ опасенія дикой съ собой расправы. Но Гротъ не уступалъ ни пяди изъ занятого имъ положенія, и лишь въ особенно тяжелыя минуты, старый царскосельскій лицеистъ шелъ къ своему вице-губернатору Аксакову и говорилъ ему: „а не почитать ли намъ Пушкина"?

Вызванный въ Петербургъ „честнымъ кузнецомъ-гражданиномъ", Гротъ много потрудился въ коммиссіи по устройству крестьянскихъ учрежденій, создавшей мировыхъ посредниковъ и намѣтившей, по мысли Милютина, начало земскаго самоуправленія. Вотъ почему онъ по праву и со справедливой гордостью носилъ золотую медаль „за освобожденіе крестьянъ" и многіе годы былъ участникомъ и распорядителемъ обѣдовъ въ память 19-го февраля, за которыми сходились растроганные старики, приложившіе руку къ святому дѣлу осуществленія лучшихъ идеаловъ ихъ молодости.

Откупъ и крѣпостное право были *par nobile fratrum*. Въ правилахъ объ откупной продажѣ вина было предусмотрѣно и опредѣлено многое, но забыто одно: хищность и алчность человѣческаго стремленія къ наживѣ. Благодаря этому явилась громадность доходовъ откупщиковъ, доходившая до 45 милліоновъ рублей съ однѣхъ великороссійскихъ губерній въ три послѣдніе года существованія откупа и вообще до 73% на всю сумму, поступавшую въ казну. Чрезмѣрная доходность откупа достигалась во многихъ случаяхъ развращеніемъ чиновниковъ путемъ опредѣленной дани всѣмъ отъ мала до велика,—обирательствомъ народа путемъ разбавленія вина водою и приправленія его дурманомъ, и, наконецъ, всякими насиліями подъ флагомъ борьбы съ корчемствомъ. Ко всему этому мѣстныя власти, при помощи дружескаго союза между услужливымъ закономъ и податливымъ судомъ, относились съ благосклоннымъ попустительствомъ и ласковымъ опасеніемъ, что откупщикъ можетъ „не устоять". На этой почвѣ выросталъ и пускалъ корни мѣстный провинціальный питейный меценатъ и покровитель искусствъ, низкопоклонный предъ властями въ Петербургѣ, надменный въ губернскомъ городѣ съ низшими, вкрадчивый съ равными, финансовый другъ отечества, безнаказанный фальсификаторъ народной отравы и легализированный насильникъ въ защиту своихъ правъ на это.

Съ этой многоголовой гидрой покровителей откупа и съ обладателемъ новаго ящика Пандоры, въ лицѣ откупщика, вступилъ въ борьбу Гротъ. Обновленіе личнаго состава чиновниковъ, за-

прещеніе откупной дани въ какой бы то ни было формѣ, настойчивое требованіе выставки цѣнъ, утвержденныхъ Сенатомъ, дали почувствовать откупу непреклонность и энергію новаго врага. Полетѣли жалобы, и предъ Гротомъ не разъ вставалъ призракъ отвѣтственности за превышеніе власти. Такъ, желая хоть отчасти возмѣстить своимъ чиновникамъ отсутствіе откупной дани прибавкой къ скудному жалованью, *миролюбивый* Гротъ сталъ дѣйствовать *порохомъ*, т.-е. самовольно увеличилъ продажную цѣну казеннаго пороха. Въ Петербургѣ на него хмурились, отмѣняли его распоряженія, но онъ не унывалъ, и, наконецъ, вмѣстѣ съ Заблоцкимъ-Десятовскимъ—человѣкомъ, который, по выраженію Кавелина, „открывалъ дверь въ будущую Россію“,—положилъ основаніе уничтоженію откупа и новой акцизной системѣ. На обычное у насъ опасеніе министра финансовъ Княжевича, что не найдется людей для добросовѣстнаго выполненія акцизнаго надзора, Гротъ утверждалъ, что люди есть,—надо только умѣть ихъ найти. Назначенный директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ, онъ осуществилъ эту увѣренность, и на кличъ его собрались честные и умѣлые дѣятели, образовавшіе безупречное вѣдомство, съ которымъ Гротъ остался навсегда въ тѣсной дружбѣ и нравственномъ единеніи. Стойко пережилъ онъ и послѣднюю борьбу предъ обнародованіемъ отмѣны откуповъ. Тогда въ него, послѣ неудачныхъ попытокъ подкупа, клевета стала бросать уже не камнями, а „цѣлой мостовой“, заподозривая политическую благонадежность его помощниковъ и взывая къ генералъ-адъютантской ревизіи. Въ это же время, въ предсмертныхъ судорогахъ, откупъ, въ заманчивыхъ проектахъ постройки на свой счетъ желѣзныхъ дорогъ, предлагалъ „придать торговлѣ виномъ увлекательное направленіе въ разсужденіи цивилизаціи“...

Принявъ затѣмъ участіе въ выработкѣ земскаго и городового положенія въ ихъ первоначальной и широкой постановкѣ, Гротъ внесъ голосъ своего житейскаго и служебнаго опыта во всѣ серьезные вопросы, бывшіе предметомъ разсмотрѣнія Государственнаго Совѣта, котораго онъ сдѣлался членомъ.

Когда наступаетъ старость и то, что̀ Пушкинъ назвалъ „охлажденьемъ лѣтъ“, очень многіе люди замыкаются въ узколичную жизнь, полную мелочного тщеславія и эгоистическихъ вожделѣній. Чѣмъ ближе конецъ земного, тѣмъ больше земное, преходящее и находящееся подъ ногами, приковываетъ къ себѣ ихъ взоръ. Но не таковъ былъ Константинъ Карловичъ: онъ умѣлъ подымать голову въ сферы, невѣдомыя ногамъ, и рабо-

тать съ энергіей, которая знаетъ, чего она хочетъ, въ противоположность упрямству, которое знаетъ, чего не хотятъ другіе. Дѣятельная любовь къ родинѣ и ближнимъ постоянно открывала ему новыя области приложенія своихъ силъ и упорнаго труда. Такъ встрѣтилъ онъ на своемъ пути *новый видъ слѣпоты.*

Бентамъ назвалъ преступника плохимъ счетчикомъ. Еще правильнѣе было бы назвать его слѣпцомъ по своей или чужой винѣ. Не въ одномъ воздаяніи смыслъ наказанія. На немъ давно уже написано слово „исправленіе", и тамъ, гдѣ исправленіе организовано разумно и съ пониманіемъ индивидуальныхъ свойствъ человѣческой природы, тамъ оно способно вызвать прозрѣніе. Наши старыя мѣста заключенія были совершенно чужды этой задачѣ, и великодушныя усилія отдѣльныхъ человѣколюбцевъ—въ родѣ „святого доктора" Гааза—только подчеркивали и оттѣняли черствость и бездушіе общаго устройства. Тюрьма въ грубыхъ и неопытныхъ рукахъ, подъ бездушнымъ бюрократическимъ надзоромъ, была во многихъ отношеніяхъ безчеловѣчна, лишь усугубляя нравственную слѣпоту заключенныхъ. Необходима была реформа не только въ учрежденіяхъ, но и въ людяхъ, и этому дѣлу отдался Гротъ въ своихъ работахъ по тюремному преобразованію, въ своихъ участіяхъ въ тюремныхъ конгрессахъ и въ своемъ завѣдываніи главнымъ тюремнымъ управленіемъ, во главѣ котораго онъ стоялъ, пока ложное положеніе министра безъ самостоятельнаго бюджета не показало ему безпочвенности его усилій.

И какъ главноуправляющій IV-мъ отдѣленіемъ государевой канцеляріи, онъ удѣлилъ немало мѣста заботамъ о несчастныхъ, столь близко подходящимъ къ слѣпцамъ—заботамъ о пораженныхъ *звуковою слѣпотою*, т.-е. о глухонѣмыхъ. Онъ стремился ввести обученіе этихъ пасынковъ природы по звуковому методу, расширилъ существующее для нихъ учрежденіе и помогъ приволжскимъ колонистамъ основать у себя училище и пріютъ для глухонѣмыхъ.

Нужно ли говорить о дѣлѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни, связывающемъ его имя навсегда съ попечительствомъ о слѣпыхъ, т.-е. о его борьбѣ со *слѣпотой* въ прямомъ смыслѣ слова. Подробный отчетъ за первое двадцати-пятилѣтіе существованія этого учрежденія указываетъ, въ яркихъ цифрахъ и данныхъ, все, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Гротъ. Достаточно сказать, что уже десять лѣтъ назадъ въ Россійской имперіи было 190.000 слѣпыхъ, что составляетъ около двухъ человѣкъ на тысячу, тогда какъ въ западной Европѣ ихъ вдвое меньше; что по отчетамъ медицинскаго департамента за 1891 годъ

изъ 85.000 человѣкъ, обращавшихся за медицинской помощью по глазнымъ болѣзнямъ амбулаторно, 40.000 находились въ рабочемъ возрастѣ; что 17% изъ неспособныхъ къ военной службѣ, изъ общаго числа всѣхъ къ ней призываемыхъ, приходилось больныхъ глазами—и что на 1.200.000 больныхъ, перебывавшихъ за годъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, 50.000 были страдающіе глазными болѣзнями. Для помощи этимъ страдальцамъ существовало два-три маленькихъ учрежденія чисто-казеннаго характера...

Ставъ во главѣ попечительства о слѣпыхъ,—исторія возникновенія котораго очень поучительна, — Гротъ былъ старъ и пораженъ душевнымъ горемъ. Уже въ преклонные годы его жизнь украсила собою любимая и заботливая супруга. Онъ могъ, подобно своему великому лицейскому товарищу, сказать, что „на его закатъ печальный любовь блеснула улыбкою прощальной". Этотъ отблескъ счастья продолжался недолго, но когда послѣднее померкло, Гротъ не отдался всецѣло личной скорби, не опустилъ рукъ „въ нѣмомъ бездѣйствіи печали". Онъ не забылъ, что къ *тому берегу*, уже по времени недалекому, еще приходится плыть по морю человѣческихъ страданій и немощей. Онъ понялъ, что несчастнымъ слѣпцамъ нужна не простая единичная помощь, а *попеченіе*. Для того же, чтобы послѣднее было успѣшнымъ, нужно *объединеніе* помощи и помогающихъ. Для этого слѣпыхъ надо обучать, создавая училища широкою рукою и готовя для нихъ кадры преподавателей и запасы цѣлесообразныхъ учебныхъ пособій; нужно устраивать мастерскія для взрослыхъ и организовать сбытъ ихъ издѣлій; нужно призрѣвать немощныхъ и старыхъ и посылать летучіе окулистическіе отряды всюду, гдѣ въ нихъ есть нужда. Этому посвятилъ онъ всѣ свои силы, и къ концу его дѣятельности по попечительству, на мѣстѣ небольшого и бѣднаго убѣжища, выросло учрежденіе, имѣющее 3 милліона капитала, на 900.000 рублей недвижимой собственности, 21 училище, ремесленныя убѣжища для трудящихся, мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ на 60 человѣкъ, основанныя на личныя средства Грота, 2 убѣжища для престарѣлыхъ слѣпцовъ и 3 глазныхъ лечебницы. Такъ, среди моря человѣческаго несчастія, осуществлялось трудами Грота и его сотрудниковъ, требованіе умирающаго Гёте: „Licht! mehr Licht!"—и маленькій островокъ сердечнаго участія къ слѣпымъ воинамъ разросся въ прочный и богатый материкъ человѣколюбиваго попеченія о слѣпыхъ вообще. И все это сдѣлалось безъ самохвальныхъ рекламъ, безъ обычныхъ сует-

ныхъ базаровъ и сомнительныхъ лотерей. Эти проявленія акробатической филантропіи были замѣнены по указаніямъ О. К. Адеркаса и по мысли С. А. Эллисъ заботливымъ изысканіемъ средствъ для добраго дѣла среди лежавшихъ мертво капиталовъ и привлеченіемъ народной лепты, даваемой въ молитвенномъ настроеніи въ недѣлю о слѣпомъ.

Таковы заслуги Грота, какъ общественнаго дѣятеля, дающія ему право на то, чтобы, по свободному почину, былъ увѣковѣченъ въ бронзѣ его серьезный и вдумчивый ликъ.

Случается, однако, что и людское правосудіе оказывается *слѣпымъ*. Между нимъ и отдаленнымъ потомствомъ стоитъ время, про которое итальянцы говорятъ, что оно—„порядочный человѣкъ". Порядочность предполагаетъ правдивость; эта правдивость заставляетъ иногда всплывать воспоминанія о такихъ чертахъ и поступкахъ, которые вынуждаютъ потомство въ недоумѣніи останавливаться передъ инымъ памятникомъ и мысленно низводить изображеннаго съ пьедестала. Въ этомъ уже слышится голосъ того правосудія, которое, по народной поговоркѣ, „правду видитъ, да не скоро скажетъ". Тутъ наступаетъ—вмѣсто суда надъ итогомъ общественной дѣятельности человѣка—судъ надъ всей его личностью, съ вопросомъ, все ли сдѣлалъ онъ, что онъ не только могъ, но и долженъ былъ сдѣлать.

Этотъ судъ память о Гротѣ выдерживаетъ спокойно. Вѣковая китайская мудрость устами Конфуція вѣщаетъ, что уваженіе къ человѣку должно измѣряться тою степенью любви къ людямъ, на которую онъ способенъ. Всѣ, кто зналъ Грота, кто имѣлъ счастливый случай встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, знаютъ, какъ велика въ немъ была *дѣятельная любовь* къ людямъ, не показная и шумная, а та, при которой, по прекрасному выраженію Анатоля Франса, „le cœur fleurit en dedans". Для близорукихъ людей его сдержанность, размѣренная рѣчь и спокойная манера себя держать были основаніемъ для поспѣшныхъ заключеній о его черствости и холодности. Но истинному и глубокому чувству не слѣдуетъ размѣниваться на мелкую монету. Оно должно теплиться, какъ *неугасимая* лампада, предъ образомъ правды и добра, а не кратковременно блистать на базарѣ житейской суеты, какъ шкалики въ праздничный день. Девизъ истинной сердечной доброты, сосредоточенной на дѣлѣ, а не на словахъ:—„Non multa, sed multum". Это чувствовали слѣпыя дѣти и духовнымъ взоромъ прозрѣвали то, чего не усматри-

валъ поверхностный взоръ случайныхъ наблюдателей. Когда къ нимъ пріѣзжалъ глава попечительства, они съ радостью окружали „дѣдушку Грота“ и *видѣли* незрячими очами, *что* живетъ въ его отверстомъ для нихъ сердцѣ. Поэтому открытый сегодня памятникъ проченъ. Онъ будетъ служить нѣмымъ и непререкаемымъ свидѣтелемъ, что покуда существуютъ въ человѣчествѣ скорбь и несчастіе, Богъ избираетъ и посылаетъ благородныхъ и стойкихъ борцовъ съ ними.

Въ день своей смерти Гротъ сказалъ, въ минуту краткаго просвѣтлѣнія сознанія: „*сегодня торжественный день*“. Онъ былъ правъ. Для людей его закала смерть не есть уничтоженіе—это лишь день наступленія отчета, передъ Пославшимъ въ міръ, въ томъ, что сдѣлано для міра. Чѣмъ чище и богаче этотъ отчетъ, тѣмъ торжественнѣе и этотъ день.

Сходя въ могилу, Гротъ завѣщалъ созданнымъ имъ учрежденіямъ продолженіе своего дѣла. Вглядываясь въ дѣятельность попечительства послѣ его смерти, мы видимъ, что оно продолжаетъ служить его завѣтамъ. Сегодня и у попечительства торжественный день. Пускай же вокругъ этого памятника все шире и глубже развивается дѣятельность послѣдняго и пусть съ благодарнымъ чувствомъ приходятъ къ нему спасенные отъ слѣпоты или отъ связанныхъ съ нею нищеты и безпомощности. Пусть живетъ среди нихъ свѣтлое воспоминаніе о томъ, кто, покидая свою многотрудную и многополезную жизнь, могъ сказать словами евангельскаго слѣпца: „Я видѣлъ Христа, и Онъ говорилъ со мною“.

А. Ѳ. Кони.

МЕЖДУ СВѢТОМЪ И ТЬМОЙ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Небольшой, густо заросшій и запущенный паркъ, прилегавшій къ старому усадебному дому, сильно намокъ отъ дождя за ночь; вѣтви деревьевъ безсильно опустились подъ тяжестью влаги; на дорожкахъ, поросшихъ сорной травой, образовались лужи.

На перекресткѣ двухъ аллей стояла статуя какой-то миѳологической богини. Она была когда-то бѣлая, изъ мрамора, а теперь сдѣлалась неопредѣленнаго сѣро-зеленаго цвѣта, покрытая мѣстами ржавчиной и плѣсенью, кое-гдѣ, въ трещинахъ, поросшая мхомъ. Желтые листья всѣхъ оттѣнковъ осенняго золота—отъ блѣдно-лимоннаго до мѣдно-краснаго—падали на плечи богини и прилипали къ нимъ...

Истоминъ шелъ по главной аллеѣ парка, въ лѣтнемъ пальто.

Онъ вздрагивалъ отъ холода и плотно засовывалъ руки въ карманы, нахлобучивъ мятую фѣтровую шляпу на самые глаза.

Онъ шелъ, уныло глядя передъ собою, не замѣчая, когда попадалъ калошами въ стоячія лужицы, изъ которыхъ брызги летѣли во всѣ стороны.

Онъ не замѣчалъ ни этихъ набухшихъ отъ осенней влаги деревьевъ, ни порывовъ вѣтра, ни яснаго, холоднаго неба, потому что у него самого на душѣ была осенняя хмурь.

И только почему-то видъ когда-то бѣлой мраморной статуи, покрытой по плечамъ желтыми листьями, произвелъ на него впе-

чатлѣніе, и онъ остановился передъ ней въ оторопѣломъ недоумѣніи.

Истоминъ долго и сосредоточенно смотрѣлъ на нее.

Бѣдная богиня! Бѣдный божественный мраморъ! Когда-то невѣдомый художникъ далекой страны старался воплотить въ тебѣ эллинскій духъ пластической красоты.

Гдѣ теперь творецъ и что сталось съ его твореніемъ? Думалъ ли онъ, что его богинѣ придется разрушаться медленной смертью въ глуши запущеннаго парка, въ чужой странѣ, гдѣ небо хмуро такъ же, какъ и люди, живущіе подъ нимъ?

И вдругъ какая-то неизъяснимая тоска, тяжелое уныніе охватило душу Истомина.

Ему захотѣлось плакать.

Такъ, вотъ, поплакать безъ причины, какъ плачутъ иногда маленькія дѣти: поплакать о себѣ, о томъ, что прошло лѣто, что прошла жизнь, что впереди—вотъ такая же глухая осень съ ея тяжелыми слезами, съ грустнымъ листопадомъ, когда свѣтлыя мечты, пожелтѣвшія и потускнѣвшія отъ прикосновенія времени, падаютъ одна за другой, какъ эти листья, падаютъ съ высоты на низины, чтобы образовать благодатный перегной для будущей зеленой жизни.

А вдали, на пройденномъ пути этой жизни, словно рѣдкіе этапные столбы, стоятъ вотъ такія статуи, которыя когда-то казались божествами, вотъ какъ эта жалкая статуя съ отбитымъ носомъ и пальцами, съ задѣланной въ желѣзный обручъ ногой.

Должно быть, мѣстный кузнецъ, по приказанію помѣщицы, скрѣпилъ желѣзнымъ кольцомъ треснувшую у икры ногу богини...

II.

— Здравствуйте, Сергѣй Ивановичъ! — крикнулъ Истомину господинъ, выходившій изъ противоположной аллеи.

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ отъ неожиданности. У него была эта привычка испуганнаго жизнью человѣка. Кто бы его ни окликнулъ, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился, онъ всегда внутренно вздрагивалъ и ощущалъ какое-то неудобное, странное чувство.

Онъ боялся людей.

— Здравствуйте, Петръ Петровичъ! — отвѣтилъ онъ и протянулъ руку.

Петръ Петровичъ крѣпко потрясъ протянутую ему руку.

— Вотъ, говорятъ, петербургскіе встаютъ поздно, долго спятъ. А выходитъ—клевета! Что̀? вышли подышать сыростью? Любуетесь на это античное произведеніе искусства? Мечтаете? Вы ужъ, кажется, на отлетѣ? Скоро покидаете маменьку?

Истоминъ не зналъ, на какой изъ вопросовъ ему отвѣтить. Онъ терялся отъ этой неметодичной манеры Петра Петровича закидывать собесѣдника сразу нѣсколькими вопросами.

— Да...—протянулъ онъ нехотя и нерѣшительно, отвѣчая на послѣдній вопросъ,—собираюсь.—Потомъ помолчалъ немного и прибавилъ:—Пора!

— Осень у насъ нехорошая; я думаю, не лучше петербургской,—продолжалъ словоохотливый Петръ Петровичъ.—А что̀, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я никогда не былъ въ Петербургѣ—я кончилъ медицинскій факультетъ въ Харьковѣ,—вскользь прибавилъ онъ.—Слѣдовало бы поѣхать, а? Просто такъ, посмотрѣть на это чудище? И дѣла̀ теперь тамъ необыкновенныя творятся, время интересное, а? Вы когда ѣдете?

— Въ концѣ недѣли, думаю...—нерѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ Истоминъ.

— Въ концѣ недѣли?.. Можно съ вами пройтись? Елена Васильевна еще не встала, безъ нея не дадутъ намъ чаю. Порядки, сами знаете—правленіе въ ея домѣ монархическое, неограниченное...

— Пройдемся.

— Сергѣй Ивановичъ! Вы въ настроеніи мечтательномъ. Ежели поинтервьюировать—не обидитесь? Чему приписать эту мечтательность? Влюбленности или—„taedium vitae“? Простите провинціальное любопытство. Оно отчасти и профессіональное, ибо вы—паціентъ, а я—врачъ.

— Ахъ, что̀ вамъ сказать, Петръ Петровичъ?!—отвѣтилъ Истоминъ, шагая рядомъ съ врачомъ по лужамъ парковыхъ аллей.—Я здѣсь прожилъ мѣсяцъ,—этого довольно, чтобы впасть въ удрученное состояніе духа. Всѣ кругомъ устали, и я усталъ. Отчего люди такъ устаютъ въ Россіи?

Петръ Петровичъ ловко перепрыгнулъ черезъ большую лужу, крѣпко сталъ на свои короткія ноги, засунулъ лацкана своего толстаго осенняго, сильно порыжѣвшаго пальто одинъ за другой, нахлобучилъ плюшевую шапку на самыя брови, крякнулъ и сказалъ:

— Я думаю такъ, дорогой мой, что отъ неупотребленія.

— Какъ отъ неупотребленія?

— Да такъ. Отъ неупотребленія своихъ физическихъ и нрав-

ственныхъ силъ. Ежели человѣкъ долго лежитъ на кушеткѣ, ну, скажемъ, шесть мѣсяцевъ, то онъ отучается ходить. Ежели человѣкъ заточенъ въ одиночное заключеніе и лишенъ возможности говорить, — онъ теряетъ способность управлять рѣчью и голосомъ. Оттого... Вотъ чудная аллея—ровно туннель. Пройдемся?

— Пройдемся.

— Я не усталъ,—продолжалъ онъ, оглядывая сбоку Истомина.—Я не усталъ. А я старше васъ. На немного, положимъ, но старше. Вамъ сколько?

— Сорокъ-шестой.

— Вотъ видите. А мнѣ, ежели по вашему примѣру употреблять порядковую форму — девятый. Сорокъ-девятый-съ. Да! А я не усталъ. Вотъ вы устали. Уже стали немного горбиться. Немного, а все же! И волосы сѣдые; глаза еще молодые, но уже огонекъ усталости, да-съ. А я крѣпышъ—вотъ какъ этотъ бѣлый грибъ.

Онъ потрогалъ свѣтло-каштановую шляпку гриба, пріютившагося въ травѣ, у самой почти дороги, подъ толстымъ стволомъ дерева.

— Ишь вѣдь какъ крѣпко сидитъ!.. — проговорилъ онъ. — Ну, и пущай-себѣ сидитъ. Мы его трогать не будемъ... А почему? Почему я не усталъ? Да потому что я работалъ. Устаютъ отъ излишка работы, отъ пресловутаго переутомленія, и устаютъ отъ недостатка работы, отъ ничего-недѣланія. А? Вы не согласны?

Истоминъ ничего не отвѣтилъ.

— Я, на дняхъ, уѣзжаю,—сказалъ онъ первое, что подвернулось ему на языкъ и что, очевидно, наиболѣе занимало его.— Я радъ тому, что уѣзжаю.

Врачъ усмѣхнулся.

— Устали,—проговорилъ онъ.—Устали въ нашихъ богоспасаемыхъ палестинахъ. Да-съ! Режимъ вашей матушки, Богъ ей судья!.. Отъ режима и устали и отъ нея самой.

Истоминъ грустно улыбнулся.

— Я не видѣлся съ нею одиннадцать лѣтъ.

— Слыхалъ, ходили слухи. Разные слухи. Который вѣренъ— не знаю, — съ скрытымъ любопытствомъ сказалъ онъ. — Аллея кончилась. Здѣсь когда-то были оранжереи—барскія затѣи. Теперь, видите, парники съ битыми стеклами, а внутри—бурьянъ. „Attalea princeps!“—усмѣхнулся онъ.—Красивое растеніе, стремящееся въ высь, къ воздуху и свѣту, и ради этого стремленія разбившее верхушкой преграду. Однако, повернемъ назадъ, ибо

15908
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

здѣсь тупикъ. Еще недавно огромнымъ глухимъ тупикомъ была вся русская жизнь. Но нѣтъ тупика, въ которомъ нельзя было бы сдѣлать брешь, а?... Такъ вы съ ней разошлись? А теперь—что же? Миръ?

Истоминъ грустно покачалъ головой.

— Не похоже. Она—мать, я—сынъ, плоть отъ плоти ея и кость отъ кости ея. Но мы такъ же похожи другъ на друга, какъ... какъ... вотъ какъ этотъ парникъ съ битыми стеклами на эту кирпичную стѣну...

— Сходство есть,—возразилъ врачъ.—И парникъ битый, и стѣна съ вывалившимися кирпичами. Я не провожу параллелей, а только констатирую фактъ,—поправился онъ.

Они зашагали въ обратную сторону.

— О, вы можете провести параллель,—сказалъ Истоминъ.—Въ моей жизни много стеколъ, чрезъ которыя проходилъ свѣтъ, разбито. И не я ихъ разбилъ. Вы, кажется, говорили объ „attalea princeps"? Ну, такъ я не гордое растеніе, разбившее стекло, чтобы добраться до источника свѣта. Мнѣ было тепло и хорошо подъ стекломъ. А теперь мнѣ холодно. У матушки тоже повыпало нѣсколько кирпичей въ жизни. Сильно она постарѣла на мой взглядъ.

— Еще бы — семьдесятъ-два года! — живо перебилъ его врачъ.—Законы природы одни. Но она—крѣпкая старуха. Даже до изумительности. И тѣломъ, и духомъ. Не хочетъ сдаваться. Натура прежняго склада. Въ тѣ времена хорошо кроили людей и крѣпко шили ихъ. Теперь производство хуже. А? Вы не согласны?

— Вполнѣ.

— А теперь!.. Впрочемъ, здѣсь и болѣзни-то отстали отъ прогресса. Гдѣ здѣсь апендицитъ, мененгитъ? Двадцать лѣтъ здѣсь практикую, никогда не встрѣчался съ такими штуками. Ну, и удовлетворяю по мѣрѣ силъ и разумѣнія... Такъ съ мамашенькой-то помирились, а?

Они снова подходили къ статуѣ. Врачъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Еще рано. У васъ вѣдь въ домѣ все по часамъ. Чай—въ девять. Ни минуты—раньше, ни секунды—позже. Еще имѣемъ минутъ двадцать.

— Сядемъ,—утомленнымъ голосомъ сказалъ Истоминъ.—Я уже усталъ.

Врачъ поглядѣлъ на него съ усмѣшкой.

— Вотъ оно, поколѣніе когда-то сильныхъ людей! Уже устали.

А я—выродокъ изъ этого поколѣнія. Я крѣпокъ. Ну, сядемъ. Скамейка есть,—но достаточно прогнившая и еще болѣе достаточно сырая. А впрочемъ... сядемъ. Садитесь-ка на мою полу. А то простудитесь.

Онъ раскинулъ свое толстое рыжее пальто и подложилъ полу на скамейку.

— Нѣтъ, зачѣмъ же,—началъ-было Истоминъ, но тотъ перебилъ его:

— Садитесь, садитесь, что за церемоніи! Говорю вамъ, что меня ничто не беретъ. Да и не такъ ужъ холодно.

Они сѣли и замолчали.

III.

Истоминъ смотрѣлъ въ глубь только-что пройденной темной аллеи. Небо свѣтлѣло и было чисто отъ облаковъ, покрывавшихъ его за ночь. Но въ немъ не было уже прежней лѣтней голубизны и оно казалось свѣтло-сѣрымъ, холоднымъ и далекимъ.

Онъ взглянулъ на статую. Видъ ея былъ жалокъ. Листья еще болѣе густымъ слоемъ покрывали ея плечи, и казалось, что щеки ея, исполосованныя зелеными потоками, носили на себѣ слѣды слезъ. Больно ли было этой развѣнчанной богинѣ отъ ея жалкаго одинокаго прозябанія, или желѣзное кольцо деревенскаго кузнеца больно давило ея израненную ногу?

Истомину стало грустно. Такъ грустно, что опять захотѣлось плакать. Какой-то комъ подступилъ къ горлу и сталъ въ немъ.

Истоминъ очень любилъ Петра Петровича. Изъ всѣхъ посѣтителей дома матери онъ только въ его присутствіи чувствовалъ себя свободно и хорошо. Это былъ единственный живой человѣкъ, съ простыми взглядами на жизнь, съ добрымъ, хоть и не сентиментальнымъ сердцемъ. Это была, конечно, не тонкая, не сложная, даже довольно грубоватая и примитивная натура; въ немъ много было и провинціальнаго любопытства, и, пожалуй, захолустной неделикатности, но въ немъ была подкупающая простота.

И кромѣ того Истоминъ чувствовалъ, что пришелся по душѣ этому человѣку.

А онъ такъ жаждалъ съ кѣмъ-нибудь сблизиться за эти два мѣсяца пребыванія въ домѣ матери. И сблизиться было не съ кѣмъ. Мать, вѣдь, была ему совсѣмъ чужою, да они и никогда не могли понять другъ друга. А тѣ, что бывали въ домѣ матери и считались ея друзьями... всѣ были ему не по душѣ.

И ему захотѣлось теперь высказаться.

Всю жизнь онъ привыкъ дѣлиться мыслями съ той живой, горячей душой, которой теперь нѣтъ... И вотъ уже почти два года, какъ онъ принужденъ все таить въ себѣ, все рѣшать въ одиночку, обо всемъ молчать. Это тяжело. Иногда такъ хотѣлось бы поговорить, крикомъ крикнуть то, что̀ скопилось въ душѣ, что̀ рвалось наружу, а поговорить было не съ кѣмъ.

Правда, у него, вѣдь, есть сынъ, Миша... Юноша девятнадцати лѣтъ. Мальчикъ, на котораго онъ и его покойная Катюша положили всю жизнь, всѣ чувства, всѣ свои нравственныя силы.

Но при одной мысли о Мишѣ что-то вдругъ захлопнулось въ его душѣ и по ней пробѣжалъ холодокъ. Это уже давно-давно стало повторяться въ немъ. Сначала ему было жутко отъ этого новаго и страннаго чувства къ сыну.

И сейчасъ ему пришло на умъ создать себѣ иллюзію дружбы и взять въ объектъ этой дружбы вотъ этого самаго Петра Петровича съ его грубоватой и простой душой и несложнымъ сердцемъ.

И не долго думая онъ далъ себѣ волю и заговорилъ.

— Петръ Петровичъ! Мнѣ очень бы хотѣлось съ вами поговорить по душѣ. Вы единственный человѣкъ въ домѣ, къ которому у меня лежитъ сердце. Простите за эту навязчивую откровенность.

Петръ Петровичъ схватилъ его руку и крѣпко потрясъ ее.

— Вотъ и спасибо. Я ждалъ этого. Чего тамъ—простите?! Напротивъ, большое спасибо. Давно вижу, а можетъ и чувствую, что у васъ на душѣ горечь, въ родѣ того, что какъ бы душа хиной пропитана.

— Вотъ, вотъ...

Истоминъ опять помолчалъ, не зная, съ чего начать,—такъ обо многомъ ему хотѣлось поговорить.

И, не долго думая, онъ началъ съ того, что̀ первое подвернулось подъ сознаніе.

— Я съ матерью не видѣлся одиннадцать лѣтъ,—повторилъ онъ то, что̀ уже говорилъ.—Одиннадцать лѣтъ. Она меня, кажется, никогда не любила...

— Она—васъ?

— Да не могу сказать, чтобы и я ее любилъ. Всегда были отношенія прохладныя. И чѣмъ дальше шла жизнь, тѣмъ холодъ становился рѣзче.

— А почему?

— Я не знаю... А впрочемъ, я говорилъ вамъ: ужъ очень

огромная разница въ натурахъ. У меня душа мягкая, восковая, у нея — камень и желѣзная воля. Я въ покойнаго отца. Онъ умеръ рано, мнѣ было всего пять лѣтъ. Я его не помню. Но слыхалъ много о немъ. Это былъ добрый баринъ добраго стараго времени... Многое говорили. Говорили, что мать очень плохо жила съ моимъ отцомъ, что онъ былъ у нея въ полномъ подчиненіи и какъ-то зачахъ. Онъ мнѣ оставилъ свое состояніе, вотъ я и живу. Небольшое, но мнѣ достаточно.

Онъ замолчалъ и задумчиво глядѣлъ на медленно падавшіе желтые листья. Петръ Петровичъ не прерывалъ его.

— Я не знаю, о чемъ говорить,—началъ Истоминъ.—Такъ много на душѣ!.. Потомъ мать вышла за Тихменева богатаго помѣщика.

— Знаю...—перебилъ его Петръ Петровичъ.—Кто не зналъ Тихменева! И всю исторію знаю. Онъ скверно жилъ съ Еленой Васильевной и, въ концѣ концовъ, разошелся съ нею, уѣхалъ заграницу, а средства завѣщалъ на благотворительныя учрежденія.

— Меня онъ любилъ. У него не было дѣтей. Онъ любилъ меня больше, чѣмъ мать... Затѣмъ она увезла меня въ Петербургъ, къ теткѣ, своей сестрѣ. Тетка и окончила мое воспитаніе. Я кончилъ университетъ, поступилъ на службу, остался въ Петербургѣ и служу до сихъ поръ.

— Почему же вы такъ давно не видались съ матерью? Я кое-что слышалъ, конечно...

— Ну вотъ... Я женился. Она не хотѣла, чтобы я женился, на комъ я хочу, а непременно на той, кого она выбрала мнѣ въ невѣсты.

Петръ Петровичъ ухмыльнулся.

— На Серебряковой?

— Ну, да.

— Особа зловредная...

Истоминъ махнулъ рукой.

— Вы видѣли ее вчера въ нашемъ домѣ. Я ее встрѣчалъ за эти два мѣсяца не разъ. Она довольна своимъ положеніемъ— жена предсѣдателя земской управы. Злая, своенравная, недалекая... Зачѣмъ матери понадобилось, чтобы она была моей женой—не знаю. Вѣроятно, такъ, безъ всякой опредѣленной цѣли. Вѣдь у нея характеръ деспотическій. Такой же, какъ у нынѣшней Серебряковой; только я не знаю, какъ бы онѣ ужились, обладая такими характерами и сдѣлавшись родственницами.

— Да, это вопросъ интересный,—сказалъ Петръ Петровичъ и ожидалъ дальнѣйшихъ изліяній.

Но Истоминъ молчалъ.

Онъ удовлетворилъ первому порыву, первой потребности говорить, слышать звукъ своего голоса; онъ такъ много, такъ давно молчалъ!

Но вслѣдъ за этимъ желаніе говорить ослабѣло. Сказалъ онъ не то, о чемъ хотѣлъ говорить, и не такъ, какъ хотѣлъ, но все равно; теперь ужъ у него не было особеннаго желанія продолжать разговоръ.

И даже онъ раскаивался въ томъ, что началъ эти изліянія.

Такъ бывало всегда съ Истоминымъ. Въ его душѣ образовалось какое-то чувство цѣломудрія, заключавшееся въ томъ, чтобы не обнажать передъ людьми своихъ душевныхъ ранъ и болячекъ.

Но осенній день съ его холоднымъ вѣтромъ, съ его завѣсой медленно падавшихъ на землю листьевъ, съ его унылымъ голубовато-сѣрымъ небомъ дѣйствовалъ на него возбуждающимъ образомъ.

А Петръ Петровичъ молчалъ и чертилъ что-то своей суковатой палкой по мокрой землѣ. Онъ втыкалъ конецъ палки въ землю и потомъ вытаскивалъ ее; земля хлюпала, и вокругъ образовавшейся дыры дѣлался свѣтло-желтый кругъ. Повидимому, его очень забавляло это занятіе.

И именно это обстоятельство, равнодушный и безучастный видъ Петра Петровича, заставило Истомина снова заговорить.

— Все это дѣло прошлое,—началъ онъ.

Петръ Петровичъ поднялъ голову, оторвавшись отъ своего сосредоточеннаго занятія, и выразилъ удовлетвореніе звукомъ—„ага!“

Издавъ этотъ звукъ, онъ съ прежнимъ сосредоточеннымъ видомъ принялся ковырять землю.

— Ну же, ну же, я слушаю,—поощрялъ онъ пріятеля.

— Да, дѣло прошлое и давно минувшее. Богъ съ нимъ. Я не съ тѣмъ разсказалъ вамъ о своемъ дѣтствѣ, Петръ Петровичъ, чтобы обвинить въ чемъ-нибудь мать...

Петръ Петровичъ воткнулъ глубже палку въ землю, такъ что съ трудомъ выхватилъ ее, и подумалъ:

„Ну, гдѣ тебѣ кого-нибудь обвинить... божья коровка“...

— Я не обвиняю ее,—продолжалъ Истоминъ. — Она человѣкъ стараго времени и старыхъ порядковъ. Ее трудно передѣлать, да и къ чему—ей восьмой десятокъ пошелъ. Освобожденіе крестьянъ вышибло ее изъ колеи жизни. Она никогда не могла въ душѣ освоиться съ новыми взглядами и никогда не могла понять, что на людей можно смотрѣть какъ на свободныя существа.

— А, вѣдь, это опять прошлое! — перебилъ его Петръ Петровичъ, желая навести на новую тему.

— Ну, да, прошлое, милый Петръ Петровичъ. Но прошлое властно врывается въ настоящее и составляетъ звено цѣпи. Вѣдь не бываетъ такъ, чтобы сразу настало новое время, — оно всегда завалено обломками прошлаго. Старые элементы играютъ въ немъ огромную роль, а новые люди — вотъ это дѣти сходящихъ съ арены поколѣній.

Онъ остановился, задумался и сказалъ:

— Не умѣю я говорить кратко и дѣльно. Отчего это? Оттого что мнѣ много молчать приходилось, и я отвыкъ говорить связно. Такъ много накопилось. Не пора ли домой? — вдругъ съ сильнымъ безпокойствомъ спросилъ онъ.

Петръ Петровичъ выдернулъ свою палку и засмѣялся.

— Трепетъ-то передъ маменькой все еще существуетъ.

Истоминъ печально улыбнулся.

— Представьте себѣ — да. До сихъ поръ! Не могу я отдѣлаться отъ этого чувства.

Петръ Петровичъ взглянулъ на часы.

— Еще время есть. Самоваръ стоитъ на столѣ часъ. Теперь четверть десятаго; у насъ еще три четверти часа. Но это все равно. Я беру на себя всю отвѣтственность. Скажу, что затащилъ васъ къ себѣ, и не отпускалъ.

— Вамъ попадетъ! — чисто по-дѣтски сказалъ Истоминъ, и этотъ дѣтскій тонъ, — простой и искренній — такъ шелъ къ его сѣдѣющимъ волосамъ и усталому взору, что Петръ Петровичъ съ умиленіемъ посмотрѣлъ на него и въ тотъ же тонъ отвѣтилъ:

— Я не боюсь. Попадетъ, такъ попадетъ, — не впервые.

IV.

И вдругъ Истоминъ заторопился. Ему показалось, что если онъ теперь не скажетъ всего, что омрачало его душу, то онъ больше никому и никогда не скажетъ объ этомъ, и уѣдетъ съ этой тяжестью на душѣ.

— Ну, ладно! Такъ не будемъ говорить о прошломъ, т.-е. о далекомъ прошломъ. Я только скажу о себѣ: я женился безъ воли матери и былъ счастливъ семнадцать лѣтъ. То-есть, понимаете ли, вполнѣ счастливъ, какъ можетъ быть только счастливъ человѣкъ.

Что-то дрогнуло въ его голосѣ и заклокотало въ его душѣ. Онъ никогда не могъ думать равнодушно объ этой подлой несправедливости судьбы, которая такъ жестоко, такъ безсмысленно лишила его счастья.

— Моя женитьба окончательно поссорила меня съ матерью. Она не могла мнѣ простить ослушанія ея воли. Она никогда не знала моей жены и никогда не хотѣла видѣть своего внука, моего сына, которому теперь девятнадцать лѣтъ.

— Да, это женщина твердыхъ принциповъ,—съ насмѣшкой сказалъ Петръ Петровичъ. — Для нея, вѣдь, всѣ люди крѣпостные, и сынъ—крѣпостной сынъ.

— Вы ее знаете. Я любилъ свою Катюшу; право, не преувеличивая скажу,—больше жизни. Это было существо нѣжное, доброе, съ пылкимъ, горячимъ сердцемъ. Она много страдала отъ моего разлада съ матерью. Два года тому назадъ она умерла послѣ года тяжкихъ мученій.

Глухое, еле удержанное рыданіе остановило Истомина, и онъ не могъ продолжать.

Нѣкоторое время длилось тяжелое молчаніе. Не прерывалъ его и Петръ Петровичъ.

Потомъ, собравшись съ силами, Истоминъ началъ:

— Я до сихъ поръ не могу помириться съ мыслью, что ея ужъ нѣтъ. Я любилъ ее; это была моя единственная привязанность въ жизни. Серьезная, глубокая. Мать не хотѣла признать ее, я сталъ для нея чужимъ,—впрочемъ, я и всегда былъ для матери чужимъ. Она не хотѣла признать и внука. Она ни разу не видѣла его.

Онъ говорилъ короткими, отрывистыми фразами, точно у него не хватало дыханія на длинную рѣчь. Петръ Петровичъ слушалъ его молча. То, что онъ говорилъ, не было для него новостью; объ этомъ было извѣстно, даже со многими преувеличиваніями, какъ это всегда бываетъ въ провинціи. Но ему интересно было слышать эту исторію изъ устъ самого Истомина.

— Потомъ Катюша умерла, — продолжалъ Сергѣй Ивановичъ.—Я думалъ, что умру и я. Мнѣ страстно хотѣлось этого. Но у меня на рукахъ остался сынъ. Мы вложили въ этого мальчика всю душу, всю любовь, всю заботливость. Онъ одинъ былъ у насъ.

Печать тяжелой грусти легла на измученное лицо Истомина, когда онъ заговорилъ о сынѣ. Что-то тяжелымъ вихремъ промчалось у него по душѣ, и онъ чутко прислушивался къ этому новому ощущенію, которое уже повторялось въ послѣднее время не разъ, но каждый разъ казалось ему новымъ.

— Теперь Мишѣ девятнадцать лѣтъ. Это уже не мальчикъ, это—молодой человѣкъ.

Онъ замолчалъ, растеряннымъ взглядомъ оглянулся вокругъ и опустилъ голову.

Петръ Петровичъ внимательно взглянулъ на него.

„Онъ не все сказалъ,—подумалъ онъ:—у него на душѣ еще есть камень".

Истоминъ поднялъ голову и, поколебавшись съ мгновеніе, рѣшился наконецъ:

— Хуже всего то,—глухимъ, чуть слышнымъ голосомъ сказалъ онъ,—это то,—что я полюбилъ...

„Ага! — успокоительно проговорилъ про себя Петръ Петровичъ.—Вотъ это самое и есть".

Но онъ ничего не сказалъ Истомину, хотя тотъ, очевидно, ждалъ отъ него восклицанія или удивленія.

Не дождавшись ничего, Истоминъ продолжалъ:

— Я никогда не думалъ, что буду способенъ на это. Любовь къ Катюшѣ исключала всякую возможность подобнаго случая. Но это пришло. Пришло внезапно, неожиданно, нелѣпо, какъ все въ жизни. И теперь я страдаю. Во мнѣ какая-то двойственность. Я продолжаю любить Катюшу, всѣми силами, всѣми помыслами души. Но новая любовь не является какъ-то оскорбленіемъ ея памяти. Эти двѣ любви уживаются вмѣстѣ въ моей душѣ. Это дико, но это такъ, милый Петръ Петровичъ. Что же вы ничего не говорите?

Петръ Петровичъ крякнулъ.

Онъ хотѣлъ бы сказать что-нибудь и самъ чувствовалъ, что молчать неудобно. Но онъ не находилъ ничего подходящаго.

— Что же? — проговорилъ онъ, наконецъ. — Это естественно.

На лицѣ Сергѣя Ивановича появилось радостное выраженіе.

— Это естественно?—спросилъ онъ.—Вы это серьезно?

— Само собой. Это естественно. Человѣкъ живетъ. Сердце человѣка бьется; душа жаждетъ общенія и любви. Нельзя жить призраками. Съ вами случилось великое несчастье; душа ваша была изранена. Самыя глубокія раны, въ концѣ концовъ, залечиваются. Остаются швы, которые болятъ иногда, можетъ быть долго будутъ болѣть. Но человѣкъ въ общемъ здоровъ. Вы молоды еще...

Сергѣй Ивановичъ усмѣхнулся и махнулъ рукой.

— Ну...—протянулъ онъ.

— А конечно же!—съ убѣжденіемъ сказалъ Петръ Петровичъ.—Сорокъ-пять лѣтъ! Не старикъ же вы. А?

Истоминъ ничего не отвѣтилъ.

Ему было пріятно, что его считаютъ еще молодымъ, и какъ-то конфузно передъ самимъ собой.

— Ну, что-жъ!—началъ Петръ Петровичъ.—Коли любите—женитесь. А? Что̀ съ вами?

На лицѣ Истомина отражалась глубокая грусть. Онъ еще ниже свѣсилъ голову и отрицательно закачалъ головой.

— Это невозможно. Она замужемъ. Она много, много моложе меня.

Петръ Петровичъ протяжно свистнулъ.

— Э-ва! Вотъ такъ исторія!

— И потомъ—Миша.

— Ну, это вздоръ-съ! Миша самъ, гляди, года черезъ два женится. У нихъ это теперь въ модѣ. Жениться въ двадцать лѣтъ на-черно, для пробы, зря, а потомъ развестись и вновь жениться уже на-бѣло. А? Вы не согласны?

Истоминъ промолчалъ.

— Ну, что же,—началъ Петръ Петровичъ:—она замужемъ, но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, любитъ ли она васъ?

— О, да! — съ необыкновенной живостью отвѣтилъ Истоминъ.

— Чудесно! Тогда есть коррективъ. Есть такое благодѣтельное учрежденіе—разводъ.

Истоминъ отрицательно покачалъ головой.

— Это невозможно, она не захочетъ этого. Чтобы понять, почему—надо ее знать...

— Такъ вы разскажите. Я, вѣдь, деревенскій житель, многихъ тонкостей не понимаю. И женщинъ, особливо новыхъ — не знаю... Эге! Вотъ бѣжитъ Агаша. Чрезвычайный посолъ маменьки. Очевидно—„требуютъ". Требуютъ и гнѣваются.

Агаша добѣжала до нихъ, шлепая по лужамъ и разбрасывая вокругъ брызги. Она запыхалась; грудь ея высоко вздымалась.

— Ну, что же? — спросилъ ее Петръ Петровичъ. — Требуютъ?

— Извѣстно, требуютъ. Маменька гнѣваются, — обратилась она къ Сергѣю Ивановичу.

— Ага! Что̀ я говорилъ? На что же собственно гнѣваются?

— Извѣстно, на то, что опоздавши къ чаю. Самоваръ надо убирать.

— Тэкъ-съ. Срокъ прошелъ. Все по часамъ. Милая!—обратился онъ, какъ будто, къ Агашѣ. — Время есть несомнѣнная сущность, нѣчто реальное, существующее въ природѣ. И даже существованіе самовара подчинено этой сущности. Но, милая, время измѣряется часами, а часы, какъ механизмъ, изобрѣтеніе матеріальное и притомъ изобрѣтеніе генія человѣческаго. А посему: не человѣкъ существуетъ для часовъ, а часы для человѣка. Есть минуты въ человѣческой жизни, и даже, о, милая дѣвушка, бываютъ такія мгновенія, когда можно самоваръ и весь чайный ритуалъ отправить ко всѣмъ чертямъ и его приснымъ.

Агаша только хлопала глазами, слушая эту рѣчь; она нѣсколько разъ срывалась съ мѣста, чтобы бѣжать къ усадьбѣ, но взоръ Петра Петровича приковывалъ ее. Въ концѣ концовъ, она разсердилась, какъ-то нелѣпо взмахнула руками и сказала:

— Ужъ вы завсегда наговорите такого... А между прочимъ барыня ждутъ.

— А между прочимъ мы идемъ. Мчись, вѣстница-рабыня!

Агаша быстро перевернулась на каблукахъ и помчалась по лужамъ, заплепывая свой подолъ брызгами.

Сергѣй Ивановичъ давно уже заторопился. Онъ съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія шутовскихъ выходокъ пріятеля и имѣлъ видъ провинившагося школьника, который торопится къ отвѣту.

Петръ Петровичъ лѣнивой походкой поплелся за Истоминымъ, который шелъ торопливо, ничего не говоря.

V.

Въ столовой сидѣла у самовара Тихменева, а рядомъ съ ней пожилой господинъ, бритый какъ актеръ, съ синими щеками и подбородкомъ. Черты лица его были мелки и невыразительны, а маленькія губы онъ держалъ сердечкомъ. На маленькомъ и кругленькомъ носу съ большимъ трудомъ держалось массивное pince-nez, которое онъ ежеминутно старался плотнѣе усадить на еле замѣтную переносицу. Онъ весь былъ какой-то вылощенный, чистенькій, опрятненькій, точно только-что вышелъ изъ ванны и отъ парикмахера.

Противъ него сидѣла дама, которой было около сорока лѣтъ. Даже сидя, она казалась выше своего vis-a-vis. Она была въ простомъ ситцевомъ капотѣ, небрежно причесана и на лицѣ ея

виднѣлись слѣды плохо стертой пудры. Она была вся какая-то безцвѣтная, плоская и производила непріятное впечатлѣніе.

Это были гости Тихменевой, гостившіе въ ея домѣ. Онъ былъ предсѣдатель земской управы, она—его жена.

Войдя въ столовую, Сергѣй Ивановичъ робкимъ взоромъ скользнулъ по фигурѣ матери.

Старуха имѣла удивительно бодрый видъ для своихъ почтенныхъ лѣтъ. Она была очень высокаго роста, очень сухощава. Щеки ея были слегка подрумянены, что̀ производило особенно непріятное впечатлѣніе, потому что лицо ея было во̀ всякомъ случаѣ старо и морщинисто. На головѣ ея сидѣла кокетливо прилаженная наколка изъ черныхъ кружевъ съ лиловыми лентами.

Сергѣй Ивановичъ торопливой походкой провинившагося школьника подошелъ къ ней подъ взорами гостей и почтительно поцѣловалъ ей руку.

— Здравствуйте, мамаша,—сказалъ онъ,—какъ спали? Она выдернула у него руку и сухо отвѣтила:

— Здравствуй.

Онъ поздоровался съ предсѣдателемъ управы и его женой и сѣлъ рядомъ съ нею. Около него усѣлся Петръ Петровичъ, который съ весьма независимымъ видомъ издали поклонился старухѣ и ея гостямъ.

— Мы немножко опоздали,—суетливо говорилъ Сергѣй Ивановичъ, чувствуя какую то неловкость положенія: — утро такое чудное... А вы не гуляете по утрамъ, Никаноръ Игнатьевичъ?—спросилъ онъ у предсѣдателя.

— Избѣгаю. То-есть, я бы ничего, да вотъ Елизавета Ѳедоровна — онъ указалъ на жену — боится за меня, хе-хе... — Онъ засмѣялся и умолкъ.

— Что̀ за прогулки осенью въ сырость?—кислымъ голосомъ сказала Елизавета Ѳедоровна.—Онъ, — она кивнула головой на мужа, — все еще изображаетъ изъ себя юношу. А онъ просто мышиный жеребчикъ, удрученный ревматизмами.

„Мышиный жеребчикъ“ всплеснулъ руками въ комическомъ ужасѣ.

— Пощади, Лиза!—проговорилъ онъ.—Во-первыхъ, что это за выраженіе—мышиный жеребчикъ: оно неприлично и логически нелѣпо. Во вторыхъ, откуда ты взяла у меня ревматизмы? Петръ Петровичъ, — крикнулъ онъ, усаживая плотнѣе pince-nez, доктору, — достойнѣйшій нашъ эскулапъ! Опровергните показаніе моей многоуважаемой половины и доложите ей...

— Я за чайнымъ столомъ діагнозовъ не ставлю, — сухо отвѣтилъ Петръ Петровичъ.—И, притомъ, ваша супруга никакимъ моимъ діагнозамъ не повѣритъ. Она... а впрочемъ, позвольте мнѣ заняться чаемъ, а?

И Тихменева, и Елизавета Ѳедоровна метнули на него сердитый взглядъ, но онъ, нисколько не смущаясь, налилъ изъ стакана чай на блюдечко, вытянулъ губы въ трубочку и съ шумомъ сталъ тянуть въ себя горячую струю чаю.

Никаноръ Игнатьевичъ вдругъ притихъ. Въ его выходкѣ былъ задоръ школьника, который былъ увѣренъ, что его поддержатъ другіе школьники, и онъ осмѣлѣлъ въ ихъ присутствіи. Но такъ какъ на лицо не оказалось поддержки, а оказался, напротивъ, строгій и ядовитый взглядъ супруги, то онъ сразу притихъ и, чувствуя неловкость передъ Сергѣемъ Ивановичемъ, принудилъ себя заговорить съ нимъ.

— Сергѣй Ивановичъ, мы, провинціалы, воображаемъ себѣ, что вы, петербуржцы, поздно встаете. А вотъ вы перещеголяли насъ. Вонъ вы уже съ утра въ паркѣ. И, знаете, собственно, вѣдь, я шутилъ, а во всякомъ случаѣ, есть или нѣтъ ревматизма, а вѣдь сыро, признайтесь, что сыро? Въ темной аллеѣ особенно?

— Можетъ быть,—нехотя отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ. — Но утро чудное, холодное, небо чистое. Я люблю осень. Она мнѣ по душѣ. И въ паркѣ чудно! Падаютъ листья, точно выкованные изъ золота. Мы, петербуржцы, какъ вы говорите, любимъ природу, потому что ея у насъ нѣтъ...

Онъ вдругъ замолчалъ, встрѣтивъ на себѣ упорный и холодный взглядъ матери.

— Кто любитъ природу, тотъ и живетъ на ея лонѣ, — сказала она.—А кто живетъ въ городѣ, тотъ любитъ городъ.

— Вотъ ужъ напрасно, мамаша! — поспѣшилъ онъ оправдаться.—Вы знаете, почему я живу въ городѣ. У меня тамъ служба.

— Это предлогъ, другъ мой. Еслибы ты хотѣлъ, то могъ бы жить здѣсь со мной. Служба тебѣ не нужна. У меня есть, кажется, достаточно средствъ, чтобы не заставлять служить тебя. Но ты не любишь деревни и недостаточно любишь мать, чтобы рѣшиться жить съ нею и помогать ей въ ея трудахъ.

— Какой я помощникъ!—защищался онъ. — Я никогда въ деревнѣ не жилъ и ничего въ этомъ не понимаю. Я могу только путать и мѣшать. И потомъ вы, мамаша, считаетесь такой первоклассной хозяйкой, что вамъ никакого помощника не нужно.

— Первая въ уѣздѣ, а можетъ и въ губерніи,—вставилъ льстивымъ голосомъ Никаноръ Игнатьевичъ.—Это вѣрно, и надо отдать справедливость глубокоуважаемой Еленѣ Васильевнѣ.

— Да я не спорю,—съ гордостью отвѣтила Тихменева. — Въ былыя времена, когда помѣщики не были разорены правительствомъ, было легко хозяйничать, а потомъ стало трудно; теперь же все труднѣе и труднѣе.

Петръ Петровичъ дохлебалъ чай, вытеръ салфеткой мокрые усы и подтолкнулъ Сергѣя Ивановича, съ которымъ сидѣлъ рядомъ.

— Ага! — шепнулъ онъ:—взобралась на своего конька, теперь пойдетъ...

Онъ встрѣтилъ на себѣ грозный взглядъ старухи.

— Вы что?—надменно спросила она его.

— Я ничего. Еще чаю попрошу, коли можно.

Она протянула черезъ столъ руку и приняла отъ него съ брезгливымъ выраженіемъ стаканъ. На блюдечкѣ плавали въ остаткахъ чая намокшія и набухшія крошки отъ домашней булки, которую Петръ Петровичъ уничтожалъ въ невообразимомъ количествѣ и имѣлъ обыкновеніе мокать ее въ чай.

Тихменева сама занималась ритуаломъ разливанья чая. Она это совершала сосредоточенно, какъ какое священнодѣйствіе, и руки ея не дрожали. Ритуалъ чаепитія давно вошелъ въ ея привычки. Сахару она клала возможно меньше, воды лила возможно больше, а лимонъ рѣзала изумительно тоненькими ломтиками. Но Петръ Петровичъ, нисколько не смущаясь, добавлялъ себѣ сахару изъ сахарницы, игнорируя щипчики, и захватывалъ на вилочку вмѣсто одного четыре куска лимона. За это она ненавидѣла его еще больше, чѣмъ за его независимый характеръ и рѣзкую рѣчь.

— Помѣщики ослабѣли, мужики ослабѣли и распустились. Мы—послѣдніе могикане. Россія изъ помѣщичьей, дворянской превратилась въ чумазую, кулаческую. Народъ нищенствуетъ и разоренъ. Помѣщики нищенствуютъ и разорены. Кромѣ того, хамы-мужики зазнались. Этого что-ли хотѣло правительство? Какое же это правительство? Земство!—вдругъ крикнула она и уставилась на Никанора Игнатьевича.—Вотъ вы предсѣдатель земской управы,—сказала она ему,—но, простите меня, я въ ваше земство не вѣрю. Что вы дѣлаете? Строите мосты, больницы, школы? Но мужики не вѣрятъ въ ваши мосты и объѣзжаютъ ихъ, не вѣрятъ въ ваши больницы и боятся ихъ, предпочитая лечиться попрежнему у знахарей...

— Вы отчасти правы... — попробовалъ-было ей поддакнуть Никаноръ Игнатьевичъ.

— Не отчасти,—перебила она его,—а вполнѣ. А въ школахъ чему учатъ? Чему бы ни учили, мужики попрежнему безграмотны (и слава Богу!) и попрежнему пьяницы.

— Ахъ, глубокоуважаемая Елена Васильевна!

— Да не „ахъ", а это вѣрно. И не могло быть иначе. Помѣщиковъ отстранили отъ мужиковъ и отдали ихъ въ кабалу кулакамъ. Народъ развратился, помѣщики обнищали. На весь уѣздъ два-три помѣщика богатыхъ сохранилось. А остальными завладѣли хамы. А теперь что дѣлается? Мужики запахиваютъ помѣщичью землю, рубятъ казенный лѣсъ, жгутъ помѣщичьи усадьбы. А становой, исправникъ, урядникъ, земскій начальникъ на все это смотрятъ сложа руки,—словно это такъ и надо. И всѣ бунтуютъ. Мужики бунтуютъ, земства бунтуютъ, и помѣщики бунтуютъ. И это правительство? Да гдѣ оно, я васъ спрашиваю?

Она съ озлобленіемъ повернула кранъ самовара, чтобы налить себѣ чашку, потомъ продолжала:

— Реформъ захотѣли! Всѣ сидѣли, ничего не хотѣли, и вдругъ—на! Захотѣли. Правительство сдѣлало уступку, потомъ другую, а потомъ и пошло. Видишь ты, реформы нужны! Отмѣна тѣлесныхъ наказаній,—это для нашего-то мужика!! Земскій соборъ, въ которомъ, видишь ли, будутъ засѣдать мужики! Да, вѣдь, они ни бе, ни ме.. Что они будутъ дѣлать въ этомъ самомъ соборѣ?

Она обвела всѣхъ торжественнымъ взоромъ, какъ будто привела неопровержимыя доказательства безсмысленности всей этой затѣи.

VI.

Она ждала возраженій или поддержки, но всѣ молчали. Петръ Петровичъ хлебалъ усиленно чай и ехидно ухмылялся. Всѣ эти рѣчи давно были ему извѣстны и не только изъ устъ Тихменевой, но онъ зналъ, что такъ думаетъ и Никаноръ Игнатьевичъ, и его супруга Елизавета Ѳедоровна, и даже самъ предводитель дворянства Лысогоровъ, Иванъ Ивановичъ, когда онъ находится въ тѣсномъ кружкѣ интимныхъ людей. Когда же онъ въ дворянскомъ собраніи и, вообще, на глазахъ у публики, то выражаетъ либеральные взгляды,—впрочемъ, въ такой осторожной формѣ, что ихъ тотчасъ же можно превратить въ реакціонные,

вставивъ какое-нибудь одно словечко. И Петру Петровичу надоѣли эти „пустопорожніе“ дебаты.

Молчалъ и Сергѣй Ивановичъ. По своей исковерканной жизнью натурѣ, онъ вообще рѣдко возражалъ матери, избѣгая конфликтовъ, волновавшихъ общество въ послѣднее время. Онъ не ощущалъ въ своей душѣ огня, порыва, интереса ко всѣмъ этимъ общественнымъ и государственнымъ дѣламъ. Ему было все равно. Какое ему дѣло до всѣхъ этихъ аграрныхъ безпорядковъ, споровъ, земскихъ соборовъ, войны и прочее? Онъ никогда этими вопросами не занимался. Конечно, онъ былъ противъ бюрократическаго режима, противъ произвола, беззаконія, усмотрѣнія; конечно, онъ былъ за представительство, за свободу вѣры, печати и собраній и за парламентаризмъ. Но все это онъ воспринималъ теоретически, холодно, пассивно, безъ участія души. И въ рѣдкія минуты анализа и раздумья ему становилось стыдно этого равнодушія, до боли стыдно. Но подѣлать съ собой онъ ничего не могъ.

Никаноръ Игнатьевичъ видимо скучалъ. Взоромъ охотника, слѣдящаго за дичью, онъ слѣдилъ за движеніями Агаши, сновавшей взадъ и впередъ по комнатѣ и шмыгавшей изъ комнаты въ комнату. Она была тонкая, стройная и въ движеніяхъ ея было много мягкости и гибкости. За толстыми стеклами тяжелаго pince-nez Никанора Игнатьевича вспыхивали плотоядные и сладострастные огоньки.

И когда Агаша окончательно покинула комнату послѣ суроваго окрика Тихменевой: „Что ты тутъ вертишься? Терпѣть не могу! Нечего подслушивать, убирайся въ кухню...“—то ему захотѣлось выйти изъ-за стола и послѣдовать за ней,—но сдѣлать это было невозможно.

Одна Елизавета Ѳедоровна, повидимому, съ жадностью внимала рѣчамъ Тихменевой. Ея плоское, болѣзненно-желтое лицо, обрамленное волосами неопредѣленно-бураго цвѣта, смазанными какой-то блестящей и пахучей водой или помадой, ея запекшіяся губы, полуоткрывавшія несвѣжіе зубы, ея рыхлое тѣло, не знавшее корсета, ея некрасивыя широкія руки съ некультурными ногтями, на короткихъ пальцахъ,—все это застыло въ какомъ-то сочувственномъ порывѣ къ рѣчамъ старухи. Но и она молчала, потому что считала себя неизмѣримо ниже по уму, чѣмъ эта властная, дѣловитая и умная женщина, отъ которой она, къ тому же, была и въ матеріальной зависимости, вѣчно нуждаясь въ ея помощи, въ ея деньгахъ, въ ея услугахъ, въ ея совѣтахъ.

Сергѣй Ивановичъ, сидѣвшій около нея, изрѣдка косо взглядывалъ на нее, и эта его близость къ ней вселяла въ него какое-то брезгливое, противное чувство.

„И это—моя бывшая невѣста!“—проносилось у него въ сознаніи: это именно та, когда-то некрасивая, безсодержательная барышня Золотарева—единственная дочь богатѣйшихъ помѣщиковъ уѣзда, которая предназначалась маменькой, ради ея приданаго и ради ея рабской, приниженной забитости и покорности, ему въ жены. Лизочка Золотарева сдѣлалась съ тѣхъ поръ Елизаветой Ѳедоровной Залѣсовой, но не стала отъ этого лучше; она сильно постарѣла и расплылась; стала еще площе, еще безцвѣтнѣе, еще безличнѣе по отношенію къ постороннимъ, но зато отыгрывалась на своемъ супругѣ, властвуя надъ нимъ безраздѣльно и обнаруживая деспотизмъ, свойственный всѣмъ рабскимъ натурамъ по отношенію къ подчиненнымъ имъ лицамъ.

„Какъ давно это было!—мелькало въ головѣ Сергѣя Ивановича, когда онъ взглядывалъ на Елизавету Ѳедоровну, подчиняясь странному желанію доставить себѣ непріятное ощущеніе, смѣнявшееся пріятнымъ отъ сознанія, что онъ вышелъ, единственный разъ въ жизни, побѣдителемъ въ борьбѣ съ матерью.—Какъ давно это было! Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ“.

— Сегодня эта дура Агашка,—говорила между тѣмъ старуха,—спрашиваетъ меня утромъ: „Правда ли, молъ, что будто, доказываютъ, царь издастъ скоро указъ, что всѣ люди будутъ одинаковы, что̀ господа, что̀ хрестьяне?“—А, каково?

Никаноръ Игнатьевичъ хихикнулъ, какъ бы придя въ восторгъ отъ ума Агашки, но, вслѣдствіе остраго взгляда старухи, онъ торопливо укрѣпилъ на своемъ носу pince-nez и уставился въ чашку съ недопитымъ чаемъ.

— А вы что̀?—съ любопытствомъ и подобострастіемъ спросила Елизавета Ѳедоровна, заранѣе предвкушая силу отвѣта Тихменевой.

— А я ей говорю: „Дура! Мы и теперь всѣ одинаковы—у насъ по одной головѣ, по двѣ руки и ноги, мы спимъ, ѣдимъ, ходимъ одинаково“. Она похлопала глазами, ничего не поняла и говоритъ: „Не знаю, а только такъ доказываютъ“. Ну, вотъ вамъ законъ!—сказала Тихменева, обводя всѣхъ вызывающимъ на отвѣтъ взглядомъ.

Елизавета Ѳедоровна хихикнула восторженно и всплеснула руками въ знакъ удивленія необыкновенной находчивости Тихменевой. Никаноръ Игнатьевичъ старался выдавить на своемъ кругломъ лицѣ сочувственную улыбку, но такую, по которой нельзя

было бы понять, къ кому относится сочувствіе: къ старухѣ или къ Агашкѣ. Сергѣй Ивановичъ врядъ-ли даже слыхалъ этотъ назидательный разсказъ. Одинъ Петръ Петровичъ ухмыльнулся ядовитой улыбкой.

Тихменева не удовлетворилась этой молчаливостью гостей и продолжала развивать свои взгляды.

— Нѣтъ, я васъ спрашиваю: что̀ будетъ дѣлать мужикъ въ парламентѣ? *Нашъ* мужикъ? Какъ онъ будетъ рѣшать государственныя дѣла, когда онъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ не умѣетъ рѣшить? Свободу онъ понимаетъ такъ, что онъ свободно можетъ жечь усадьбы, запахивать чужую землю, грабить, рубить казенный лѣсъ и напиваться. И вы думаете, что онъ будетъ вамъ сидѣть въ Петербургѣ и рѣшать государственныя дѣла? Мнѣ интересно,—прервала она себя, обращаясь къ Петру Петровичу,—почему вы такъ странно улыбаетесь?

Она строго посмотрѣла на врача.

— А почему я не могу улыбаться, ежели мнѣ смѣшно?

— Что же смѣшного вы находите въ моихъ словахъ?

— Да все съ.

— А именно?

— Тому слѣдуютъ пункты.

— Интересно послушать.

— Не охотникъ я до пустопорожнихъ разговоровъ. Однако извольте. Вы сами сказали, что у мужиковъ такая же голова, какъ у васъ, и такія же двѣ руки и ноги. Ежели ваша голова можетъ разсуждать—вонъ вы какъ цвѣтисто изволили все изложить!—то почему его голова не можетъ разсуждать?

— Хорошее сравненіе! Онъ не готовъ къ разсужденію. Онъ не развитъ. Надо сначала подготовить его...

Петръ Петровичъ протяжно свистнулъ, что̀ очень шокировало Тихменеву.

— Э-ва! Куда хватили! Стара̀ пѣсня! Мужикъ—да чего мужикъ?!—скажемъ общѣе: общество не подготовлено, потому нельзя привлечь его къ рѣшенію государственныхъ дѣлъ. Чудесно! А настоящій режимъ не допускаетъ участія общества въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Но и что-же? Такъ и будемъ вертѣться въ этомъ кругѣ? А? Ежели никогда не начать готовить, то никогда и не приготовишь. А въ вопросѣ „хамки Агашки“ вовсе нѣтъ даже глупости. Реформа въ томъ-то и должна заключаться, чтобы всѣ люди были одинаковы, какъ господа, такъ и „хамы“. И чтобы не было хамовъ, а всѣ были бы господами своего положенія и своей жизни. А? Вы не согласны?

Онъ замолчалъ и ждалъ возраженія.

Но всѣ попрежнему молчали.

Тихменева съ недовольнымъ видомъ пожевала губами и еще не приготовилась къ отвѣту.

Воспользовавшись ея молчаніемъ, Петръ Петровичъ продолжалъ:

— Народъ пьянъ, народъ необразованъ, народъ дикъ. Чудесно! Положимъ, чудеснаго мало, но все равно. Такъ сдѣлайте его трезвымъ, образованнымъ, культурнымъ. Деревня дѣлаетъ приговоръ о закрытіи кабака, а ей отказываютъ—въ высшихъ государственныхъ цѣляхъ, очевидно; находятся добрые люди, которые хотятъ устроить на свой счетъ школу,—имъ отказываютъ, конечно тоже въ высшихъ государственныхъ цѣляхъ. Учительница показываетъ волшебный фонарь, чтобы доказать дикарямъ, что земля не на трехъ китахъ стоитъ, а вертится вокругъ оси, а урядникъ и батюшка доносятъ на нее, что она смущаетъ народъ, и батюшка ничего иного не можетъ выдумать въ культурныхъ цѣляхъ, какъ разсказать о чудесахъ Серафима. И пока народъ будутъ опекать земскіе начальники, урядники, батюшки и... и помѣщики вашего поля, многоуважаемая, до тѣхъ поръ все будетъ по старому и мужикъ будетъ дикъ. Вотъ и нужно, чтобы онъ поступилъ когда-нибудь въ государственную школу, а таковая школа — земскій соборъ или вообще представительный образъ правленія. Ухъ! Дозвольте чайку.

Онъ протянулъ стаканъ. Тихменева съ ненавистью выхватила у него стаканъ изъ рукъ и со злобой глядѣла на него въ упоръ. Она все еще не находила достаточно уничтожающаго отвѣта.

Но Петръ Петровичъ уже взвинтился и продолжалъ:

— Такъ то-съ! А мы всѣ ослабѣли.

— Кто—мы?—наконецъ спросила она.

— Да вотъ мы, я и другіе-прочіе, бывшіе Донъ-Кихоты.

— Какъ бывшіе Донъ-Кихоты?—съ удивленіемъ спросила она.

— Ну да. Вѣдь вы всѣ—мельницы; вѣтряныя мельницы; мы давно это увидѣли и убѣдились. Но, вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали принимать мельницы за злыхъ великановъ, мы перестали и бороться съ вами. И потому жизнь стала невыносимой. Мы не сообразили того, что вы очень ужъ размахались крыльями, и что это маханье можетъ много принести вреда.

— Я не желаю больше слушать вашихъ нелѣпыхъ сравненій,—сказала Тихменева, передавая ему чай.—Нелѣпыхъ и дерзкихъ. Вы сами не знаете, что говорите.

— Вы же заставили меня говорить,—сказалъ онъ, вытягивая губы въ трубочку и съ шумомъ втягивая горячій чай.—Я, вѣдь, не прочь и помолчать. Только тогда ужъ не говорите такихъ вѣтреныхъ фразъ. Прежде я думалъ покорить міръ, а теперь вижу, что вѣтряныя мельницы сильнѣе меня. Хорошо, хорошо, я умолкаю. А булочка вкусная,—неожиданно закончилъ онъ, отрѣзывая себѣ ломоть.—Я, вѣдь, ничего не боюсь—даже васъ, многоуважаемая, потому что свободенъ духомъ.

— Я не огородное пугало, а вы не воробей, чтобы меня бояться,—сказала она.

— Охотно прощаю.

— Никаноръ Игнатьевичъ...—начала она, съ изумленіемъ взглянувъ на пустое мѣсто за столомъ. Потомъ обвела взоромъ комнату, но Никанора Игнатьевича не было, ни за столомъ, ни въ комнатѣ.

Воспользовавшись затянувшимся разговоромъ, онъ тихо сказалъ супругѣ, что пойдетъ на террасу покурить сигару.

— Куда онъ дѣлся?—спросила Тихменева.

Но Елизавета Ѳедоровна не успѣла отвѣтить.

Изъ корридора вдругъ раздался голосъ Агаши.

— Ахъ, что это вы, баринъ, пристаете!—взвизгнула она.

Послышалась возня въ корридорѣ, и испуганный голосъ Никанора Игнатьевича шепталъ:

— Замолчи, дура! Ради Господа, замолчи!

Тихменева поджала губы; Сергѣй Ивановичъ опустилъ глаза. Петръ Петровичъ съ шумомъ тянулъ чай, точно старался заглушить эту возню.

Елизавета Ѳедоровна вскочила изъ-за стола, какъ раненая львица, и ринулась въ корридоръ.

Агаша промчалась стрѣлой черезъ столовую, красная, потная и взъерошенная. Въ корридорѣ начался взволнованный злобный шопотъ. Всѣ были сконфужены.

Тихменева встала, за ней встали остальные. Но Петръ Петровичъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ недопитаго стакана и, захвативъ его съ собой, вышелъ со всѣми въ гостиную.

Тихменева на ходу позвонила. Явилась Агаша, растерянная, смущенная.

Старуха подошла къ ней и шипящимъ голосомъ проговорила:

— Убирай самоваръ. Можешь собирать вещи и убираться. Передай все Ѳенѣ. И чтобы нога твоя въ моемъ домѣ не была!

— Помилуйте, барыня!—взмолилась Агаша.—Развѣ я причина...

— Молчать!—грознымъ шопотомъ проговорила Тихменева.— Стану я разбирать ваши гадости! Ты у меня больше не служишь.

— И вотъ, опять несправедливо и жестоко,—сказалъ Петръ Петровичъ, но на этотъ разъ старуха съ чрезвычайной рѣзкостью ему отвѣтила:

— Я вашего мнѣнія не спрашиваю, и прошу васъ не соваться не въ свои дѣла.

Петръ Петровичъ пожалъ плечами и поставилъ стаканъ на столъ.

— Я беру васъ къ себѣ, Агаша,—громко, отчетливо проговорилъ онъ.—У меня, какъ разъ, отходитъ дѣвушка. Вы можете быть спокойны: у меня не бываетъ такихъ господъ, какъ господинъ Залѣсовъ.

Когда они вошли въ гостиную, Тихменева ему сказала:

— Вы думали, что вы уязвили меня? Можете хоть жениться на ней.

— Бла-адарствуйте за дозволеніе. Это все возможно. Надѣюсь, что не откажетесь быть посажёной матерью.

Спустя нѣсколько минутъ, вошла въ гостиную Елизавета Ѳедоровна. Ея плоское лицо оживилось чуть розоватымъ румянцемъ и тонкія безкровныя губы ея слегка вздрагивали, какъ и широкіе короткіе пальцы съ плоскими ногтями. Прядки волосъ отдѣлились и смѣшно болтались на ея лбу. За ней, съ видомъ побитаго и поджавшаго хвостъ пса—шелъ Никаноръ Игнатьевичъ, такой же розовенькій и чистенькій, но очевидно смущенный. Онъ поправлялъ и усаживалъ на носу pince-nez и виновато сѣменилъ ногами.

— Простите, дорогая Елена Васильевна, — сказала Залѣсова,—но эта хамка ужасная нахалка. Вы, конечно, не можете допустить и въ мысляхъ, что Никаноръ Игнатьевичъ, что мой мужъ... позволилъ бы себѣ что-нибудь.

— Конечно нѣтъ,—подтвердилъ Никаноръ Игнатьевичъ, не поднимая глазъ.—Я только хотѣлъ...

— Молчите!—окрикнула его Елизавета Ѳедоровна.

— Я уже выгнала ее,—успокоительнымъ тономъ замѣтила Тихменева, чтобы прекратить непріятный разговоръ.

Но Петръ Петровичъ не унимался.

— А я взялъ,—такъ же успокоительно, въ тонъ Тихменевой, сказалъ онъ Залѣсовой, пріятно улыбаясь.

— Ну и цѣлуйтесь съ ней!—рѣзко оборвала она врача и съ ненавистью оглядѣла его.

— Ну...—протянулъ онъ: — зачѣмъ же? На это есть спеціалисты.

Онъ весело засмѣялся, какъ будто сказалъ самую пріятную вещь, и обратился къ Сергѣю Ивановичу.

— А не пройдемся ли? Вона, солнышко-то какое! Обсушитъ дорожки! Осеннее солнце хоть и не грѣетъ, но свѣтитъ. А свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ. Вы не прочь?

— Отчего же? Съ большимъ удовольствіемъ.

— Чудесно. Ай-да!

Тихменева пожевала губами и хотѣла что-то возразить. Но не успѣла. Она крикнула только въ догонку сыну:

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить, Сергѣй.

Онъ уже хотѣлъ было остаться, но Петръ Петровичъ загородилъ дверь и почти вытолкалъ его. Обернувшись къ старухѣ, онъ съ той же ласково-любезной улыбкой сказалъ:

— Мы будемъ къ завтраку.

И вышелъ.

— Какой нахалъ!—начала Елизавета Ѳедоровна, какъ только они вышли.—Простите, дорогая Елена Васильевна, я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, и никогда не позволила бы себѣ... въ особенности вамъ, которая такъ много для насъ дѣлала... но я удивляюсь, какъ вы можете выносить въ домѣ такого непріятнаго человѣка.

— Что дѣлать, милая Елизавета Ѳедоровна! — суховатымъ голосомъ отвѣтила Тихменева, которая терпѣть не могла, когда кто-нибудь вмѣшивался въ ея дѣла.—Я его сама терпѣть не могу, какъ человѣка. Пренепріятный человѣкъ, но его лекарства мнѣ помогаютъ. Я его даже оставила почевать со вчерашняго дня: у меня астма, и меня такъ душило весь день...

Никаноръ Игнатьевичъ разсматривалъ съ сосредоточеннымъ и преувеличеннымъ вниманіемъ альбомъ съ старыми фотографіями. Онъ снялъ для этого pince-nez, и его свѣтло-сѣрые глазки, небольшіе и круглые, получили безъ стеколъ странное выраженіе.

— Очень хорошій врачъ и весьма дерзкій человѣкъ, — началъ онъ.

— Молчите!—вдругъ крикнула на него жена.

— Но, дѣточка моя...

— Молчите!—прошипѣла она, и стиснула ему руку.

Онъ покорно замолчалъ, закрылъ альбомъ и усердно засосалъ сигару.

Тихменева стала причитать. Иногда это на нее находило. Послѣ злобныхъ порывовъ ея властной и деспотической души,

на нее вдругъ находило настроеніе подавленности, и тогда она сама казалась себѣ несчастной, обездоленной и обиженной.

— Трудно понять, что происходитъ,—начала она грустнымъ голосомъ:—когда-то меня считали очень умной женщиной...

— Помилуйте!—вскрикнулъ съ большимъ чувствомъ Никаноръ Игнатьевичъ.—Не когда-то, а и по сіе вре...

— Замолчите!—приказала ему супруга.

Тогда онъ покорно снялъ pince-nez и въ третій разъ сталъ разсматривать альбомъ.

Тихменева взглянула на него грустными глазами и продолжала:

— Но теперь,—или я поглупѣла, или наступило глупое время...

Никаноръ Игнатьевичъ раскрылъ было свой круглый ротъ, но такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ, встрѣтивъ на себѣ упорный взглядъ жены.

— Потому что я ничего не понимаю. Хамы осмѣлѣли точно. Мужики свезли мое сѣно, какъ свое собственное, и вотъ недѣля, несмотря на всѣ мои жалобы исправнику и даже губернатору, ничего не могу подѣлать. Черезъ повара я узнала, что ежели я не прекращу жалобъ, то меня просто сожгутъ. Вотъ до чего дошло...—Она передохнула, набрала воздуху и продолжала:—Непонятное время! Вотъ еще сынъ. Нѣтъ прежнихъ отношеній! Дѣти не признаютъ родителей. Почему, я васъ спрашиваю?

Она помолчала и, не получивъ отвѣта, продолжала:

— Онъ женился противъ моей воли, и, натурально, я этого брака не признала. Вамъ это хорошо извѣстно, Елизавета Ѳедоровна.

Елизавета Ѳедоровна скромно опустила свои судачьи глазки и пожеманилась. Потомъ она сказала:

— Да, я теперь увѣрена, что этотъ бракъ былъ бы для меня счастливѣе нынѣшняго.

Она косо оглядѣла Никанора Игнатьевича.

Никаноръ Игнатьевичъ быстро укрѣпилъ на носу pince-nez и взглянулъ на нее.

— Лиза!—началъ было онъ укоризненнымъ тономъ.

— Замолчите!—отрѣзала она.

Онъ замолчалъ.

— Ну, это дѣло прошлое,—успокоительнымъ голосомъ замѣтила Тихменева. — Онъ весь въ отца. Покойникъ былъ такъ же безволенъ и такъ же упрямъ, глупо упрямъ, какъ всѣ люди безъ

воли. Онъ и умеръ изъ-за упрямства,—не желая лечиться. Потомъ я вышла за Тихменева — это округлило мое имѣніе—онъ вѣдь былъ сосѣдомъ моимъ. И онъ умеръ, теперь я одна. Казалось бы, долгъ сына жить съ престарѣлой матерью. Но, вотъ, подите! Въ наше время это не признается.

— Но вѣдь у него есть сынъ,—неосторожно вставилъ Никаноръ Игнатьевичъ.

Старуха нахмурилась.

— У него есть сынъ,—отчеканивая каждое слово, проговорила она.—Онъ не спрашивалъ меня, хочу ли я имѣть внука; я—не желаю знать этого внука. Внукъ уже большой оболтусъ—ему двадцать лѣтъ. Я его не знаю и знать не желаю. И во всякомъ случаѣ онъ не требуетъ больше попеченія родителя: ему полезнѣе вести самостоятельную жизнь.

Она сложила худыя руки на животѣ и помолчала.

— Я становлюсь стара, слаба, немощна. Но Сергѣй знать этого не хочетъ, и я умру одна, никто не закроетъ мнѣ глазъ. Тяжелое время. Хамы распустились, господа поглупѣли, дѣти пошли противъ родителей, газеты пишутъ Богъ знаетъ что, и имъ, ничего, позволяютъ. Я теперь ничего не жду, кромѣ смерти. И буду рада ей, какъ избавительницѣ.

Она придвинула къ себѣ банку съ лекарствомъ, стоявшимъ на столикѣ рядомъ съ нею, и отхлебнула глотокъ прямо изъ горлышка.

— Но смерть не приходитъ, — продолжала она въ минорномъ тонѣ. — Ѳеня! — закричала она показавшейся въ дверяхъ дѣвушкѣ:—я тебѣ приказывала ставить пилюли на ночной столикъ.

— Извините, барыня, запамятовала.

— Запамятовала!—передразнила старуха.—Что ты уморить меня хочешь? Я утромъ и не приняла ихъ.

— Извините, барыня, запамятовала.

— Ну, затвердила одно! Убирайся!—прикрикнула она, и дѣвушка исчезла.—А все потому, — продолжала она,—что господа опустились до хамовъ. — Она взглянула на Никанора Игнатьевича, и тотъ весь съёжился подъ ея взглядомъ.

— A bon entendeur—salut!—злорадно вставила Елизавета Ѳедоровна, и Никаноръ Игнатьевичъ еще болѣе сжался.

— Но, Лизочка...—началъ было онъ.

— Съ вами не говорятъ,—перебила она его.—Мы съ вами поговоримъ дома,—съ угрозой прибавила она.

— У меня была недавно чтица,—начала послѣ нѣкотораго

молчанія старуха. Я ее выписала изъ Петербурга по рекомендаціи. Я очень люблю читать французскіе романы, но зрѣніе у меня ослабѣло. Вотъ, читаетъ она мнѣ Анатоля Франса. И вмѣсто „les prairies, où paissaient les vaches", вдругъ читаетъ: „les prairies, où pissaient les vaches". Тутъ было нѣсколько человѣкъ. Натурально—хохотъ. Я ее прогнала, само собой. А она при всѣхъ меня отдѣлала: „неуваженіе къ личности, эксплоатація труда, издѣвательство надъ интеллигентнымъ пролетаріемъ"—que sais-je!

Никаноръ Игнатьевичъ звонко, мелкимъ горошкомъ разсмѣялся. Елизавета Ѳедоровна остановила его суровымъ взглядомъ и спрашивала себя, какъ отнестись къ этому разсказу, который не имѣлъ никакой связи съ предыдущимъ, — съ негодованіемъ или съ сочувственной улыбкой. Не найдя точки зрѣнія, она состроила улыбку, которую можно было принять и за сочувствіе, и за негодованіе, и за сарказмъ.

— Люди обнаглѣли, — продолжала Тихменева, — все пошло вразбродъ. Ежели бы незабвенный всталъ нынче изъ гроба и посмотрѣлъ, что дѣлается, онъ бы скорбнымъ голосомъ спросилъ: „Что вы сдѣлали съ моей Россіей?"... Завернулся-бъ въ шинель и легъ бы обратно въ могилу.

Она захлопала вѣками, опустила голову и потянулась къ лекарству.

Всѣ знали, что „незабвеннымъ" она называла императора Николая Павловича. Въ залѣ ея дома былъ портретъ этого государя въ шинели во весь ростъ. Въ грустныя минуты жизни, она приходила въ этотъ залъ, садилась подъ портретомъ, чтобы найти успокоеніе взволнованной и возмущенной душѣ, сидѣла съ полчаса и уходила умиротворенною.

Елизавета Ѳедоровна сочувственно покивала головой, и въ pendant къ хозяйкѣ приняла скорбное выраженіе.

— А все таки я осталась безъ сѣна!—неожиданно заключила разговоръ Тихменева.—Но ежели губернаторъ не вернетъ мнѣ сѣна, я подамъ на него министру. Вѣдь еще нѣтъ парламента и существуютъ же у насъ министры, я васъ спрашиваю? Съ какой стати я буду позволять мужикамъ меня грабить? Я же ихъ не граблю!

Она прислонилась къ стѣнкѣ софы и неожиданно задремала.

Елизавета Ѳедоровна дернула за рукавъ Никанора Игнатьевича, и они на цыпочкахъ вышли изъ гостиной. Никаноръ Игнатьевичъ забылъ второпяхъ надѣть pince-nez и зацѣпилъ ногой за стулъ, который и протащилъ нѣкоторое время за собой по

комнатѣ. Елизавета Ѳедоровна пришла въ безмолвное негодованіе, но Тихменева не проснулась.

VII.

Врачъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ направились по единственной улицѣ деревни. Блѣдное осеннее солнце давно уже вышло изъ-за тучъ, и тучи эти, еще съ вечера обложившія небо, теперь словно таяли подъ его холодными лучами и подымались все выше и выше, образуя молочновато-сѣрый туманъ. Вскорѣ и онъ разсѣялся, и наступилъ хорошій свѣтлый день осени.

У одной изъ избъ сидѣла на бревнѣ, положенномъ у тына, Агаша и горько плакала. По ея красивому лицу и раскраснѣвшимся отъ слезъ и волненія щекамъ текли слезы, которыя она вытирала то ладонью, то передникомъ изъ синяго грубаго холста. Это была очень красивая дѣвушка съ русыми волосами, темными бровями и глазами васильковаго цвѣта.

При видѣ подходившихъ къ ней мужчинъ, она хотѣла встать и скрыться въ избѣ, но Петръ Петровичъ быстро подошелъ къ ней и придержалъ ее за руку.

— А!—сказалъ онъ:—изгнанница изъ рая! Слезы точишь? А почему ты ихъ точишь? Что разносоловъ господскихъ лишилась, или что не будешь больше помои выносить послѣ господъ? А?

Онъ, по обыкновенію, задавалъ сразу нѣсколько вопросовъ.

Она взглянула на него испуганнымъ взглядомъ, точно взмахнула темными рѣсницами.

— Вовсе даже нѣтъ!—отвѣтила она, вытирая остатки слезъ передникомъ.

— Ну, такъ что же?

— Совсѣмъ даже напротивъ...

— Вотъ и пойми ее!—обратился Петръ Петровичъ къ своему пріятелю.—Что̀ это значитъ: „совсѣмъ напротивъ“? Въ той избѣ что-ли? — сострилъ онъ и указалъ на полуразвалившуюся избу на другой сторонѣ дороги.

Сергѣй Ивановичъ стоялъ съ безучастнымъ видомъ и чертилъ палочкой по размокшей землѣ. Его удручали думы; ему хотѣлось поговорить съ Петромъ Петровичемъ, и эта задержка раздражала его.

Агаша вдругъ ухмыльнулась сквозь слезы.

— Обидно!—вдругъ сказала она.—Дюже обидно. Служила,

служила, все сполняла какъ слѣдоваетъ — и отказали. Нешто моя вина, что Никаноръ Игнатьевичъ липнетъ ко мнѣ?

— Сладка больно! Медъ-дѣвка! — пошутилъ Петръ Петровичъ.—Чего же онъ липнетъ? Обольщаетъ? Обольстительный мужчина, нечего сказать!

— Извѣстно, улещаетъ! И всякія глупости. Подарки предлагалъ.

— А ты что же?

— Извѣстно, ничего. Мнѣ что? Я дѣвушка честная, сирота. Грѣхъ господамъ обижать... обижать...

Она опять расплакалась.

— Ну, ну, не реви. И безъ того сыро. А ты взгляни на солнышко и порадуйся. Сказалъ, возьму къ себѣ. Ты грамотная?

— Извѣстно.

— Да что ты такая за знаменитость, что о тебѣ должно быть извѣстно? Скажи, пожалуйста! Ну, будешь у меня какъ бы для пріемовъ, на манеръ какъ бы у столичнаго врача. На чаи будешь получать. Паціенты мои богатые. Наши купцы, прасолы, всякое начальство—урядникъ, старшина, вообще власти. Иногда самъ исправникъ и земскій заѣзжаютъ. Тоже честь не малая. Они болѣютъ, я лечу, у нихъ здоровье прибавляется, а у меня—деньги. Таковъ кругооборотъ въ природѣ.

Онъ шутилъ; она слушала его, разиня ротъ, переставъ плакать.

— А вы безъ глупостевъ?—вдругъ спросила она и потупилась съ нерѣшительнымъ видомъ.

— Ну-у!—заревѣлъ на нее Петръ Петровичъ, — что выдумала! Я, вѣдь, не господской крови, недалеко отъ тебя ушелъ. Сынъ дьякона, а дѣдушка-то мужикомъ былъ. А ты—дочь приказчика Тихменевскаго имѣнья, а мать твоя—кухарка.

— Я сирота,—сказала она.

— Знаю, слышалъ. Недалеко ушли мы другъ отъ друга.— Два сапога пара, одного поля ягода.

— Извѣстно,—подтвердила она своимъ любимымъ словомъ.

Петръ Петровичъ взялъ подъ-руку Сергѣя Ивановича и пошелъ съ нимъ.

— Жалко дѣвку,—сказалъ онъ, послѣ долгаго молчанія.— Она что камень при дорогѣ. Кто хочетъ, ногой пхнетъ. Сирота. Родители умерли; пока живы были, въ школу посылали. Прошла холера и выкосила ихъ. Вотъ сидитъ теперь дѣвка у чужой избы и слезы точитъ. Жалко. Вамъ не жалко? А?

Сергѣй Ивановичъ не слыхалъ его.

Онъ думалъ свою думу.

— Скажите, пожалуйста, — вмѣсто отвѣта заговорилъ онъ: —чѣмъ страдаетъ мать?

— Почтеннѣйшая Елена Васильевна? Видите что: я нахожу у нея эмфизему; а врачъ городской, котораго она сюда выписывала, въ провѣрку мнѣ, утверждаетъ, что камни у нея въ почкахъ.

Нельзя было понять, шутитъ онъ или говоритъ серьезно.

— Не удивляйтесь,—продолжалъ онъ.—У насъ, врачей, это всегда такъ: смотришь въ больного, какъ въ темный колодезь. Одинъ на днѣ его видитъ фею Раутенделейнъ — слово-то какое заморское! — А другой — водяного дѣдушку. И сообразно сему прописываетъ латынь, въ которой самъ ни уха, ни рыла... Вы несогласны? А?

Не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ:

— Однако, повѣрила она мнѣ, почему и состою въ лейбъ-медикахъ ея. Лестно. Я прописываю всякія штуки, а она ихъ глотаетъ и думаетъ, что это ей помогаетъ. Чего лучше? И ей хорошо, и мнѣ не дурно. И не будь я столь грубъ и дикъ, я былъ бы первымъ врачомъ въ губерніи. Но это ужъ моя натура. Мужикъ сказывается. Атавизмъ. А невѣста-то ваша бывшая?— вдругъ хихикнулъ онъ.—Счастливый вы человѣкъ! Избѣгли... А то быть бы вамъ теперь на веревочкѣ, какъ сему почтенному женолюбу—Николаю Игнатьевичу. По неволѣ къ Агашкѣ станешь приставать. Я его не обвиняю. Я никого не обвиняю. Вы не въ духѣ?

— Нѣтъ, ничего. Я хотѣлъ бы поговорить съ вами, но вы такъ странно разговариваете.

— А вы попробуйте,—можетъ быть, я умѣю и иначе говорить. А? Попробуйте! Мы пойдемъ съ вами смотрѣть аграрные безпорядки, хотите? Это далеко, а пока поговоримъ.

Сергѣй Ивановичъ долго не рѣшался. Онъ боролся съ самимъ собою. Но что-то мучило, безпокоило его, что-то такое, о чемъ ему необходимо было высказаться,—даже, можетъ быть, не для того, чтобы получить отвѣтъ на волновавшія его думы, а чтобы просто произнести ихъ вслухъ, какъ назойливый мотивъ, вертящійся въ мозгу, и который необходимо надо пропѣть, чтобъ отъ него отвязаться.

— За гранью земной жизни есть что-нибудь? — вдругъ съ необыкновенной рѣшимостью спросилъ онъ.—Все ли кончается здѣсь, на землѣ?

— Э-ва!—протяжно выговорилъ Петръ Петровичъ и свистнулъ.—Куда загнули! Экъ васъ куда перекинуло отъ реальной

дѣйствительности плачущей Агашки и аграрныхъ безпорядковъ!

Но онъ вдругъ самъ себя осадилъ, внимательно и серьезно взглянулъ на блѣдное, какъ бы угасшее, лицо собесѣдника и сталъ самъ серьезенъ.

— Милый Сергѣй Ивановичъ,—началъ онъ, помахивая передъ собой толстой, суковатой палкой:—вы сохранили дѣтскіе вопросы въ вашей пожившей душѣ. Я, положимъ, духовнаго происхожденія, но это ничего еще не доказываетъ. Вопросами духа занимался я мало, потому что это—праздный вопросъ. Да вы не удивляйтесь: это—важные, глубокіе вопросы, согласенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, праздные. Почему? Да потому что неразрѣшимы. Ежели, милый другъ, мы въ тѣлесной организаціи человѣка видимъ лишь бездну глубокаго колодца и эмфизему смѣшиваемъ съ почечными камнями, то что̀ мы можемъ сказать о духѣ? А почему сіе важно? Почему васъ это интересуетъ?

— Я уже говорилъ вамъ... Я очень страдалъ послѣ смерти Катюши, ужасно страдалъ, мучительно, безнадежно. Мнѣ казалось, что міръ для меня опустѣлъ, вокругъ пусто и внутри меня пустота.

Онъ говорилъ взволнованно и страстно. И по мѣрѣ того, какъ говорилъ, волновался все больше и больше.

— Мнѣ было очень тяжело... даже сынъ, Миша, мой мальчикъ, не приносилъ мнѣ утѣшенія. Смерть матери мало подѣйствовала на него, и за это я чуть не сталъ его ненавидѣть. Вѣдь ему было шестнадцать лѣтъ. Я спрятался отъ людей, я никого не хотѣлъ видѣть, но одиночество, холодное, угрюмое, безнадежное, мнѣ стало тяжко. Я выползъ, наконецъ, изъ своей норы, и тутъ съ первыхъ же шаговъ стала предо мною моя Сима. И вотъ я полюбилъ ее.

— А она?

— Кажется, и она меня. Почему, какъ—не знаю. У нея мужъ, моложе меня—я вамъ говорилъ. Сима—это золотое сердце. Свѣтлая, радостная душа. Но жизнь искалѣчила ее. Вотъ какъ калѣчатъ дѣти дорогую игрушку—вы понимаете?

— Да, да, вы мнѣ все это говорили... Но въ чемъ же дѣло?.. Я все-таки же не понимаю. Что̀ васъ такъ мучаетъ?

— Меня мучаетъ много вопросовъ. Жива ли душа Катюши? Не подлый ли это обманъ—эта вѣра въ иную жизнь? Если жива,—проститъ ли она мнѣ эту измѣну; если же она превратилась въ ничто, если ея нѣтъ ни на небѣ, ни на землѣ, то, конечно, моя новая любовь не можетъ оскорбить ее. И затѣмъ—Сима. За-

чѣмъ я люблю ее, смущаю ее, мѣшаю ей жить, вношу разладъ въ ея душевную жизнь? Вѣдь это же преступленіе... И вотъ, обо всемъ этомъ я тысячу разъ на день спрашиваю себя и не нахожу, не нахожу отвѣта. Не знаю, почему вы внушили мнѣ какое-то глубокое довѣріе. Я, вѣдь, ни съ кѣмъ не говорю такъ, какъ съ вами. Я за два мѣсяца пребыванія здѣсь сблизился, сошелся съ вами. Вы одинъ—живой человѣкъ среди маменькиныхъ знакомыхъ и друзей. А можетъ быть, потому, что я долго, упорно молчалъ, и явилась, наконецъ, физическая потребность говорить. Или духовная. Какъ и кто можетъ отдѣлить физическое отъ духовнаго?

Онъ замолчалъ и замедлилъ шаги. Петръ Петровичъ слушалъ внимательно, иногда только отрываясь отъ его рѣчи и вглядываясь вдаль. Тамъ, за полупрозрачнымъ туманомъ осенняго дня, что-то гремѣло и двигалось, и оттуда доносились порой глухіе-глухіе взрывы неяснаго гула толпы.

— Другъ мой,—сказалъ Петръ Петровичъ и взмахнулъ палкой по воздуху, — благодарю за довѣріе. Но что я могу отвѣтить, развѣ я философъ? Я—земскій врачъ, что не одно и то же. И даже „вовсе напротивъ", какъ выражается Агашка. Ежели душа Катюши жива, то она не можетъ осудить васъ. Она—человѣкъ небесный, духовный, а вы—земной. Ей чужды слезы и смѣхъ земли, и ея радости, а можетъ быть и печали—не наши радости и печали. Разъединеніе—непостигнутая еще тайна, но тайна. Все земное не должно интересовать больше вашу Катюшу.

Онъ пріостановился, потеръ лобъ свободной рукой, какъ бы собираясь съ мыслями, и продолжалъ:

— Да, не должно больше интересовать ее. Вы ее любили физически и духовно. Физическая любовь кончилась, духовная—осталась. Вѣдь осталась?—спросилъ онъ.

Сергѣй Ивановичъ, молча, кивнулъ головой.

— Ну, вотъ, вы теперь любите память о ней. И это должно быть для нея дорого, ежели ея душа жива и сохранила память о земномъ. А Симу вашу любить вы можете. Человѣкъ долженъ любить, это его природа, его потребность, его долгъ. Любите просто, не мучительно, не тяжко, а свободно и весело. Она искалѣчена?—говорите вы. Постарайтесь сдѣлаться хирургомъ. Но, главное, любите. Любите все: вотъ этотъ осенній туманъ и эту мокрую дорогу, темную Агашку и жизнь большого города, и вотъ этотъ изумрудъ, что у васъ въ кольцѣ, и вашу Симу. Все любите, всему радуйтесь. Мой покойный отецъ, дьячокъ, говорилъ: „радостно жить на землѣ". А почему онъ это говорилъ—я не

знаю. Часто жрать было нѐчего; онъ зналъ только убогую, голодную деревню, свою избу и церковь. Видѣлъ нищету и голодъ, а всегда восклицалъ: „радости что̀, радости-то сколько!“ А? Что̀ вы на это скажете?

Петръ Петровичъ снова остановился отъ длинной рѣчи. Онъ потыкалъ въ землю палкой, потомъ взялъ ее подъ мышку и, вынувъ изъ потертаго кожанаго портсигара толстую папиросу, закурилъ ее и глубоко затянулся дымомъ.

Сергѣй Ивановичъ ничего не сказалъ.

Врачъ снова зашагалъ и заговорилъ:

— А я вамъ скажу: радость не внѣ насъ, а внутри. Внутри каждаго человѣка есть горчичное зерно радости, безъ него нельзя было бы жить. Ну, и чудесно. Такъ вотъ ты и сумѣй возрастить въ себѣ это горчичное зерно, дабы оно могло превратиться въ тѣнистое дерево, подъ вѣтвями котораго птицы печали находятъ отдохновеніе. И кто не умѣетъ быть такимъ садовникомъ разумнымъ, тотъ недостоинъ жизни и тому всякое явленіе жизни, всякое движеніе души—печаль.

Онъ вдругъ засмѣялся.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ,—вы заставили-таки меня философствовать. А это со мной рѣдко бываетъ. Дьячья натура вдругъ сказалась,—и проговорилъ я вамъ проповѣдь... Только насчетъ горчичнаго зерна какъ будто что-то навралъ или напуталъ. Но это ничего. А гулъ слышите? Вотъ это и есть аграрные безпорядки. А? вы не находите?

Сергѣй Ивановичъ шелъ шагъ въ шагъ съ врачомъ.

Ему хотѣлось что-нибудь сказать, какъ-нибудь поддержать разговоръ, отвѣтить, чтобы не дать ему возможности угаснуть. Но ничего не складывалось въ его головѣ, ничто не подвертывалось подъ его языкъ. Да, въ душѣ его теперь жила радость.

И какъ бы отвѣчая на его мысли, докторъ продолжалъ развивать тему, очевидно понравившуюся ему.

— Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ жизни для моей философіи,—сказалъ онъ,—ежели всякое словоизверженіе можно назвать философіей. Вы сидѣли сегодня за чаемъ съ достойнымъ вываренным судакомъ, Елизаветой Ѳедоровной. Это—радость.

— Почему?—съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да потому, что вы въ это время думали, а можетъ быть и не думали, но въ душѣ вашей неизмѣнно звучало: „Господи, благодарю Тебя, что Ты избавилъ меня отъ счастья быть мужемъ этой женщины, и что нашелся другой дуракъ на проченное мнѣ мѣсто“. Вы смотрѣли на суровую маменьку, и въ душѣ вашей

звучало: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ моя родительница“. И вы смотрѣли на Агашку, плачущую на бревнѣ чужой избы, и думали: „Боже, благодарю Тебя, что я не житель этой деревни, гдѣ гладъ и моръ, и аграрные безпорядки“. И я радуюсь и благодарю Бога. Радуюсь, смотря на всѣхъ этихъ чудищъ здѣшней жизни, чудищъ облыхъ, стозѣвныхъ и лающихъ, потому что злюсь, а злость даетъ великое удовлетвореніе душѣ человѣка, какъ и любовь, какъ и гнѣвъ, какъ и многое другое. Овому—любовь, а овому—злость. Это — слагаемыя жизни. И выньте изъ этихъ слагаемыхъ одно—сумма покажется вамъ мелкой и не удовлетворитъ васъ.

VIII.

Они уже дошли до мѣста сборища.

Стояла среди поля, невдалекѣ отъ деревни, большая толпа крестьянъ. Кое-гдѣ—нѣсколько плуговъ, запряженныхъ лядащими лошаденками.

— Да какъ вы смѣете?!—кричалъ на толпу исправникъ, окруженный другими чиновными лицами уѣздной и вызванной, по случаю безпорядковъ, губернской администраціи. Вдали стоялъ взводъ донского казачьяго полка.—Да кто вамъ далъ право? Я васъ собралъ сюда по приказанію г. начальника губерніи. Его превосходительство очень огорченъ всѣмъ происшедшимъ и обращается къ вашей совѣсти.

Это онъ проговорилъ оффиціальнымъ тономъ, ровнымъ, холоднымъ и спокойнымъ. Но вдругъ полное лицо его, съ короткой шеей налилось кровью, коротко подстриженные усы оттопырились, и онъ дико закричалъ:

— Съ ума вы спятили, что-ли? Гдѣ вы живете? Въ дикой странѣ или въ благоустроенномъ государствѣ? Я васъ всѣхъ велю разогнать плетьми, если вы не разойдетесь по доброй волѣ. Кто далъ вамъ право жечь казенные лѣса, грабить чужой хлѣбъ, запахивать чужую землю? Я васъ такъ ожгу, что своихъ не узнаете!

Толпа до сихъ поръ безмолвствовала. Люди, очевидно, въ полномъ недоумѣніи переминались съ ноги на ногу. Какой-то человѣкъ въ пиджакѣ, въ высокихъ сапогахъ и русской рубахѣ шныряль среди толпы и разговаривалъ съ отдѣльными лицами.

— Не сдавайся, ребята... Нынче не тѣ права. Держись твердо.

Толпа, при послѣднихъ словахъ исправника, вздрогнула, шевельнулась. Человѣкъ въ пиджакѣ переходилъ отъ одной группы къ другой и показывалъ какую-то бумагу.

— Не тѣ нонѣ права, баринъ! — вдругъ произнесъ кто-то въ толпѣ, и глухой, ободрительный гулъ пронесся по ней, покрывая эти слова.

— Кто сказалъ? Кто сказалъ?..—закричалъ исправникъ.—Кто это сказалъ?

Никто изъ толпы не отвѣтилъ, но крестьяне какъ-то сомкнулись, сплотились и двинулись всей громадой впередъ. Исправникъ испуганно выпятилъ глаза и подался назадъ, чуть не передавивъ своей громадной и тяжелой фигурой стоящихъ за нимъ людей.

— По-моему, Иванъ Ивановичъ, — сказалъ ему чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, командированный сюда, — нужно просить сотника, чтобы двинуть казаковъ.

— Такъ потрудитесь ему передать...

Но чиновникъ быстро стушевался. Сотня стояла довольно далеко, и нужно было перейти порядочное пространство, чтобы дойти до нея, и притомъ на виду у толпы.

Чиновникъ что-то шепнулъ земскому, земскій, въ свою очередь, помоталъ отрицательно головой и передалъ приказаніе урядннку. Урядникъ потоптался на мѣстѣ, но не тронулся съ мѣста.

Видя общее замѣшательство и смущеніе чиновныхъ лицъ, толпа осмѣлѣла; она двинулась впередъ съ криками и угрозами.

И когда урядникъ рѣшился перейти пространство, отдѣлявшее его отъ казаковъ, изъ толпы крестьянъ вдругъ полетѣлъ въ него камень.

Урядника ударило въ спину; онъ упалъ, потомъ поднялся. Лицо его было искажено отъ боли и ярости.

Кучка администраціи быстро отступала къ опушкѣ лѣса; толпа надвигалась. Первый камень былъ сигналомъ; вслѣдъ за нимъ полетѣли другіе, потомъ—комья слежавшейся сырой земли, палки.

— Буде! Нонѣ не то, что прежде! Землю подѣлить обѣщали!..—слышались восклицанія.

Кто-то изъ кучки администраціи махалъ бѣлымъ платкомъ по направленію къ сотнику.

Сотникъ вынулъ шашку и скомандовалъ что-то сотнѣ.

Насталъ тяжелый, зловѣщій моментъ молчанія. Все замерло. Какъ будто общая нерѣшительность овладѣла всѣми. Но вслѣдъ затѣмъ изъ толпы полетѣли камни въ сотню, которая уже двинулась на толпу. Одинъ камень попалъ въ руку

сотника и выбилъ у него шашку изъ рукъ. Другой камень зашибъ ногу у лошади казачьяго ефрейтора, и она, хромая, выбыла изъ строя.

Сотникъ освирѣпѣлъ, издалъ проклятіе, но тотчасъ сдержался и принялъ холодно-равнодушный видъ.

Сотня подошла къ толпѣ.

— Разойдитесь! — крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ.

Толпа не двинулась.

— Я вамъ приказываю разойтись! — громче повторилъ онъ и взмахнулъ шашкой, которую ему передалъ поднявшій казакъ, подъѣхавъ къ нему съ правой стороны изъ-за фронта. Сотникъ не могъ взять шашку въ правую, зашибленную руку и схватилъ ее лѣвой рукой, въ которой держалъ поводъ своей маленькой казачьей лошади.

Въ толпѣ кто-то зашевелился. Кто-то изъ заднихъ рядовъ высоко поднялъ добытую гдѣ-то косу, на лезвіи которой былъ привязанъ красный бабій головной платокъ съ мелкими, еле замѣтными, желтыми горошинами.

Съ этимъ краснымъ знаменемъ, толпа двинулась впередъ дружнымъ натискомъ.

— Эй, худо будетъ! — крикнулъ сотникъ еще болѣе охрипшимъ голосомъ, приказывая разойтись.

Въ отвѣтъ на эти слова полетѣли камни.

Тогда, по командѣ сотника, казаки двинулись на толпу. Засвистали въ воздухѣ нагайки, и тамъ и сямъ послышались тяжелые ихъ шлепки въ воздухѣ, потомъ по тѣламъ. Въ толпѣ было нѣсколько женщинъ. Послышался вопль, взвизги, стоны. Красный флагъ вдругъ исчезъ, словно утонулъ среди этихъ сѣрыхъ волнъ взбаламученнаго народнаго моря. Все яростнѣе и яростнѣе сыпались удары нагаекъ, направо и налѣво. Казаки врѣзались въ толпу, нагибались съ сѣделъ, почти свертывались съ нихъ, чтобы вѣрнѣе нанести ударъ; камни свистѣли въ воздухѣ. Въ рукахъ человѣка въ пиджакѣ вновь показалась коса, и ея лезвіе блеснуло на солнцѣ и вдругъ опустилось, ранивъ крупъ завертѣвшейся лошади. Два-три казака выхватили шашки. Для острастки, сотникъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ и выстрѣлилъ въ воздухъ.

При этомъ грозномъ звукѣ все смѣшалось въ кучу. Казаки гикали, лошади ржали, бабы визжали, и наконецъ толпа дрогнула и побѣжала врассыпную по перепаханному полю. Люди спотыкались о комья, о плуги, падали, получая тяжелые удары нагаекъ, куда попало, по спинамъ, рукамъ и лицамъ.

— Ой, смерть моя пришла!—кричала баба, удирая съ мѣста происшествія во всю мочь.

— Убійцы!—оралъ человѣкъ въ пиджакѣ.—Какъ не стыдно вамъ бить братьевъ? Вѣдь это же народъ, вашъ народъ, такой же народъ, какъ вы?!

Онъ поднялъ угрожающимъ жестомъ руки и грозилъ кулаками въ воздухѣ.

На него посыпались удары плетей. Тогда онъ изнемогъ, опустился на колѣни и безъ чувствъ свалился на землю.

Сотникъ обернулся, но ничего не увидѣлъ позади. Административныя лица тоже разсѣялись за естественнымъ прикрытіемъ лѣса, благополучно достигнувъ его.

Толпа въ безпорядкѣ бѣжала по полю по направленію къ деревнѣ.

Онъ скомандовалъ сотнѣ остановиться. Сотенный фельдшеръ подъѣхалъ съ санитарной повозкой и при помощи нѣсколькихъ спѣшенныхъ казаковъ сталъ подбирать оставшихся на этомъ странномъ полѣ сраженія гражданской войны. Ихъ было немного. Въ видѣ вещественныхъ доказательствъ взяли и косу, лежавшую тутъ же, и бабій красный платокъ съ желтыми горошинами—символъ аграрной революціи. Платокъ лежалъ затоптанный, грязный, прорванный.

IX.

Къ уходившимъ съ поля Петру Петровичу и Сергѣю Ивановичу подъѣхалъ сотникъ. Онъ не зналъ ихъ, будучи вызванъ со своей частью изъ губернскаго города.

— Стой!—крикнулъ онъ.—Вы кто такіе?

Петръ Петровичъ отвѣтилъ:

— Я — уѣздный врачъ, а это — сынъ здѣшней помѣщицы, Истоминъ, Сергѣй Ивановичъ.

— Что же вы тутъ дѣлаете?—спросилъ сотникъ.

— А что жъ? — Ничего. Смотрѣли на гражданскую войну. Любопытно. Война была на Востокѣ, теперь война дома. Любопытно.

— А вотъ за любопытство вы, кажется, наказаны? — спросилъ сотникъ.

— Слегка, ваше благородіе, — отвѣтилъ Петръ Петровичъ, держась правой рукой за лѣвую и потирая ее. — Да и вы не безъ этого. Только не за любопытство, а за военные подвиги. Ручку-то ранили?

— Да, камнемъ зашибли. Это пустяки.

— А дайте-ка взглянуть!

Сотникъ показалъ руку.

— Гм... здорово зашибли.

На рукѣ, между кистью и локтемъ, былъ громадный кровоподтекъ, и вся рука вспухла.

— Придется полечиться, — сказалъ Петръ Петровичъ, — но ничего такого серьезнаго. До свадьбы заживетъ, — пошутилъ онъ. — У меня простой ушибъ. Но это тоже ничего. Не всякій день увидишь такое рѣдкое зрѣлище.

— И зачѣмъ вы совались? — примирительнымъ тономъ сказалъ сотникъ. — Я по долгу службы. А вы изъ пустого любопытства.

— Развѣ долгъ службы избивать свой народъ? — проговорилъ Петръ Петровичъ. — Это печально, что есть такой долгъ. А? вы не согласны?

— А вы — изъ красныхъ? — насмѣшливо проговорилъ сотникъ.

— Я изъ малиновыхъ, — отвѣтилъ Петръ Петровичъ. — Имѣю честь кланяться. Обратитесь къ полковому врачу. — Арнику или свинцовую примочку приложите. А можетъ, и другое что. Я отсталъ отъ медицины.

— Благодарю за совѣтъ. Вы-то счастливо отдѣлались отъ моихъ казаковъ. Могло и вамъ попасть.

Онъ повернулъ лошадь и поскакалъ къ своему взводу.

— Бѣдный казачокъ, — сказалъ самъ себѣ Петръ Петровичъ. — Не вѣдаетъ, что творитъ. И всѣ не вѣдаютъ, что творятъ. Казаки, которые бьютъ своихъ братьевъ, и правительство, которое заставляетъ ихъ дѣлать это, и народъ, который жжетъ и грабитъ помѣщиковъ, во тьмѣ сознанія своихъ правъ, и мы съ вами, которые пошли смотрѣть на эту отвратительную экзекуцію. Ну, я уже очищенъ, потому что получилъ возмездіе. — Онъ указалъ на свою руку. — А вы? Вы все молчите.

Сергѣй Ивановичъ пожалъ плечами, ничего не отвѣтивъ.

Ему было до душевной боли отвратительно смотрѣть на это побоище и сердце его уныло сжималось, но истиннаго, горячаго возмущенія онъ все-таки не чувствовалъ. И это его смутно огорчало. Онъ возмущался умомъ, но не сердцемъ. Въ сердцѣ его жилъ одинъ образъ, одно видѣніе, заслонявшее собою все, властвовавшее безпредѣльно надъ всѣмъ. Какъ назойливо застрявшій въ его душѣ радостный напѣвъ, онъ звучалъ безпрерывно среди полной тишины и среди трагической музыки и свиста казачьихъ нагаекъ. Это была настоящая любовь, та любовь, которую фран-

цузскій мыслитель опредѣлилъ простыми, но вѣрными словами: „aimer—c'est indéfinitivement penser à celui qu'on aime". И эта дума о любимой женщинѣ стала давно составной частью его духовнаго организма.

— Къ обѣду будутъ у матери гости—Никаноръ Игнатьевичъ съ женой и Павелъ Васильевичъ съ женой—вашъ уѣздный предводитель дворянства.

Петръ Петровичъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и сказалъ:

— И еще мы съ вами, а можетъ быть и исправникъ. Но—что-жъ изъ этого?

— Я и сегодня не успѣю переговорить съ матерью. Она хотѣла со мной говорить, и я хочу съ ней говорить. Мнѣ нужно уѣхать отсюда.

— Зовутъ?—съ особеннымъ значеніемъ произнесъ врачъ.

— Да... Она зоветъ. Я здѣсь два мѣсяца. Я измучился при этомъ материнскомъ режимѣ. Мнѣ претитъ эта регламентація, эта сухость, этотъ деспотизмъ. Я хочу свободы.

Петръ Петровичъ усмѣхнулся.

— Новое вѣяніе! Кто не хочетъ теперь свободы? Со дня на день ждемъ манифеста, а его все нѣтъ.

— Онъ будетъ.

— Вы полагаете? — серьезно переспросилъ Петръ Петровичъ.—Если онъ будетъ, это будетъ чудо.

— Почему?

— Потому что нигдѣ не видано, чтобы бюрократія сама на себя накладывала руки, да еще въ расцвѣтѣ своей дѣятельности. Свободу не даютъ, а берутъ, и вы увидите, что это будетъ полусвобода, мякина вмѣсто хлѣба, суррогатъ, который никого не удовлетворитъ. А? вы не согласны? вотъ и вы... вы все ждете освобожденія отъ маменьки, вмѣсто того, чтобы увязать въ одинъ прекрасный день чемоданы и сказать: „шеръ маманъ, я уѣзжаю".— Онъ исковерканно выговорилъ эти два слова по-французски и засмѣялся.

— Я такъ и сдѣлаю.

— Сомнѣваюсь. Вы страдаете тѣмъ, чѣмъ большинство русскихъ людей: импотенціей воли. Вотъ мой діагнозъ! А? вы не согласны?

X.

Они шли къ деревнѣ молча.

Ранняя осень, внезапно наступившая, повидимому, готова

была такъ же внезапно исчезнуть. Былъ августъ въ началѣ, и странно было видѣть эту падающую листву, точно подточенную какимъ-то тяжкимъ недугомъ. Но это, очевидно, былъ послѣдній дождливый день. Солнце все ярче и ярче разгоралось на небѣ и самое небо становилось синѣе. Въ воздухѣ разливалась прежняя теплота, дорожки быстро просыхали.

Высоко по голубому эѳиру неба летѣли чернымъ угломъ журавли и держали путь въ иныя страны, гдѣ солнце ярче блещетъ и гдѣ зелень долго еще сохраняетъ свою темно-зеленую одежду.

Сергѣй Ивановичъ поглядѣлъ вверхъ и позавидовалъ этимъ птицамъ.

„Они свободны!—подумалъ онъ.—Для нихъ не нужны ни чемоданы, ни поѣзда".

Онъ подивился этимъ страннымъ мыслямъ, вдругъ овладѣвшимъ имъ, и еле замѣтно усмѣхнулся.

Наконецъ, они дошли до дому, но Сергѣй Ивановичъ не пошелъ къ матери, а ушелъ въ паркъ, въ самую глухую аллею, и сѣлъ тамъ на полуразвалившейся скамейкѣ, съ книгой въ рукахъ, которую онъ захватилъ изъ своей комнаты.

Петръ Петровичъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ и, скручивая пожелтѣвшими отъ табаку пальцами толстыя папиросы, обильно муслилъ ихъ и курилъ одну за другою.

Ему хотѣлось говорить, но Сергѣй Ивановичъ былъ углубленъ въ чтеніе.

— Интересно, должно быть?—не удержался Петръ Петровичъ, прицѣлившись въ лужу и бросая въ нее окурокъ.

— Что?.. Очень!—отрываясь отъ чтенія, сказалъ онъ. И тотчасъ, какъ бы въ свое оправданіе, прибавилъ:—Нѣсколько друзей, собравшихся у развалинъ древняго Рима, говорили о дѣлахъ минувшихъ и о будущей жизни. Они когда-нибудь снова здѣсь соберутся, много вѣковъ спустя; но такъ какъ они не будутъ знать, что это они, то они и не будутъ тѣми, которые здѣсь теперь. И это грустно, очень грустно, такъ что плакать хочется...

Голосъ его дрогнулъ. Онъ замолчалъ, поникъ головою.

— Ахъ, еслибы знать, что есть за предѣлами нашей жизни другая жизнь! Какое бы это было утѣшеніе. Какъ разумна и полна значенія стала бы жизнь, которая кажется теперь такой ненужной и пустой!—вырвалось у него.

И снова онъ замолчалъ, и лицо его приняло грустное, убитое выраженіе.

— Бромъ вамъ надо пить, вотъ что̀!—суровымъ тономъ сказалъ врачъ:—бромъ и бромъ. И даже десять граммъ на сто-восемь-

десятъ аквы-дистилляты. Три раза въ день по столовой ложкѣ. Вотъ вамъ рецептъ. Что такое?—загорячился онъ:—что такое, въ самомъ дѣлѣ?! Ожидается конституція, заключеніе мира, а пока на вашихъ глазахъ происходятъ аграрные безпорядки. Казаки калѣчатъ людей, на Востокѣ льется человѣческая кровь. Ляоянъ, Портъ-Артуръ, Мукденъ, Цусимская катастрофа—тамъ вдали; забастовки, кровопролитіе 9-го января, бунты, убійства, репрессаліи—здѣсь внутри. А вы затянули одну пѣсню: „Катюша да Сима. Да вѣчная жизнь, да любовь и прочее сему подобное". Это возмутительно! Ни общественная, ни государственная жизнь васъ не интересуетъ. А? вы не согласны?

Онъ почти съ досадой посмотрѣлъ на Сергѣя Ивановича и ждалъ отвѣта.

Повидимому, давно уже зрѣло это осужденіе въ его головѣ, и онъ теперь его высказалъ.

Сергѣй Ивановичъ закрылъ книгу и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

Петръ Петровичъ не далъ ему времени отвѣтить.

— Вотъ, вы читаете французскія книги и приходите отъ нихъ въ умиленіе. Васъ трогаетъ судьба этихъ французовъ съ ихъ трансцендентальной философіей, и вы готовы пролить слезу о томъ, что когда они умрутъ и снова возродятся, то не будутъ знать, что это они самые, а потому и не будутъ тѣми самыми. А вотъ участь сироты Агашки, выгнанной изъ дому на свѣтъ Божій безъ куска хлѣба, вытолкнутой на развратъ, потому что она одиночка, красива и бѣдна, а вотъ участь искалѣченныхъ казаками людей, а вотъ эта самая конституція, которая должна дать права человѣка людямъ безправнымъ, а вотъ алая кровь защитниковъ родины, осиротѣвшія семьи, лишившіяся отцовъ, жены, превратившіяся во вдовъ, деревни, изъ которыхъ увели кормильцевъ на бойню, голодъ, нищета, невѣжество, непроглядная тьма—все это вамъ чуждо, далеко, не трогаетъ васъ. Почему? А? Почему все это не трогаетъ васъ и почему вы копошитесь въ вашихъ мелкихъ личныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ? Я не спорю,—замѣтивъ движеніе Сергѣя Ивановича, прервалъ онъ его, торопясь досказать свою мысль,—ваша любовь можетъ быть не мелкой, огромной; вы имѣете право любить. Но, другъ мой! Есть же въ жизни человѣческой еще что-нибудь святое, кромѣ женщины? И есть историческіе моменты, когда личная жизнь отходитъ, должна отойти на второй планъ...

Онъ сильно затянулся толстой папиросой и выпустилъ клубъ дыма, который на мгновенье заволокъ его лицо.

Глаза Сергѣя Ивановича, обыкновенно спокойные, какъ бы подернутые дымкой грусти, глубоко засѣвшей въ его душѣ, теперь оживились и даже заблестѣли. Онъ внимательно выслушалъ рѣчь Петра Петровича и нѣсколько разъ пытался возражать.

Теперь онъ воспользовался паузой и съ необычной для него быстротой заговорилъ:

— Петръ Петровичъ! Я не совсѣмъ согласенъ съ послѣднимъ: общая жизнь складывается изъ личной, а общественная жизнь есть сумма жизней отдѣльныхъ личностей.

Петръ Петровичъ поморщился и покрутилъ головой.

— Это банально, другъ мой,—сказалъ онъ.

— Ахъ, да что же не банально?—горячо возразилъ Сергѣй Ивановичъ.—Все банально и все ново, какъ къ чему подойти. Я хочу только сказать, что жизнь личности не должна стушеваться на второй планъ. Но оставимъ это. Я—банальный человѣкъ, пусть такъ, я не спорю,—быстро прибавилъ онъ на очевидное желаніе врача возразить.—Нѣтъ, нѣтъ, не будемъ говорить комплиментовъ. Я баналенъ. Ну, что-жъ, я это знаю. Я даже храбро сознаюсь вамъ, что я холоденъ и равнодушенъ къ этой дикой сумятицѣ, которую хотятъ называть русской революціей. Я даже отчасти презираю ее; такъ, не очень, а слегка! Эта революція—покушеніе съ негодными средствами.

Петръ Петровичъ преувеличенно выпучилъ глаза.

— Ну, да. Революція должна быть организованной, сплоченной, яркой, безумной, безпощадной. А всѣ эти мелкіе бунты и бунтики, забастовки и безпорядки—это такъ, бурленіе воды на холодномъ очагѣ, воды, которая никакъ не можетъ закипѣть и забить ключомъ.

— Но погодите...

— И годить нечего. Она все только будетъ булькать, а не кипѣть. Это не великая французская революція цѣлаго народа. Великая, жестокая и безумная. И вотъ она меня—сознаюсь,—улыбнувшись, сказалъ онъ,—къ вашему ужасу, почти не трогаетъ. Я рѣдко говорю о политическихъ дѣлахъ,—не умѣю, не люблю говорить. Оттого и не люблю, что не умѣю. Но я думаю, что для революціи, для завоеванія не фиктивной, а настоящей свободы, нужна настоящая сила, взаимодѣйствіе всѣхъ силъ страны, а не то, что когда „народъ безмолвствуетъ“, или когда грабитъ и жжетъ, не сознавая цѣли. Слишкомъ велика пропасть между интеллигенціей и народомъ. Это чужіе другъ другу люди...

— Но позвольте...

— Нѣтъ, ужъ позвольте теперь мнѣ. Вы много говорили, и я много васъ слушалъ.

— Ну, ладно, говорите, послушаемъ....—согласился Петръ Петровичъ.

— Слушайте. Когда народъ ведетъ нищенскую жизнь, умираетъ отъ эпидемій, голодаетъ отъ неурожаевъ; когда интеллигенція есть синонимъ бюрократіи, когда городскіе люди не имѣютъ связи съ землей, когда общій разбродъ и неразбериха, когда подаются въ равномъ количествѣ адресы о коренныхъ реформахъ и адресы о сохраненіи стараго строя,—то гдѣ же сила протеста? Народъ истощенъ болѣзнями, голодомъ, невѣжествомъ. Интеллигенція развращена окладами, чинами, наградами. Купечество и свободныя профессіи—tiers états что-ли, котораго у насъ, собственно, нѣтъ—валятъ черезъ пень колоду и находятся въ вѣчномъ антагонизмѣ,—гдѣ же тутъ взаимодѣйствіе силъ?

Истоминъ сдѣлалъ передышку и неожиданно закончилъ:

— А впрочемъ, все это можетъ быть и вздоръ.

— Какъ вздоръ? Почему вздоръ?—съ недоумѣніемъ спросилъ Петръ Петровичъ.

Но уже прежнее одушевленіе сразу покинуло Сергѣя Ивановича. Глаза его вновь погасли и на лицѣ явилось скучающее, усталое выраженіе.

— Все вздоръ, что я говорилъ. Вѣроятно, я ошибаюсь. Вѣрнѣе всего я самъ, я, Сергѣй Ивановичъ, я лично не гожусь для этого великаго дѣла возрожденія родины. Да и мы всѣ мало годимся. Но буду говорить, если вы не устали слушать, только о себѣ. Не устали? Ну, и чудесно. Я рѣдко говорю, но вы же меня подзадорили, и потому постараюсь разомъ—vider la question.

— Мы, восьмидесятники, разучились ходить и даже желать ходить. Слишкомъ ужъ долго провалялись мы на кушеткѣ. Въ чемъ, я васъ спрашиваю, заключается истинный патріотизмъ?

Петръ Петровичъ снова закуривалъ и не имѣлъ времени отвѣтить на вопросъ.

Сергѣй Ивановичъ воспользовался этимъ и, не давая ему времени, быстро заговорилъ:

— Въ познаніи своей родины. Изъ этого познанія вытекаетъ любовь къ тому сложному отвлеченному коллективному понятію, которое называется родиной. Нельзя, вѣдь, любить того, о чемъ знаешь по наслышкѣ. Нельзя любить и женщину, о которой вы только слыхали, но которую вы не знаете. Но намъ строжайше запрещали познавать родину. Злой дядя оберегалъ свою воспитанницу отъ поползновеній учителя музыки. Насъ не допускали

близко къ этой опекаемой воспитанницѣ, и въ концѣ концовъ добились того, что мы перестали интересоваться ею. Ну, вотъ, мы и не любимъ ее. Можетъ быть, и любимъ, но той странной любовью, о которой говорилъ Лермонтовъ. Въ ней больше печали, чѣмъ радости, въ ней больше недоумѣнія, чѣмъ знанія. Словомъ, мы стали равнодушны и отошли въ сторону. Дѣлайте, молъ, что̀ хотите съ этой родиной, а моя изба съ краю, какъ вы сами говорите, господа опекуны. Мы стали ѣздить за границу и познавать иные берега, иныя волны. Мы знаемъ лучше Парижъ, чѣмъ Москву, а какую-нибудь Чухлому и вовсе не знаемъ. Еще два слова: патріотизмъ, какъ и всякое чувство, требуетъ упражненія. Какъ все, онъ отъ неупотребленія глохнетъ. Зато личныя дѣла и дѣлишки въ эту, недоброй памяти, эпоху восьмидесятыхъ годовъ развились необычайно. И еще одно только слово: служеніе родинѣ при тѣхъ условіяхъ требовало героизма. Но героизмъ въ насъ вытравлялся систематически. Да и что̀ можетъ сдѣлать одинъ герой на сотни тысячъ безпочвенниковъ и равнодушныхъ? Это вспышка молній безъ грома. Далекая зарница.

Онъ опять глубоко вздохнулъ, сдѣлалъ передышку, положилъ руку на толстое, круглое колѣно доктора и сказалъ:

— Я кончилъ. Вотъ вамъ моя гражданская исповѣдь. Я, кажется, сказалъ все, что̀ хотѣлъ, но сказалъ какъ умѣлъ. Мы люди восьмидесятыхъ годовъ, люди въ этомъ смыслѣ конченные. Отъ насъ нечего ждать обновленія и работы. Наши силы, наша воля атрофированы бездѣйствіемъ. Поймите это и не вините насъ сурово. Жестокій режимъ, при которомъ мы жили, совершилъ тяжкое преступленіе,—его и вините.

Сергѣй Ивановичъ замолчалъ, поникъ головой и сталъ вычерчивать палкой въ мягкой глинистой почвѣ какіе-то гіероглифы.

— Что̀ же вы молчите? — спросилъ онъ Петра Петровича, который съ озлобленіемъ бросилъ окурокъ въ лужу.—Говорите, возражайте...

— Что̀ же говорить? Вы правы. Но откуда же, отъ кого ждать обновленія, ежели всѣ—импотенты? А?

Сергѣй Ивановичъ развелъ руками.

— Этого я не знаю.

Время подошло къ пяти часамъ, и, взглянувъ на часы, Сергѣй Ивановичъ заторопился. У Елены Васильевны обѣдали рано, по-деревенски, около пяти часовъ.

Оба нехотя встали со скамьи. Сергѣй Ивановичъ—съ усталымъ и слегка встревоженнымъ видомъ, безпокоясь, какъ бы не опоздать, Петръ Петровичъ—съ чуть скрываемой насмѣшкой глядя на него.

XI.

Иванъ Ивановичъ былъ съ женой, маленькой, худенькой блондинкой; она была немолода и имѣла видъ цыпленка, промокшаго подъ дождемъ, нервно вздрагивала, когда начинали говорить слишкомъ громко, и любовно взглядывала на своего мужа, а когда тотъ говорилъ, то съ торжествомъ смотрѣла на своихъ сосѣдокъ—Тихменеву и Залѣсову, какъ бы желая обратить ихъ вниманіе на замѣчательныя мысли своего супруга.

Петръ Петровичъ повернулъ плетеный соломенный стулъ и, сѣвъ на него верхомъ, скрутилъ толстѣйшую папиросу. Тихменева на него покосилась, поджала губы, пожевала ими, но ничего не сказала. Она терпѣть не могла этихъ „независимыхъ" манеръ врача, но покорялась имъ, какъ неизбѣжному злу.

— Ну что, почтеннѣйшій предводитель,—началъ Петръ Петровичъ, обращаясь къ Ивану Ивановичу.—Слыхалъ, будто объявили Государственную Думу?

— Неужели вы не читали? Вчера въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ былъ манифестъ и положеніе.

— Я „Губернскихъ Вѣдомостей" не чтецъ, а пуще образцовыхъ, каковы наши.

Иванъ Ивановичъ почтительно улыбнулся, хотѣлъ даже разсмѣяться этой бутадѣ, но у него смѣхъ не вышелъ.

— Однако,—сказалъ онъ,—это такая великая реформа, что слѣдовало бы поинтересоваться.

Петръ Петровичъ крякнулъ.

— Въ общихъ чертахъ она мнѣ извѣстна: въ депутаты, которыхъ запрещено называть депутатами, такъ какъ Дума не парламентъ, попадутъ кабатчики, домовладѣльцы, помѣщики и кулаки-мужики,—словомъ, люди съ большимъ цензомъ. Эти „народные" представители, которыхъ запрещено называть представителями, а только выборными, могутъ излагать свои мнѣнія, слушаться которыхъ необязательно, потому что это не парламентъ, а совѣщательное учрежденіе. Впрочемъ, они могутъ дѣлать робкіе запросы министрамъ, которые могутъ не отвѣчать этому собранію нотаблей, а посылать для отвѣтовъ мелкихъ чиновниковъ. И то много чести. Кромѣ того, извѣстно мнѣ—правда, по слухамъ,—что нотабли будутъ получать десять рублей суточныхъ и билетъ перваго класса отъ и до своихъ „Монрепо"; кромѣ того, имъ будутъ отведены казенныя помѣщенія въ запасныхъ

дворцахъ — нѣчто вродѣ почетныхъ тюремъ. И еще, что Дума будетъ помѣщена въ Таврическомъ дворцѣ, который, пишутъ, нѣтъ возможности отапливать. Это хорошо. Долго не будутъ засиживаться, получать гриппы и насморки, Дума будетъ блистать абсентеизмомъ и дѣла будутъ дѣлаться безъ нея.

Онъ захлебнулся дымомъ и звонко, раскатисто раскашлялся.

— Удивительно!! — съ комическимъ паѳосомъ проговорилъ Иванъ Ивановичъ. — Впрочемъ, ничего удивительнаго нѣтъ. Такова черта истиннаго русскаго человѣка. Издѣваться надъ всѣмъ новымъ своимъ, даже не давъ войти этому новому въ силу. Вы уже не вѣрите, еще не помолившись. Это первые шаги. Ребенокъ тоже не начинаетъ бѣгать сразу. Его учатъ.

Худенькая дама посмотрѣла на всѣхъ съ побѣдоноснымъ видомъ и вызывающимъ взглядомъ окинула дерзкаго Петра Петровича.

— Почтеннѣйшая Евгенія Петровна,—сказалъ ей врачъ,— вы меня хотите уничтожить и обратить особливое вниманіе на слова достопочтеннѣйшаго нашего предводителя. Ихъ внѣшній блескъ я признаю.. Желаю ему здоровья и званія выборнаго отъ населенія въ Думу.

— О, онъ не будетъ выбранъ!—воскликнула она и остановилась, какъ бы ожидая возраженія.

Сергѣй Ивановичъ изъ вѣжливости спросилъ:

— Почему??

Она ждала этого вопроса и отвѣтила съ увлеченіемъ:

— Онъ слишкомъ либералепъ, его считаютъ въ уѣздѣ крайнимъ, и число членовъ Думы очень ограничено,—нѣтъ, онъ не попадетъ, не попадетъ. У насъ не умѣютъ отличать людей.

— А орденочекъ св. равноапостольнаго Владиміра получили, ваше превосходительство?—вдругъ неожиданно спросилъ Петръ Петровичъ.

— Это—почему? Почему вы спрашиваете? — насупившись, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Такъ, изъ любопытства, изъ чистаго любопытства, ваше превосходительство.

Иванъ Ивановичъ сдѣлался еще суше и наставительнымъ тономъ отвѣтилъ:

— И чинъ статскаго совѣтника, и орденъ Владиміра я получилъ. Я двѣнадцать лѣтъ работаю для общественной пользы, не покладая рукъ. И полагаю, что заслужилъ то, что заслужилъ.

— Да я не спорю. А я вотъ двадцать-два года работаю для общественной пользы и ни чертà не заслужилъ, и окромя

того полагаю, что ежели Дума будетъ состоять изъ превосходительствъ съ Владимірами, то отъ сего польза произойдетъ малая.

Онъ говорилъ теперь рѣзко, не сдерживаясь. Это иногда находило на него, какъ находило желаніе вставлять въ свою рѣчь простонародныя выраженія.

— Какая польза человѣку, ежели онъ Владиміра обрящетъ, душу же свою отщетитъ?—продолжалъ онъ.

Иванъ Ивановичъ презрительно пожалъ плечами.

Петръ Петровичъ продолжалъ:

— Вотъ-съ, почтеннѣйшая супруга ваша находитъ васъ опаснымъ, въ смыслѣ либеральности, а я нахожу, что ежели Дума будетъ состоять изъ разныхъ превосходительствъ, коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ, домовладѣльцевъ и кулаковъ подъ видомъ представителей крестьянскаго населенія, то все останется попрежнему-съ и ничего въ этой Думѣ „опаснаго" не будетъ. Ее будутъ спрашивать: какъ поступить, а она будетъ отвѣчать: какъ прикажете. И благо вамъ будетъ и долголѣтни будете на землѣ. Аминь.

— Во что же вы вѣрите?—спросилъ Никаноръ Игнатьевичъ, обращаясь къ врачу.

— Во все-съ, уважаемый Никаноръ Игнатьевичъ, во все-съ.

— Однако?

— Во все: вотъ въ то, что я здѣсь сижу. И въ то, что осень смѣнилась нежданно-негаданно бабьимъ лѣтомъ. И въ то, что сейчасъ казаки калѣчили людей, о чемъ вы всѣ, конечно, освѣдомлены, но такъ мало этимъ интересуетесь, что ничего объ этомъ не говорите.

— Мы къ этимъ безпорядкамъ за эти полтора года достаточно привыкли,—отвѣтилъ Никаноръ Игнатьевичъ.

— Къ этому нельзя навыкнуть. Никогда вы не привыкнете къ тому, ежели вамъ будутъ ежедневно ломать по ребру или пущать кровь. А? Вы не согласны? Вѣрю еще и тому, что у насъ есть либералы-предводители въ превосходительныхъ чинахъ, крѣпостники-помѣщики и помѣщицы; вѣрю въ существованіе губернаторовъ, исправниковъ, земскаго урядника и стражника. Вѣрю въ существованіе ндифферентовъ и ревнивыхъ женъ. Вѣрю, что содержатели домовъ терпимости по своему имущественному цензу могутъ попасть въ Думу. Ну, и во все прочее, что даетъ жизнь. Но не вѣрю я тому, что долго содержимая въ рабствѣ и во тьмѣ невѣжества Россія вдругъ обновилась и стала свободной и просвѣщенной. Не вѣрю я, что это можетъ произойти при помощи этой своеобразной Думы. Не вѣрю я, чтобы вдругъ

разступилась тьма и наступило райское сіяніе. Можетъ быть, послѣ многихъ лѣтъ тьмы, наступятъ сумерки. Предразсвѣтныя сумерки. Но до утренней зари далеко...

Онъ бросилъ папиросу черезъ террасу въ садъ, перевернулъ стулъ и сѣлъ обычнымъ образомъ.

Ему никто не отвѣтилъ.

XII.

Всѣ отправились въ столовую. Ѳеня и другая дѣвушка подавали обѣдъ. Ѳеня,—неловкая и неповоротливая,—облила пиджакъ Никанора Игнатьевича, который очень на это разсердился и вспомнилъ не безъ горечи ловкую, живую Агашу.

Евгенія Петровна, чтобы замять инцидентъ, стала разсказывать о мобилизаціи въ уѣздѣ.

— Мой мужъ теперь работаетъ съ восьми утра до девяти вечера, — говорила она тоненькимъ голоскомъ. — Онъ предсѣдательствуетъ по мобилизаціи. Не понимаю, зачѣмъ мобилизація, когда миръ почти заключенъ? Нужно пересмотрѣть десять тысячъ человѣкъ, а взять шесть. Очень боюсь, что все это пройдетъ неспокойно. Призываемымъ кто-то внушилъ, что правительство нарочно распустило слухъ о мирѣ, чтобы они не бунтовали. А я думаю, что наконецъ мы поумнѣли и мобилизуемся на всякій случай, чтобы добрые сосѣди это видѣли.

Она задыхалась отъ такой длинной рѣчи, ея впалая грудь тяжело вздымалась. Она любовно взглядывала на мужа и искала у него одобренія.

Но онъ сказалъ:

— Напротивъ, я думаю, что мобилизацію остановятъ.

— И представьте,—передохнувъ, продолжала она,—множество изъ призываемыхъ обращаются ко мнѣ. Просятъ освобожденія. Много несчастныхъ женъ и матерей. Одна даже взятку притащила—двухъ хохлатыхъ куръ.

— А вы не взяли?—невиннымъ тономъ спросилъ врачъ.

— Петръ Петровичъ!—строго остановила его Тихменева.

— Нѣтъ, отчего же, я вѣдь только спрашиваю.

Лицо Евгеніи Петровны пошло пятнами.

— Я не удивляюсь вашему вопросу,—отвѣтила она тонкимъ дрожащимъ голосомъ.—Вы такой всегда дерзкій. Я не взяла. Я успокаивала ее, какъ умѣла и могла, но никакъ не умѣла доказать бабѣ и объяснить ей, что она меня обидѣла. Наконецъ, разозлилась и затопала на нее ногами.

— Воображаю, какъ это было страшно! — вполголоса сказалъ Петръ Петровичъ, толкнувъ локтемъ Сергѣя Ивановича. Тотъ невольно улыбнулся.

— Что вы сказали?—грозно спросила Тихменева.

— Ничего-съ. Скрозь себя!—отвѣтилъ онъ насмѣшливо.

Евгенія Петровна продолжала:

— Бѣдный, несчастный, неразумный, темный народъ! Кто только ихъ не надуваетъ, кто не грабитъ! Сколько надо будетъ времени, чтобы мозгъ ихъ началъ работать!

Въ ея слабенькомъ голосѣ послышались слезы. Она вздрогнула и примолкла, какъ обиженный цыпленокъ.

Это тронуло даже Петра Петровича. Онъ перегнулся черезъ столъ, опрокинулъ стаканъ и протянулъ ей руку.

— Позвольте ручку поцѣловать,—сказалъ онъ.

— За что? — съ удивленіемъ взглянувъ на него, спросила она.

— Вотъ за эти самыя слова-съ. Хорошія слова и вѣрныя. Красивыя слова.

Онъ сѣлъ на мѣсто, поставилъ стаканъ и закрылъ салфеткой образовавшееся отъ вина пятно на скатерти.

Елизавета Ѳедоровна скривила на своемъ лицѣ улыбку, которую можно было одновременно счесть и за насмѣшливую, и за одобрительную. Тихменева еще не высказала по поводу этихъ словъ своего безапелляціоннаго мнѣнія, и потому надо было имѣть про запасъ двѣ улыбки. Иванъ Ивановичъ поглядѣлъ сочувственно на свою жену: „вотъ она, молъ, у меня какая!“ и тутъ же подумалъ: „нѣтъ, лучше ужъ цыпленокъ, чѣмъ разварной судакъ“.

Но Тихменева готовилась къ отвѣту.

Дрожащими отъ старости руками она налила себѣ въ рюмку домашней наливки, которая считалась spécialité de la maison. Потомъ она обвела всѣхъ строгимъ взоромъ, потому что любила, чтобы молчали, когда она говоритъ, и изрекла:

— Вотъ именно: темный народъ, неразумный. А по-моему, просто глупый. Вотъ имъ дали теперь парламентъ и ожидаютъ отъ нихъ какой-то мудрости. А они, въ благодарность, распахиваютъ чужую землю и бунтуютъ. И когда ихъ освободили отъ насъ, помѣщиковъ, то они тоже вмѣсто благодарности бунтовали. И чѣмъ больше дайте имъ свободы, тѣмъ больше они будутъ бунтовать.

Никто не возражалъ, и Тихменева, сдѣлавъ передышку, продолжала:

— А почему?

Петръ Петровичъ уже кипѣлъ желаніемъ отвѣтить, но она не дала ему на это времени.

— А потому, что освобожденіе отъ крѣпостной зависимости сдѣлано было рано, несвоевременно и вдругъ. Они разорились, мы обнищали. И теперь,—парламентъ вашъ сдѣланъ несвоевременно и вдругъ. Правительство испугалось и уступило крикунамъ и смутьянамъ. Вы увидите, что̀ будетъ! И потомъ мужикъ—въ Думѣ!—Она засмѣялась.—Онъ простой человѣческой рѣчи не понимаетъ, а тутъ вдругъ будетъ говорить какой-нибудь красный профессоръ о капитализмѣ и политической экономіи, а нашъ хамъ будетъ хлопать ушами и тосковать по водкѣ...

— Это пожалуй что и вѣрно,—нерѣшительно проговорилъ Иванъ Ивановичъ, и уже болѣе рѣшительно прибавилъ: — Во Франціи нѣтъ крестьянъ въ парламентѣ. Они выбираютъ какого-нибудь адвокатика, околачивающагося въ ихъ округѣ, или помѣщика, или отставного военнаго, и посылаютъ его своимъ представителемъ въ парламентъ. А у насъ—подлинный мужикъ. У насъ вѣдь все самобытно, по-своему, не какъ у людей.

— Эхъ, вы! — вдругъ прорвался Петръ Петровичъ. — Вы крѣпостные могикане! Для васъ народъ не кормилецъ родины, а мужикъ, хамъ, темный звѣрь. Что̀ изъ того, что его освободили? Освободили чуть не безъ земли, обложили тяжелымъ выкупомъ и сознательно злостно лишили просвѣщенія. Еслибы васъ заставляли голодать? Спаивали водкой и запретили бы учиться, то и вы превратились бы въ „темныхъ хамовъ". А? Что? А только я все-таки выскажусь до конца,—а потомъ гоните хоть изъ-за стола, мнѣ все равно.

— Ѳеня!—строго сказала Тихменева. — Уходи! Я тебя позову, когда надо.—Какъ вамъ не стыдно говорить такія вещи при людяхъ?—обратилась она къ Петру Петровичу.

— Да, вѣдь, если она—*люди*, то кто же мы? Звѣри, что-ли?—грубо отвѣтилъ ей врачъ и продолжалъ: — Вѣдь какой составъ будетъ этой Думы: остатки прежняго крѣпостного поколѣнія — ихъ къ счастію немного. Это — консервативный и непримиримый тормазъ. Затѣмъ поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ — индифференты и импотенты, равнодушные къ общимъ дѣламъ... И темный, непросвѣщенный народъ. Нѣсколько передовыхъ — въ счетъ не идутъ. Это какъ бы нарочно, чтобы доказать воочію всю неприглядность голоса земли... Но вотъ я кончилъ. Возражайте.—Онъ налилъ себѣ стаканъ краснаго вина и выпилъ его залпомъ.

Всѣ молчали.

— Въ сущности,—началъ наконецъ Никаноръ Игнатьевичъ,— вы говорите то же, что̀ наша добрая хозяйка. Только подъ другимъ соусомъ.

— Неправда!—крикнулъ Петръ Петровичъ.

— Какъ неправда? Вы не вѣрите въ Думу, и Елена Васильевна въ нее не вѣритъ. Въ чемъ разница?

— А въ томъ, достопочтеннѣйшій, — въ томъ, что она не вѣритъ въ самый принципъ и находитъ его негоднымъ. Я этого не нахожу. Я нахожу, напротивъ, что принципъ и годенъ, и приложимъ, и необходимъ. Я говорю только, что ни отъ поколѣнія крѣпостниковъ, ни отъ поколѣнія восьмидесятниковъ добра ждать нечего; поймите меня! Но крѣпостниковъ осталась горсточка, а ихъ дѣти, восьмидесятники, тоже скоро сойдутъ съ арены общественной дѣятельности. Но у восьмидесятниковъ есть дѣти, новое поколѣніе.

— Оно еще молодо.

— Вѣрно. Но оно подростетъ... Можетъ быть, оно... а до тѣхъ поръ будетъ переходная стадія.

Сергѣй Ивановичъ взмахнулъ глазами на Петра Петровича. Ему хотѣлось сказать, что онъ не увѣренъ въ новомъ поколѣніи, которое въ сущности есть продолженіе поколѣнія восьмидесятыхъ годовъ, но онъ ничего не сказалъ.

— Однако, все это не основаніе чтобы считать учрежденіе парламента несвоевременнымъ. И пока его не будетъ, а будутъ бюрократы и усмотрѣніе, до тѣхъ поръ просвѣщеніе молодежи и народа не будетъ возможно, потому что не будетъ въ выгодахъ правительства. Нѣтъ, государи мои, Дума нужна-съ. И даже очень. Какъ начало, какъ первый шагъ, какъ узда для произвола. Прежде всего освободите мысль, дайте ей свободу. Пусть всѣ будутъ свободомыслящими.

Никаноръ Игнатьевичъ хихикнулъ.

— Вы чего?—спросилъ его Петръ Петровичъ.

— Что такое свободомыслящіе?—отвѣтилъ онъ. — Это тѣ, кто не говоритъ того, что̀ думаетъ, и не думаетъ того, о чемъ говоритъ.

— Гдѣ изволили вычитать подобный парадоксъ?

— Это не важно! — отвѣтилъ Никаноръ Игнатьевичъ, покраснѣвъ.—Важно, что это вѣрно.

— Какъ для кого-съ.

Всѣ замолчали, и обѣдъ кончился вяло.

XIII.

Тихменева была очень недовольна дерзостями Петра Петровича. Дулся на него и Иванъ Ивановичъ, и Никаноръ Игнатьевичъ, и Елизавета Ѳедоровна,—послѣдняя за то, что онъ осмѣлился говорить такъ съ „почтеннѣйшею Еленой Васильевной". Только худенькая Евгенія Петровна перестала на него дуться и изрѣдка взмахивала на него бѣлесоватыми рѣсницами своихъ безцвѣтныхъ глазокъ, въ которыхъ стояло выраженіе благодарности за поцѣлуй ея ручки. Она вѣдь не воображала, что сказала нѣчто трогательное или умное; это вышло случайно. Но разъ Петръ Петровичъ—самъ Петръ Петровичъ — нашелъ, что это хорошо,—значитъ, это и было хорошо. Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ хмуро. Ему надоѣли эти разговоры, эти распри, толки о Думѣ. Онъ уже давно слышалъ всѣ эти толки и неисчислимое количество разъ повторяемую формулу: „всеобщая, равная, прямая и тайная". Эту фразу затрепали, захватали, и то, что̀ таило въ себѣ большую истину, стало теперь почти комической выходкой. И потомъ такъ долго говорятъ! Полгода говорятъ все о томъ же! Нельзя такъ много говорить—надо дѣлать. Съ одной стороны сражаются языкомъ, а съ другой казаками. Оружія — неравныя. Нужно одно: нужно замолчать, или взять то, что̀ нужно, не словами, а силою.—Сергѣй Ивановичъ самъ себѣ подивился. Онъ ли такъ разсуждаетъ? Да, это онъ, такъ далекій отъ политики, крѣпко заблиндировавшій себя отъ охватившаго всѣхъ движенія своимъ старымъ горемъ, перемѣшаннымъ съ новой радостью. Да, это онъ! Странныя времена! Новыя вѣянія врываются въ щели запертой двери. Онъ вдругъ ощутилъ запахъ нѣжныхъ духовъ—fleur qui meurt, которыми душилась Сима. Онъ точно почувствовалъ ихъ разлитыми вокругъ себя. „Это психологическое обоняніе",—подумалъ онъ съ усмѣшкой.

Разговоръ опять возобновился, хоть и не съ прежней силой, по поводу газетъ, которыя станціонный сторожъ принесъ съ вокзала желѣзной дороги, отстоявшаго отъ усадьбы верстахъ въ пяти. Но Сергѣй Ивановичъ уже не слушалъ этихъ вспышекъ догоравшаго разговора. Какъ все ему надоѣло! И мать, и ея гости, и деревня, особенно деревня, и даже самъ Петръ Петровичъ. Сергѣй Ивановичъ вспоминалъ запахъ духовъ и съ поэтической грустью думалъ о себѣ: „Я—тоже умирающій цвѣтокъ. Дни счастья ушли съ Катюшей, которая лежитъ тамъ далеко..."

Жизнь одинокая, жизнь унылая оцѣпила его. Пусть всѣ говорятъ объ общемъ благѣ и общемъ счастіи, которое — выше и шире личнаго. Пусть такъ. Но что же ему-то дѣлать, если онъ потерялъ вкусъ къ жизни и къ работѣ? Встряхнуться? Для чего? Конецъ одинъ и смыслъ жизни одинъ—это смерть. Изъ-за чего же трудиться, работать? И тутъ же опровергалъ себя: „Если я пріѣхалъ въ гостинницу, въ чужой городъ, съ намѣреніемъ прожить въ немъ недѣлю, то значитъ ли это, что я не долженъ распаковывать своего чемодана, вынуть вещи и привести себя въ порядокъ? Вѣдь все равно, молъ, черезъ нѣсколько дней уѣду—такъ стоитъ ли? Да отъ чего же нѣтъ? Лучше же прожить эти нѣсколько дней съ удобствомъ и комфортомъ, чѣмъ кое-какъ". И онъ вспомнилъ о Мишѣ. Тотъ, въ дѣтскіе годы, искренно удивлялся, зачѣмъ его заставляютъ мыть руки, когда онѣ опять сдѣлаются грязными. Не похожъ ли онъ на Мишу? Онъ умретъ, это несомнѣнно, но развѣ слѣдуетъ изъ этого, что не надо мыть руки, то-есть устраивать свое счастье и счастье другихъ на землѣ, только потому, что уйдешь съ нея въ невѣдомое царство небытія? Кто-то сказалъ, что вѣчный жидъ потому такъ безостановочно шелъ, что у него не было двугривеннаго, для остановки въ харчевнѣ. Не похожъ ли онъ на этого жида? Въ душѣ его тоже нѣтъ на двугривенный силы воли, чтобъ остановиться у счастья, и, кажется, вся его жизненная энергія унесена Катюшей въ могилу.

Глаза его затуманились, и онъ подавилъ въ себѣ глубокій вздохъ.

XIV.

Смеркалось. Кофе перешли пить на террасу.

Настроеніе у всѣхъ было невеселое. Елена Васильевна видимо дулась на сына, за то, что онъ собирался уѣзжать изъ деревни въ Петербургъ, и за то, что сталъ—подъ вліяніемъ Камчатскаго—не столь уже почтительнымъ, какъ прежде, и за то, что ей не удается съ нимъ поговорить въ теченіе цѣлаго дня, и за то, что этотъ разговоръ, если онъ даже состоится, не приведетъ ни къ чему. Она это чувствовала, знала и понимала.

Она хотѣла привязать его къ дому, къ деревнѣ, къ себѣ. Не потому, что она любила его; настоящаго материнскаго чувства у нея не было, да и не могло быть, такъ какъ, кромѣ материнской, инстинктивной, врожденной любви, должна быть привязанность къ сыну, привычка къ общенію; органическая любовь матери

должна превратиться въ силу. Органическое чувство было у нея всегда слабо, а за время долгой разлуки и натянутыхъ отношеній оно какъ-то вывѣтрилось.

Она пила чай, устремивъ свой взоръ въ темнѣвшія дали запущеннаго парка. Тамъ среди стволовъ таился мракъ и все было нѣмо и глухо вокругъ нея. Она перевела взоръ на сына, но у него былъ скучающій и равнодушный видъ; и всѣ молчали. И Залѣсовъ, и Лысогоровъ, и даже „эта трещотка" Камчатскій. Говорили вполголоса только Елизавета Ѳедоровна и Евгенія Петровна. И было тягостно и жутко вокругъ.

Прибѣжала на террасу горничная и принесла свѣтъ въ большихъ стеклянныхъ колпакахъ; стало свѣтлѣе и какъ будто веселѣе вокругъ, но зато паркъ и всѣ окрестности вдругъ исчезли точно во мракѣ небытія, и дали стали еще чернѣе, еще чреватѣе скрытыми въ нихъ злыми бѣдами.

Гдѣ-то вдали, а потомъ совсѣмъ близко раздался звонъ бубенчиковъ.

Опять прибѣжала горничная и что-то пошептала Сергѣю Ивановичу на ухо.

Онъ весь встрепенулся, вздрогнулъ, суетливо всталъ, потомъ сѣлъ.

Гости начали вполголоса разговоръ между собою.

Воспользовавшись этимъ, Сергѣй Ивановичъ спросилъ у дѣвушки:

— Гдѣ же онъ?

— Во флигелькѣ.

— Хорошо, пойду.

Елена Васильевна подозрительно взглянула на сына.

— Что такое?—недовольнымъ тономъ спросила она.

— Такъ, maman, ничего. Ко мнѣ пріѣхалъ неожиданно изъ Петербурга...

— Кто?

— Одинъ молодой человѣкъ,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Кто же?

— Такъ... знакомый.

Елена Васильевна поджала губы Она терпѣть не могла, когда кто-нибудь являлся въ ея домъ безъ предварительнаго разрѣшенія или приглашенія. Къ тому же сынъ ея до того смутился, что ей это появленіе гостя показалось подозрительнымъ.

Она больше ничего не сказала.

Сергѣй Ивановичъ ушелъ съ террасы, перешелъ комнаты,

погруженныя въ тьму, перешелъ дворъ и направился къ флигелю, въ которомъ жилъ.

Тамъ въ одномъ окнѣ былъ свѣтъ.

Сердце у Сергѣя Ивановича забилось. Онъ вообще нервничалъ въ послѣднее время, отъ страстнаго желанія поскорѣе покинуть этотъ домъ, и отъ того, что никакъ не могъ рѣшиться на это. Часы какой-то отупѣлой апатіи смѣнялись часами нервнаго возбужденія.

И отъ Симы давно не было писемъ.

Дрожащей рукой онъ открылъ дверь и вошелъ въ сѣни, гдѣ стоялъ раскрытый небольшой чемоданъ. Дверь въ комнату была тоже полуоткрыта.

За столомъ, подъ зеленымъ колпакомъ лампы, сидѣлъ въ задумчивой позѣ молодой человѣкъ и спокойно прислушивался къ шуму въ сѣняхъ.

Онъ былъ въ разстегнутой студенческой тужуркѣ, изъ-подъ которой виднѣлась мягкая синяя шолковая рубаха.

Сергѣй Ивановичъ стремительно вошелъ въ комнату.

— Миша!—сдавленнымъ голосомъ, порывисто сказалъ онъ и хотѣлъ броситься ему на шею, обнять, поцѣловать его.

Но Миша холодно всталъ и только протянулъ ему руку, всѣмъ корпусомъ отстранившись назадъ.

— Здравствуй, папа!—сказалъ онъ.—Удивленъ?

Миша задержалъ руку отца въ своей рукѣ, чтобы не дать ему ее высвободить и обнять его.

Потомъ онъ пододвинулъ стулъ отцу и сѣлъ самъ.

— Удивленъ... и обрадованъ,—какимъ-то виноватымъ голосомъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да-а? — протянулъ Миша, и трудно было понять, звучитъ ли въ этомъ словѣ скрытая насмѣшка, или полное равнодушіе.

— Ну, да, само собой,—торопливо заговорилъ Сергѣй Ивановичъ, и почувствовалъ, какъ волненіе и сконфуженность все больше и больше овладѣваютъ имъ.—Ну, да, очень. Сколько времени не видались!.. Какъ же такъ вдругъ? И не написалъ?..

— А что-жъ? Развѣ нужно было?—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ Миша.—Или ты все еще боишься бабушки?

Сергѣй Ивановичъ помолчалъ. Онъ обдумывалъ въ это время, что онъ скажетъ этой бабушкѣ, которая никогда не признавала существованія внука, упорно дѣлала видъ, что не знаетъ даже о его бытіи, и никогда не проститъ ни ему, ни сыну этого непрошеннаго вторженія.

— Да бабушка...—неопредѣленнымъ тономъ произнесъ Сергѣй Ивановичъ.—Она, вѣдь, и до сихъ поръ...

— Не признаетъ меня? Знаю. Ну, скажи, что я—чиновникъ изъ твоего банка, что-ли; пріѣхалъ съ бумагами.

Теперь уже явная насмѣшка звучала въ его тонѣ.

— Оставимъ это,—уныло сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Оставимъ,—согласился Миша.

Сергѣй Ивановичъ чувствовалъ себя ужасно.

Не такой встрѣчи ожидалъ онъ съ сыномъ. Это тотъ Миша, котораго они такъ безумно любили и баловали съ покойной Катюшей. Это тотъ мальчикъ, всегда ласковый, всегда нѣжный, когда-то ходившій въ длинныхъ локонахъ... Теперь это юноша съ саркастической улыбкой на устахъ, съ ироніей во взорѣ, сухой, холодный съ виду человѣкъ. У нихъ уже давно установились такія отношенія. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Миша убѣдился въ любви отца къ Симѣ.

Онъ сразу сдѣлался сдержаннымъ и молчаливымъ и какъ будто на семь замковъ замкнулъ передъ отцомъ свою душу.

Сначала Сергѣй Ивановичъ никакъ не могъ понять это и не могъ примириться съ этимъ. Но взаимное отчужденіе росло и вырыло между ними пропасть.

Иногда Сергѣю Ивановичу безумно, порывисто хотѣлось заговорить съ сыномъ, выяснить ему, какъ онъ любилъ нѣжно и горячо его покойную мать; какъ онъ тяжко страдалъ, когда она на вѣки ушла отъ нихъ въ другой міръ, о которомъ никто не знаетъ, но который принято считать лучшимъ; какъ онъ остался одинокъ, безпомощенъ среди океана жизни, который начиналъ уже кипѣть, волноваться и бурлить, какъ ему жадно, властно захотѣлось новой любви, новой заботы. Какъ онъ полюбилъ Симу, эту красавицу-женщину съ добрымъ сердцемъ, искалѣченную жизнью; онъ хотѣлъ сказать, что эта новая любовь оставила нетронутымъ его чувство къ покойной Катюшѣ, то чувство любви, благодарности, утраченнаго счастья, которое всегда будетъ жить въ его душѣ, какія бы перемѣны ни случились въ его внѣшней и внутренней жизни. Съ этимъ чувствомъ онъ умретъ. Миша не можетъ, не долженъ отстраняться отъ него, потому что онъ любитъ его по прежнему; Миша самъ замкнулся отъ него на семь замковъ и не пускаетъ его больше въ свою внутреннюю, интимную жизнь. Вѣдь не измѣнилъ же онъ къ сыну прежнихъ чувствъ. За что же онъ относится къ нему такъ жестоко, лишая его своей любви и довѣрія?

Онъ все это хотѣлъ не разъ сказать сыну. Но каждый разъ,

когда онъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, холодный взоръ Миши и его кривая, насмѣшливая улыбочка сковывали ему уста и захолаживали его сердце.

И теперь, послѣ продолжительной разлуки, онъ думалъ, что ему удастся, наконецъ, заговорить съ сыномъ о томъ, что̀ такъ давно и страшно волнуетъ его, что̀ такъ глубоко тайно оскорбляетъ его.

И вотъ передъ нимъ опять воздвигалась стѣна изъ ироническаго взора и саркастической улыбки юноши, стѣна, пробить брешь въ которой онъ не имѣетъ силъ. И каждый разъ къ чувству внутренней обиды примѣшивалось чувство какой-то виноватости передъ сыномъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, присѣлъ къ окну и закрылъ ладонью глаза отъ свѣта свѣчи, который былъ ему невыносимъ.

Миша тоже молчалъ.

XV.

За окномъ уже распоряжалась властной хозяйкой ночь. Она стирала свѣтлыя краски неба и накладывала тѣни на природу. Чернѣлъ и густѣлъ паркъ; тяжелымъ темнымъ силуэтомъ вырисовывался усадебный домъ съ освѣщенными изнутри окнами, и походилъ этотъ домъ на таинственное чудовище съ недреманнымъ окомъ, притаившееся въ своей злобѣ, готовое ринуться на прохожаго. Все густѣло и мрачнѣло вокругъ, какъ густѣло и мрачнѣло на душѣ Сергѣя Ивановича. Ему хотѣлось любить и молиться. Но Миша не позволялъ ему любить себя, матери онъ не любилъ самъ, а Сима была далеко. Молиться? Кому? О чемъ? Въ его душѣ еще не замерли чисто дѣтскіе порывы вѣры, той наивной, сентиментальной и смѣшной вѣры, когда хочется приникнуть горячимъ лбомъ къ холодной ризѣ образа и молиться вздохомъ, слезами, словами, словами хотя бы готовой молитвы. Но о чемъ? Онъ не зналъ, о чемъ. Какая-то тяжесть навалилась на его жизнь послѣ смерти Катюши, тяжесть невыносимая, которую не могла побѣдить даже новая любовь. Молиться, чтобы вернулась чудомъ Катюша? Вотъ о чемъ онъ могъ бы молиться, но... такой вѣры въ Бога у него не было. Чтобы Сима полюбила его до самозабвенія и согласилась на безраздѣльную любовь къ нему, пожертвовавъ всѣми остальными благами жизни? Но такой вѣры въ нее у него не было. Чтобы Миша вернулъ ему свое сердце? Но онъ зналъ, что это безповоротно.

И ему сдѣлалось тяжко и жутко, и слезы выступили на его глазахъ, воззрившихся въ эту таинственную тьму ночи, разливавшейся какъ чернило за окнами.

Нѣтъ, не стоитъ молиться, да и нельзя молиться. Жизнь не справляется ни съ мольбами, ни съ желаніями, а осуществляетъ свои законы, невѣдомые ему. А можетъ быть—и беззаконія.

Протрещала трещотка ночного сторожа. Гдѣ-то раздался глухой выстрѣлъ, а можетъ быть—короткій звукъ запираемыхъ воротъ. Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ забурлилъ, заходилъ океанъ народной жизни Россіи, всюду и вездѣ стали чудиться и мерещиться выстрѣлы. Онъ, по крайней мѣрѣ, привыкъ уже къ нимъ, и если не привыкъ, то, во всякомъ случаѣ, болѣе не удивлялся имъ. Онъ живо помнилъ еще девятое января въ Петербургѣ, съ его залпами, стонами, ужасами, когда въ потокахъ крови зарождалась алая заря свободы.

Вотъ и еще тяжелый камень на его душѣ: это—какое-то тупое, безсильное равнодушіе къ тому важному движенію, къ тому порыву, который потрясъ родину. Разумъ подсказываетъ ему, что онъ долженъ же откликнуться на эти событія, такъ или иначе отозваться на нихъ; но сердце молчало, и онъ не ощущалъ въ себѣ ни порыва, ни вдохновенія революціи. Должно быть, правъ Петръ Петровичъ, который утверждаетъ, что у людей восьмидесятыхъ годовъ путемъ бездѣйствія атрофировано всякое гражданское чувство. И когда начались забастовки, когда забастовывали тѣ или иные работники, чиновники, служащіе, внося безпорядокъ и дезорганизацію въ жизнь, ему дѣлалось противно—и только. Его обуржуазившаяся душа жаждала порядка, регламента привычной жизни, и отсутствіе тѣхъ или иныхъ, даже самыхъ мелочныхъ благъ жизни его раздражало. И только! Его, порой, раздражала и Сима, которая начинала увлекаться революціей, высказывала красныя мысли и обнаруживала красные взгляды. „Это—повѣтріе какое-то!—думалъ онъ: — инкубаціонный періодъ революціи". И онъ тоже поддакивалъ ей, какъ поддакивалъ во всемъ, и тоже говорилъ красныя рѣчи, но какъ-то вяло, безъ убѣжденія, хотя разумомъ былъ убѣжденъ въ ихъ справедливости. Но красныя рѣчи Симы уживались въ ней съ самыми бѣлыми, буржуазными взглядами. Она ни отъ чего не отказалась въ своей жизни. Попрежнему любила роскошь, выѣзжала въ экипажѣ, душилась своими любимыми духами „fleur qui meurt", посѣщала театры, принимала у себя и любила иногда пообѣдать въ хорошемъ ресторанѣ съ музыкой. И однако, революціонныя рѣчи ея были искренни и горячи, и имъ вѣрилось,

несмотря ни на что. И молодежь ютилась около нея, увивалась за ней, и слушали ее съ одинаковымъ увлеченіемъ либеральные студенты и консервативные правовѣды и юнкера. Одни соглашались съ ней, другіе спорили, но всѣ любили ее. И Сергѣй Ивановичъ убѣждался, что молодость и красота женщины сильнѣе всякихъ политическихъ убѣжденій.

Теперь, сидя у окна въ эту темную ночь и заслонившись рукой отъ свѣта свѣчи и, можетъ быть, отъ ироническаго взора Миши, онъ вдругъ ощутилъ этотъ давно знакомый ему запахъ „умирающаго цвѣтка", ощутилъ такъ живо, какъ будто вотъ здѣсь, сейчасъ, за окномъ, прошла Сима. И опять Сима! О чемъ бы онъ ни думалъ, онъ постоянно возвращался къ Симѣ. Сима наполнила его жизнь, всѣ поры его жизни. Она стала необходима ему, какъ воздухъ, какъ дыханіе.

И онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ Миши. Недобрый, насмѣшливый взглядъ. Вотъ Миша сидитъ у стола за свѣчкой, упорно смотритъ ему въ затылокъ и догадывается, что онъ думаетъ о Симѣ. И чтобы доказать, что Миша неправъ, онъ сталъ думать о немъ.

Вотъ Миша, его сынъ, этотъ сфинксъ его жизни. Онъ живетъ какой-то особой жизнью, чужой и непонятной ему. Къ университету Миша относился всегда холодно, безъ увлеченія, какъ къ чему-то неизбѣжному, черезъ что необходимо пройти, чтобы потомъ заняться настоящимъ дѣломъ. Какимъ? Это—вопросъ. Миша никогда не говорилъ объ этомъ. Съ тѣхъ поръ какъ жизнь высшихъ учебныхъ заведеній была нарушена, съ тѣхъ поръ какъ въ Россіи прекратилось высшее образованіе, Миша пересталъ посѣщать университетъ и товарищей. Сергѣй Ивановичъ даже не зналъ, какую позицію занимаетъ его сынъ въ этомъ движеніи. Сынъ никогда не удостоивалъ отца разговоромъ объ этомъ. А отецъ никогда не рѣшался прямо заговорить съ нимъ, чувствуя, что, будучи самъ индифферентнымъ, онъ не имѣетъ права на то, да и желанія къ тому у него не было; онъ боялся стать въ фальшивое положеніе.

„Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?"—задавалъ себѣ мучительный вопросъ Сергѣй Ивановичъ. И какія догадки ни дѣлалъ,—ни до чего додуматься не могъ.

Миша шевельнулся.

— Ты долго такъ будешь сидѣть у окна?—спросилъ онъ у отца.

Сергѣй Ивановичъ встрепенулся, всталъ и отошелъ отъ окна.

— Нѣтъ, милый... не все ли равно, гдѣ сидѣть? А ты хочешь поговорить со мной?

Миша усмѣхнулся.

— А зачѣмъ бы я иначе пріѣхалъ?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Я тебя слушаю. Скажи, что̀ дѣлается въ Петербургѣ? Что̀ слышно?

— Ну-у! — протянулъ Миша: — это ты изъ газетъ можешь узнать. То же, что̀ и вездѣ. То же, что̀ и у васъ, я думаю. Но не въ томъ дѣло. Да и ты хотѣлъ спросить не то. Ты хотѣлъ спросить, не видѣлъ ли я кого-нибудь интереснаго для тебя...

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ, быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ сына и опустилъ голову, ничего не сказавъ.

Миша улыбнулся.

— А скажи, пожалуйста, что̀ ты тутъ дѣлаешь такъ долго?— спросилъ онъ отца.

Сергѣй Ивановичъ оживился.

— Да видишь ли... Я уже давно собираюсь уѣхать... да все какъ-то...

Онъ замялся.

— Бабушка не пускаетъ? — ироническимъ тономъ подсказалъ Миша.

— Да... то-есть нѣтъ, не то что не пускаетъ... —Онъ замялся, не найдя удобной и правдоподобной формы для объясненія своего продолжительнаго пребыванія въ деревнѣ. Но потомъ рѣшилъ говорить на чистоту. Онъ всегда въ концѣ-концовъ употреблялъ этотъ методъ съ сыномъ, думая откровеннымъ признаніемъ въ своихъ слабостяхъ привлечь его на свою сторону, потому что искренность всегда привлекаетъ молодежь.

— Если „не то что не пускаетъ", тогда — что̀ же?—съ усмѣшечкой помогъ ему Миша.

— Да вотъ, видишь ли... она... то-есть, твоя бабушка думала передать мнѣ все управленіе своими имѣньями и дѣлами. Теперь пошли новыя, тяжелыя для такихъ старыхъ людей, времена, когда старые люди перестали понимать совершающіяся вокругъ нихъ событія. Вотъ она и хотѣла, чтобы я окончательно переселился сюда и сдѣлался бы хозяиномъ.

— А ты вѣдь понимаешь?—спросилъ Миша.

— Что̀? Хозяйство?

— Нѣтъ, „событія"?

— Отчего ты со мною говоришь въ такомъ странномъ тонѣ, Миша?—не удержался Сергѣй Ивановичъ.—Право, можно подумать, что это говоритъ не сынъ съ отцомъ, а два врага.

— Ну, папа, опять ты сѣлъ на старое. Это скучно.

И не считая нужнымъ отвѣтить на тотъ вопросъ, онъ властно перемѣнилъ тему.

Онъ взялъ такую позицію, какъ будто онъ былъ старшимъ и говорилъ если не съ неразумнымъ ребенкомъ, то, во всякомъ случаѣ, съ человѣкомъ гораздо моложе его и гораздо его неразумнѣе.

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ онъ безапелляціоннымъ тономъ, не допускавшимъ перехода къ прежней темѣ,—а въ томъ, согласился ты или нѣтъ? Впрочемъ,—отвѣтилъ онъ самъ себѣ, не давъ отцу выговорить слова,—конечно ни да, ни нѣтъ. Ты все еще думаешь и гадаешь. Съ одной стороны—такъ, съ другой стороны—этакъ, и если принять во вниманіе обстоятельства за и противъ, то нельзя не признаться, хотя слѣдуетъ сознаться... А въ результатѣ—возъ и нынѣ тамъ. „Тамъ"—это здѣсь, а „возъ"—это ты. Впрочемъ, ты не сердись, папа. Это моя манера быть веселымъ.

— Ахъ, Миша, еслибы ты зналъ,—все не поднимая головы, сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—какъ этотъ тонъ твой со мною меня огорчаетъ!

Въ голосѣ его послышались сокрушеніе и печаль.

Но Миша замахалъ руками.

— Ну, ну, папа... я ужъ сказалъ: бросимъ объ этомъ. Тонъ, какъ тонъ. Говорю, какъ умѣю. Не въ томъ дѣло. Это скучно. Ну, ты остался тѣмъ, что есть, а вотъ я измѣнился...

— Да, я это давно замѣчаю.

— Ну да, ну да! Но я совсѣмъ говорю не о томъ, о чемъ ты. Я хочу сказать, что я, видя на тебѣ, къ чему приводятъ нерѣшительность и колебанія, сдѣлался изъ колеблющагося рѣшительнымъ. И пришелъ къ нѣкоему твердому убѣжденію.

Сергѣй Ивановичъ со страхомъ прислушался къ рѣчи сына и вопросительно взглянулъ на него.

— То-есть?—спросилъ онъ.

— Я рѣшилъ бросить университетъ. Вотъ я уже два года въ университетѣ. Но, очевидно, высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ надолго нарушено. И я—сынъ своего отца—все колебался и выжидалъ. Теперь выжидать больше нечего. Надо просто бросить университетъ. Твердо и рѣшительно. И разъ навсегда. Переходное состояніе Россіи можетъ длиться нѣсколько лѣтъ. Что же? Все быть вѣчнымъ студентомъ? Это ужъ даже глупо. Студентъ безъ науки, университетъ безъ лекцій, профессора безъ слушателей. Къ чему эта комедія? Нужно разъ навсегда рѣшить, что люди нашего возраста останутся безъ высшаго образованія. Рѣшить и уйти изъ университета.

— Чтобы дѣлать что?

— Не знаю. Или выйти на улицу и на баррикады, чтобы защищать свободу, или уѣхать заграницу, чтобы тамъ окончить образованіе, а затѣмъ, когда все устроится, вернуться сюда, чтобы легализировать свой дипломъ. Выйти на улицу или уѣхать заграницу—это дѣло вкуса, взгляда на вещи, политическихъ убѣжденій. Но какъ на пропаганду, такъ и на отъѣздъ нужны деньги, чтобы можно было свободно и съ пользой осуществить идеи.

— Ты что же выбираешь?

Миша загадочно улыбнулся.

— Еслибы ты лучше зналъ своего сына,—наставительнымъ тономъ отвѣтилъ онъ,—и обращалъ бы больше на него вниманія въ свое время...

Онъ сдѣлалъ паузу. Сергѣй Ивановичъ подозрѣвалъ намекъ на его увлеченіе и покраснѣлъ.

Выдержавъ паузу, Миша докончилъ:

— ...То ты не задалъ бы мнѣ такого вопроса.

Сергѣй Ивановичъ еще больше сконфузился.

Дѣйствительно, онъ совершенно не могъ отвѣтить себѣ на поставленный имъ же вопросъ. Что такое его сынъ: революціонеръ или эмигрантъ? Взойдетъ ли онъ на баррикады, какъ онъ выражается, или убѣжитъ заграницу?

„Сфинксъ! сфинксъ!—подумалъ опять Сергѣй Ивановичъ.—Теперь онъ играетъ со мной въ прятки и предоставляетъ мнѣ самому рѣшать эту задачу съ двумя неизвѣстными. И онъ, конечно, правъ, что презираетъ меня. Но я-то, я? Чѣмъ я виноватъ, что я вдругъ почувствовалъ жажду любви? Онъ ушелъ отъ меня и скрылся отъ меня за густой занавѣсью, которую ни разу не приподнялъ надъ своей душой и ни разу не впустилъ меня за нее. Твердый характеръ у нынѣшней молодежи. Но... твердость ли это, или... безсердечіе?“

— Ты что выбираешь?—спросилъ онъ снова Мишу.

Тотъ развелъ руками.

— Я тебѣ этого не скажу, — твердо отвѣтилъ тотъ. — Знаешь, — прибавилъ онъ шутливо,—это какъ въ иллюстрированныхъ журналахъ: „имена отгадавшихъ будутъ напечатаны въ почтовомъ ящикѣ“. Но суть вотъ въ чемъ,—опять переходя на дѣловой тонъ, продолжалъ Миша.—Хочешь ли ты мнѣ дать нѣкоторую сумму денегъ? По обыкновенію родителей всѣхъ временъ и народовъ, ты долженъ спросить: для чего? Но я и на это тебѣ не отвѣчу. Вооружись терпѣніемъ, я буду говорить

долго. У меня всегда такъ — вродѣ прорвавшейся плотины. Молчу, молчу, а потомъ заговорю.

Лицо Миши сдѣлалось серьезнымъ, дѣловитымъ. Онъ какъ-то особенно выворачивалъ губы, отчеканивая слова, какъ будто дѣлалъ докладъ или читалъ рѣчь.

И отъ этого сухого, докторальнаго тона, и отъ этого сухого, ровнаго голоса, и отъ блѣдно-зеленоватаго цвѣта лица Миши, на которое падалъ свѣтъ абажура, и отъ разлитой за окномъ чернильной темноты, въ которой чувствовалась бездна, Сергѣю Ивановичу сдѣлалось жутко на душѣ.

XVI.

Миша говорилъ.

— Видишь ли, вскорѣ послѣ смерти мамы,—голосъ его не дрогнулъ, оставаясь попрежнему холоднымъ,—я почувствовалъ самостоятельность...

Онъ сдѣлалъ многозначительную паузу, смыслъ которой понялъ Сергѣй Ивановичъ.

— Въ особенности въ послѣдніе два года,—прибавилъ Миша и еще сдѣлалъ паузу.

Сергѣй Ивановичъ съ мольбой поднялъ на него глаза, но Миша умышленно „не замѣтилъ“ его взора.

— Да...—протянулъ онъ.—Ну, вотъ. А потомъ, т.-е. теперь, наступили событія, которыя все смѣшали и спутали. Родители растерялись, дѣти—тоже. Либералы, которые мнили себя передовыми людьми въ нашемъ полицейскомъ государствѣ, вдругъ оказались отсталыми и дѣтски-наивными. Юноши, считавшіеся благонравными, вдругъ оказались революціонерами. И пошелъ отецъ на сына и сынъ на отца... И была пря великая.

Онъ усмѣхнулся, откашлялся и примолкъ.

— Не знаю, для чего я наговорилъ всю эту чепуху? — задалъ онъ самъ себѣ вопросъ. — Да! Вотъ для чего! Такъ какъ теперь нѣтъ „отцовъ и дѣтей“, а есть только „граждане“, — онъ опять усмѣхнулся,—то вотъ я и прошу тебя, гражданинъ-отецъ, дай денегъ гражданину-сыну. Я хочу жить самостоятельно. Какъ? Не скажу.

— Почему?

— Да потому, что самъ не знаю,—спокойно и, повидимому, искренно отвѣтилъ онъ.—Самъ не знаю. Бушуетъ океанъ. Высоко вздымаются грозныя волны. А по нимъ несется утлая ладья.

Кто выпустилъ эту ладью въ открытый океанъ? Все равно! Зачѣмъ ее выпустили въ такую непогоду? Объ этомъ спрашивать поздно. Суть въ томъ, что она уже носится. Можетъ быть, лучше было бы не выпускать ее изъ тихой пристани. Но ее выпустили, или она сама сорвалась—все равно. Теперь вопросъ—кто можетъ сказать?—исчезнетъ ли она въ пучинѣ моря, разобьется ли она о подводную скалу, или ее вынесетъ на берегъ плодороднаго острова съ зелеными долинами? А деньги все-таки нужны, пока носитъ ладью по океану. Т.-е., конечно, тутъ коррективъ, потому что океанъ и ладья въ данномъ случаѣ—аллегоріи.

Онъ замолчалъ, побарабанилъ пальцами по столу, отодвинулъ лампу, въ мутной волнѣ зеленаго огня которой кружились ночные мотыльки, взглянулъ назадъ въ окно и сказалъ:

— Ночь-то какая! Арабская. Это и называется у васъ воробьиной ночью?

Онъ, очевидно, не ждалъ отвѣта, потому что безъ паузы заговорилъ.

— Я вѣдь тебѣ стою что-нибудь? Ну, такъ вотъ, ты сообрази тамъ какъ-нибудь и выдай мнѣ нѣкоторую сумму, чтобы тебѣ не думать „ежемѣсячно“ о сынѣ, которому надо выдавать деньги. Правда, вѣдь это будетъ лучше?

— Ты останешься жить въ Петербургѣ?

Миша нахмурился.

— Ты все любопытствуешь. По всей вѣроятности, да.

— Но ты говоришь о возможности докончить образованіе заграницей?

— Можетъ быть, я и уѣду заграницу. Во всякомъ случаѣ мы разстанемся надолго.

— Миша!—вдругъ, не выдержавъ, оборвавшимся голосомъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

Но Миша какъ бы ожидалъ этого.

Онъ замахалъ своими длинными руками.

— Не надо, не надо, отецъ!—заговорилъ онъ торопливо.—Ни драмъ, ни трагедій. Господи, почему нельзя рѣшать вопросы просто, какъ математическія задачи? Зачѣмъ паѳосъ и лирика? А,—опять спѣша перебить отца, заговорилъ онъ,—да я же знаю, что ты хочешь сказать. Почему я измѣнился, почему имѣю мало общаго съ тобою, и прочее, и прочее. Все это, ей Богу, мало интересно и... прошло. Въ другое время это, вѣроятно, сыграло бы большую роль въ нашей жизни. Теперь намъ на помощь пришла революція. Трагедіи семейной жизни поблекли, стали мелкими въ сравненіи съ трагедіями общества и политической

жизни. И тѣмъ лучше. Согласенъ ты исполнить то, что я прошу?

— Я тебѣ ни въ чемъ никогда не отказывалъ. И въ этомъ, можетъ быть, заключается моя главная ошибка...

Миша съ удивленіемъ взглянулъ на отца. Все, что онъ говорилъ до сихъ поръ, было вяло, мягко, „пузырчато", по опредѣленію юноши. Вотъ первая твердая фраза, хотя и она не обошлась безъ „можетъ быть".

Онъ рѣшительно принялъ вызовъ и сказалъ:

— Ошибка въ чемъ? Ошибка, повлекшая за собою—что? Перемѣну нашихъ отношеній? Ты все-таки стоишь за то, чтобы намъ перетряхивать это старье? Если да—изволь. Я долженъ дать тебѣ это удовлетвореніе, тѣмъ болѣе, что мы разстаемся съ тобою надолго. Очень надолго. Ну, что-жъ, давай говорить. Къ сожалѣнію, придется говорить банальщину, чудовищную банальщину! Я—врагъ лишнихъ словъ и люблю людей, которые понимаютъ безъ словъ. Но есть такіе, которымъ непремѣнно нужно утвержденіе. Ты—изъ ихъ числа. Давай говорить.

Онъ сдѣлалъ паузу, выжидая словъ отца.

Но Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ измученный, подавленный, разбитый. Ему вдругъ сдѣлалось противно говорить.

Этотъ юноша, этотъ сынъ вдругъ показался ему страшно чужимъ, страшно далекимъ. И онъ зналъ, что слова ихъ будутъ только сотрясать воздухъ и никого изъ нихъ ни въ чемъ не убѣдятъ. Сынъ будетъ логически доказывать правильность своихъ отношеній къ отцу; отецъ будетъ чувствовать, какъ чувствовалъ все время, оскорбленность. Плохо дѣйствуетъ логика тамъ, гдѣ забыто чувство.

Миша началъ.

— Я буду кратокъ,—если ты мнѣ въ этомъ не помѣшаешь,—началъ онъ.—Видишь ли, папа, я—твой сынъ. Ты меня любишь и, какъ говоришь, душу свою положилъ, чтобы воспитать меня. Чудесно. Не вижу въ этомъ ни заслуги, ни подвига, а твои заботы обо мнѣ считаю естественнымъ родительскимъ долгомъ. Видишь, какъ все это банально и старо. Теперь перейдемъ отъ исторіи къ современности. Я тоже—замѣть, не будучи обязаннымъ,—любилъ тебя.

— А теперь?

Миша взглянулъ на отца свѣтлымъ, спокойнымъ и твердымъ взглядомъ.

— А теперь нѣтъ,—до ужаса просто отвѣтилъ онъ.

Сергѣй Ивановичъ опустилъ голову.

— Но почему? Почему?—взмолился онъ.

— Будь спокойнѣе.

Миша придвинулся къ нему со стуломъ.

— Слушай же.—Онъ заговорилъ ровнымъ, ничуть не взволнованнымъ голосомъ, точно читалъ лекцію по запискамъ.—Больше тебя я любилъ покойную маму. Ея уходъ изъ жизни былъ самымъ большимъ для меня несчастьемъ. Несчастьемъ, которое случается *разъ* въ жизни и кладетъ отпечатокъ на *всю* жизнь. Это тоже старо, понятно и банально... Нѣтъ, прошу тебя, не перебивай меня. Ты любилъ ее тоже. Я уже былъ достаточно возрастенъ, чтобы понимать, какъ сильно, какъ глубоко, какъ беззавѣтно ты любилъ ее.

Глаза Сергѣя Ивановича затуманились слезами.

Миша, не обращая вниманія на отца и даже не смотря на него, продолжалъ:

— Я думалъ, что это чувство, что это благодарное, умиленное чувство къ матери останется у тебя на всю жизнь. И вдругъ ты утѣшился. Ты—утѣшился! Я не знаю, сумѣю ли объяснить тебѣ психологически то, что во мнѣ произошло. Я—плохой психологъ. Но что-то порвалось въ моей душѣ, порвалось со звономъ лопнувшей пружины. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ. Но факты, которые ты сначала плохо скрывалъ, а потомъ и вовсе не скрывалъ, были на лицо. Ты полюбилъ. Ты думаешь, я упрекаю тебя? Ничуть. Я въ этихъ вопросахъ не умѣю разбираться. Можетъ быть, это было такъ нужно, такъ необходимо, естественно, я не знаю. Но я твердо зналъ одно. Вмѣсто мамы я остался у тебя одинъ. Я инстинктивно жаждалъ, что ты теперь полюбишь меня вдвое, безраздѣльно, посвятишь мнѣ всю свою жизнь. Ты знаешь, какъ я любилъ тебя? Я ревновалъ тебя даже къ мамѣ. И вотъ, когда я увидѣлъ, что мама забыта...

— Неправда!—рѣзко крикнулъ Сергѣй Ивановичъ.

— Мама за-бы-та!—настойчиво повторилъ Миша.—И когда я увидѣлъ, что она забыта,—еще разъ повторилъ онъ, точно ему доставляло удовольствіе бить отца этимъ словомъ,—и что любовь твоя подѣлилась между мною и... и... и Серафимой Николаевной,—мнѣ сдѣлалось смѣшно, что я такъ наивно-дѣтски любилъ человѣка... человѣка, такъ скоро измѣнившаго чувству, которое мнѣ казалось священнымъ, чуть не божественнымъ. Старая, банальная исторія паденія кумировъ! Кумиръ палъ. Я не вѣрю словамъ поэтовъ, что „кумиръ поверженный—все богъ и храмъ оставленный—все храмъ“. Это красиво, но это—фразы... Я вѣрилъ этому поверженному кумиру, какъ богу, а онъ меня

обманулъ, потому что вотъ онъ лежитъ передо мною во прахѣ и ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго булыжника.

Миша помолчалъ, побарабанилъ пальцами по столу.

— Съ тѣхъ поръ холодъ заморозилъ мнѣ душу. Папа! Я вѣдь пережилъ страшную душевную драму...—голосъ его чуть-чуть дрогнулъ, но быстро опять окрѣпъ.—Да, страшную драму, и что смѣшнѣе всего,—ты ее даже не замѣтилъ! Ты занятъ былъ другимъ. На твоей дорогѣ зацвѣли новые цвѣты, зажглися новые огни! Гдѣ тебѣ было видѣть мученія юноши, корчившагося отъ тяжкой боли душевныхъ мукъ, среди которыхъ рождалось у него новое жизнепониманіе!..

— Миша!—вскрикнулъ Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, дай мнѣ кончить на этотъ разъ.

Но Сергѣй Ивановичъ твердо перебилъ его:

— Миша, я хочу говорить. Милый мой мальчикъ! Мнѣ больно слушать то, что ты говоришь! Зачѣмъ ты страдалъ? Зачѣмъ мучился, терзался? Я не переставалъ любить тебя ни на минуту. Ни тебя, ни мою покойную Катюшу. Ты глубоко неправъ, Миша. Ну, да, я полюбилъ Сим... Серафиму Николаевну. Но развѣ эта любовь исключаетъ любовь къ сыну, любовь къ памяти той, которая была самое дорогое въ жизни? Неужели тебѣ легче было бы видѣть меня плачущимъ, страдающимъ, одинокимъ, страшно одинокимъ всю жизнь? И если ты думаешь, что любовь къ... Симѣ... вычеркнула изъ моего сердца любовь къ твоей мамѣ, то ты клевещешь на меня. Тогда отчего бы я плакалъ по ночамъ, когда остаюсь одинъ и вспоминаю о томъ счастьи, которое уже не вернется? Отчего во мнѣ живетъ до сихъ поръ безконечно благодарное, теплое, нѣжное чувство къ твоей мамѣ? Отчего твоя холодность, твое равнодушіе ко мнѣ мучаютъ меня до болѣзненности? Вѣдь если бы ты былъ мнѣ безразличенъ, развѣ бы я терзался такъ?

— Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать, „жизнь на радость намъ дана", какъ въ „Русланѣ",—перебилъ его Миша,—„прекрасна ты, но не одна". Эхъ, папа, зачѣмъ лицемѣрить?.. Есть чувство громадное и нераздѣльное. Ты или любишь маму—память о ней—или не любишь Серафиму Николаевну. Что-нибудь одно! И я не понимаю: когда ты плачешь по ночамъ, какъ ты говоришь, по мамѣ, то думаешь ли ты о Симѣ? И если да, то какъ эти думы не мѣшаютъ тому или другому твоему чувству... Но бросимъ это. Вернемся къ дѣлу. Даешь ты мнѣ деньги? Ну, такъ, чтобы мнѣ хватило на годъ, на два самостоятельной жизни? Я хочу пожить одинъ; мнѣ это необходимо. Да и тебѣ выгоднѣе.

Во-первыхъ, не будетъ передъ тобой торчать юноша, въ глазахъ котораго ты каждый разъ читаешь осужденіе; во-вторыхъ, „можетъ быть“, поживъ самостоятельно, я приду къ какимъ-нибудь выводамъ и сумѣю не осуждать тебя...

— Я не требую, не прошу твоего прощенья,—гордо сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Я бы хотѣлъ твоей любви.

— И это возможно. Но для этого намъ надо разстаться.

— Хорошо. Если ты на этомъ настаиваешь.

Кто-то стукнулъ въ дверь. Въ сѣняхъ флигеля слышались шаги.

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ, всталъ и открылъ дверь.

Это была Елена Васильевна.

Старуха вообще плохо спала по ночамъ, а съ началомъ революціи и аграрныхъ безпорядковъ она сдѣлала себѣ привычку, въ эти темныя ночи, обходить усадьбу въ сопровожденіи дѣвушки, чтобы убѣдиться, что нигдѣ нѣтъ поджога и злоупотребленія.

— Вижу огонь въ окнѣ,—сказала она сыну.—Зачѣмъ такъ поздно огонь? У насъ кто разъѣхался, кто спитъ. А ты полунощничаешь. Въ такое время! Какой-нибудь негодяй пальнетъ на огонь, подыметъ тревогу, напугаетъ до смерти.

— Да почему же вы не спите, мама?

— Ахъ, глупости какія! Потому, что безпокоюсь. Я могу заснуть только подъ утро. Ложись, ложись. Завтра успѣете наговориться.

Она зорко оглядѣла своимъ острымъ старческимъ взглядомъ юношу. Миша привсталъ и тоже смотрѣлъ съ любопытствомъ на бабушку. По его блѣдному, нездоровому лицу блуждала неопредѣленная саркастическая усмѣшка.

— Кто это?—спросила Елена Васильевна у сына.

— Пріѣзжій. Вы его не знаете,—быстро отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.

Старуха вышла въ переднюю.

— Не революціонеръ? Будь остороженъ. Нынче много темнаго люда развелось. Онъ ночуетъ?

— Да.

— Ахъ, Боже мой!

— Да вы не безпокойтесь, мамаша.

— Да онъ чужой или кто? Знаешь ты его?

— Конечно, знаю.

Она ушла.

Миша смѣялся, когда въ комнату вошелъ его отецъ.

— Родственная встрѣча!—проговорилъ онъ съ насмѣшкой. Бабушка, не признающая внука, и отецъ, боящійся открыто признать сына!

— Миша! Какъ тебѣ не стыдно терзать меня!

Миша махнулъ рукой, и въ этомъ жестѣ было много презрѣнія.

— Вы воспитаны какъ рабы, и умрете рабами, — сказалъ онъ. — А тоже хотите играть въ революцію. Бросьте вы это дѣло, оно вамъ не къ лицу. Революцію, видно, могутъ дѣлать только возмутившіеся, падшіе. Возмутившійся ангелъ поднялъ знамя возстанія противъ Бога... Ну, спокойной ночи. Гаси лампу, а то еще, дѣйствительно, кто-нибудь пальнетъ въ окно. Я лягу здѣсь на диванѣ. И мнѣ ничего не нужно.

Онъ быстро прикрутилъ лампу, досталъ изъ ремней плэдъ и подушку, снялъ сапоги и улегся на диванѣ. Скоро онъ заснулъ, какъ убитый.

В. Свѣтловъ.

ЭСТЕТИКА
ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА

Владиміръ Соловьевъ не далъ полнаго систематическаго изложенія эстетики, но въ его сочиненіяхъ имѣется достаточный матеріалъ для того, чтобы составить себѣ понятіе о его общихъ взглядахъ на красоту и искусство. Для этой цѣли можно воспользоваться тремя группами произведеній философа. Во-первыхъ, его теоретическими сочиненіями, посвященными всецѣло или отчасти вопросамъ эстетики; во-вторыхъ, его статьями литературно-критическаго характера и, въ-третьихъ, его стихотвореніями, въ которыхъ философъ воплотилъ свои отвлеченные принципы и придалъ имъ конкретную поэтическую форму. Къ первой группѣ относятся: „Философскія начала цѣльнаго знанія", „Красота въ природѣ", „Общій смыслъ искусства", „О лирической поэзіи", „Первый шагъ къ положительной эстетикѣ", „Предисловіе къ „Упырю" А. Толстого", „Предисловіе къ стихотвореніямъ (3-е изд.) и „Что̀ значитъ слово живописность". Ко второй группѣ относятся: „Буддійское настроеніе въ поэзіи", „Поэзія Полонскаго", „Тютчевъ", „Поэзія А. К. Толстого", „Разсказы Сергѣя Норманскаго", „Рѣчь о Мицкевичѣ", „Лермонтовъ", три рѣчи о Достоевскомъ и двѣ статьи о Пушкинѣ: „Судьба Пушкина" и „Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина". Особенное значеніе имѣетъ статья о поэзіи Пушкина. Третья статья, посвященная Пушкину и носящая заглавіе: „Особое чествованіе Пушкина", не даетъ читателю никакихъ новыхъ штриховъ, раскрывающихъ эстетическія воззрѣнія философа; не дѣлаютъ этого и статьи: „О русскихъ символистахъ", „Иллюзія поэтическаго творчества", „Импрессіонизмъ мысли"; будучи любопытными образцами лите-

ратурной критики, онѣ не содержатъ въ себѣ положительныхъ указаній изъ области эстетическаго творчества.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что Вл. Соловьеву не удалось собрать и систематизировать свои эстетическія воззрѣнія и такимъ образомъ создать полную теорію эстетики, какъ это онъ сдѣлалъ по отношенію къ этикѣ,—ибо его воззрѣнія чрезвычайно оригинальны и поэтическія дарованія не подлежатъ сомнѣнію. Нашъ философъ не только разсуждалъ объ искусствѣ и красотѣ какъ аналитикъ, старающійся открыть законы жизни чуждаго ему организма, но онъ самъ былъ творцомъ въ области красоты и живо и непосредственно чувствовалъ красоту.

Стихотворенія Соловьева, напримѣръ, написанныя въ Финляндіи и Шотландіи, доказываютъ, что онъ весьма чутко относился къ красотѣ природы, однако нравственная, духовная красота была ближе его сердцу: впечатлѣнія природы имѣютъ для Соловьева, какъ для настоящаго лирика, значеніе, главнымъ образомъ, какъ источникъ извѣстнаго настроенія, отзвукъ, способствующій къ установленію гармоніи внѣшняго впечатлѣнія и внутренняго настроенія. Соловьевъ былъ въ то же время и тонкимъ цѣнителемъ искусства, но не всѣ области художественнаго творчества были ему одинаково близки и доступны. Крайняя близорукость Вл. С. Соловьева служила въ извѣстной степени помѣхой въ наслажденіи тѣми произведеніями искусства, которыя требуютъ воспріятія своего зрительнаго образа. Музыка и поэзія, непосредственно передающія состоянія внутренняго міра,—вотъ источники эстетическаго наслажденія Вл. С. Соловьева, и если онъ говорилъ иногда, что предпочитаетъ живопись музыкѣ, ибо на картину можно не смотрѣть, а музыку не слушать нельзя; если онъ не ходилъ въ концерты и оперу, жаловался на страданія, доставляемыя обычными проявленіями музыкальности (игра на роялѣ и т. д.), то все это доказываетъ, что онъ и къ наслажденію, вызываемому звуковой гармоніей, ставилъ столь же высокія требованія, какъ и къ наслажденію, вызываемому поэзіей. Поэзія и музыка, по представленіямъ Соловьева, были родными сестрами, и музыкальность—это одно изъ условій хорошаго стиха.

Но если Вл. Соловьевъ и не далъ теоріи эстетики въ цѣломъ, то въ общихъ чертахъ направленіе его эстетики отчетливо обрисовано въ тѣхъ трехъ группахъ произведеній, о которыхъ мы упомянули. Въ первомъ изъ названныхъ нами сочиненій устанавливается связь понятій красоты и художественнаго творчества съ основными понятіями метафизики; отдѣльныя изслѣдованія посвящены основному понятію красоты и значенію искус-

ства и анализу именно той области художественнаго творчества, въ которой нашъ философъ съ успѣхомъ испыталъ свои силы.

Литературно-критическія статьи Соловьева имѣютъ большое значеніе для нашей цѣли. Задача литературнаго критика, по крайней мѣрѣ критика-философа, понимающаго, что красота есть ощутительное воплощеніе истины, состоитъ, по мнѣнію Соловьева, въ томъ, чтобы разобрать и показать, что̀ именно изъ полноты мірового смысла, какіе его элементы, какія стороны или проявленія истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены имъ въ художественныхъ образахъ и звукахъ. Критикъ долженъ вскрыть корни творчества даннаго поэта не со стороны его психическихъ мотивовъ, а со стороны объективныхъ основъ этого творчества или его идейнаго содержанія. Задача критика вовсе не въ воспроизведеніи индивидуальности, ибо это невозможно, и вовсе не въ изложеніи собственныхъ взглядовъ,—нужно даже считать дурнымъ критическимъ пріемомъ произвольныя требованія и случайные критеріи, предъявляемые тому или иному писателю, какъ поступалъ, напримѣръ, Писаревъ, упрекавшій Пушкина въ томъ, что онъ не былъ соціальнымъ реформаторомъ.

Мы нисколько не касаемся объективнаго значенія критическихъ статей Соловьева. Самъ философъ думалъ, что онъ въ своихъ статьяхъ возвелъ русскую литературную критику на новую, болѣе высокую ступень, благодаря тому, что поставилъ литературной критикѣ новыя принципіальныя требованія. Правильна ли была его увѣренность, или онъ ошибался, объ этомъ пусть судятъ литературные критики, для насъ же критическіе этюды Соловьева имѣютъ двоякое значеніе. Во-первыхъ, анализъ произведеній извѣстнаго поэта Соловьевъ сопровождалъ замѣчаніями изъ области положительной эстетики; такъ, напримѣръ, въ предисловіи къ „Упырю“ и въ анализѣ повѣстей г. Норманскаго Соловьевъ раскрываетъ свое пониманіе роли фантастическаго элемента въ поэзіи, а при анализѣ поэзіи Пушкина даетъ теорію поэтическаго вдохновенія. Во-вторыхъ, критическіе очерки Соловьева построены на опредѣленномъ рѣшеніи одного важнаго вопроса, а именно вопроса объ отношеніи нравственности къ поэтическому творчеству, и это рѣшеніе удивительно рисуетъ личность самого философа. „Нравственную геніальность“, которую онъ усматриваетъ въ Сократѣ, онъ выдвигаетъ какъ критерій, которому должна быть подчинена вся жизнь человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ. Рѣчь въ память Мицкевича и „Судьба Пушкина“ — какъ бы съ точки зрѣнія объективной ни судила объ

этихъ произведеніяхъ литературная критика—въ этомъ отношеніи являются наиболѣе характерными произведеніями философа.

Стихотворенія Соловьева, имѣющія, по нашему мнѣнію, большую поэтическую цѣнность, могутъ представлять и для нашей цѣли нѣкоторый интересъ. Они раскрываютъ личность философа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его пониманіе красоты. Въ его стихотвореніяхъ мы можемъ искать и находимъ выраженіе тѣхъ же тенденцій и мыслей, которыя обнаруживаются и въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Основная мысль всей философіи Соловьева о реальной связи земного существованія съ потустороннимъ міромъ весьма отчетливо выражена и въ поэтической формѣ. Философъ думаетъ, что единственное достоинство его стиховъ состоитъ въ томъ, что они не служатъ „простонародной Афродитѣ", но отсюда отнюдь не слѣдуетъ заключать, что, прославляя любовь, какъ центръ жизни, онъ имѣлъ въ виду Матерь Божію или гностическую Софію, какъ полагали нѣкоторые слишкомъ проницательные критики. Стихотворенія Соловьева имѣютъ весьма различное содержаніе: одни служатъ политикѣ и заключаютъ въ себѣ предсказанія, какъ, напримѣръ, знаменитое „Панмонголизмъ"; другія заключаютъ въ себѣ привѣтствія собратьямъ по поэзіи, напримѣръ Фету и Полонскому; но значительнѣйшая часть стихотвореній имѣетъ автобіографическій характеръ и рисуетъ дѣйствительно пережитыя поэтомъ состоянія, а также тѣ мечты, которыя вызваны воспоминаніемъ о пережитомъ; и именно въ этихъ-то стихотвореніяхъ ясно выражена основа метафизическаго ученія философа и связь этого ученія съ эстетикою. Въ стихотвореніяхъ Соловьева съ полной ясностью обнаруживаются двѣ основныхъ струны его души: его боговдохновенность, нашедшая себѣ выраженіе въ его мистическомъ міровоззрѣніи, и его веселый юморъ, позволявшій ему находить забаву въ сочиненіяхъ Козьмы Пруткова и даже въ басняхъ Буренина.

Задача же наша состоитъ въ томъ, чтобы съ возможной точностью и полнотою собрать въ одно цѣлое взгляды Соловьева, не прибавляя къ нимъ ничего, что ясно не высказано самимъ философомъ, и пользуясь, по возможности, словами самого философа [1]). Мы вкратцѣ разсмотримъ слѣдующіе вопросы: какъ от-

---

[1]) Въ рѣчи г. Рачинскаго „Взглядъ В. С. Соловьева на красоту" („Вопросы философіи", № 56, 1901 г.) сказано: „Разгадать недоговоренныя мысли глубокаго и оригинальнаго духа—задача всегда опасная; а мнѣ она, во всякомъ случаѣ, не по силамъ". Само собой разумѣется, что задача нашей статьи заключается не въ томъ, чтобы разгадать недоговоренныя мысли, а только въ томъ, чтобы дать очеркъ взглядовъ Соловьева на эстетику, по указаніямъ самого философа, находящимся въ его

носится красота къ истинѣ и добру; въ чемъ заключается сущность красоты и безобразія; теорію поэтическаго вдохновенія; смыслъ искусства; смыслъ поэзіи и въ особенности лирической поэзіи; отдѣльныя замѣчанія объ эстетическихъ понятіяхъ, и, въ заключеніе, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ эстетикѣ Соловьева.

I.

Отношеніе красоты къ истинѣ и добру.

Владиміръ Соловьевъ постоянно повторяетъ мысль о тѣсной связи красоты съ добромъ и истиною. Добро, отдѣленное отъ истины и красоты, есть только неопредѣленное чувство, безсильный порывъ; отвлеченная истина есть пустое слово, а красота безъ добра и истины есть кумиръ. Добро, истина и красота не только тѣсно связаны между собою, они тожественны [1]). Это суть только три неразлучные вида одной безусловной идеи; красота есть только опредѣленная фаза тріединой идеи; въ красотѣ нужно различать общую идеальную сущность, въ силу которой она тожественна съ добромъ и истиною, и спеціально-эстетическую форму, которая отличаетъ красоту отъ добра и истины. Идеальная сущность у нихъ одна и та же—достойное бытіе или положительное всеединство, просторъ частнаго бытія въ единствѣ всеобщаго. Этого мы желаемъ какъ высшаго блага, это мыслимъ какъ истину и это ощущаемъ какъ красоту. Чтобы ощущать идею, необходимо ея воплощеніе въ реальномъ мірѣ; законченностью этого воплощенія и опредѣляется красота, какъ таковая, въ своемъ специфическомъ признакѣ. Красота есть воплощеніе въ чувственныхъ формахъ того самаго идеальнаго содержанія, которое до такого воплощенія называется добромъ и истиною. Между этими тремя сторонами единой идеи противорѣчія быть не можетъ и границу между ними провести весьма трудно. Задача искусства заключается въ томъ, чтобы въ ощутительныхъ образахъ воплощать тотъ самый высшій смыслъ жизни, которому философъ даетъ опредѣленіе въ разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистомъ и осуществляется историческимъ дѣятелемъ, какъ идея добра. Художественному чувству не-

сочиненіяхъ, т.-е. задача наша состоитъ въ томъ, чтобы собрать и, насколько возможно, сгруппировать подлинные взгляды философа.

[1]) „Благо и красота суть то же самое, что и истина, но только въ модусѣ воли и чувства, а не въ модусѣ представленія“. I, 350.

посредственно открывается въ формѣ ощутительной красоты тоже совершенное содержаніе бытія, которое философіей добывается какъ истина мышленія, а въ нравственной дѣятельности даетъ о себѣ знать, какъ безусловное требованіе совѣсти и долга. Это только различныя стороны или сферы проявленія одного и того же, между ними нельзя провести раздѣленія, и еще менѣе могутъ они противорѣчить другъ другу. Если вселенная имѣетъ смыслъ, то двухъ противорѣчащихъ другъ другу истинъ—поэтической и научной—такъ же не можетъ быть, какъ и двухъ исключающихъ другъ друга высшихъ благъ или цѣлей существованія. Но можно утверждать, что художественная истина въ извѣстномъ смыслѣ превосходитъ истину разума, какъ художественное созерцаніе превосходитъ философскую интуицію. Такъ, поэтическое воззрѣніе на природу характеризуется вѣрою въ ея жизнь, и это воззрѣніе заключаетъ въ себѣ несомнѣнное превосходство передъ мертвящею рефлексіей, для которой природа есть лишь мертвая машина. Искусство служитъ дѣлу истины и добра на землѣ, но только по-своему, только своею красотою и ничѣмъ инымъ. Красота уже сама по себѣ находится въ должномъ соотношеніи съ истиной и добромъ, какъ ихъ проявленіе. Все прекрасное тѣмъ самымъ содержательно и полезно въ лучшемъ смыслѣ слова. Красота просвѣтляетъ все существующее, но вѣдь этотъ ея свѣтъ есть вѣчная истина. Просвѣтляя все, чистая красота оставляетъ за всѣмъ его собственное существенное качество, и если искусство служитъ чистой красотѣ, то оно должно брать все существующее въ его истинѣ. Художнику достаточно быть вѣрнымъ красотѣ, а она уже сама сдѣлаетъ его произведеніе сообразнымъ истинѣ по своему внутреннему родству съ нею. Истинный смыслъ красоты заключается въ томъ, что она необходима для исполненія добра въ матеріальномъ мірѣ, ибо только ею просвѣтляется и укрощается недобрая тьма этого міра. Дѣйствительно, если нравственный порядокъ для своей прочности долженъ опираться на матеріальную природу, какъ на среду и средство своего существованія, то для своей полноты и совершенства онъ долженъ включать въ себя матеріальную основу бытія, какъ самостоятельную часть этическаго дѣйствія, которое здѣсь превращается въ эстетическое, ибо вещественное бытіе можетъ быть введено въ нравственный порядокъ только черезъ свое просвѣтлѣніе, одухотвореніе, т.-е. только въ формѣ красоты.

Мысль о томъ, что красота есть одинъ изъ видовъ тріединой идеи, что въ красотѣ выражается по-своему содержаніе и смыслъ вселенной, что красота всегда согласуется съ истиной, наконецъ,

что она есть необходимое условіе для торжества добра въ матеріальномъ мірѣ,—Вл. Соловьевъ выразилъ въ отвлеченной философской формѣ, въ юношескомъ своемъ произведеніи: „Философскія начала цѣльнаго знанія". Въ этомъ произведеніи философъ даетъ общее схематическое изложеніе своей системы, въ особенности той ея части, которую онъ называетъ цѣльнымъ знаніемъ или логикою. Здѣсь же указаны и метафизическія основы его эстетическихъ взглядовъ въ схематической формѣ [1]). Два главныхъ вопроса эстетики нашли себѣ разрѣшеніе въ „Началахъ цѣльнаго знанія", а именно: вопросъ объ отношеніи красоты къ дѣйствительности и вопросъ о значеніи художественнаго творчества человѣка, т.-е. двѣ эстетическія проблемы, которымъ Соловьевъ впослѣдствіи посвятилъ отдѣльныя изслѣдованія („Красота въ природѣ" и „Смыслъ искусства").

„Основы цѣльнаго знанія" ставятъ вопросъ о смыслѣ и цѣли человѣческаго существованія; рѣшеніе заключается въ требованіи общечеловѣческой организаціи въ формѣ цѣльнаго творчества или свободной тэургіи, цѣльнаго знанія или свободной тэософіи и цѣльнаго общества или свободной тэократіи.

Итакъ, вопросъ о цѣли жизни, имѣющій первоначально личный характеръ, естественно переходитъ въ общій вопросъ всего человѣчества и рѣшается въ зависимости отъ признанія реальности абсолюта или истинно сущаго. Истинно сущее имѣетъ собственную абсолютную дѣйствительность, совершенно независимую отъ реальности внѣшняго вещественнаго міра, также какъ и отъ нашего мышленія, а напротивъ, сообщающаго этому міру реальность, нашему же мышленію—идеальное содержаніе. Истинно сущее опредѣляетъ собою все относительное, а такова, на ряду съ прочими явленіями, и природа человѣка, зависящая отъ безусловнаго. Абсолютное требуется не только нашимъ разумомъ, какъ логически необходимое предположеніе всякой частной истины,—оно требуется волей, какъ необходимое предположеніе всякой нравственной дѣятельности, какъ абсолютная цѣль или благо; наконецъ, оно требуется также и чувствомъ, какъ необходимое предположеніе всякаго полнаго наслажденія, какъ абсолютная и вѣчная красота, которая одна можетъ покрыть собою видимую дисгармонію чувственныхъ явленій.

Абсолютное необходимо для насъ, но отсюда не слѣдуетъ

---

[1]) Мы здѣсь не намѣрены приводить всѣхъ схемъ Соловьева; кто желаетъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ, тому придется имѣть въ виду стр. 238—242, 255, 261, 291—294, 317, 340—349 I-го тома Собранія сочиненій.

еще его объективная дѣйствительность. Эту дѣйствительность мы не можемъ утверждать сами изъ себя, а можемъ только воспринимать какъ дѣйствіе другого на насъ. У всѣхъ людей есть непосредственное ощущеніе абсолютной дѣйствительности, и въ этомъ ощущеніи дѣйствіе абсолютнаго непосредственно воспринимается. Абсолютное есть ничто и все,—ничто, поскольку оно не есть что-нибудь, и все, поскольку оно не можетъ быть лишено чего-нибудь. Чтобы быть тѣмъ, что оно есть, оно должно быть противоположностью себя самого или единствомъ себя и своей противоположности. Абсолютное или сущее имѣетъ все въ непосредственномъ актѣ, и потому противоположное ему его „другое" можетъ быть только чистою потенціею въ немъ. Имѣя все въ себѣ, сущее не можетъ хотѣть произвести что-нибудь существенно иное,—оно можетъ хотѣть только свое собственное содержаніе имѣть какъ „другое". Въ этомъ состоитъ всякое творчество: художникъ хочетъ творить не что-нибудь себѣ чуждое, совершенно иное отъ себя, чего бы въ немъ не было,—напротивъ, онъ хочетъ лишь ту идею, которая находится въ немъ самомъ, опредѣляетъ его внутреннее существо или составляетъ его собственное внутреннее содержаніе—эту свою идею онъ хочетъ осуществить внѣ себя, сдѣлать ее „другимъ" для себя, выдѣлить и обособить ее. И какъ художникъ, объективируя свое содержаніе и дѣлая его внѣшнимъ, не теряетъ его какъ внутреннее, такъ и абсолютно сущее въ своемъ проявленіи не перестаетъ пребывать само въ себѣ.

Различныя опредѣленія, открываемыя діалектикою въ абсолютномъ, существуютъ не отдѣльно одно за другимъ, а заразъ въ одномъ вѣчномъ, живомъ образѣ, доступномъ умственному созерцанію. Первыя логическія категоріи, открываемыя діалектикой, суть: сущее, сущность и бытіе, причемъ послѣднее есть собственно откровеніе двухъ первыхъ въ Логосѣ. Бытіе есть отношеніе между сущимъ и сущностью или первою матеріей. Эта матерія не есть сущее какъ таковое, она есть его другое, она принадлежитъ ему какъ сила. Начало другого есть воля. Итакъ, первое отношеніе сущаго къ сущности или опредѣленіе бытія есть воля. Но чтобы сущій могъ хотѣть этого другого, оно должно быть извѣстнымъ образомъ дано ему, должно представляться ему; такимъ образомъ, Логосъ опредѣляетъ бытіе сущаго не только какъ волю, но и какъ представленіе. Воздѣйствіе на сущаго уже опредѣленной его представленіемъ и волею сущности даетъ новое опредѣленіе его бытію какъ чувство. Итакъ, мы имѣемъ три категоріи, опредѣляющія отношеніе сущаго къ его другому или

сущности: сущее хочетъ свою сущность, представляетъ и чувствуетъ ее. Отсюда бытіе опредѣляется какъ воля, чувство и представленіе. Сущность или первая матерія есть только потенція, осуществляемая внутреннимъ дѣйствіемъ самого сущаго, его волею; это осуществленіе даетъ потенціи нѣкоторую относительную дѣйствительность. Сущность или первая матерія опредѣляется Логосомъ какъ его объектъ; въ этомъ смыслѣ сущность или первая матерія есть идея.

Идея есть то, чего хочетъ сущій, это—его содержаніе. Какъ содержаніе воли сущаго идея есть благо, какъ содержаніе его представленія она есть истина, какъ содержаніе его чувства она есть красота. Сущее въ своемъ единствѣ заключаетъ въ себѣ потенціально волю, представленіе и чувство, но чтобы эти способы бытія были осуществлены, необходимо, чтобы сущее утверждало ихъ особенности, т.-е. признало въ нихъ трехъ самостоятельныхъ и цѣльныхъ субъектовъ. Первый субъектъ сущаго, въ коемъ волѣ подчинены остальные два элемента, есть духъ; второй элементъ, въ которомъ преобладаетъ представленіе, есть умъ; третій, въ которомъ преобладаетъ чувство, есть душа. Итакъ, душа есть сущее какъ субъектъ чувствъ и носительница красоты, а вслѣдствіе этого подлежитъ также волѣ блага и представленію истины.

Содержаніе трехъ субъектовъ есть идея, но въ то же время въ трехъ субъектахъ проявляется само сущее, и идея можетъ давать положительное содержаніе одному изъ субъектовъ не сама по себѣ, а лишь поскольку она опредѣляется другими субъектами или въ отношеніи къ нимъ. Идея есть объективное единство трехъ субъектовъ; отсюда слѣдуетъ, что первоначальная красота, идея какъ красота или идея красоты, есть единство чувства между духомъ, умомъ и душой, или свободное подчиненіе двухъ первыхъ послѣдней относительно чувства. Красота есть чувственная или эстетическая гармонія трехъ субъектовъ. Душа чувствуетъ всецѣлую сущность или идею и тѣмъ опредѣляетъ ее какъ эстетическое или красоту [1]). Сущее, какъ свободное отъ всякой исключительности, должно сообщить идеѣ всю свою дѣйствительность. Идея является не только какъ желанная, но и какъ представляемая и какъ ощущаемая или реальная. Идея постепенно реализуется; идея души, т.-е. красота, обладаетъ наибольшей ак-

[1]) Отношеніе категорій Соловьевъ представляетъ въ слѣдующей таблицѣ:

1. Абсолютъ	— Духъ	Воля	Благо
2. Логосъ	— Умъ	Представленіе	Истина
3. Идея	— Душа	Чувство	Красота.

туальностью, наибольшею полнотою формальнаго бытія и есть поэтому послѣднее относительное осуществленіе идеи какъ таковой. Въ этомъ смыслѣ благо есть утверждаемая цѣль, истина есть необходимо опредѣляющее посредство, красота есть дѣйствительное исполненіе или осуществленіе; другими словами, сущее, утверждая идею какъ благо, даетъ ей посредствомъ истины осуществленіе въ красотѣ.

Мы привели главнѣйшія мысли, опредѣляющія отношеніе красоты къ благу и истинѣ; мы видѣли, что красота для Соловьева есть нѣчто объективное, идея, играющая роль въ міровомъ процессѣ, въ которомъ „другое", или враждебное абсолютному началу, существующее въ абсолютѣ, начало розни и эгоизма должно возсоединиться съ истиннымъ всеединымъ бытіемъ.

Къ землѣ не даромъ небо преклонилось
И распахнулся Вѣчности чертогъ.

Въ незримой глубинѣ сознанья мірового
Источникъ истины живетъ не заглушенъ,
И надъ руинами позора вѣкового
Глаголъ ея звучитъ какъ похоронный звонъ.

Родился въ мірѣ свѣтъ, и свѣтъ отвергнутъ тьмою,
Но свѣтитъ онъ во тьмѣ, гдѣ грань добра и зла;
Не властью внѣшнею, а правдою самою
Князь вѣка осужденъ и всѣ его дѣла.

Спасеніе міра—въ соединеніи съ Богомъ (съ Любовью), и въ этомъ актѣ красотѣ приписана главнѣйшая роль. Сдѣлать міръ вѣчнымъ и безсмертнымъ, исторгнуть изъ него случайность и смерть, можетъ только красота; ибо только она можетъ одухотворить матеріальный міръ, безъ чего не можетъ осуществиться и нравственный порядокъ. Этимъ объясняется и особый, какъ мы увидимъ, взглядъ Соловьева на искусство какъ тэургію. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ мы не встрѣчаемся съ перечисленіемъ и выведеніемъ категорій, установленныхъ въ „Началѣ цѣльнаго знанія", но общія мысли, несомнѣнно, остались неизмѣненными.

II.

Красота и безобразіе.

Эстетика природы есть основа философіи искусства и, анализируя красоту, въ природѣ надо искать ранѣе всего данныя

для опредѣленія понятія красоты. Даже поверхностному взгляду ясно, въ чемъ не слѣдуетъ искать сущности красоты: красота не есть польза и не есть переставшая дѣйствовать полезность; если и доказана (Дарвиномъ) генетическая связь полезнаго и прекраснаго, то этимъ вовсе не рѣшена эстетическая задача; ибо генезисъ понятія не разъясняетъ его смысла. Красота заявляетъ себя какъ чистая безполезность и въ то же время какъ нѣчто абсолютно цѣнное; она есть нѣчто формально особенное, специфическое, отъ формальной основы явленій прямо не зависящее и на нее не сводимое. Однако, сказать, что красота есть предметъ безкорыстнаго созерцанія или цѣль сама въ себѣ, значитъ только сказать, что она не есть средство для постороннихъ цѣлей. Кромѣ того, точно также ясно, что ученіе Шопенгауэра, объясняющее сущность красоты тѣмъ, что содержаніе красоты составляютъ идеи, какъ объективное или предметное выраженіе міровой воли, не заключаетъ въ себѣ истиннаго объясненія природы красоты (хотя, можетъ быть, и заключаетъ въ себѣ намекъ на истину), потому что все существующее есть объективація воли, но не все одинаково красиво. Намекъ на истину заключается въ томъ, что красота признается идеей, но подъ идеей не слѣдуетъ разумѣть всякое содержаніе, а лишь идеальное, ибо идеей вообще мы называемъ то, что достойно бытія. Но опредѣленіе красоты какъ идеи не полно, ибо идея ранѣе всего есть состояніе мыслящаго субъекта, и при такомъ пониманіи ея красота являлась бы не дѣйствительнымъ осуществленіемъ идеи, а лишь видимостью (Schein) или призракомъ ея, и субъективный психологическій фактъ—явленіе красоты въ нашемъ духѣ—заслонялъ бы дѣйствительную красоту, какъ объективную форму вещей въ природѣ. Итакъ, сущность красоты не слѣдуетъ искать въ субъективныхъ, относительныхъ категоріяхъ пользы и видимости, а слѣдуетъ, признавъ объективный характеръ красоты, назвать ее идеей и притомъ *воплощенной идеей*.

Красота есть идея дѣйствительно осуществляемая, воплощаемая въ мірѣ прежде человѣческаго духа, и ея воплощеніе не менѣе реально и гораздо болѣе значительно, чѣмъ матеріальныя стихіи, въ которыхъ она воплощается. Матеріальная стихія, въ которой воплощается идея, первоначально есть хаосъ; поэтому можно сказать, что хаосъ есть необходимый фонъ всякой красоты. Хаосъ — отрицательная безпредѣльность, зіяющая бездна всякаго безумія и безобразія, демоническіе порывы, восстающіе противъ всего положительнаго и должнаго,—вотъ глубокая сущность міровой души и основа всего мірозданія. Космическій про-

цессъ, вводя хаосъ въ предѣлы всеобщаго строя, подчиняетъ его разумнымъ законамъ, воплощая въ немъ постепенно идеальное содержаніе бытія, давая всякой жизни смыслъ и красоту. Жизнь и красота въ природѣ — это борьба и торжество свѣта надъ тьмою, но этимъ необходимо предполагается, что тьма есть дѣйствительная сила, и для красоты вовсе не нужно, чтобы эта тьма была уничтожена; достаточно, чтобы свѣтлое начало воплотилось въ ней, ограничивая, но не упраздняя ея свободу и противоборство. Вещество есть косность, и непроницаемость бытія — прямая противоположность идеѣ, какъ положительной всепроницаемости и всеединству. Порядокъ воплощенія идеи или явленія красоты въ мірѣ соотвѣтствуетъ общему космологическому процессу. Главныя конкретныя ступени процесса проникновенія косной матеріи идеей, или процессъ всемірнаго совершенствованія, носятъ названія царствъ: царство минеральное, растительное, животное, человѣческое (природное и духовное) и царство Божіе. Эти пять царствъ представляютъ рядъ повышеній бытія. Камень существуетъ; растеніе существуетъ и живетъ; животное сверхъ того сознаетъ свою жизнь въ ея фактическихъ состояніяхъ; человѣкъ уразумѣваетъ ея смыслъ по идеямъ; сыны Божіи осуществляютъ дѣйствительно этотъ смыслъ или совершенный нравственный порядокъ во всемъ до конца. Свѣтъ есть первичная реальность идеи въ ея противоположности вѣсомому веществу, и въ этомъ смыслѣ онъ есть первое начало красоты въ природѣ. Самъ по себѣ неорганическій міръ безразличенъ въ эстетическомъ отношеніи, и красота принадлежитъ лишь такимъ предметамъ и явленіямъ, въ которыхъ вещество прямо становится носителемъ свѣта, или такимъ, въ которыхъ неодушевленная природа какъ бы одушевляется и въ своемъ движеніи являетъ черты жизни (небо и небесныя свѣтила, море и т. д.). Въ строеніи живыхъ организмовъ мы имѣемъ новую, сравнительно высшую степень проявленія того же зиждительнаго начала, которое уже дѣйствовало и въ мірѣ неорганическомъ; сначала оно отражалось отъ вещества снаружи какъ свѣтъ, но изнутри оно зажигаетъ жизнь въ веществѣ и образуетъ въ видѣ растительныхъ и животныхъ организмовъ устойчивыя формы жизни, которыя, восходя постепенно все къ большему и большему совершенству, могутъ послужить матеріаломъ и средою для настоящаго воплощенія всецѣлой и недѣлимой идеи. Органическій міръ въ цѣломъ представляетъ явные слѣды внутренняго противоборства, неоконченные наброски неудачныхъ созданій, но зиждительное начало мірового процесса дорожитъ не только цѣлью процесса, но

и каждою изъ безчисленныхъ его ступеней. Отвоевывая шагъ за шагомъ у хаотическихъ стихій матеріалъ для своихъ органическихъ созданій, космическій умъ бережетъ каждую свою добычу и покидаетъ только то, въ чемъ его побѣда была мнимою; при этомъ природа не равнодушна къ красотѣ, она допускаетъ безобразныя формы въ качествѣ переходныхъ стадій, но для увѣковѣчиванія своихъ произведеній старается сообщить имъ возможную въ каждомъ родѣ красоту. Въ растительномъ царствѣ свѣтъ и матерія вступаютъ въ неразрывную связь, оно становится одной недѣлимою жизнью, и жизнь, поднимая кверху земную стихію, заставляетъ ее тянуться къ небу и солнцу. Растеніе есть первое живое воплощеніе небесныхъ началъ на землѣ, жизнь здѣсь выражается въ произведеніи прекрасныхъ органическихъ формъ, и внутренняя жизнь еще слабо обособлена. Видимыя формы въ растеніи значительнѣе внутреннихъ состояній. Для растеній зрительная красота есть достигнутая цѣль; различіе между высшими и низшими растеніями опредѣляется соотвѣтственно степени ихъ видимаго совершенства или красоты, т.-е. эстетическій критерій совпадаетъ здѣсь, вообще говоря, съ естественно-научнымъ; въ то время какъ эстетическій и зоологическій критеріи не совпадаютъ, и въ животномъ царствѣ красота есть недостигнутая цѣль, внѣшнія формы здѣсь служатъ не ради видимаго совершенства, а для развитія наиболѣе интенсивныхъ проявленій жизненности. Красота жавыхъ существъ выше, но рѣже красоты неодушевленной природы; красота растеній представляетъ мало сопротивленія идеальному началу; хаотическое начало пробуждается впервые въ душѣ и жизни животныхъ. И въ животномъ царствѣ, прежде чѣмъ внутренне преодолѣть активное сопротивленіе животныхъ организмовъ, космическій зодчій пользуется зоологическимъ матеріаломъ для произведенія новыхъ видовъ прежней красоты, не имѣющихъ специфически животнаго характера, а частью принадлежащихъ къ неорганической, частью же напоминающихъ растительныя формы. Только высшія животныя, помимо красивыхъ наружныхъ покрововъ, представляютъ и во всемъ своемъ тѣлесномъ видѣ прекрасное воплощеніе тѣлесной жизни,—стройной силы, гармоническаго соотношенія частей и свободной подвижности цѣлаго.

Твореніе вселенной есть процессъ, имѣющій двѣ тѣсно связанныя между собой цѣли: воплощеніе идеи, т.-е. свѣта и жизни въ различныхъ формахъ красоты, и созданіе человѣка, т.-е. той формы, которая вмѣстѣ съ наибольшей красотой представляетъ и высшее внутреннее потенцированіе свѣта и жизни, т.-е. само-

сознаніе. Человѣкъ участвуетъ въ дѣйствіи космическихъ началъ, онъ знаетъ цѣль творенія вселенной и можетъ содѣйствовать осмысленно и свободно ея осуществленію: въ человѣкѣ красота природная переходитъ въ красоту искусства.

Человѣкъ принадлежитъ двумъ царствамъ: природному и духовному. Въ человѣкѣ природная красота достигаетъ высшей ступени, но она не способна выразить внутренняго, духовнаго содержанія идеи; условіемъ для этого являются самосознаніе и свобода, доставляющія доступъ къ нравственному міру, сущность котораго есть любовь. Есть любовь и въ природѣ; но стихійная любовь, которою дышитъ все въ природѣ, есть только стремленіе, только тяготѣніе къ вѣчному царству любви и красоты. Дѣйствительно и окончательно пріобщиться къ этому царству можетъ только человѣческая личность, такъ какъ совершенное соединеніе можетъ быть только при сознательности и свободѣ. Для того-то злому началу Вседержитель и волю далъ, чтобы черезъ борьбу съ нимъ человѣкъ могъ свободно достигнуть совершенства. Божество вѣчно обладаетъ полнотою совершенства, природа въ своихъ формахъ отражаетъ это совершенство и въ своей жизни тяготѣетъ къ нему, человѣкъ свободнымъ дѣломъ достигаетъ его для себя. Этотъ процессъ совершенствованія и составляетъ смыслъ человѣческой жизни. Совершенная красота недоступна природѣ, она есть задача искусства; но полное осуществленіе ея настанетъ только съ концомъ историческаго процесса.

Все, чѣмъ красна Афродита мірская,
Радость домовъ, и лѣсовъ, и морей,
Все совмѣститъ красота неземная
Чище, сильнѣй, и живѣй, и полнѣй.

Изложивъ кратко главныя мысли Соловьева о красотѣ, мы можемъ ихъ резюмировать слѣдующимъ образомъ. Для Соловьева красота есть воплощенная идея; но идея, или то, что достойно быть ею, есть не что иное какъ жизнь. Онъ въ одномъ мѣстѣ прямо говоритъ: „идея, т.-е. свѣтъ и жизнь“; но свѣтъ есть не что иное какъ низшая потенція жизни; такимъ образомъ, въ концѣ концовъ красота совпадаетъ съ жизнью (опредѣленіе Гюйо), и явленіе тѣмъ красивѣе, чѣмъ полнѣе въ немъ выражается жизнь; но такъ какъ сама жизнь имѣетъ различныя степени интенсивности и совершенства, то наиболѣе красивымъ оказывается то явленіе, въ которомъ наиболѣе богатая внутреннимъ содержаніемъ жизнь, иначе говоря—нравственная, духовная жизнь человѣка, заключаетъ наиболѣе полное выраженіе красоты.

Отъ красоты перейдемъ къ ея противоположности, къ безо-

бразію. Возможность безобразія заключается въ томъ, что идея можетъ осуществляться на различныхъ ступеняхъ совершенства, въ томъ, что она при осуществленіи встрѣчаетъ препятствіе со стороны хаотическаго начала. Такъ какъ въ красотѣ приходится различать общую и идеальную сущность отъ спеціально эстетической формы, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ критеріи того и другого могутъ не совпадать, т.-е., съ эстетической точки зрѣнія, крайне несовершенное воплощеніе своей хотя и сравнительно высокой идеи должно быть поставлено ниже совершеннаго воплощенія хотя бы и мало содержательной идеи. Если критеріи содержанія и формы, т.-е. идеальной сущности и эстетической формы, могутъ не совпадать, то они могутъ и вполнѣ разойтись, и тогда должны получиться два противоположныхъ вида красоты—ложной и истинной,—и чѣмъ совершеннѣе и ближе откровеніе настоящей красоты, одѣвающей Божество и его славою ведущей насъ къ избавленію отъ страданія и смерти, тѣмъ тоньше черта, отдѣляющая ее отъ лживаго ея подобія, отъ той обманчивой и безсильной красоты, которая только увѣковѣчиваетъ царство страданій и смерти.

Понятіе безобразія опредѣляется, очевидно, понятіемъ красоты. Если красота есть воплощеніе идеи, то безобразіе по необходимости должно состоять въ противодѣйствіи этому воплощенію, и источникъ его заключается въ хаосѣ или матеріи, противоборствующей просвѣтлѣнію его идеей. Это—опредѣленіе безобразнаго по существу; но подобно красотѣ и безобразіе имѣетъ еще и формальное условіе. Красота формально состоитъ въ свободѣ составныхъ частей при совершенномъ единствѣ цѣлаго; ибо идеальное и достойное бытіе есть то, въ которомъ частные элементы не исключаютъ другъ друга, а напротивъ, взаимно полагаютъ себя одинъ въ другомъ, солидарны между собой,—въ которомъ они не исключаютъ цѣлаго, а утверждаютъ свое частное бытіе на единой всеобщей основѣ,—въ которомъ, наконецъ, всеединая основа или абсолютное начало не поглощаетъ частныхъ элементовъ, а, раскрывая себя въ нихъ, даетъ имъ полный просторъ въ себѣ. Безобразіе, наоборотъ, подобно всякому злу, можетъ быть сведено къ нарушенію взаимной солидарности и равновѣсія частей и цѣлаго. Тѣ же черты, которыя опредѣляютъ зло въ сферѣ нравственной и ложь въ сферѣ умственной, опредѣляютъ и безобразіе въ сферѣ эстетической: все то безобразно, въ чемъ одна часть безмѣрно разростается и преобладаетъ надъ другими, въ чемъ нѣтъ единства и цѣльности и, наконецъ, въ чемъ нѣтъ свободнаго разнообразія.

Красота объективна, слѣдовательно объективно, въ извѣстномъ смыслѣ, и безобразіе. Если красота есть идея или то, что достойно быть ею, то безобразіе есть нѣчто отрицательное, то, что должно быть покорено, что должно подчиниться идеѣ. Но степени просвѣтлѣнія матеріальнаго начала идеей безконечно разнообразны, слѣдовательно и безобразіе должно проявляться въ разнообразныхъ формахъ и ступеняхъ. Красота отсутствуетъ вездѣ, гдѣ матеріальныя стихіи міра являются болѣе или менѣе обнаженными, будь то въ мірѣ неорганическомъ, какъ грубое безформенное вещество, будь то въ мірѣ органическомъ, какъ неистовый жизненный инстинктъ. Неорганическій міръ безразличенъ въ эстетическомъ отношеніи, онъ не красивъ, но и не безобразенъ; лишь тамъ, гдѣ свѣтъ и жизнь уже овладѣли матеріей, гдѣ всемірный смыслъ уже сталъ раскрывать свою внутреннюю полноту, тамъ несдержанное проявленіе хаотическаго начала, снова убивающаго и подавляющаго идеальную форму, должно производить рѣзкое впечатлѣніе безобразія. Безобразіе ясно проявляется въ животномъ царствѣ, когда оно представляетъ голое воплощеніе половой или питательной функцій. Но крайней степени безобразіе достигаетъ лишь въ области высшей и совершеннѣйшей природной формы: никакое животное не можетъ быть такъ отвратительно, какъ безобразный человѣкъ. Безобразныя формы въ царствѣ животномъ принадлежатъ къ видамъ исчезнувшимъ или имѣютъ паразитическій характеръ и лишены самостоятельнаго значенія. Природа допускаетъ безобразныя формы лишь въ качествѣ переходныхъ. Пассивная жизнь растеній представляетъ мало сопротивленія идеальному началу, которое и воплощается здѣсь въ красотѣ чистыхъ и ясныхъ, но мало содержательныхъ формъ. Преобладаніе слѣпой и безмѣрной животности надъ идеей организма, т.-е. внутренняго и наружнаго равновѣсія жизненныхъ элементовъ, преобладаніе матеріи надъ формой, наглядно выраженное въ фигурѣ червя, есть лишь главная основная причина безобразія въ животномъ царствѣ; вторая причина—возвращеніе къ безформенности. Сама по себѣ безформенность безразлична въ эстетическомъ отношеніи, но она становится безобразіемъ на такихъ ступеняхъ животнаго царства, которыя предполагаютъ болѣе или менѣе сложную и устойчивую организацію. Наконецъ, третья причина безобразія состоитъ въ каррикатурномъ предвареніи высшей формы, которой не соотвѣтствуютъ остающіяся черты низшей организаціи.

Космическій художникъ знаетъ, что основа животнаго тѣла безобразна, и старается всячески прикрыть и прикрасить ее. Его

цѣль—не въ томъ, чтобы уничтожить или устранить безобразіе, а въ томъ, чтобы оно сначала само облеклось красотою, а потомъ и превратилось въ красоту.

Положительное безобразіе начинается лишь тамъ, гдѣ начинается жизнь; но высшей степени оно достигаетъ въ человѣкѣ, одаренномъ самосознаніемъ и свободой; точно также какъ и красота достигаетъ наивысшей степени въ человѣческомъ тѣлѣ и въ духовномъ мірѣ, гдѣ она сливается съ нравственной красотой. Наивысшая степень безобразія совпадаетъ со зломъ, съ нравственною испорченностью.

III.

Теорія вдохновенія [1]).

Истинный источникъ поэзіи, какъ и всякаго искусства, не во внѣшнихъ явленіяхъ и также не въ субъективномъ умѣ художника, а въ самобытномъ мірѣ вѣчныхъ идей или первообразовъ. Предметъ искусства есть существенная красота міровыхъ явленій, для воспріятія и воплощенія которыхъ нуженъ особый подъемъ души надъ обыкновенными ея состояніями. Способность къ такому подъему имѣетъ свои физіологическія условія и свою духовную причину; она называется геніемъ, а актуальное проявленіе ея—вдохновеніемъ. Вдохновенный художникъ, воплощая свои созерцанія въ чувственныхъ формахъ, есть связующее звено или посредникъ между міромъ вѣчныхъ идей первообразовъ и міромъ вещественныхъ явленій. Художественное творчество, въ которомъ упраздняется противорѣчіе между идеальнымъ и чувственнымъ, между духомъ и вещью, есть земное подобіе творчества божественнаго, въ которомъ снимаются всякія противоположности, и божество проявляется какъ начало совершеннаго единства—„единство самого себя и своего другого". Поэтому Полонскій правъ, считая поэзію участіемъ человѣка „въ игрѣ, затѣянной богами". Но такая роль посредника между міромъ бытія и міромъ явленій требуетъ и особаго дарованія: способности переступать въ чувствѣ и созерцаніи черезъ границы обычнаго порядка явленій и схватывать запредѣльную сторону жизни и

[1]) Вдохновеніе Соловьевъ описываетъ на основаніи свидѣтельства Пушкина, въ которомъ „сущность поэзіи выразилась наиболѣе чисто". Соловьевъ думаетъ, что простое описаніе самимъ поэтомъ его творческаго процесса вполнѣ подходитъ и къ внутреннему опыту всѣхъ другихъ поэтовъ.

жизненныхъ отношеній. Эта способность разрывать сѣть внѣшней причинности и проникать въ другую, болѣе глубокую связь существующаго есть способность пророческая, родственная шотландскому двойному зрѣнію. Эта пророческая способность въ области художества есть вдохновеніе. Итакъ, міръ вѣчныхъ идей есть объективный источникъ всякаго художества, а вдохновеніе— субъективное условіе, при наличности котораго идеи воплощаются въ человѣческомъ творчествѣ. Слѣдующими чертами характеризуется состояніе вдохновенія. Во-первыхъ, вдохновеніе глубоко, тѣсно и разносторонне связано съ матеріальною, физіологическою подкладкою человѣческой жизни; поэтому для появленія его необходимы нѣкоторыя внѣшнія условія среды, какъ-то: полное уединеніе, соотвѣтственное время года (осень, менѣе всего дѣйствующая на чувственную природу человѣка) и т. д. Во-вторыхъ, вдохновеніе не есть какое-либо постоянное качество человѣческаго генія, а преходящее состояніе, во время котораго художникъ повинуется высшему призванію и велѣнію. Когда художника охватываетъ это состояніе, онъ видитъ предметы съ иной точки зрѣнія. Если съ высокой горы смотрѣть на село, то его видно какъ на ладони и всѣ его дома видны сразу; когда же, сойдя внизъ, проходишь мимо ближайшихъ домовъ и останавливаешься, чтобы разсмотрѣть ихъ, то тѣхъ, что дальше, не будетъ видно вовсе, а ближайшіе будутъ видны иначе, чѣмъ съ горы; и между этими двумя взглядами на село нѣтъ противорѣчія, какъ его нѣтъ между частями и ихъ цѣлымъ; такъ художникъ во время вдохновенія схватываетъ во внутреннемъ единствѣ однимъ взоромъ всѣ предметы, точно также какъ онъ разрываетъ внѣшнюю цѣпь причинности, связывающую событія для того, чтобы связать ихъ болѣе глубокимъ внутреннимъ смысломъ; такимъ образомъ въ минуты вдохновенія ниспадаютъ индивидуальныя границы, principia individuationis,— пространственныя и временныя,—и художникъ чувствуетъ свою непосредственную связь со вселенной и созерцаетъ ее въ интеллектуальномъ воспріятіи. Это созерцаніе имѣетъ много общаго съ философской интуиціей, но чѣмъ центральнѣе, чѣмъ глубже, универсальнѣе идея, тѣмъ менѣе возможно ея непосредственное созерцаніе для человѣка въ его теперешнемъ эксцентричномъ и периферическомъ состояніи; поэтому философская интуиція значительно уступаетъ въ яркости и интенсивности интуиціи художественной, превосходя ее универсальностью. Но индивидуальное въ интуиціи не теряетъ своихъ чертъ: чтобы уловить и навѣки закрѣпить единичное явленіе, необходимо сосре-

доточить на немъ всѣ силы души и тѣмъ самымъ почувствовать сосредоточенныя въ немъ силы бытія, нужно признать его безусловную цѣнность, увидать въ немъ не что-нибудь, а фокусъ всего, единственный образчикъ абсолютнаго. Въ этомъ собственно и состоитъ созвучіе поэтической души съ истиной предметною; ибо по истинѣ не только каждое нераздѣльно пребываетъ во всемъ, но и все нераздѣльно присутствуетъ въ каждомъ. Отвлеченный пантеизмъ растворяетъ все единичное въ абсолютномъ, превращая это послѣднее въ пустую безразличность; истинное поэтическое созерцаніе, напротивъ, видитъ абсолютное въ индивидуальномъ явленіи, не только сохраняя, но и безконечно усиливая его индивидуальность.

Но у художника нѣтъ средствъ, чтобы по произволу вызвать состояніе вдохновенія. Онъ не воленъ въ своемъ творчествѣ. Вдохновеніе не подчиняется волѣ и не требуетъ напряженія ума. Предъ вдохновеніемъ умъ молчитъ. Умъ и воля, какъ начала самодѣятельности въ человѣкѣ, не принимаютъ участія въ вдохновеніи. Какъ о поэзіи, такъ и о всякомъ художественномъ творчествѣ можно сказать, что оно не есть дѣятельность ума, а состояніе души, охваченной волненіемъ. Поэзія Пушкина, напримѣръ, не была дѣломъ ума, а зависѣла отъ воспріимчивости его души къ воздѣйствіямъ изъ надсознательной области. Животные голоса въ человѣкѣ должны затихнуть, умолкнуть, чувственная пестрота и яркость должны поблѣднѣть, чтобы поэтъ могъ слышать божественные глаголы и созерцать видѣнія первоначальныхъ лучшихъ дней. Итакъ, если вдохновеніе не есть дѣло ума или воли, то, значитъ, оно есть пассивное состояніе, и свобода творчества имѣетъ своимъ первоначальнымъ условіемъ пассивность, чистую потенціальность ума и воли. Душа въ минуты вдохновенія повинуется лишь тому, что въ нее входитъ или приходитъ къ ней изъ той надсознательной области, которую сама душа признаетъ иною, высшею и вмѣстѣ съ тѣмъ своею, родною. Въ мірѣ поэзіи и духовнаго творчества вообще душа опредѣляется къ дѣйствію тѣмъ, что въ ней лучше ея, что дано свыше, а не придумано. Но если вдохновеніе есть состояніе пассивное, то отъ поэта и художника не требуется никакого дѣйствія и никакого опредѣленнаго и предвзятаго утвержденія о чемъ бы то ни было. Онъ долженъ быть нищъ духомъ. Пустота души истиннаго поэта-художника жаждетъ наполненія, духовнаго удовлетворенія. Геній только усиливаетъ, возводитъ на высшую ступень прежнія чувства и дѣлаетъ поэта духовно болѣе зоркимъ и болѣе чуткимъ; онъ замѣчаетъ то, что ускользаетъ

отъ болѣе грубаго чувства. Душа поэта пассивна въ области поэзіи, молчитъ передъ грядущимъ вдохновеніемъ и только можетъ тосковать по немъ, жаждать его и готовиться къ его пріему. Но когда оно пришло и принято душою и овладѣло ею, то сама душа становится верховною властью въ своемъ мірѣ. По своему началу вдохновеніе безусловно свободно, оно приходитъ само собой,—но не съ пустыми руками: оно несетъ съ собой плоды любимыхъ думъ и налагаетъ на поэта благородный подвигъ усовершенствованія.

Итакъ, вдохновеніе есть мимолетное, пассивное состояніе души, въ которомъ ни умъ, ни воля человѣка не играютъ роли, которое приходитъ изъ надсознательной области и всецѣло завладѣваетъ душою, чтобы вести ее по своему пути. Но вдохновеніе, будучи даромъ свыше, не есть нѣчто вполнѣ случайное, оно приходитъ не ко всѣмъ людямъ, къ нему можно готовиться,—слѣдовательно, есть какая-то связь, хотя и не сознательная, вдохновенія съ умомъ и волею генія. Какъ красота есть въ то же время и добро и истина—красота есть только ощутительная сторона добра и истины,—такъ и воспріятіе красоты въ субъектѣ въ моменты вдохновенія предполагаетъ соотвѣтственное пониманіе бытія и соотвѣтствующее нравственное просвѣтлѣніе. На высшей степени вдохновенія художникъ становится пророкомъ. Красота просвѣтляетъ все существующее, но этотъ ея свѣтъ есть вѣчная истина, и художнику достаточно быть вѣрнымъ красотѣ, а она уже сама сдѣлаетъ его произведеніе сообразнымъ истинѣ по своему внутреннему сродству съ нимъ. Кто прозрѣлъ, чтобы видѣть красоту мірозданія, тотъ тѣмъ мучительнѣе ощущаетъ безобразіе человѣческой дѣйствительности и не можетъ относиться къ ней безразлично, ибо безразличіе между добромъ и зломъ не можетъ принять формы красоты. Міръ нравственный, міръ свободнаго добра и зла по своему самому существенному качеству сразу предстоитъ художнику не какъ предметъ созерцательнаго вниманія только, но и какъ предметъ жизненнаго рѣшенія, ибо онъ по существу міръ не различія только, но и противоборства. Художникъ отступитъ отъ истины, если не признаетъ существованія зла теперь и не признаетъ въ немъ отрицаемаго, того, что должно исчезнуть. Борьба со зломъ требуетъ полнаго перерожденія черезъ подавленіе злого начала, а это предполагаетъ настоящее страданіе. Итакъ, высшая ступень идеально-художественнаго, т.-е. пророческаго служенія требуетъ не только художественнаго вдохновенія и прозрѣнія смысла мірозданія, но и мучительнаго нравственнаго перерожденія; необхо-

димо спалить зло огнемъ любви, необходимъ нравственный подвигъ. Для достиженія вершины художественнаго вдохновенія, на которомъ художество отожествляется съ пророческимъ даромъ, необходимы три жизненныхъ разрыва. Нужно разорвать съ основною и самою крѣпкою связью, которая тянетъ насъ къ личному счастью въ его главномъ средоточіи — половой любви; нужно разорвать съ любовью къ своему народу, дабы патріотизмъ могъ подняться надъ своими утробными корнями въ свѣтъ нравственнаго сознанія и путемъ самоотреченія повелъ бы свой народъ къ высшей и всеобъемлющей цѣли. Ибо смыслъ личной жизни не можетъ существовать самъ по себѣ, какъ случайность, а долженъ быть связанъ съ самою всеобщею правдой, чтобы освободиться въ ней отъ всякой случайности. Эта правда воплощается въ отчизнѣ, но не отчизна есть источникъ и мѣрило правды, а сама правда есть норма и для отчизны. Но нужно разорвать и съ религіознымъ авторитетомъ, ибо вѣра должна быть не подушкою успокоенія, а внутреннею силою неустаннаго движенія. Возвышаясь такимъ путемъ, подымаясь на новыя ступени нравственной высоты, геній долженъ нести съ собой не гордое и пустое отрицаніе, а любовь къ тому, надъ чѣмъ возвысился.

IV.

Искусство.

Совершенная красота недоступна природѣ, она есть задача искусства; но слѣдуетъ отличать истинное искусство отъ ложнаго. Существующее искусство есть лишь слабый суррогатъ истиннаго искусства. Чтобы придать искусству значеніе и смыслъ, необходимо связать художественное творчество съ высшими цѣлями человѣческой жизни. Современное художественное творчество не хочетъ служить чистой красотѣ, какъ ей служили художники классическаго міра и эпохи возрожденія: оно ищетъ содержанія; но, чуждые прежнему религіозному содержанію, современные художники обращаются къ дѣйствительности и ставятъ себя къ ней въ рабское отношеніе вдвойнѣ: они, во-первыхъ, стараются рабски подражать дѣйствительности, а во-вторыхъ, столь же рабски служатъ злобѣ дня [1]), стараясь удовлетворить общественному настроенію

[1]) Эти мысли Соловьевъ высказалъ въ 1881 году, и онѣ не вполнѣ примѣнимы къ современному искусству, но столь же отрицательно относился Соловьевъ и къ новому символизму и декадентству.

данной минуты; они проповѣдуютъ ходячую мораль, думая черезъ то сдѣлать искусство полезнымъ. Въ погонѣ за мнимо-реальными подробностями теряется настоящая реальность цѣлаго, а стремленіе соединить съ искусствомъ внѣшнюю поучительность и полезность къ ущербу его внутренней красоты превращаетъ искусство въ самую безполезную и ненужную вещь въ мірѣ. Искусство для искусства такъ же чуждо намъ, какъ и мистическое творчество. Подражаніе поверхностной дѣйствительности и узкій утилитаризмъ—вотъ что составляетъ особенность современнаго искусства; искусство превратилось въ ремесло. Исключительно религіозное и исключительно формальное творчество оба односторонни, и потому должны были потерять свое значеніе; но современное направленіе искусства лишено глубины религіознаго и идеальнаго изящества формальнаго творчества.

Разсмотрѣніе недостатковъ современнаго искусства поможетъ найти истинное понятіе его. Ясно, что смыслъ искусства не можетъ состоять въ подражаніи дѣйствительности, ибо хотя красота въ природѣ и объективна, но идея (жизни) не находитъ въ природѣ полнаго воплощенія. Красота въ природѣ есть только покрывало, набросанное на злую жизнь, а не преображеніе этой жизни. Красота въ природѣ имѣетъ три существенныхъ недостатка. Во-первыхъ, идеальное содержаніе въ ней недостаточно прозрачно и не открываетъ здѣсь всей своей таинственной глубины. Идея воплощается здѣсь самымъ общимъ образомъ, съ внѣшней своей стороны. Во-вторыхъ, поверхностной матеріализаціи идеальнаго начала въ природной красотѣ соотвѣтствуетъ столь же поверхностное одухотвореніе матеріи, откуда возможность кажущагося противорѣчія формы съ содержаніемъ; природная красота вообще неспособна выразить идею жизни въ ея внутреннемъ, *нравственномъ* качествѣ. Въ-третьихъ, красота природы сохраняется неизмѣнною и вѣковѣчною лишь вообще, въ своихъ общихъ образцахъ—родахъ и видахъ, каждое же отдѣльное прекрасное явленіе разрушается. Еслибы смыслъ искусства состоялъ въ подражаніи природѣ, то ему пришлось бы сдѣлать тотъ упрекъ, который высказывалъ еще Платонъ: искусство повторяетъ несуществующее; оно изображаетъ то, что недостойно бытія. Но столь же неправильно пониманіе задачи искусства какъ служенія чистой красотѣ (или искусства для искусства). Такой эстетическій сепаратизмъ, разрывающій связь искусства съ остальными сферами жизни, подрываетъ въ корнѣ смыслъ человѣческаго творчества: искусство не для искусства, а для осуществленія той полноты жизни, которая необходимо вклю-

чаетъ въ себѣ и особый элементъ искусства—красоту, но включаетъ не какъ что-нибудь отдѣльное и самодовлѣющее, а въ существенной и внутренней связи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ жизни. Слѣдуетъ отвергнуть фантастическое отчужденіе красоты и искусства отъ общаго движенія міровой жизни и признать, что художественная дѣятельность не имѣетъ въ себѣ самой какого-либо особаго высшаго предмета, а лишь по-своему, своими средствами служитъ общей жизненной цѣли человѣчества. Примѣромъ такого пониманія искусства можетъ служить А. Толстой, который показалъ, что можно служить чистому искусству, не отдѣляя его отъ нравственнаго смысла жизни, что это искусство должно быть чисто отъ всего низменнаго и ложнаго, но никакъ не отъ идейнаго содержанія и жизненнаго значенія.— Столь же ложно и то направленіе эстетики, которое видитъ въ искусствѣ служеніе пользѣ, потому что основной признакъ красоты—безполезность; но нельзя, конечно, отрицать пользы искусства, если подъ словомъ польза разумѣть не грубую матеріальную пользу: такъ, совершенно справедливо будетъ утверждать, что поэзія Пушкина полезна, ибо совершенная красота ея формы усиливаетъ дѣйствіе того духа, который въ ней воплощается, а духъ этотъ—живой, благой и возвышенный.

Итакъ, анализъ ложнаго современнаго искусства помогаетъ понять истинное значеніе искусства, и внимательный взглядъ найдетъ и въ современномъ искусствѣ черты будущаго истиннаго творчества, а именно стремленіе къ полному воплощенію идеи въ мельчайшихъ матеріальныхъ подробностяхъ, до полнаго почти сліянія съ текущей дѣйствительностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе воздѣйствовать на реальную жизнь, исправляя и улучшая ее согласно идеальнымъ требованіямъ. Религіозное искусство древности было реальной силой, и искусство будущаго вернется къ религіи обогащеннымъ и станетъ силою просвѣтляющей и перерождающей весь человѣческій міръ; но для этого помимо любви и состраданія къ земному нужно еще нѣчто большее: чтобы повернуть и пересоздать землю, нужно привлечь и приложить къ ней неземныя силы.

Истинная задача и смыслъ искусства заключаются въ томъ, чтобы связать творчество съ высшими цѣлями человѣческой жизни, чтобы заставить служить человѣческое творчество той же цѣли, которой служитъ природа, но которой она, какъ мы видѣли, не достигаетъ. Искусство не представляетъ противоположности природѣ, а продолженіе дѣла природы, предпринятаго ради разрѣшенія эстетической задачи. Такимъ образомъ, высшая задача ис-

кусства совпадаетъ съ концомъ мірового процесса. Но окончательный смыслъ вселенной есть торжество вѣчной жизни, содержаніе этой жизни есть внутреннее единство всего или любовь, ея форма—красота, ея условіе—свобода. Искусство должно служить торжеству вѣчной жизни; человѣкъ съ его разумнымъ сознаніемъ долженъ быть не только цѣлью природнаго процесса, но и средствомъ для обратнаго, болѣе глубокаго и полнаго воздѣйствія на природу со стороны идеальнаго начала. Въ человѣкѣ темное начало выражаетъ свою глубочайшую сущность какъ нравственное зло, но въ человѣкѣ тѣмъ самымъ и дана возможность окончательнаго надъ зломъ торжества и совершеннаго воплощенія этого торжества въ красотѣ нетлѣнной и вѣчной. Мы видѣли, что воплощенію идеи и полной реализаціи красоты въ природѣ препятствуютъ три причины. Задача, неисполнимая средствами физическими, должна быть выполнена средствами человѣческаго творчества. Изъ разсмотрѣнія трехъ указанныхъ причинъ недостаточности природной красоты явствуютъ и три задачи искусства, а именно: 1) прямая объективація тѣхъ глубочайшихъ внутреннихъ опредѣленій и качествъ живой идеи, которыя не могутъ быть выражены природой, 2) одухотвореніе природной красоты и черезъ то 3) увѣковѣченіе ея индивидуальныхъ явленій, т. е. превращеніе физической жизни въ духовную. Высшая задача искусства есть совершенное воплощеніе духовной полноты въ нашей дѣйствительности, осуществленіе въ ней абсолютной красоты или созданіе вселенскаго духовнаго организма. Исполненіе этой задачи совпадаетъ съ концомъ мірового процесса; пока мы имѣемъ лишь предвареніе совершенной красоты. Совершенное искусство въ своей окончательной задачѣ должно воплотить абсолютный идеалъ не въ одномъ воображеніи, а на самомъ дѣлѣ, — должно одухотворить, пресуществить нашу дѣйствительную жизнь.

Изъ разсмотрѣнныхъ истинныхъ задачъ искусства слѣдуетъ и опредѣленіе художественнаго произведенія. Всякое ощутительное изображеніе какого бы то ни было предмета и явленія съ точки зрѣнія его окончательнаго состоянія, или въ свѣтѣ будущаго міра, есть художественное произведеніе.—Искусство будущаго, такимъ образомъ, имѣетъ совершенно иныя задачи, чѣмъ искусство прошлаго и настоящаго, оно проявится въ совершенно иной сферѣ дѣйствія; ибо существующія формы доведены уже до окончательнаго совершенства и дальнѣйшаго прогресса ожидать нельзя. Скульптура, героическій эпосъ и чистая трагедія завершены еще греками.

Если задачи будущаго искусства совершенно иныя (торжество вѣчной жизни, воскрешеніе мертвыхъ), то и существующія формы искусства можно, съ точки зрѣнія предваренія указанныхъ задачъ, раздѣлить совершенно иначе, чѣмъ это дѣлается теперь. Можно различить три группы искусства: 1) прямыя или магическія, въ которыхъ глубочайшія внутреннія состоянія, связывающія насъ съ подлинною сущностью вещей и съ нездѣшнимъ міромъ, прорываясь сквозь условности и матеріальныя ограниченія, находятъ себѣ прямое и полное выраженіе (музыка и отчасти чистая лирика); 2) *косвенныя, черезъ усиленіе данной* красоты, когда внутренній, существенный и вѣчный смыслъ жизни, скрытый въ частныхъ и случайныхъ явленіяхъ природнаго и человѣческаго міра, открывается и уясняется художникомъ черезъ воспроизведеніе этихъ явленій въ сосредоточенномъ, очищенномъ, идеализированномъ видѣ (архитектура, скульптура, пейзажная живопись и отчасти лирическая поэзія); 3) отрицательный родъ эстетическаго предваренія есть *косвенный черезъ отраженіе* идеала отъ несоотвѣтствующей ему среды, типически усиленной художникомъ для большей яркости отраженія (трагедія и комедія).

Искусство будущаго вернется обогащеннымъ къ своему источнику — религіи; художникъ станетъ пророкомъ, видящимъ красоту міра и тѣмъ мучительнѣе ощущающимъ безобразіе человѣческой дѣйствительности. Онъ будетъ бороться съ нею словомъ правды. Высшая ступень пророческаго, т.-е. идеально-поэтическаго служенія, объявляется словомъ правды, но совершается огнемъ любви. Спалить зло избранникъ можетъ однимъ средствомъ—словомъ, разожженнымъ сердечнымъ огнемъ любви.

Въ искусствѣ мы должны различать техническое художество отъ изящнаго. Техническое художество есть творчество матеріальное, которому идея красоты служитъ лишь какъ украшеніе при утилитарныхъ цѣляхъ. Зодчество является высшимъ представителемъ техники. Здѣсь производительность творческаго чувства направляется человѣкомъ непосредственно на низшую внѣшнюю природу и существенную важность имѣетъ матеріалъ. Въ художественномъ творчествѣ опредѣляющее значеніе имѣетъ эстетическая форма—форма красоты, выражающаяся въ чисто идеальныхъ образахъ. Изящное художество является въ формѣ ваянія, живописи, музыки и поэзіи, въ которыхъ легко замѣтить восхожденіе отъ матеріи къ духовности. Красота художественныхъ образовъ не есть еще полная, всецѣлая красота: эти образы, идеально необходимые по формѣ, имѣютъ лишь случайное, неопредѣленное

содержаніе. Въ истинной же красотѣ содержаніе должно быть столь же опредѣленнымъ, необходимымъ и вѣчнымъ, какъ и форма. Истинная красота можетъ быть лишь въ идеальномъ мірѣ самомъ по себѣ, и творческое отношеніе человѣческаго чувства къ этому міру есть мистика. Такимъ образомъ, мы имѣемъ три сферы художественнаго творчества, постепенно углубляющіяся: сферу техники, сферу изящнаго искусства и, наконецъ, сферу мистики. Всѣ три сферы вмѣстѣ образуютъ одну организацію, цѣль которой опредѣляется высшей сферою и состоитъ въ общеніи съ высшимъ міромъ путемъ внутренней творческой дѣятельности. Цѣль эта осуществляется въ свободной тэургіи или цѣльномъ творчествѣ.

V.

Поэзія вообще и лирика въ частности.

Разъяснивъ задачу и смыслъ искусства вообще, Соловьевъ не даетъ подробныхъ указаній относительно отдѣльныхъ искусствъ, подобно тому, какъ у него нѣтъ и анализа различныхъ видовъ красоты. Мы находимъ у него анализъ лишь одного поэтическаго творчества и разъясненіе сущности одной лишь поэзіи, при этомъ главнымъ образомъ лирической поэзіи, т.-е. той, которая была ближе всего его сердцу и въ которой онъ самъ испробовалъ свои силы не только какъ философъ, разсуждающій о красотѣ, но какъ поэтъ, самъ созидающій красоту. Поэзія представлялась Соловьеву высшимъ родомъ художества, поэтому она по-своему заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ другихъ искусствъ. Истинный поэтъ влагаетъ въ свое слово нераздѣльно съ его внутреннимъ смысломъ и музыкальные звуки, и краски, и пластичныя формы. Элементъ пластичности и живописи вовсе не враждебенъ поэзіи, а напротивъ, необходимъ для нея; что ей дѣйствительно враждебно, такъ это элементъ прозаичности, отвлеченной рефлексіи; точно такъ же и музыкальность есть необходимое условіе поэзіи. Поэзія сама по себѣ есть цвѣтеніе и сіяніе духовныхъ силъ—добрыхъ и злыхъ. Дѣло поэзіи состоитъ въ томъ, чтобы воплощать въ ощутительныхъ образахъ тотъ высшій смыслъ жизни, которому философъ даетъ опредѣленіе въ разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистомъ и осуществляется историческимъ дѣятелемъ, какъ идея добра. Истинный источникъ поэзіи заключается въ самобытномъ мірѣ вѣчныхъ идей или первообразовъ. Очевидно, что приведенныя опредѣленія не выражаютъ сущности

одной поэзіи только, а въ одинаковой мѣрѣ относятся къ искусству вообще; въ частности къ поэзіи относится лишь то, что она, какъ высшій родъ искусства, вмѣщаетъ въ себѣ свойства остальныхъ и притомъ воплощаетъ идеальное содержаніе въ матеріалѣ особенно гибкомъ, въ которомъ духовная сторона господствуетъ надъ матеріальной,—въ словѣ; поэтому поэзія и представляется той средой, въ которой смыслъ вселенной можетъ найти наиболѣе полное выраженіе. Настоящая поэзія ни въ чемъ кромѣ красоты не нуждается: въ красотѣ—ея смыслъ и ея польза. Искать въ поэзіи непремѣнно какого-то особаго, посторонняго ей содержанія—значитъ не признавать ея собственнаго. Поэзія служитъ истинѣ и добру на землѣ, но по-своему, только своей красотой и ничѣмъ инымъ; она требуетъ отъ своего жреца лишь неограниченной воспріимчивости душевнаго чувства, послушнаго высшему вдохновенію, и вѣры въ поэзію, т.-е. вѣры въ то, что поэзія не есть праздный вымыселъ, а своеобразное міровоззрѣніе, признающее единство и одушевленность всей природы. Дѣло поэзіи—не въ томъ, чтобы предаваться произвольнымъ фантазіямъ, а въ томъ, чтобы провидѣть абсолютную правду всего существующаго. Поэты, не вѣрящіе въ поэзію, у которыхъ умъ противорѣчитъ вдохновенію, которые думаютъ, что истина есть только одна механика,—такіе поэты или должны быть неискренни, или же, отдаваясь поэтическому чувству, должны воздерживаться отъ всякой мысли. Житейская заурядность не имѣетъ ничего общаго съ поэзіей, но вопросъ именно въ томъ, исчерпывается ли жизнь этою заурядностью? Примѣромъ поэта, вѣрящаго въ свое дѣло, въ одушевленность природы, служитъ Ѳ. И. Тютчевъ. Живое отношеніе къ природѣ есть существенный признакъ поэзіи вообще, отличающій ее отъ двоякой прозы: житейско-практической и научно-отвлеченной. Если поэтическая истинность только созданіе мечты (какъ это было для Лермонтова), то вся жизнь есть лишь „пустая и глупая шутка", съ которой всего лучше покончить съ самаго начала. Поэтъ долженъ вѣрить въ превосходство поэтической истины сравнительно съ мертвящей рефлексіей.

Сущность поэзіи всего яснѣе выражается въ лирикѣ, потому что въ лирикѣ всего глубже и непосредственнѣе выражается внутреннее содержаніе души человѣческой. Въ лирикѣ меньше всего внѣшняго и условнаго, событій и дѣйствій; лирика есть подлинное откровеніе души человѣческой, того именно, что нуждается въ откровеніи, т.-е. красоты души человѣческой; въ лирикѣ, послѣ музыки, душа открывается прямѣе и полнѣе всего. Неправильно лирику называютъ поэзіей субъективности (Гегель);

во-первыхъ, потому, что субъективныя состоянія, какъ таковыя, вообще не допускаютъ поэтическаго выраженія; во-вторыхъ, потому, что не всѣ состоянія души могутъ быть предметомъ лирики; съ другой стороны, чистому лирику нерѣдко удавалось прекрасно воспроизводить чужую душу, т.-е. состоянія и настроенія, ничего общаго съ личною душевною жизнью поэта не имѣющія. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ красота и жизнь природы настолько прямо отражаются въ поэтической душѣ, какъ въ зеркалѣ, что вовсе не остается мѣста для субъективности: видишь образъ, овладѣвшій поэтомъ, а самого поэта совсѣмъ не видно. Въ поэтическомъ откровеніи нуждается внутренняя красота души человѣческой, состоящая въ ея созвучіи съ объективнымъ смысломъ вселенной, въ ея способности индивидуально воспринимать и воплощать этотъ всеобщій существенный смыслъ міра и жизни. Въ отличіе отъ другихъ родовъ поэзіи, лирическое настроеніе, во-первыхъ, останавливается на болѣе простыхъ, единичныхъ и болѣе глубокихъ моментахъ созвучія художественной души съ истиннымъ смысломъ міровыхъ и жизненныхъ явленій. Въ настоящей лирикѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ искусствахъ, кромѣ музыки [1]), душа художника сливается съ даннымъ предметомъ или явленіемъ въ одно нераздѣльное состояніе. Во-вторыхъ, въ лирическомъ произведеніи содержаніе и словесное его выраженіе совершенно слиты, въ немъ вовсе нѣтъ содержанія отдѣльнаго отъ формы, поэтому содержаніе его не можетъ быть передано прозою. Въ-третьихъ, лирическая поэзія относится къ основной, постоянной сторонѣ явленій, чуждаясь всего, что связано съ процессомъ, съ исторіей. Патріотическіе и гражданскіе мотивы, часто служащіе предметомъ лирики прикладной, не должны быть смѣшиваемы съ мотивами чистой лирики.

Лирикъ, какъ поэтъ, вѣритъ и внушаетъ читателю вѣру въ самостоятельное значеніе красоты; что людямъ представляется лишь праздною мечтою, то поэтъ сознаетъ какъ откровеніе высшихъ силъ, чувствуетъ какъ ростъ тѣхъ духовныхъ крыльевъ, которыя уносятъ его изъ призрачнаго и пустого существованія въ область истиннаго бытія.

Содержаніе лирики имѣетъ два опредѣленныхъ объекта: жизнь природы и чувство любви; но есть еще область лирическаго чув-

---

[1]) Очень жаль, что у Соловьева нѣтъ разъясненія отношеній музыки къ лирикѣ: съ одной стороны, музыка оказывается болѣе непосредственной выразительницей внутренняго настроенія, а слѣдовательно и болѣе глубокимъ откровеніемъ души человѣческой, чѣмъ поэзія; съ другой, однако, нашъ философъ считаетъ поэзію высшимъ родомъ искусства, заключающимъ въ себѣ элементы музыкальности.

ства, самая глубокая и въ то же время элементарная, гдѣ никакого опредѣленнаго содержанія нѣтъ, гдѣ источникъ вдохновенія не нашелъ себѣ русла, гдѣ виденъ только взмахъ крыльевъ, слышенъ только вздохъ къ неизреченности бытія. Въ этой области лирика сливается съ музыкою: здѣсь въ особенности открывается завѣтная глубина душевной жизни, „гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки, гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца". Поэзія, выражающая это неопредѣленное содержаніе въ простѣйшемъ и чистѣйшемъ видѣ, представляетъ коренное лирическое настроеніе, истинный фонъ всякой лирики. Здѣсь поэтъ открываетъ намъ самые корни лирическаго творчества. Но на этомъ неопредѣленномъ лирическомъ фонѣ выростаетъ ясное содержаніе лирики, въ которомъ открывается смыслъ вселенной въ душѣ поэта: это вѣчная красота природы и безконечная сила любви, притомъ въ ея наиболѣе интенсивной формѣ, т.-е. половая любовь. Конечно, поэтическимъ мотивомъ можетъ служить только истинная человѣческая любовь, свободная отъ случайностей, индивидуальная и вѣчная, которую не можетъ упразднить смерть, такъ какъ смерть есть лишь внѣшняя случайность, не касающаяся существа, существенныхъ связей и отношеній. Несокрушимая сила индивидуальной любви, не имѣющая ничего общаго съ родовымъ влеченіемъ, свидѣтельствуетъ о безсмертіи духа и вѣчности истинной жизни.

Смерть и Время царятъ на землѣ—
Ты владыками ихъ не зови;
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви.

Красота природы и сила любви въ поэтическомъ вдохновеніи имѣютъ одинъ и тотъ же голосъ: истинный смыслъ вселенной—присутствіе всего въ одномъ — находитъ себѣ для внутренняго чувства выраженіе въ половой любви, а для внѣшняго содержанія является какъ красота природы. Въ любви человѣкъ ощущаетъ ту силу Божію, которая внѣ его проявляется въ природной красотѣ, упраздняющей матеріальный хаосъ, тожественный съ эгоизмомъ, уничтожаемымъ силою любви.

Если лирическая поэзія въ иныхъ случаяхъ сливается съ музыкой, то отсюда слѣдуетъ, что поэтичными могутъ быть не только мысли, но и слова,—и наоборотъ. Соловьевъ указываетъ какъ на примѣръ прозаическаго слова на слово: „вскорѣ".

VI.

О фантастичномъ.

Мы представили общія очертанія эстетики Соловьева; философъ придерживается самыхъ общихъ опредѣленій и весьма рѣдко спускается къ конкретнымъ явленіямъ; поэтому мы напрасно стали бы искать у него анализа видовыхъ понятій красоты, но для нѣкоторыхъ понятій онъ дѣлаетъ исключеніе: такъ, напримѣръ, мы находимъ у него тонкій анализъ понятія фантастичнаго въ поэзіи.

Интересъ и значеніе фантастичнаго элемента въ поэзіи Соловьевъ объясняетъ увѣренностью, что все происходящее въ мірѣ, кромѣ своихъ наличныхъ и очевидныхъ причинъ, подчинено какой-то другой причинности, болѣе глубокой и многообъемлющей, но зато менѣе ясной. Подъ наружною повседневною связью житейскихъ событій открывается иная роковая жизненная связь, постоянная и строго послѣдовательная при всей неожиданности и кажущейся ирраціональности своихъ проявленій. Фантастическое никогда не является, такъ сказать, въ обнаженномъ видѣ; его явленія не должны вызывать принудительной вѣры въ мистическій смыслъ жизненныхъ происшествій, а скорѣе должны указывать и намекать на него. Всегда должна оставаться внѣшняя формальная возможность простого объясненія изъ обыкновенной связи явленій. Всѣ отдѣльныя подробности должны имѣть повседневный характеръ, и лишь связь цѣлаго должна указывать на иную причинность. Отдѣльныхъ явленій фантастическаго не бываетъ,—бываютъ только реальныя явленія; но иногда выступаетъ яснѣе обыкновеннаго иная болѣе существенная и важная связь и смыслъ явленій.

Изъ сказаннаго вытекаютъ два правила для художественнаго воспроизведенія сверхъестественной стихіи: 1) мистическія явленія не должны прямо сваливаться съ неба или выскакивать изъ преисподней, а должны подготовляться внутренними и внѣшними условіями, входя въ общую связь происшествій; 2) самый способъ явленія таинственныхъ дѣятелей долженъ отличаться особенной чертой неопредѣленности и неуловимости, такъ чтобы сужденіе читателей не подвергалось грубому насилію, а сохраняло за собой свободу того или иного объясненія, и дѣятельность сверхъестественнаго не навязывалась бы, а только давала себя

чувствовать. Это тонкое разъясненіе таинственнаго вполнѣ оправдывается произведеніями „царей творчества“, Гёте („Фаустъ“) и Шекспира, а также Гофмана, котораго Соловьевъ такъ цѣнилъ (онъ перевелъ его разсказъ „Золотой горшокъ“). Точно также и Пушкинъ охотно раскрывалъ двери поэзіи для стихіи фантастической, въ которой онъ чуялъ реальную основу; но онъ никогда не допускалъ въ поэзіи фальши и искусственнаго искаженія живой правды чертами внутренне неправдоподобными. Но какъ примѣнить это объясненіе къ сказкамъ, въ которыхъ таинственное и фантастическое играетъ такую роль? Соловьевъ очень любилъ сказки „Тысяча Одной Ночи“ и мало цѣнилъ морализирующія сказки Андерсена. Но именно въ самыхъ яркихъ сказкахъ фантазія, какъ кажется, не связана никакими условіями, и явленія именно сваливаются прямо съ неба или изъ преисподней, а связь событій, если таковая имѣется, обнаруживается въ обнаженномъ видѣ. Но у Соловьева мы не находимъ примѣненія его взглядовъ на фантастическое къ сказкамъ, поэтому намъ въ данномъ случаѣ и незачѣмъ задаваться вопросомъ, который имъ, повидимому, не поднимался. Мы не станемъ отыскивать у Соловьева анализа другихъ частныхъ понятій, ибо такіе поиски не дали бы богатыхъ результатовъ; мы могли бы найти нѣсколько замѣчаній о трагедіи и комедіи (въ концѣ статьи о лирической поэзіи), но къ большимъ результатамъ поиски врядъ-ли привели бы.

Мы изложили теперь въ достаточной полнотѣ взгляды Вл. Соловьева, касающіеся лишь самыхъ общихъ вопросовъ эстетики; философъ рѣдко спускается на землю съ цѣлью расчленить какое-либо конкретное явленіе. Его взгляды оказываются тѣсно связанными съ религіозными и метафизическими воззрѣніями. Его эстетика—законный ребенокъ его метафизики; отсюда слѣдуетъ, что критика должна направлять свои удары на метафизическія предпосылки. Кто принимаетъ мистицизмъ Соловьева, тотъ долженъ признать въ его эстетикѣ лишь простой выводъ, сдѣланный совершенно правильно по законамъ логики изъ данныхъ предпосылокъ.

Не критикуя эстетику Соловьева, сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе историческаго характера. Вся метафизика Соловьева коренится въ вѣрѣ, что природа и человѣчество путемъ историческаго процесса возсоединятся съ абсолютомъ или Богомъ (Любовью) и станутъ причастны безсмертію его. Въ поэтической формѣ Соловьевъ выразилъ это ученіе въ прекрасномъ стихотвореніи:

Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами.

Милый другъ, иль ты не слышишь,
Что житейскій шумъ трескучій—
Только откликъ искаженный
Торжествующихъ созвучій.

Милый другъ, иль ты не чуешь,
Что одно на цѣломъ свѣтѣ—
Только то, что̀ сердце къ сердцу
Говоритъ въ нѣмомъ привѣтѣ.

Это ученіе весьма родственно платонизму, особенно въ толкованіи его нео-платониками и христіанскою мистикою. На этой почвѣ выросла эстетика Соловьева. Вмѣстѣ съ Платономъ онъ смотритъ на красоту какъ на идею и отвергаетъ взглядъ на искусство какъ на подражаніе дѣйствительности. Но гораздо большую духовную близость найдемъ мы въ ученіи Соловьева съ теоріями, изложенными Плотиномъ въ его 1-ой эннеадѣ (книга 6-ая) и 5-ой эннеадѣ (книга 8-ая). Здѣсь мы найдемъ почти всѣ положенія эстетики Соловьева въ ясно выраженной формѣ или же въ формѣ положеній, развитіе которыхъ по необходимости приводитъ къ положеніямъ Соловьева.

У Плотина мы находимъ опредѣленіе красоты какъ идеи, а безобразія какъ тьмы, хаоса или матеріи. „Безобразно то, что̀ не подчинено созидающему разуму, ибо матерія противоборствуетъ идеѣ“... „Безобразіе тожественно со зломъ“. Красота осуществляется постепенно въ мірѣ явленій и представляетъ собою лѣстницу, въ которой огонь или свѣтъ занимаетъ низшую ступень, а нравственная красота души—высшую. Нравственная жизнь есть очищеніе (катарсисъ), приближеніе къ источнику красоты, къ божеству. Красота тожественна съ добромъ. Такъ какъ красота есть идея, осуществляемая въ мірѣ явленій, то она, конечно, объективна, или, какъ Плотинъ выражаетъ эту мысль: „Глазъ никогда не узрѣлъ бы солнце, еслибы онъ самъ не былъ солнечнымъ; точно также и душа не созерцала бы красоты, еслибы она сама не была прекрасна“. Отъ красоты, осуществляемой въ мірѣ явленій, Плотинъ, точно также какъ и Соловьевъ, различаетъ красоту интеллигибльную (первая νοητός), совершенную и вѣчную, и въ трактатѣ, посвященномъ совершенной красотѣ, мы встрѣчаемся съ самою, повидимому, оригинальною мыслью Соловьева, а именно съ его взглядомъ на

искусство какъ на продолженіе дѣла природы. Этотъ взглядъ выраженъ, хотя и не вполнѣ отчетливо, въ слѣдующихъ положеніяхъ. Во-первыхъ, искусство не противополагается Плотиномъ природѣ, ибо по его словамъ: „Въ произведеніяхъ искусства и природы дѣйствуетъ одна и та же мудрость (σοφία), которая является источникомъ всякаго творчества... Истинная мудрость есть бытіе и истинное бытіе есть мудрость, и благодаря ей бытіе получаетъ значеніе и достоинство (ἀξία), а благодаря тому, что значеніе получено отъ идеи, оно и становится истиннымъ бытіемъ". Во-вторыхъ, „въ искусствѣ пребываетъ болѣе высокая красота, чѣмъ та, которая свойственна природѣ; ибо предметъ становится прекраснымъ благодаря формѣ (идеѣ), которую придаетъ ему художникъ".

Соловьевъ отличаетъ въ красотѣ формальный и идеальный моменты. Плотинъ, какъ извѣстно, отрицаетъ формальное опредѣленіе красоты; онъ очень хорошо доказываетъ, что не симметрія частей создаетъ красоту цѣлаго, ибо въ такомъ случаѣ простое, не имѣющее частей, не могло бы быть красивымъ; но отсюда не слѣдуетъ, что Плотинъ не цѣнилъ эстетическаго значенія симметріи и гармоніи, но то и другое онъ считаетъ не первичнымъ, а производнымъ элементомъ красоты. „Идея,—говоритъ онъ,—привходя, соединяетъ въ одно цѣлое то, что̀ стремится стать единымъ изъ соединенія частей; идея вноситъ единство благодаря цѣли и порядку и создаетъ единство путемъ внутренней гармоніи, ибо идея сама по себѣ едина, и то, что̀ воспринимаетъ идею, стремится къ единству, поскольку это возможно при первоначальной множественности. Въ этомъ единствѣ пребываетъ красота и сообщается какъ частямъ, такъ и цѣлому".

Вдохновеніе художника вызывается, по Соловьеву, воздѣйствіемъ надсознательной области; но къ воспріятію вдохновенія ведетъ путь очищенія души, нравственнаго подвига; художественное творчество становится пророческимъ служеніемъ, а вдохновеніе—интеллектуальнымъ созерцаніемъ, видящимъ смыслъ жизни и вселенной внѣ оковъ пространства и времени. Плотинъ точно также требуетъ очищенія, катарсиса, какъ условія созерцанія красоты. „Только когда душа очистилась отъ страстей, которыя попадаютъ въ душу, благодаря ея связи съ тѣломъ, когда она освободится отъ плотскихъ стремленій и станетъ сама собою, только тогда она отринетъ все безобразіе иной природы... Величіе души заключается въ презрѣніи ко всему земному... Когда душа очищена, тогда она становится идеей и чистымъ разумомъ,

безтѣлесной и духовной, всецѣло проникнутою божественнымъ началомъ, источникомъ красоты и всего, что родственно ей".

Мы не будемъ продолжать параллели, ибо и приведеннаго достаточно, чтобы видѣть близость двухъ міровоззрѣній; эта близость нисколько не умаляетъ оригинальности Соловьева; родственныя настроенія должны вылиться въ сходные образы и формы. Къ тому же можно, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи, найти и различіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

Соловьевъ свои нео-платоническіе взгляды облекалъ въ діалектическую форму. Это должно было сблизить его съ Гегелемъ, и такъ какъ вліяніе Гегеля на философію было еще живо, то Соловьеву пришлось отграничить свое ученіе отъ ученія Гегеля. Эстетику Гегеля Соловьевъ сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: „Красота есть непосредственное присутствіе или видимость идеи въ единичномъ конкретномъ явленіи; это—абсолютное въ сферѣ чувственнаго созерцанія. Въ природѣ красота есть лишь безсознательное отраженіе или сіяніе идеи; въ искусствѣ, прежде чѣмъ получить непосредственную видимость на объектѣ, она проходитъ черезъ сознательное воображеніе субъекта (художника) и потому представляетъ высшую степень просвѣтлѣнія природнаго матеріала". Соловьевъ нѣсколько разъ останавливается на эстетикѣ Гегеля, чтобы показать ея различіе отъ своей. Главное отличіе состоитъ въ томъ, что красота у Гегеля все же есть нѣчто субъективное, нѣкоторый призракъ или видимость идеи; вслѣдствіе этого по гегельянской эстетикѣ красота есть воплощеніе универсальной и вѣчной идеи въ частныхъ и преходящихъ явленіяхъ, при чемъ они такъ и остаются преходящими, исчезаютъ какъ отдѣльныя волны въ потокѣ матеріальнаго процесса, лишь на минуту отражая сіяніе вѣчной идеи; но это возможно лишь при безразличномъ отношеніи между духовнымъ началомъ и матеріальнымъ явленіемъ. Подлинная же и совершенная красота, выражая полную солидарность и взаимное проникновеніе этихъ двухъ элементовъ, должна дѣлать матеріальный міръ дѣйствительно причастнымъ безсмертію другого. На томъ же основаніи Соловьевъ возстаетъ противъ гегельянской схемы, видящей въ лирикѣ поэзію субъективности.

Э. Радловъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Въ туманѣ.

Густой туманъ, какъ саванъ желтоватый,
На улицахъ лежитъ: ни ночь, ни день!
Свѣтъ фонарей—дрожащій, красноватый—
Могильную напоминаетъ сѣнь.

Въ туманѣ влажномъ сдавленно и глухо
Звучатъ шаги и голоса людей,
И позади тревожно ловитъ ухо
Горячее дыханье лошадей.

Подъ инеемъ—рядъ призраковъ туманныхъ—
Стоятъ деревья бѣлыя въ саду;
Межъ призраковъ такихъ же безъимянныхъ
Въ толпѣ людей я какъ во снѣ иду.

И хочется, какъ тяжкій сонъ кошмарный,
Тумана влажный саванъ отряхнуть,
Чтобъ сумерки смѣнилъ день лучезарный
И ясно вновь могли-бъ мы видѣть путь!

II.

Бурной ночью.

Въ осеннія ночи, зловѣщія ночи,
Подъ жалобы вѣтра и звуки пальбы,
Подолгу порой не смыкаются очи,
И пламенно рвутся изъ сердца мольбы.

За всѣхъ, изнемогшихъ подъ крестною ношей,
За узниковъ блѣдныхъ въ высокихъ стѣнахъ,
За всѣхъ, чьи пути засыпаетъ порошей,
За всѣхъ, погибающихъ въ бурныхъ волнахъ.

Темны и бурливы холодныя волны,
Весло выпадаетъ изъ рукъ у гребцовъ,
А скалы, какъ стражи нѣмые—безмолвны,
Свидѣтели муки предсмертной борцовъ.

И вслѣдъ за тяжелыми темными снами,
За ночью осеннею вслѣдъ—
Безрадостно солнце взойдетъ надъ волнами,
Оставивъ пурпуровый слѣдъ.

О. Чюмина.

ЗИНОВІЙ ГОЛУБЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

— По распоряженію администраціи... Зиновій Голубъ...

Передъ докторомъ, принимавшимъ партію душевно-больныхъ, переведенныхъ изъ больницы, стоялъ высокій мужчина со смуглымъ лицомъ, каждая черта котораго поражала необычайной красотою: возвышенный, крутой лобъ, волнистые, чуть тронутые сѣдиною волосы и большіе черные глаза, смотрѣвшіе на доктора съ выраженіемъ какъ бы несокрушимой твердости и силы.

Такія рѣдкія, долго незабываемыя лица природа даетъ иногда своимъ любимцамъ—великимъ художникамъ и поэтамъ. Но почти такъ же часто отмѣчаетъ и лица безнадежныхъ психопатовъ.

— Параноикъ!—сказалъ про себя докторъ, мелькомъ взглянувъ на заголовокъ „скорбнаго листа", и привычною рукою придвинулъ къ себѣ другой.

И вслѣдъ за этимъ жестомъ сѣрая фигура Голуба слилась съ толпою такихъ же сѣрыхъ, молчаливыхъ фигуръ, и ей на смѣну передъ докторскимъ столомъ выступилъ грузный эпилептикъ-идіотъ.

— Евтихій Фарбованый... по девяносто-пятой статьѣ,—доложилъ сдававшій партію фельдшеръ.

Пріемный листъ кончился. Съ тихимъ говоромъ новые жильцы огромнаго унылаго дома двинулись по гулкимъ, еще пустымъ корридорамъ, и шарканье ихъ туфель замерло далеко, за тяжелою дверью, которая съ рѣзкимъ стукомъ сама собою захлопнулась за ними.

За этою дверью корридоръ продолжался въ видѣ полукруглыхъ арокъ, поддерживавшихъ низкіе, приземистые своды. По одну сторону арокъ была столовая спокойнаго отдѣленія: длинные дубовые столы и скамьи; по другую — спальныя: вытянутыя въ два ряда, голова къ головѣ больничныя койки со скругленными спинками. Въ той и другой комнатѣ — пустыя, голыя стѣны, большой электрическій фонарь, вдѣланный въ потолокъ, и маленькая икона Спасителя, врѣзанная подъ потолкомъ въ глубокую стѣнную нишу.

Устроители новой больницы сдѣлали все, чтобы обратить больныхъ людей въ однообразную, безличную, легко управляемую толпу; но люди эти, уже вычеркнутые изъ списка живущихъ, еще не умерли... И къ вечеру перваго же дня что-то неуслѣдимое, но пестрое и своеобычное отмѣтило каждый уголъ, каждую койку въ палатѣ. Вонъ—хлѣбнымъ мякишемъ приклеена къ стѣнѣ карточка, а на ней—скорбное лицо женщины съ пятью маленькими дѣвочками. Вонъ—на круглой спинкѣ кровати виситъ рядъ образковъ въ золоченыхъ и серебряныхъ ризахъ... Тамъ—пукъ зачитанныхъ газетъ выглянулъ изъ-подъ подушки, а рядомъ—замызганый узелокъ, изъ котораго валятся кусочки обкусаннаго сахара и корочки хлѣба: это — то завѣтное „свое“, за что цѣпляется еще сознаніе всѣхъ этихъ гаснущихъ душъ. Только койка Голуба не была ничѣмъ отмѣчена, и самъ больной стоялъ вытянувшись у ея изголовья, когда докторъ спокойнаго отдѣленія пришелъ на обходъ.

— Дозвольте доложить, ваше благородіе!—по военному остановилъ онъ доктора.

— Что вамъ?

— Осмѣлюсь спросить,—нельзя ли мнѣ здѣсь въ больницѣ имѣть стороннюю работу?

— А вы мастеровой?

— Мастеромъ назваться не могу, а работаю кое-что: книги переплеталъ, сапоги шью, садомъ могу заниматься.

— У насъ стороннихъ заработковъ нѣтъ. Но свои мастерскія будутъ... Вамъ куда бы хотѣлось?

— Въ садъ бы лучше...

„Навѣрное удрать собирается“, — подумалъ докторъ, пристальнѣе вглядѣвшись въ лицо больного.—Хорошо, я поговорю съ директоромъ.

— А жалованье работающимъ больнымъ полагается?

— Не знаю... Наша больница только-что устраивается. Да вамъ и зачѣмъ непремѣнно частный заработокъ? Здѣсь вы обезпечены всѣмъ необходимымъ.

— Такъ точно, господинъ докторъ; но при мнѣ находится семейство: жена и двое дѣтей.

Въ головѣ доктора мелькнула догадка, что настойчивость больного зависитъ отъ его болѣзненнаго бреда; но Голубъ, словно угадавъ его мысль, прибавилъ:

— Не извольте сомнѣваться, господинъ докторъ. Это вѣрно: и въ городѣ жена при мнѣ находилась, и сюда вчерашній день на одномъ съ нами поѣздѣ пріѣхала. Тутъ, въ Слободкѣ сниметъ квартирку, работать будетъ... Только-что безъ моего пособія ей трудно.

„Надо сегодня же вечеромъ посмотрѣть хорошенько его скорбный листъ“ — рѣшилъ докторъ, заинтересованный новымъ паціентомъ.

Но сдѣлать этого не удалось, потому что устроилась рыбная ловля, въ которой вся больница приняла участіе.

Больница только-что открывалась. Жизнь среди чистаго поля всѣхъ давила своимъ унылымъ однообразіемъ. Больныхъ было мало. Непосредственнаго врачебнаго дѣла у докторовъ почти не было, и они цѣлые дни проводили за непривычной и утомительной работой: одинъ мѣрилъ полы для разсчета съ малярами, другой принималъ гранитныя плитки для панелей; третій указывалъ, гдѣ надо прибить гвозди для вѣшалокъ. Семьи, съѣхавшіяся со всѣхъ концовъ Россіи, сходились недовѣрчиво и туго. И директоръ, считавшій своею обязанностью сплотить общество, радъ былъ каждому предлогу, чтобы собрать обитателей лечебницы.

Теперь онъ распорядился взять на рыбную ловлю и нѣсколькихъ больныхъ изъ спокойнаго отдѣленія. Для нихъ эта веселая затѣя была своего рода экзаменомъ: врачи, надзиратели, служителя зорко слѣдили за заждымъ ихъ движеніемъ; а сами испытуемые ничего не подозрѣвали и отдавались призрачной свободѣ, какою никогда не пользовались въ тѣсной больницѣ большого города.

— Иванъ Ѳедоровичъ! Константинъ Михайловичъ!—звалъ батюшка, о. Анѳимъ, уже стоя на крыльцѣ служебнаго корпуса:— сѣть надо бы нести міромъ; мнѣ съ Карпеемъ не донесть,— запутаемъ по дорогѣ.

И Иванъ Ѳедоровичъ, маленькій докторъ съ округленнымъ брюшкомъ и лысѣющею головою, и докторъ Подгайный первыми вышли изъ своихъ квартиръ на этотъ зовъ. Иванъ Ѳедоровичъ одѣтъ въ вышитую парусинную сорочку и мѣстные „постолы“; Подгайный—въ высокихъ сапогахъ и бѣлой осетинской шапкѣ. Самъ батюшка, захвативши въ колѣни длинныя полы подрясника,

возится около сѣти, пока Иванъ Ѳедоровичъ съ Карпеемъ снимаютъ ее съ кольевъ. Жиденькіе русые волосы о. Анѳима растрепались, шляпа съѣхала на затылокъ, а на лбу выступили крупныя капли пота: во всѣхъ движеніяхъ виденъ истинный охотникъ и знатокъ начатаго дѣла.

— Грузйла, грузйла, гляди, Карпей, не перепутай! Да не разомъ беритесь,—заходи впередъ по-двое, такъ... держи выше...— И сѣть, какъ драконъ въ китайской процессіи, далеко растянулась по скату къ рѣкѣ, нѣжившейся въ солнечномъ блескѣ. Жаръ свалилъ; пучки блеклой травы, истомленной полуденнымъ зноемъ, оживали и опять зеленѣли; сильнѣе запахло чебрецомъ, и издалека, со шляха пахнуло сладкимъ ароматомъ цвѣтущей липы.

У рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ ея широкое русло вливается маленькая, затянувшаяся осокой рѣчушка, хлопочутъ десятки людей; издали и не разберешь, — гдѣ больной, гдѣ врачъ или служитель, — всѣхъ поровняло общее, веселое дѣло. Рѣчка Веселка, бурливая и своевольная въ весеннюю полую воду, къ сѣнокосу совсѣмъ мелѣетъ. Только въ глубокомъ омуткѣ, между мельницей и сплошнымъ камышникомъ, въ ней застаивается съ весны и кишмя кишитъ рыба. Мѣсто это уже охвачено неводомъ, и батюшка, не стерпѣвши охотницкимъ сердцемъ, сбросилъ подрясникъ и вмѣстѣ съ другими бредетъ по колѣни въ воду.

— Барынямъ сказать надо, — шепчетъ онъ своему сосѣду, Подгайному:—нехорошо будетъ, какъ сюда нагрянутъ.

— А вотъ я самъ живо сбѣгаю.

Но не успѣлъ докторъ дойти до половины горы, какъ внизу послышались крики:

— Готово! Готово! Тяни, тащи! Хряпачами бей, дужче бей!...

И Константинъ Михайловичъ, забывши барынь, бросился къ добычѣ. Что-то огромное, серебристое, живое билось и сновало въ вытащенномъ неводѣ. А у рыболововъ глаза горятъ и лица застыли отъ счастливаго напряженія... Щуки, лещи, окуни—уже не общимъ клубомъ, а каждая за свой страхъ и рискъ, бьются въ сѣти и тычутся широко открытыми мордами въ ея частыя петли...

Сверху, съ обрыва слышенъ испуганный визгъ.

— Застигли-таки!—ворчитъ сконфуженный батюшка.—И чего визжатъ! Будто не знаютъ, что рыбу ловятъ не въ вицмундирахъ со всѣми регаліями.

Онъ напялилъ подрясникъ на вымокшую отъ брызгъ рубаху и вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ пошелъ на гору,

къ мертвецкой часовнѣ, у которой на длинномъ, врытомъ въ землю столѣ расположились больничныя дамы. Три самовара на разныхъ концахъ стола кипятъ, выпуская три облачка пара; докторши, каждая изъ своей корзинки, вынимаютъ съѣстное и ревниво заглядываютъ въ корзины сосѣдокъ. Поодаль сидѣлки раскладываютъ костеръ для общаго котла съ ухою... А гитара, взявшаяся невѣдомо откуда, уже тренькаетъ что-то забористое, и двѣ больныя въ синихъ уродливыхъ капотахъ и полотняныхъ чулкахъ, свѣшивающихся на широкія туфли, приплясываютъ, стараясь вытанцовать pas d'Espagne... Лодки плыли по рѣкѣ сверху, изъ города. И, поровнявшись съ больницей, гребцы на нихъ сушили весла, а женщины закидывали за спины пестрые зонтики и долго-долго смотрѣли на невѣдомый и таинственный „сумасшедшій домъ", о которомъ въ городѣ носились пугающіе слухи...

На самомъ краю обрыва примостилась семья больного Голуба: бѣлокурая, маленькая баба въ синемъ ситцѣ и двое дѣтей, — мальчикъ, бѣленькій и свѣтловолосый, какъ мать, и дѣвочка лѣтъ одиннадцати, съ такимъ же смуглымъ лицомъ и смѣлыми глазами, какъ у отца. На свѣжемъ капустномъ листѣ лежали двѣ груши и калачъ,—больничная порція Голуба, которую онъ приберегъ дѣтямъ. Самъ больной о чемъ-то горячо толковалъ съ о. Анѳимомъ.

— Значитъ, такъ и сдѣлаемъ, — говорилъ батюшка. — Два десятка досокъ да гвоздей фунтовъ десять я завтра же утромъ доставлю... А рубанки и весь инструментъ надо у доктора-завѣдующаго попросить.

— О чемъ у васъ тутъ рѣчь?—спросилъ Подгайный, услышавши, что говорятъ о немъ.

— Да вотъ Голубъ обѣщаетъ лодку собственными средствами соорудить.

— Точно такъ, господинъ докторъ,—подтвердилъ больной:— я родомъ береговой, съ Днѣстра: у насъ тамъ каждый хозяинъ самъ себѣ лодку ладитъ. Очень даже просто, — только доски отобрать надо, чтобъ суковатая не попалась.

— Доски я самъ завтра привезу.

— Да зачѣмъ вамъ, батюшка, доски покупать? Намъ для больницы все равно нужно лодки заказывать. Вотъ вы возьмите матеріалу, сколько вамъ надо, и сдѣлайте первый опытъ. Удастся онъ—мы въ своей мастерской и еще нѣсколько казенныхъ лодокъ сдѣлаемъ для общаго употребленія. А испортите матеріалъ— въ казну по оптовой раскладкѣ заплатите.

— Этакъ отлично бы.

— Ну, и пойдемъ къ директору, потолкуемъ.

И докторъ вмѣстѣ съ батюшкой отошли къ столу, а семья Голуба осталась одна на краю обрыва.

— Помнишь, Одарко, будто у насъ на Днѣстру,—тихо сказалъ мужъ.

— Схоже,—соглашалась Дарья, и оба задумались о зеленой балкѣ, гдѣ выростали и гдѣ полюбили другъ друга.

— Я, тато, будто помню,—шепнула дѣвочка, не отрывая глазъ отъ рѣки, гдѣ уже ложились сизыя вечернія тѣни.

— Гдѣ-жъ тебѣ помнить! Всего трехъ годковъ была... Може, мать потомъ разсказывала.

— Може... А только помню. Отакъ проти насъ—Смотричъ, а отамъ—вѣтрякъ, а тамъ—дѣдова хата.

Мальчикъ уже спалъ, положивши бѣлокурую головку на ладонь теплой материнской руки.

— Совсѣмъ сморился,—сказала Одарка, любовно прикрывая головку сына концомъ своего головного платка.—Пойду я, Зинько... Завтра факторка Сурка на работу приходить велѣла.

— Трудно тебѣ будетъ... Потерпи, Одарко, пока Господь къ какому-нибудь концу доведетъ.

На другомъ берегу рѣки уже померкли дневныя краски; синія тѣни лежали въ лощинахъ и паръ заклубился въ стоячихъ омутахъ надъ осокою. Гдѣ-то въ лугахъ отозвался дергачъ. Полоса яркаго электрическаго свѣта отъ вспыхнувшаго дугового фонаря прорѣзала синеву сумерекъ и бѣлымъ пятномъ ударилась въ стѣну часовни. Бугоръ пустѣлъ. И расходившіеся по больничнымъ угламъ люди шопотомъ передавали другъ другу впечатлѣнія прожитаго на новомъ мѣстѣ, на новомъ народѣ дня.

II.

Первый звукъ, который услышалъ докторъ Подгайный на другой день, былъ звукъ двухъ дружно работавшихъ рубанковъ. Квартира доктора, какъ завѣдующаго будущими мастерскими, выходила окнами въ рабочій дворъ. Нѣсколько больныхъ, пилившихъ дрова, завтракали хлѣбомъ и огурцами, усѣвшись на бревнахъ. Надзиратель пилъ чай изъ желѣзной кружки, обжигаясь и расплескивая съ непривычки. А въ сараѣ, обѣ сквозныя двери котораго были открыты настежь, о. Анѳимъ и больной, Голубъ, стругали сосновую доску, которая казалась розовой въ блескѣ

невысоко поднявшагося солнца. Оба работника о чемъ-то живо разговаривали, и хоти словъ не было слышно, но по ихъ жестамъ можно было догадаться, что идетъ горячій споръ: Голубъ оставлялъ рубанокъ и, глядя въ упоръ на собесѣдника, повторялъ, повидимому, одну и ту же фразу. Батюшка удивленно вскидывалъ на него глаза, сдвигалъ свою шляпу на затылокъ, и вдругъ, подойдя къ больному, начиналъ его въ чемъ-то убѣждать, водя указательнымъ пальцемъ правой руки по своей лѣвой ладони для очевидности сказаннаго.

Докторъ взялъ шляпу и пошелъ въ сарай.

— О чемъ это у васъ такой горячій споръ?

— Да вы себѣ только подумайте! —крикнулъ батюшка, будто призывая его въ свидѣтели:—вѣдь онъ, оказывается, штундистъ!..

— Точно такъ... Тамъ у меня въ „листу" все въ подробности описано,—нехотя отвѣтилъ больной и, видимо желая перемѣнить разговоръ, прибавилъ:—Еще намъ, господинъ докторъ, долбешку небольшую требуется, такъ вершка три-на-три, а длиною не больше, какъ аршина полтора: для цѣпи на носу причалу выточимъ.

— А если кольцо ввинтить?—вмѣшался батюшка.

— Нѣтъ, съ кольцомъ хуже: носъ трещину дастъ. А долбешку мы въ самое днище впустимъ.

И оставивши батюшку и Голуба толковать о преимуществахъ долбешки передъ кольцомъ, докторъ ушелъ въ отдѣленіе и потребовалъ „скорбный листъ" больного.

„...Зиновій Голубъ... тридцать-восемь лѣтъ... по распоряженію администраціи за попытку оказать сопротивленіе властямъ и распространеніе ереси, именуемой штундой. Отбывалъ воинскую повинность и уволенъ въ запасъ въ званіи старшаго унтеръ-офицера. По рекомендаціи своего командира тотчасъ получилъ мѣсто тюремнаго надсмотрщика въ —скомъ острогѣ. Къ этому времени относятся первые признаки заболѣванія. Въ тюрьму были помѣщены трое штундистовъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, и отданы подъ особый надзоръ Голуба, какъ самаго надежнаго надсмотрщика. Черезъ нѣсколько недѣль арестанты были отправлены съ партіей, и въ тотъ же день Голубъ потребовалъ разсчетъ, говоря, что Господь не допускаетъ его служить неправому дѣлу. Былъ очень возбужденъ, приводилъ тексты изъ Св. Писанія, безсмысленно ихъ спутывая... Послѣ того занялся извозомъ и никакихъ ненормальностей въ немъ не замѣчалось. Но въ одну зиму у него два раза украли по парѣ коней, и эта потеря такъ на него подѣйствовала, что болѣзнь проявилась съ

новою силой. Онъ собралъ послѣднія, имѣвшіяся въ семьѣ, деньги, и купилъ пару „слѣпыхъ“ лошадей, заплативши за нихъ какъ за исправныхъ. По праздникамъ сталъ ходить въ кабаки и трактиры и тамъ проповѣдалъ воздержаніе. Наконецъ, четыре года тому назадъ, пытался произвести уличные безпорядки съ цѣлью освободить арестантовъ при ихъ проходѣ изъ зданія суда въ тюрьму. На всѣ вопросы отвѣчаетъ слѣдователю, что ему такъ повелѣваетъ „духъ“. По заключенію психіатра, подъ наблюденіемъ котораго онъ былъ во время испытанія, Голубъ страдаетъ ясно выраженной формой религіознаго помѣшательства. Вслѣдствіе чего ему, какъ невмѣняемому, ссылка замѣнена заключеніемъ въ домѣ умалишенныхъ“.

Теперь доктору сталъ ясенъ бредъ его новаго паціента: считаетъ себя избранникомъ, которому „духъ“ повелѣваетъ спасти міръ. Такіе больные не безопасны: надо будетъ усилить за нимъ надзоръ, пока выяснится, какой характеръ носятъ его религіозныя галлюцинаціи.

И въ тотъ же вечеръ доктору представился случай заговорить съ Голубомъ о вѣрѣ: больной сидѣлъ на своей койкѣ и былъ такъ погруженъ въ чтеніе Библіи, лежавшей у него на колѣняхъ, что даже не замѣтилъ прихода доктора. Когда его окликнули, Голубъ бережно сложилъ книгу и спряталъ ее подъ подушку.

— Священное Писаніе изучаете?

— Такъ точно, господинъ докторъ. Имѣю такую привычку утромъ и вечеромъ прочитать св. слово.

— Указаній на предстоящій день ищете?

— Такъ точно.

— Я плохо знакомъ съ вашимъ ученіемъ... Кажется, штундисты... Вы, вѣдь, не обижаетесь за это названіе?...

— Какая же тутъ обида!.. Всѣ нашу вѣру такъ зовутъ...

— Такъ, я говорю, вы, штундисты, не признаёте ничего кромѣ Евангелія: ни иконъ, ни крестовъ, ни храмовъ?

— Не признаемъ.

— Такъ что вамъ непріятно, что у вашего сосѣда вся кровать образками увѣшана?

— Непріятности мнѣ никакой отъ этого нѣту. Просто— предметъ... У одного, вонъ, портретъ виситъ, у другого картинка изъ газеты вырѣзана... Такъ и этотъ: кланяется, цѣлуетъ... все-таки человѣку утѣшеніе, пока Господь откроетъ ему вѣру истинную.

— И вы считаете себя призваннымъ просвѣтить его этою вѣрой?

— Одинъ Господь знаетъ, кто просвѣтится, кто—нѣтъ.

— А вы по Его указанію проповѣдуете?

— Я еще не проповѣдывалъ. Если кто спроситъ,—говорю, что знаю.

— Вотъ вы сказали: „еще не проповѣдывалъ"... Значитъ, думаете, что настанетъ время вамъ выйти на проповѣдь?

— Это мнѣ, господинъ докторъ, такъ же мало извѣстно, какъ и вамъ. Развѣ вы можете сказать, какъ проживете свою жизнь? Вотъ вы теперь больныхъ лечите и всю свою жизнь готовились къ этому одному дѣлу... А Господь укажетъ,—возьмете шашку въ руки и поведете роту въ аттаку. У насъ въ полку былъ случай: всѣхъ офицеровъ выбили, кругомъ азіатъ обступаетъ, а впереди, слышимъ, наши сигналъ подаютъ. Что жъ дѣлать! Скомандовалъ докторъ: „Рота, стройся!"—да и повелъ... Обижался потомъ: ему по всей правдѣ Георгія слѣдовало, а не дали, потому—знаки военнаго ордена,—а онъ изъ штатскихъ,—имъ Анна съ мечами полагается... Такъ и я... развѣ я могу поручиться, что со мною не случится чего такого, чего раньше не было?

— Какъ не было! Вѣдь вы же ходили по трактирамъ и кабакамъ и проповѣдывали.

— Ага, прочитали!—усмѣхнулся Голубъ, и въ глазахъ его мелькнула насмѣшливая искорка.—Нѣтъ, господинъ докторъ, я не проповѣдывалъ, а такъ что... нельзя было,—сказалъ онъ тише и неувѣреннѣе.—Край городу я жилъ. А кругомъ—заводы. Ну, народъ фабричный, голь, у всѣхъ семейства... А какъ въ субботу получка,—всѣ по шинкамъ пошли. Бабы голосятъ, малыхъ дѣтей съ досады бьютъ... Ну, я, правда, не стерпѣлъ,—пошелъ, говорилъ кое-что.

— По Евангелію: „покайтеся, приблизилось царствіе Божіе"?

— Нѣтъ, другимъ текстомъ: „Царствіе Божіе внутрь насъ есть"... А больше уговаривалъ, чтобъ на дѣтей оглянулись, потому рѣдко какой человѣкъ до того дошелъ, что для своего голоднаго дитяти сколько-нибудь не постарается.

— Ну, и что же, послушались васъ? пить перестали?..

— Сами вы, господинъ докторъ, болѣзнь эту довольно хорошо знаете: сейчасъ человѣкъ всѣмъ святымъ заклянется,—а увидалъ рюмку,—опять послѣднее въ шинокъ тянетъ. Только польза все-таки была: хоть какую одну-другую получку отецъ домой принесетъ, сколько изъ той получки ломтей!—а у каждаго ломтя по голодному рту... Въ этомъ у меня тоже свой разсчетъ былъ.

— А слѣпыхъ лошадей вы тоже по разсчету покупали?

По лицу Голуба мелькнула лукавая, почти дѣтски-веселая усмѣшка.

— Вполнѣ мой разсчетъ тутъ вышелъ вѣрный. Вы сами, господинъ докторъ, изъ какого мѣста родомъ? Такъ похоже, что россійскій?

— Не совсѣмъ... Я изъ Харькова.

— Ну, все равно. Вы здѣшнихъ нашихъ порядковъ не знаете. Я и господину профессору на судѣ докладывалъ, — ну, только они во вниманіе не приняли. А у насъ сторона особенная: первое—то, что народъ очень отощалъ. Землю въ камузы [1]) порѣзали, а все еще дѣлятъ, и сынамъ дѣлятъ, и дочкамъ дѣлятъ. Потомъ то возьмите—жидъ. Онъ ѣсть хочетъ, да при немъ семейство. А способу у него окончательно никакого нѣту. Еврейскій этотъ народъ только однимъ проворствомъ и живъ. Сегодня, скажемъ, въ Одессѣ картошка на копѣйку подскочила, а къ утру онъ уже двадцать-пять верстъ пѣшкомъ отмахалъ,— чтобъ въ Дальнихъ хуторахъ вагонъ по вчерашней цѣнѣ насыпать... А тутъ не копѣйка,—а пара хорошихъ лошадей. Ну, въ послѣднее время нѣтъ никакой возможности хорошихъ лошадей держать. Батюшка у насъ одинъ былъ... До того любитель, что спалъ на топчанѣ поперекъ двери въ конюшнѣ, а ключи—у попадьи въ спальнѣ подъ подушкою. Такъ стѣнку разобрали за ночь, да коней и вывели... Потому у насъ деревяннаго сруба нѣту, а такъ, ломака [2]) въ глину замазана,— стукнулъ обухомъ,—она и выскочила. Батюшка потомъ разсказывалъ: „Сплю я, говоритъ, и все мнѣ снится, что архіерея встрѣчаемъ; а большой дзвонъ надъ головою такъ и бухаетъ: боу! боу!—А это „они“ стѣнку высаживали. Ну, а мнѣ, при моей работѣ, что зрячій конь, что слѣпой—все было одно: я каменный уголь съ вокзала на заводъ возилъ. А украсть слѣпого коня неспособно. Первое—то, что конь духомъ больше хозяина знаетъ, чѣмъ глазомъ,—слѣпой больше брыкается отъ чужого человѣка. А второе—какая же слѣпому коню цѣна!

— А вотъ же вы хорошую цѣну дали.

— Такъ развѣ я, господинъ докторъ, по коню цѣну давалъ? Я давалъ цѣну по хозяину. Вижу, человѣкъ послѣднее добро на базаръ вывелъ. А тутъ рабочее время заходитъ. Пропасть ему безъ лошади. И онъ уже божится, заклинается, вертится,

---

[1]) Въ клочья.

[2]) Палка.

какъ на турецкой мукѣ,—думаетъ, попадется какой дурень, за его божбою, бѣльма у лошади не увидитъ. Мнѣ тò обидно, что человѣкъ за десять рублей душу свою пакоститъ... А другого коня у дѣда нашелъ. Сидитъ старый, сивый весь, и на людей не смотритъ: дожидается вечера, когда на базарѣ одни барышники останутся да на кожу его коня купятъ. Вотъ я и спрашиваю: — Чтò вы, дѣду, за коня хочете? — „Сами бачите, — слѣпый. Чтò дасте...“ За что-жъ я дѣда обижать буду,—за то развѣ, что онъ правду сказалъ? Я и ему ту-жъ цѣну далъ... А у меня эти кони сами себя, можетъ, разъ десять выкупили. Мы уже съ женою такъ думали: кабы куда недалеко сослали меня на поселеніе,—такъ коней этихъ съ собою брать. Ну, не пришлось...

— Вы такъ, Голубъ, объ этомъ говорите, будто жалѣете, что не пришлось.

— А конечно, что жалѣю.

— Ужъ будто у насъ здѣсь хуже, чѣмъ въ Сибири?

— Сибирь, господинъ докторъ, подъ тѣмъ же небомъ Божьимъ, что и наша сторона. И поселенцы тамъ живутъ на волѣ,—только что въ другое мѣсто имъ ѣхать нельзя. Да и то въ Сибири манифесты бываютъ... А ужъ тутъ — одинъ манифестъ: вонъ по той дорожкѣ.

И онъ кивнулъ въ окно, гдѣ въ блескѣ мѣсяца бѣлѣла мертвецкая.

— А вамъ хотѣлось бы выйти на волю, хотя бы цѣною новаго суда, острога и ссылки?..

— Теперь я ужъ объ этомъ думать пересталъ. Сторона тутъ своя, знакомая. Жена когда къ роднымъ ѣздитъ...

— И васъ не тяготитъ жизнь въ больницѣ среди сумасшедшихъ?

— Зачѣмъ тяготить! Мнѣ люди все одно, — что больные, что здоровые... А можетъ, этимъ слово Божіе еще больше нужно.

— И вы хотѣли бы, чтобы всѣ эти несчастные сдѣлались штундистами?

— Написано: „изъ устъ младенцевъ и безумныхъ создамъ Себѣ хвалу“.

III.

— Костя! А если онъ здоровъ?...

Этотъ вопросъ задала жена доктора Подгайнаго, торопливо поднявъ голову и стукнувъ ложечкой о край чашки. Въ доктор-

ской столовой, огромной, пустоватой комнатѣ, было тихо. Старшихъ мальчиковъ увели спать. Высокая колясочка съ маленькимъ стояла у стола, и теплый вѣтеръ шевелилъ на ней бѣлый кисейный положокъ.

Константинъ Михайловичъ только-что разсказалъ женѣ свой разговоръ съ интереснымъ больнымъ, и на ея лицѣ лежало выраженіе участія, почти испуга за его судьбу.

— Ну, не такъ ужъ это просто... Для меня пока выяснилось только одно: что между поступками больного и его мышленіемъ существуетъ полное соотвѣтствіе. И то, что для насъ представляется болѣзненною странностью, съ его, исключительной точки зрѣнія—логически необходимо и разумно.

— Во всякомъ случаѣ, мы...

— Константинъ Михайловичъ! Марина Васильевна! что вы тамъ засѣли?!

Со двора кто-то стучалъ зонтиками и палками въ обшитый желѣзомъ подоконникъ.

— Тише, тише, господа!—маленькій спитъ.

— Бросьте вы вашего маленькаго, прихватите большого да идемте гулять. Посмотрите, какая прелесть: луна свѣтитъ во всѣ лопатки, лягушки поютъ о любви...

— „И ночь, и луна, и любовь"!—запѣлъ чей-то теноръ и оборвался.

— А если пошаримъ хорошенько, такъ у моей Марьи Николавны въ печи пирогъ найдемъ, а у меня за голенищемъ — свѣжія карты,— говорилъ за окномъ голосъ Ивана Ѳедоровича.

— Ты пойдешь?— шопотомъ спросила Марина Васильевна, отходя отъ окна, и въ глазахъ ея выражалась горячая и робкая просьба, чтобы онъ остался...

— Пойду, конечно,— отвѣтилъ мужъ, не глядя ей въ лицо и торопливо разсовывая по карманамъ папиросы, платокъ, спички.

Хозяйка опять свѣсилась въ окно, здороваясь съ новыми подошедшими гостями.

— Ну, такъ и быть, забирайте съ собою мое большое добро, а я останусь при своемъ маленькомъ.

— Да что ему сдѣлается? Вѣдь, въ этомъ же домѣ будете,— если раскричится не въ мѣру,—дѣвчонка за вами прибѣжитъ.

— Нѣтъ ужъ...

На подъѣздѣ стукнула тяжелая дверь.

— Ты не жди меня,—послышался уже со двора голосъ Константина Михайловича:—можетъ быть, я засижусь,—такъ ключъ отъ дверей я съ собою взялъ.

Смѣхъ и говоръ за окномъ стихли.

Послышалась первая фраза пѣсни:

— „Ой у лузи да и при березі“... Но къ хору голоса не пристали. Опять теноръ запѣлъ: „О, ночь волшебная!“

Но и „волшебная ночь“ не вышла.

Стало тихо. Вечеръ былъ еще ранній; въ больницѣ подъ всѣмъ огромнымъ зданіемъ шли корридоры-туннели, которыми пользовалась вся больничная прислуга, чтобы рѣже попадаться на глаза начальству. Поэтому, какъ только стихала дневная работа, все кругомъ нѣмѣло въ напряженномъ и жуткомъ молчаніи. Чуялись чьи-то близкіе шаги, чья-то заглушенная рѣчь, сотни жизней, которыя притаились отъ недобраго глаза. И когда въ эту напряженную тишину, какъ было почти всегда, врѣзывались мучительные вопли, несшіеся изъ буйныхъ отдѣленій,— на душѣ становилось тоскливо и жутко. Но въ этотъ вечеръ всюду было тихо, и ночь молчаливо горѣла надъ міромъ.

Вдругъ что-то большое, черное влетѣло въ окно, ударилось объ стѣну и съ тоскливымъ, жалобнымъ гуломъ заметалось высоко, у самаго потолка. Молодая женщина вздрогнула и бросилась къ ребенку.

„Адамова голова“,—сообразила она черезъ минуту и, не въ силахъ будучи подавить жуткаго чувства, протянула руку къ звонку.

— Ото-жъ лишенько!—крикнула маленькая няня Марійка и кинулась обратно въ кухню.

— Куда ты бѣжишь! Это ничего,— бабочка такая, метеликъ по вашему. Принеси щетку половую и полотенце,— мы ее поймаемъ.

Вслѣдъ за Марійкой изъ кухни пришли кухарка и Дарья Голубова. А огромное красивое насѣкомое уже билось на полу подъ тяжелымъ полотенцемъ, которое стирало съ его крыльевъ нѣжную серебристую пыльцу и зловѣщій знакъ на междукрыліи дѣлался ярче и замѣтнѣе.

— Дитинку увезти надо,—сказала Дарья.—Не дай Богъ на него сядетъ: не къ добру это.

— У насъ къ добру будетъ,—говорила Марина Васильевна, укладывая бабочку въ хрустальную вазу для варенья и накрывая блюдечкомъ.—Мы ее барину покажемъ. Онъ, вѣрно, не видѣлъ: въ нашей сторонѣ онѣ не водятся.

— Зато-жъ у насъ на Днѣстру ихъ довольно есть. Какъ татенькѣ моему покойному умерти, такъ въ ту осень два раза залетали. Только мы не ловили, боялись... Такъ оно полетаетъ, полетаетъ, да окномъ и выткнется. Къ смерти было...

— Все это, Дарья, бабьи выдумки. Одинъ Богъ знаетъ, когда человѣку умереть.

— Отакъ и „мой“ сердится, какъ я скажу. А чи я знаю? Люди говорятъ, а я за ними...

— Да, да... Какъ люди, такъ и мы за ними... Пойдемъ, Дарья, бѣлье считать.

И обѣ женщины ушли въ спальню, гдѣ въ мягкомъ сумракѣ передъ-иконной лампадки бѣлѣли двѣ дѣтскія кровати и стопки чистаго бѣлья на большой кровати между ними.

— Что-жъ, какъ вы устроились на новомъ мѣстѣ? — спросила хозяйка, когда разсчетъ былъ конченъ.

— Ничего, барыня, живемъ потроху. У докторши Агаповой бѣлье мою, да механичка брать обѣщалась. Настя на буряки бѣгаетъ, — все какихъ два злотыхъ заробитъ. Живемъ, слава Богу...

— А я думаю, тяжело вамъ было въ первое время, какъ мужъ заболѣлъ?

— Извините, барыня,—а только болѣзни никакой у него нѣтъ и не было. Просто господамъ,—дай, Боже, имъ здоровья,—захотѣлося „моего“ на судѣ оправить,—они меня и научили: скажи, что у него карахтеръ перемѣнился. А карахтеру у него никакого и нѣту, и не было. Слава Богу, пятнадцатый годъ живемъ,—всегда былъ ласковый, да тихій, да спокойный,—никакого карахтеру я отъ него не вижу и не видала... Одно, — что какъ сталъ свою вѣру ломать, такъ я сперва много плакала: черезъ то больше, что передъ людьми стыдно, — у людей и кутья, и крашанка,— а у насъ однихъ все будень. Вотъ онъ принесъ мнѣ съ полфунта сандалу, да и смѣется: „на́, говоритъ,—цѣлый годъ красныя яйца ѣшь, а на святой недѣлѣ я не позволю: намъ съ тобою — ребячья забава, а людямъ, на насъ глядя,—соблазнъ. Праздникъ—радостью духовною почитать надо...“ Ну, я теперь будто разбирать стала, а то пойду, бывало, въ церковь, стану въ куточку, да и заплачу.

— А мужъ пускалъ въ церковь?

— А для чего-жъ ему не пустить? Онъ и теперь мнѣ не забороняетъ. А сама я уже идти не хочу: иконы кругомъ, люди на нихъ молятся. Такъ стоять, столбомъ,—людей стыдно, а помолиться на икону,—грѣха боюсь. Ну, и ходить перестала...

— И никогда у васъ съ мужемъ разговора о вѣрѣ не было?..

— Да мы только объ одной вѣрѣ и говоримъ, какъ гдѣ сойдемся! Сначалу, какъ сталъ онъ новую вѣру принимать, говорилъ мнѣ: „Намъ, Одарко, подумать надо; у меня вѣра правая,

я за нее ни жены, ни дитя, ни своей головы не пожалѣю. А ты сама гляди, какъ тебѣ лучше. Хочешь — со мною живи и молись, какъ тебѣ Богъ укажетъ, и живи по закону, какъ я тебѣ укажу. А когда на эти мои слова не пристанешь,— живи съ Настей у моего батька; у него куска хлѣба для васъ хватитъ". А я себѣ подумала: онъ до меня ласковый, и не привыкла я изъ свекрухиныхъ рукъ смотрѣть... человѣкъ я, къ тому, еще молодой. Осталась... А тутъ скоро Васькой зашла, а тутъ — судъ. На судѣ я ужъ и сама увидала, что у него вѣра Божья... Такъ при немъ, вродѣ какъ сестра, живу: придетъ онъ когда ко мнѣ со служителемъ,—чаю попьетъ, Евандиль почитаетъ, погорюетъ объ своей жизни.

— Тяжело вамъ, Даша!

— Что-жъ дѣлать, барыня! Богъ такъ далъ, — Его святая воля...

„Его святая воля"—Марина Васильевна повторила эти слова, оставшись одна среди бѣленькихъ кроватокъ. Гдѣ взять эту покорность? У кого ей научиться?

Ночь уже легла надъ полями, и душный воздухъ, полный вечернихъ ароматовъ, принесъ первую свѣжую струю. Молодая женщина сѣла на широкій подоконникъ и заслушалась ночной тишины, которая была рѣдкой и желанной въ этомъ большомъ, печальномъ домѣ.

...„Когда это началось?—подумала она.—Можетъ быть, оно было и прежде, было всегда?"

Они встрѣтились въ ту печальную пору, о которой писалъ поэтъ:

Облетѣли цвѣты,
Догорѣли огни...

И всюду была безнадежность и тоска. Иногда откуда-то со стороны въ эту сѣрую жизнь насильно врывались чужіе люди, и отъ этого окружающая тьма становилась еще темнѣе: то за стѣною, въ сосѣдней квартирѣ ночью кого-то арестовали, то приходили съ обыскомъ, извиняясь, что принуждены потревожить „по сосѣдству".

Послѣ перваго такого посѣщенія, дѣвушка стала на ночь переодѣваться въ ситцевые спальные халаты и раскладывать свои бумаги на столѣ, чтобы „имъ" удобнѣе было въ нихъ разобраться.

И въ ту зиму, на одной студенческой вечеринкѣ, она встрѣтила Подгайнаго. Онъ чудесно пѣлъ родныя, украинскія пѣсни и на его смуглыхъ щекахъ еще лежалъ румянецъ, зажженный солнцемъ и вѣтромъ широкой степи. А ей такъ хотѣлось счастья...

Одна за другою пришли двѣ бѣлокурыя головки. Тамъ, въ Петербургѣ, онѣ заполнили материнскую жизнь цѣликомъ. Жилось трудно; денегъ не хватало; приходилось, какъ милости, выпрашивать работы.

И когда, послѣ пяти лѣтъ, прожитыхъ въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ на шестомъ этажѣ, молодая семья очутилась въ огромной казенной квартирѣ, мужъ и жена чувствовали и вели себя какъ малыя дѣти: наливали воду въ ванну, зажигали сразу всѣ пятнадцать электрическихъ лампочекъ, догоняли другъ друга въ большой столовой.

Потомъ, послѣ долгихъ совѣщаній и разсчетовъ, въ долгъ меблировали квартиру, познакомились съ сослуживцами,—стали жить.

Среди служащихъ уже намѣчались двѣ партіи, которыя если не враждебно, то слишкомъ внимательно и сторожко смотрѣли другъ на друга... Родился третій ребенокъ...

Константинъ собирается заняться матеріаломъ для диссертаціи; а пока — каждый день уходитъ изъ дому. Всѣ люди такъ живутъ, —всѣ играютъ въ винтъ, ужинаютъ,—за ужиномъ пьютъ водку и пиво, болтаютъ скоромное съ чужими женами и флиртуютъ съ барышнями. Это еще ничего не значитъ... Соленая слезинка скатилась по щекѣ и остановилась въ уголкѣ рта молодой женщины... Засвѣжѣло.

На краю неба свѣтлымъ заревомъ поднялся мѣсяцъ, затѣненный чернымъ силуэтомъ мельницы на другомъ берегу Веселки. И казалось, что мельница охвачена голубымъ огнемъ, который разгорѣлся за нею ровнымъ и тихимъ пламенемъ. Марина Васильевна закрыла окно, перекрестила дѣтей и начала раздѣваться.

Вдругъ до нея долетѣлъ стукъ отворившагося подъѣзда, и когда она заглянула въ столовую, стройная фигура Константина Михайловича мелькнула за противоположной дверью. Но онъ не обернулся на тихій окликъ жены.

IV.

Разъ въ мѣсяцъ въ совѣтѣ больницы происходили „научные доклады“, которые очень скоро обратились въ состязаніе докторскихъ самолюбій. Двѣ партіи, едва намѣчавшіяся лѣтомъ, черезъ полгода опредѣлились и стали другъ къ другу въ боевое положеніе. Первую партію, господствующую, составили дирек-

торъ и врачи, пережившіе уже половину жизни и, по ихъ словамъ, „хватившіе ковшъ лиха“, на службѣ въ разныхъ частныхъ, земскихъ и городскихъ больницахъ. Казенное мѣсто, съ готовой квартирой и пенсіей въ будущемъ, казалось, на вѣка закрѣпостили ихъ двадцатому числу и предержащему начальству въ лицѣ директора.

Вторую группу составили мятущіеся духомъ.

Всѣ они были еще молоды,—иные прямо съ академической скамьи, иные тоже успѣли „хватить ковшъ лиха“; но не въ служебной лямкѣ, а въ пробиваніи дороги къ свѣту изъ темной народной толпы, въ борьбѣ за счастье, котораго никто изъ нихъ не видѣлъ, но вѣра въ которое еще не умерла въ ихъ душѣ.

Подгайный, готовя свой докладъ, зналъ, что на него обрушится вся директорская партія, и волновался не меньше, какъ въ былые годы передъ экзаменами. Въ залу совѣта онъ забрался первымъ, чтобы передъ засѣданіемъ переговорить съ врачами о своемъ докладѣ. Навстрѣчу ему изъ сосѣдней „библіотеки“ вышелъ молодой докторъ съ бритымъ лицомъ, круглою головою и необычайно живыми глазами:

— А Зола̀-то, Зола̀!—заговорилъ онъ, не здороваясь и хлопая рукою по принесенной газетѣ.—Читали вы его знаменитое „J'accuse!“? Это—слово! Вѣдь, это—историческое слово! Когда будутъ воздвигнуты памятники достоинству человѣка, наши правнуки начертаютъ на нихъ только одно это слово: „J'accuse!“

— А, это вы опять насчетъ Дрейфуса,—сказалъ, входя, кругленькій Иванъ Ѳедоровичъ. — И охота, вамъ, Романъ Николаевичъ, легкія надрывать? Эко диво, что одного жиденка гдѣ-то на Чортовъ островъ посадили! У насъ, небось, завѣдомо невинныхъ, да еще и крещеныхъ, каждый день не по одному десятку на разные чортовы острова разсылаютъ,—а мы-жъ не кричимъ на весь свѣтъ: „J'accuse“!

— Вотъ это и ужасно, что не кричимъ... Ужасно, что не знаемъ! Ужасно, что не смѣемъ!..

— А не смѣемъ за тысячи своихъ заступиться, такъ чего-жъ намъ за чужого распинаться. А посадили,—такъ и посадили — чортъ его бери!

— Нѣтъ! Да вы послушайте только!—заговорили на перебой два врача, входя вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ,—высокій, красивый господинъ, съ выраженіемъ полнаго благополучія на лицѣ, другой—маленькій господинъ еврейскаго типа.

— Что такое?

— Да опять нашъ нѣмецъ штучку отмочилъ, черти бы его взяли! — и докторъ захохоталъ раскатистымъ и сочнымъ смѣхомъ...

— Да разскажите толкомъ!

— Не могу: въ печенку колетъ... Его, вотъ, заставьте!—кивнулъ онъ на маленькаго улыбающагося доктора.

— Да все та же канитель: написалъ директоръ смотрителю въ книгѣ „директорскихъ распоряженій" строжайшій запросъ:— почему съ фермы не доставляется положенное количество яицъ? А нашъ Готфридъ Ѳедоровичъ отвѣчаетъ оффиціальнымъ рапортомъ, что вслѣдствіе наступленія зимняго времени на фермѣ нѣтъ „беременныхъ" куръ.

— Послушайте, вы выдумали!

— Ничего не выдумали! Подите, посмотрите: дѣлопроизводитель въ канцеляріи строчитъ „выговоръ по службѣ" бѣдному нѣмцу.

— Тс! Идетъ...

Вошелъ директоръ,—длинный, сухой человѣкъ съ неумными, упрямыми глазами, въ сопровожденіи двухъ пожилыхъ врачей.

— Надѣюсь, господа, вы всѣ въ сборѣ?

И пока онъ здоровался, вошли еще двое. Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ юный, былъ одѣтъ въ нарядный, прекрасно сшитый сюртукъ, рѣзко оттѣнявшій странное убранство другого врача, одѣтаго въ неуклюжій пиджакъ изъ бѣлаго домотканнаго украинскаго сукна.

Кромѣ костюма, и фигура доктора останавливала на себѣ вниманіе: онъ былъ точно составленъ изъ двухъ разныхъ половинъ. Изящная голова красиво и свободно сидѣла на очень широкихъ и стройныхъ плечахъ, и правильныя черты его блѣднаго лица освѣщались открытыми, ясными голубыми глазами, ласковыми и нѣжными, какъ у женщины. А кривыя ноги были толсты и коротки, и огромныя руки съ короткими, словно обрубленными пальцами были мозолисты и красны.

— О комъ сегодня докладъ?—спросилъ директоръ.

— О Голубѣ.

— А, знаю! Параноикъ...

И началось длинное чтеніе анамнеза, исторіи болѣзни, собственныхъ наблюденій.

„И на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ,—закончилъ докладчикъ,—я считаю Зиновія Голуба вполнѣ нормальнымъ, и потому отвѣтственнымъ за содѣянныя имъ преступленія".

— И охота вамъ, Константинъ Михайловичъ, бѣднаго человѣка въ Сибирь упекать?—милостиво сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Виновенъ, не виновенъ,—пусть тутъ живетъ,—казна отъ этого не обѣднѣетъ.

— Онъ самъ иного мнѣнія: „въ Сибири, говоритъ, манифесты бываютъ".

— Господа! Я прошу обслѣдовать вопросъ исключительно только съ медицинской точки зрѣнія,—вмѣшался директоръ.

И какъ всегда, мнѣнія психіатровъ раздѣлились. Часа черезъ два оживленныхъ дебатовъ, Романъ Николаевичъ держалъ за пуговицу высокаго доктора съ благодушнымъ лицомъ и говорилъ, задыхаясь отъ волненія:

— Да поймите же! Безъ этой вѣры въ „Духа" немыслима никакая религія, никакое творчество въ области религіознаго самосознанія. Станьте на точку зрѣнія первыхъ христіанъ... Только въ нашъ маловѣрный вѣкъ такіе люди остаются непонятыми... „О, еслибы ты былъ холоденъ или горячъ! Но ты не горячъ и не холоденъ, ты только тёпелъ!"

А въ другое ухо тому же доктору гудѣлъ однообразный басокъ Ивана Ѳедоровича:

— Ну, скажите на милость: какая же тутъ разумность поступковъ, чтобы за послѣднія деньги слѣпыхъ лошадей покупать?

Но нежданный переходъ директора на сторону докладчика рѣшилъ дѣло, и доктору Подгайному было поручено составить докладную записку о пересмотрѣ дѣла сектанта Голуба.

— А теперь, господа,—закончилъ директоръ,—мы должны обсудить вопросъ, имѣющій значеніе только для служащихъ больницы. Хозяйственнымъ способомъ мы можемъ обработать не больше половины принадлежащей больницѣ земли. Я предлагаю другую половину раздѣлить на небольшіе огороды и раздать ихъ въ пользованіе служащимъ.

Предложеніе всѣми было принято. Только докторъ Томашевичъ спросилъ, обдергивая короткіе обшлага своего домотканнаго пиджака:

— А если больницѣ впослѣдствіи понадобятся эти участки, кто намъ возвратитъ затраченный на нихъ трудъ и капиталъ?

— Огороды берутся служащими добровольно, и каждый пользуется имъ за свой страхъ и рискъ, — сухо отвѣтилъ директоръ.

А докторъ Подгайный, оживленный и счастливый отъ одержанной побѣды, прямо изъ засѣданія пошелъ въ отдѣленіе.

— Знаете ли, Голубъ, о чемъ сегодня говорили въ совѣтѣ? — спросилъ онъ, подходя къ Зиновію.

— Знаю, господинъ докторъ; мнѣ надзиратель говорилъ, что обо мнѣ рѣчь будетъ.

— И знаете, къ какому рѣшенію мы пришли?

— Не могу знать.

— А къ тому, что васъ признали человѣкомъ здоровымъ, и если желаете, можете просить о пересмотрѣ своего дѣла.

Лицо Голуба все дрогнуло нежданною радостью.

— До конца моей жизни благодаренъ я, — сказалъ онъ тихо, почти шопотомъ и не поднимая глазъ, въ которыхъ стояли слезы.

— Помните только, что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ ваше дѣло рѣшится. А до тѣхъ поръ вы должны жить, какъ больной, съ больными: ваша судьба попрежнему въ нашихъ рукахъ.

— Нѣтъ, господинъ докторъ, она, какъ и вы сами, въ рукахъ Божіихъ.

— И вы думаете, что еслибы я не принялъ въ васъ участія, вы все-таки вышли бы на волю? — спросилъ Подгайный, нѣсколько обиженный отвѣтомъ Голуба.

— Я думаю, что Господь, приведшій насъ обоихъ въ эту больницу, далъ мнѣ разумъ, чтобы поступать по вашимъ указаніямъ; а вамъ далъ совѣсть, чтобы судить меня по моимъ поступкамъ.

И къ веснѣ была получена бумага, которою предписывалось освободить сектанта Голуба отъ заключенія въ отдѣленіяхъ для умалишенныхъ, оставивъ его, однако, при больницѣ на годъ для двоякаго наблюденія: врачебнаго и духовнаго, каковое поручить настоятелю больничной церкви, о. Анѳиму Левандовскому.

Въ подвалѣ больницы, въ томъ туннелѣ, что выходилъ окнами на Веселку, Голубъ, назначенный старшимъ дворникомъ, получилъ комнату въ два окна, противъ которыхъ тянулась узенькая полоска отведеннаго ему огорода. Печи въ комнатѣ не было.

Зданіе отапливалось калориферами и, за отсутствіемъ дымоходовъ, желѣзную печурку-трехножку пришлось вывести трубою прямо въ окно. Другое окно служило дверью, потому что выходъ изъ подвальнаго корридора былъ очень далекъ, въ противоположномъ концѣ туннеля, и вся семья Голуба предпочитала пользоваться кратчайшимъ путемъ. Но, несмотря на все убожество и неуютность казеннаго подвала, — радость и счастье по-

селились въ немъ вмѣстѣ съ соединившейся послѣ долгой разлуки семьей. По деревенскому обычаю Одарка смазала кирпичный полъ желтою глиной съ ярко-красною отводкой по стѣнѣ; стѣны разрисовала въ узоръ синькой и охрой, пользуясь вмѣсто кисти пучкомъ пшеничныхъ колосьевъ, отъ чего получилась замысловатая, пестрая вязь. На окошки повѣсила розовыя ситцевыя занавѣски, а въ переднемъ углу—бѣлую кисейную „фираночку", подъ которой, вмѣсто иконъ, на полочкѣ стояла „Св. Книга". И во всѣхъ лѣстницахъ и корридорахъ больницы можно было встрѣтить улыбающееся лицо Дарьи Голубихи, разносившей заказчикамъ тяжелыя корзины съ бѣльемъ.

V.

Казенными огородами пожелали воспользоваться всѣ, и каждый сдѣлалъ изъ даннаго ему клочка земли такое употребленіе, которое казалось ему лучшимъ: кое-кто отдалъ огородъ швейцару Георгію, который пасъ на нихъ своихъ коровъ, молоко отъ которыхъ покупали служащіе въ больницѣ; кто-то устроилъ здѣсь крокетную площадку; еще кто-то развѣсилъ веревки для сушки бѣлья. На остальныхъ полоскахъ закипѣла работа. Раньше всѣхъ выходилъ къ огороду Голубъ. Солнце едва загорится золотой искрой надъ мельничной крышей,—а онъ уже обѣжалъ всѣ дворики больницы и бьетъ сапой тяжелую глинистую землю, чуть скропленную сверху ночною росою. Докторъ Томашевичъ, завѣдующій огородными работами больныхъ, приводитъ ихъ къ казеннымъ грядамъ и съ сапкою и граблями на плечѣ поднимается по кручѣ къ своему огороду. Одѣтъ онъ, какъ зимою, въ бѣлый пиджакъ, но ужъ не изъ сукна, а изъ скатертной домотканки, какую ткутъ бабы въ курской губерніи; а на головѣ домодѣльная шапочка, которую евреи зовутъ „мыцкой". Докторъ бросаетъ объ землю свою мыцку, сбрасываетъ пиджакъ и, расправивши могучія плечи, долго смотритъ на восходящее, еще не яркое солнце, на излучину Веселки, на большую, спокойную рѣку. И на лицѣ его лежитъ улыбка глубокаго душевнаго удовлетворенія. Потомъ онъ берется за сапу, и не успѣетъ догнать перваго ряда до межи, какъ по ту ея сторону уже бѣлѣетъ кисейный платочекъ Марины Васильевны. И всѣ трое работаютъ молча, словно не замѣчая другъ друга. А солнце выше. Уже директорскія индюшки, по обыкновенію выпущенныя зазѣвавшейся прислугой, съ жалобнымъ курлыканьемъ разбрелись по

кустамъ цвѣтущаго боярышника, и за ними ползетъ на животахъ десятокъ туннельныхъ ребятъ, чтобы украсть растерянныя яйца. Одна за другою выходятъ на огороды кухарки и поденщицы и долго, опершись на сапы, перекликаются о своихъ домашнихъ и больничныхъ дѣлахъ. Няня-Марійка несетъ маленькаго, розоваго и тепленькаго со сна, — и онъ, улыбаясь широкимъ, беззубымъ ртомъ, тянется ручонками къ матери и солнцу. Жалобно и гулко свиститъ призывный свистокъ къ завтраку. — На межѣ Марину Васильевну догоняетъ докторъ Томашевичъ и, пожимая ея руку, говоритъ вмѣсто привѣтствія: — „А спаржевый горошекъ у васъ раньше взошелъ". Три смежныхъ огорода зацвѣли и разрослись зеленымъ островкомъ на голомъ глинистомъ скатѣ, гдѣ кругомъ изъ бурой почвы глядѣли по сторонамъ чахлые кустики картофеля.

Въ больничномъ міркѣ, оторванномъ отъ широкаго вольнаго свѣта, прибывали и убывали больные: увозились на кладбище некрашеные, безымянные гробы, а имъ на смѣну привозили людей, одѣтыхъ въ сѣрые халаты, въ сопровожденіи „скорбныхъ" бумагъ. Кто-то ссорился.. Кто-то интриговалъ... Кого-то въ канцеляріи увольняли и назначали. А на высокомъ островѣ надъ Веселкой ясно горѣли зори, и когда послѣдняя розовая полоска блѣднѣла за лѣсомъ на томъ берегу большой рѣки, въ ея свѣтѣ тянулись тонкія нити прозрачнаго, бѣлаго пара: это далеко по степи бѣжалъ локомотивъ, и его свистъ, едва слышный отсюда, звучалъ тревожно, какъ призывъ. Марина Васильевна знала, куда онъ зоветъ: прочь отсюда, въ большой городъ, гдѣ живется трудно, голодно, тяжело, — но гдѣ маленькая человѣческая мысль вливается въ широкое море общечеловѣческой мысли.

А три бѣлокурыя головки свѣтлѣютъ внизу, среди высокой цвѣтущей травы, и ясный, какъ птичій щебетъ, доносится оттуда дѣтскій смѣхъ.

— Марійка! — кричала Марина Васильевна, стоя на обрывѣ: — Развѣ тебѣ не видно, что маленькій къ рѣчкѣ пошелъ?

Но и Марійки нигдѣ нѣтъ. Старшіе догоняютъ маленькаго, берутъ его за руки и всѣ трое, будто изъ темной рамы, смотрятъ на мать изъ-подъ вѣтокъ темнаго, давно отцвѣтшаго шиповника.

— Дозвольте, сударыня, дозвольте! — Мимо пробѣжалъ Голубъ съ растрепанными по вѣтру волосами, странно перескакивая по грядамъ и размахивая снятой съ головы шапкой. Въ воздухѣ что-то прошумѣло... И прежде, чѣмъ она поняла, что случилось, — тяжелый рой повисъ живыми гроздьями на томъ самомъ кустѣ, у котораго стояли ея дѣти.

Голубъ вынулъ изъ кармана платокъ, бережно завязалъ въ его уголъ пчелиную матку и положилъ на дно картуза, а живой клубъ, жужжащій, грозный и растерянный, свивался у него въ рукахъ и отсталыя пчелы путались въ его длинныхъ волосахъ и летѣли надъ головою съ жалобнымъ и тонкимъ жужжаньемъ.

Къ обрыву сошлись люди и завистливо говорили:

— Ишь, штунда проклятая! Ему все на пользу: рой сгребъ!

А няню Марина Васильевна нашла подъ тѣмъ же кустомъ. Марійка сидѣла, спрятавши голову въ колѣни, и ея острыя, дѣтскія плечи вздрагивали отъ неслышныхъ рыданій.

— Ты чего плачешь? И не стыдно тебѣ всякихъ пустяковъ бояться? Развѣ никогда роя не видѣла?

— Барынько-голубонько! Я не объ тому; я не объ рою... Боюся я, что меня батько да старшій братъ убьютъ.

— Да за что же тебя убить? Что̀ случилось, разскажи толкомъ!

— Теперь уже нема чего разсказувать, якъ занапастилъ меня Карпей-почтарь...

— Марійка, опомнись! Вѣдь, ты—ребенокъ!

— А я знаю? Шобъ ему, собаци, наглою смертью пропасти! Нехай весь его родъ на комки переведется!..

— Перестань проклинать!.. Теперь подумать надо, какъ бѣдѣ помочь. Я барину скажу...

— А шо-жъ вы скажете, коли насъ у ёго чотыри да ще до того, кажуть, самъ винъ жонатый?..

— Какъ четыре? Я ничего не понимаю...

— Да такъ же: и Софійка-прачка, и двѣ Наталки, — и наша, и механичкина.

И помочь Марійкѣ, дѣйствительно, было нельзя. Карпей былъ женатъ. И позванный въ контору для объясненій, онъ таращилъ свои бѣлесые глаза то на директора, то на смотрителя и въ несокрушимомъ сознаніи своей правоты повторялъ:

— Ваше превосходительство!... Господинъ смотритель! Ей-Богу—право! Такъ что не извольте безпокоиться, потому у меня съ ими всѣ эти дѣла по взаимной обоюдности...

— Молчи, скотина! Марійкѣ и шестнадцати лѣтъ нѣту.

— Виноватъ! Это точно, что съ ею маленькая ошибка вышла. А только по нуждѣ даже архіерейское благословеніе шестнадцать лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ разрѣшаетъ...

Директоръ ругался, смотритель грозилъ кулаками, но все-таки Карпея не разсчитали: зашла рабочая пора, найти поч-

таря было трудно, и къ тому же Карпей былъ трезвъ и честенъ, т.-е. могъ пить сколько угодно, не хмелѣя окончательно, и не кралъ полученныхъ съ почты денегъ.

И старшіе мальчики доктора Подгайнаго попрежнему пѣли каждое утро на мотивъ „Невозвратнаго времени“:

По квартирамъ Карпей ходитъ
И всѣ письма собираетъ.
Онъ всѣ письма собираетъ
И на почту отправляетъ.

И каждый вечеръ въ корридорѣ докторской квартиры слышался сиповатый голосъ Карпея: „Почтарь пришелъ“.

Одну только предупредительную мѣру придумалъ Готфридъ Ѳедоровичъ: велѣлъ Карпею немедленно выписать къ себѣ бабу.

И баба явилась изъ самой глуби орловской губерніи, одѣтая въ лапти, ситцевую рубаху съ ластовицами, — безнадежно глупая и забитая. Поселили новую семью въ туннелѣ рядомъ съ комнатою Голуба, и каждый разъ, когда Карпей принимался бить свою бабу, Голубъ подходилъ къ двери, стучалъ могучимъ кулакомъ такъ, что она трещала, и говорилъ громко и спокойно:

— Перестань женщину тиранить. Господину смотрителю доложу. Будешь въ мертвецкой ночевать.

Карпей стихалъ, а вырвавшаяся баба убѣгала выплакать свое горе сосѣдкѣ—Голубихѣ. Зато въ воскресенье (единственный день, когда онъ не ѣздилъ въ городъ) Карпей срывалъ свое сердце на ненавистномъ сосѣдѣ.

Охваченный недовольствомъ пьянаго похмелья, немытый, всклокоченный, въ распоясанной ситцевой рубахѣ и пестрядиныхъ, принесенныхъ изъ деревни, портахъ—онъ наваливался грудью на широкій подоконникъ и выкрикивалъ въ открытое окошко: — „Штунда сибирная! Еретикъ! Грѣха не боишься, — такъ людей постыдиться надо: народъ въ святую церкву идетъ, а онъ, поганецъ, чорту молится: землю пакоститъ... Ишь, кидаетъ сапой! Хуже татарина, лобъ некрещеный... Тьфу!“

VI.

Въ Спасовъ день, когда Марина Васильевна, причащавшая дѣтей, вернулась изъ церкви, ей доложили, что въ кухнѣ дожидается Голубъ. Позвали гостя въ столовую, и онъ явился, одѣтый въ новый пиджакъ и съ большимъ блюдомъ, покрытымъ тонкимъ вышитымъ полотенцемъ.

— Съ праздникомъ имѣю честь поздравить! Медку отъ нашихъ пчелокъ покушать не угодно ли?

Онъ снялъ полотенце и поставилъ на столъ рамку съ бѣлымъ ароматнымъ сотомъ.

— Ахъ, какая роскошь! Спасибо!

— Годъ для пчелы хорошъ былъ. И теперь несутъ-таки: съ гречки берутъ.

Хозяйка усадила своего гостя за маленькій столъ въ углу, налила чаю ему и себѣ, и между ними началась хозяйственная бесѣда, какихъ немало было этимъ лѣтомъ на огородныхъ межахъ.

— А я сверхъ всего сегодня по особому дѣлу,—заговорилъ Голубъ, отказавшись отъ третьяго стакана. Онъ потупился и съ виноватой улыбкой сказалъ:—Ребеночка ждемъ.

— Знаю,—мнѣ Дарья говорила.

— Но надо такъ объяснить доктору, что крестить я его не согласенъ.

— Какъ не согласенъ? Развѣ ваша вѣра крещеніе отвергаетъ?

— Не извольте безпокоиться... Окрещу я его образомъ апостольскимъ: во имя Отца, и Сына, и св. Духа... И имя нареку, какое Богъ мнѣ укажетъ.

— А вы батюшкѣ объ этомъ говорили? Вѣдь это—его дѣло.

— Вотъ въ томъ-то и есть, что не говорилъ. Жалко мнѣ ихъ огорчать, а знаю, что они скорбѣть черезъ меня станутъ, потому душа у нихъ самая добрая.

— Не пойму я васъ что-то, Голубъ! Сами говорите, что нашъ батюшка человѣкъ добрый, а ребенка окрестить ему не дадите. Вѣдь, по вашей вѣрѣ каждый можетъ окрестить младенца, и вашъ поступокъ былъ бы мнѣ понятенъ, еслибы о. Анѳимъ былъ іерей недостойный.

— Дозвольте, сударыня!.. Еслибы всѣ священники были на этого батюшку похожи, такъ, можетъ быть, Господь въ своемъ долготерпѣніи не воздвигалъ бы еще новую вѣру. А теперь отъ такого пастыря—одинъ только вредъ.

— Какъ вредъ?

— Такъ что люди одного такого священника увидятъ и долго его помнятъ, и ради той памяти беззаконныхъ іереевъ терпятъ... А каждое промедленіе теперь—грѣхъ. Ибо исполнилась мѣра долготерпѣнія Его и сѣкира Его при корнѣ дерева.

— Нѣтъ, Голубъ, въ этомъ вы заблуждаетесь. Посѣкается только усохшая смоковница, которая не множитъ плода. А наша

церковь потеряетъ внутри сотни отпавшихъ, а за это время пріобрѣтетъ сотни тысячъ вѣрующихъ и среди своихъ, еще не просвѣщенныхъ народовъ, и далеко по другимъ государствамъ, ищущимъ Христа.

— Сударыня! Вы читали въ книгѣ: „мнози говорятъ мнѣ: Господи! Господи! сердце же ихъ далече отъ Мене отстоитъ. По дѣламъ ихъ познаете я". А каковы дѣла вашихъ крещеныхъ и вѣрующихъ? Оглянитесь кругомъ: супружества оскверняются, дѣвицы растлѣваются... пьянство, обжорство, сквернословіе, маловѣріе... Такъ будемъ говорить: сколько народу тутъ, въ больницѣ? А Писаніе, можетъ, вы однѣ знаете.

— Нѣтъ, Голубъ, изъ образованныхъ людей всѣ знаютъ.

— Гдѣ-жъ имъ знать, когда даже разговору какого духовнаго я никогда между ними не слышалъ?

— Да, вѣдь, то, что вамъ, уже взрослому, далось неожиданно, какъ чудо, какъ откровеніе,—мы, люди учившіеся, прочитали въ Евангеліи, еще будучи малолѣтками на школьной скамейкѣ.

— Такъ, стало быть, къ совершеннымъ лѣтамъ забыть вѣру успѣли?

— Не всѣ забываютъ... Но тѣмъ, кто много учился, много знаетъ, Богъ открываетъ Себя въ другихъ словахъ и въ другомъ дѣлѣ. И за этого, своего Бога, люди эти, какъ и вы, не боятся идти на поруганіе, и въ тюрьмы, и на смерть. А оттого, что вы здѣсь видите людей дурныхъ, вы думаете, что и вѣра ихъ плохая. Но сюда сошлись люди, оторванные отъ своего угла, отъ хорошей семейной жизни. И правая вѣра въ темной душѣ скупо свѣтитъ. А еслибы вы читали о началѣ православной вѣры на Руси, вы узнали бы, что ради нея отецъ и его сынъ-ребенокъ умерли добровольно; что ради нея царевна, молодая, прекрасная, пошла въ дикую лѣсную сторону замужъ за пьянаго и развратнаго князя, и что князь этотъ, узнавши правую вѣру, сдѣлался такимъ жалостливымъ и кроткимъ, что боялся наказывать даже разбойниковъ, потому что одинъ судья людямъ—Богъ.

— Это вы даже очень хорошо сказали! Это вѣрно.

— Ну, а теперь представьте себѣ, что вышелъ какой-нибудь самый строгій приказъ, чтобы всѣхъ, кто хочетъ и не хочетъ, въ вашу вѣру обратить. Не стало кругомъ православныхъ, — одни штундисты. Подумайте только хорошенько прежде, чѣмъ мнѣ отвѣтить... Развѣ, назвавшись штундистомъ, Карпей перестанетъ бить свою бабу? или обѣ Наталки перестанутъ бѣгать въ служительскую казарму?... И у этихъ-то людей вы отнимете

крестъ, церковь, великіе праздники... Можетъ быть, отнимая ихъ, вы отнимете послѣднее, чистое, что̀ живетъ въ ихъ душѣ: у кого память о матери, благословившей его передъ смертью иконой; у другого—мысль о церкви родного села, гдѣ молятся разлученные съ нимъ близкіе; у третьяго — красный пасхальный звонъ, подъ который ясно становится на душѣ и хочется плакать... Что̀ же вы дадите въ замѣнъ? Духовную радость? А не проще ли соединить ее съ этими маленькими душевными радостями и слить въ одну крѣпкую и правую вѣру?

При этихъ словахъ Голубъ пытливо и долго посмотрѣлъ на хозяйку и вдругъ быстро подошелъ къ ней и заговорилъ шопотомъ, оглядываясь на двери:

— Такъ, значитъ, правду-таки мнѣ люди говорили, что у господъ своя новая вѣра проявилась: господинъ графъ Толстой имъ открываетъ?.. Я и самъ вижу, что вы да докторъ Томашевичъ живете другимъ господамъ несходственно.

Марина Васильевна отшатнулась отъ пристально смотрѣвшихъ на нее глазъ.

— Господь съ вами, Голубъ! Опомнитесь! Никакой новой вѣры ни у меня, ни у доктора Томашевича нѣтъ. Мы просто любимъ землю, любимъ ее обработывать и знаемъ ту св. книгу, которую на бѣду себѣ и людямъ вы прочитали безъ хорошаго руководителя.

Голубъ на цыпочкахъ вернулся на свое мѣсто и сидѣлъ тамъ неподвижный и задумчивый, пока пришелъ докторъ.

Предстоящее рожденіе „нехристя“ заняло на нѣсколько дней всю больницу. Директоръ сгоряча распорядился, было, взять Голуба въ отдѣленіе въ качествѣ больного. Но справка, сдѣланная по его приказанію дѣлопроизводителемъ, доказала, что штундисты крещенія отъ православныхъ священниковъ не пріемлютъ, и это имъ въ преступленіе не вмѣняется. О. Анѳимъ задумалъ заманить Настю съ ребенкомъ въ церковь и тайнымъ образомъ окрестить его, занеся затѣмъ въ метрическія записи. Но тотъ же дѣлопроизводитель отыскалъ параграфъ, который гласитъ, что такой поступокъ есть самоуправство. Больницѣ оставалось только примириться съ совершившимся фактомъ. Появился здоровый, толстый мальчуганъ, а когда его отецъ развернулъ Библію, — она раскрылась на стихѣ: „Іоаннъ имя ему“. И прибавился одинъ лишній Ванька къ толпѣ рыженькихъ и черненькихъ Ванюшекъ, копошившихся въ темныхъ туннеляхъ. Зато Карпей-почтарь нашелъ въ этомъ событіи новую тему для воскресныхъ бесѣдъ.

— Душегубъ!—выкрикивалъ онъ на весь корридоръ у Голубовой двери.—Нечистому родного дитёнка подарилъ. Младенца не пожалѣлъ!

И эти крики были такъ назойливы, что Голубъ не стерпѣлъ и разъ отвѣтилъ:

— А тѣ младенчики, что обѣ Наталки подъ кручкой зарыли, кѣмъ они загублены? Ты думаешь, лучше недоносками святую землю сквернить?

Эта подвальная смута доходила до ушей о. Анѳима и смущала его совѣсть. Онъ сознавалъ, что не все сдѣлалъ для обращенія заблудшей души, и въ то же время всѣмъ сердцемъ чуялъ, что душа эта—свѣтлая, прекрасная, и что еслибы на его мѣстѣ былъ иной пастырь,—съ пламенной вѣрой и пламенной рѣчью,—онъ могъ бы спасти погибающаго. И при встрѣчѣ съ Голубомъ батюшка торопливо кивалъ головою въ отвѣтъ на его низкій поклонъ и, не глядя на него, какъ виноватый, проходилъ мимо. Впрочемъ, благодаря своему счастливому характеру, о. Анѳимъ скоро забывалъ о неудобномъ прихожанинѣ. Впечатлительный, нервный, жалостливый—онъ не смогъ служить въ глухомъ селѣ, потому что мужицкія гривны жгли ему руку, а смерть каждаго крестьянина-кормильца печалила его глубоко и надолго. Даже здоровье начало разстраиваться. Тутъ представился случай перемѣнить приходъ на больницу, гдѣ всѣ порядки были молодому священнику по душѣ: и опредѣленное содержаніе вмѣсто поборовъ, и приличная квартира, и постоянное общеніе съ образованными людьми, которыхъ до тѣхъ поръ онъ любилъ издали, почтительно и робко.

Зато матушка, выросшая въ самой глуби глухихъ хуторовъ, томилась по изстари заведенной скопидомной жизни. Привыкнувъ къ деревенскимъ запасамъ, она считала жизнь „изъ копѣечки“ безумной расточительностью и скорбно вспоминала обширныя „коморы“, въ которыхъ хозяйничали ея мать и бабка... Мотки пряжи и крашеной шерсти по стѣнамъ, связки грибовъ, сушоныхъ яблокъ и грушъ... мѣшки съ пухомъ и драным перомъ... А на широкихъ полкахъ—лошадиные хомуты и мужицкіе чапаны, принесенные въ закладъ прихожанами, которымъ отецъ и дѣдъ давали въ долгъ деньги. И оба были благодѣтелями своего прихода: деньги давали безъ процентовъ и уплату долга раскладывали по частямъ, требуя отъ своихъ должниковъ только помощи въ работѣ. И работалъ приходъ,—лучше, чѣмъ теперь работаютъ за деньги! „Помочи“ какія бывали! Тридцать копъ выходили въ одну росу и полсотни бабъ гребли сѣно. А старухи

сбѣгались со всего села помочь „матушечкамъ“ лѣпить вареники съ черешнями. По всему широкому подворью пахло колбасою и пампушками съ чеснокомъ; старухъ поили „варѐной“ и запеканкой, а косарямъ выкатывали боченокъ водки, въ который непьющіе батюшки сливали всѣ полштофы, принесенные со свадебъ и крестинъ.

VII.

Только три раза въ годъ, въ Рождество, Святую и именины о. Анѳима, матушка оживлялась былою лихорадочною дѣятельностью. Батюшка справлялъ именины третьяго сентября, а сама Елизавета Максимовна—пятаго; но длился именинный пиръ три дня безъ перерыва, и ради этихъ трехъ дней вся мебель въ батюшкиной квартирѣ приспособлена была такъ, чтобы ее легко было превратить въ кровати: въ передней стояли сундуки длиною въ ростъ невысокаго человѣка; въ столовой—клеенчатые диваны съ выдвижными ящиками, и даже стулья въ гостиной шли въ дѣло: на нихъ клали необычайной ширины гладильныя доски, обитыя мягкимъ войлокомъ.

Наканунѣ именинъ изъ прежняго батюшкина прихода пріѣзжала сестра матушки съ мужемъ,—священникомъ, заступившимъ мѣсто о. Анѳима. За ними съ крикомъ и топотомъ врывалось трое сорванцовъ,—крестниковъ и баловней бездѣтной Елизаветы Максимовны. А входныя двери за ними долго не затворялись. Тодоска и кучеръ Рухмашка безъ конца носили кадушечки съ масломъ, банки съ вареньемъ, гусей, поросятъ, медъ... Запахъ яблокъ и грушъ наполнялъ всю квартиру и вырывался въ другія двери, на парадный подъѣздъ. Послѣ долгаго семейнаго чаепитія, семья затихала по спальнямъ, а матушка за полночь разливала по формамъ заливныя „курячьи“, „гусячьи“ и „рыбячьи“, какъ называла смотавшаяся отъ усталости Тодоска. А на разсвѣтѣ въ батюшкиной кухнѣ уже опять толкли ваниль и терли желтки съ сахаромъ. Послѣ обѣдни и молебна, батюшка, протягивая крестъ для цѣлованья, всѣхъ служащихъ больницы пригласилъ „къ пирожку“.

Въ просторной батюшкиной квартирѣ стало шумно и тѣсно. Въ спальнѣ, поперекъ пышныхъ бѣлыхъ кроватей спятъ малыя дѣти, привезенныя изъ сосѣднихъ селъ съѣхавшимися матушками. На черномъ крыльцѣ вокругъ Рухмашки и Тодоски—многолюдное сборище: тутъ и пріѣзжіе кучера, и всѣ тѣ, кому удалось урваться отъ дѣла, пришли искать земляковъ. Три самовара—

врозь трубы—дымятъ керосиннымъ чадомъ, потому что, для скорости, усердные Тодоскины помощники обливаютъ угли керосиномъ. Тодоска, вся красная и мокрая, крутитъ мороженое къ ужину и только поводитъ жирной шеей, словно конь отъ слѣпня, когда Рухмашка щиплетъ розовый, твердый, какъ свекла, кадыкъ, набѣжавшій отъ натуги подъ ея растрепавшейся рыжей косой. „Винтятъ" по всей квартирѣ: и въ гостиной, и въ кабинетѣ, и въ передней, гдѣ поставили столы для двухъ дьяконовъ и пятерыхъ надзирателей. А во всю стѣну подъ окнами гостиной вытянулся столъ, за которымъ съ самаго обѣда „стучатъ" дамы. Азартъ растетъ...

Изъ кабинета пришелъ о. Гавріилъ,—старикъ-благочинный, всѣми одинаково любимый. Онъ крестилъ дѣтей у всѣхъ священниковъ своего благочинія и для краткости попадей звалъ „кумушками". И какъ только о. Гавріилъ куда-нибудь пріѣзжалъ,—всѣ дѣти, бывшія на поповомъ дворѣ, кидались въ его просторный тарантасъ и начинали тянуть воздухъ носомъ, какъ лисенята.

— Нюхайте, нюхайте! А я вотъ конфекты и пряники въ рясѣ унесъ!

И ряса стаскивалась съ плечъ и обшаривалась.

Но на душѣ о. Гавріила лежало большое горе: его единственный сынъ, оставленный рано умершей женой, — былъ далеко, за Ураломъ. И стараго священника грызла не только тоска по сыну, но и сознаніе что съ его смертью „угаснетъ іерейскій родъ, болѣе столѣтія предстоявшій престолу Всевышняго". Сколько въ этихъ смиренныхъ пастыряхъ было явлено душевныхъ сокровищъ! — А сколько скопилось земного добра! Старый садъ, полный тѣни и аромата, въ которомъ зрѣютъ самые рѣдкіе сорта и цвѣтутъ самыя пышныя розы... кому онъ достанется? А первая яблоня и первая груша въ этомъ саду посажены дѣдомъ и бабкою о. Гавріила въ самый день ихъ вѣнчанья.

— Куманекъ!—Къ намъ, къ намъ!—закричали матушки.— Ну, что вамъ стоитъ!—Сядьте съ нами, постучите,—авось-либо десяточку на алтарь отечества простучите! — Да, вѣдь, вы все равно—„выходящій"!

— Не подобаетъ! Игра эта — самая бѣсовская — для успокоенія нѣжныхъ дамскихъ нервовъ придумана... А мнѣ грѣхъ: я іерей,—съ комической важностью говорилъ о. Гавріилъ, присаживаясь къ столу и протягивая руку за картами.

— Ужъ будто іереи и не согрѣшаютъ?

— Иногда и съ ними случается... Разъ благочестивая старушка померла. И вышелъ у нея формуляръ не совсѣмъ чистый: передъ смертью исповѣдаться не успѣла... Ну, св. апостолъ Пѣтръ, видя грѣховъ отсутствіе, посадилъ ее у райскихъ вратъ: „посиди, говоритъ, раба,—потолки золотой песочекъ,—райскія дорожки посыпать. А придетъ благочестивый іерей, — ты отъ него разрѣшеніе грѣховъ получишь и слѣдомъ за нимъ въ рай внидешь".

Разсказчикъ сдѣлалъ паузу.

— Ну, и что же?

— И по сейчасъ, бѣдняга, песочекъ толчетъ.

— Ну, ужъ будто грѣшнѣе насъ никого и нѣтъ?—послышался изъ кабинета чей-то смѣющійся голосъ.

— А это, отецъ, по степенямъ церковной іерархіи: дьяконъ грѣшнѣе дьячка, попъ—грѣшнѣй дьякона... до степеней неудобонарицаемыхъ.

— И откуда только у васъ, о. Гавріилъ, такія точныя свѣдѣнія?!

— Мнѣ старые люди разсказывали, какъ самъ я молоденькій былъ. Жили, говорятъ, когда-то попъ съ попадьей. И жили они неладно. Какъ баба мужу поперекъ, такъ онъ ее и давай стращать:—„на томъ свѣтѣ въ пеклѣ будешь, а я тебѣ съ лона Авраамля и капелиночки не кину". Стращалъ, стращалъ — да самъ первый и померъ, и отошелъ въ свое мѣсто. Померла и попадья, и ей мѣстечко указали,—не то чтобъ совсѣмъ прохладное, но и не слишкомъ жаркое. Глядь! А въ самомъ пеклѣ по шею въ смолѣ ея попъ горитъ.—„Ото-жъ и вы тутъ, панъ-оче!"—говоритъ она сердобольно.—„Ой, хоть мовчите же, панъ-матко,—бо я еще у нашего благочиннаго на шеѣ стою!"

Кругомъ хохотали. А о. Гавріилъ проигралъ барынямъ положенную десятку и опять ушелъ къ винтерамъ.

Вечеръ шелъ къ концу. Въ столовой опять гремѣли тарелки. Тодоска, окончательно сбитая съ толку, расколотила уже третью посудину,—когда у крыльца послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа. „Розентовскіе, Розентовскіе!"—зашептали среди гостей, и всѣхъ батюшекъ точно колыхнуло на встрѣчу молодому, высокому священнику со странно-блѣднымъ, точно выточеннымъ изъ слоновой кости лицомъ. И съ этого неподвижнаго лица глядѣли огромные черные, широко открытые глаза пристальнымъ, немигающимъ, призрачнымъ взглядомъ: молодой священникъ былъ слѣпой. Подъ-руку съ нимъ, — не то лаская его своимъ прикосновеніемъ, не то указывая ему дорогу въ вѣчныхъ потемкахъ,—

шла прелестная тоненькая и высокая женщина съ тяжелой косой, которую она словно съ усиліемъ держала на головѣ, склоняя низко на грудь свое юное лицо въ гладкой дѣвичьей прическѣ. И широкія складки сѣраго платья не могли скрыть, что молодая женщина скоро будетъ матерью.

— Кто это?—заинтересованно шептали гости. Это былъ миссіонеръ-проповѣдникъ. Онъ потерялъ зрѣніе на послѣднемъ курсѣ духовной академіи, и это такъ его потрясло, что онъ далъ обѣтъ всю свою жизнь посвятить на просвѣщеніе заблудшихъ. Проповѣди его пользовались широкою извѣстностью, и нѣтъ сомнѣнія, что современемъ ему открылась бы широкая дорога въ церковной іерархіи, еслибъ онъ постригся. Но судьба поставила на его дорогѣ экзальтированную дѣвочку-мечтательницу. Она услышала молодого проповѣдника, будучи еще въ институтѣ, и увѣровала, что самъ Богъ повелѣваетъ ей стать глазами для незрячаго учителя, передъ которымъ ярко горитъ солнце духовной правды.

Послѣ ужина общество раздѣлилось. Молодежь съ пріѣзжими барышнями во главѣ затѣяла танцы; а въ столовой стонъ стоялъ отъ хохота: тамъ докторъ Подгайный спорилъ съ хорошенькой женой Ивана Ѳедоровича на старую, какъ міръ, и вѣчно новую тему о тѣхъ обидахъ, которыя мужчины и женщины взаимно наносятъ другъ другу. Больница знала, что между противниками ведется флиртъ, и это подогрѣвало интересъ къ разгоравшемуся спору.

— Въ сущности,—говорилъ Константинъ Михайловичъ,—вы, женщины, тоже очень не прочь посквернословить на нашъ счетъ. Вся разница только въ томъ, что мы сквернословимъ о горничныхъ, легковѣсныхъ дѣвицахъ и чужихъ женахъ, а вы—о собственныхъ мужьяхъ.

— О! Такое противорѣчіе легко объяснить,—отвѣтила Марья Николаевна:—у насъ выборъ не такъ богатъ. Въ то время, какъ вы, обзаведясь собственными женами, оставляете въ своемъ пользованіи и сосѣдскихъ, и горничныхъ, и всѣ другія разновидности,—у насъ, бѣдныхъ женщинъ,—нѣтъ ни лакеевъ, ни спеціально-легковѣсныхъ мужчинъ... Мы говоримъ только о томъ, что̀ знаемъ, и, скрѣпя сердце, ограничиваемъ свою любознательность.

— Сгода! Сгода! какъ говорятъ поляки,—вмѣшался Романъ Николаевичъ. Вотъ, я беру Св. Писаніе, и пусть текстъ, какой откроется, рѣшитъ вашъ споръ. Итакъ, слушайте!

Онъ развернулъ книгу, лежавшую на угольникѣ, и прочи-

талъ: „Авраамъ—роди Исаака, Исаакъ—роди Іакова, Іаковъ роди Іуду и братію его“... Господа мужчины! Разумѣйте и покоряйтеся! Что̀ бы вы стали дѣлать, еслибы васъ и теперь заставили родить и Іуду и братію его, какъ бывало въ старое время,— о чемъ свидѣтельствуетъ священное писаніе...

Неожиданность вывода на мгновеніе ошеломила спорящихъ, но черезъ минуту новый взрывъ хохота заглушилъ упавшій споръ.

— Ура! Браво! Марья Николаевна! ваша взяла!

Только двѣ пары не принимали участія въ общемъ весельи: въ опустѣвшей передней у открытаго окна сидѣла Марина Васильевна и слушала горячую рѣчь Томашевича. — Это — самая крайняя степень паденія женщины!.. И прикрываться именемъ дѣтей — значитъ дѣлать ихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, отвѣтственными за собственную трусость. Такъ взяточники дѣлали: брали „ребятишкамъ на молочишко“, чтобы этимъ краденымъ молочишкомъ выпоить такихъ же воровъ, какъ они сами...—И въ рѣчи его слышалось горячее убѣжденіе и затаенная страсть къ молчавшей, замершей въ тоскѣ, женщинѣ.

А въ углу батюшкина кабинета о. Анѳимъ передавалъ свои пастырскія тревоги молодому проповѣднику.

— Постарайтесь только, — закончилъ Розентовскій тихую бесѣду, — чтобы слушателей было возможно больше: на эти чистыя, но суемудрствующія души иногда смѣхъ толпы вліяетъ больше, чѣмъ разумныя увѣщанія.

VIII.

Далеко въ полѣ, противъ освѣщенныхъ оконъ батюшкиной квартиры, сидѣли два мужика. Они пришли въ больницу издалека: изъ дремучихъ лѣсовъ, въ которые уходили съ Руси всѣ гонимыя вѣры, гдѣ таились онѣ въ непроходимыхъ чащахъ и болотныхъ топяхъ,—и сжигали себя въ сосновыхъ срубахъ, когда имъ не ставало мѣста на землѣ. Туда, въ эти лѣса и трясины, истомленныя скорбью по вѣрѣ истинной, дошла вѣсть о томъ, какъ одинъ человѣкъ, движимый ревностью по Богѣ, закопалъ все, что̀ есть у человѣка дорогое: мать, жену, сына. И вѣсть эта, словно солнечнымъ лучомъ, освѣтила лѣсную чащу: „Не до конца прогнѣвили мы Господа... По скудости вѣры нашей, отнялась у насъ и послѣдняя. Но есть еще свято-отеческое благочестіе—есть, гдѣ-то далеко, въ узахъ и темницахъ, праведники,

возлюбившіе Господа". И на темныхъ лѣсныхъ сходкахъ положили, что двое изъ стариковъ пойдутъ въ эту далекую сторону, чтобы выкупить у приставниковъ и судей дерзновеннаго въ вѣрѣ учителя. Если же выкупить его не удастся, то послушаютъ наученіе его и принесутъ святыя и сильныя слова въ родные лѣса всѣмъ скорбящимъ и оскудѣвающимъ. Во всю длинную дорогу до большого города они постились и молились, готовясь къ подвигу, поруганіямъ и узамъ. Но ничего этого переносить имъ не пришлось. Какъ только вышли они изъ дремучаго лѣса и сѣли на невиданную до тѣхъ поръ чугунку, — мимо окна побѣжали свѣтлыя поляны, зеленые перелѣски, луговины вдоль широкихъ рѣкъ,—пока чугунка не привезла ихъ до большого, шумнаго города и, выбросивши на его окраинѣ, сама убѣжала въ степь. Мужики прошли городъ поперекъ, и на другомъ его краю, среди чистаго поля, увидѣли больницу-тюрьму, гдѣ былъ тотъ, кого они искали. Тутъ, въ придорожной канавѣ, они сняли лапти, выкатали изъ онучъ и оборокъ закатанныя въ нихъ ассигнаціи и прикинули въ умахъ, кому сколько придется дать за выкупъ. Но въ больницѣ никого подкупать не пришлось. День былъ пріемный, и свиданія разрѣшались всѣмъ. Было рано. Въ больничныхъ сѣняхъ, кромѣ нихъ, ожидала дежурнаго доктора старая еврейка съ бритою головою и съ глазами круглыми и мертвыми, какъ у замученнаго совенка. Швейцаръ допытывался, что̀ ей надо, а она,—прожившая шестьдесятъ лѣтъ въ русской деревнѣ,—не понимала русской рѣчи и только жалобно причитала.

Пришелъ докторъ Томашевичъ, заговорилъ со старухой по-еврейски и велѣлъ швейцару увести ее куда-то дальше по коридору.

— Вы, старики, къ кому?

Они переглянулись и, молча, оба разомъ, рухнули доктору въ ноги.

— Ваше пріасходительство! Заставьте вѣкъ Бога молить,— на часокъ на единый допустить прикажите...

— Скажите толкомъ, кого вамъ надо?

— Отъ людей слышали... Хварбованый Евтихѐй, сталъ-быть, тутъ содержувается...

— Вы ему родственники, что̀-ли?

Долго старики глядѣли въ глаза другъ другу, и, наконецъ, старшій, сухой, высокій, съ бѣлою бородою и лысымъ, острымъ черепомъ, угрюмо и рѣшительно сказалъ:

— Нѣ! Мы—по своему дѣлу: насчетъ вѣры, значитъ.

— Вотъ оно что̀! Вы—старообрядцы... Извольте,—идите.

Только ничего онъ вамъ не скажетъ. Булку, коли принесли, съѣстъ; а въ вѣрѣ самъ онъ меньше вашего разумѣетъ.

— Батюшка! господинъ докторъ, какъ же ёнъ не разумѣетъ, коли и мать-родительницу, и свою бабу, да еще съ робенкомъ...— горячо заговорилъ рыжій, вихрастый мужикъ.

— Полно тебѣ врать! — одернулъ его за полу старшій. — Ихъ пріасходительство, сталъ-быть, лучше тебя знаютъ.

— Ага! старикъ, испугался, что къ Фарбованому не пущу. Пущу! — всласть налюбуешься. А какъ онъ мать закапывалъ, сейчасъ тебѣ разскажу. У васъ въ деревнѣ дурачокъ есть?

— У насъ — нѣ! Господь миловалъ... а у Стреневѣ, у приходѣ былъ. Перво за дѣвками да бабами гонялся, а потомъ, того, церкву спалилъ.

— Ну, вотъ... Если такому дурачку дать лопату въ руки да сказать: „зарой жену — пряника дамъ“... Закопаетъ онъ, аль нѣтъ?

— Знамо, закопаетъ, для-ча не закопать! Дураку все единственно.

— Ну, и вашему Фарбованому все единственно.

Мужики молчали, какъ бы понимая, что доктору, по обязанности службы, надо врать.

Но то, что они увидѣли въ отдѣленіи, было страшнѣе всѣхъ ужасовъ, какіе нарисовали, въ дорогѣ, ихъ дикія лѣсныя мысли: передъ ними сидѣлъ непомѣрно толстый, грузный человѣкъ съ оплывшимъ жирнымъ лицомъ, на которомъ, не переставая, двигались отвислыя, вывороченныя, блѣдныя губы. Онъ жевалъ хлѣбъ, сахаръ, булку; жевалъ бумажку, въ которую она была завернута; жевалъ конецъ своего больничнаго халата, полы котораго висѣли мокрыми, изжеванными лохмотьями. Они говорили о вѣрѣ, а на огромномъ жирномъ лицѣ не теплилось ни тѣни мысли, и оно зажигалось звѣриною жадностью только когда въ руку его совали новый кусокъ съѣдобнаго.

— И чего вы съ нимъ возитесь! — сказалъ, наконецъ, надзиратель. — Безсловесному скоту подобенъ: сами видите — жвачку жуетъ.

И они вышли... Идти было больше некуда, и нельзя имъ было вернуться въ дикую лѣсную чащу, которая послала ихъ за правдой. И какъ бродячая собака, выгнанная изъ-подъ послѣдняго тына, все еще жмется къ этому тыну, такъ они до самаго вечера бродили около больницы. Швейцаръ сбросилъ ихъ полосатыя котомки съ параднаго подъѣзда; они смиренно подобрали ихъ и сѣли на батюшкиномъ крыльцѣ. А когда отсюда ихъ про-

гналъ смотритель,—они примостились въ углу рабочаго двора, подъ недостроеннымъ сараемъ. Но Готфридъ Ѳедоровичъ и тамъ ихъ запримѣтилъ.

— Прочь! Прочь!—кричалъ онъ имъ изъ окна батюшкиной квартиры.

Онъ остерегалъ, что ихъ можетъ убить бревно, упавшее съ разобранной крыши, но они ничего не поняли и злобно заворчали, уходя въ поле.

Темная, тихая, безлунная ночь окутала землю туманами и росою. На небѣ, глубокомъ и черномъ, какого они не видали у себя дома, загорѣлись миріады звѣздъ и глядѣли въ безконечную, черную, пустую даль. Эта даль пугала ихъ, привыкшихъ къ тѣсному, загороженному соснами, небу родного лѣса. И вмѣстѣ со страхомъ безконечная тоска и отчаяніе вливались въ ихъ усталыя души.

— Миръ вамъ!

Мужики дрогнули и оглянулись: по другую сторону канавы передъ ними стоялъ высокій человѣкъ съ лопатою на плечѣ.

— Что, старички, скучаете?—сказалъ онъ и сѣлъ на бугорокъ, спустивши ноги въ канаву. И они увидѣли, что это—человѣкъ, идущій домой съ работы.

— Не тутошніе мы, дальніе,—угрюмо отозвался старшій.

— Слыхалъ! Къ Фарбованому приходили?

— А ты нѣшто его знаешь?

— Еще бъ мнѣ не знать! Два года въ одномъ отдѣленіи выжили.

— Доктора спортили?—живо спросилъ рыжій мужикъ, подползая на колѣняхъ къ самому краю канавы и оглядываясь назадъ, въ черную пустоту.

— Никто не портилъ. Такъ ему Богъ далъ: родомъ припадочный онъ. Докторъ по-ученому называетъ „епилепцыя", а по нашему—болѣзнь черная зовется: накатитъ на человѣка и сейчасъ его объ землю вдаритъ. Черный весь, и изъ рота—пѣна... съ сукровицей бываетъ. Накрыть чѣмъ чернымъ... полежитъ и снову отдышется... Только разъ отъ разу разумъ слабнетъ.

— Може, какъ онъ „дѣло" издѣлалъ, въ ёмъ еще какое понятіе было?

— Гдѣ жъ понятіе было, когда такого грѣха не побоялся: мать родная, сынъ... младенецъ...

— А ежели по вѣрѣ? для души спасенія? Чтобы отъ „печати" ослобонить?

— Печать антихристова на душу кладется. А тѣло наше—

та жъ одёжа: дунулъ духъ Господень—и нѣтъ его, „и къ тому не найдетъ мѣста своего“. Не тѣломъ поклонитеся Господу.

— Чѣмъ же, милый?!

— Духомъ и истиною...

И началась тихая бесѣда о вѣрѣ—о той утраченной, желанной, единой, которую передали издревле святѣйшіе патріархи, которая таилась въ лѣсныхъ трущобахъ, которая оскудѣла,—чтобы возстать въ силѣ и славѣ.

Разсвѣло. Солнце глянуло изъ-за края земли. Отъ батюшкина крыльца тронулся покойный тарантасъ, запряженный парой вороныхъ коней: о. Гавріилъ торопился домой къ служенью.

Долго крестился старый священникъ на восходящее солнце, и его сухія, скорбныя губы шептали: „Іисусе! Солнце правды! да возсіяетъ свѣтъ Твой намъ, сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной!“

И чудилась ему далекая снѣжная равнина и одинокая юрта, окутанная мракомъ безразсвѣтной трехмѣсячной ночи... и по щекамъ его катились старческія, безнадежныя слезы.

А въ противоположную сторону отъ больницы двигались два человѣка съ котомками на плечахъ, и впереди нихъ бѣжали длинныя, прямыя тѣни, точно указывая имъ дорогу.

Поровнявшись съ подъѣздомъ больницы, они увидѣли высокаго человѣка, который разметалъ песокъ на дорожкахъ. Онъ не оглянулся и они его не окликнули.

А когда отошли далеко, и человѣкъ съ метлою потонулъ въ облакѣ золотистой пыли, они стали на колѣни, перекрестились на восходъ солнца и упали обнаженными головами въ придорожный песокъ.

IX.

Въ тотъ день, какъ была назначена миссіонерская бесѣда, о. Анѳимъ послѣ обѣдни сказалъ проповѣдь о волкахъ, приходящихъ къ стаду Христову въ овчихъ шкурахъ. А затѣмъ послали швейцара Георгія за Голубомъ. Но онъ, всегда вѣжливый и исполнительный, на этотъ разъ далъ посланному такой отвѣтъ:

„Мнѣ отъ миссіонера ничего не надо. А какъ ему отъ меня что́ надо,—можетъ въ мою хату прійти; мнѣ изъ нея убѣжать некуда“.

О. Анѳимъ смутился, но Розентовскій рѣшилъ не отступать передъ упорствующимъ, и оба они пошли въ темный и сырой

туннель. Съ ними шли врачи, надзиратели, дамы,—и эта толпа, идущая въ берлогу штундиста, какъ на звѣриную травлю, двигалась въ полумракѣ подвала среди еще болѣе густой, безмолвной толпы невѣдомо откуда набѣжавшаго народа. По распоряженію директора, въ комнату Голуба не пускали никого изъ простонародья, но зато передъ открытыми дверями яблоку упасть было некуда, а со двора въ подернутыя легкою изморозью окна заглядывали любопытныя головы. Онѣ застили свѣтъ, и отъ ихъ дыханія запотѣвшія стекла покрылись талыми струйками.

Дарьи не было видно: она спряталась съ „Ванькой-нéхристемъ" у кровати за пологъ, и только бѣлоголовый Васька возился въ углу у печурки, запрягая коробку изъ-подъ сардинокъ въ деревянную скамеечку, изображавшую коня. Самъ Голубъ стоялъ въ концѣ стола, опершись рукою на Библію, и изъ-подъ его локтя острыми и злыми глазами смотрѣла на вошедшихъ Настя.

Розентовскій помѣстился по другую сторону стола; по правую его руку сѣлъ о. Анѳимъ, по лѣвую — жена, съ большой славянской Библіей въ рукахъ, изъ которой пестрой бахромой свѣшивались разноцвѣтныя закладки.

— Миръ вамъ!—сказалъ Розентовскій.

— Миръ вашъ да къ вамъ возвратится! — отвѣтилъ штундистъ, — и собесѣдованіе началось. Миссіонеръ говорилъ ровнымъ, увѣреннымъ, спокойнымъ голосомъ, время отъ времени ссылаясь на тексты, и тогда жена его разгибала книгу, и о. Анѳимъ читалъ указанные стихи.

Голубъ слушалъ и не возражалъ ни слова. Вдругъ все лицо его дрогнуло, загорѣлось краской и съ устъ его потокомъ полились слова. Это была малопонятная, полуславянская, полумалорусская рѣчь, въ которой безъ порядка и связи мелькали тексты.

Книги онъ не раскрывалъ, и, быть можетъ, многое было имъ перепутано и искажено изъ св. словъ.

— Прекратить бы! — просительно шепнулъ о. Анѳимъ, но Розентовскій только молча отмахнулся рукою. Говорили о постѣ. Воспользовавшись короткимъ перерывомъ въ рѣчи Голуба, о. Анѳимъ началъ читать текстъ:

„Пища не приближаетъ насъ къ Богу".

— Не съ той строки! — гнѣвно и громко шепнулъ миссіонеръ.

Но въ это время одно изъ оконныхъ стеколъ не выдержало напора, и осколки стекла, разбитаго вдребезги, посыпались въ комнату вмѣстѣ съ ворвавшимися клубами морознаго бѣлаго пара...

X.

Вечеромъ этого дня въ кабинетѣ о. Анѳима сидѣли хозяинъ и миссіонеръ. О. Анѳимъ чувствовалъ себя виноватымъ, убитымъ, на вѣки опозореннымъ.

Онъ отписывалъ о своей малой паствѣ, что „все благополучно", когда на глазахъ у него выросло цѣлое еретическое гнѣздо.

По распоряженію директора, весь день прошелъ въ строжайшихъ дознаніяхъ, которыя, однако, ничего не выяснили. Въ исповѣдныхъ книгахъ значилось, что все наличное населеніе больницы было у исповѣди и св. причащенія. Обходъ квартиръ по всѣмъ туннелямъ удостовѣрилъ, что въ святомъ углу повсюду стояли иконы и по случаю праздника передъ ними теплились лампадки. Никто не могъ указать на какія-либо сходбища у Голуба, и единственный человѣкъ, свидѣтельствовавшій противъ него, — Карпей-почтарь, разсказалъ, что Голубъ училъ не почитать праздники, говоря ему, Карпею, многократно:

„Съ бабою въ праздникъ баловаться грѣхъ, а землю копать не грѣхъ".

Подозрительными показались и еще два случая, приведенные тѣмъ же свидѣтелемъ: двумъ служителямъ штундистъ деньги давалъ,—одному на свадьбу десять рублей, другому на сапоги — четыре съ полтиной.

— Не иначе, какъ въ вѣру свою поганую сманивалъ,—дѣлалъ догадку Карпей, а о. Анѳимъ вздыхалъ и записывалъ. Вотъ и всѣ улики: очевидно, на лицо имѣется сплоченная, опытная и солидная община...

— Отецъ Анѳимъ! — отозвался миссіонеръ послѣ долгаго молчанія.

— Что угодно, Сергѣй Ѳедоровичъ?—заискивающе спросилъ батюшка.

— А старшія его дѣти крещены?

— Само собою!

— Вотъ на что надо обратить вниманіе! Они, вѣдь, погибаютъ въ рукахъ еретиковъ-родителей.

— Такъ неужто-жъ можно?..—испуганно сказалъ батюшка.— Но вопросъ остался недоконченнымъ.

— Временная разлука—ничто въ сравненіи съ вѣчнымъ мученіемъ,—отвѣтилъ миссіонеръ, и тусклое лицо его окончательно окостенѣло.

Съ этого дня Голубъ пересталъ работать. Онъ началъ открыто учить „новой“ вѣрѣ, и его препроводили въ острогъ. Дѣло его не было еще прекращено, и, какъ находящееся въ производствѣ, оно было назначено къ слушанію въ первую же сессію окружнаго суда. Доктора больницы приняли живое участіе въ своемъ бывшемъ паціентѣ; мѣстные юристы предложили ему свою защиту безвозмездно; но онъ рѣшительно отказался; и на судѣ, когда ему было предоставлено послѣднее слово, сказалъ только:

— У каждаго изъ васъ мать была. На Божію милость не разлучайте моихъ дѣтей отъ матери, а надо мною да будетъ Его святая воля!

Судъ приговорилъ выслать Голуба на Кавказъ, въ мѣста поселенія его единовѣрцевъ, а объ отнятіи дѣтей даже и рѣчи не было.

XI.

Марина Васильевна не знала ничего изъ волновавшихъ больницу событій; поздняя осень застала ее у кроватокъ двухъ старшихъ мальчиковъ, заболѣвшихъ скарлатиной. По распоряженію директора, была устроена строжайшая изоляція. Квартиру раздѣлили на двѣ не сообщающіяся половины. Утромъ изъ города пріѣзжалъ дѣтскій врачъ, говорилъ нѣсколько минутъ утѣшительныя, но ничего не обѣщающія слова и исчезалъ до слѣдующаго дня. И дни проходили безнадежные и хлопотливые, смѣнявшіеся безсонными ночами, полными смертельнаго страха и отчаянія. Иногда днемъ слышался звонокъ: это въ сѣни приносили съ той половины дома обѣдъ и чай. А ночью, когда всѣ въ больницѣ спали, и больныя дѣти затихали въ предутреннемъ снѣ, она выносила ведро съ карболкой далеко въ поле, чтобы вылить его въ канаву... Изъ буйныхъ отдѣленій неслись крики, заглушенные зимними рамами, и казались таинственными и страшными. А въ серебристой морозной дали между землею и мѣсяцемъ стлался бѣлый, непроглядный туманъ... Иногда, когда дѣти спали, она приникала ухомъ къ наглухо заклеенной двери и напряженно прислушивалась. Тамъ слышался смѣхъ,—и она ревниво думала, что тамъ смѣется женщина. Иногда плакалъ маленькій, и ей казалось, что онъ тамъ одинъ, покинутый всѣми. И сама она начинала плакать безсильными слезами одинокаго, брошеннаго существа.

Потомъ все, что было около больныхъ дѣтей, сложили въ полѣ въ высокій костеръ и сожгли. Поодаль стояли туннельныя

ребятишки и съ жадною завистью смотрѣли, какъ горятъ книжки съ картинками, и куклы въ красныхъ платьяхъ, и лошадки съ мочальными хвостами... Квартиру дезинфицировали, столовую вымазали бѣлой известкой, — семью соединили, а пропасть, разъединившая двѣ человѣческія души, стала еще глубже и непереходимѣе.

Послѣ Рождества у Марины Васильевны родилась дѣвочка, и жизнь этого ребенка встала стѣной между родителями. Константинъ Михайловичъ не могъ понять болѣзненной фанатической жажды материнства... Разъ Марина Васильевна видѣла водевиль, передѣланный съ французскаго: за сценой совершается великая тайна рожденія, а на сценѣ отецъ человѣка, грядущаго въ міръ, ухаживаетъ за разбитной повитушкой. Впечатлѣніе было отвратительное: словно кто-то оклеветалъ и изгадилъ человѣческую природу. Но французъ не клеветалъ: теперь она сама лежала обезсиленная перенесенными муками, а за стѣною отецъ ея дитяти хохоталъ съ молоденькой акушеркой, надзирательницей больныхъ.

— Да, вѣдь, она была прехорошенькая!—слышится его снисходительный голосъ...

О комъ это онъ?

— И коса какая чудесная,—до пояса,—говоритъ надзирательница.

Это—о ней: тамъ на столѣ—ея карточка, она снята съ мамой, съ Лизой... теперь обѣихъ нѣтъ, — обѣ умерли. Но какъ онъ смѣетъ!—И она не выдержала... Позвала его, о чемъ-то говорила, въ чемъ-то упрекала... Мужъ тоже вышелъ изъ себя... Была одна изъ гадкихъ сценъ, которыя переживаются въ семьяхъ „при закрытыхъ дверяхъ".

Потомъ настала болѣзнь. И одинъ и тотъ же мучительный бредъ преслѣдовалъ ея горячечное воображеніе: ей видѣлись сѣрые люди-кули. Горы сѣрыхъ мѣшковъ съ хлѣбомъ видѣла она когда-то вдоль линій желѣзныхъ дорогъ. Безумные люди въ такихъ же сѣрыхъ халатахъ проходили мимо нея по больничнымъ корридорамъ.

Теперь въ ея бреду эти люди-кули слились въ одно и двигались несмѣтной, нѣмой, безвольной толпой мимо нея все въ одну сторону, и молча сваливались въ огромную черную яму... Смотрѣть на это было страшно, и отъ ужаса она кричала... Теперь болѣзнь прошла. Молодую женщину охватывало невыразимо сладкое чувство физическаго благополучія... Шторы спущены. Вся комната полна бѣлаго, мягкаго, ровнаго свѣта. Плечи

ушли въ теплыя подушки, и каждый нервъ въ этихъ округлившихся плечахъ и въ упругой, налитой молокомъ, груди чувствуетъ необъятную радость жизни. А у груди, завернутая въ бѣлый тюфячокъ, спитъ дѣвочка... Дѣвочка! — одинокое, беззащитное существо! Жизнь научитъ тебя только одному: любить отца, братьевъ, каждую былинку... Потомъ станутъ просить твоей любви, ждать, требовать... А когда ты полюбишь, тебя бросятъ, какъ ненужную, использованную вещь.—„Я съ тобой, я всегда съ тобою!“ — прошептала молодая мать и припала губами къ влажному лобику ребенка... И если тамъ, на огородныхъ межахъ, или среди поля подъ зимними туманами, ей чудилась порою воля, достоинство женщины, человѣческія права,—то теперь надъ этой безпомощной головкой все ушло, уступивъ мѣсто безконечной жалости къ дочери, къ себѣ самой, къ женской долѣ.

Ножами я не рѣзана,
Иголками не колота,
Веревками не вязана...
Какого жъ счастья вамъ?

Вдругъ до нея долетѣлъ плачущій женскій голосъ.

— Кто тамъ у васъ?—спросила Марина Васильевна, когда на ея звонокъ вошла няня-Марійка.

— Голубиха Одарка третій разъ приходитъ. До васъ просится. А пускать панъ не казалъ.

— Позови сейчасъ сюда: я здорова.

Еслибы Марина Васильевна не знала, кто войдетъ на ея зовъ, она не сразу признала бы въ истомленной, блѣдной женщинѣ круглоликую Одарку. Щеки у нея отвисли желтыми, дряблыми мѣшками и дрожали, какъ у лягавой собаки на стойкѣ.

— Барынька-голубонька! — закричала она съ порога:—хоть вы на насъ, бѣдныхъ, оглянитесь!.. Какая же это цѣна — два рубля перезимованный улей! Муха одного сахару на пять рублей съѣла...

— Дарья! милая... Успокойтесь... Я ничего не понимаю,— просила Марина Васильевна, поднося руку къ головѣ, гдѣ опять почуялась въ затылкѣ тупая, мучительная, не покидавшая ее во все время болѣзни боль.

Дарья разсказала, что ей приходится спѣшно распродавать имущество, чтобы приготовиться къ отъѣзду съ первою партіей ссыльныхъ, въ которой пойдетъ Зиновій. А главное имущество— пасѣку въ пять ульевъ—за безцѣнокъ хочетъ купить больничная экономка. — Сами вы, барынька-голубонька, знаете: она, никономка—директорская“. Прòти ней не то купить,—приступиться

никто не посмѣетъ. Огляньтесь хоть вы на насъ,—скажите, что „мой“ самъ вамъ продалъ.

Съ тревогой ожидала Марина Васильевна прихода мужа, чтобы упросить его купить Дарьину пасѣку.

Но съ перваго же слова она уже по лицу Константина Михайловича видѣла, что онъ не согласится.

— Я понимаю, какъ врачъ, что ты больна, а у нервнобольныхъ бываютъ разные капризы. Но будь настолько благоразумна, чтобы не портить окончательно моихъ служебныхъ отношеній. Тебя и такъ здѣсь считаютъ какой-то юродивой... И я тебѣ не мѣшаю! Бѣгай съ Томашевичемъ по огороду, пей чай съ дворниками... только и мнѣ не мѣшай жить нормальною жизнью, какъ всѣ люди живутъ. А чтобы помочь Голубу — на́ тебѣ деньги... Я даю послѣднія“.

Онъ положилъ на столикъ у кровати маленькую золотую монетку, и Марина Васильевна схватила и спрятала ее подъ подушку, точно боясь, что у нея отнимутъ.

А въ тотъ день, когда она въ первый разъ послѣ болѣзни вышла изъ дому, — на пчельникѣ у экономки собралась вся больница праздновать „маёвку“. Ульи стояли подъ молодыми, только-что посажеными яблонками; для защиты отъ вѣтра и солнца кругомъ пасѣки устроили изгородь изъ столбовъ и соломенныхъ матъ. Гости, сидѣвшіе на разостланныхъ по землѣ коврахъ, пили и смѣялись,—а батюшка, захвативъ подрясникъ въ колѣни, перебѣгалъ отъ улья къ улью, чтобы заглянуть, хорошо ли прилажены летки.

Огородъ доктора Подгайнаго, только-что поднятый подъ новый посѣвъ, желтѣлъ комьями жирнаго суглинка. Въ дальнемъ углу надъ обрывомъ чуть зеленѣли молодыя, посаженныя съ осени деревца: бѣлыя акаціи съ круглыми, прозрачными, точно стеклянныя бусы, листочками,—клейкій, пахучій тополь, — яблонки, на вѣткахъ которыхъ краснѣлъ розовый цвѣтъ. Но цвѣсти имъ нельзя: деревцо погибнетъ, если дастъ плодъ. И она обрывала красныя, круглыя почки, а въ ея глазахъ стояли слезы. Оба сосѣдніе огорода лежали пустырями: по огороду Голуба бродили коровы, а вокругъ зеленаго амшаника толпились подвальныя дѣти и скатывались съ него съ громкимъ хохотомъ, сверкая на солнцѣ голыми, блѣдными, не успѣвшими загорѣть руками и ногами.

Томашевича въ больницѣ не было...

Онъ вернулся на нѣсколько дней, чтобы получить отставку и проститься съ сослуживцами. Проводы его были веселые. Первый разъ въ квартиру одинокаго доктора-чудака пришли люди,

прожившіе съ нимъ два года и не знавшіе ни его самого, ни его домашней жизни. И странное впечатлѣніе производили на нихъ почти пустыя комнаты докторской квартиры, занятыя незнакомыми предметами: здѣсь были саженныя лыжи, невиданныя на этой безснѣжной окраинѣ; лодка-каякъ, съ придѣланными къ ней вязовыми колесцами; медицинскія принадлежности, необходимыя при уходѣ за слабыми больными... и все это сработано собственными руками жившаго особнякомъ доктора. Онъ дарилъ гостямъ, что̀ кому нравилось, и, сразу захмелѣвши съ непривычки къ вину, болталъ безъ умолку.

— Вотъ и конецъ! Вотъ и баста! Закрываю медицинскую лавочку. Продавать врачеванье,—это та-жъ симонія: продажа благодати; покупающій въ нее не вѣритъ, а продающій стыдится. Кончилось мое дипломное рабство!

— Развѣ и отъ частной практики откажетесь?

— Отъ практики откажусь, а лечить буду, только такъ, своимъ средствомъ: зелья поищу въ лѣсу да въ болотѣ.

— Ну, а taxa laborum?

— Отрицаю! Пойду въ болото зелье искать и буду его варить въ своей берлогѣ.

— А берлогу гдѣ себѣ уготовали?

— Еще невѣдомо: какъ приблудные цари въ древности,— пущу впереди себя корову, собаку или какого ни есть скота,— и гдѣ онъ на отдыхъ ляжетъ,—тамъ и мнѣ отдыхъ!.. Я его заслужилъ!.. Я пятнадцать лѣтъ не покладая рукъ работалъ. Я проживалъ по двѣсти рублей въ годъ... Знаете ли вы, господа, какая это жизнь! Я самъ шилъ себѣ пиджакъ,—а тысячу рублей въ годъ откладывалъ, чтобы купить имѣніе... т.-е. не имѣніе, а свободу... Вы слышите, какъ звучитъ это слово „свобода"?.. Нѣтъ! Вы не можете: вы не слышали, какъ ржавый засовъ скрипитъ...

— Какой засовъ?

— Тамъ, далеко! Я, вѣдь, родился въ пересыльной тюрьмѣ: мать шла за отцомъ въ Нерчинскъ... Это былъ 63-й годъ. Въ Нерчинскѣ она пироги пекла и колбасу съ кашей тоже... жарила.—Ну, каждое утро мы съ ней къ тюрьмѣ шли. И засовъ скрипѣлъ... У матери разбирали ея товаръ, а на мою голову ложились заскорузлыя ласковыя руки, и маленькаго Іоську передавали съ плеча на плечо, пока онъ не доходилъ до высокаго блѣднаго человѣка... Да! У моего отца было прекрасное лицо! Такія лица природа творитъ, когда нужна жертва за грѣхъ міра... Ну, а я нѣтъ... Я ни ногами, ни посомъ не вышелъ. А

вотъ сибирскимъ плантаторомъ буду. Куплю плантацію и буду... А можетъ судьба мнѣ и каторжаночку пошлетъ.

— Ну, не высока же ваша мечта!..

— Недосягаема, — какъ и всякая мечта. А я вотъ что надумалъ:—эпически женюсь! Возьму, пущу стрѣлу,—и куда она попадетъ...

— А если въ болото?

— И всенепремѣнно въ болото... При всякой женитьбѣ такъ полагается...

Всѣ разошлись. Въ темныхъ сѣняхъ хозяинъ прощался съ женою доктора Подгайнаго.

— А грабельки эти я нарочно для васъ приберегъ: видите — изъ цѣльной полосы и зубья винтомъ загнуты... Хорошо рядовой посѣвъ дѣлать, — петрушку, морковь... Лукъ рыхлить... молодой пока... пока перо не подымется...

Онъ чувствовалъ, что говорить больше не о чемъ, и, взявъ ея холодныя, дрожащія руки, закрылъ ими глаза, и сквозь тонкіе ея пальцы текли слезы печальнаго, одинокаго, захмелѣвшаго человѣка.

XII.

Дарья Голубова со дня на день ждала отправки. У нея отняли комнату, но, боясь истратить лишній грошъ, она ютилась по темнымъ угламъ туннеля, около калориферовъ, стараясь не попадаться на глаза больничному начальству. Только Настя, похудѣвшая, всклокоченная, съ лицомъ, почернѣвшимъ отъ угольной пыли, два раза въ день приходила за обѣдомъ и ужиномъ на кухню доктора Подгайнаго и на всѣ вопросы объ отцѣ угрюмо твердила: „У мучителей въ темницѣ“.

Разъ утромъ, въ концѣ мая, Марійка, пришедшая взять дѣвочку, сказала:—Одарка прощаться приходила. Ото голосила! Такъ ее полицейскій подъ руки и ведетъ...

— Куда ведетъ?..

— Въ острогъ. Сегодня выгоняютъ...

— Выгоняютъ! Какъ скотину...—Марина Васильевна соскочила съ кровати и заметалась по комнатѣ, сваливая безъ толку въ узелъ все, что попалось подъ руку: свою кофточку, дѣтскіе сапожки, булку со стола. Она чувствовала, что ей надо быть тамъ, на другомъ концѣ города, около тѣхъ, кого выгоняютъ... До острога было нѣсколько верстъ. А извозчика можно встрѣтить только въ городѣ. Она почти бѣжала по пѣшеходной тропинкѣ

у канавы, когда за нею послышалась одноколка, въ которой ѣхалъ Карпей-почтарь. Ѣздить въ его телѣжкѣ кому бы то ни было запрещалось; но теперь было не до директорскихъ запрещеній. Молодая женщина перебѣжала на дорогу и заговорила:

— Карпей! пожалуйста... я заплачу... мнѣ только до извозчика.

— Мнѣ что-жъ! — угрюмо сказалъ Карпей, косясь на барынинъ узелъ и давая ей мѣсто на сидѣньи.

Лошадь побѣжала шибко. За телѣжкой лѣниво курилась прибитая росою пыль.

Марина Васильевна смотрѣла на сердитое, отвернувшееся отъ нея лицо своего возницы и чувствовала, что она глубоко, до боли ненавидитъ этого бѣлёсаго человѣка-звѣря.

„Тьма... власть тьмы"... — мелькало у нея въ головѣ, и тутъ же съ безпощадною силою выросла ясная мысль: „А бѣшеныхъ собакъ изъ-за угла бьютъ". И Карпей словно почувствовалъ тяжелый, ненавидящій взглядъ барыни:

— Извозчикъ Левонъ выѣзжаетъ, — сказалъ онъ, тыча кнутовищемъ въ ближайшій переулокъ.

Ворота острога были широко открыты. Далеко впереди слышался перезвонъ кандаловъ и сливался въ странную, звенящую, надрывающую душу мелодію, въ которую острыми иглами вонзались дикіе крики голосившихъ бабъ. За острогомъ на площади собирался базаръ и на узенькомъ мостикѣ между площадью и проѣзжей дорогой перепутались возы арестантской партіи и базарнаго люда. Возы, лошади, дуги и налыгачи мелькали въ общей путаницѣ, надъ которою носились пѣвучая малорусская рѣчь и тяжелая россійская брань. И среди этой толпы на высокомъ возу Марина Васильевна увидѣла строгое и гнѣвное лицо Голубовой Насти, — и бросилась туда. Она что-то обѣщала, о чемъ-то просила, обнимала дѣтей. И вдругъ, снявъ съ себя крестъ на цѣпочкѣ, торопливо надѣла его на шею „Ванькѣ-нехристю": — „Носи! хорошій будь... на отца будь похожъ!" — шептала она, крестя ребенка.

Передъ ней выросъ офицеръ въ конвойной формѣ.

— Извините, сударыня! Безъ особаго разрѣшенія свиданія съ партіей не разрѣшаются, — сказалъ онъ вѣжливо и рѣшительно. И возы двинулись по дорогѣ за замиравшимъ вдали кандальнымъ звономъ...

XIII.

Жизнь въ больницѣ пошла обычнымъ чередомъ. О штундистѣ забыли. Только Карпей, лишенный своего воскреснаго развлеченія, все чаще напивался до пьянаго бѣшенства, ища въ водкѣ сна и забвенія. Доведя себя до безумнаго раздраженія, онъ таскалъ за косы свою бабу, вымещая на ней нанесенныя когда-то ему обиды, и выкрикивалъ: „Кайся, еретичка, кайся, штунда проклятая! Знаю, что ты перешла въ ихнюю змѣиную вѣру".

Но баба не каялась, а только выла, а потомъ хрипѣла... И разъ послѣ побоевъ она въ углу родила маленькаго, жалобно пищавшаго мальчика.

Батюшка окрестилъ его Ѳеодоромъ, а Карпею сказалъ, что не допуститъ его до причастія, если онъ не перестанетъ увѣчить жену... Съ этого дня баба перестала по праздникамъ выть; но зато до батюшки дошли богохульныя и нелѣпыя Карпеевы рѣчи... И неизвѣстно, чѣмъ бы онѣ кончились, еслибы не одинъ случай, послужившій причиною удаленія Карпея изъ больницы. Разъ на разсвѣтѣ онъ столкнулся съ директоромъ въ корридорѣ служебнаго корпуса.

— Ты откуда это?!—грозно крикнулъ на него директоръ.

— Оттуда, откуда и ты,—нагло отвѣтилъ почтарь.

— Какъ ты смѣешь?!—но вмѣсто крика у директора вырвался хрипъ:—Я тебя...

— Ни ты меня, ни я тебя... Не отъ *твоей* иду,—отъ своей.

На эту сцену изъ своей квартиры выглянулъ смотритель, и Карпей, смѣтивъ, что при свидѣтеляхъ съ директоромъ браниться опасно, мигомъ прикинулся пьянымъ: заплелъ нога за ногу и пошелъ тыкаться носомъ въ стѣны. Но хитрость не помогла. И въ тотъ же день швейцаръ Георгій былъ возвышенъ въ званіе почтаря, а Карпей разсчитанъ, при чемъ изъ его жалованья казна удержала за всю разбитую имъ при перевозкѣ изъ города посуду, за всѣ потерянныя лошадью подковы,—за каждый порванный ремень въ сбруѣ. Всю ночь онъ пилъ. Но желаннаго хмеля не было... Небо за рѣкою потемнѣло и на немъ сверкала одинокая, большая звѣзда: разсвѣтетъ скоро. Карпей вылѣзъ изъ окна, перебѣжалъ длинною черною тѣнью черезъ дорогу и исчезъ въ высокой кукурузѣ на огородахъ. Онъ бѣжалъ согнувшись, и свѣтлое пятно его рубахи то мелькало въ

темной картофельной ботвѣ, то опять пропадало подъ высокимъ кукурузникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ пронзительный и жалобный сигнальный свистокъ разбудилъ всю больницу: среди огородовъ ровнымъ прямымъ столбомъ взвилось яркое пламя, развѣвая по вѣтру длинное знамя чернаго дыма, въ которомъ неслись миріады вспыхивающихъ и гаснущихъ искръ. Въ отдѣленіяхъ больные заметались отъ обуявшаго ихъ ужаса; врачи, растерянные, полуодѣтые, бросились въ больничные корридоры, останавливая безпорядочно бѣгущихъ служанокъ и служителей. Большой бѣды пожаръ, впрочемъ, не сдѣлалъ. Убытокъ отнесли на счетъ казны, такъ какъ оказалось, что пасѣка была собственно казенная, пріобрѣтенная для опытовъ пчеловодства. Виноватаго въ поджогѣ не разыскивали: мѣсто было бойкое, а солома матеріалъ горючій, — кто-нибудь нечаянно спичку кинулъ. И Карпей съ плачущей бабой и жалобно пищавшимъ ребенкомъ канулъ въ необъятное человѣческое море, унося съ собою свои мятежныя рѣчи.

Широкій пустырь надъ Веселкой покрылся молодымъ садомъ. Могучая южная земля выростила бѣлую акацію и стройный тополь, которые до оконъ прикрыли унылыя, голыя стѣны больницы. Весною и лѣтомъ они посылали въ эти окна свой ароматъ, а въ длинную осеннюю непогоду льнули къ мокрымъ стѣнамъ, точно прося у нихъ защиты отъ буйнаго, налетѣвшаго со степи вѣтра. На огородѣ доктора Подгайнаго разрослась бесѣдка изъ акацій и сирени, въ которой цѣлый день слышатся стукъ швейной машинки и дѣтскій щебетъ... Старшій мальчикъ, уже въ гимназической курточкѣ, сидя надъ обрывомъ, читаетъ сказочку Андерсена о бѣдномъ маленькомъ бѣсенкѣ-домовомъ, который съ одинаковою нѣжностью любитъ и чудную книгу пѣсенъ, и размазню со сливочнымъ масломъ... Далеко, за рѣкою послышался свистъ локомотива. Но теперь онъ не звалъ Марину Васильевну никуда: онъ ей напомнилъ только, что дѣтямъ пора молоко пить. И когда они убѣжали шумною стайкой, она сложила работу и встала. Вечернія тѣни легли за рѣкой: по лугу бѣлымъ пятномъ бродилъ запоздалый аистъ и шевелилъ носомъ стоящую болотину; у лѣса, на томъ берегу большой рѣки, прошли двѣ темныя тѣни: она узнала мужа и надзирательницу—и отвела глаза въ другую сторону. Вдругъ вѣтки сирени раздвинулись, и изъ нихъ выступила бѣлая женская фигура, — неслышно, — словно уже давно стоитъ здѣсь и ждетъ только, пока ее увидятъ.

— Что вамъ?—тревожно спросила Марина Васильевна.

— Вѣсточка къ вамъ... отъ нашихъ, съ Кавказу, — тихо сказала женщина и положила на столъ большой сѣрый четыреугольный конвертъ.

Марина Васильевна силилась вспомнить, гдѣ она видѣла эту женщину, и вдругъ передъ нею выплылъ изъ прошлаго унылый, далекій звонъ кандаловъ.

— Вы со мною Голуба провожали?—спросила она.

— Такъ именно. Тутышніе мы: мужъ на вокзалѣ слесаремъ служитъ.

И она шагнула назадъ и исчезла въ темной рамѣ кустовъ.

На краю большого листа почтовой бумаги, въ видѣ штемпеля, было изображеніе эчміадзинскаго храма, а вокругъ него надпись: „Богъ не въ рукотворномъ храмѣ живетъ". А дальше слѣдовалъ текстъ письма: „Зиновій, рабъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, привѣтствуетъ васъ съ мужемъ и дѣточками вашими, по Христу и по Духу какъ родную сестру, любовію Господа нашего Іисуса Христа. И еще извѣщаю я васъ, что живемъ мы, слава Богу, хорошо. Привелъ меня Господь къ братьямъ моимъ, больше за 500 человѣкъ тутъ было, и не имѣя себѣ учителя, избрали меня толковать Слово по силѣ моей. Да пребудетъ съ вами любовь Господня во вѣки! Братіе! съ великою радостью принимайте скорби и печали и познайте истину: истина сдѣлаетъ васъ свободными"...

Между тѣмъ, стало совсѣмъ темно... Буквы письма сливались... На небѣ одна за другою засверкали звѣзды, и отъ нихъ на землю какъ будто повѣяло всепрощеніемъ и миромъ...

С. Караскевичъ-Ющенко.

ДОВОЛЬНО!..

Недавно, словно громъ, съ общественныхъ вершинъ
За благо общее пронесся возгласъ бурный...
Но возмущенный рабъ—еще не гражданинъ;
Широкій замыселъ онъ свелъ къ заботѣ шкурной!
Возникла худшаго насилія пора:
И власть гнететъ грубѣй, чѣмъ въ прожитые годы;
И все лютѣе рать насильниковъ добра
И грозныхъ деспотовъ свободы.

Вы, люди крайніе враждующихъ сторонъ,
Невѣроятныхъ дѣлъ безумныя причины!
Вѣдь беззаконіе нельзя возвесть въ законъ,
Вѣдь судъ низвесть нельзя до бойни для скотины.
Довольно! говоримъ обѣимъ сторонамъ.
Насилій, грабежей, убійствъ не перечислить!
Ужъ всѣ убѣждены давно, что легче вамъ
Громить и убивать, чѣмъ мыслить.

Вы, люди „русскіе"! Упреки вамъ не въ томъ,
Что вы простерты ницъ предъ царственнымъ подножьемъ;
Но что смѣшали вы въ ученіи своемъ
Съ религіей кулакъ и кесарево съ Божьимъ.
Коль вы отъ русскаго устройства головы—
Враги свободъ, и правъ, и умственнаго роста—
Изъ русскихъ истинныхъ людей, о, еслибъ вы
Людьми сподобились быть просто!

Странѣ, гдѣ нѣтъ ни правъ, ни власти, ни суда,
И предъ восточною деспотіей неловко.

Притихли стачки всѣ рабочаго труда;
Лишь длится разума и чести забастовка.
Довольно! Ужасъ, кровь, безнравственности грязь...
Вотъ то, что обрѣла отчизна въ праздномъ бунтѣ.
Познайте же себя и, честно возмутясь,
На то, чѣмъ вы гордились,—плюньте!

Такъ, свято чтя завѣтъ сороковыхъ годовъ,
Людей мы, старики, старинной мѣрой мѣримъ.
Охрану мы блюдемъ гражданственныхъ основъ
И въ достиженье благъ лишь чрезъ свободу вѣримъ.
Мы независимы и никому не льстимъ.
Мы тщимся такъ служить родному намъ народу,
Чтобы добыть ему насиліемъ ничьимъ
Не оскверненную свободу.

Воспрянемъ, граждане, мышленьемъ и душой!
Настроимся честнѣй, добрѣе, выше, шире!
Пусть нами созданный отчизны новый строй
Предстанетъ навсегда благимъ явленьемъ въ мірѣ.
О, граждане! насъ ждетъ потомства приговоръ.
Онъ—не пристрастная враждующихъ расправа.
Воздастся праведно намъ всѣмъ: кому—позоръ;
Кому—признательность и слава.

Алексѣй Жемчужниковъ.

7-го декабря, 1906.
Тамбовъ.

МАНЧЖУРСКІЕ ОЧЕРКИ

Личныя наблюденія и замѣтки.

I.

...На невысокомъ холмѣ, надъ спускомъ къ ручью, тамъ, гдѣ дорога съ глубоко выбитыми колеями дѣлаетъ крутой поворотъ, стояла небольшая китайская кумирня.

Сѣрые кирпичи разнообразныхъ оттѣнковъ были сложены въ четырехгранный столбъ; конекъ сѣрой черепичной крыши изогнулся и поднялъ концы вверхъ; на углахъ извивались и гримасничали драконы.

Въ южной стѣнѣ полукруглая арка открывала внутренность святилища. Тамъ было пусто и заброшенно. Обломки кирпичей посерединѣ смутно говорили о пьедесталѣ невѣдомаго божества.

Кѣмъ воздвигнута эта кумирня, когда, зачѣмъ? Чей набожный внимательный трудъ укладывалъ камни на камни; чье возбужденное, напуганное больное воображеніе изгибало драконовъ въ страшныя причудливыя кольца; чья тихая молитва, чья робкая надежда чуть замѣтно изогнули конекъ крыши и чуть замѣтно приподняли концы его къ небу?

Чья грубая рука потомъ осквернила святилище, святотатственно унесла бога изъ уготованнаго ему жилища, разметала камни его подножія, оставивъ обломки, пыль и прахъ, и то, что ужаснѣе пустоты—запустѣніе?

Легко, беззвучно, быстрой дѣловой походкой, словно синія тѣни, проходитъ мимо вереница китайцевъ, и ни одного взгляда въ сторону кумирни, ни одного движенія, вызваннаго ею.

Имъ ее не нужно; она не вошла въ ихъ жизнь близкимъ, дорогимъ, необходимымъ звеномъ.

Кто же поставилъ эту кумирню здѣсь на холмѣ, надъ спускомъ къ ручью, здѣсь, гдѣ дорога съ глубоко выбитыми колеями дѣлаетъ крутой поворотъ; и когда онъ поставилъ?

Можетъ быть, въ тѣ далекіе дни, когда еще дышала дѣтской вѣрой эта дряхлая, застывшая, немѣняющаяся страна? Когда? Сколько вѣковъ тому назадъ?

Можетъ быть, ее построилъ и недавно тотъ одинокій мечтатель, тотъ поэтъ религіознаго созерцанія, безъ котораго не могъ бы жить ни одинъ, даже самый положительный народъ; построилъ онъ и вложилъ въ камни и любовный искупительный трудъ, и воображеніе, трепещущее передъ величіемъ божества, и робкую молитву, робкую—потому что одинокую.

Полукруглая арка, открывающая „мерзость запустѣнія" святого мѣста, смотритъ теперь тупо и уныло, точно слѣпой глазъ, на прихотливые изгибы ручья, на легкій деревянный мостъ, на рядъ тощихъ деревьевъ, на безконечность волнистыхъ полей противоположнаго берега.

Ночь на новый годъ была тихая, теплая, звѣздная.

Вдоль темныхъ улицъ, убѣгая вдаль, тускло мигали шеренги фонарей. Было безмолвно и пустынно. Изрѣдка только показывался гдѣ-нибудь большой бѣлый фонарь, двигался, исчезалъ,—то запоздалый китаецъ возвращался домой.

Встрѣчаютъ Новый Годъ также въ семьѣ, у домашняго очага. Къ этому дню въ домахъ все прибрано, почищено; расклеенныя повсюду полосы красной и желтой бумаги съ причудливыми гіероглифами придаютъ жилищу праздничный, нарядный видъ. Кто побогаче, украсилъ и дворъ передъ фанзой.

Черезъ огромныя высокія ворота я вхожу на одинъ изъ такихъ дворовъ передъ домомъ богатаго купца. Хорошо знакомый дворъ неузнаваемъ. Выросли какія-то бесѣдки, галереи, сквозныя загородки. Матеріалъ самый простой—колья, циновки, пестрая бумага, жгуты изъ полотнищъ пестрой матеріи, стебли гаоляна. Но сколько тщательной, кропотливой работы; какъ много желанія сдѣлать все красивѣе, нарядѣй, изящнѣй.

Впереди двора изъ циновокъ и гаоляна сооружено что-то вродѣ маленькой кумирни. Здѣсь, на высокомъ столѣ, передъ изображеніями обожествленныхъ предковъ разставлены всевозможныя яства — огромная вареная свиная голова, курицы, чашки съ лапшой, съ кашей, съ различнымя кушаньями китайской

кухни; посреди, въ чугунномъ сосудѣ, воткнутыя въ песокъ, медленно тлѣютъ и дымятъ голубымъ дымомъ тонкія курильныя палочки.

А вездѣ вокругъ свѣтятъ и пестрятъ десятки фонарей — большихъ, маленькихъ, круглыхъ, четырехгранныхъ, всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ, величинъ. И вездѣ вокругъ — на фонаряхъ, на циновкахъ, на стѣнахъ—вездѣ, вездѣ — ярко выступаютъ красивые фантастическіе гіероглифы. И они соединяются въ извѣстныя, установленныя обычаемъ, освященныя вѣками сочетанія, въ пожеланія счастья и долголѣтія, въ предсказанія цвѣтущаго здоровья и неизмѣнныхъ успѣховъ.

И какъ-то весело становится на душѣ отъ всего этого свѣта, этой пестроты и яркости, отъ этихъ изгибовъ густыхъ черныхъ и золотыхъ линій, сулящихъ такъ много хорошаго.

На большой улицѣ тихо, темно и безлюдно. И я захожу еще въ одинъ большой дворъ направо, гдѣ помѣщается полицейское управленіе. Здѣсь почти то же. Почти тѣ же постройки, возведенныя на нѣсколько дней тщательной, заботливой рукой. Только фонарей здѣсь, кажется, еще больше и формы ихъ еще разнообразнѣе, фантастичнѣе, да между воротами и кумиренкой выросла въ одинъ день цѣлая аллея молодыхъ сосенъ, привезенныхъ сюда издалека.

Нѣсколько солдатъ въ красныхъ курмахъ, съ большими темно-синими косынками, по-бабьи завязанными вокругъ головы, бѣгутъ докладывать о моемъ приходѣ.

Быстрой походкой выходитъ изъ большой фанзы полиціймейстеръ—высокій, видный, красивый, еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Онъ привѣтливо улыбается, вспоминая, что мы „шибко знакомы“, т.-е. встрѣчались два-три раза, два-три раза освѣдомлялись о здоровьи. И радушнымъ жестомъ онъ приглашаетъ меня въ фанзу.

Но я помню, что уже двѣнадцатый часъ; я знаю, что Новый Годъ долженъ быть встрѣченъ въ тѣсномъ домашнемъ кругу; и я спѣшу уйти, сказавъ, что зашелъ только на минутку, привлеченный нарядным видомъ двора.

Полиціймейстеръ нѣсколько разъ благодаритъ меня и за то, что я зашелъ, и за то, что я похвалилъ убранство. Онъ провожаетъ меня до воротъ и проситъ придти къ нему завтра. И высокія тяжелыя ворота закрываются за мною.

На улицѣ пустынно и темно; вереницы желтыхъ, тускло мерцающихъ точекъ убѣгаютъ вдаль, теряются вдали. Большіе фонари не скользятъ больше вдоль темныхъ стѣнъ. Ворота и двери заперты.

На улицѣ тихо. Но изъ-за высокихъ каменныхъ стѣнъ поднимается какой-то неясный шорохъ, шопотъ жизни; чувствуется, что тамъ, въ разукрашенныхъ дворахъ, въ праздничныхъ фанзахъ происходитъ что-то важное и значительное.

Тамъ китайцы встрѣчаютъ свой Новый Годъ.

Церемонія встрѣчи, древняя, тысячелѣтняя церемонія, проста и величественна.

Ровно въ полночь вся семья, слуги, работники, приказчики—всѣ объединенные однимъ общимъ главой, однимъ общимъ домашнимъ очагомъ—выходятъ на дворъ фанзы. Одежда праздничная, лица сосредоточенныя, движенья медленны и важны.

Глава семьи выступаетъ впередъ, поднимаетъ глаза къ небу; произноситъ отъ вѣка установленную молитву самому главному богу—богу Неба. И всѣ окружающіе смотрятъ вверхъ и про себя повторяютъ молитву.

Потомъ глава семьи опускается на колѣни и трижды кланяется въ землю другому могучему богу—богу Земли. И опять произноситъ короткую молитву, которая повторяется уже въ эту ночь многія тысячи лѣтъ.

А всѣ окружающіе дѣлаютъ земные поклоны и про себя повторяютъ молитву.

Послѣ молитвъ богамъ Неба и Земли, молятся обожествленнымъ душамъ предковъ. И совершаютъ жертвоприношенія; и возжигаютъ куренія.

Глава семьи, выступающій въ роли жреца, посредникомъ между богами и людьми, кажется въ эту торжественную минуту необычнымъ, преображеннымъ, озареннымъ лучами божественности. И въ то же время близкимъ,—своимъ. Снова завязана древняя, многотысячелѣтняя связь между небомъ и землей.

И тотъ, кто связалъ ее—этотъ, еще часъ тому назадъ самый обыкновенный старикъ—движется теперь медленными, важными, немного неестественными, немного деревянными движеніями. И его одежда праздничная, новая, еще не привыкшая къ обычнымъ изгибамъ, напыщенно топорщится, какъ у боговъ на старинныхъ, споконъ-вѣка неотмѣняемыхъ, изображеніяхъ.

Потомъ входятъ въ фанзу, садятся за столъ. Трапеза совершается въ тишинѣ и торжественности,—на столъ подаются жертвенныя кушанья, запахъ которыхъ вкушали боги. И связь неба и земли, уже завязанная въ духѣ, завязывается во плоти. Медленно, значительно, въ тишинѣ и торжественности проходитъ трапеза новогодней вечери.

На длинныхъ ночныхъ улицахъ темно, безлюдно и тихо.

Только фонари тускло мигаютъ, убѣгая во тьму, только изъ-за стѣнъ поднимается неясный шорохъ, шопотъ, трепетъ жизни.

Но вотъ гдѣ-то скрипнули ворота, гдѣ-то раздались быстрые шаги; во мракѣ засвѣтились и задвигались большіе фонари, бѣлые и красные; по ночнымъ улицамъ заскользили тѣни...

Новый Годъ былъ встрѣченъ у домашняго очага. Могучіе и великіе боги Неба и Земли, обожествленныя души предковъ получили и шопотъ молитвъ, и дымъ куреній. Но есть еще много, много боговъ, о которыхъ нужно вспомнить въ первыя минуты Новаго Года: добрыхъ—расположить къ себѣ, злыхъ—отогнать прочь. Дальнія кумирни были посѣщены днемъ наканунѣ. Ближнія посѣщаются новогоднею ночью. По ночнымъ улицамъ скользятъ безшумныя тѣни; изъ мрака выплываютъ, растутъ, колеблются большіе фонари—бѣлые и красные.

Кумирни открыты и освѣщены. Передъ огромными страшными изваяніями боговъ, въ чугунныхъ чашахъ медленно тлѣютъ курильныя палочки. Китайцы входятъ и ставятъ новыя палочки въ замѣнъ догорѣвшихъ; и кланяются быстрыми-быстрыми поклонами.

А у дверей, на улицѣ стоитъ, въ ожиданіи своихъ хозяевъ, цѣлая толпа огромныхъ фонарей—красныхъ и бѣлыхъ; тонкая шолковая матерія освѣщена изнутри; рѣзко выдѣляются очертанія наклеенныхъ на фонари гіероглифовъ. Словно лучезарныя яйца какой-то гигантской сказочной птицы, лежатъ на землѣ у дверей кумирни пестрые фонари.

Скрипятъ большія, тяжелыя ворота. Нѣсколько фонарей выплываютъ изъ мрака и движутся, и качаются; по землѣ скользятъ свѣтлыя пятна; сзади колышутся человѣческія тѣни. Безшумно, быстрымъ шагомъ идутъ на ближайшій перекрестокъ улицъ. Фонари поставлены на землю. Человѣческія тѣни наклонились; положили на камень нѣсколько листовъ смятой бумаги, облили ее ханшиномъ—рисовымъ спиртомъ. Кто-то всталъ на колѣни, раздулъ тлѣвшій фитиль, поднесъ комъ бумаги.

Вспыхнуло веселое голубоватое пламя; на освѣтившейся стѣнѣ сосѣдняго дома закачались огромныя безформенныя тѣни. Обрывки человѣческихъ фигуръ вырвались изъ мрака—блѣдное строгое лицо, пола синяго шолковаго кафтана, нѣжныя, нерабочія руки съ длинными ногтями.

И въ блѣдномъ дрожащемъ свѣтѣ человѣческія фигуры задвигались однимъ движеніемъ—наклонялись и выпрямлялись въ быстрыхъ-быстрыхъ поклонахъ. На стѣнѣ безформенныя тѣни шатались, падали, уходили во мракъ.

Маленькій костеръ догорѣлъ; тлѣющіе лоскутки бумаги катились по землѣ. И опять закачались фонари, побѣжали по землѣ свѣтлыя пятна, опять заколыхались человѣческія фигуры. И на другомъ перекресткѣ, въ другую сторону отъ дома запылалъ маленькій костеръ.

Оба перекрестка улицъ, вправо и влѣво, были освящены и очищены огнемъ. Ничего дурного, ничего нечистаго не могло пройти черезъ эти перекрестки и проникнуть въ жилища.

Но злые духи хитры и ловки. Они могутъ пройти и безъ дорогъ; въ первый день Новаго Года они могутъ забраться въ фанзу, на дворъ, и тамъ свить себѣ прочное гнѣздо на весь годъ.

Шумъ вызываетъ страхъ. Надо шумомъ устрашить злого духа; пусть испуганный онъ бѣжитъ далеко отъ фанзы и за весь годъ не пытается проникнуть въ нее.

И вотъ начинается пальба хлопушками. Уже задолго до праздника вездѣ на всѣхъ улицахъ продаются огромныя грозди, сплетенныя изъ небольшихъ бумажныхъ патроновъ, начиненныхъ порохомъ. Въ бѣдныхъ домахъ патроны жгутъ по одному; въ богатыхъ вѣшаютъ на жерди цѣлую гроздь, и выстрѣлъ слѣдуетъ за выстрѣломъ, пока выпалятъ всѣ хлопушки.

Страшная пальба начинается по всему городу. Со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ дворовъ летятъ короткіе, рѣзкіе звуки; барабанятъ, какъ градъ по стеклу, сбиваются, сливаются въ какой-то дикій хаосъ, въ сплошной ревъ, гдѣ уже нельзя отличить отдѣльныхъ звуковъ; и потомъ замираютъ, удаляясь, разбѣгаясь куда-то, и вспыхиваютъ вдругъ съ неожиданной силой, вотъ тутъ совсѣмъ близко, надъ самымъ ухомъ. Надъ городомъ, въ темномъ ночномъ небѣ прямолинейно и быстро носятся черные звонкіе шары; они сталкиваются, отскакиваютъ другъ отъ друга, и снова летятъ, и снова сшибаются. И ихъ такъ много, и они летятъ такъ быстро, что, кажется, они покрыли все небо, заволокли всѣ звѣзды.

Надъ ночнымъ городомъ стоитъ оглушительная трескотня хлопушекъ.

А на разсвѣтѣ, взамѣнъ этой музыки, начинается другая — битье въ гонги, въ барабаны, въ тарелки, въ глиняные горшки, во что попало, только бы сдѣлать побольше шума, только бы подальше отогнать хитрыхъ злыхъ духовъ.

Такъ встрѣчали Новый Годъ въ китайскомъ городѣ, гдѣ мнѣ пришлось проживать.

II.

У китайцевъ много есть боговъ и на небѣ, и на землѣ — великихъ, могучихъ боговъ.

Но самымъ близкимъ китайцу, самымъ интимнымъ, самымъ нужнымъ навсегда останется Лау-дью-и—богъ домашняго очага.

Онъ живетъ въ серединѣ каждой фанзы, въ небольшой проходной комнатѣ, откуда ведутъ три двери—одна на дворъ, двѣ другія—направо и налѣво — въ мужскую и женскую комнаты. Здѣсь же, на большой печкѣ въ углу готовятъ обѣдъ.

Когда-то, давно-давно—этого не помнятъ самые старые изъ старыхъ людей, но это хорошо помнитъ Лау-дью-и, потому что онъ живетъ съ людьми съ тѣхъ поръ, какъ живутъ люди,—когда-то очень давно вся жизнь семьи была здѣсь, около домашняго очага. Но потомъ люди стали другіе: и фанзы стали больше, и люди наставили перегородки справа и слѣва, и кое-что изъ жизни людей стало проходить уже тамъ, за перегородками, въ этихъ отдѣленныхъ комнатахъ.

Но старый богъ остался на старомъ мѣстѣ. Все-таки онъ въ самомъ центрѣ домашней жизни. У большой печки въ углу цѣлый день заняты члены семьи,—здѣсь варится обѣдъ, кипятится чай. Тутъ же обѣдаютъ; тутъ же подолгу сидятъ у огня. Сюда открываются всѣ три двери фанзы; и ни одинъ входъ, ни одинъ выходъ не укроются отъ бога. А если кое-что и дѣлается и говорится направо и налѣво, въ отгороженныхъ комнатахъ—все это такъ близко, перегородки изъ стеблей гаоляна такъ тонки, что богъ и на своемъ старомъ мѣстѣ слышитъ все, знаетъ все, внимательно слѣдитъ за жизнью всего дома.

Въ стѣнѣ сдѣлана небольшая ниша; въ эту нишу поставлена доска; къ доскѣ приклеено изображеніе бога,—приклеено осторожно, полосками красной бумаги, такъ, чтобы можно было снять изображеніе, не разорвавъ его. И старый сѣдой старецъ, съ огромнымъ лысымъ черепомъ, съ длинными свисшими усами и рѣдкой длинной бородой—сидитъ Лау-дью-и на своемъ давнишнемъ мѣстѣ и пристально вглядывается въ жизнь семьи.

Разъ въ годъ, въ новогодній канунъ, плохой грошевый лубокъ съ изображеніемъ бога замѣняется новымъ лубкомъ.

И это для китайца цѣлое событіе.

Теперь новый богъ вошелъ въ домъ, поселился въ нишѣ надъ печкой и съ новенькаго, чистаго лубка внимательно вгляды-

вается въ домашнюю жизнь. Какъ и въ присутствіи новаго человѣка, всѣ въ семьѣ немного стѣсняются. Громкій крикъ, грубое слово смягчаются; сдерживается рѣзкое движеніе; подавляется дурное намѣреніе. Люди дѣлаются, хотятъ сдѣлаться, стараются казаться лучше, добрѣе, сердечнѣе.

Но понемногу жизнь беретъ свое. Съ новымъ гостемъ опять свыклись, сжились; онъ вошелъ въ тѣсный домашній кругъ, въ интимную жизнь семьи.

Да и самъ богъ измѣнился. Кухонный дымъ и чадъ, уличная пыль, страшные рои лѣтнихъ мухъ не прошли для него безслѣдно. И на грязномъ, поблекломъ, закоптѣломъ, усѣянномъ черными пятнами листѣ бумаги семья узнала близкаго, стараго, вѣчнаго Лау-дью-и—бога домашняго очага.

Стѣсненія кончились; жизнь пошла своимъ порядкомъ, обыденная ежедневная жизнь въ тѣсномъ домашнемъ кругу.

И поблекшій, потемнѣвшій богъ неподвижнымъ внимательнымъ взглядомъ слѣдитъ за жизнью семьи. Онъ все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.

Иногда, если не все благополучно, старикъ—глава семьи—или старуха—хозяйка дома,—подойдутъ къ домашнему богу и поднимутъ къ нему просящій влажный взглядъ, прошепчутъ слова молитвы сухими дрожащими губами...

Проходитъ годъ, медленный, однотонный китайскій годъ. И за семь дней до его конца всѣ вспоминаютъ о Лау-дью-и, на нѣкоторое время онъ становится опять средоточіемъ жизни всѣхъ домашнихъ.

За семь дней до новаго года, и Лау-дью-и покидаетъ свое обычное мѣсто у домашняго очага и идетъ на небо, чтобы тамъ доложить богу Неба, самому главному богу, обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ за цѣлый годъ.

Самъ богъ Неба не входитъ въ жизнь людей; и участь семьи, судьба каждаго изъ ея членовъ, зависитъ исключительно отъ этого доклада, дѣлаемаго Лау-дью-и въ послѣдніе семь дней убывающаго года.

Лау-дью-и уходитъ. Вся семья собралась въ средней, проходной комнатѣ фанзы, у домашняго очага, передъ неглубокой нишей въ стѣнѣ, откуда недвижнымъ внимательнымъ взглядомъ весь годъ смотрѣлъ домашній богъ.

Старшій въ семьѣ шепчетъ молитву. И всѣ члены семьи—и мужчины, и женщины, и дѣти—дѣлаютъ быстро-быстро одинъ за другимъ нѣсколько поклоновъ въ поясъ.

Хозяйка дома уже изготовила на плитѣ вкусное сладкое

тѣсто—самое вкусное, какое она только умѣетъ изготовить. И она угощаетъ имъ бога. Она мажетъ тѣстомъ его губы и говоритъ: „Вотъ я даю тебѣ сладкое для того, чтобъ губы твои были сладки, и пусть тѣ слова, которыя ты скажешь о насъ, пройдя черезъ твои сладкія губы, станутъ также сладки".

И всѣ члены семьи—и мужчины, и женщины, и дѣти—дѣлаютъ быстро-быстро одинъ за другимъ нѣсколько поклоновъ въ поясъ.

И старшій въ семьѣ—обыкновенно древній-древній старикъ, съ трясущимися руками, съ глубокими морщинами на смугломъ лицѣ—продолжаетъ напутствовать домашняго бога. Онъ говоритъ невнятнымъ шопотомъ беззубаго рта:

„Вотъ ты жилъ съ нами цѣлый годъ; и ты видѣлъ каждый нашъ шагъ. Всѣ люди дѣлаютъ не только хорошее, но и дурное. И каждый изъ насъ дѣлаетъ не только хорошее, но и дурное. Но зачѣмъ ты будешь разсказывать богу Неба, всесильному страшному богу, о томъ дурномъ, что ты видѣлъ у насъ? Пускай только хорошія слова доходятъ до Великаго Бога; пускай онъ знаетъ только о нашихъ хорошихъ поступкахъ, чтобы радовалось сердце его, и чтобы огонь гнѣва его не ударилъ въ жилище наше"...

И всѣ члены семьи—и мужчины, и женщины, и дѣти—снова дѣлаютъ быстро-быстро одинъ за другимъ нѣсколько поклоновъ въ поясъ.

А богъ Лау-дью-и, который вошелъ въ домъ такимъ чистымъ, свѣтлымъ, радостнымъ, и который уходитъ теперь поблекшій, грязный, закоптѣлый, унося съ собой какъ бы отраженіе всѣхъ мелкихъ семейныхъ дрязгъ,—смотритъ на провожающихъ недвижнымъ, пристальнымъ взглядомъ. И никто не знаетъ—что-то скажетъ онъ на небѣ Великому, Грозному и Могучему Богу.

Изображеніе Лау-дью-и осторожно снимаютъ съ доски, потомъ скручиваютъ его въ тонкую длинную трубочку. Одинъ конецъ зажигаютъ объ угли печки—о священный огонь домашняго очага; другимъ концомъ трубку ставятъ въ чугунный сосудъ, наполненный землей.

Плотно скрученная трубка то медленно тлѣетъ, то на мгновенье вспыхиваетъ огнемъ. Тоненькая голубая струйка медленно, слегка изгибаясь, тянется кверху.

Луи-дью-и, богъ домашняго очага, идетъ давать отчетъ Великому Богу Неба.

И всѣ члены семьи—и мужчины, и женщины, и дѣти—опять дѣлаютъ быстро-быстро одинъ за другимъ нѣсколько поклоновъ въ поясъ, провожая уходящаго бога.

Голубой дымокъ разсѣялся, разнесся. Въ чугунномъ сосудѣ на землѣ—небольшая кучка сѣраго пепла. Ниша надъ печью пуста.

У всѣхъ домашнихъ стало какъ-то грустно на душѣ, словно умеръ кто-то близкій; грустно и жутко. Тихо, безмолвно всѣ расходятся; каждый идетъ къ своему дѣлу.

Цѣлую недѣлю китайскій домъ живетъ теперь безъ бога. Но наканунѣ Новаго Года Лау-дью-и возвращается. Онъ возвращается чистымъ, свѣтлымъ, веселымъ, въ нарядной красѣ яркихъ, смѣющихся красокъ. Все минувшее оставлено, забыто—и грязь, и копоть, и слѣды мухъ на лицѣ бога, и злые взгляды, и рѣзкія слова, и дурные поступки членовъ семьи.

Въ нишѣ, у домашняго очага—обновленный богъ. Въ домѣ—обновленная жизнь.

И вѣчный, старый, какъ дома людей, Лау-дью-и—домашній богъ, пристально глядящій съ новой бумажки, кажется первые дни кѣмъ-то новымъ, почти чужимъ.

Но мало-по-малу съ новымъ богомъ свыкаются, сживаются; онъ входитъ въ тѣсный домашній кругъ привычнымъ, необходимымъ звеномъ.

Такъ живетъ въ каждой фанзѣ и уходитъ на небо, и возвращается къ людямъ самый близкій, самый интимный богъ—богъ домашняго очага—древній Лау-дью-и.

III.

Маленькія, старыя, позабытыя, полуразвалившіяся кумиренки—на перекресткахъ дорогъ, на вершинахъ холмовъ, на обрывахъ надъ извилистыми рѣчками—маленькія сѣрыя кумирни подъ крутыми черепичными крышами дождались своего дня.

Цѣлый годъ стояли онѣ—чужія, ненужныя внѣ обычнаго круговорота окружающей жизни. Но годъ подошелъ къ концу—длинный годъ—длинная вереница унылыхъ, однотонныхъ трудовыхъ дней. И въ полночь перваго новолунія Новый Годъ долженъ былъ заняться надъ страной Дракона.

И вотъ, на жизненномъ рубежѣ, желая обезпечить себѣ грядущее счастье, люди вспомнили о позабытыхъ богахъ.

И маленькія, сѣрыя, полуразвалившіяся кумирни—широкіе кирпичные столбы съ небольшой нишей—чужія, отжившія святилища дождались своего дня.

Руки, еще такъ недавно равнодушныя, отчистили внутрен-

ность ниши отъ пыли, грязи, обломковъ. Доска съ изображеніемъ бога вымыта. А тамъ, гдѣ бога не было, откуда онъ исчезъ, украденный святотатственной рукой, тамъ къ задней стѣнкѣ ниши прикрѣпили бумажку съ грубо напечатаннымъ пестрымъ, расплывчатымъ изображеніемъ страшнаго старика съ злымъ лицомъ, въ напыщенной позѣ, въ раздутыхъ одеждахъ.

Потомъ по обѣ стороны ниши наклеили широкія бумажныя полосы—желтыя или ярко-красныя—съ начертанными на нихъ черными, золотыми или серебряными сложными, запутанными гіероглифами. А вверху, къ вершинѣ арки привѣсили кружевную салфеточку, высѣченную изъ красной бумаги—тонкую, прозрачную, воздушную, трепещущую отъ легкаго вѣтра.

Въ день наканунѣ Новаго Года, въ первый день праздника Весны, маленькія кумирни—всегда такія чужія, такія далекія—стали средоточіемъ жизни.

У входа въ нишу, подъ аркой, въ глиняныхъ или чугунныхъ чашахъ задымились жертвенные угли. Подходятъ китайцы спокойные, серьезные, важные въ своихъ длинныхъ, широкихъ, стеганныхъ на ватѣ одеждахъ. И каждый изъ нихъ приноситъ связку длинныхъ курильныхъ палочекъ. Одинъ конецъ связки зажигается объ угли; другой врывается въ пепелъ тутъ же около жертвенной чаши, подъ аркой ниши, такъ что связка стоитъ какъ свѣчка. И тоненькое красное колечко огня медленно ползетъ внизъ по грязно-сѣрымъ палочкамъ; а сверху все растутъ и растутъ тонкіе, слегка изогнутые, столбики блѣдно-сѣраго пепла; растутъ, пока не обрушатся, не свалятся внизъ на пепелъ предыдущихъ куреній. И струйки дыма,—тонкія, тонкія,—бѣлыя, слегка голубоватыя, тянутся, изгибаясь и заплетаясь, расплываются, таютъ въ воздухѣ. И изъ-за бѣлесоватой поволоки куреній злыми глазами смотритъ страшный богъ.

Китаецъ дѣлаетъ поклонъ въ поясъ, соединяетъ оба кулака на груди; потомъ, выпрямляясь, выбрасываетъ ихъ вверхъ. И онъ падаетъ на колѣни и нѣсколько разъ—быстро, быстро—кланяется въ землю.

Затѣмъ, онъ встаетъ и уходитъ — спокойный, медленный, важный въ своихъ раздутыхъ ватныхъ одеждахъ; идетъ къ другой кумирнѣ своего околотка, чтобы тамъ съ той же внимательной добросовѣстностью, съ тѣми же освященными вѣками ритуальными жестами принести жертву куренія другому богу.

Въ яркомъ свѣтѣ прозрачнаго солнечнаго зимняго дня весело улыбаются нарядныя разукрашенныя кумирни—на перекресткахъ дорогъ, на вершинахъ холмовъ, на обрывахъ, надъ извилистыми

рѣчками—маленькія старыя кумирни, красныя и золотыя отъ наклеенной на нихъ бумаги.

Съ ранняго утра надъ городомъ стоитъ несмолкаемый шумъ и громъ.

Рѣзкіе, кричащіе звуки, вырываясь отовсюду, изъ каждой фанзы—вблизи, вдали—сливаются въ какую-то чудовищную музыку, въ сплошной, длящійся, однотонный гомонъ. И цѣлый день неподвижной тучей виситъ этотъ гомонъ надъ праздничнымъ городомъ.

На улицахъ, обыкновенно кишащихъ народомъ, сегодня безлюдно и пусто. Убраны всѣ мелкія лавочки подъ импровизированными изъ бамбука и дабы навѣсами. Выходящія на улицу стѣны лавокъ и мастерскихъ наглухо забраны досками. И только длинныя, широкія полосы бумаги—красной съ черными письменами, золотой съ красными письменами, расклеенныя повсюду—на стѣнахъ, на столбахъ, на карнизахъ, на воротахъ, надъ дверями—придаютъ улицѣ какой-то необыкновенно яркій, веселый видъ. Вся эта новая бумага, вся эта свѣжая позолота совершенно затѣняютъ старые камни и ветхія черепицы. И улица, безлюдная, чисто выметенная, убѣгающая вдаль въ яркомъ освѣщеніи солнечнаго прозрачнаго зимняго дня, кажется какой-то необычной, ненастоящей, „нарочной“,—какъ сказали бы дѣти,—кажется наряднымъ картонажемъ, только-что вырѣзаннымъ и склееннымъ изъ новенькой бумаги, кажется веселой пестрой, только-что написанной декораціей сказочнаго царства.

А надъ улицей неподвижно виситъ сплошной, длящійся, однотонный гомонъ, слившійся изъ тысячи звуковъ. И въ прозрачномъ солнечномъ воздухѣ надъ новенькимъ картиннымъ городомъ гомонъ этотъ кажется уже не страшнымъ, не чудовищнымъ, а тоже ненастоящимъ, „нарочнымъ“, нелѣпымъ и веселымъ, дѣтски-простодушно веселымъ.

Направо, противъ кумирни, въ лавкѣ, гдѣ я часто покупаю фарфоръ, вся передняя стѣна тоже забрана плотно пригнанными одна къ другой черными лакированными досками. И на каждой доскѣ—это уже роскошь—длинная красная полоса съ черными фантастическими „дзырами“. Сквозь узкую щель между досокъ выглядываетъ чей-то блестящій глазъ.

Я подхожу къ лавкѣ.

Внутри щелкаетъ засовъ; доска двигается, вынимается; затѣмъ вынимается сосѣдняя; вынимается еще одна. И какъ только я вошелъ въ лавку, доски опять старательно задвигаются.

Мое первое впечатлѣніе—какъ будто меня ударили по головѣ. Что-то огромное, страшное, безобразное дико металось по комнатѣ, ударялось о низкій потолокъ, билось о деревянныя стѣны. Это были звуки—нѣсколько голосовъ того страннаго хора, который съ утра гремѣлъ надъ городомъ.

Въ лавкѣ было полутемно. Кое-гдѣ, между досокъ, сквозь узкія щели пробивались тонкіе и яркіе солнечные лучи. Вглядѣвшись, я увидѣлъ самого хозяина и всѣхъ приказчиковъ магазина; все это были старые знакомые, „шибко знакомые" мнѣ люди. И они—серьезные, степенные торговые люди—„купезы"—были всѣ заняты страннымъ дѣломъ. У каждаго была въ рукахъ палка, и каждый старательно, добросовѣстно, усердно колотилъ во что-нибудь. Тутъ былъ и огромный барабанъ, китайскій—еще больше турецкаго, и что-то вродѣ мѣдныхъ тарелокъ, и какіе-то сосуды съ отверстіями въ стѣнкахъ, бронзовые и чугунные, большіе и маленькіе, старинные, вродѣ тѣхъ, что стоятъ въ кумирняхъ; были и обыденные мѣдные тазы, глиняные горшки; наконецъ, нѣкоторые приказчики били палками о деревянный прилавокъ, о деревянные столбы.

У всѣхъ были серьезныя, дѣловыя лица, и только обращаясь ко мнѣ съ безмолвнымъ привѣтствіемъ, они любезно улыбались. И снова принимались за свое дѣло.

Это было ихъ праздничное дѣло, какъ торговать—было дѣломъ ихъ будней. Теперь, когда пришелъ Новый Годъ, когда злые духи неисчислимыми роями летаютъ вокругъ земли, стараясь ворваться въ жизнь людей, свить себѣ на цѣлый годъ прочное гнѣздо въ ихъ городахъ, въ ихъ домахъ, въ ихъ сердцахъ, дѣло каждаго китайца—спугнуть врага страшнымъ шумомъ, отогнать его подальше.

И добросовѣстно, старательно, какъ всегда, дѣлаютъ китайцы свое праздничное дѣло. Частые, сильные удары сыплются по огромнымъ барабанамъ, по чугуннымъ сосудамъ, глинянымъ горшкамъ, по деревяннымъ прилавкамъ. И неимовѣрное, дикое чудовище страшныхъ звуковъ мечется по комнатѣ, ударяется о низкій потолокъ, бьется о деревянныя стѣны.

Китайцы работаютъ.

И внезапно, также какъ тамъ, на улицѣ, впечатлѣніе страшнаго смѣняется впечатлѣніемъ чего-то дѣтскаго и смѣшного. Все это—этотъ оглушительный шумъ, эти серьезныя дѣловыя фигуры съ колотушками въ рукахъ—все это кажется такимъ ненастоящимъ, нелѣпымъ и въ то же время веселымъ.

Въ лавкѣ—густой сумракъ. Кое-гдѣ между досокъ раздвиж-

ной стѣны, сквозь узкія щели пробиваются тонкіе и яркіе солнечные лучи. Золотыми пятнами падаютъ они на глазурь фарфоровой вазы, на темную бронзу стариннаго сосуда, на желтое спокойное лицо приказчика, на блестящій шолкъ праздничной одежды. Случайно выхваченныя лучомъ изъ окружающаго сумрака, незначительныя подробности выдвигаются впередъ, силятся приковать къ себѣ вниманіе. И въ этомъ освѣщеніи, гдѣ главное затѣнено, гдѣ незначительная деталь властно врывается въ глаза, самые обыкновенные предметы мѣняютъ свой знакомый видъ, становятся странными, точно ненастоящими, смѣшными.

Озабоченные китайцы въ праздничныхъ одеждахъ разъ на весь годъ отгоняютъ такимъ образомъ отъ себя злыхъ духовъ...

IV.

Весна. Стѣнами стали старые тополи. Листья недавно распустились; еще клейкіе, нѣжные, блѣдно-зеленые, они окутали деревья какъ бы легкой прозрачной тканью, и сквозь нее видны убѣгающія вдаль зеленѣющія поля и спокойное голубое небо.

Трава, еще негустая, кажется мягкой и шелковистой. Блѣдныя фіалки, разбросанныя здѣсь и тамъ, кое-гдѣ сбѣгаются вмѣстѣ; и большія лиловыя пятна расплываются по травѣ, и въ тепломъ воздухѣ стоитъ свѣжее, и нѣжное, и робкое дыханіе весеннихъ цвѣтовъ.

Въ большомъ четыреугольникѣ, между стѣнами старыхъ тополей, насыпаны невысокіе холмики, шелковятся травой, залиловѣли фіалками. А на вершинѣ каждаго холмика лежитъ полоса бумаги—мохнатой желтой китайской бумаги, а сверхъ бумаги—небольшой камень.

Въ воздухѣ тепло по весеннему, и по весеннему солнечно; и тихо-тихо—той особенной весенней тишиной, когда слышно дыханіе ожившей земли, и ростъ травъ, и цвѣтеніе первыхъ цвѣтовъ.

Невысокій холмикъ, лоскутокъ бумаги, камешекъ... И больше ничего. И въ этомъ немногомъ—гораздо больше, чѣмъ во всѣхъ безчисленныхъ роскошныхъ кумирняхъ, въ торжественныхъ нарядныхъ процессіяхъ, въ молитвахъ жрецовъ и книгахъ мудрецовъ. Въ этомъ немногомъ—вся интимная сущность религіи Китая.

Пускай въ таинственныхъ храмахъ запретнаго города императоръ приноситъ жертвы великому и неизвѣстному богу Неба; пусть ученые повторяютъ наизусть сѣдые тексты Конфуція и

толкуютъ о пяти родахъ отношеній и путяхъ добродѣтели; пусть находящіеся въ постоянномъ общеніи съ духами жрецы-таоисты гадаютъ о благопріятныхъ дняхъ и счастливыхъ мѣстахъ; пусть ученіе буддійскихъ монаховъ—неясное, непонятное—связываетъ въ одну цѣпь все живое—боговъ, людей и животныхъ,—но все это останется навсегда далекимъ, чужимъ для народа, ненужнымъ, не вошедшимъ въ жизнь, не сросшимся съ жизнью.

Но зато невысокій холмикъ, лоскутокъ бумаги, камешекъ надъ могилою предка—это самое близкое, самое дорогое, самое священное для каждаго китайца. Здѣсь лежитъ основной, мощный, несдвигаемый пластъ его вѣрованій. Культъ предковъ вросъ въ жизнь, сдѣлался неразрывной его частью.

Конфуцій, приводя въ систему, выражая въ яркой и простой формѣ то, что̀ за много вѣковъ до него смутно жило въ народномъ сознаніи, училъ, что основа гражданской жизни есть личная добродѣтель, а основа добродѣтели — почитаніе родителей. Изъ этого ученія выросъ культъ предковъ. Повиновеніе живому отцу неизбѣжно переходило въ почитаніе отца умершаго, и отца отца и такъ далѣе до самыхъ отдаленныхъ поколѣній. Завязывалась неразрывная связь между живыми и мертвыми. Этическій законъ переходилъ въ религіозную заповѣдь.

И эта религія, такая близкая, такая несложная, выростая въ средѣ самого народа изъ хорошо понятнаго ему чувства повиновенія старшему, наложила неизгладимый слѣдъ на всю китайскую жизнь.

Все, что̀ было важно и дорого въ земной жизни, было перенесено и по ту сторону гроба. Идеаломъ земного счастья была большая патріархальная семья, дѣти дѣтей, окружающія дѣда почтеніемъ и лаской. То же почтеніе и нѣжная любовь стали необходимы и послѣ смерти; но не только отъ дѣтей и внуковъ, знавшихъ усопшаго, а ото всѣхъ потомковъ, которые когда-нибудь будутъ жить на землѣ до скончанія вѣка. Стала ясной необходимость имѣть мужское потомство, чтобы не прервалась цѣпь, чтобы не остаться самому, чтобы не оставить предковъ безъ почитанія, безъ поклоненія. Женское потомство не считается: дѣвочки уходятъ въ чужую семью, сливаются съ ней, приносятъ жертвы предкамъ своего мужа.

Имѣть сына, сохранить его отъ покушеній злыхъ духовъ, женить его, видѣть его сыновей—вотъ первая забота каждаго китайца. И вся жизнь сложилась въ зависимость отъ этой заботы.

Безплодіе жены служитъ одной изъ причинъ для развода. Рожденіе дѣвочекъ встрѣчается холодно; рожденіе мальчика—

источникъ шумной радости. Если это первый сынъ, то со дня его рожденія начинаются страхи за его жизнь. Злые духи хитры и вѣчно стремятся испортить счастье людей. И родители стараются обмануть духовъ. Мальчику даютъ женское имя, иногда одѣваютъ его дѣвочкой. Или фиктивно дѣлаютъ его пріемышемъ въ другой семьѣ, гдѣ много мальчиковъ, чтобы духи не могли разобрать, къ какой семьѣ онъ принадлежитъ.

Между прочимъ, существуетъ обычай брать у друзей по мѣдной монетѣ и, нанизавъ ихъ на шнурокъ, одѣвать на шею сыну. Такое ожерелье символизируетъ цѣпь, привязывающую ребенка къ жизни; а друзья, давшіе монеты, являются какъ бы поручителями за ребенка. Или ребенку одѣваютъ на шею амулеты, ладанки, пріобрѣтенные у жрецовъ-таоистовъ иногда за очень дорогую цѣну.

На случай, если всѣ эти предосторожности не помогутъ, если единственный сынъ умретъ до женитьбы, изворотливый и склонный къ формальности умъ китайцевъ нашелъ еще одинъ исходъ — бракъ мертвыхъ. Разыскиваютъ умершую дѣвочку, которая, по годамъ могла бы быть невѣстой умершему мальчику. Затѣмъ родители жениха дѣлаютъ предложеніе въ обычной формѣ. Продѣлывается сложный обрядъ, состоящій изъ переплетенія свадьбы и похоронъ. Гробъ невѣсты приносятъ и погребаютъ рядомъ съ гробомъ жениха. Потомъ отецъ жениха беретъ пріемнаго внука, который и считается сыномъ повѣнчанныхъ мертвецовъ. Родители невѣсты часто соглашаются на подобный бракъ изъ-за денегъ, а еще чаще — чтобы доставить дочери нарядныя похороны на счетъ семьи жениха.

И, въ воздаяніе за всѣ эти старанія и заботы, китаецъ умираетъ, окруженный сыновьями и внуками; и памяти его обезпечено почитаніе на длинный рядъ лѣтъ. Когда онъ умретъ, надъ его могилой будутъ совершаться жертвоприношенія; а деревянная табличка съ вырѣзаннымъ на ней его именемъ будетъ поставлена на домашнемъ алтарѣ въ длинномъ ряду старинныхъ потускнѣвшихъ табличекъ его предковъ.

И ни одно важное событіе въ домѣ не будетъ совершаться безъ его вѣдома. Къ нему приведутъ на поклоненіе его правнука, достигшаго совершеннолѣтія; приведутъ дѣвушку, вступающую въ его семью въ качествѣ невѣсты одного изъ его потомковъ. Съ поклонами и ритуальными жестами его будутъ извѣщать о рожденіи мальчика, о смерти кого-либо изъ родныхъ, о какомъ-нибудь важномъ семейномъ дѣлѣ. И передъ его таблицей на роскошномъ треножникѣ древней бронзы или въ грубой глиняной плошкѣ будутъ дымиться жертвенныя куренія.

Ранней весной, когда оживаетъ природа, справляется праздникъ мертвыхъ.

Кладбище, окруженное стѣнами старыхъ тополей, обыкновенно такое пустынное, наполняется народомъ. Строго и сосредоточенно, съ обычнымъ дѣловымъ видомъ идутъ китайцы. Китаянки въ красныхъ шароварахъ неуклюже ковыляютъ на маленькихъ ножкахъ, похожихъ на копыта. А позади тянутся вереницы дѣтей. Они еще не сняли зимней одежды; и толстыя ватныя шаровары, плотно стянутыя на щиколкѣ, и толстыя ватныя куртки, неуклюже раздуваясь, придаютъ дѣтямъ видъ чего-то шарообразнаго и смѣшного. На глиняныхъ тарелкахъ, въ фарфоровыхъ чашкахъ мужчины несутъ всякую снѣдь.

Группами, по семьямъ, располагаются китайцы у могилъ близкихъ имъ мертвецовъ. На могильныхъ холмикахъ разставляются принесенныя кушанья. Пирамидой лежатъ на тарелкѣ маленькіе круглые бѣлые хлѣбцы съ красными крапинками наверху; тускло золотится какая-то жареная рыба; и свиная голова, огромная, отваренная цѣликомъ, скалитъ зубы и тупо смотритъ впередъ узкими мертвыми глазами...

Скоро все кладбище заполняется народомъ; сюда пришли всѣ, кто могъ придти. Дома остались слабые, больные; остались самые старые, которые почти не могутъ двигаться, которые ждутъ дня, когда и ихъ самихъ принесутъ сюда въ огромныхъ деревянныхъ гробахъ, положатъ здѣсь, въ своей семьѣ, подъ свѣженасыпаннымъ холмикомъ. Но въ толпѣ нѣтъ жрецовъ; здѣсь они не нужны. Для общенія съ Небомъ, со страшными и могучими духами, человѣкъ обращается къ посредникамъ. Но зачѣмъ были бы посредники здѣсь, въ своей семьѣ, между отцомъ и сыномъ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу?

И религіозный обрядъ совершается по домашнему — коротко и просто. Старшій въ семьѣ произноситъ нѣсколько молитвенныхъ словъ; потомъ онъ зажигаетъ на вершинѣ холмика пакетъ мягкой желтоватой бумаги, облитой спиртомъ. И пока почернѣвшіе листки съ огненно-красной каймой отвертываются одинъ за другимъ, пока въ весеннемъ свѣтломъ воздухѣ поднимается тонкая голубая струйка дыма, каждый изъ пришедшихъ, молча, смотритъ на священный огонь. Совершается ли тутъ молитвенное общеніе между живыми и мертвыми? скрѣпляются ли связи, дѣлающія семью единой, неразрывной во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, въ длинной цѣпи чередующихся поколѣній? Или это только вынужденное молчаніе — не тягостное, потому что привычное; только формальное выполненіе тысячелѣтней церемоніи?

И когда разсѣется послѣдній дымъ, когда легкій вѣтеръ унесетъ, кружа, черные обуглившіеся листки, на вершину холмика кладутъ принесенную съ собой бумажную полосу, на которой написаны хорошія пожеланія мертвецамъ. И сверхъ полосы, чтобы ее не унесло вѣтромъ, приваливаютъ небольшой камень.

Мертвые получили свое; живые вспоминаютъ о живыхъ. Вокругъ жертвенныхъ кушаній, къ которымъ невидимо прикоснулись усопшіе, собирается вся семья. Быстро исчезаютъ маленькіе хлѣбцы—бѣлые съ красными крапинками; уничтожается зелень, рыба, сильно разваренное, мочалистое мясо, какіе-то соуса въ маленькихъ чашечкахъ; долго возятся съ огромной свиной головой; и когда она уже расчленена на безобразныя лохмотья, узкіе мертвые глаза все еще смотрятъ впередъ стекляннымъ взглядомъ...

Потомъ всѣ расходятся. Во всѣ стороны тянутся длинныя вереницы синихъ людей. Неуклюже ковыляютъ женщины. Маленькія дѣти, шарообразныя и смѣшныя въ зимнихъ ватныхъ одеждахъ, словно катятся за матерями.

На кладбищѣ, между стѣнами высокихъ старыхъ тополей, разливается прежняя тишина.

И теперь цѣлый годъ никто не будетъ тревожить спокойствіе мертвецовъ. Только вѣтеръ будетъ шумѣть въ деревьяхъ; только на вершинахъ могильныхъ холмовъ полосы бумаги—желтой и мохнатой—будутъ дрожать и трепыхаться, безсильныя вырваться изъ-подъ придавившаго ихъ камня.

А среди кладбищенскаго безмолвія будутъ распускаться и отцвѣтать въ густой сочной травѣ фіалки, и анемоны, и маки—символы вѣчнаго возрожденія.

V.

Сумрачно, пыльно, запущенно. Желтоватая бумага широкихъ оконъ потемнѣла, загрязнилась, затянулась паутинами; и въ затхломъ недвижномъ воздухѣ стоитъ холодный свѣтъ, тусклый, пепельно-сѣрый.

Холодно и сыро. Пахнетъ нежилымъ, заброшеннымъ, рѣдко посѣщаемымъ помѣщеніемъ.

У порога васъ встрѣчаетъ китаецъ старый и безобразный. Рябое, морщинистое лицо; выцвѣтшіе глаза; беззубый, ввалившійся ротъ; жалкіе, рѣдкіе, отвисшіе книзу усы и борода. И неуклюже топорщатся на немъ синія грязныя одежды; и жалко виситъ изъ-

подъ сѣрой войлочной ермолки жидкая коротенькая косичка сѣдыхъ волосъ.

Вдоль задней стѣны фанзы—одного изъ далекихъ глухихъ отдѣленій богатой кумирни—тянется широкая полка. На полкѣ разставлены стоймя узкія деревянныя дощечки, много, много деревянныхъ дощечекъ. Нижній край вдвинутъ въ небольшую колодку, чтобы придать дощечкѣ устойчивость. На наружной сторонѣ—едва замѣтныя, стертыя временемъ—чуть виднѣются надписи, причудливыя письмена, расположенныя одно надъ другимъ, сплетенныя въ вертикальную строку. Дощечки—красныя, коричневыя, желтыя—почернѣли, покоробились, потрескались. Густая пыль легла на блеклыя надписи. Сѣрыя нити паутины, толстыя и тяжелыя отъ пыли, протянулись отъ одной дощечки къ другой.

А посреди стѣны, надъ сонмомъ дощечекъ, сидитъ, тоже поблекшій, выцвѣтшій и потрескавшійся богъ Преисподней, богъ душъ, ушедшихъ изъ жизни, суровый и страшный Іенгъ-Вангъ. Изъ-за слоя пыли, изъ-за сѣти трещинъ видно блѣдное лицо старика съ огромнымъ высокимъ лбомъ; и большіе выпученные глаза глядятъ грозно и непреклонно.

Передъ богомъ въ глиняномъ жертвенномъ сосудѣ—сѣрый, давно остывшій пепелъ давно невозобновленнаго жертвоприношенія.

Здѣсь, въ далекомъ заброшенномъ отдѣленіи кумирни, собраны погребальныя таблицы людей, умершихъ безъ потомства. У нихъ нѣтъ семьи, которая чтила бы ихъ память въ непрерывномъ рядѣ поколѣній до скончанія вѣковъ. Ранней весной, въ день праздника мертвыхъ, никто не посѣщаетъ ихъ забытыя могилы. Нѣтъ дома, гдѣ бы ихъ таблицы нашли себѣ почетное мѣсто на алтарѣ, въ тѣсномъ семейномъ кругу, объединяющемъ и мертвыхъ, и живыхъ. И некому возжечь передъ ними жертвенныхъ курильныхъ свѣчей.

Ихъ, безродныхъ, несчастныхъ, пріютилъ храмъ. Тѣсной толпой собрались они на широкой пыльной полкѣ передъ древнимъ изображеніемъ Іенгъ-Ванга, страшнаго бога преисподней. Чужая, наемная рука должна заботиться о нихъ, стирать съ нихъ пыль, зажигать передъ ними куренія. Но чужая рука лѣнива и небрежна; наемника больше всего заботитъ своя выгода. И таблицы стоятъ грязныя, пыльныя; и въ глиняномъ жертвенномъ сосудѣ грустно сѣрѣетъ давно остывшій пепелъ давно невозобновленнаго жертвоприношенія.

Народное повѣрье, упорно связывающее вездѣ и всегда счастье съ добромъ, сдѣлало изъ несчастныхъ душъ—злыя души.

Души эти, безродныя, бездомныя, отдѣленныя отъ семьи, гдѣ полновластно господствуетъ Конфуцій, перешли въ вѣдѣніе жрецовъ-таоистовъ, умѣющихъ умилостивить злыхъ духовъ, ублажать ихъ, при случаѣ—обмануть.

И такъ же всенародно, какъ конфуціанскій „праздникъ мертвыхъ", справляется таоистскій „праздникъ духовъ". Тутъ уже жрецы, какъ посредники между духами и людьми, играютъ большую роль; и церемонія, совершаемая въ кумирняхъ, довольно сложна и продолжительна. Музыка играетъ погребальные мотивы; устраиваются шествія; приносится жертвенная пища.

Потомъ, на цѣлый годъ, китайцы считаютъ себя обезпеченными отъ дурного вліянія безродныхъ, бездомныхъ, несчастныхъ, злыхъ духовъ.

VI.

Гвалтъ, смягчавшійся разстояніемъ, стѣнами, шумомъ улицы, теперь, предъ нами, встаетъ во весь ростъ и оглушаетъ, бьетъ по уху. Въ глазахъ пестритъ отъ безпорядочнаго качанія взадъ и впередъ рядовъ маленькихъ человѣческихъ тѣлъ.

Это—китайская школа.

По обѣ стороны фанзы, на длинныхъ скамьяхъ передъ низкими столиками сидятъ дѣти. Ноги калачикомъ поджаты подъ себя. Маленькое тѣльце быстро и упорно наклоняется впередъ, откидывается назадъ въ тактъ повторяемыхъ звуковъ. И, надрываясь отъ напряженія, дикимъ голосомъ, нараспѣвъ дѣти выкрикиваютъ какіе-то звуки—каждый свое, каждый по-своему.

И страшный гамъ—нелѣпый и однотонный—какой-то дикій хаосъ оглушительныхъ звуковъ бьется подъ невысокимъ потолкомъ школьной фанзы.

Въ углу на скамьѣ не то сидитъ, не то лежитъ учитель. Полураскрытые тусклые глаза смотрятъ въ толстую старую книгу. Огромные очки съ круглыми стеклами въ широкой черепаховой оправѣ придаютъ тощему сухому лицу скучный и тупой видъ. Одежда—бѣдная и поношенная. Тутъ же на скамьѣ лежитъ длинная бамбуковая палка.

Учитель—одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ Китаѣ, въ странѣ, гдѣ образованіе цѣнится выше всего. Самые великіе люди—Конфуцій и Менцій—были не болѣе, какъ учителя. Учитель—одинъ изъ предметовъ особаго почитанія рядомъ съ Небомъ, Землей, Императоромъ и Родителями.

Учитель знаетъ тайны земли и неба, читаетъ мысли людей,

жившихъ тысячелѣтія тому назадъ, писавшихъ свои творенія сложными „дзырами“, понятными только тѣмъ, кто основательно изучилъ классиковъ.

Но, рядомъ съ почетнымъ общественнымъ положеніемъ, матеріальное положеніе учителя очень плохо. Есть учителя, трудящіеся только изъ-за пропитанія; есть учителя, не имѣющіе приличнаго платья, чтобы выйти на улицу.

И перемѣнить эту часто нищенскую профессію на другую почти нѣтъ возможности. Учитель знаетъ очень многое, но то, что онъ знаетъ, совершенно не нужно для жизни; а то, что нужно для жизни, ему совершенно чуждо. Ни къ какой работѣ онъ не способенъ. И разъ ставъ на учительскую дорогу, онъ не сойдетъ съ нея; будетъ зябнуть, голодать, плохо одѣваться; будетъ постоянно искать школы побольше, съ жалованьемъ получше; а когда—тощій и сухой—въ потертой синей холщевой одеждѣ, онъ будетъ проходить по улицѣ, скромно потупивъ глаза, какъ подобаетъ мудрецу, онъ будетъ чувствовать на себѣ почтительные взгляды вѣжливо-сторонящихся прохожихъ.

Упорно и однообразно, словно рычаги огромной машины, качаются ученики въ тактъ неистово выкрикиваемыхъ звуковъ. Двадцать, тридцать мальчиковъ; младшимъ—лѣтъ семь, старшимъ лѣтъ пятнадцать. Блѣдныя, тусклыя лица забитыхъ, придавленныхъ дѣтей; взгляды тупые и равнодушные. Маленькія жидкія косички высоко, у самой головы, перевязаны красной тесемкой—знакъ учёбы. На столикахъ передъ дѣтьми—раскрытыя книжки, пестрящія „дзырами“.

Школьная жизнь—не легкая для учителя—не легка и для учениковъ.

Ученье начинается чуть свѣтъ и оканчивается только тогда, когда надвигающіяся сумерки не позволяютъ разбирать буквы. На обѣдъ и на ужинъ полагаются самые короткіе промежутки. Праздниковъ почти нѣтъ. Каникулы—двѣ недѣли зимой и двѣ недѣли лѣтомъ. Наказанія очень строгія; учитель неумолимо расправляется своей бамбуковой палкой, которую почти не выпускаетъ изъ рукъ. Ученье сухое, скучное, чисто механическое, развивающее исключительно память.

Главной задачей становится запоминаніе „дзыровъ“ и долбежка ихъ въ извѣстной послѣдовательности. Учитель указываетъ въ книгѣ, какой звукъ соотвѣтствуетъ извѣстному сплетенію линій; и ученики зубрятъ звуки въ той послѣдовательности, въ какой „дзыры“ стоятъ въ книгѣ. Пониманіе не обязательно; но обязательно выкрикиваніе. Это — методъ преподаванія. Если уче-

никъ не будетъ кричать, — какъ узнаетъ учитель, учится ли ученикъ?

А такъ какъ учиться и кричать—одно и то же, ученики кричатъ неистово, до хрипоты, наполняя фанзу безумнымъ хаосомъ звуковъ; и, въ тактъ этой дикой музыкѣ, они качаются взадъ и впередъ, словно десятки маятниковъ на стѣнѣ часового магазина.

Первая учебная книга называется „Трехзначный классикъ". Она написана строчками, по три „дзыра" въ каждой; всего въ ней около тысячи „дзыровъ". Книга эта составлена около тысячи лѣтъ тому назадъ. И съ тѣхъ поръ неисчислимыя тьмы-темъ людей—всѣ грамотные китайцы—зазубривали, плохо понимая ихъ, различные афоризмы, обращая главное вниманіе не на ихъ смыслъ, а на послѣдовательность звуковъ и на соотношеніе между звуками и „дзырами".

Потомъ, преуспѣвая въ наукѣ, ученикъ идетъ къ слѣдующимъ книгамъ классиковъ; мѣняется содержаніе, но такъ какъ суть не въ немъ—дѣло идетъ по-старому; появляются новые неизвѣстные „дзыры"; знакомые приходятъ въ новой послѣдовательности; и ученикъ неистово, до хрипоты, выкрикиваетъ звукъ за звукомъ и качается взадъ и впередъ, сидя на скамьѣ передъ невысокимъ столикомъ.

Потомъ онъ отвѣчаетъ урокъ. Одно изъ условій хорошаго отвѣта—кричать во все горло. Другое—отвѣчать безъ запинки, безъ передышки.

И вотъ ровнымъ, монотоннымъ голосомъ, краснѣя отъ напряженія, силясь перекричать товарищей, которые продолжаютъ учиться, ученикъ голоситъ свой урокъ. Знаковъ препинанія не существуетъ. Не существуетъ и логической остановки въ концѣ предложенія. Ученикъ выкрикиваетъ звуки въ томъ порядкѣ, въ какомъ въ книгѣ стоятъ „дзыры". Иногда какое-нибудь слово выпадетъ изъ общаго ряда. И тогда ученикъ ищетъ его не по смыслу фразы, а по памяти слуха; онъ возвращается назадъ за два, за три, за десять словъ, чтобы оттуда съ разбѣга преодолѣть препятствіе.

А учитель—тощій и сухой, въ бѣдной, поношенной одеждѣ—слушаетъ съ равнодушнымъ видомъ. Полураскрытые тусклые глаза уныло глядятъ черезъ большія круглыя стекла очковъ въ широкой черепаховой оправѣ. И длинные тонкіе пальцы красивой нерабочей руки сжимаютъ конецъ бамбуковой палки, лоснящейся отъ частаго употребленія.

Благополучно перескочивъ черезъ опасное мѣсто, ученикъ продолжаетъ выкрикивать свой урокъ быстро, быстро, едва пе-

реводя духъ. А по обѣ стороны на длинныхъ скамьяхъ качаются, какъ автоматы, и неистово галдятъ его товарищи.

Бѣдные ребятишки! Лучшіе, радостные дни жизни безжалостно отняты у нихъ, испорчены, исковерканы, засушены. Попавъ въ школьную фанзу, дѣти перестаютъ быть дѣтьми; они становятся учениками.

У нихъ нѣтъ свободнаго времени, у нихъ почти нѣтъ семьи; у нихъ отняты игры, шалости, разумная работа надъ живымъ, понятнымъ дѣломъ, пріятный, укрѣпляющій отдыхъ. Вмѣсто разнообразной, многоцвѣтной жизни, ученикъ окруженъ четырьмя стѣнами школьной фанзы; и жадная до живого знанія мысль его осуждена уходить въ мертвыя очертанія многовѣковыхъ дзыровъ...

Источникъ вѣчной мудрости—школа — осудила жизнь, какъ что-то низшее и недостойное. На все жизненное, повседневное школьникъ пріучается смотрѣть съ холоднымъ презрѣніемъ. Въ рѣдкій праздничный день онъ не пойдетъ играть въ шумную игру, не будетъ продѣлывать обычныя дѣтскія шалости, какъ простой необразованный мальчикъ—его сосѣдъ и недавній товарищъ. Онъ не будетъ исполнять мелкихъ домашнихъ работъ, не принесетъ воды изъ колодца, не переставитъ скамью съ одного мѣста на другое,—онъ знаетъ, что все это непристойно для того, кто изучаетъ классиковъ. Блѣдный, худощавый, изнуренный, съ красной тесьмой, перевязанной вокрусъ косы,—сидитъ онъ гдѣ-нибудь у дверей фанзы, одинъ въ своей семьѣ, одинъ среди другихъ дѣтей—чужой, чуждающійся.

И что-то тянетъ его изъ этого непонятнаго, чуждаго ему міра, обратно въ школьную фанзу, туда, гдѣ со страницы старой, истрепанной книжки будутъ смотрѣть на него все новые и новые „дзыры", сложные и причудливые—символы мудрости и вѣчности; учитель, живущій исключительно среди классиковъ въ полномъ равнодушіи къ окружающему, будетъ строго смотрѣть черезъ большія, круглыя стекла очковъ въ широкой черепаховой оправѣ; на скамьяхъ передъ низкими столиками будутъ качаться настойчиво и однообразно, словно рычаги огромной машины, блѣдные худощавые мальчики съ красными тесемками, обмотанными вокругъ косъ; и дикій хаосъ неистовыхъ звуковъ, выкрикиваемыхъ нараспѣвъ, во всю силу молодыхъ звонкихъ голосовъ, будетъ метаться по фанзѣ, стучаться въ окна, биться въ стѣны и въ потолокъ...

Александръ Ротштейнъ.

КРЕСТЬЯНЕ

РОМАНЪ.

— *Georges Beaume*, Les Jacques. Paris, 1906.

I. — Заговоръ.

Зимнимъ вечеромъ, человѣкъ двадцать земледѣльцевъ собрались съ цѣлью подготовить стачку въ Незиньянѣ—значительномъ мѣстечкѣ Нижняго Лангедока.

Страхъ нищеты, вызванный черезчуръ обильнымъ урожаемъ и продажею вина въ убытокъ, закрадывался въ души бѣдняковъ, число которыхъ возрастало каждою осенью. Это были мелкіе собственники, перезакладывавшіе каждою весною свои владѣнія; страшились и богачи, больше не рѣшавшіеся пріѣзжать въ собственныхъ экипажахъ въ свои усадьбы.

Большая дорога раздѣляла на двѣ части мѣстечко, имѣвшее до трехъ тысячъ жителей. Направо былъ кварталъ богачей, гдѣ имѣлась обширная площадь, церковь, ратуша и ряды старинныхъ, сумрачныхъ домовъ, налѣво—кварталъ бѣдняковъ съ узкими, кривыми переулками и закоулками, съ низкими, темными домами, въ которые, какъ въ погреба, приходилось спускаться по шаткимъ ступенямъ. По громадной равнинѣ, очаровательной въ апрѣлѣ, когда виноградники покрываются молодой листвою, въ садахъ распускаются бѣлые и алые цвѣты и въ воздухѣ трепещутъ серебристые листы тополей, протекала бурливая рѣка съ широкими песчаными берегами и глубокими омутами въ тѣни ивъ и ясеней.

Сегодня, въ звѣздную ночь, рѣка ревѣла, какъ хищный звѣрь среди холодной равнины, разбиваясь о плотину старой мельницы

противъ замка Майреналь, еще величественнаго въ своемъ разрушеніи. Рокотъ волнъ достигалъ до маленькихъ оконъ въ домѣ Красной-Головы, и когда крестьяне, задумавшись, умолкали, онъ явственно слышался въ комнатѣ.

Эта комната, съ каменнымъ поломъ и очагомъ, свидѣтельствовала своею обстановкою о нѣкоторомъ довольствѣ. Тамъ стоялъ трехстворчатый, набитый бѣльемъ шкафъ; мебель была съ мѣдными инкрустаціями. Любившій широкую, веселую жизнь, Красная-Голова спустилъ земли и мельницы. У него оставался лишь этотъ домъ—такой же старинный, какъ и церковь, а на склонѣ холма—два виноградника по сосѣдству съ его прежнимъ имѣніемъ Турбъ, перешедшимъ во владѣніе первѣйшаго мѣстнаго богача—Антуана Корнюбера.

Красная-Голова не скрывалъ своего крестьянскаго происхожденія: даже въ дни своего процвѣтанія онъ говорилъ простонароднымъ языкомъ и носилъ крестьянскую одежду. Отъ него исходилъ запахъ земли, пріятный, опьяняющій, какъ вино.

Когда въ его родной Лангедокъ вцѣпилась острыми когтями нужда, отрывавшая отъ земель кусокъ за кускомъ ради насыщенія разжирѣвшихъ богачей и скупщиковъ, Красная-Голова затрепеталъ отъ гнѣва и скорби. Но затѣмъ воображенію его предстало въ будущемъ новое, просвѣщенное религіей справедливости, облагороженное испытаніями человѣчество, которое создастъ иную, по истинѣ человѣческую жизнь. Онъ стыдился униженій, выпавшихъ на долю его обнищавшихъ собратій. Ради нихъ, ради всѣхъ, способствовавшихъ процвѣтанію родного края, онъ задумалъ потрясти сердца богачей, поднять возмущеніе противъ современныхъ рабовладѣльцевъ, кующихъ цѣпи изъ золота.

Всѣ знали его подъ именемъ Красной-Головы, которымъ онъ былъ обязанъ яркому цвѣту своихъ жесткихъ волосъ, густымъ бровямъ и длинному, худощавому лицу, носившему отпечатокъ мысли и воли. Всѣ товарищи его также имѣли прозвища, переходившія отъ отца къ сыну; тутъ были: Овца-человѣкъ, съ черною бородкою, прадѣдъ котораго былъ пастухомъ; Желѣзнякъ-каменьщикъ, съ такою крѣпкою головою, что кузнецъ не разбилъ бы ее молотомъ; Разумникъ-молодецъ—себѣ-на-умѣ, походившій съ виду на простофилю; Стряпчій—изъ бывшихъ буржуа, болтунъ съ выдающейся челюстью; Альбиносъ—красноглазый и бѣловолосый; Матросъ—съ черными бакенами; Странникъ-пухлякъ, бритый, въ широкополой дѣдовской шляпѣ.

Всѣ они были лѣтъ сорока—въ расцвѣтѣ силъ и мужественности, за исключеніемъ Красной-Головы, которому было около

пятидесяти, и молодого, только-что отслужившаго свой срокъ, парня, по прозванію Расшибало, страстно преданнаго дѣлу крестьянства. Онъ былъ выше средняго роста, съ крупною черноволосой головой, гордо сидѣвшей на широкихъ плечахъ; говорилъ онъ отрывисто, такъ какъ его тревожила любовная забота. Позади облокотившихся на столъ мужчинъ, поодаль отъ висячей лампы, помѣщались слушавшія ихъ разговоръ женщины, благоговѣйно сосредоточившіяся, какъ въ церкви. Рядомъ съ матерью сидѣла на высокомъ стулѣ единственная дочь Красной-Головы—Жермена. Ея смуглое, загорѣлое лицо и полный бюстъ возвышались надъ толпою; ни одинъ изъ молодыхъ парней въ Незиньянѣ не осмѣливался ухаживать за нею—до такой степени презрительно относилась она къ бѣднякамъ, одѣтымъ въ грубый плисъ и запыленнымъ до самыхъ ушей. Расшибало былъ единственнымъ, осмѣлившимся признаться ей въ любви. Въ то время, какъ мужчины, подъ ревъ непогоды, упивались мечтою о возстаніи, Жермена старалась подавить волненіе, и тѣмъ не менѣе, полныя губы ея вздрагивали болѣзненно, когда отецъ ея упоминалъ съ презрѣніемъ имя богача изъ богачей—Антуана Корнюбера, владѣвшаго теперь имѣніемъ Турбъ, гдѣ она родилась. Въ сорокъ лѣтъ онъ былъ неженатъ и не имѣлъ любовницъ; Жермена знала, что онъ честенъ, трудолюбивъ, влюбленъ въ эту землю, о которой она иногда мечтала, какъ о своей. Она чувствовала, что съ тѣхъ поръ, какъ ея красота была въ полномъ расцвѣтѣ, онъ слѣдилъ за нею влюбленнымъ взглядомъ, и влеченіе, которое онъ ощущалъ къ ней, пробудило влеченіе съ ея стороны. Быть можетъ, оба они смутно сознавали, что среди готовящагося переворота любовь роковымъ образомъ должна была соединить ихъ—на благо ихъ рода.

Тѣмъ временемъ Красная-Голова, стуча кулакомъ по столу, кричалъ:

— Приходитъ рабочая пора... Мы—хозяева, мы одни умѣемъ воздѣлывать землю. Мы должны предписывать законы богачамъ. Лишь по нашей милости люди пьютъ вино, веселящее ихъ сердце и согрѣвающее желудокъ... Надо объединиться, дѣйствовать дружно...

— Такъ, — поддержалъ Стряпчій, — намъ нуженъ вождь, иначе мы будемъ стадомъ, а стадо ведутъ на бойню.

— Еще я боюсь,—продолжалъ Красная-Голова,—что запалу у насъ не хватитъ. Какъ бороться съ тѣми, у кого денегъ куры не клюютъ?

Товарищи его, у которыхъ мозги медленно работали, заше-

велились, но молчали. Они встрепенулись, когда Расшибало, поднявъ стаканъ, воскликнулъ:

— Что до меня,—я не боюсь голода... Пусть богачи поклонятся намъ!

Красная-Голова напомнилъ, что прошлый разъ ихъ стачка не удалась изъ-за бѣдняковъ—жителей горъ, которые еще глупы. Въ нѣсколько недѣль они собрали жатву, стоившую мѣстнымъ жителямъ цѣлаго года работы. Они только портятъ лозы. Куда имъ!.. Ха! ха!

Онъ самодовольно посмѣивался, лицо его раскраснѣлось, морщины лучились вокругъ глазъ; товарищи тоже смѣялись, гордясь своимъ умѣньемъ; они подталкивали другъ друга плечомъ, хлопали по ляжкамъ. Красная-Голова движеніемъ руки заставилъ ихъ замолчать и заключилъ:

— Мы составимъ списокъ нашихъ требованій—я или кто-нибудь изъ васъ...

— Ты, ты!

— Но, знайте, когда у насъ не будетъ хлѣба, придется солому ѣсть.

Страннику, толстяку, любившему хорошо питаться, это не понравилось, но Желѣзнякъ заявилъ, что зубы у нихъ волчьи, а Красная-Голова прибавилъ, что если народъ боится страданій, можно отступить еще разъ.

— Мы отступимъ только тогда, когда насъ понесутъ на носилкахъ. Все разнесемъ!—зарычалъ Расшибало, жившій со старухою-матерью въ лачугѣ, на краю деревни. Красная-Голова одобрительно взглянулъ на молодого человѣка.

Всѣ принялись за составленіе списка, опьяненные мечтами. Имъ отрадно было мыслить одинаково; слово проникало въ глубину ихъ взволнованныхъ душъ, подобно желѣзу плуга, взрывающему почву ихъ виноградниковъ. По временамъ, они переводили духъ, и женщины сочувственно вздыхали. Наконецъ, Красная-Голова торжественно прочелъ бумагу. Бѣдняки требовали отъ хозяевъ: доставленія работъ всѣмъ безработнымъ, восьмичасового рабочаго дня, двухъ литровъ вина мужчинамъ, литра—женщинамъ, трехъ франковъ въ день работнику, двухъ франковъ—работницѣ, удаленія управляющаго имѣніемъ Турбъ—г. Азэма.

Окончивъ чтеніе, Красная-Голова, молча, оглядѣлъ толпу; женщины лукаво подмигивали; мужчины, веселые, беззаботные, какъ въ воскресенье, поздравляли другъ друга.

— Вотъ это ловко!.. Никакихъ полумѣръ!

Жена Красной-Головы наполнила стаканы; женщины встали

со своихъ мѣстъ и подошли къ мужьямъ и сыновьямъ, чтобы обнять ихъ или похлопать по плечу; одна Жермена осталась на мѣстѣ; втайнѣ ее страшило это возстаніе безразсудныхъ крестьянъ; она ощущала желаніе предохранить отъ смерти или несчастія главу богачей, котораго въ прежнее время своего благосостоянія она открыто избрала бы себѣ въ мужья. Въ особенности она опасалась Расшибалы, ревности влюбленнаго, дѣлавшей его проницательнымъ. Жермена увидала, что онъ уже пробирается къ ней, но въ это время въ комнату хлынула изъ двухъ дверей цѣлая толпа крестьянъ и крестьянокъ, пришедшихъ поздравить Красную-Голову.

Среди наступившей толкотни дѣти запѣли „Марсельезу"; по угламъ взвизгивали дѣвушки, которыхъ щекотали, подъ шумокъ, ихъ возлюбленные. Лампа словно потускнѣла; распространялся рѣзкій запахъ пота, голоса повышались, весь домъ дрожалъ, и отъ этого отдаленнаго гула должны были вздрагивать во снѣ обитатели богатыхъ домовъ. Красная-Голова всталъ на стулъ, головы всѣхъ обратились къ нему.

— Друзья!—крикнулъ онъ:—вамъ извѣстна программа требованій? Итакъ, до воскресенья. Разойдемся!

Поднялись громкіе крики въ честь иниціаторовъ стачки; толпа двинулась къ выходу, толкаясь и шумя. Расшибало масляными глазами смотрѣлъ на Жермену; она позволяла ухаживать за собою на словахъ, но отстраняла каждую попытку дать волю рукамъ, вызывавшую въ ней страхъ и отвращеніе.

— Ты ничего не сказала... Презираешь насъ, видно?

— Нѣтъ, я просто думаю, что ради вашей болтовни богачи не разстанутся со своими деньгами.

— Они должны дать намъ деньги и хлѣбъ. Я не хочу околѣвать съ голоду возлѣ ихъ кубышекъ.

— А еслибы ты былъ богатъ, ты отдалъ бы свою кубышку другимъ? Вотъ какъ? Ха, ха! Ври больше...

— Что же дѣлать по-твоему? Просить милости у буржуа, желающихъ быть нашими притѣснителями? Меня злитъ, что ты—дитя народа—противъ насъ.

— Вздоръ! Я раздѣляю ваши страданія. Но я боюсь стачки, боюсь не за богачей, которые станутъ защищаться, а за народъ... Возстаніе вызоветъ крутыя мѣры...

Жермена хитрила, и онъ былъ обманутъ искренностью ея тона. Онъ радостно смѣялся, разминалъ руки, щеголялъ передъ нею своими мускулами; она тоже смѣялась во весь ротъ, такъ что упругая грудь ея вздрагивала подъ узкимъ корсажемъ. Осмѣ-

лѣвъ, онъ попытался пощекотать ее своими мозолистыми пальцами; она ловко уклонилась, твердо стоя на ногахъ и держа руки въ карманахъ передника. Безчувственная она, что̀-ли?.. Онъ вдругъ обхватилъ ее руками съ такою силою, что Жермена покачнулась, но въ ту же минуту она, выдернувъ у него правую руку, закатила ему полновѣсную пощечину. Онъ отступилъ, смущенный, смѣясь, чтобы скрыть свою досаду, и сама Жермена, отвадивъ его, расхохоталась. Всѣ обернулись въ ихъ сторону; посыпались шуточки, красныя словца; мужчины, вспоминая свои ухаживанія, потѣшались надъ Расшибалой. Красная-Голова сдѣлалъ выговоръ дочери и ласково простился съ молодымъ человѣкомъ, который вышелъ послѣднимъ. По его уходѣ, онъ подозвалъ Жермену. Что̀ значитъ ея поведеніе? Она не хочетъ слышать о Расшибалѣ? Пусть такъ, хотя ему онъ по сердцу. Обидно то, что она смѣется надъ ними всѣми, надъ стачкою... Что̀ она о себѣ думаетъ?

— Ничего, отецъ.

— Мы были богаты, но теперь у насъ ничего нѣтъ, кромѣ нашихъ рукъ. И если только ты не раздѣляешь вѣрованій народа, если ты измѣнишь своему крестьянскому роду, если ты обманешь меня, Жермена... — Его страшныя руки съ угрозой поднялись къ ея горлу; казалось, онъ готовъ былъ задушить ее.

— Если ты обманешь меня, я накажу тебя безъ милосердія, чтобы подать примѣръ... Честь — прежде всего.

Онъ выпустилъ ее, стыдясь своего порыва, и, не поднимая глазъ, вышелъ изъ комнаты.

Жермена, ничего не сказавъ, подошла къ матери, прибиравшей бутылки, но втайнѣ трепетавшей отъ страха, и принялась помогать ей. Красная-Голова прошелъ въ погребъ; онъ ругалъ свою черезчуръ довѣрчивую дочь, лукавыхъ буржуа, богатство которыхъ соблазняло ее. Тѣмъ не менѣе, когда онъ вернулся въ комнату, раздраженіе его улеглось, и онъ принялся робко вертѣться вокругъ двухъ женщинъ, молча прибиравшихъ посуду. Когда Жермена проходила мимо него, онъ поймалъ ея руку и спросилъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Такъ это правда? Ты — съ нами?

— Да. Не тревожься, отецъ, тебѣ не придется краснѣть за меня.

— Я радъ, очень радъ.

Онъ пожалъ ей руку съ жаромъ, въ которомъ чувствовались радость и святая надежда. Затѣмъ онъ устало опустился

на стулъ у очага и, глядя на пламенѣющій пепелъ, принялся думать о стачкѣ. Своею глубокою душою крестьянина, онъ, казалось, слышалъ голосъ готовящагося къ бою народа, голосъ, подобный гулу ищущаго себѣ исхода подземнаго потока.

II.—Въ Турбѣ.

Антуанъ Корнюберъ былъ красивый человѣкъ лѣтъ сорока, очень смуглый, съ полными красными щеками, съ глазами, въ которыхъ свѣтилось лукавство, а порою — доброта. Сегодня яснымъ утромъ онъ прогуливался въ обществѣ маркиза де-Майреналя по широкой, ведущей въ Турбъ, дорогѣ.

Равнина въ своемъ поблекшемъ осеннемъ одѣяніи сверкала на солнцѣ; повсюду виднѣлись золотистыя и темныя поля, пестрѣли деревни; среди группы домовъ кое-гдѣ поднималась, подобно посоху пастуха, темная колокольня. Эта плодоносная долина, орошаемая разливомъ рѣки, согрѣтая солнечными лучами и близкая къ морю, привлекала много сѣверныхъ и южныхъ племенъ, различныхъ по наружности и характеру; основавшись здѣсь, они съ теченіемъ времени слились въ особую расу, любившую свѣтъ и радость.

Представители аристократіи и буржуазіи—оба съ гордостью, но сегодня не безъ примѣси грусти — любовались своимъ роднымъ краемъ. Въ деревнѣ зрѣла до сихъ поръ еще неизвѣстная среди земледѣльцевъ стачка. Корнюберъ всѣми фибрами своего существа сросся съ родною землей; несмотря на всю его энергію, стачка тревожила его—не изъ-за него лично, а ради этого уголка земли, составлявшаго его могущество и гордость. Какъ истинный крестьянинъ, онъ страстно исповѣдывалъ культъ земли, его счастіемъ было — работать на этой, принадлежавшей его предкамъ землѣ, наслаждаться ею, какъ небомъ, равно доступнымъ для бѣдныхъ и богатыхъ, разливающимъ на всѣхъ свой благословляющій свѣтъ. Онъ предвидѣлъ, что если ничто не остановитъ въ ея гнѣвѣ толпу бѣдняковъ, величайшія бѣды и разрушеніе постигнутъ долину и холмы, дома и житницы, весь родной Лангедокъ, и его собственное, накоплявшееся годами благосостояніе будетъ вырвано съ корнемъ, какъ стоящее на пути дерево.

И все же онъ не могъ осуждать тѣхъ, которые возстали на богачей. Онъ зналъ, насколько лживы, трусливы, скупы, ограничены эти богачи. Онъ не забывалъ, что самъ вышелъ изъ народа, рабочими руками котораго онъ пользовался.

Онъ обращался съ бѣднѣйшими изъ своихъ братьевъ-рабочихъ съ чисто братской фамильярностью. Но теперь, вслѣдствіе паденія цѣнъ, банкротства, задолженности, крестьяне объявили походъ противъ мѣстныхъ крупныхъ владѣній и прежде всего— противъ Турба, самаго обширнаго и прекраснаго. Корнюберъ льстилъ себя мыслью, что силою своего богатства и въ особенности своей воли онъ сломитъ нашествіе варваровъ.

Маркизъ де-Майреналь, наоборотъ, думалъ, что возмущеніе крестьянъ уляжется подъ вліяніемъ весенняго расцвѣта. Ему было семьдесятъ лѣтъ, и онъ столько разъ видѣлъ на своемъ вѣку, какъ плохія времена смѣнялись хорошими, что уже не сомнѣвался въ живучести своего края и народа. Посмѣиваясь надъ мрачными предчувствіями Корнюбера, онъ выпрямлялъ свой высокій, худощавый станъ и весело поигрывалъ тросточкою съ золотымъ набалдашникомъ. Онъ принадлежалъ къ древнѣйшей изъ лангедокскихъ аристократическихъ фамилій и жилъ съ дочерью въ старинномъ, полуразрушенномъ замкѣ, среди запущенныхъ виноградниковъ. Къ себѣ онъ никого не приглашалъ, а, прогуливаясь по окрестностямъ, строилъ планы относительно будущности своей дочери; это утѣшало его въ утратѣ его прежняго престижа въ обществѣ, всецѣло преданномъ культу золота. Добрый въ силу религіозныхъ убѣжденій и по природѣ, маркизъ всюду вносилъ съ собою рѣдкій даръ снисходительности и непоколебимаго оптимизма.

— Чего вы опасаетесь? — успокоительно проговорилъ онъ, обращаясь къ Корнюберу.

— Лично для себя—ничего. Но если я сдамся на ихъ угрозы, и остальная буржуазія сдастся.

— Вы богаты, они вамъ завидуютъ, это такъ естественно.

— Развѣ я воровствомъ нажилъ свое богатство?

— Не въ этомъ дѣло. Вы не станете отрицать, что они угнетены нищетою?

— Не могу же я, ради ихъ удовольствія, давать имъ безъ надобности работу на моихъ виноградникахъ?

— Почему бы нѣтъ? Для буржуазіи могутъ настать временныя затрудненія, они же обречены на вѣчную нужду. Они волнуются для того, чтобы измѣнить порядокъ вещей.

— Не сдѣлались ли вы революціонеромъ?

Маркизъ оправилъ свой галстукъ и отвѣтилъ лукаво:

— Хе! хе! Революціонеръ? Что же? Франція переживаетъ еще одинъ переворотъ. Что до меня лично,—я ничего не теряю. Наша революція 89-го года всего или почти всего меня лишила

Маркизъ смолкъ; у него хватило бы мужества выразить презрѣніе, внушаемое ему алчнымъ эгоизмомъ буржуазіи, но ему не хотѣлось повторять тѣхъ обвиненій, которыми злоупотреблялъ народъ. Онъ не желалъ также оскорблять Корнюбера, самаго честнаго изъ нихъ и менѣе другихъ о себѣ воображавшаго. Онъ посѣщалъ его съ тайною надеждою выдать за него свою дочь. Но Корнюберъ понималъ, что въ глубинѣ души маркизъ не можетъ признать владычества буржуазіи законнымъ и воздерживается отъ обвиненій исключительно изъ чувства презрѣнія. Онъ прикусилъ губу; ему хотѣлось бы сказать маркизу что-нибудь обидное, но тотъ былъ неуязвимъ въ своей бѣдности и чести.

Они продолжали разговоръ о стачкѣ. Корнюберъ жаловался, что крестьяне выбрали самый неудобный моментъ для предъявленія своихъ требованій. Хорошо маркизу совѣтовать, чтобы владѣльцы постарались урезонить ихъ. Развѣ можно столковаться съ ураганомъ? Виною всему Красная-Голова, бывшій буржуа, который учитъ этотъ безмозглый людъ порядку и организаціи, внушаетъ имъ руководящую ими ненависть. Онъ честенъ, уменъ и тѣмъ болѣе опасенъ.

Оба они съ тревогою смотрѣли въ сторону деревни, такой счастливой когда-то, но теперь уже таившей въ себѣ искру мятежа. Сегодня къ владѣльцу Турба должна была явиться депутація, но тяжелый бронзовый колоколъ на колокольнѣ уже отсчиталъ десять медленныхъ ударовъ, а на вершинѣ холма, скрывающаго долину, еще никто не появлялся. Неужели въ послѣднюю минуту крестьяне струсили, отступили? Съ ихъ вожакомъ, Красною-Головою, человѣкомъ здороваго ума, почвенникомъ, но не чуждавшимся культуры, онъ могъ бы столковаться. Что̀ раздѣляло ихъ? Презрѣнный денежный вопросъ. Въ сущности исполненіе одного изъ его желаній зависѣло лишь отъ его собственной воли; мать его, какъ всегда, дала бы свое согласіе. Жерменѣ нравится онъ самъ и его имѣніе; она, не скрываясь, посылала ему взгляды и улыбки, несомнѣнно любовнаго характера. Любилъ ли онъ ее? Онъ находилъ ее страстною, живою, пылкою, полною очарованія, присущаго ихъ расѣ. Она пробуждала въ немъ чувственное влеченіе, связанное съ робостью, уваженіемъ и своего рода стыдливостью. Ему нравилось, что она — единственная изъ незиньянскихъ дѣвушекъ, уже обзаведшихся сужеными, сохранила до сихъ поръ свободу сердца, дѣвическую невинность. Ему пріятно было ласкать ее взоромъ, слушать ея свѣтлый, какъ воды ручья, голосъ; онъ видѣлъ въ

ней воплощеніе родного Лангедока, въ которомъ онъ былъ королемъ. Тогда онъ думалъ съ наивнымъ суевѣріемъ, что онъ сумѣетъ силою своей любви оградить Турбъ отъ народнаго нападенія, но взамѣнъ не потребуетъ ли она, чтобы онъ, вождь богачей, отдался ей тѣломъ и душой? На мѣстныхъ собраніяхъ, на празднествахъ, Антуанъ Корнюберъ въ кругу знати стыдился по временамъ своего незнатнаго происхожденія; онъ могъ стать равнымъ имъ, лишь женившись на дочери какого-нибудь аристократа; всѣхъ симпатичнѣе былъ ему маркизъ де-Майреналь, но, къ несчастью, онъ не могъ полюбить его дочь—взбалмошную и надменную. Тридцатилѣтняя графиня Сюзанна, худая, высокая, не обладала никакими чарами для того, чтобы плѣнять сердца и возбуждать въ нихъ влеченіе къ себѣ. Она презирала народъ—рабочій классъ и мелкихъ буржуа, простыхъ людей, копающихся въ навозѣ и выражающихъ свою мысль грубымъ, порою непристойнымъ языкомъ.

Въ то время, какъ мужчины разговаривали между собой, графиня показалась на дорогѣ. Она была въ черной амазонкѣ и ѣхала на длинномъ, костлявомъ конѣ, напоминавшемъ Россинанта. Мужчины остановились, интересуясь узнать: почему она такъ спѣшитъ? Подъѣхавъ къ нимъ, она спрыгнула на землю и протянула руку Корнюберу, который самымъ почтительнымъ обраломъ раскланялся передъ нею.

— Господа,—проговорила графиня,—на деревнѣ дѣла идутъ все хуже и хуже. Вы, кажется, этого не подозрѣваете?

— Мы знаемъ, графиня, — отвѣтилъ Корнюберъ: — скоро стачка разразится, и я первый пострадаю отъ нея, но я не боюсь. Мои рабочіе еще не забастовали.

— Итакъ, вы намѣрены отказать народу въ его требованіяхъ?—спросила она, гордо поднимая свое угловатое, рыжеватое лицо съ маленькимъ ртомъ.

— Безусловно.

— Вы правы. Нельзя допустить, чтобы онъ въ своей грубости уничтожилъ все, чѣмъ мы живемъ.

— Въ тебѣ нѣтъ милосердія, дитя мое! — вздохнулъ маркизъ.—Крестьяне—не скотъ.

— Крестьяне утратили, папа, чувство уваженія и покорности, даже самую вѣру. Они въ бѣдности своей блуждаютъ, какъ слѣпцы, ожидая справедливости, которой не можетъ быть на землѣ.

Она ударила хлыстомъ по своей амазонкѣ; маркизъ пожалъ плечами, но въ это время они замѣтили поспѣшно спускавша-

гося съ холма полевого сторожа Палью, франтоватаго, съ сѣдыми усами и загорѣлымъ лицомъ, гордившагося своимъ званіемъ, дававшимъ ему право носить на перевязи ружье. Онъ отдалъ честь по-военному.

— Мое почтеніе, господа! Вотъ бумага отъ г. мэра.

— Хорошо,—отвѣтилъ Корнюберъ, спокойно пробѣжавъ приглашеніе мэра, который очень любезно упрашивалъ его пожаловать по важному дѣлу въ мэрію. Корнюберъ сдвинулъ брови.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы знаете, г. Корнюберъ. Съ вами хотятъ поговорить насчетъ стачки.

— Стачка? Я не знаю ея.

— Тѣмъ хуже. Я исполняю приказаніе г. мэра.

— Я не повинуюсь ничьимъ приказаніямъ.

Корнюберъ, отвернувшись, подошелъ къ маркизу и его дочери, между тѣмъ какъ сторожъ отправился въ обратный путь, оскорбленный въ своемъ самолюбіи должностного лица; онъ не безъ зависти поглядывалъ на этого буржуа, богатство котораго ставило его надъ всѣми и привлекало къ нему сочувствіе даже бывшихъ владѣльцевъ и господъ этого края. Онъ дошелъ уже до вершины холма, когда на встрѣчу ему попался управляющій Корнюбера, г. Азэма́, ѣхавшій въ своемъ тильбюри.

Азэма́ — управляющій, довѣренное лицо богача Корнюбера, былъ значительною особою. Толстякъ, съ лоснящимися щеками, съ живыми черными глазами, онъ изумлялъ своею подвижностью, своею выносливостью; онъ былъ всегда въ разъѣздахъ, всегда за работою.

По происхожденію сынъ рабочаго, онъ блестяще окончилъ курсъ коллегіи, десятью годами ранѣе Корнюбера, но затѣмъ поддался очарованію, которое земля имѣетъ для крестьянина. Онъ воздѣлывалъ ее, удобрялъ, умѣло повышая ея производительность; въ теченіе двадцати лѣтъ онъ работалъ въ Турбѣ, ставшемъ для него роднымъ. Онъ заражалъ рабочихъ своимъ жаромъ, „пробиралъ“ недобросовѣстныхъ, не хитря съ ними, и самому хозяину, не стѣсняясь, высказывалъ свое мнѣніе. Его не любили, но побаивались.

Тильбюри приближался, лошадь была въ мылѣ; подъѣхавъ къ Корнюберу, управляющій, отдуваясь, соскочилъ на землю.

— Ну, что дѣлается на деревнѣ, Азэма́?

— Это серьезнѣе, чѣмъ я предполагалъ, г. Корнюберъ. Вы получили приглашеніе мэра? Я бы не поѣхалъ туда на вашемъ мѣстѣ.

— Я и не поѣду. Пусть явится сюда.

— Главари собрали народъ, всѣ ждутъ на дорогѣ. Жены горланятъ громче мужей. Требуютъ полнаго подчиненія хозяевъ. Въ особенности они возбуждены противъ васъ. Они предъявятъ вамъ свои требованія, и если вы не исполните ихъ, снимутъ вашихъ рабочихъ. Нельзя дѣлать имъ ни малѣйшей уступки.

— Я ничего не уступлю. Не сомнѣвайтесь во мнѣ.

Корнюберъ похлопалъ его по плечу. Азэма́ взглянулъ на него, тронутый дружбою, которою удостоивалъ его хозяинъ.

Маркизъ съ дочерью, отошедшіе изъ деликатности, приблизились не безъ колебанія къ разговаривавшимъ.

— Итакъ, вы примете стачечниковъ, г. Корнюберъ?—спросила графиня.

— Придется.

— Въ такомъ случаѣ мы покидаемъ васъ. Они способны явиться въ за́мокъ. Мы — дворяне, и поэтому насъ ненавидятъ.

Она горячо пожала ему руку, желая выказать ему свое уваженіе; затѣмъ отецъ подсадилъ ее на лошадь, и они молча удалились по освѣщенной солнцемъ аллеѣ. Азэма́ вышелъ изъ экипажа и, легко неся свою тушу, пошелъ рядомъ съ хозяиномъ, не сводившимъ глазъ съ деревни. Въ километрѣ отъ нихъ лежала среди розъ и платановъ усадьба, сіяющая ослѣпительною бѣлизною; деревня осталась позади влѣво,—оттуда доносился гулъ, подобный гудѣнію машинъ на фабрикѣ. Съ долинъ и холмовъ, брошенныхъ сегодня рабочими, поднимался запахъ виноградныхъ лозъ и дрока. Несмотря на свое мужество и рѣшимость, оба они смутно боялись выказать себя трусами передъ состоящею изъ знакомыхъ лицъ толпою. У подножія террасы показался слуга, взявшій лошадь Азэма́. Домъ съ опущенными сторами, залитый солнечнымъ свѣтомъ, мирно дремалъ.

Азэма́ пошелъ за рабочими, которыхъ было двадцать человѣкъ; за исключеніемъ троихъ горцевъ, они были изъ Незиньяна и давно уже работали въ Турбѣ.

Корнюберъ спросилъ у нихъ, не имѣютъ ли они какихъ-либо претензій, и предупредилъ, что стачечники попытаются ихъ снять. Но тотъ, кто броситъ его,—пусть пеняетъ на себя. Рабочіе загудѣли и, подталкивая другъ друга, заявили, что они останутся ему вѣрны.

— Хорошо,—заключилъ хозяинъ:—ступайте на работу.

Въ то время, какъ они удалялись подъ надзоромъ размахивавшаго руками Азэма́, воздухъ огласился звономъ колокола. За первымъ ударомъ послѣдовалъ другой, третій; они учащались и

звучали все громче и отчетливѣе надъ долиною и холмами. Это былъ погребальный звонъ, звонъ набата, возвѣщавшій о пожарахъ.

Вскорѣ изъ деревни показалась толпа народа—до пятисотъ человѣкъ, считая женщинъ, такихъ же смѣлыхъ, какъ мужчины, направлявшихся къ Турбу въ полномъ порядкѣ. Предводительствовалъ ими Красная-Голова, замѣтный по красному цвѣту лица и буржуазному платью.

Позади всѣхъ въ облакѣ пыли шествовалъ мэръ—Жозефъ Рабіоль, сколотившій цѣною всякихъ лишеній деньгу; въ юности онъ былъ бонапартистомъ, но затѣмъ, слѣдуя по теченію, превратился въ радикальнѣйшаго изъ мѣстныхъ буржуа.

Вдругъ онъ затрепеталъ; его требовали въ передніе ряды. Удерживаемые невольнымъ чувствомъ уваженія, стачечники не рѣшились вступить въ предѣлы Турба. Корнюберъ, неподвижно стоявшій со сложенными на груди руками на террасѣ дома, импонировалъ имъ своимъ мужествомъ.

Мэръ, гладкое, бритое лицо котораго, обрамленное короткими сѣдыми бакенбардами, подергивалось отъ страха, подбѣжалъ къ Красной-Головѣ, спрашивая: чего они хотятъ отъ него?

— Ступай, передай самъ наши требованія Корнюберу.

— Я?.. Но вѣдь я не... стачечникъ.

— Ты—представитель власти. Спроси у твоихъ избирателей.

— Да, да... Да здравствуетъ г. мэръ!

Его вытолкнули впередъ, и съ бумагою въ рукѣ, не безъ гордости, такъ какъ онъ чувствовалъ на себѣ взоры народа, г. мэръ рѣшительно спустился съ холма. Корнюберъ пошелъ навстрѣчу тому, кто представлялъ въ его глазахъ законъ, столь же священный, какъ собственность. Они сошлись на томъ мѣстѣ аллеи, гдѣ графиня Сюзанна остановила, часъ тому назадъ, своего коня. Мэръ привѣтствовалъ хозяина не слишкомъ низкопоклонно, такъ какъ за нимъ слѣдили издали его избиратели, но они не могли его слышать, и потому онъ заговорилъ льстиво.

— Здравствуйте, г. Корнюберъ. Простите, что я... Я долженъ выполнить... трудную обязанность...

— Я знаю, не будемъ терять времени,—отвѣтилъ Корнюберъ просто и съ достоинствомъ. Я не желаю выслушивать требованія рабочихъ.

— Но тѣмъ не менѣе стачка... Отъ васъ будетъ зависѣть согласіе другихъ хозяевъ.

— Чужія дѣла меня не касаются. Я никогда не уступлю силѣ.

— Люди страдаютъ... Посмотрите на нихъ.

Онъ широкимъ жестомъ указалъ на толпившихся и гудѣвшихъ, какъ колосья въ бурю, крестьянъ. Разумникъ бормоталъ проклятіе по адресу узурпаторовъ собственности, противъ холостяка Корнюбера, сопровождая свои слова непристойными шуточками, повторяемыми въ еще болѣе грубой формѣ женщинами. Желѣзнякъ свирѣпо колотилъ себя въ твердый, какъ камень, лобъ. Расшибало, запыленный, потный, краснолицый, слѣдилъ, какъ хищникъ, за Корнюберомъ, которому деньги давали силу и красоту. Красная-Голова, вытянувъ шею, не безъ недовѣрія наблюдалъ за Рабіолемъ.

Увы! Мэръ уже утратилъ свое мужество, подавленный великолѣпіемъ Турба.

— Народъ голодаетъ, г. Корнюберъ. Онъ не золъ.

— Его сбиваютъ съ толку. Вы должны направить его на путь истинный.

— Я ничего не могу сдѣлать. Всѣ блага жизни—зависятъ отъ васъ. Придите къ нему на помощь.

Корнюберъ, улыбаясь его лести, посмотрѣлъ въ сторону крестьянъ съ вниманіемъ, которое было принято за колебаніе. Онъ искалъ глазами Жермену и, не найдя ее въ толпѣ, ощутилъ большое удовольствіе. Онъ снова улыбнулся, но тутъ же проговорилъ:

— Довольно. Я не желаю ничего болѣе слышать.

— Вы возбудите ихъ противъ себя.

— Я сумѣю защититься.

Рабіоль вернулся къ крестьянамъ, повѣсивъ носъ. Надменность владѣльца Турба оскорбляла его въ его званіи должностного лица и въ достоинствѣ буржуа. Люди кинулись къ нему навстрѣчу, забросали его вопросами. Нѣкоторые изъ нихъ, взбѣшенные, стали бросать каменья и плевать вслѣдъ богачу, который медленно, съ гордымъ равнодушіемъ возвращался въ свой домъ.

— Пойдемте!—сказалъ Красная-Голова.—Ничего хорошаго намъ не дождаться ни отъ доброй воли, ни отъ разума здѣшняго повелителя. Обдумаемъ сообща, какими средствами возможно одержать надъ нимъ побѣду.

III. — Оливковая вѣтвь.

Насупротивъ Турба за большою дорогою у Красной-Головы было поле, засѣянное медуницею. Въ этомъ полѣ послѣ обѣда

Жермена, твердо стоя на широко разставленныхъ ногахъ, копала землю. Въ аломъ сіяніи заката ея смуглая кожа принимала розовый оттѣнокъ, волосы казались почти черными, а подвижныя ноздри раздувались. Порою она останавливалась для отдыха, засучивала рукава и отирала лицо. Облокотившись на заступъ и подпирая гладкою рукою свой полный подбородокъ, она задумалась, какъ вдругъ замѣтила Корнюбера, прогуливавшагося по другой сторонѣ изгороди, которая доходила ему до плечъ. Она смущенно отвернулась. До сихъ поръ при встрѣчахъ она всегда пугалась его. Не былъ ли онъ первымъ изъ крестьянъ, имѣвшимъ власть надъ людьми и землею? Сегодня она ощущала къ нему ревнивую нѣжность и жалость, такъ какъ всѣ люди ненавидѣли его. Среди безмолвія мужество ея слабѣло, ее пожирало желаніе взглянуть на него, откликнуться на его призывъ, если онъ позоветъ ее. И онъ въ свою очередь, казалось, позабылъ о своей обычной осторожности; она поняла, что онъ издали увидѣлъ ее, и потому пришелъ сюда. Вдругъ онъ дружески окликнулъ ее.

Она поднялась и съ улыбкою взглянула на него; онъ позвалъ ее знакомъ. Она оглядѣлась, бросила заступъ и побѣжала по тропинкѣ къ изгороди изъ шелковичныхъ кустовъ, изъ-за которой Корнюберъ радостно протягивалъ къ ней руки.

— Жермена! Идите же ко мнѣ.

— Къ вамъ? Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну да! Здѣсь есть отверстіе.

Повязавъ фуляръ вокругъ шеи, она снова оглядѣлась. Сердце ея забилось сильнѣе; она чувствовала себя желанной и счастливой. Но ихъ могутъ увидать?

— Мы пройдемъ въ рощу.

Она ловко пролѣзла въ отверстіе, и, очутившись вмѣстѣ, они радостно и удивленно разсмѣялись. Онъ обнялъ ее.

— Вы такъ хороши, и я ни разу не могъ вамъ этого сказать. Почему?

— Вы сами знаете—почему. Я простая крестьянка.

— Я тоже крестьянинъ.

— Но вы слишкомъ богаты. Вы не можете меня любить.

— Давно люблю. Никто мнѣ этого не запретитъ.

— Я просто нравлюсь вамъ. Но вы честный человѣкъ, и я къ вамъ пришла.

— Я васъ люблю, особенно послѣ нынѣшней бури; я такъ одинокъ, такъ ненавидимъ...

— Почему вы позвали меня, если ни вы, ни я не можемъ надѣяться ни на что хорошее?

— Если у меня достало мужества позвать васъ среди удручающей меня тишины, то это лишь потому, что воля моя оказалась слабѣе моего сердца. Можно ли совладать съ нимъ?

— Нѣтъ, — по крайней мѣрѣ, не всегда, — отвѣтила она, опуская голову.

— Я зналъ, что вы мнѣ отвѣтите. Когда по воскресеньямъ, на сельскихъ праздникахъ, я обращался къ вамъ съ шуткою или допрашивалъ глазами, въ вашихъ глазахъ и на губахъ я читалъ нѣжный отвѣтъ. Вы, быть можетъ, жалѣли меня, вѣрили мнѣ среди этой сумятицы?

— Что это значитъ для васъ? Вы такъ богаты!

Онъ обнялъ ее за талію, и они прошли, нагибаясь, вдоль густой изгороди, до оливковой, расположенной на холмѣ рощи. Тамъ они принялись ходить по тѣнистымъ тропинкамъ, робко прижимаясь другъ къ другу, обмѣниваясь тихими словами. Еслибы онъ могъ ее любить!

— Вы все можете. Я слишкомъ бѣдна, чтобы располагать собою.

— Не будьте такой злою. Никто не можетъ мнѣ запретить надѣяться, хотя вашъ отецъ ненавидитъ меня за то, что я купилъ у него Турбъ. Все равно, его купилъ бы кто-нибудь другой, чужеземецъ, быть можетъ.

— Мы сами ни въ чемъ не нуждаемся, но отецъ требуетъ справедливости для всѣхъ людей. Онъ стоитъ за неимущихъ и возбуждаетъ себя противъ богачей, всѣмъ распоряжающихся. А такъ какъ вы могущественнѣе другихъ, онъ первымъ намѣтилъ васъ.

— Онъ не правъ. Если я паду, на мое мѣсто явится другой. Я никому не дѣлаю зла; сердце мое обливается кровью при видѣ страданій ближняго. Оно проситъ только любви, Жермена...

Онъ склонялся къ ея лицу, свѣжему и благоуханному, опьянявшему его. Взволнованные свиданіемъ наединѣ, оба въ расцвѣтѣ здоровья и молодости, они обмѣнялись неловкимъ, восхитительнымъ поцѣлуемъ, страдая за свой родной край, полные къ нему благоговѣйной нѣжности.

Въ нихъ и вокругъ нихъ царило безмолвіе золотистой осени; дуновеніе вѣтерка было такое же слабое, какъ шелестъ крыльевъ пролетающей птицы.

— Сядемъ здѣсь, — прошепталъ онъ, — иначе насъ могутъ замѣтить.

Онъ первый опустился на траву. Жермена колебалась, отворачиваясь отъ его умоляющаго взгляда. Онъ смотрѣлъ на нее

съ цѣломудреннымъ обожаніемъ, повторяя слова, смыслъ которыхъ она не понимала, но которыя обжигали ее огнемъ. Наконецъ, уступая порыву своей смѣлой души, она не безъ граціи опустилась рядомъ съ нимъ; онъ схватилъ ея руки; теперь она не могла уже ни лгать, ни притворяться, чувствуя себя любимой,—она заплакала.

— Вы плачете, Жермена? Развѣ я заставляю васъ страдать?

— Нѣтъ, если я слушаю васъ, то потому, что сама этого хочу. Мои мысли давно стремились къ вамъ, вы это знаете. Но если отецъ узнаетъ, онъ жестоко расправится съ нами; онъ никогда не повѣритъ, чтобы вы дѣйствительно пожелали современемъ взять меня въ жены.

Корнюберъ ощутилъ глухую боль. Онъ рѣзко отстранился, и Жермена въ свою очередь ревниво схватила его за руку. Онъ заговорилъ почти съ гнѣвомъ. Неужели она съ первой же минуты говоритъ о свадьбѣ? Не желаетъ ли она привлечь его на сторону возмутившихся? Быть можетъ, они подослали ее, чтобы завлечь его въ засаду?

— Меня? Да вы съ ума сошли! Кто позвалъ меня? Мнѣ скорѣе слѣдовало бы опасаться.

— Чего?

— Быть вашею жертвою... Уже давно говорятъ о вашей женитьбѣ. Но если вы женитесь на этой старой дѣвѣ, некрасивой, такой же бѣдной, какъ я,—это будетъ отвратительно. Я довѣрилась вамъ, какъ крестьянину, повѣрила въ вашу честь и доброту, потому что я люблю васъ...

Она говорила страстно, глухимъ голосомъ, выражая требованіе, чтобы онъ принадлежалъ ей одной; теперь она уже не смущалась; она открыто и честно отдавала ему свою любовь, не думая о его богатствѣ. Онъ нѣжно поцѣловалъ ея щеки. Онъ полюбилъ ее именно за ея чисто народную красоту и мощь, за то, что на ней какъ бы лежитъ отблескъ этого чуднаго уголка земли, гдѣ она родилась и который равно дорогъ имъ обоимъ. Съ секунду она колебалась, но потомъ, взявъ его за обѣ руки, заговорила серьезно, съ пылкою мольбою. Она вручаетъ ему свою жизнь, но будетъ очень дурно съ его стороны, если онъ современемъ не введетъ ее въ свой домъ, къ матери, въ качествѣ жены...

Корнюберъ крѣпче прижималъ къ себѣ дѣвушку, цѣлуя ее въ лобъ. Признаніе Жермены, ея сердечная доброта, ея свѣжая красота—опьяняли его, очищали отъ искушеній. Въ этой рощѣ, куда долеталъ влажный морской вѣтерокъ, подъ небомъ, полнымъ

нѣги, блескъ котораго умѣрялся сѣткою оливковыхъ вѣтвей, онъ чувствовалъ себя простымъ крестьяниномъ, полюбившимъ равную ему по происхожденію крестьянку. И онъ прошепталъ ей на ухо, словно боясь, что роща подслушаетъ его, — свою клятву любви.

— Не вѣрьте никакимъ клеветамъ, Жермена. Я люблю васъ одну. Живи мы въ другое время—я сумѣлъ бы убѣдить мою мать дать согласіе на нашъ бракъ. Главное препятствіе—вашъ отецъ.

— За него я ручаюсь.

Сильная своею рѣшимостью, она прижалась къ нему и подставила свои губы. Онъ коснулся ихъ поцѣлуемъ, полнымъ такого упоенія, что долженъ былъ на мигъ закрыть глаза.

Съ минуту они оставались такимъ образомъ, не чувствуя поднявшагося вечерняго вѣтерка. Жермена встала первая; вдали, среди виноградниковъ и луговъ лежала усадьба; безбрежная равнина казалась колыхающимся моремъ. Жермена и Корнюберъ шли обнявшись, неровными шагами, останавливаясь по временамъ.

Она подняла на него съ признательною улыбкою свои черные глаза; любовь исходила отъ нихъ, какъ теплота отъ пламени, и сознаніе ихъ близости дало имъ мужество проститься.

— Я ухожу,—сказала Жермена,—когда мы увидимся? Вы не можете придти на деревню. Я сама васъ найду.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Не смѣйтесь.

— До свиданія.

Жермена побѣжала вдоль изгороди и, обернувшись еще разъ, улыбнулась Корнюберу, любовавшемуся ея ловкими, увѣренными движеніями. Вернувшись на свое поле, она снова взялась за заступъ—спокойная по наружности, но ласки человѣка, подчинившаго ее своему обаянію, жгли ей лицо и руки.

Проходившіе мимо крестьяне вздумали посмѣяться надъ Жерменою, дочкою буржуа, которой приходится теперь копать землю; она гордо отвѣтила имъ, презирая мужчинъ за ихъ грубость, женщинъ—за безобразіе. Когда они прошли, она снова, крадучись, приблизилась къ Турбу, господинъ котораго овладѣлъ всецѣло ея сердцемъ. Корнюберъ въ свою очередь жадно слѣдилъ за нею. Увидѣвъ ее по другую сторону рва, онъ выпрямился и весело разсмѣялся, протягивая къ ней руки. Но въ это время на дорогѣ снова показались крестьяне,—она вздрогнула и быстро кинулась въ сторону. Корнюберъ въ свою очередь также скрылся

за кустами, стыдясь того, что и ему приходится скрываться. Неужели эти дикари видѣли его въ обществѣ Жермены?

Красная-Голова, бродившій съ толпою безработныхъ по улицамъ Незиньяна, усталый вернулся домой, гдѣ онъ нашелъ Жермену, свѣжую, улыбающуюся, уже переодѣвшуюся послѣ работы, что она всегда дѣлала. Въ красноватой шерстяной юбкѣ, въ корсажѣ цвѣта мальвы, въ бѣлой косынкѣ на полной шеѣ, она накрывала столъ грубою, но хорошо пахнувшею чистымъ бѣльемъ скатертью. Мать ея—очень опрятная въ своемъ полу-траурномъ платьѣ—приготовляла ужинъ: супъ съ яйцами и рагу изъ баранины.

При входѣ отца, подходившаго къ ней тяжелыми шагами, Жермена, чуя недоброе, подняла голову.

— Хорошо ли ты работала? — спросилъ онъ, и когда она отвѣтила утвердительно, воскликнулъ:

— Это неправда! Тебя видѣли въ Турбѣ. Ты ходила къ Антуану Корнюберу.

— Я?!

Она такъ рѣзко поставила на столъ стаканъ, что едва не разбила дно, но, понявъ, что отецъ лишь подозрѣваетъ ее, принялась энергично отрицать, сильная своею любовью. На нее клевещутъ тѣ, кого она знать не хочетъ: люди еще помнятъ, что они прежде были богаты, и хотятъ помучить отца.

— Молчи! Ты — женщина, и у тебя есть свои тайны, но если ты пожертвуешь этому Корнюберу нашею честью и своею молодостью, — ты больше не дочь мнѣ. А съ нимъ я сквитаюсь.

Жермену охватила дрожь. При каждомъ упоминаніи о стачкѣ, она подъ какимъ-нибудь предлогомъ выходила изъ комнаты, унося блюдо, подавая бутылку.

Красная-Голова ѣлъ безъ аппетита; онъ спѣшилъ на собраніе въ бочарную Разигада, куда уже потянулись крестьяне въ сопровожденіи женъ и дочерей. Публика размѣстилась на скамьяхъ, на бочкахъ и подставкахъ. Для мэра и главарей стачки были приготовлены стулья.

Кое-гдѣ слышался смѣхъ, люди подталкивали другъ друга локтемъ съ грубоватою, свойственною ихъ расѣ веселостью.

— Жермена не пришла?—шепнулъ Расшибало.

— Нѣтъ.

— Надо было привести ее.

Красная-Голова, не отвѣчая ему, обратился къ народу.

— Граждане, мы не станемъ произносить рѣчей. Мы собрались сюда потому, что мы голодаемъ и хотимъ работы. Пусть выскажется г. мэръ.

Рабіоль, явившійся въ старомъ платьѣ для того, чтобы имѣть видъ человѣка, переносящаго лишенія, сталъ въ замѣшательствѣ теребить свои бакенбарды. Мысли его разлетались, какъ уносимые вѣтромъ листья. Въ глубинѣ души онъ ощущалъ возмущеніе противъ стачки и не видѣлъ никакого средства, которое могло бы сломить упорство богачей, ладившихъ съ мѣстною администраціей. Онъ завелъ рѣчь о терпѣніи, о братствѣ людей, о будущемъ золотомъ вѣкѣ равенства, но его безъ церемоніи прервали криками:—Довольно!

Тогда заговорилъ Красная-Голова. Мэръ не понялъ ихъ; они желаютъ знать: можетъ ли онъ поддержать матеріально ихъ стачку? На это Рабіоль отвѣтилъ, положивъ одну руку на сердце, а другую на желудокъ, что бюджетъ ихъ всецѣло зависитъ отъ г. префекта.

— Повсюду городскіе совѣты устраиваютъ выдачу ассигновокъ стачечникамъ,—вмѣшался Желѣзнякъ.

— Я люблю народъ...

— Не въ этомъ дѣло,—прервалъ стряпчій:—что надо дѣлать?

— Прежде всего доказать властямъ, что у васъ есть выдержка и терпѣніе.

— Терпѣніе?—послышалось со всѣхъ сторонъ.—Но голодъ не ждетъ... А наши дѣти?

Мужчины гнѣвно размахивали руками, женщины стучали ногами, и Красная-Гогова кусалъ себѣ ногти, видя, что народъ ускользаетъ изъ-подъ вліянія вожаковъ, повинуясь инстинктамъ раздора и разрушенія. Онъ поднялся и заговорилъ, призывая ихъ къ спокойствію. Они нуждаются въ помощи мэра и совѣта. Твердость оратора произвела впечатлѣніе, но вдругъ Расшибало заревѣлъ:

— Терпѣніе?.. До какихъ это поръ? У мэра есть что кусать... Красная-Голова прикидывается другомъ бѣдняковъ, а почему Жермена чуждается насъ? Говорятъ, что она провела сегодня нѣсколько часовъ въ Турбѣ съ господиномъ Корнюберомъ. Что они тамъ дѣлали вдвоемъ?

— Ты съ ума спятилъ! Что ты говоришь?—загремѣлъ Красная-Голова.

Но Расшибало, чувствуя на своей сторонѣ сочувствіе молодежи, продолжалъ:

— Тѣмъ хуже... Я на все плюю. Я никого не боюсь. А въ

виду проповѣдей Красной-Головы, безучастія его жены и дочки, можемъ ли мы быть увѣрены, что онъ не поладитъ съ Корнюберомъ для того, чтобы вернуть себѣ прежнее свое достояніе?

Но Расшибало слишкомъ далеко зашелъ,—въ толпѣ пробѣжалъ ропотъ отвращенія; онъ хотѣлъ-было продолжать, но Красная-Голова стукнулъ кулакомъ по столу:

— Еслибы я не зналъ тебя, несчастный, я подумалъ бы, что тебя подкупили враги для того, чтобы посѣять раздоръ въ нашей средѣ. Обвинять меня?! Это было бы гнусно, не будь оно такъ глупо... Всѣ знаютъ, что я могу сидѣть спокойно дома, я хлопочу не о себѣ. А тебѣ я даже разрѣшалъ ухаживать за Жерменою, но она еще помнитъ нашу прежнюю жизнь. Она исправится, вотъ и все.

Всѣ привѣтствовали дружескими криками Красную-Голову, который горячился и въ то же время великодушно жалѣлъ своего противника. Расшибало хмуро усѣлся въ углу, понуривъ голову, какъ быкъ подъ ярмомъ. Совѣщаніе продолжалось. Рѣшили, что мэръ обратится къ префекту съ представленіемъ о поддержкѣ стачечниковъ и займется сборомъ денегъ. Нужны деньги для того, чтобы начать кампанію. Когда настанетъ часъ борьбы—Красная-Голова созоветъ ихъ. Рѣшено, что-ли, товарищи?

— Да, да! Красная-Голова правъ... Нужны деньги.

Народъ, не спѣша, сталъ расходиться. Была темная ночь, но часть толпы еще оставалась на площади передъ домами богачей; въ ней накипало негодованіе, ожидавшее лишь повода для того, чтобы прорваться. Эти дома никогда не сіяли огнями, но теперь окна ихъ были закрыты ставнями, царила тишина, полная презрѣнія или страха. Самымъ большимъ былъ домъ Корнюбера, съ затѣйливыми украшеніями и балконами. Хозяинъ его еще не переѣхалъ, и домъ оставался безъ призора, но толпа почему-то не рѣшалась подойти къ нему. Она направилась къ другимъ домамъ; женщины заглядывали сквозь щели ставень на кухни, откуда пахло жаренымъ.—Негодяи! Попрятались по норамъ. За разбойниковъ они считаютъ насъ, что-ли? Надо ихъ попугать.

И Желѣзнякъ ударилъ мѣднымъ дверным молоткомъ; гулъ отъ удара раздался по всему дому. Дѣвушки стали колотить въ двери ногами, мужчины — кулаками и палками, дѣти принялись бросать камешками въ ставни. Тщетно Красная-Голова съ мэромъ пытался остановить буйство народа, вредившее его собственнымъ интересамъ. Ихъ не слушали или приглашали „посмѣяться вмѣстѣ“.

Съ площади, по предложенію Желѣзняка, толпа двинулась къ клубу, находившемуся насупротивъ почты и огражденному толстою стѣною. И тамъ ни въ окнахъ, ни въ саду не видно было свѣта. Мужчины съ проклятіями принялись колотить въ дверь, мальчишки визжали и плясали. Этотъ гвалтъ разбудилъ бѣдняковъ; старики и дѣти выскакивали полуодѣтые на улицу. Жермена, трепеща отъ страха, также шмыгнула въ толпу; зоркіе клаза Расшибалы подмѣтили ее. Задыхаясь, онъ грубо схватилъ ее за руку. Она вскрикнула.

— Почему ты такъ поздно вышла?

— Пусти меня, мнѣ больно.

— Тѣмъ хуже. Почему ты противишься?

— Я не люблю тебя.

— Неправда. Ты презираешь во мнѣ бѣдняка.

— Я никого не люблю. И если ты думаешь, что своею грубостью ты внушишь мнѣ любовь...

Онъ сталъ умолять ее. Ей такъ хорошо будетъ съ нимъ. Ея отецъ этого желаетъ.

— Любовь ничего не говоритъ мнѣ.

— Берегись! Не можетъ быть, чтобы въ твои годы тебя не влекло къ мужчинѣ. Если ты возьмешь какого-нибудь бѣдняка изъ народа,—я лопну отъ ревности, но оставлю тебя въ покоѣ. Если же ты, самая красивая изъ нашихъ дѣвушекъ, отдашься какому-нибудь буржуа,—я этого не стерплю.

— Я никого не люблю. Пусти меня.

— Знай, что я слѣжу за тобою.

Вырвавшись отъ него, Жермена стала отыскивать отца. Въ эту минуту калитка открылась и вышелъ маркизъ де Майреналь, единственный человѣкъ, рѣшившійся показаться возмутившейся толпѣ. При видѣ маркиза, старшіе изъ главарей попрятались съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Старикъ сталъ убѣждать толпу, дружелюбно окружившую его, разойтись съ миромъ, повинуясь чувству благоразумія, обратиться съ молитвою къ Богу. Пусть они послѣдуютъ за нимъ въ церковь. Ему отвѣтили ироническими усмѣшками, богохульствами, отъ которыхъ кровь застыла у него въ жилахъ, и онъ убѣжалъ, затыкая уши для того, чтобы не слышать ихъ.

IV.—Милостыня.

Угроза стачки повліяла на буржуа. Уже цѣлый мѣсяцъ они брали максимальное число рабочихъ,—не сдавался лишь Корню-

беръ, отожествлявшій свои интересы съ интересами земли, и вся ненависть крестьянъ обратилась противъ него, являвшагося для нихъ символомъ хозяйской власти. Крестьяне питались почти исключительно овощами и страдали отъ холода.

На зиму онъ переѣхалъ въ свой домъ, и тамъ, видя по близости крестьянскую нужду, онъ ощутилъ къ народу искреннее сожалѣніе; мать его въ свою очередь склоняла его на нѣкоторыя уступки. Въ виду этого онъ выразилъ согласіе принять въ воскресенье делегатовъ отъ стачечниковъ. Народъ взволновался,— всѣ думали о владѣльцѣ Турба, о предстоящемъ свиданіи его съ крестьянами, и всѣ какъ-то избѣгали объ этомъ говорить. День выдался свѣтлый, солнечный, небо было голубое. Въ три часа, по окончаніи вечерень, делегаты, тщательно одѣтые, явились къ Корнюберу. Со шляпами въ рукахъ, они гуськомъ прослѣдовали изъ передней въ богато убранный картинами, выходившій окнами на площадь, рабочій кабинетъ. Они сѣли съ непріятнымъ чувствомъ, стараясь о томъ, чтобы роскошь обстановки не повліяла на нихъ въ смыслѣ уступчивости.

Корнюберъ, одѣтый по воскресному въ черный жакетъ и панталоны, принялъ ихъ съ большою простотою и, очень вѣжливо раскланявшись, сѣлъ за большой письменный столъ.

— Я готовъ выслушать васъ, господа. Что вы имѣете сказать мнѣ, имѣющее отношеніе къ благу нашего края? Простите, одно слово... Я желалъ бы руководствоваться вашими совѣтами, но среди васъ я вижу каменьщика. Достаточно ли онъ компетентенъ въ этомъ дѣлѣ?

— Народъ выбралъ меня въ число делегатовъ,—пробурчалъ Желѣзнякъ, почувствовавшій насмѣшку.

— Я не протестую. Вы облечены ихъ довѣріемъ, слѣдовательно—и моимъ.

— Тѣмъ лучше,—и Желѣзнякъ стукнулъ кулакомъ по своей шляпѣ, лежавшей у него на колѣняхъ.

Красная-Голова съ буржуазною благовоспитанностью принялся излагать положеніе дѣлъ: нищета народа, необходимость внести улучшеніе въ систему найма рабочихъ. Онъ заключилъ такимъ образомъ:

— Всѣ хозяева уступили. Они занимаютъ столько народа, сколько могутъ. У васъ работаютъ двадцать человѣкъ. По нашимъ разсчетамъ, вы могли бы держать сорокъ человѣкъ, а затѣмъ— дойти постепенно и до шестидесяти.

— Простите, каждый у себя въ домѣ хозяинъ.

— Нельзя морить людей съ голоду!—проворчалъ Желѣзнякъ.

— Я не могу допустить этого тона!—остановилъ его Корнюберъ.

Стряпчій предложилъ, чтобы рабочіе чередовались. Корнюберъ отвѣтилъ, что относительно этого можно столковаться.

— Всякій разсуждаетъ по-своему, — сказалъ Красная-Голова:—почему вы не замѣните вашихъ горцевъ здѣшними людьми?

— Развѣ горцы—не равные намъ, не наши братья?

— Здѣшнимъ людямъ ѣсть нечего, а вы даете работу пришельцамъ,—вступился Странникъ.

— Вы сами — мелкій собственникъ и управляетесь одинъ. Почему же изъ чувства человѣколюбія вы не возьмете помощника?

— Только благодаря моему труду и разсчетливости, я сумѣлъ сохранить клочокъ земли, дѣлающій меня независимымъ отъ богачей.—Сколько всѣхъ безработныхъ?—обратился Корнюберъ къ Красной-Головѣ.

— Около двухсотъ.

— И вы хотите, чтобы я кормилъ ихъ всѣхъ?

— Вы и другіе, которые послѣдуютъ вашему примѣру. Нужно, чтобы земля, которая равно принадлежитъ всѣмъ,—кормила людей.

— Ого! Я вижу, что мое право собственности не идетъ въ разсчетъ. Мы должны добиваться улучшеній во имя добра...

— Во имя справедливости!

Красная-Голова, выпрямивъ станъ, говорилъ повелительно, и товарищи его гордо приподняли головы. Корнюберъ, скрестивъ руки на груди, слушалъ съ вызывающимъ видомъ, но въ то же время запахъ земли и навоза, исходившій отъ этихъ людей, сумѣвшихъ таки проникнуть къ нему, наполнилъ его смутнымъ опасеніемъ; онъ вспомнилъ о Жерменѣ, и по выраженію мягкости и раздумья, озарившему его лицо, крестьяне подумали, что дѣло ихъ выиграно.

— Господа, — сказалъ онъ, — не думайте, что я нечувствителенъ къ страданіямъ народа. Въ настоящую минуту я не могу увеличить число рабочихъ, но завтра же я передамъ г-ну мэру тысячу франковъ для нуждающихся.

Делегаты переглянулись. Красная-Голова нахмурилъ брови, Расшибало пожалъ плечами.

— Милостыня?.. Никто ея не приметъ.

— Это дѣло милосердія.

— Ея никто не приметъ!—проворчалъ Расшибало, вздыхавшій при видѣ окружающей роскоши.

Корнюберъ смѣрилъ его взглядомъ, презирая эту животную силу. Расшибало взбѣсился.

— Никто не приметъ! Работа или стачка!

Корнюберъ съ отвращеніемъ поднялся, опираясь о столъ.

— Переговорите, если считаете это возможнымъ, съ моимъ управляющимъ.

Крестьяне попытались остановить его, требуя и прося, но въ эту минуту на порогѣ появился Азэма, подвижной, какъ всегда, не взирая на свою тучность. Всѣ заняли прежнія мѣста; Азэма остановился у письменнаго стола, прикрывая своего господина, дававшаго себѣ слово не вмѣшиваться въ разговоръ.

Въ присутствіи управляющаго всѣ почувствовали себя лучше. Онъ насмѣшливо поглядывалъ на нихъ, какъ на лошадей съ норовомъ.

— Вы требуете невозможнаго, — началъ онъ. — Я все слышалъ. Послушай, Красная-Голова...

— Ничего не хочу слышать. Во-первыхъ, не ты хозяинъ въ Турбѣ. Ты кормишься отъ земли. Значитъ, нужно, чтобы кормились и другіе.

— Да съ чего? Вино не продается, земля требуетъ больше расхода, чѣмъ приноситъ дохода. Нынче съ насъ довольно и двадцати рабочихъ. Ты самъ, Красная-Голова, даромъ что-ли, отдалъ свою землю г-ну Корнюберу? Нѣтъ, ты ее продалъ. А ты, Желѣзнякъ, даромъ отдаешь свою известку и штукатурку? А ты, Стряпчій, не для того ли затѣялъ эту стачку, чтобы занять мое мѣсто? И ты, Странникъ, почему ты не отдаешь бѣднякамъ свою жатву?

Азэма кричалъ какъ въ полѣ—своимъ грубымъ деревенскимъ голосомъ. Управляющій, зная, что Расшибало влюбленъ въ дѣвушку, которая нравится его хозяину, приберегъ его къ концу.

— А ты знаешь, небось, голодъ? Ты ввязался въ стачку, чтобы пустить пыль въ глаза дочкѣ какого-нибудь буржуа...

— Заткни себѣ глотку!—зарычалъ Расшибало: — тутъ дѣло не въ зазнобѣ,—не то мы бы утерли носъ тебѣ и твоимъ царькамъ... Ты долженъ дать намъ работу!

Онъ бушевалъ и горячился, распространяя вокругъ себя запахъ навоза. Красная-Голова не безъ достоинства остановилъ его. Пусть онъ не подражаетъ въ горячности Азэма, желавшему произвести диверсію. Корнюберъ поднялся и всталъ между Красною-Головою и Азэма, восклицавшимъ:

— Красная-Голова, я сумасшедшій, что говорю съ тобою. Подумай,—народъ, который въ своей ненависти ты увлекаешь

за собою — онъ обратится современемъ противъ тебя. И дочь твоя — ты также ее губишь, между тѣмъ какъ могъ бы составить ея счастіе, еслибы ты могъ здраво разсуждать.

— Что ты хочешь сказать?

Азэма, по своему обыкновенію, высказалъ, не стѣснясь, что думалъ, и всѣ тревожно смолкли; онъ, быть можетъ, проронилъ бы въ гнѣвѣ еще какое-нибудь неосторожное слово, но тутъ вмѣшался хозяинъ:

— Довольно! Будемъ говорить только о землѣ!

Красная-Голова снова сѣлъ, волненіе богача смутило его. По его мнѣнію, Корнюберъ могъ имѣть относительно Жермены лишь безчестныя намѣренія. Какой стыдъ! Если Жермену соблазнитъ Корнюберъ, достанетъ ли у него силы покарать свою дочь, пережить свой позоръ?

Что ему народная нищета—этому пресыщенному буржуа, который, въ отвѣтъ на всѣ просьбы и угрозы, лишь нетерпѣливо постукивалъ ногою и отворачивалъ голову?! Никакихъ уступокъ! Его право, его власть! Какой эгоистъ!

— Ну, что же? Пойдемте!—воскликнулъ Красная-Голова.— Отъ хозяина Турба, очевидно, нечего ждать, и мы понапрасну подвергаемъ себя униженіямъ въ его домѣ.

Товарищи сразу поднялись, сжимая кулаки, съ ненавистью глядя на предметы роскоши.

Корнюберъ кинулся къ двери, чтобы остановить ихъ; онъ подмѣтилъ слезы на глазахъ у Красной-Головы и ощутилъ уваженіе къ этому скромному и честному человѣку, всецѣло преданному дѣлу товарищей.

— Подождите,—сказалъ онъ,—не считайте меня за людоѣда. Я возьму еще десять рабочихъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Красная-Голова:—хотя десять человѣкъ—это немного.

— Больше не могу. Потомъ увидимъ.

— Пусть такъ. Главное—то, что вы уступили.

Гордясь побѣдою, крестьяне надѣли шляпы и, стуча ногами по паркету, пошли къ дверямъ. Корнюберъ смотрѣлъ на нихъ, стыдясь своей уступчивости. Скоты! Онъ слишкомъ много далъ имъ. Азэма, желая его успокоить, проговорилъ:

— Десять человѣкъ не много, г. Корнюберъ.

— Нѣтъ, много, много! Я откажу имъ.

— Вы проиграете... Если вѣрить слухамъ, m-lle Жермена не будетъ вами довольна.

— Надо опровергнуть эти слухи.

— Вы правы. Не жениться же вамъ на дочери Красной-Головы!

— Я не женюсь. Оставьте меня въ покоѣ.

Азэма исчезъ.

Вечеромъ въ клубѣ было очень многолюдно. Дворяне и буржуа окружили Корнюбера, благодаря за уступку, сдѣланную имъ Красной-Головѣ. Народъ—дитя, надо успокоить его. Иначе онъ могъ въ одну ночь уничтожить ихъ виноградники, разнести ихъ дома.

Но тутъ Корнюберъ, выпрямившись во весь свой огромный ростъ, раскричался:

— Я уступилъ только изъ жалости къ вамъ; вы—трусы, и я—тоже... Уступка за уступкою, и въ концѣ концовъ—мы утратимъ чувство собственнаго достоинства!

Они отхлынули отъ него; но когда онъ, утомленный, опустился въ кресло, они снова его окружили; маркизъ осмѣлился потянуть его за рукавъ и тихонько пожурить:

— Вы хотите ожесточить народъ, обрекая его голоду?

— Оставьте меня. Не съ васъ ли брать примѣръ?

— У меня немного,— согласился маркизъ:—вотъ почему я понимаю страданія тѣхъ, у кого ничего нѣтъ.

— Я не допущу, какъ допускаете вы, лѣности, неумѣстныхъ и разорительныхъ требованій...

— Не волнуйтесь,—возражали хоромъ буржуа.—Народъ любитъ время отъ времени устраивать манифестаціи. Это — легкая вспышка.

— Это—настоящее крестьянское возстаніе, новая жакерія, которая поднимается все выше и скоро охватитъ весь Лангедокъ. Разорятъ васъ, но не меня. Вырвать у меня мою землю? Пусть лучше сдерутъ съ меня шкуру... Я былъ неправъ, я выказалъ трусость въ то время, какъ надо было защищаться. Одна революція обогатила насъ, другая—разоритъ.

Онъ кричалъ и бранился, подчиняя себѣ слабыхъ, обѣщавшихъ поддержать его въ борьбѣ со стачкою.

Маркизъ взялъ свою трость и незамѣтно вышелъ. Онъ страдалъ, слыша эти призывы къ борьбѣ съ голодающими людьми, призывы, рождаемые исключительно жадностью. Буржуа — не менѣе грубые, чѣмъ сами рабочіе, не получившіе никакого образованія,—цѣпко держались за свою добычу. Своею скупостью и эгоизмомъ плохо воспитанные буржуа внушали маркизу отвращеніе. Они тоже возмутились, хорошо если не надолго,—иначе народъ пойдетъ по пути насилій и убійствъ. Ему самому съ до-

черью терять нечего, но народъ потеряетъ въ этой недостойной борьбѣ свою честь, свою добрую славу—людей незапятнанныхъ, товарищески добрыхъ и веселыхъ.

Онъ высказалъ свои мысли дочери, ожидавшей его въ большой, по старинному убранной комнатѣ, производившей впечатлѣніе своими размѣрами. Въ каминѣ весело пылали оливковыя вѣтви. Канделябръ въ шесть свѣчей освѣщалъ лицо и фигуру графини. Поставивъ ноги на рѣшетку камина, она перелистывала геральдическую книгу, которую отложила въ сторону для того, чтобы поздороваться съ отцомъ.

Ее заинтересовали его сообщенія. Итакъ, Корнюберъ возмутился? Онъ одинъ выступилъ на борьбу противъ невѣрующаго, безбожнаго народа? Безъ него принципъ власти былъ бы окончательно утраченъ.

— Я уважаю его; онъ не дворянинъ, но достоинъ званія дворянина.

— Ого! Ты далеко заходишь.

— Ничуть. Я уважаю его, и найду возможность выразить это ему.

Она разгорячилась; глаза ея вспыхнули затаенно-лихорадочнымъ блескомъ, и, откинувъ бѣлокурую голову на спинку кресла, она замечталась о богатствахъ Турба.

Маркизъ не смѣлъ пошевельнуться. Мечты дочери пугали его, такъ какъ сегодня въ своемъ раздраженіи Корнюберъ нѣсколько разъ задѣлъ его въ разговорѣ. Какъ ни высоко стоялъ Корнюберъ, онъ все же оставался въ глубинѣ души грубымъ крестьяниномъ, недовѣрчивымъ и завистливымъ по отношенію къ прежнимъ господамъ. Ходили слухи о томъ, что дочь Красной-Головы была его возлюбленной, или, по крайней мѣрѣ,—его лучшимъ другомъ. Среди этого столкновенія различныхъ интересовъ и притязаній, не рискуетъ ли маркизъ де-Майреналь честью дочери и всего своего рода?

Но Сюзанна, повидимому, упорно настаивала на своемъ желаніи. Изъ гордости она еще не заговаривала объ этомъ открыто, а онъ изъ слабости не рѣшался высказывать ей своихъ опасеній. Быть можетъ, она права, желая помолодить ихъ старинный гербъ и обновить ихъ благосостояніе.

И маркизъ улыбался, поглаживая сѣдую бороду, а выраженіе доброты придавало оттѣнокъ поэзіи его удлиненному, порозовѣвшему лицу стараго оптимиста.

V.—Приступъ.

Не прошло еще мѣсяца, какъ собственники, преувеличивая изъ тщеславія свое мужество, не постѣснялись бросить вызовъ народу, доведенному, по ихъ мнѣнію, до полной безпомощности. Они разсчитали виноградарей; одинъ изъ владѣльцевъ даже уменьшилъ плату оставшимся рабочимъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись. Бѣдняки питались почти исключительно овощами, грибами, улитками; они ходили собирать ихъ по окрестностямъ, занося и туда духъ возмущенія.

Многіе, не сознаваясь въ томъ, жили милостыней, выдаваемой изъ благотворительнаго бюро, кассу котораго мэру съ трудомъ удавалось наполнять, и даже — частною благотворительностью: набожныя дамы втайнѣ раздавали по вечерамъ деньги и припасы. Отцы семействъ знали это и закрывали глаза, но упрекали себя въ измѣнѣ дѣлу, къ которой принуждала ихъ нищета. И тѣмъ сильнѣе ненавидѣли они общественный строй, заставляющій идти на позорныя уступки.

Послѣ Рождества нищета водворилась во всѣхъ домахъ. Богачи прятались по своимъ хорошо защищеннымъ замкамъ. Ночью крестьяне собирались въ кабакѣ или у Красной-Головы и въ сотый разъ обсуждали способы борьбы; они умѣли ненавидѣть, но не знали, какъ проявить эту ненависть.

Наконецъ, Красную-Голову осѣнило вдохновеніе. Имъ не даютъ работы,—они сами станутъ на работу, вотъ и все. Когда нѣкоторые изъ крестьянъ выразили опасеніе, Красная-Голова заявилъ, что онъ самъ поведетъ ихъ. Ему вторично стали рукоплескать.

На разсвѣтѣ январьскаго дня, при рѣзкомъ вѣтрѣ, проносившемся по равнинѣ, храбрѣйшіе изъ крестьянъ, захвативъ рабочія орудія, спустились по склону горы къ Турбу: прежде всего нужно было сломить Корнюбера, главу реакціи.

Яркое солнце золотило равнину, когда они достигли дороги. Рабіоль, мэръ, сокрушался, видя невозможность сдержать своихъ избирателей. Но сторожъ Палью, ближе стоявшій къ крестьянству, чѣмъ мэръ, всею душою входя въ интересы народа, послѣдовалъ за нимъ, исполненный достоинства въ своей синей блузѣ и съ ружьемъ на перевязи черезъ плечо.

Одни изъ турбскихъ рабочихъ перекапывали поле медуницы, остальные работали въ двухъ лучшихъ виноградникахъ. При видѣ

крестьянъ, смѣло ступившихъ на чужую землю, они обезпокоились. Въ качествѣ честно исполняющихъ свое дѣло слугъ, они должны были препятствовать насилію. Тѣмъ не менѣе, въ ихъ темныхъ умахъ зашевелилось опасеніе явиться недостойными трусами, и лишь сознаніе своего обезпеченнаго положенія въ дни общей безработицы дало имъ мужество и соображеніе, необходимыя для отпора.

— Это что̀ еще такое? Мы одни здѣсь работаемъ. Вы— зачѣмъ?

Крестьяне шли безъ страха, увѣреннымъ шагомъ. При ясномъ солнцѣ, поскрипывали колеса плуговъ, которые везли позади Разумникъ и Овца. Рабочіе Корнюбера бросились на дорогу и стали плотною стѣной.

Красная-Голова отстранилъ плечомъ самаго младшаго. Всѣ въ одинъ голосъ загалдѣли:

— Если вы хотите драться, мы не уступимъ. Но мы никого не задираемъ.

— Мы хотимъ добра для всѣхъ и требуемъ работы! — заворчалъ Желѣзнякъ.

Старый рабочій, желавшій выказать благоразуміе, посовѣтовалъ товарищамъ идти за приказаніями въ усадьбу къ управляющему.

— Убирайтесь къ чорту! — захохоталъ Красная-Голова.— Мало же вы походите на товарищей!

— А ты мало похожъ на бѣдняка, сдается мнѣ. Повеличаться хочешь!

— Скотина!

— Спасибо. Ну, ребята, покладай инструментъ. Идемъ въ усадьбу.

— Стойте! — вмѣшался Расшибало. — Если они не хотятъ больше работать, разойдемся и мы по домамъ. Пусть пропадаетъ-пропадомъ эта земля, покуда богачъ не покорится.

— Не бывать этому!—закричали турбскіе рабочіе, заинтересованные въ результатахъ своего труда. Они съ неохотою отрывались отъ своихъ участковъ, когда замѣтили Корнюбера, шедшаго со стороны деревни, и Азэма̀, спѣшившаго сюда изъ усадьбы. Азэма̀ подоспѣлъ послѣднимъ.

— Это что̀ такое? Что̀ здѣсь происходитъ? Развѣ нѣтъ уже ни закона, ни властей?

Корнюберъ говорилъ громовымъ голосомъ человѣка, возмущеннаго вторженіемъ, позорившимъ его землю. Крестьяне, упорные и безмолвные, съ презрѣніемъ окинувъ его взглядомъ, при-

нялись за работу въ полѣ и въ виноградникахъ. У нихъ достало мужества не отвѣчать на оскорбленія.

Корнюберъ все еще бушевалъ, стоя посреди дороги, когда къ нему подбѣжалъ впопыхахъ его управляющій.

— Не волнуйтесь, г. Корнюберъ, они васъ не послушаютъ; они радуются, что могутъ причинить вамъ непріятность.

— Поглядите, они распоряжаются какъ у себя дома! Не думаете ли вы, негодяи, что революція уже совершилась?

Красная-Голова, копавшій землю вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и Расшибалою, отвѣтилъ хладнокровно, что этого еще нѣтъ, но такъ какъ имъ не даютъ работы, они сами стали на работу.

— Вы безчестный человѣкъ!

— Не бойтесь, мы будемъ честно работать.

— И вы полагаете, что я заплачу вамъ?

— Само собою.

Корнюберъ обратился къ полевому сторожу Палью, повидимому чувствовавшему себя хозяиномъ на чужой землѣ.

— Сторожъ!—крикнулъ онъ:—ваша обязанность—прогнать этихъ злоумышленниковъ.

— Покуда они не дѣлаютъ ничего дурного, это не касается меня.

— Понимаю. Вы—изъ той же воровской породы. Всѣ утратили сознаніе своихъ правъ и обязанностей.

Высокій, сильный Корнюберъ смѣрилъ съ ногъ до головы взглядомъ маленькаго сторожа, выдержавшаго на мгновеніе его взоръ. Сторожъ ощутилъ трепетъ зависти: могущество Корнюбера, его интеллигентность и богатство, дававшія ему преимущество передъ людьми одного съ нимъ происхожденія—импонировали сторожу. Охраняя свое достоинство должностного лица, онъ не дерзнулъ отвѣтить угрозою.

Корнюберъ, по совѣту Азэма, приказалъ своимъ рабочимъ идти домой. Поднимать шумъ—ниже его достоинства.—Что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ противъ столькихъ скотовъ?

При этомъ оскорбленіи, Овца и Разумникъ, распахивавшіе борозду, зарычали отъ гнѣва, а Красная-Голова съ товарищами угрожающе поднялъ голову.

— Мы—скоты по вашему?—возразилъ Желѣзнякъ.—Будь у васъ капля человѣколюбія, вы не рѣшились бы такъ честить людей, трудами которыхъ вы разжились.

— Почему вы отказываетесь брать отъ меня пособіе черезъ благотворительное бюро?

— Мы не милостыни хотимъ, а работы. Земля—наша.

Корнюберъ хотѣлъ отвѣтить, но вѣрный Азэма потянулъ его за рукавъ. Корнюберъ рѣшилъ защищаться путемъ разума и закона.

— Я пойду на деревню—извѣстить мэра о положеніи дѣлъ,—обратился онъ къ Азэма,—вы останетесь здѣсь для наблюденія.

— И прекрасно, г. Корнюберъ. Желаю вамъ успѣха.

— Да, если только нашъ бутафорскій мэръ не прячется гдѣ-нибудь въ погребѣ. Сторожъ, гдѣ вашъ мэръ?

— Въ мэріи, вѣроятно,—отвѣтилъ Палью, не поворачивая головы.

— Гм! Что касается васъ,—если мнѣ случится быть у дѣлъ, я пошлю васъ поучиться порядку въ другомъ мѣстѣ.—Пожавъ могучими плечами, Корнюберъ зашагалъ по дорогѣ, между тѣмъ какъ сторожъ въ своемъ оскорбительномъ безучастіи даже не пошевельнулся.

Азэма присѣлъ на камень, для того, чтобы наблюдать за Красною Головою съ его „шайкою". Солнышко пригрѣвало его; онъ видѣлъ, какъ рабочіе съ орудіями на плечѣ медленно шли къ усадьбѣ, смущенные и опечаленные.

Корнюберъ уже подходилъ къ деревнѣ, и когда онъ исчезъ, на дорогѣ стало словно просторнѣе. Онъ не нашелъ мэра ни въ мэріи, ни на дому. Рабіоль прятался на берегу рѣки, на мыскѣ, примыкавшемъ къ кварталу бѣдняковъ. Появленіе Корнюбера, озабоченнаго, съ глазами, готовыми выскочить, произвело на деревнѣ сильное впечатлѣніе, къ которому примѣшивались смутная тревога и тайное удовлетвореніе.

Проходя мимо дома Красной-Головы, онъ рѣзкимъ голосомъ поздоровался съ его задумчивою женой и Жерменой,—еще не причесанной со сна и прятавшеюся у стѣнки.

— Сегодня вечеромъ обо мнѣ услышатъ!

Онъ прошелъ къ вокзалу и, захвативъ мѣстный поѣздъ, былъ черезъ часъ въ городѣ.

Помощникъ префекта принялъ его лишь послѣ 12-ти часовъ и сперва разсѣянно выслушалъ его жалобу. Но когда Корнюберъ установилъ фактъ покушенія крестьянъ на собственность, онъ ощутилъ нѣкоторый ужасъ. Скорѣе въ виду охраны своей личности, чѣмъ интересовъ южанъ, этотъ бѣлесоватый, флегматичный уроженецъ сѣвера призналъ необходимымъ вернуть безработныхъ въ ихъ лачуги. Мелкій властолюбецъ, совершенно не понимавшій пылкую натуру жителей Лангедока—этой арены религіозныхъ и междоусобныхъ войнъ, онъ льстилъ себя мыслью, что сумѣетъ сразу, однимъ громовымъ ударомъ навести ужасъ на крестьянъ.

Въ своей потребности надѣяться, Корнюберъ удалился, удовлетворенный его обѣщаніями. Онъ поздно пріѣхалъ въ Незиньянъ и вышелъ на плохо освѣщенную платформу дебаркадера. Глубокая ночь окутывала все: холмы, рѣку, небо. Вѣтеръ со свистомъ проносился по пыльной дорогѣ; отъ его порывовъ дрожали и скрипѣли изгороди и пустые сарайчики, шелестѣли вѣтви.

Корнюберъ спѣшилъ; онъ уже вышелъ на большую дорогу, когда отъ ближайшаго откоса отдѣлилась тѣнь и безъ колебанія приблизилась къ нему. Онъ приготовился къ защитѣ, но тѣнь, откинувъ капюшонъ плаща, тихо проговорила:

— Вы не узнаёте меня, Корнюберъ?

— Теперь узнаю! Зачѣмъ вы здѣсь?

— Я хотѣла васъ видѣть. Я страдаю за васъ.

— Оставьте меня въ покоѣ!

Онъ упорно отстранялъ ее; она уцѣпилась за него.

— Развѣ вы уже больше не любите меня?

— Что̀ вы дѣлаете здѣсь одна?

— Я ждала васъ.

— Мнѣ никого не нужно. Или это вашъ разбойникъ-отецъ подослалъ васъ?

— Опять? Значитъ, вы не вѣрите мнѣ? Но вѣдь вы любили меня прежде. Если у крестьянъ нѣтъ ума, неужели у васъ нѣтъ сердца?

— Оставьте меня. Никого я больше не люблю. Скоро нельзя будетъ жить на этой землѣ. Она была такъ прекрасна, что приходится расплачиваться за долголѣтнее обладаніе ею. Теперь здѣсь адъ.

— Довольны ли вы вашею поѣздкой?

— Да. Префектъ—если только онъ сдержитъ слово—завтра же пришлетъ сюда жандармовъ.

— Жандармовъ?!

— Да. Вы боитесь за вашего отца?

— Отчасти. Но въ сущности чего мнѣ за него бояться? Онъ заботится о другихъ, не обо мнѣ.

— Что̀ онъ дѣлалъ въ Турбѣ цѣлый день со своею шайкой?

— Товарищи отца такъ усердно работали, словно вы сами наняли ихъ.

— Что̀ за канальи! Не думаютъ ли они, что я покорюсь? Никогда.

— Они были очень благоразумны и окончили работу въ назначенный часъ.

— Упрямцы! Не думаютъ ли они, что я буду принужденъ имъ заплатить?

— Они такъ говорятъ.

— Это доставило бы имъ поводъ возгордиться и значило бы, что я признаю ихъ возстаніе законнымъ.—Онъ вздрогнулъ отъ близости молодой дѣвушки, покорно соразмѣрявшей свою походку съ его шагами. Она снова подчинила его своему роковому очарованію. Жермена слегка прикрывала его своимъ плащомъ и наклоняла голову для того, чтобы лучше разслышать его властный голосъ, причемъ ея голова касалась его щеки. Онъ обнялъ рукою ея станъ, желая забыть близъ нея свои матеріальныя и самолюбивыя заботы. Сознавая необходимость быть осторожными, онъ повелъ ее стороною, крѣпко прижимая ее къ себѣ. Вѣтеръ дулъ по временамъ имъ прямо въ лицо, и они одновременно опускали головы. Усадьба лежала направо у подножія лѣсистой долины Вальроза, но теперь ее едва можно было различить.

Переведя духъ, они продолжали подниматься въ гору болѣе медленнымъ шагомъ; отъ деревни къ нимъ доносился запахъ навоза и прѣлой земли.

— Какое несчастіе—жить среди вѣчной лжи!—прошепталъ Корнюберъ.

— Да, но не думайте, что я покорилась отцу. Я молчу передъ его угрозами, но только изъ осторожности. Я не выйду за того, кого мнѣ навязываютъ, хотя бы онъ выгналъ меня изъ дому...

— Онъ долженъ подозрѣвать, что вы меня любите?

— Онъ даже увѣренъ въ этомъ, но старается это скрыть отъ самого себя и отъ всѣхъ для того, чтобы на деревнѣ не знали о нашихъ домашнихъ неладахъ.

Она съ утомленіемъ вздохнула, готовая заплакать; онъ долженъ былъ поддержать ее, и такъ какъ она слегка оперлась о его плечо, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и въ глаза. Это вызвало въ цѣломудренномъ, но полномъ силъ существѣ ихъ обоихъ такое волненіе, что они остановились, какъ бы охваченные головокруженіемъ.

Корнюберъ предложилъ разойтись: ихъ могутъ застать. Жермена сказала, что отецъ все равно не повѣритъ придуманному ею предлогу, но онъ такъ усталъ послѣ нынѣшняго дня, что не станетъ настаивать.

— Но если современемъ вы будете моею, Жермена, не покажется ли его теперешняя роль двусмысленной?

— Нѣтъ. Онъ обезумѣлъ отъ жажды независимости и полонъ возмущенія; ему думается, что Расшибало сумѣетъ привлечь меня съ помощью ласкъ или угрозъ на сторону мятежниковъ.

— Расшибало! Вотъ кого я болѣе всего боюсь... Не подпускайте къ себѣ это животное.

Корнюберъ отвернулся. Ему стыдно было сознаваться въ ревности къ бѣдняку. Жермена вздрогнула отъ горделиваго чувства.

— Я буду вашею и ничьей другой.

— Но еслибы, вслѣдствіе несогласія моей матери или оскорбленія со стороны вашего отца, я не могъ жениться на васъ?

— Я помирюсь съ этимъ, если и вы не женитесь на другой.

Онъ круто остановился и властно заглянулъ ей въ глаза, желая убѣдиться въ ея искренности. Она задрожала отъ страха, но, упоенная любовью, готовая на всѣ муки ради нея, она повторила:

— Я помирюсь и съ этимъ.

Она снова взяла его подъ-руку, внезапно осмѣлѣвшая. Деревня лежала тамъ внизу, подобно стаду животныхъ на отдыхѣ.

— Простимся, Жермена. Если завтра будутъ безпорядки, не выходите.

— Я любопытна... Что̀ бы ни случилось, вѣрьте мнѣ. Я никогда вамъ не измѣню.

Она ревниво обняла его, прижимаясь къ нему, чтобы увидѣть его глаза, любовно улыбавшіеся ей. Мимо нихъ прошмыгнула какая-то тѣнь. Они вздрогнули отъ неожиданности и отступили къ стѣнѣ, наткнувшись на кучу сваленныхъ камней.

— Уходите, Жермена.

— Я буду молиться за васъ, за отца, за всю деревню. Не знаютъ они, что̀ дѣлаютъ.

— Тѣмъ хуже. Пусть поймутъ.

Они въ послѣдній разъ обмѣнялись робкимъ поцѣлуемъ. Онъ осторожно разжалъ руки, чтобы выпустить ее изъ своихъ объятій, и остановился у стѣны, провожая ее глазами. Закутанная въ плащъ, Жермена безшумно удалялась въ сумракѣ и пыли дороги.

Корнюберъ впотьмахъ вернулся домой и, натыкаясь на стѣны, онъ не безъ тайнаго ужаса подумалъ, что кто-нибудь изъ его враговъ безнаказанно могъ бы убить его во мракѣ. Въ безмолвіи этой темной ночи онъ чувствовалъ, что бѣдняки, послѣдніе рабы его расы, думаютъ о немъ въ своихъ снахъ. Въ эту тревожную ночь, растроганный воспоминаніями о преданности и чистотѣ Жермены, онъ содрогался отъ наслажденія и боли; въ

эту безконечную ночь завывавшій волкомъ вѣтеръ стучался въ каждую дверь, словно для того, чтобы помѣшать озлобленнымъ людямъ спать и забыть во снѣ чувства недовѣрія и вражды, ими овладѣвшія.

Утромъ Корнюберъ проснулся до зари. Онъ тотчасъ же замѣтилъ необычное движеніе среди стлавшагося по равнинѣ утренняго тумана. Трубы уже дымились, слышался стукъ заступовъ. Онъ увидѣлъ крестьянъ, проходившихъ мимо его дома съ озабоченнымъ видомъ или насмѣшливо посвистывавшихъ, когда они замѣчали, что онъ смотритъ на нихъ изъ окна. Быть можетъ, они передавали изъ дома въ домъ какой-нибудь боевой лозунгъ и, гордясь своимъ вчерашнимъ успѣхомъ, намѣревались охватить кольцомъ владѣнія богачей?

Наскоро позавтракавъ, Корнюберъ отправился къ Рабіолю, мэру, жившему у въѣзда въ деревню, въ бывшемъ зданіи монастыря, стоявшемъ въ большомъ, окруженномъ высокою оградою саду, спускавшемся къ рѣкѣ. Онъ прятался тамъ отъ опасностей, грозившихъ „его“ народу, и лелѣялъ тамъ свои честолюбивыя мечты. И сегодня онъ уже собирался сбѣжать черезъ калитку куда-нибудь подальше въ виноградники, когда явился Корнюберъ.

— Ну-съ, г. мэръ, бунтовщики снова угрожаютъ моимъ владѣніямъ. Довольно бы и одного раза.

— Пожалуйста, успокойтесь! При помощи кротости и терпѣнія...

— Я уже не вѣрю въ ихъ дѣйствительность. Я былъ вчера въ Безье.

— Знаю, все знаю... Помощникъ префекта телеграфировалъ мнѣ. Жандармы! Это ужасно. Неужели мы переживаемъ настоящую революцію?

— Конечно. Нынѣшній день грозитъ всѣмъ опасностью. Если вы желаете избѣжать отвѣтственности за преступленія, которыя могутъ быть совершены, предупредите телеграммою прокурора округа, и пусть намъ пришлютъ сюда жандармовъ.

— Великій Боже!

Мэръ трепеталъ, не зная, какъ ему быть. Онъ предчувствовалъ, что Корнюберъ правъ. Красная-Голова съ утра поднялъ на ноги всю деревню. Желѣзнякъ и Расшибало ходили по домамъ, убѣждая нерѣшительныхъ. Мэру было извѣстно, что возставшіе рѣшили ворваться въ усадьбы, выгнать оттуда пришельцевъ и забрать хлѣбъ. Поэтому онъ рѣшилъ скрыться въ сосѣднемъ городѣ: пускай себѣ священникъ, сторожъ и богачи распу-

тываютъ дѣло, какъ знаютъ: дѣла другихъ всегда какъ-то устраиваются.

Но Корнюберъ настаивалъ. Если мэръ боится—пусть подаетъ въ отставку.

— Увы! Что будетъ съ вами! Въ какія руки перейдетъ власть? Слушайте, клянусь вамъ, какъ только откроется телеграфъ, я пошлю депешу жандармскому бригадиру. Только молчите объ этомъ. Можете быть спокойны.

— Хорошо. Я на васъ разсчитываю. Исполните мужественно вашъ долгъ. Вѣдь это еще болѣе въ вашихъ, чѣмъ въ моихъ интересахъ.

Корнюберъ поспѣшно вернулся въ Турбъ. Азэма встрѣтилъ его на дорогѣ.

— Ну что, г. Корнюберъ?

— Успокойтесь. Жандармы скоро будутъ. Пусть наши слуги останутся на фермѣ, чтобы избѣжать столкновеній съ мятежниками.

Они тревожно вглядывались въ даль, задернутую туманомъ. Сѣровато-голубоватая дымка тумана стлалась вездѣ, затушевывая рѣзкія очертанія холмовъ, смягчая звуки пробужденія, переходившіе въ задумчивый шопотъ.

Но, вотъ, послышались первые раскаты грозы: отдаленный стукъ колесъ, гулъ голосовъ, несшихся съ большой дороги и съ дороги въ Вальрозъ надъ долиною Майреналь.

— Вотъ, кажется, и они!—проворчалъ Корнюберъ.

— Пусть ихъ! — отвѣтилъ Азэма: — какъ только они дойдутъ до васъ, я побѣгу на деревню, и если мэръ не сдержалъ слова, я самъ буду телеграфировать прокурору.

— Вотъ они! вотъ они!

Солнечные лучи—вмѣстѣ съ ласковымъ вѣтеркомъ—наполовину разсѣяли туманъ, ставшій болѣе прозрачнымъ, чѣмъ вода рѣки; крестьяне словно путались въ немъ: были видны лишь головы ихъ да плечи.

Они шли изъ деревни большой толпою. По всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ сіявшая въ солнечныхъ лучахъ деревня высылала своихъ бѣдняковъ по направленію къ владѣніямъ богачей. Они шли мужественно, въ полномъ порядкѣ и даже спокойствіи. Отрядъ Красной-Головы свернулъ съ дороги и направился къ Турбу.

— Ступайте, Азэма! — крикнулъ Корнюберъ. — Я долженъ идти въ усадьбу.

— Иду, г. Корнюберъ. Положитесь на меня.

Запыхавшійся отъ толщины управляющій поспѣшилъ черезъ оливковую рощу въ Незиньянъ, а Корнюберъ вернулся на ферму, гдѣ посреди своихъ слугъ онъ могъ быть въ безопасности отъ неожиданнаго удара, всегда возможнаго въ такихъ случаяхъ.

Крестьяне, подъ предводительствомъ Красной-Головы, принялись за вчерашнюю работу. Бѣднѣйшіе изъ нихъ, оставшіеся въ долинѣ Вальрозъ, походили издали, въ своихъ заплатанныхъ одеждахъ, на какихъ-то невѣдомыхъ животныхъ или на пестрые камни. Они несли на плечахъ топоры и серпы, намѣреваясь срубить себѣ на топливо старыя деревья и срѣзать вѣтви у молодыхъ.

Азэма нашелъ деревню опустѣвшею. Дѣти не бѣгали по улицамъ. На улицѣ Миссіи дома богачей были забаррикадированы, что придавало имъ угрюмый и испуганный видъ. Видъ управляющаго заинтересовалъ женщинъ; почти всѣ онѣ, выбѣжавъ изъ домовъ, — въ застегнутыхъ наглухо корсажахъ, еще непричесанныя,—принялись обсуждать его появленіе. Нѣкоторыя раздраженно совѣтовали вооружиться заступами и присоединиться къ мужьямъ; другія предлагали остаться на деревнѣ и выдержать натискъ жандармовъ. Онѣ окружили домъ мэра, въ который вошелъ Азэма, чувствуя, что этотъ человѣкъ пришелъ за помощью. Жужжа какъ на базарѣ, онѣ поджидали его, но—напрасно. Мэръ, обладавшій большею хитростью нежели храбростью, выпустилъ Азэма черезъ калитку, ведущую въ виноградники.

Вѣтеръ подулъ сильнѣе, туманъ исчезъ; чернѣющая равнина, розоватые, обнаженные холмы, лѣса въ долинѣ—засверкали росою подъ высокимъ синимъ небосводомъ.

На деревнѣ водворилось спокойствіе; старухи отметали соръ отъ крыльца, женщины хлопотали по хозяйству, а Жермена, причесанная, въ свѣжемъ платьѣ, сіяющая смуглою красотою въ своемъ черномъ корсажѣ, плотно обхватывавшемъ ея пышный бюстъ, направлялась къ колодцу за водою, когда со стороны выходившихъ на дорогу домовъ послышался смутный гулъ. Старухи испускали крики ужаса, дѣти кричали отъ радости. Какъ облако пыли — грозная вѣсть мгновенно разнеслась по узкимъ улицамъ:—Жандармы!

Съ франц. О. Ч.

„ДНЕВНИКЪ“

ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА

Въ концѣ января наступившаго нынѣ 1907 года исполнится семнадцать лѣтъ со дня смерти графа Петра Александровича Валуева: онъ скончался 27-го января 1890 года (род. въ 1814 г.). Послѣ себя покойный оставилъ, между прочимъ, „Дневникъ“, который, какъ то извѣстно, онъ велъ, начиная съ 1847 года и до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни. Годъ спустя послѣ его смерти, появилось въ печати начало этого „Дневника“ — въ „Русской Старинѣ“ (1891 г., кн. 4—11); оно обнимало собою періодъ времени отъ 1847-го до 1860-го года. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1892-мъ году, сынъ покойнаго, графъ Н. П. Валуевъ, предложилъ намъ пріобрѣсти у него отдѣльную часть „Дневника“, содержащую въ себѣ весь 1880-й годъ,—послѣдній почти въ двадцатилѣтней государственной дѣятельности его отца (1861—1881 гг.),— предоставивъ намъ право избрать для его напечатанія время, какое мы найдемъ для того удобнымъ. Между тѣмъ, со времени описываемыхъ въ этой части „Дневника“ событій нынѣ прошло уже цѣлое 25-лѣтіе, и потому дальнѣйшее откладываніе напечатанія его могло бы только совершенно ослабить тотъ особый интересъ, который эта часть „Дневника“ можетъ несомнѣнно представлять и въ настоящее время.

Сверхъ „Дневника“, графъ Н. П. Валуевъ вручилъ намъ и другую рукопись его покойнаго отца, озаглавленную: „Отрывочныя замѣтки“, въ числѣ 430-ти. Особенно замѣчательны и характерны изъ нихъ двѣ послѣднія, написанныя, по словамъ сына покойнаго, за нѣсколько дней до смерти его отца. Приведемъ ихъ въ подлинникѣ, такъ какъ онѣ могутъ служить отличнымъ предисловіемъ къ „Дневнику“ и многое разъяснить въ немъ.

„429. — На нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ постоянно встрѣчаюсь съ выраженіемъ „Staatsmann“, „Statesman“. На французскомъ рѣже—съ выраженіемъ „homme d'état, потому что во Франціи теперь (1890 г.) некого такъ называть. Но надъ соотвѣтствующимъ тому

понятіемъ вообще призадумываюсь. Человѣческое призваніе *человѣка* и призваніе такъ-называемыхъ *государственныхъ людей* часто расходятся въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ. Но должны ли эти призванія расходиться? Можетъ ли взглядъ на такъ-называемаго государственнаго человѣка отрѣшаться отъ взгляда на него же, какъ просто на человѣка и притомъ христіанина? И онъ, въ предсмертные часы земной жизни, можетъ ли, при обратномъ взглядѣ на пройденный имъ путь, отдѣлить дѣла своего государственнаго званія отъ долга и дѣлъ человѣка? Какъ мѣняется, въ собственныхъ его глазахъ, значеніе тѣхъ и другихъ! Какъ иначе взвѣшивается то, что называлось и признавалось государственною потребностью! Какъ могутъ тогда въ памяти его всплыть слезы и даже кровь, во имя этой потребности пролитыя! Сколько жертвъ, въ томъ числѣ не личныхъ, принесено понятію о славѣ!! Что значитъ слава?!

„430. — Мнѣ, видно, не дано было трогать, двигать, убѣждать, вести! Отчасти я самъ тому былъ причиною. Мнѣ недоставало упорной умѣлости. Но въ доброй волѣ не было недостатка. Часто стучался я въ двери и оффиціальныя, и неоффиціальныя. О томъ свидѣтельствуютъ мои записки и всѣ мои печатные труды. Но двери не отворялись, а только растворялись порою не вполнѣ и ненадолго. Я часто спрашивалъ себя: почему другіе не извлекли изъ меня болѣе пользы? Я такъ много извлекъ ея изъ другихъ“.

Эта „замѣтка“ была послѣднею въ жизни графа П. А. Валуева, и ею, какъ мы уже замѣтили выше, многое объяснится въ его „Дневникѣ“, особенно за 1880-й годъ, за которымъ послѣдовалъ роковой 1881-ый годъ [1]).—М. Ст.

---

[1]) Всѣ подстрочныя примѣчанія къ тексту „Дневника“ сдѣланы Редакціею.

1880-ый годъ.

Январь.

2 января. — Пробѣлъ и перемѣна. Я теперь предсѣдатель комитета министровъ и коммиссіи прошеній, вмѣсто скончавшагося гр. Павла Игнатьева [1]). Министерство государственныхъ имуществъ сдано кн. Ливену. Да поможетъ мнѣ Богъ!

Сегодня въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ званіи предсѣдателя. Случалось и прежде, но за отсутствіемъ или болѣзнью старшихъ. Не безъ сожалѣнія разстался съ прежнимъ кругомъ дѣятельности и съ сожалѣніемъ разстался съ прежними сослуживцами. Думаю, что добрую память обо мнѣ сохранятъ.

Мнѣ новая задача трудна. Она состоитъ въ томъ, чтобы объединяющее слово обратить въ объединяющій фактъ. Удастся ли? Не мнѣ, лично, нужна удача.

3 января. — Утромъ — нескончаемые, но неизбѣжные визиты. Былъ, между прочимъ, въ англійскомъ посольствѣ. Вчера обѣдалъ у пр. Ольденбургскаго съ французскимъ посломъ и m-me Chanzy.

Сегодня обѣдалъ у государя, съ гр. Милютинымъ, кн. Урусовымъ, генералами Крыжановскимъ, Колпаковскимъ и Горловымъ. Послѣднихъ двухъ видѣлъ, кажется, въ первый разъ. Колпа-

---

[1]) П. А. Валуевъ состоялъ министромъ государственныхъ имуществъ въ теченіе восьми лѣтъ, начиная съ февраля 1872 года, когда онъ снова вступилъ на государственную службу послѣ четырехлѣтняго перерыва, а именно: въ 1868 году, онъ былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, которую занималъ также восемь лѣтъ, начиная съ первой половины памятнаго 1861 года.—Въ новомъ же и послѣднемъ своемъ званіи—предсѣдателемъ комитета министровъ П. А. Валуевъ оставался менѣе двухъ лѣтъ: въ октябрѣ 1881 года онъ былъ уволенъ и на этотъ разъ болѣе не возвращался къ государственной дѣятельности.—Дневникъ 1880-го года былъ авторомъ, повидимому, перечитываемъ впослѣдствіи, такъ какъ мѣстами встрѣчаются примѣчанія, вставленныя имъ, очевидно, позже.

ковскій — явно способная личность извѣстной руки; Горловъ — произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка разсудительнаго и наблюдательнаго, безъ свѣтскаго лоска. Онъ лучше всего заобѣденнаго синклита оцѣниваетъ англійскія и американскія дѣла. Въ немъ нѣтъ ни нашего глупаго американофильскаго пошиба, ни столь же глупаго пошиба англофобіи.

Благодарилъ государя за то, что онъ позволилъ мнѣ отклонить несвоевременно и неразсудительно предположенное, по почину м-ра финансовъ, пожалованіе земли. Мнѣ вовсе не подъ стать давать поводъ къ нареканіямъ и толкамъ въ ту минуту, когда я сажусь въ предсѣдательскія кресла к—та м—ровъ и когда нравственный авторитетъ мнѣ тѣмъ болѣе нуженъ, что ни на какой другой я не могу съ увѣренностью разсчитывать. Починъ Грейга [1]) объясняется тѣмъ, что у него осталось, такъ сказать, на совѣсти, послѣ нашихъ объясненій, слишкомъ годъ тому назадъ, насчетъ пожалованныхъ ему самому лѣсныхъ дачъ въ царствѣ Польскомъ. Эти дачи цѣнностью далеко за 1/2 милліона (какъ говорятъ, до 900 тыс. руб.), а дачи, пожалованныя тайн. совѣтн. Шамшину, имъ проданы за 350 тыс. руб. То и другое пожалованія испрошены бывшимъ м-ромъ финансовъ Рейтерномъ, — почему, и для чего, въ точности не знаю. Мнѣ бы теперь дали какія-нибудь земли въ уфимской губерніи, послѣ всѣхъ бывшихъ о такихъ пожалованіяхъ толковъ! Цѣнность дара была бы тысячъ 70, а криковъ поднялось бы на милліонъ, и я сталъ бы на одну доску съ Грейгомъ, Шамшинымъ и кн. Ливеномъ, которому я самъ испросилъ пожалованіе и который выбралъ себѣ участки довольно цѣнные, — чего я, конечно, не могъ бы ни сдѣлать, ни позволить сдѣлать. Pas si naïf! Я наотрѣзъ отказался.

6 января. — Сегодня не было обычнаго выхода. Съ разныхъ сторонъ, въ послѣднее время, получались свѣдѣнія, будто бы на этотъ день готовилось новое покушеніе противъ жизни государя. Вспомнили, что на планѣ Зимняго дворца, найденномъ у одного изъ здѣсь арестованныхъ лицъ, былъ, между прочимъ, особый знакъ на мѣстѣ, обозначающемъ Іорданскій подъѣздъ. Ничего положительнаго, впрочемъ, не открыто.

Замѣчательно неумѣло и вяло, вообще, дѣйствуетъ наша двойная, или даже тройная, полиція. Здѣшній генералъ-губернаторъ, въ особенности, загадочно бездѣятеленъ.

---

[1]) Министра финансовъ.

Между тѣмъ западный горизонтъ не безоблаченъ. Отношенія къ Германіи нездоровы. Причина всему, т.-е. главная, одна и та же: — + — [1]).

Мнѣ теперь легче относительно работы; но я чувствую себя до крайности усталымъ, и притомъ моя обычная „sensitiveness" служитъ источникомъ разныхъ внутреннихъ болей, парализирующихъ часть моихъ силъ.

Генералъ Дрентельнъ сообщилъ мнѣ весьма замѣчательную работу, исполненную для III-го отдѣленія не названнымъ мнѣ лицомъ: „Очеркъ соціально-демократическаго движенія", обнимающій этотъ предметъ не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. Возвратилъ ее сегодня при запискѣ, въ которой высказалъ свое мнѣніе.

Отвѣчалъ, на дняхъ, на цѣлый рядъ весьма любезныхъ писемъ, полученныхъ мною по случаю моего новаго назначенія, — между прочимъ, отъ ген. Штрунца, бар. Менгдена, гг. Венцеля и Штилера. Сегодня мои бывшіе курьеры меня порадовали. Явились всѣ и поднесли хлѣбъ-соль, — солонку, на блюдѣ, съ моимъ вензелемъ. Ежедневно буду этимъ подаркомъ пользоваться.

7 января. — Утромъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Введеніе великаго князя Алексѣя Александровича. Мнѣ, какъ предсѣдателю комитета министровъ, отведено особое мѣсто, въ ряду предсѣдателей департаментовъ. До сихъ поръ, комитетскій предсѣдатель сидѣлъ между членами совѣта, по старшинству. Нашли страннымъ, что мнѣ пришлось бы сидѣть между генералами Гильденштуббе и Непокойчицкимъ, и послѣдовало, по докладу предсѣдателя Совѣта, установляющее новое правило повелѣніе.

Обѣдалъ у государя, съ княземъ Ливеномъ (son premier lundi), Абазою, Деляновымъ, Титовымъ и Кумани (кажется, онъ теперь посланникомъ въ Болгаріи). Государь приказалъ быть у него въ среду, если не поѣдетъ на охоту. Зачѣмъ? Не моя ли записка 1863 года [2]) получаетъ ходъ?

---

[1]) Т.-е.: минусъ, плюсъ, минусъ.

[2]) Если мы не ошибаемся, эта замѣчательная „Записка 1863 года" никогда не появлялась въ печати; содержаніе же ея выясняется само собою изъ дальнѣйшаго текста „Дневника": авторъ „Записки" полагалъ, что 19-е февраля 1861 года было только первымъ шагомъ по новому пути, и что послѣ того невозможно поддерживать status quo ante. Ей была противопоставлена другая „Записка"—великаго князя генералъ-адмирала, 1866 года. Борьба партизановъ той и другой „Записки", которыя служили программою будущей внутренней политики,—проходитъ чрезъ весь 1880-й годъ и составляетъ главный интересъ „Дневника".

Товарищемъ князя Ливена назначается Куломзинъ. Довольно хорошій выборъ, если педантизмъ и мелочность не помѣшаютъ.

9 января. — Вчера комитетъ министровъ. Сильный морозъ. Послѣ комитета не выѣзжалъ. Конная гвардія ушла въ Гатчину, а кирасиры ея величества пришли сюда, для смотра. При такой стужѣ переходъ въ 40 верстъ—не радость.

Сегодня былъ у государя. Дѣло дѣйствительно идетъ о моей запискѣ 1863 г. съ ея приложеніями. При этомъ случаѣ государь прочиталъ мнѣ *исчезнувшую* съ 1866 г. записку великаго князя генералъ-адмирала по приблизительно тому же предмету. Его предположенія уже, и явно, что узкость ихъ, въ глазахъ государя, составляетъ достоинство. Разрѣшено переговорить съ княземъ Урусовымъ. Государь притомъ отозвался, что соберетъ насъ послѣ для совѣщанія, конечно при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, шефѣ жандармовъ и проч. Присутствовавшій Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію status quo и всякій „конституціонализмъ“ считаетъ гибельнымъ. Явно, также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно *столичными бреднями*, и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предположеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году высказалъ, во всеподданнѣйшей запискѣ, que le mot „constitution“ ne devait même pas être prononcé. Государь передалъ Цесаревичу, отчасти по моему предложенію, отчасти proprio motu,—les pièces du procès. Въ виду настроенія я не входилъ ни въ какія подробности. Все-таки дѣло пошевельнулось. Увидимъ, что̀ будетъ далѣе.

11 января. — Утромъ предсѣдательствовалъ въ первый разъ въ коммиссіи прошеній. Коллегія—sui generis.

Обѣдалъ во дворцѣ. Обѣдъ прощальный въ честь бывшаго австрійскаго посла барона Лангенау. Вчера послалъ къ государю часть моей переписки съ княземъ Урусовымъ 1866 г., предварительно спросивъ на то согласіе князя и съ нимъ объяснившись. Онъ колеблется, несмотря на то, что самъ мнѣ сказалъ за обѣдомъ у государя, 10-го декабря, въ тотъ самый день, когда я напомнилъ его величеству о моей запискѣ 1863 г., „qu'il ruminait sans cesse mes idées d'alors“.

15 января. — Нездоровъ и второй день не выѣзжаю. Вчера за мной присылалъ великій князь генералъ-адмиралъ, и когда я написалъ ему, что не могу быть, то онъ просилъ прислать

его записку 1866 г. Слѣдовательно, государь съ нимъ говорилъ. Сегодня ко мнѣ заѣзжалъ Маковъ и сказалъ, что великій князь съ нимъ вчера заговорилъ о той же запискѣ. Государь имѣетъ въ виду нѣчто къ 19-му февраля и намекнулъ объ этомъ и Дрентельну, который довольно наивно предложилъ даровать какія-то облегченія полицейскимъ поднадзорнымъ. Государь отозвался, что—„пожалуй, но это особо, а дѣло въ другомъ",—и онъ насъ соберетъ для совѣщанія. Сегодня государь прислалъ меня звать къ обѣду. Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду что-нибудь и мнѣ сказать по тому же предмету; но я долженъ былъ извиниться.

Кое-что непремѣнно сбудется, если рѣчь—о 19-мъ февраля, и я не безъ основанія на то разсчитывалъ 10-го декабря. Но что̀ именно? Знаю, что со всѣхъ сторонъ будутъ стараться урѣзывать.

Кн. Урусовъ мнѣ писалъ—„qu'il est effrayé de mon courage", etc. Отвѣчалъ: — que si courage il y avait, c'était dans mes écrits de 1863 et 17 années de silence, mais que pour le moment j'étais simplement „at bag" [1]).

18 января. — Сегодня засѣданіе коммиссіи прошеній. Вчера былъ у великаго князя Константина Николаевича. Разговоръ о моей запискѣ 1863-го и его 1866-го годовъ. Онъ выпытывалъ, съ чего теперь началось движеніе. Убѣдившись, что отчасти толчокъ данъ былъ мною, онъ, очевидно, желалъ заключить союзъ на дальнѣйшее дѣйствіе. Я уклонился, говоря, что прежде всего нужно выждать указаній государя и предстоящаго у него совѣщанія. Я только заявилъ, что для меня существенно важны слѣдующія три условія: чтобы дѣло было не мелкое; чтобы *совѣщательное* участіе въ законодательствѣ было предоставлено лицамъ, выбраннымъ для того изъ губерній; и чтобы не было племенныхъ исключеній или ограниченій. Я выразился такъ:—не гостинодворскія начала, а начала Всероссійской Имперіи.

Сегодня въ ночь захвачена и, можно сказать, съ боя взята, въ Саперномъ переулкѣ, тайная типографія. Арестованы 2 мужчинъ и 2 женщины. Третій сообщникъ—мужчина—застрѣлился. Подробностей еще не знаю.

На дняхъ (16-го числа) выслана отсюда въ деревню графиня Гендрикова. Говорятъ, по случаю—propos non seulement inconvenants, mais scandaleux en présence d'étrangers ou chez des étrangers. Слѣдовало ожидать. Жалѣть не слѣдуетъ.

---

[1]) „Въ мѣшкѣ"—въ затруднительномъ положеніи.

Обѣдалъ у его величества, съ генералами Гурко, Дрентельномъ, Зуровымъ, гр. Павломъ Шуваловымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Государь сказалъ мнѣ, что князь Урусовъ совѣтуетъ ничего не дѣлать [1]). Многаго нельзя; малое, по его мнѣнію, не удовлетворитъ. Я отвѣчалъ, что дѣло такъ важно, что все-таки желательно, чтобы оно было въ присутствіи его величества обсужено. Государь съ этимъ согласился. Я сказалъ ему, что меня къ себѣ требовалъ великій князь генералъ-адмиралъ, и испросилъ дозволеніе ему сообщить мою записку,—что также разрѣшено. Возвратясь изъ дворца, послалъ бумаги къ великому князю. Кризисъ, по этому радикальному вопросу, наступаетъ!

19 января.—Государь, возвращая мнѣ нѣкоторыя бумаги, приписалъ, что проситъ къ себѣ въ понедѣльникъ, т.-е. послѣзавтра. Кризисъ у порога!

20 января.—У обѣдни. Выѣзжалъ. Оттепель и почти нѣтъ болѣе саннаго пути. По дѣлу въ Саперномъ переулкѣ высказалъ вчера нѣсколько мыслей и совѣтовъ въ запискѣ Зурову. Отъ него получилъ отвѣтъ, что совѣты приняты къ руководству, и—благодарность. Князь Долгоруковъ изъ Москвы обратился ко мнѣ по тамошнему университетскому дѣлу, а генералъ Альбединскій, изъ Вильны, по дѣлу о предположенныхъ имъ льготахъ. Воображаютъ, что я могу болѣе, чѣмъ могу. Главное затрудненіе въ томъ, что и министръ внутреннихъ дѣлъ, и другіе—не имѣютъ собственно никакого влеченія къ дѣлу, по свойствамъ дѣла, а только занимаются дѣлами потому, что ими заниматься должны. Имъ лично не больны больныя мѣста по вопросамъ о сектаторахъ, о римско-католической церкви, о Прибалтійскомъ краѣ, о частной поземельной собственности, объ учебныхъ заведеніяхъ, даже о печати. Казуснымъ нельзя не заняться, но на все органическое—пасъ!

Великій князь генералъ-адмиралъ уже вчера возвратилъ мнѣ мою записку и благодарилъ за сообщеніе.

22 января.—Вчера—совѣщаніе у государя. Для лучшаго охраненія тайны всѣ введены первыми корридорными дверьми въ библіотеку. На лицо были: два великихъ князя, князь Урусовъ,

---

[1]) Относится къ предложеніямъ „Записки" гр. Валуева о необходимости дальнѣйшихъ реформъ въ смыслѣ реформы 19 февраля 1861 года.

Дрентельнъ, Маковъ и я. Государь предложилъ общій вопросъ къ обсужденію. Великій князь генералъ-адмиралъ прочиталъ свою записку, дополняя изустно разными оговорками, и потомъ высказался вообще въ пользу дѣла; но то и другое—въ обычномъ полунасмѣшливомъ тонѣ. Была рѣчь и о безсословности, и о реформахъ, и о чисто русскихъ, а не заграничныхъ началахъ, и объ англійской конституціи, и о земствѣ, и, конечно, о будто бы въ прежнее время раздражавшемъ дворянство крестьянскомъ освобожденіи, и проч., и проч. Князь Урусовъ, Дрентельнъ и Маковъ въ краткихъ выраженіяхъ обнаружили несочувствіе. Подробнаго обсужденія не было, потому что государь съ самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и предоставляетъ его обсудить предварительно между нами. Я высказался, въ свою очередь, преимущественно съ точки зрѣнія необходимости, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, положить предѣлъ пассивности добронамѣреннаго большинства, а самому правительству дать возможность высказываться и вести рѣчь противъ ежедневно и вездѣ проповѣдуемыхъ революціонныхъ началъ. Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція Цесаревича имѣла видимое вліяніе на князя Урусова и Макова. На этомъ совѣщаніе прекратилось. Положено вновь быть у государя въ будущій вторникъ, 29-го, въ 11 часовъ, а между тѣмъ намъ собраться у великаго князя генералъ-адмирала завтра, 23-го. Возвратясь домой, я тотчасъ написалъ Макову и князю Урусову, что считаю дѣло проиграннымъ, во-первыхъ, потому что между нами нѣтъ необходимаго единодушія, во-вторыхъ, потому что оно попало въ руки генералъ-адмирала. Мнѣ выгоднѣе, для будущаго, отступить, чѣмъ быть отбитому.

Общее впечатлѣніе тягостное, даже для меня, хотя я давно знаю моихъ собесѣдниковъ. Они оказались еще гораздо ниже обычнаго уровня, кромѣ Дрентельна, который въ такихъ дѣлахъ новъ, и отъ котораго я ничего кромѣ инстинктивной робости ожидать не могъ. Въ князѣ Урусовѣ особенно беззастѣнчиво обнаружился сервилизмъ, а въ Маковѣ—необтесанная ограниченность взгляда. Дивлюсь тому, какъ никто не замѣчаетъ опасности слишкомъ явнаго признанія въ правительственномъ эгоизмѣ. Быть можетъ, все это къ лучшему. При такихъ элементахъ и направленіи дѣла великимъ княземъ генералъ-адмираломъ, успѣхъ вообще становится невозможнымъ. Судьбы сбываются. Быть мо-

жетъ, для перехода къ другому порядку мыслей и дѣлъ нужно, чтобы подъ нами почва еще болѣе заколебалась.

— + — semper idem! Почти можно сказать: „crescit eundo“.

Сегодня—комитетъ министровъ. Одинъ изъ членовъ говорилъ и разсуждалъ, съ большимъ aplomb, какъ столоначальникъ; другой излагалъ, ore rotundo, соображенія, къ дѣлу не относившіяся. Обыденныя явленія.

23 января.—Утромъ въ Мраморномъ дворцѣ я заявилъ великому князю, что, въ виду отсутствія необходимаго въ такихъ дѣлахъ единомыслія, я считаю мои предположенія неосуществимыми въ настоящее время, и потому отъ дальнѣйшаго настоянія или даже обсужденія отказываюсь. При этомъ случаѣ, я, однакоже, напомнилъ ему,—à propos его руссицизмовъ,—о вѣчахъ, о соборахъ, о боярской думѣ, и сказалъ, что нельзя изъ цѣлаго брать одну десятичную дробь, считая русскія начала только со временъ Екатерины или кодификаціи графа Сперанскаго, и что въ дѣлахъ государственныхъ есть общія европейскія и общечеловѣческія начала. Это относилось къ тому, что онъ русскую Америку открывалъ въ нѣкоторыхъ, никогда не примѣнявшихся, статьяхъ свода законовъ о выборѣ депутатовъ на случай и проч. Маковъ, Дрентельнъ и князь Урусовъ, каждый на свой ладъ, также выразили отрицательное, по главному вопросу, мнѣніе. Тогда—Monseigneur s'est rabattu,—опять со всевозможными ему свойственными манерками и неудачными оборотами рѣчи,—на простое распространеніе вышеупомянутыхъ статей свода законовъ на земство и главные города. Я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ нельзя пріурочивать дѣла къ 19-му февраля, а слѣдуетъ дать ему общій рутинный ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Великій князь заявилъ, что онъ именно того и желалъ?! Положено возвратиться ко всему этому послѣ-завтра, въ присутствіи Цесаревича, который сегодня быть не могъ.

Государыня императрица сегодня возвратилась въ С.-Петербургъ. Путешествіе изъ Каннъ совершено въ четверо сутокъ. Говорятъ, она въ положеніи почти безнадежномъ, но путь вынесла весьма благополучно. Все это трудно уразумѣть. Во дворцахъ и больные, и медики не подходятъ подъ общія понятія о болѣзняхъ и медицинѣ.

25 января.—Вчера былъ во дворцѣ—освѣдомляться. Видѣлъ министра двора. По его мнѣнію, положеніе безнадежное, но могущее протянуться годы!? Наканунѣ вечеромъ, послѣ пріѣзда,

ея величество играла въ карты,—что теперь дѣлается, чтобы она не утомлялась разговоромъ. На другой день она завтракала, кажется, съ государемъ, и камердинеръ сервировалъ. Donc elle n'est pas alitée.

Образчикъ моихъ дней. Сегодня утромъ дописалъ начатую вчера статью для „Отголосковъ". Провѣрилъ списокъ съ нея и отправилъ къ Ретгеру при запискѣ, въ которой далъ указанія насчетъ статей о пріѣздѣ императрицы и объ англійской тронной рѣчи. Написалъ записку къ Горну о статьѣ въ „Голосѣ", прямо противорѣчащей тому, что мнѣ было намедни сказано самимъ Горномъ, и указаніямъ властей печати. Написалъ Грейгу о томъ же и о безтактныхъ поступкахъ его агента въ Берлинѣ. Написалъ въ Берлинъ Венцелю. Написалъ замѣтку для министра внутреннихъ дѣлъ и передалъ ему эту замѣтку, когда онъ, по условію, заѣхалъ ко мнѣ изъ дворца послѣ всеподданнѣйшаго доклада. Видѣлъ лифляндскаго губернскаго предводителя, по уговору, послѣ его аудіенціи у князя Урусова. Сдѣлалъ нѣкоторыя нужныя распоряженія по комитету министровъ и коммиссіи прошеній. Былъ въ Мраморномъ дворцѣ съ 1-го до 3-го часа на условленномъ совѣщаніи. Оттуда заѣхалъ въ комитетъ министровъ и принялъ краткій докладъ по нѣкоторымъ дѣламъ. Вернувшись, прочиталъ присланную мнѣ Горномъ для просмотра корректуру статьи по училищному вопросу, приготовленной для „Journal de St.-Pétersbourg". Сдѣлалъ замѣтки и, возвращая статью, второй разъ написалъ Горну. Просмотрѣлъ присланныя мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ бумаги по земскимъ дѣламъ 1867 г. и отправилъ одну изъ нихъ къ Каханову. Принялъ пензенскаго губернатора Татищева. Наконецъ, прочиталъ газеты и принялъ еще, отдѣльно, трехъ другихъ лицъ. Все это до обѣда.—Порядочно!—Конечно, не всѣ дни такъ пестры и полны. Но въ сущности,—все та же гонка, и гонка по необходимости. Еслибы я не дѣлалъ того, что дѣлаю, оно никѣмъ не было бы сдѣлано. Я какъ будто одинъ озабочиваюсь заграничнымъ отраженіемъ нашей прессы, вліяніемъ безтактностей или неприличій нашихъ агентовъ, одинъ руковожу „Отголосками", стараюсь направлять Горна, наблюдаю за вопросами, интересующими окраины, и проч., и проч.,—въ добавокъ ко всему тому, что обязанъ, кромѣ того, дѣлать какъ предсѣдатель комитета министровъ и коммиссіи прошеній.

Засѣданіе у великаго князя генералъ-адмирала привело, но не безъ труда, къ простому отрицательному заключенію. Онъ усиленно пытался провести свою мысль и чуть-чуть не заручился на то согласіемъ Цесаревича,—на этотъ разъ присутство-

вавшаго, — при молчаніи другихъ членовъ совѣщанія. Но я уперся и не далъ совершиться его „tour de prestidigitation“. Онъ мнѣ вообще невыносимъ. Князь Урусовъ, Маковъ и Дрентельнъ были въ обычныхъ роляхъ. Подробностей не отмѣчаю. Забыть главнаго нельзя. Satis!

27 января.—Вчера цѣлый день не выходилъ изъ дома. Сегодня утромъ—у обѣдни. Заѣзжалъ къ Макову. Потомъ дома. Читалъ. Раздумывалъ. Настроеніе—не для дѣла.

Несмотря на „satis“, возвращаюсь къ бывшему совѣщанію. Не могу, pro pudore, отмѣтить одного dictum Цесаревича. Онъ самъ, вѣроятно, не желалъ кого бы то ни было обидѣть; но слова, имъ произнесенныя, тѣмъ не менѣе, были обидны. А генералъ-адмиралъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ объяснялъ нынѣшнее исключительное положеніе дѣлъ въ генералъ-губернаторствахъ, отозвался такъ: „Конечно, при такой *дичи* все невозможно“. Но эта „дичь“ — мѣры, принятыя по высочайшему повелѣнію!..

Все невозможно не потому, что въ наше время приняты тѣ или другія исключительныя мѣры, а потому что во главѣ правительства могутъ происходить такія совѣщанія при такихъ участникахъ!

Меня гнететъ сознаніе, что безъ неожиданнаго, и притомъ неизбѣжно критическаго событія, безъ потрясенія болѣе сильнаго, безъ нужды болѣе крайней, чѣмъ нынѣшнія потрясенія и нужды,— исхода нѣтъ!

Переживаю день за днемъ. Дѣлаю мое дѣло. Даже пишу для „Отголосковъ“. Но чувствую, что все это я дѣлаю болѣе для себя, нежели для дѣла. Борюсь съ невозможнымъ. Завтра, быть можетъ,— если не завтра, то послѣ-завтра, или еще въ какой-нибудь болѣе дальній день,—вдругъ скажется слово судьбы, болѣе сильное и рѣшительное, чѣмъ всѣ современныя заключенія разныхъ совѣщаній, и чѣмъ всѣ повелѣнія самодержца по имени, но уже не самодержца на дѣлѣ. Продолжаю дивиться той вѣрѣ въ будущность, которая вокругъ меня проявляется, наперекоръ всѣмъ ходячимъ при ней фразамъ насчетъ непрочности нынѣшняго положенія дѣлъ. Всѣ мелкія честолюбія и самолюбія ведутъ свои счеты и строятъ разсчеты, какъ будто оно во всѣхъ частностяхъ надолго непоколебимо. Меня не покидаетъ томительное ощущеніе, что я наканунѣ чего-то, чего даже приблизительно опредѣлить не могу.

Примѣчаніе № 22.—Роковое слово сказалось съ небольшимъ черезъ годъ. Но оно, судя по признакамъ, не послѣднее. [С.-Петербургъ, 29-го декабря 1881 г.].

30 января. — Вчера похоронена вновь — надолго ли, не угадываю — мысль 1863 г. На совѣщаніи у государя, на этотъ разъ при участіи министра двора, ей прочитаны краткія отходныя, съ тѣми же оттѣнками, которые обнаруживались при предшедшихъ совѣщаніяхъ. Затѣмъ — комитеты министровъ и польскій. Въ первомъ изъ нихъ — тульское дѣло, гдѣ постоянно всплывало II-ое отдѣленіе, вмѣсто тульскаго и прочихъ дворянствъ; но подъ конецъ II-ое отдѣленіе правильно потоплено. Весьма ясно, опредѣлительно и толково говорилъ Сольскій. Затѣмъ, я къ нему прямо изъ засѣданія, въ видѣ комплиментарной демонстраціи.

Третьяго дня обѣдалъ у государя. Были: герцогиня Эдинбургская, неизбѣжная графиня Мойра, г-жа Баратынская, графъ Хрептовичъ и кн. Ливенъ.

Вечеромъ видѣлъ Грейга, который разсказывалъ, что военный министръ хотѣлъ вооружать наши крѣпости и учредить нѣчто вродѣ наблюдательнаго и развѣдочнаго кордона вдоль прусской границы, — въ ожиданіи внезапнаго германскаго нападенія. При этомъ уже весьма неосторожно всполошились разные второстепенные германофобы вродѣ директора таможеннаго департамента Качалова, полковника ген.-шт. Боголюбова и т. п. Et cela s'appelle un gouvernement!

Третьяго дня былъ, — mirabile dictu, — посаженымъ отцомъ вдовы княгини Львовой, при ея бракосочетаніи съ бывшимъ моимъ чиновникомъ особыхъ порученій гр. Кассини. Я не родственникъ, вообще не близкій; но по семейнымъ распрямъ не оказалось другого подходящаго для роли какъ „a vow giver“ [1]).

Сегодня утромъ — длинное объясненіе, у меня, съ варшавскимъ попечителемъ Апухтинымъ. Развивалъ ему мои взгляды на его дѣло. Кажется, не безъ результата. Увидимъ.

Въ понедѣльникъ, 28-го числа, захвачена еще одна тайная типографія, въ 14-й линіи Васильевскаго-Острова, и въ ней взяты печатавшіеся нумера „Чернаго передѣла“ и объявленіе по поводу захвата типографіи въ Саперномъ переулкѣ.

Вчера утромъ написалъ въ Берлинъ, Сабурову, о томъ déplorable courant qui nous pousse à des complications avec l'Allemagne. Сегодня получилъ письмо отъ Блейхредера, который ожидаетъ, къ 19-му числу, учрежденія у насъ „eines erweiterten Reichsraths mit Representativ-System“. Откуда до него дошли эти вѣсти, впрочемъ весьма здѣсь распространенныя? Мое имя постоянно къ нимъ пріурочивается.

---

[1]) „Дающаго обѣтъ“.

Февраль.

2 февраля. — Постоянные толки о предстоящемъ юбилеѣ. Мнѣ все кажется, что вмѣсто празднествъ онъ пахнетъ панихидой. Императрица гаснетъ, и вообще дѣла не имѣютъ юбилейнаго оттѣнка.

Вчера — засѣданіе коммиссіи прошеній. Видѣлъ Гирса. Получилъ отъ Сабурова извѣстіе, что онъ ѣдетъ сюда. Сегодня видѣлъ Набокова, только-что пріѣхавшаго изъ-за границы и вступающаго въ управленіе министерствомъ юстиціи. Сюда съѣзжаются теперь генералъ-губернаторы. Гр. Лорисъ-Меликовъ и Тотлебенъ прибыли. Другіе ожидаются къ 19-му числу.

Маковъ заходилъ утромъ и передавалъ нѣкоторыя частности о своемъ вчерашнемъ докладѣ. Между прочимъ, государь ему передалъ какую-то записку гр. Шувалова, по мнѣнію его величества — безтолковую, по вопросу о печати. Государь сказалъ, что ее можно мнѣ сообщить, и Маковъ хотѣлъ ее прислать. По его мнѣнію, она дѣйствительно пустословна. Шуваловъ s'agite, mais déchoit intellectuellement. Le niveau ne fut jamais très élevé, mais à Berlin il y a eu atteinte à une espèce de zénith.

3 февраля. — Читалъ записку гр. Шувалова. Начало не такъ безтолково. Мысль та, что нигилисты и проч. не могли бы дѣйствовать, какъ они дѣйствуютъ, еслибы они не находили нѣкоторой опоры въ обществѣ. Но далѣе, заключеніе записки, выражающее мысль, что можно уговорить прессу, по случаю двадцатипятилѣтія 19-го февраля, уничтожить нигилистовъ, — наивно до сходства съ плохою и неумѣстною шуткою. Читалъ также записку гр. Лорисъ-Меликова, хорошо написанную, несмотря на обычную риторику вѣрноподданства объ „обожаемомъ“ монархѣ, и высказывающуюся за прочное созданіе генералъ-губернаторствъ. Министръ внутр. дѣлъ мнѣ писалъ, что онъ „радъ“ этой запискѣ. Увидимъ радость!

Кахановъ прислалъ неожиданныя предположенія министра финансовъ о манифестѣ насчетъ какихъ-то мелкихъ денежныхъ льготъ по случаю двадцатипятилѣтія. Повелѣно обсудить дѣло въ комитетѣ министровъ. Послѣ всѣхъ ожиданій, такой манифестъ имѣлъ бы почти значеніе насмѣшки. Нечего сказать, высокъ уровень нашихъ министровъ! Вижу въ этомъ фатидическій признакъ. А я самъ? Въ борьбѣ съ невозможнымъ, но все-таки на общей сценѣ! Сойти съ нея нѣтъ возможности, да даже нѣтъ и поводовъ. Напротивъ, — + — имѣетъ весьма широкое поле примѣненія.

Видѣлъ пріѣхавшаго изъ Берлина Сабурова. Смотритъ вѣрно на дѣло.

Былъ въ Аничковомъ дворцѣ на свадьбѣ фрейлины Цесаревны, графини Апраксиной, вышедшей за адъютанта Цесаревича, князя Оболенскаго. Почти весь городъ. Тѣсно, душно.

Уровень, о которомъ выше упомянуто, меня постоянно тревожитъ. Не даромъ такой упадокъ. Il y a toujours du paysan, ou du valet, ou du scribe, dans les combinaisons que je vois former autour de moi. Между тѣмъ, сегодня, въ „Голосѣ", по случаю тенденціозной статьи въ „Русской Старинѣ"—рѣчь о „великихъ образахъ (sic!) Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина,... людей, не ходившихъ въ совѣтъ нечестивыхъ"! Маковъ еще вчера почти хвалилъ „Русскую Старину". О, poena pede claudo! Въ одномъ направленіи она налицо. Минуетъ ли въ другомъ?

4 февраля.—Государь прислалъ за мною утромъ. Онъ самъ находитъ, что проектированный министромъ финансовъ манифестъ о мелочныхъ милостяхъ на 19-ое число неудобенъ. Кромѣ того, онъ поручилъ мнѣ, по случаю съѣзда сюда генералъ-губернаторовъ, устроить подъ моимъ предсѣдательствомъ совѣщаніе изъ нихъ и подлежащихъ министровъ, для обезпеченія большаго единства въ распоряженіяхъ генералъ-губернаторскихъ властей въ разныхъ мѣстностяхъ.

Былъ послѣ того на двухъ панихидахъ, по вдовѣ адмирала Головнина, матери бывшаго министра народн. просвѣщенія, и по умершему вчера генералъ-адъютанту бар. Ливену. Продолжаютъ быстро рѣдѣть ряды всѣхъ представителей прежняго времени.

5 февраля.—Комитеты—министровъ и кавказскій. Въ первомъ вопросу о манифестѣ данъ должный оборотъ. Предсѣдательство теперь не синекура.

Вечеромъ.—Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, подъ главнымъ карауломъ. Нижняя часть зданія, по словамъ только-что заѣхавшаго ко мнѣ министра внутр. дѣлъ, разрушена. Убитыхъ солдатъ 5, раненыхъ 17; не досчитываются еще 20-ти или 23-хъ. Конечно, въ первую минуту ничего обстоятельнаго узнать нельзя.

Вчера прибылъ князь болгарскій. Сегодня было у государя совѣщаніе по болгарскимъ дѣламъ. А наши дѣла!

6 февраля. — Взрывъ произведенъ, повидимому, динамитомъ, вложеннымъ въ печку или въ подвалѣ около печки, потому что душники открылись въ трехъ этажахъ. Въ подвалѣ находились столярные рабочіе, изъ которыхъ одинъ исчезъ. Незадолго передъ взрывомъ ихъ спрашивали, зачѣмъ они тамъ были безъ огня. Такихъ почти безконтрольно пребывающихъ во дворцѣ рабочихъ будто до трехсотъ. Убито 10 солдатъ, въ томъ числѣ два фельдфебеля; ранено 44. Стекла выбиты почти во всѣхъ комнатахъ съ окнами на дворъ по этой сторонѣ. Корридоры Салтыковскаго подъѣзда наполнились смрадомъ и каменною пылью.

Былъ у государя сегодня утромъ въ 10 час. Спокоенъ наружно, но видимо возмущенъ и взволнованъ внутренно. Въ 1 ч. дня молебенъ въ Большой церкви. Импровизированный выходъ. Весь городъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ утратилъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, умственное равновѣсіе. Мечтаетъ о невозможномъ соединеніи м-ва внутреннихъ дѣлъ съ III-мъ отдѣленіемъ, конечно себя увольняя. Жалуется на III-ье отдѣленіе, не безъ основанія, но безъ большаго основанія сегодня, чѣмъ вчера или третьяго дня. Событіе во дворцѣ ложится прежде всего на отвѣтственность дворцовыхъ властей. Безуспѣшность борьбы съ революціонной крамолой лежитъ солидарно на отвѣтственности министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и на III-мъ отдѣленіи съ его жандармами. Отвѣтственность за размѣры крамолы и ея глубокіе корни принадлежитъ всему правительству, быть можетъ, кромѣ меня одного. Этотъ дневникъ свидѣтельствуетъ о томъ, чьи взгляды и воля преобладали, и какъ постоянно я боролся съ преобладавшими вліяніями!

Видѣлъ генераловъ Дрентельна и Гурко. Оба какъ будто зрители того, что происходитъ. А одинъ — шефъ жандармовъ, другой—полномочный генералъ-губернаторъ и командующій войсками.

Пологоловые, вродѣ А..., горько глумятся надъ полиціями, какъ будто глумленіе есть дѣйствіе въ критическія минуты, и

какъ будто не эти же пологоловые либералы не такъ-то давно сами пѣли диѳирамбы великимъ реформамъ, болгарской войнѣ, учебнымъ заведеніямъ, и давали деньги на нашу революціонную магистратуру, но отказывали въ нихъ полиціи и старались ее всячески унизить и обезславить.

Перстъ Провидѣнія утѣшительно виденъ среди злодѣйскихъ покушеній на государя. Даже вчера, онъ не только избѣгъ опасности, но даже потрясающаго впечатлѣнія, которое было бы произведено на него взрывомъ, еслибы послѣдній послѣдовалъ, какъ было разсчитано, во время обѣда. По случаю пріѣзда принца Гессенскаго, обѣдъ былъ на $^3/_4$ часа позже, и взрывъ послѣдовалъ, когда государь былъ еще на пути въ столовую, гдѣ выбиты окна и потухли лампы.

Сегодня, глядя на трехъ ближнихъ, думалось: гдѣ же сила и умѣнье, которыя могли бы принести пользу? А слѣдовало бы, потому что—cui bono, si non pro domo sua et servis suis?

8 февраля.—Вчера день за работой. Обѣдалъ у Дурновыхъ. Сегодня утромъ продолжительное, но почти безрезультатное совѣщаніе у государя, при Цесаревичѣ: министры военный, двора, внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ и я. Маковъ довольно опрометчиво затронулъ, при своемъ докладѣ, вопросъ объ упраздненіи здѣшняго генералъ-губернатора, т.-е. въ существѣ его мысли—генерала Гурко, съ которымъ онъ не справляется. Государь послалъ за нами. Оказалось, что онъ менѣе подался на предположеніе, чѣмъ Маковъ воображалъ. Цесаревичъ предлагалъ невозможную верховную слѣдственную коммиссію съ диктаторскими, на всю Россію распространенными компетенціями, что было бы равносильно не только упраздненію de facto III-го отдѣленія и шефа жандармовъ, но и вообще всѣхъ другихъ властей, нынѣ вѣдающихъ политическія дѣла, и притомъ de jure установилось бы прямое главенство самого государя надъ слѣдственнымъ диктаторствомъ коммиссіи и ея предсѣдателя. Вѣроятно, подразумѣвался Треповъ, и едва ли не онъ родоначальникъ мысли. Государь ее отклонилъ. Я настаивалъ на томъ, на чемъ полтора или два года настаиваю, т.-е. на усиленіи полиціи и на болѣе скоромъ и рѣшительномъ веденіи и производствѣ дѣлъ, не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстностяхъ. Разумѣю усиленіе полиціи въ размѣрахъ, которые позволили бы подавить всякія сходки и группировки заговорщиковъ. Я сказалъ, что всякій денежный разсчетъ для меня не существуетъ, потому что не могу оцѣнить

на деньги жизнь хотя бы одного изъ бѣдныхъ погибшихъ „финляндцевъ“ [1]).

Кстати о финляндцахъ. По крайней мѣрѣ, ихъ похороны были достойны. Вчера писалъ генералъ Гурко, что надѣялся, что тамъ будутъ офицеры и унтеръ-офицеры отъ всѣхъ частей. Кажется, что онъ моею мыслью воспользовался. Офицеры всѣхъ полковъ были. Генералы и офицеры выносили гробы и т. д.

Маковъ чрезвычайно разстроенъ. Балласта мало. Легковѣрной увѣренности, повидимому, было немало.

Обѣдалъ сегодня у великой княгини Екатерины Михаиловны, съ женою, графомъ Петромъ Шуваловымъ и оберъ-гофмаршаломъ Гротомъ.

На завтра, по приказанію государя, назначено продолженіе сегодняшняго совѣщанія безъ него и Цесаревича, подъ моимъ предсѣдательствомъ. На завтра же меня требуетъ генералъ-адмиралъ для совѣщанія о какомъ-то адресѣ государственнаго совѣта государю на 19-е число.

Нѣсколько разъ, въ этихъ замѣткахъ, я говорилъ: exoriare ultor! Увы! adsunt ultores! Сегодня я вспоминалъ объ этомъ. Тягостное, жалкое и унизительное впечатлѣніе производятъ на меня слова, которыя приходится слышать, выраженіе лицъ, которое приходится видѣть. О, poena pede claudo!

9 февраля.—Утромъ опять приказаніе быть во дворцѣ. Перемѣнно во взглядахъ государя (какъ догадывается графъ Адлербергъ, вслѣдствіе письма, вчера полученнаго отъ Цесаревича); учреждается здѣсь верховная комиссія, и во главѣ ея графъ Лорисъ-Меликовъ. На лицо были, сверхъ вчерашнихъ, но безъ военнаго министра, графъ Лорисъ-Меликовъ, генералъ Гурко, Набоковъ и Черевинъ. Воля государя объявлена внезапно для всѣхъ. Генералъ-губернаторъ упраздняется, и генералъ Гурко s'est exécuté съ большимъ достоинствомъ. Неожиданность впечатлѣнія выразилась на всѣхъ лицахъ. De facto стушевывается III-е отдѣленіе, но и генералъ Дрентельнъ s'est exécuté de bonne grâce. При графѣ Лорисъ-Меликовѣ дѣло можетъ пойти. Во всякомъ случаѣ на публику будетъ произведенъ эффектъ. Мнѣ, конечно, выпадаетъ роль предсѣдательства при совѣщаніяхъ и редакторскихъ по инструкціонной части работахъ. Послѣ событія у государя, совѣщаніе въ комнатахъ комитета министровъ по отдѣльнымъ вопросамъ, вчера намѣченнымъ и сегодняшнею

[1]) Въ день взрыва старшій караулъ былъ отъ л.-гв. финляндскаго полка.

перемѣною дирекціи не упраздненныхъ. О результатѣ вечеромъ написалъ государю. Вечеромъ же былъ у меня гр. Лорисъ-Меликовъ.

Само собою разумѣется, что я у великаго князя проектора адресовъ не былъ. Весь городъ толкуетъ о томъ, что онъ 5-го числа уѣхалъ ночевать въ Кронштадтъ.

Признаки формулы — + — доходятъ порою до сценическихъ формъ. Впечатлѣніе и тягостное, и поучительное. Порою не знаешь, какой членъ формулы имѣетъ большее значеніе, но какъ при этомъ чувствуется всякій вѣсокъ!

Примѣчаніе № 23.—Характеристично, въ отношеніи къ понятіямъ и понятливости публики, къ способностямъ и умѣлости правительственныхъ властей, и наконецъ въ отношеніи къ тогдашнимъ взглядамъ и пріемамъ самого покойнаго государя, что принятая чрезвычайная мѣра съ перваго шага была искажена и превратно истолкована. Не только форма учрежденія такъназванной „Верховной Распорядительной Коммиссіи", не только ея основныя очертанія, не только данное ей наименованіе, но даже и коренная мысль ея учрежденія принадлежали *мнѣ*. Мысль покойнаго государя, если ему не подсказанная, то отчасти въ немъ возбужденная нынѣшнимъ Государемъ, заключалась собственно въ учрежденіи высшей и общей слѣдственной и исполнительной коммиссіи по дѣламъ государственной охраны. Доказательствомъ служитъ то, что при первоначальныхъ объясненіяхъ и Маковъ, и я, предполагали, что имѣлся въ виду, для начальства въ коммиссіи, генералъ-адъютантъ Треповъ. Когда покойный государь, въ совѣщаніи 9-го февраля, назначилъ графа Лорисъ-Меликова, я тотчасъ созналъ возможность дѣйствительнаго сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ высшаго вѣдѣнія всѣхъ вышеупомянутыхъ дѣлъ охраны государевой и государственной безопасности, и въ тотъ же день, при дополнительномъ совѣщаніи въ комитетѣ министровъ, намѣтилъ главныя черты предположеннаго учрежденія, а затѣмъ написалъ покойному государю о результатѣ нашего совѣщанія. Я получилъ 10-го числа утвердительный отзывъ, и уже 11-го утромъ представилъ государю собственноручно мною написанные основные пункты учрежденія коммиссіи. Они ни въ чемъ существенномъ не были измѣнены, и, слѣдовательно, я могъ считаться ближайшимъ интерпретаторомъ всего содержанія состоявшагося затѣмъ высочайшаго указа. Никакого диктаторства, ни полу-диктаторства, я не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду. Кругъ вѣдѣнія коммиссіи былъ категорически опредѣленъ, и графу Л.-Меликову предоставлялось не предсѣ-

дательство, а прямое начальство надъ коммиссіею. Текстъ указа о томъ свидѣтельствуетъ; но дѣло тотчасъ приняло направленіе съ этимъ текстомъ не согласное. Свойственная у насъ многимъ, и весьма многимъ, умственная лѣнь постоянно предрасполагаетъ къ выбору простыхъ, и потому вообще грубыхъ средствъ для достиженія правительственныхъ цѣлей. Ничего нѣтъ проще, какъ положиться на одну силу, вмѣсто нѣсколькихъ, и ожидать отъ одного лица — подъ условіемъ предоставленія ему неопредѣленныхъ и всегда болѣе или менѣе призрачныхъ полномочій — разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя совокупными силами правительственнаго организма не были разрѣшены. Отъ побѣдителя Карса можно было ожидать энергичнаго направленія дѣйствій всѣхъ административныхъ властей по части борьбы съ такъ-называемою крамолой; но, конечно, нельзя было въ немъ чаять знатока всѣхъ отраслей государственнаго управленія и энциклопедическаго преобразователя современнаго строя Россіи. Тѣмъ не менѣе, дѣло было со дня на день поставлено именно на эту почву. Послѣдствія извѣстны. Самъ графъ Л.-Меликовъ, въ чаду выпавшаго ему случая, подъ вліяніемъ непривычной ему салонной лести, и по наущенію своихъ главныхъ Эгерій, г.г. Абазы и Каханова, вообразилъ, что энциклопедическая задача ему по плечу, и что для ея разрѣшенія нужно было только пріобрѣсти личную популярность, хотя бы и самыми неразборчивыми средствами. Новый начальникъ государственной охраны началъ съ заискиванія лести петербургскихъ газетъ, съ дискредитированія того самаго правительства, къ составу котораго онъ принадлежалъ, и съ заботы о поднадзорныхъ участникахъ той крамолы, которую онъ былъ призванъ поборотъ. Какимъ образомъ онъ продолжалъ, видно изъ моего дальнѣйшаго дневника, а уровень его плеча съ достаточною опредѣлительностью обозначенъ ниже, въ замѣткѣ 3-го октября 1880 года. Его Эгеріи имѣли свои виды, а окружавшій его людъ думалъ о себѣ, или преслѣдовалъ цѣли, совершенно не соотвѣтствовавшія взглядамъ и волѣ покойнаго государя. Весьма естественно, впрочемъ, что государь сначала не замѣтилъ совершившагося передвиженія кулисъ верховной коммиссіи. Впослѣдствіи же графъ Л.-Меликовъ беззастѣнчиво пользовался другими вліяніями для поддержанія своего авторитета; онъ эксплуатировалъ нравственное и умственное утомленіе того, кто себя ему неосмотрительно ввѣрилъ. [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

10 февраля.—Получилъ утвержденную государемъ мою записку. Видѣлся съ Кахановымъ по предмету завтрашняго дѣла. Былъ у обѣдни. Выѣзжалъ для нѣкоторыхъ отдаточныхъ визитовъ.

11 февраля.—Утромъ написалъ и отправилъ къ государю записку съ краткимъ изложеніемъ основаній устройства верховной коммиссіи. Государь прислалъ тотчасъ за мной. Въ присутствіи Цесаревича прочиталъ снова мою записку. Она одобрена вполнѣ, и я замѣтилъ, что и Цесаревичъ былъ ею удовлетворенъ. Заѣзжалъ къ министру финансовъ, чтобы и его, съ разрѣшенія государя, пригласить къ совѣщанію. Былъ въ государственномъ совѣтѣ. Потомъ, въ комнатахъ комитета министровъ—совѣщаніе при участіи министровъ двора, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, шефа жандармовъ и графа Л.-Меликова. Кахановъ и я содѣйствовали сцѣпленію разрозненныхъ элементовъ и скорѣйшему ходу дѣла. Всѣ мои начала приняты, съ нѣкоторыми дополненіями и редакціонными измѣненіями. Въ четыре часа дѣло было кончено. Завтра въ комитетѣ министровъ послѣдуетъ окончательное одобреніе проекта высочайшаго указа сенату, и по моему предложенію онъ будетъ поднесенъ къ подписи и контрасигнованъ генералъ-адъютантомъ Дрентельномъ.

12 февраля.—Комитетъ министровъ. Потомъ окончательное совѣщаніе по вчерашнему дѣлу. Проектъ указа одобренъ съ незначительными редакціонными измѣненіями и будетъ сегодня посланъ къ подписи.

Обѣдалъ у государя. Онъ благодарилъ за окончаніе дѣла. Указъ уже подписанъ. Обѣдали, сверхъ великихъ князей и герцогини Эдинбургской, принцъ Гессенскій съ двумя сыновьями, генералы Краснокутскій и Чертковъ, графъ Л.-Меликовъ и я. Графъ Л.-Меликовъ въ большомъ ходу. Дай Богъ ему успѣха. Жаль только до того дойти, до чего мы дошли. При каждомъ новомъ назначеніи какъ будто ожидается перемѣна. На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, да сбудется ожиданіе!

Вечеромъ были у меня Сабуровъ, баронъ Фредериксъ, командиръ конной гвардіи (по случаю сообщеннаго мною ему свѣдѣнія объ отзывѣ графа Л.-Меликова насчетъ переѣхавшей изъ казармъ въ другую квартиру жены шт.-ротм. барона Мейендорфа), и редакторъ будущей оффиціозной газеты Цитовичъ. Къ сожалѣнію, мнѣ кажется, что я въ послѣднемъ дѣлѣ принимаю болѣе участія, чѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

13 февраля.—Государь на охотѣ въ Лисинѣ. Цѣлый день дома. Утромъ, вслѣдствіе сдѣланнаго вчера въ комитетѣ министровъ генераломъ Дрентельномъ напраснаго предложенія объ отмѣнѣ соляного налога, „для впечатлѣнія на народъ въ виду взрыва 5-го числа (!)“, написалъ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ объяснилъ мое вчерашнее молчаніе личнымъ къ нему уваженіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлительно высказался насчетъ системы *правительственнаго подкупа правительствуемыхъ* и старался доказать ея лживость. Я упомянулъ о нашемъ упорномъ пошибѣ дѣлить русскій народъ на двѣ части: бѣлый и черный, и на тщетность усилій ему сулить копѣйки, когда газеты и агитаторы ему сулятъ гораздо болѣе, потому что сулятъ чужіе рубли. Я указалъ на несообразность исканія опоры въ тѣхъ самыхъ массахъ, на которыя разсчитываютъ и анархисты, и опоры противъ тѣхъ самыхъ слоевъ населенія, противъ которыхъ направляютъ свои козни эти же анархисты. Я упомянулъ о привычныхъ въ правительственныхъ сферахъ выраженіяхъ: „они“, „ихъ домогательства“ и проч., когда рѣчь идетъ о сословіяхъ не-черныхъ, и о пригодности грубой силы,—единственной силы массъ,—только въ случаѣ войны, или мятежа,—а не противъ внутренней крамолы и убійцъ, дѣйствующихъ во мракѣ. Я указалъ на противорѣчіе между превозношеніемъ чернаго народа и конвоемъ изъ дисциплинированныхъ казаковъ, и на другое противорѣчіе—между этимъ конвоемъ изъ казаковъ-раскольниковъ и гнётомъ, налагаемымъ на сектаторовъ вообще; указалъ и на возможность пользы отъ облегченія этого гнёта. Однимъ словомъ,—я высказался. Генералъ Дрентальнъ пріѣзжалъ благодарить. Авось не пройдетъ безслѣдно мое стараніе.

Примѣчаніе № 24.—Эта попытка принадлежала къ числу тѣхъ, которыя я называлъ моими „горошинами“, и которыя безрезультатно разбивались объ окружавшія меня стѣны разныхъ препятствій. Далѣе окажется, что цѣною той же самой многомилліонной для государства жертвы г. Абаза купилъ себѣ портфель министра финансовъ, при маклерствѣ графа Л.-Меликова. [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

15 февраля.—Вчера указъ еще не появился въ печати. У меня были генералъ Швейницъ — для освѣдомленій, генералъ Крыжановскій—безъ цѣли, и графъ Коцебу—по случаю пріѣзда. Судя по его словамъ, поется прежняя пѣсня, даже безъ варіацій. Обѣдалъ у Бутурлиныхъ.

Сегодня, утромъ, были графъ Л.-Меликовъ и генералъ Гурко,

послѣдній уже въ желчномъ настроеніи, первый еще въ нѣсколько чадномъ. Видно, что онъ совѣщался съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Странно,—какъ трудно подниматься до уровня, который былъ бы повыше разныхъ среднихъ уровней!

Днемъ былъ у великаго князя генералъ-адмирала. Конференція избранниковъ для обсужденія текста адреса государственнаго совѣта государю на 19-е число. Избранниками оказались принцъ Ольденбургскій,—„Петръ Егоровичъ", какъ „als stehender Witz", говоритъ августѣйшій предсѣдатель,—генералъ Тимашевъ, графъ Паленъ, князь Урусовъ, Побѣдоносцевъ, Абаза, Головнинъ, Сольскій и я. Редакторомъ-докладчикомъ—Перетцъ. Нѣкоторыя неудобныя и даже неприличныя мѣста исключены или измѣнены въ первоначальномъ, разосланномъ намъ текстѣ. Теперь адресъ, или, точнѣе, журналъ государственнаго совѣта, болѣе или менѣе пригоденъ. Но сколько фальши въ дѣлѣ по существу! Какой фальшивый звукъ во всѣхъ восхваленіяхъ, когда результатомъ двадцатипятилѣтія—диктатура графа Л.-Меликова! Какое странное противорѣчіе между текстомъ и окружающимъ карету государя конвоемъ казаковъ! Эта карета выѣзжала изъ воротъ Мраморнаго дворца въ ту самую минуту, какъ я въѣзжалъ. Какая внутренняя ложь въ диѳирамбическомъ соучастіи членовъ совѣщанія! Какое подтвержденіе формулы — + — въ самомъ фактѣ этого совѣщанія! Мнѣ, внутренно, было стыдно. Неужели другіе не ощущали стыда? Перетцъ читаетъ „ore rotundo", съ паѳосомъ въ голосѣ и закатывая по временамъ глаза.—Barbiere di Seviglia; don Basilio! Вся Россія рисуется ликующею на 19-е февраля. Какая обстановка ликованія!

Сегодня, комплиментируя графа Л.-Меликова („le pauvre Loris!"—какъ говоритъ Е. Н. Нелидова), „Голосъ" напечаталъ, что графъ знаетъ, что „сила въ любви", и что онъ прежде былъ мелкимъ офицеромъ и служилъ въ глухой арміи (sic!). Гродненскій гусаръ—мелкій офицеръ! Кавказскіе герои—глухая армія! И эти дворники-грамотѣи—русская печать и русское общественное мнѣніе!

16 февраля.—Утромъ, у министра внутреннихъ дѣлъ, предварительное совѣщаніе съ нимъ, графомъ Л.-Меликовымъ и шефомъ жандармовъ. Тяжело. Точки отправленія, цѣли, самоотношеніе къ дѣлу и цѣлямъ—все различно. Трудно регулировать колёса въ часовомъ механизмѣ, когда пружина не дѣйствуетъ или дѣйствуетъ съ промежутками. Графъ Л.-Меликовъ видитъ въ себѣ преобразователя; Маковъ видитъ въ генералъ-губернаторахъ

князя Долгорукова; генералъ Дрентельнъ видитъ III-ье отдѣленіе, но многаго другого не видитъ. Въ особенности непріятно было мнѣ ощущеніе, что въ новомъ полудиктаторѣ не проявлялось никакой силы. Что же будетъ далѣе?

Обѣдалъ у итальянскаго посла. Тревожное состояніе умовъ проникаетъ, повидимому, и въ дипломатическую среду...

17 февраля.—Утромъ—у обѣдни. Потомъ—на актѣ „Техническаго Общества“ по случаю десятилѣтія ремесленныхъ школъ. При этомъ проф. Андреевъ, имѣвшій большія заслуги по этой части, чуть-чуть не упалъ въ обморокъ въ ту самую минуту, когда отъ его сотоварищей ему, coram publico, подносился testimonial. Дѣло полезное. Весь актъ весьма приличенъ, хотя и не безъ нѣкотораго battement de flancs.

Заѣзжалъ къ княгинѣ Кочубей. Она уже хлопочетъ о назначеніи ея зятя Дурнова членомъ коммиссіи графа Л.-Меликова. Видѣлъ Горна, который недоумѣваетъ насчетъ смысла коммиссіи. Получилъ записку отъ министра внутреннихъ дѣлъ съ его desiderata насчетъ генералъ-губернаторствъ. И онъ, повидимому, не чувствуетъ, что указъ 12-го февраля прежде всего долженъ имѣть другія послѣдствія. Вчера, отвѣчая графу Хрептовичу на письмо по этому предмету, я выразился такъ: „il faut qu'on voie le bras de la tête“.

Вездѣ готовятся къ торжествованію 19-го числа. Il y a une prodigieuse quantité d'ingénuité au fond de tout cela. И жаль, и грустно, и жутко.

Великій князь Николай Николаевичъ вернулся. Съ нимъ пріѣхалъ и герцогъ Эдинбургскій. Число англійскихъ свидѣтелей нашего положенія увеличилось. Какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ—comes liberator in spe? Не могу забыть вчерашняго совѣщанія. Сколько неподготовленности или узкости взгляда нужно, чтобы перорировать о десятимѣсячномъ харьковскомъ опытѣ! Сколько чего другого, чтобы продолжать такъ много говорить о затруднительности *своего* положенія, въ минуту, когда общее положеніе такъ трудно, и болѣе чѣмъ трудно! А Маковъ! А Дрентельнъ!

18 февраля.—Утромъ были у меня герцогъ Эдинбургскій и великій князь Михаилъ Николаевичъ. Ѣздилъ записаться у герцога и у великаго князя Николая Николаевича. Былъ въ Николаевскомъ институтѣ. Потомъ въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. Въ первомъ, между прочимъ,—интродукція

графа Л.-Меликова и чтеніе всеподданнѣйшаго адреса. Во второмъ—родъ сцены по случаю комбинированной аттаки Абазы и графа Баранова, in forma innocentis, противъ Посьета. Къ аттакѣ присоединился, не замѣчая бѣлой нитки (Анненковъ—Нелидова), министръ финансовъ. Предлогомъ къ этому былъ частный вопросъ о пособіи донецкой желѣзной дорогѣ. Не безъ труда удалось vider l'incident.

Въ комитетѣ присутствовалъ графъ Л.-Меликовъ. Онъ, очевидно, не входитъ въ свою роль, а видитъ передъ собою другую—устроителя по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. Куда идемъ мы и куда придемъ при такой путаницѣ понятій въ тѣхъ, кто призваны распутывать уже извѣстныя, опредѣленныя путаницы и охранять безопасность даннаго status quo?

19 февраля. — Мнѣ пожалованъ графскій титулъ. Mixed feelings. Лестно пожалованіе. Еще лестнѣе—въ этотъ день и при выраженіяхъ, употребленныхъ въ рескриптѣ. Пріятно въ особенности, что нынѣшнее пожалованіе распространяется на моихъ сыновей. Въ телеграммѣ въ Ольты, къ старшему сыну, пользуясь желаніемъ передать ему похвальный о немъ отзывъ великаго князя Михаила Николаевича, я въ первый разъ подписался новымъ титуломъ, и ему, просто адресованіемъ, далъ знать и о его титулѣ. При всемъ томъ, повторяю: mixed feelings.

Утромъ, въ составѣ государственнаго совѣта, у его величества великій князь генералъ-адмиралъ читалъ адресъ-журналъ. Государь выслушалъ спокойно и, благодаря, сказалъ между прочимъ: „Все это правда". Потомъ выразилъ онъ упованіе на Бога и увѣренность, что государственнымъ совѣтомъ оказано будетъ прежнее содѣйствіе, а Богъ поможетъ выйти изъ настоящаго труднаго положенія. Засимъ — большой выходъ. На немъ всѣ были, кто быть могъ. Выходнымъ карауломъ конной гвардіи командовалъ Никсъ, т.-е. корнетъ графъ Николай Валуевъ. Мой сынъ слышалъ, какъ, проходя мимо караула, государь сказалъ Цесаревнѣ: „Il est comte depuis ce matin", на что Цесаревна любезно улыбнулась. Съ Божіею помощью я добылъ. При пріемѣ государственнаго совѣта былъ также „добытый" оттѣнокъ. Государь подошелъ и подалъ руку только тремъ: великому князю предсѣдателю, канцлеру и мнѣ, добавивъ: „предсѣдателя комитета министровъ" (т.-е. благодарю).

Многіе меня привѣтствовали и поздравляли весьма тепло и, повидимому, искренно. Нѣкоторые явно недоброхотны. Неизбѣжно!

Разныя милости. Грейгу и Абазѣ пожалованы владимірскія ленты, Сольскому, Фришу, Макову, Перетцу (?!)—александровскія, князю Ливену—звѣзда владимірская. Много новыхъ флигель-адъютантовъ.

Въ $2^1/_2$ ч.—пріемъ воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Бѣлой залѣ, на половинѣ ихъ величествъ. Кантата сочиненія принца Ольденбургскаго и разныя приношенія. Все очень прилично и удачно.

Теперь (9 час. вечера)—иллюминація, театры; все въ порядкѣ и, благодаря Бога, благополучно.

20 февраля.—Сегодня—эпилогомъ ко вчерашнему дню—покушеніе на графа Л.-Меликова. Выстрѣлъ изъ пистолета въ упоръ, когда онъ, возвратясь домой отъ меня и Макова, стоялъ на панели у своего подъѣзда. Быстро прошедшій мимо него убійца уперъ револьверъ въ его шинель и выстрѣлилъ. Пуля пробила шинель и разорвала сюртукъ около поясницы, но не задѣла графа Л.-Меликова. Онъ рукою ударилъ по головѣ злодѣя, который пошатнулся и побѣжалъ, но его схватили. Говорятъ, минскій жидъ, изъ минской гимназіи; но это еще не достовѣрно. Онъ дерзко отвѣчалъ на первыхъ разспросахъ. Графъ Л.-Меликовъ поѣхалъ тотчасъ во дворецъ, чтобы самому доложить государю о происшествіи. Дѣло случилось около 2 час. дня. Въ 3 часа весь городъ зналъ объ этомъ, и затѣмъ перебывалъ у графа, въ томъ числѣ великія княгини и князья. При такомъ исходѣ, считаю случай благополучіемъ. Графъ Л.-Меликовъ будетъ вынужденъ faire voir le bras de la tête.

Утромъ былъ у государя—благодарить. Пріемъ весьма милостивый. У меня были, до происшествія, графъ Орловъ-Давыдовъ и графъ Л.-Меликовъ. Послѣдній двумя разсказами убѣдилъ меня въ томъ, что я уже въ немъ подмѣтилъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ.

21 февраля.—Совѣщаніе у министра внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ о письмѣ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства и о временныхъ генералъ-губернаторахъ. Кахановъ, по моему желанію, присутствовалъ. Онъ отмѣнно полезенъ и обладаетъ большимъ flair и тактомъ. Сегодня всѣ были корректны. Совѣщаніе прерывалось объясненіями графа Л.-Меликова съ градоначальникомъ, съ генераломъ Канаржевскимъ и пріѣзжавшимъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Вчерашній злодѣй уже былъ судимъ, приговоренъ и завтра будетъ казненъ. Вече-

ромъ пріѣзжалъ генералъ Альбединскій. Его отношенія къ военному министру весьма трудны. Онъ, для графа Милютина, слишкомъ занимается военнымъ дѣломъ.

Вчера въ Зимнемъ дворцѣ заходилъ въ офицерскую комнату главнаго караула, чтобы видѣть чудеснымъ образомъ сохранившуюся икону, бывшую во взорванной солдатской караульнѣ. Она выкопана изъ-подъ груды камня. Стекло разбито въ пыль; лампадка смята; но икона не тронута; ни одной царапины на окладѣ. „There are more things,—какъ говоритъ Гамлетъ,—than are dreamt of in our philosophy".

22 февраля.—Сегодня, въ 11 час. утра, на Семеновскомъ плацу, казненъ преступникъ, стрѣлявшій въ графа Л.-Меликова. Народа было много, и собственно народъ явно сочувствовалъ казни. Это полезно, какъ впечатлѣніе для единомышленниковъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ, своими рѣчами въ толпѣ, возбудили ея негодованіе и были ею выданы полиціи или арестованы полиціей.

Цѣлый день дома. Получилъ черезъ Макова порученіе государя разобрать втроемъ, съ нимъ и графомъ Толстымъ, насколько основательны жалобы здѣшняго губернскаго предводителя дворянства на министерство народнаго просвѣщенія.

23 февраля.—Утромъ писалъ въ Берлинъ и принималъ посѣтителей. Потомъ—засѣданіе въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта для похоронъ трудовъ коммиссіи о рабочихъ. Дѣло шло съ 1869 года. Представленный коммиссіей 1875 г. проектъ лежалъ въ государственномъ совѣтѣ съ 1876 года. Лѣтомъ, или осенью, государь повелѣлъ разсмотрѣть его въ нынѣшнюю сессію. Но, конечно, не до разсмотрѣнія теперь.

Нужно было придумать похоронный пріемъ. Онъ придуманъ. Вмѣсто проекта въ итогѣ, предоставляется министрамъ двинуть его враздробь, какъ то уже прежде было предложено.

Передъ обѣдомъ былъ у меня губернскій предводитель, графъ Бобринскій. Объясненіе по представленному дворянствомъ письму и по griefs противъ министерства народнаго просвѣщенія.

24 февраля.—Утромъ—у обѣдни. Цѣлый рядъ неизбѣжныхъ визитовъ. Потомъ—дома. Слышу, что между графомъ Л.-Меликовымъ и III-мъ отдѣленіемъ что-то неладно, или, по крайней мѣрѣ, что онъ находитъ жандармскую часть въ невозможномъ положеніи. Давно такъ. Кажется, онъ принимается за дѣло основательно.

Франція не выдаетъ Гартмана. Слѣдовало этого ожидать; но послѣдствія вредны въ смыслѣ обезпеченія другимъ Гартманамъ droit d'asile на французской территоріи. Нѣтъ, однакоже, худа безъ добра. Миражъ сближенія съ Франціей противъ Германіи, à la Милютинъ-Обручевъ и друг., потускнѣетъ.

25 февраля. — Утромъ—государственный совѣтъ. Былъ въ Александро-Невской лаврѣ. Затѣмъ—дома.

Говорятъ, что князя Орлова отзываютъ. Это—вѣроятно. Гирсъ сказалъ мнѣ сегодня: „Quel triomphe pour Bismarck!“

Вечеромъ всѣ великіе князья были въ театрѣ, гдѣ шла новая опера Рубинштейна: „Купецъ Калашниковъ“. Возбужденіе симпатій къ казнимому весьма мало кстати послѣ казни 22-го числа.

26 февраля. — Утромъ—въ Аничковомъ дворцѣ. Обычныя явленія и обычное неприличіе завтрака безъ хозяевъ.

Какъ pendant къ вчерашней оперѣ, сегодня, въ Исакіевскомъ соборѣ, священникъ говорилъ проповѣдь, въ которой упоминалъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ гвардіи, о военныхъ, бравшихъ взятки, и т. п.

Слышалъ отъ Макова, что гр. Л.-Меликовъ долженъ былъ сегодня докладывать государю о своихъ затрудненіяхъ съ III-мъ отдѣленіемъ. Вечеромъ получилъ записку отъ Дрентельна съ извѣщеніемъ, что государь соизволилъ на его увольненіе. E fatto. Il n'y va pas de main morte, Michel l'Arménien, et il a raison. Лишь бы дошелъ и довелъ до цѣли.

27 февраля.—Утромъ государь прислалъ за мной. Онъ объявилъ мнѣ объ увольненіи Дрентельна и о подчиненіи III-го отдѣленія гр. Л.-Меликову, и прибавилъ: „J'ai voulu que vous l'apprenniez de ma bouche“. Ген. Дрентельнъ назначается, конечно, членомъ государственнаго совѣта.

Потомъ—засѣданіе съ генералъ-губернаторами. Графъ Коцебу, князь Долгоруковъ, графъ Тотлебенъ, князь Дондуковъ и генералъ Чертковъ, et pour vis-à-vis: графъ Л.-Меликовъ, Набоковъ, Грейгъ, Маковъ и я. Удалось все кончить (кромѣ деталей по судебной части, съ намѣреніемъ отсроченныхъ), и кончить ладно, въ $1^3/_4$ часа времени. Графъ Л.-Меликовъ держалъ себя совершенно корректно и, кажется, принимается за дѣло съ тонкимъ толкомъ. Не догадываюсь, кто, кромѣ Каханова, lui souffle certains noms et peut-être certaines choses.

Мартъ.

1 марта.—Вчера утромъ отправилъ къ государю изложеніе результатовъ совѣщанія съ генералъ-губернаторами. Государь прислалъ за мною. Въ его кабинетѣ былъ графъ Л.-Меликовъ. Государь, очевидно, останавливался надъ непринятіемъ, въ совѣщаніи, мысли графа Тотлебена о слѣдственныхъ коммиссіяхъ; но послѣ нѣсколькихъ краткихъ объясненій съ нашей стороны онъ одобрилъ рядъ представленныхъ заключеній и передалъ мнѣ мою записку для исполненія. Судя по отзывамъ графа Л.-Меликова, дни графа Толстого сочтены по министерству народнаго просвѣщенія. Но я въ этомъ еще не увѣренъ.

Днемъ—объясненія съ графомъ Толстымъ и Маковымъ, у меня, по поводу письма предводителей. Предводители министру народнаго просвѣщенія не жаловались, къ нему не обращались; слѣдовательно, вообще неправы. Но въ то же время подтверждается взглядъ на формалистическіе, сухіе и мало пріятные, мало ободрительные пріемы графа Толстого.

Вечеромъ, т.-е. ночью—на балѣ у графа Орлова-Давыдова. Конечно, на нѣсколько минутъ. Beau bal. Блескъ, много людей и много улыбокъ. Какъ будто весело наше время, или, по крайней мѣрѣ, беззаботно.

Сегодня обѣдалъ у Макова съ графомъ Л.-Меликовымъ. Они оба говорятъ о какихъ-то недобрыхъ признакахъ и ожидаютъ на дняхъ новыхъ покушеній. Весь механизмъ III-го отдѣленія, по ихъ словамъ, совершенно негоденъ.

Примѣчаніе № 25.—Призывомъ меня къ устному докладу подтверждается то, что мною выше сего было сказано объ основной мысли покойнаго государя при учрежденіи верховной коммиссіи. Эта мысль заключалась именно въ улучшеніи и ускореніи слѣдственнаго производства по политическимъ дѣламъ. Государь такъ мало признавалъ, въ своихъ понятіяхъ, мнимое диктаторство графа Л.-Меликова, что онъ хотѣлъ предоставить широкую самостоятельность дѣйствіямъ генералъ-губернаторовъ по означен-

нымъ дѣламъ. Мы находили такую самостоятельность неудобною въ виду тѣсной связи между дѣйствіями разныхъ агитаторовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Впослѣдствіи графъ Л.-Меликовъ довольно ловко прививалъ государю идею о своихъ диктаторскихъ полномочіяхъ, пользуясь тѣмъ, что въ иностранныхъ газетахъ его назвали „вице-императоромъ“; а когда созрѣла мысль о перенаряженіи себя въ министры внутреннихъ дѣлъ, то онъ съ такою же ловкостью мотивировалъ перенаряженіе желаніемъ ускользнуть отъ напрасно ему жаловавшагося вице-императорскаго титула. [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

2 марта. — Утромъ—у обѣдни. Разводъ отмѣненъ, повидимому, изъ предосторожности.

Пріѣзжалъ Танѣевъ, по приказанію государя, показать проектъ указа сенату о подчиненіи III-го отдѣленія графу Л.-Меликову.

Цѣлый день дома. Написалъ записку о нашемъ объясненіи съ графомъ Толстымъ. Завтра утромъ государь ее получитъ.

Никогда еще центральная власть не была такъ раздроблена, какъ теперь, хотя масса, т.-е. толпа, этого ясно подмѣчать не можетъ. Proprio motu и sic volo ограничены кругомъ иностранныхъ и военныхъ дѣлъ. Внутренняя текущая администрація—въ рукахъ министровъ, по частямъ. Вѣдѣніе государственной внутренней безопасности—въ рукахъ графа Л.-Меликова и отчасти министра внутреннихъ дѣлъ. Но „верховный коммиссаръ“ едва перехватываетъ нити; Маковъ ихъ собрать не могъ, а теперь собирать не можетъ. Есть нѣчто недоконченное, безсвязное, въ пріемахъ того и другого. Увидимъ.

3 марта. — Утромъ выѣзжалъ. Вечеромъ у меня былъ министръ финансовъ, который говорилъ о разныхъ ахалтекинскихъ и прочихъ планахъ по военно-политической части. Delirant reges, plectuntur Achivi.

5 марта. — Вчера государь опять присылалъ за мной, для возвращенія мнѣ записки объ объясненіяхъ съ графомъ Толстымъ. Прямого результата нѣтъ. Государь, очевидно, колеблется. Былъ въ комитетѣ министровъ, гдѣ, благодаря члену, говорящему „ore rotundo“ и министру финансовъ, всегда расплывающемуся въ своихъ объясненіяхъ, цѣлый часъ убитъ по ничтожному вопросу о лубенской гимназіи.

Слышалъ во дворцѣ, отъ графа Л.-Меликова, и въ комитетѣ, отъ Макова, что обо мнѣ въ ходу разные безсмысленные, но

недоброхотные толки: будто я—furieux que ce soit Loris et pas moi qui sois à la tête de la commission, что я будто иронически спросилъ графа Михаила Тарiеловича, когда къ нему явиться, а онъ отвѣчалъ: „когда я за вами пришлю", и т. п. Все, конечно, aus der Luft gegriffen. Видно, что я, однакоже, возбуждаю зависть.

Написалъ и сегодня отправилъ два письма: къ Сабурову, въ Берлинъ, и къ князю Лобанову, въ Лондонъ. Проявленія моего обычнаго, большею частью безплоднаго, но тѣмъ не менѣе правильнаго самопризванія. Имъ слѣдуетъ знать то, что мною имъ написано, а кромѣ меня едва ли кто удосужился бы, или даже подумалъ бы написать. На дняхъ, сообщая Сольскому, по его желанію, мои записки *1863* и *1879 г.* (о преобразованіи государственнаго совѣта), написалъ и къ нему длинное посланіе, съ изложеніемъ нѣкоторыхъ темъ изъ моего répertoire. Нѣкоторая польза отъ того должна быть, хотя бы въ видѣ вящшаго доказательства моихъ правъ на авторитетъ и обличенія нѣкоторыхъ элементовъ насъ такъ давно окружающей и опутывающей лжи.

6 марта. — Вчера были у меня генералъ Швейницъ и генералъ Шанзи; первый—чтобы добыть изданіе III-го отдѣленія о нашихъ соціалистахъ, второй—чтобы объяснить поступки своего правительства съ Гартманомъ. Кажется, что распоряженія нашихъ властей, въ особенности министерства юстиціи, были весьма неудачны. Мимоходомъ, для характеристики министерства юстиціи, не мѣшаетъ замѣтить, что избранный для поѣздки въ Парижъ прокуроръ, Муравьевъ,—тотъ самый, который въ Москвѣ находилъ „утѣшительнымъ" появленіе на скамьѣ подсудимыхъ бѣднаго генерала Гартунга и графа Ланского. Мудрый графъ Паленъ его тогда перевелъ изъ Москвы, но чуть ли не съ повышеніемъ. Этотъ же графъ Паленъ, графъ Толстой и К° меня теперь бранятъ, гдѣ только могутъ. То я вреденъ, то я бездѣятеленъ и не пользуюсь моимъ положеніемъ и способами вліянія.

Цѣлый день дома. Никакого свѣдѣнія объ agissements du semidictateur et du ministre de l'intérieur. Странно!

7 марта.—Утромъ выѣзжалъ. Былъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Видѣлъ у себя министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ. Неопредѣленность дѣйствій графа Л.-Меликова продолжается. Что-то путается въ III-мъ отдѣленіи. Туда ѣздитъ графъ Шуваловъ, а графъ Л.-Меликовъ, не довѣряя Шмиту, не знаетъ,

кѣмъ его замѣнить. Маковъ говоритъ, что онъ нѣсколько кокетничаетъ съ прессой. Грейгъ опасается затрудненій съ Германіей. Между тѣмъ, мы занимаемся будущей ахалтекинской экспедиціей. Начальникомъ назначается генералъ-адъютантъ Скобелевъ. Около него увивается Анненковъ, въ надеждѣ съ нимъ ѣхать. Que de projets! Je ne calcule pas si loin.

8 марта.—Утромъ выѣзжалъ. Былъ у Грейга и Макова. У перваго встрѣтилъ графа Л.-Меликова. Заѣзжалъ въ институтъ. Былъ у князя Ливена и у Перфильевыхъ. Неопредѣленность положенія продолжается. Замѣчаю, что у министра внутреннихъ дѣлъ начинаетъ накипать, а графъ Л.-Меликовъ занятъ критикою III-го отдѣленія и не лишенъ досуга очень о томъ распространяться, причемъ отрицательная сторона преобладаетъ.

9 марта. — Утромъ—у обѣдни. Выѣзжалъ. Обѣдалъ у княгини Кочубей. У меня былъ Набоковъ. По дѣлу Гартмана мы горячимся.

10 марта.—Утромъ былъ у германскаго посла, по случаю дня рожденія императора Вильгельма. Вечеромъ—парадный обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ, по тому же случаю. Изъ министровъ—только военный и Гирсъ (за канцлера). Между генералъ-адъютантами графъ Шуваловъ блисталъ своимъ отсутствіемъ. Характеристичный признакъ господствующаго въ отношеніи къ нему настроенія. Государь отлично произнесъ краткій speech при заздравномъ тостѣ.

Утромъ ко мнѣ заѣзжалъ графъ Л.-Меликовъ и разсказалъ, après divers préambules, слѣдующее. Письмо, „конфиденціально“ написанное мною 21-го февраля варшавскому попечителю Апухтину, въ послѣдствіе приватнаго съ нимъ разговора, было имъ въ копіи препровождено къ графу Толстому, который представилъ эту копію графу Л.-Меликову, en sa qualité de grand justicier du moment, для доклада государю. (Содержаніе письма соотвѣтствовало моему общему взгляду на дѣла). Графъ Л.-Меликовъ сегодня доложилъ казусъ, и получилъ разрѣшеніе сообщить графу Толстому, что „никакого отвѣта не послѣдовало“. Le procédé est joli. Je savais que le ministre était une c... Je ne le savais pas encore du curateur.

Гр. Лорисъ-Меликовъ сообщилъ журналъ перваго засѣданія его коммиссіи. Оригинально составленъ. Журнальное записываніе приказаній, или сообщаемыхъ докладчиками или подчиненными

мнѣній—новшество, характеризующее современную путаницу понятій.

11 марта.—Комитетъ министровъ. Обѣдалъ у государя, съ Маковымъ, генералами Черевинымъ, Скобелевымъ и Столыпинымъ. Государь говорилъ много послѣ обѣда объ эпизодѣ съ гр. Толстымъ. Я сказалъ—que le procédé était peu joli. Государь, раздѣляя мое мнѣніе, прибавилъ, что гр. Толстой знаетъ, что всѣ противъ него, и это его раздражаетъ. Когда будетъ выведено другое заключеніе,—не знаю.

14 марта.—Третьяго дня видѣлъ гр. Лорисъ-Меликова у меня, сегодня—у него. Онъ второй разъ собиралъ свою коммиссію. Видѣлъ у него „unheimliche Subjecte", ген. Черняева и бывшаго флигель-адъютанта Баранова. Il tâtonne, пока, и находится нѣсколько подъ вліяніемъ новизны своего положенія, ежедневныхъ докладовъ государю и т. д. Рано произносить опредѣлительное сужденіе о томъ, что̀ есть, еще менѣе—о томъ, что̀ будетъ или можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, критическое положеніе явно характеризуется его ролью, въ качествѣ „du dernier atout".

Сужденія Каханова о министрѣ внутреннихъ дѣлъ не весьма для него лестны. Къ сожалѣнію, въ нихъ много вѣрнаго.

Видѣлъ вчера ген. Швейница. Въ немъ одномъ болѣе разсудительныхъ способностей и образованія, чѣмъ въ цѣлой половинѣ членовъ комитета министровъ, взятыхъ вмѣстѣ. Изумительно, до чего мы дошли или долгались. Все вышло изъ колеи. Ein Stück Roheit, ein Stück Beschränktheit, ein Stück guten Willens und ein Stück Lüge,—bewusster oder unbewusster,—das ist unsere Lage.

Сегодня засѣданіе коммиссіи прошеній. Работалъ. Читаю записки, т.-е. архивъ кн. Меттерниха. Онѣ даютъ другое понятіе, чѣмъ то, которое до сихъ поръ было ходячимъ. Сослужитъ ли мой дневникъ, въ свое время, эту службу?

15 марта.—Обѣдалъ у принца Ольденбургскаго. Утромъ не выходилъ. Посѣтители,—наслѣдіе прежняго,—съ разными просьбами продолжаютъ мѣшать усидчивой работѣ. Впрочемъ, я къ ней и не расположенъ.

Сегодня появился первый № „Берега", новой газеты съ субсидіей отъ правительства. Замѣчательно небрежно и равнодушно къ этому дѣлу отнесся министръ внутреннихъ дѣлъ. Въ первой

же передовой статьѣ имѣется слово: „дрянь“, какъ будто вродѣ вывѣски.

16 марта.—Утромъ у обѣдни. Затѣмъ дома. Были: Маковъ,—вѣроятно, чтобы засвидѣтельствовать о своемъ подвигѣ, вчера, въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, гдѣ онъ не вторилъ Абазѣ по дѣлу о судебныхъ учрежденіяхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ; потомъ—Кахановъ; вечеромъ—несчастный редакторъ „Берега“, упавшій духомъ въ виду равнодушія министерства внутреннихъ дѣлъ къ своему творенію.

Правительство, по дѣламъ внутренняго управленія, теперь какъ будто „in commission“ по англійскому парламентскому выраженію.

Еслибы не вѣра въ Божественный Промыселъ, то все должно бы казаться безнадежнымъ. Но кризисъ вѣроятенъ. Какъ очнутся, тогда, всѣ сочинители современныхъ диѳирамбовъ!—Domine, miserere nobis!

17 марта.—Утромъ—посѣтители. Потомъ—государственный совѣтъ. Затѣмъ дома. Читалъ. Раздумье. Чего желать, въ виду того, что̀ происходитъ? Приходитъ на умъ изреченіе блаж. Августина: ad Te fecisti me, Domine, et inquietum cor meum, donec requiescat in Te!

18 марта.—Утромъ—кавказскій комитетъ и комитетъ министровъ. Замѣчательно, какъ тотъ, кто говоритъ, часто не подмѣчаетъ, какъ долго другіе его слышатъ, если не слушаютъ.

Старанія гр. Лорисъ-Меликова сбыть гр. Толстого безуспѣшны,—до времени. Государю, видно, подана мысль, что гр. Толстой необходимъ для проведенія чрезъ государственный совѣтъ новаго университетскаго устава. Податель мысли, вѣроятно, Катковъ. По проведеніи,—вѣроятно, владимірская лента и увольненіе. Императрица угасаетъ. Медики считаютъ уже днями, а не недѣлями.

19 марта.—Былъ на художественныхъ выставкахъ. Мало замѣчательнаго. Статуя Христа, Антокольскаго, не имѣетъ ни одного изъ соотвѣтствующихъ идеѣ Спасителя свойствъ. Хороша, напротивъ того, статуя гр. Панина, и въ своемъ родѣ имѣетъ достоинства глава Іоанна Предтечи на блюдѣ, обозначающемъ ея поднесеніе Иродіадѣ. Напрасно приложенъ мечъ-ножъ, который здѣсь только въ видѣ поясненія, и поднесенъ Иродіадѣ быть не могъ.

Заѣзжалъ къ министру финансовъ. Затѣмъ цѣлый день дома.

20 марта.—Выходилъ утромъ. Вечеромъ—на раутѣ у французскаго посла. Кажется, что дѣла съ Франціей какъ-то улаживаются. Ген. Шанзи не уѣзжаетъ, и кн. Орловъ, какъ мнѣ сказалъ Гирсъ, къ Пасхѣ вернется въ Парижъ. Les nuits portent conseil! Вѣроятно, состоялись какія-нибудь сдѣлки насчетъ нашихъ эмигрантовъ въ Парижѣ, въ видѣ компенсаціи за Гартмана. Впрочемъ, это только догадки съ моей стороны. Я даже не освѣдомляюсь. Ни къ чему. Что могу узнать сегодня, можетъ перемѣнено быть завтра.

21 марта.—Коммиссія прошеній. Видѣлъ Каханова, кн. Ливена и Макова. — + — все болѣе и болѣе акцептуется.

Обѣдалъ у государя. Кромѣ герцогини Эдинбургской и вел. князей, были гр. Лорисъ-Меликовъ, Абаза и Маковъ.

22 марта.—Выѣзжалъ утромъ. Затѣмъ былъ у Швейница, который, подобно мнѣ, слѣдитъ съ любопытствомъ за избирательнымъ кризисомъ въ Англіи. Съ нимъ говорить можно. Съ нашими нуженъ халдейскій языкъ.

Не работается. Томитъ раздумье. Давитъ ощущеніе непрерывнаго ожиданія чего-то, что должно сбыться, но не сбывается.

Дочиталъ вторую часть архива кн. Меттерниха. Чуется, что онъ сердцемъ былъ холоденъ и сухъ; но умъ держался на высокомъ уровнѣ. Его записка 1813 г., представленная императору Францу въ Брандейсѣ,—образецъ по существу и по формѣ. Она дѣлаетъ честь обоимъ, и составителю, и тому, для кого она была составлена.

У меня давно подъ глазами обширная лабораторія. Всѣ лаборанты какъ будто исключительно заняты опытами разложенія.

23 марта.—Утромъ у обѣдни. Выѣзжалъ. Попытаюсь приняться за окончаніе прежней работы.

„Willenloser", или, точнѣе, „wellenloser", замѣтилъ сегодня Горнъ, насчетъ извѣстнаго предмета разговора. Въ этомъ есть правда.

Сегодня въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатаны документы по дѣлу Гартмана; но посланная въ Парижъ депеша не публикована. Хотѣли публиковать, но кн. Орловъ упросилъ этого пока не дѣлать. Характеристично то, что кн. Горчаковъ не взялся доложить государю о возраженіяхъ кн. Орлова и предложилъ ему самому отправиться къ его величеству съ докладомъ, а когда посолъ отказался, говоря, что здѣсь онъ былъ бы

не въ своей роли, то составили письменный докладъ, который былъ представленъ Гирсомъ.

24 марта.—Утромъ государственный совѣтъ, потомъ комитетъ министровъ. „The home secretary is quite below the mark“. Впрочемъ, не онъ одинъ. Вечеромъ у всенощной. Потомъ былъ Грейгъ. Онъ передавалъ нѣкоторыя частности о происходившемъ сегодня совѣщаніи относительно какихъ-то крейсерскихъ предположеній—genre bilieux fantaisiste. Увы, exoriare ultor!

Когда я вдумываюсь въ мои личныя судьбы среди всего вокругъ меня происходящаго и происходившаго, я только могу съ глубокимъ чувствомъ благоговѣющей благодарности преклонять голову и колѣни. Но далѣе?..

На Тя, Господи, уповахомъ. Не постыдимся...!

25 марта.—Утромъ у обѣдни. Затѣмъ дома. Некуда, незачѣмъ!

Странно, что не замѣчаютъ, какъ невыгодно и неосторожно наталкивать людей на сознательное, спокойно-оправданное убѣжденіе въ безполезности и, слѣдовательно, ненадобности самопожертвованія.

Сегодня—конногвардейскій праздникъ. Обычный парадъ и обычный обѣдъ. Флигель-адъютанта не сдѣлано (потому что 19-го февраля этимъ званіемъ пожалованъ командиръ лейбъ-эскадрона Крыжановскій), но произведены портупей-юнкеры.

29 марта.—Вчера—коммиссія прошеній. Былъ у великаго князя Михаила Николаевича по вопросу о кавказскомъ комитетѣ. Обѣдалъ у государя, съ гр. Адлербергомъ, Маковымъ и Сольскимъ.

Сегодня отправилъ къ Сабурову отвѣтъ на его письмо о моей финансовой брошюрѣ.

Продолжаю быть зрячимъ зрителемъ. Любопытны „tâtonnements“ гр. Лорисъ-Меликова. Онъ чуетъ необходимость органической перемѣны, но не безъ наивности открываетъ Америку популярности и тѣмъ впадаетъ въ ошибку ожиданія крупныхъ послѣдствій отъ мелкихъ мѣръ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, со своей стороны, не безъ наивности считаетъ себя дѣйствительнымъ министромъ, и даже соблаговолилъ написать для „Берега“ передовую статью въ тонѣ публицистовъ „Голоса“ и „Новаго Времени“. Гр. Толстой распространяетъ слухъ—qu'il est plus fort que jamais, но продолжаетъ играть, по преимуществу, роль

министра-невидимки. Военный министръ какъ будто аффектируетъ свое обособленіе и не бываетъ въ комитетѣ министровъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ „in abeyance“, между разными хозяевами, и т. д. Среди всего этого видны эрратическія движенія Каханова, Побѣдоносцева, даже Баранова-Весты. Одинъ Кахановъ полезенъ. Что же далѣе, и къ чему приведетъ все это?

31 марта. Вчера, кромѣ выхода къ обѣднѣ, цѣлое утро дома. Обѣдалъ у графа Орлова-Давыдова.

Сегодня былъ въ государственномъ совѣтѣ. Десятиминутное засѣданіе. Князь Горчаковъ, повидимому, близится къ концу. Бюллетени о его здоровьи на это указываютъ. Еще разъ Провидѣніе какъ будто сметаетъ, въ единонадесятый часъ, тѣхъ, которые черезчуръ вредны. Оно смело Николая Милютина, смело князя Черкасскаго. Смететъ ли того, который не менѣе князя Горчакова вреденъ?

Вышедшая въ Берлинѣ книга: „Berlin und Petersburg“—недостойный князя Бисмарка памфлетъ. Писалъ объ этомъ въ Берлинъ и Дрезденъ, а полученный мною экземпляръ книги сообщилъ генералу Швейницу.

Маковъ говоритъ, что продолжаютъ излавливать пропагандистовъ. Захватили теперь такъ-называемаго „инженера Сашку“; онъ гдѣ-то попался въ курской губерніи.

Апрѣль.

1 апрѣля.—Комитетъ министровъ, а потомъ польскій комитетъ. Заѣзжалъ къ княгинѣ Маріи Аркадьевнѣ Вяземской.

Передача статей въ газеты изъ дѣлъ комитета министровъ идетъ изъ государственнаго контроля, какъ я и думалъ. Но просили объ этомъ не заявлять. Маковъ (къ сожалѣнію грубѣющій, а не утончающійся умственно) наивно повѣрилъ тому, будто бы послѣднія статьи въ „Голосъ“ присланы по городской почтѣ.

2 апрѣля.—Обѣдалъ у германскаго посла, въ честь великой княгини Анастасіи Михаиловны и ея супруга. Она замѣчательно развилась и мила. Онъ благовоспитанъ.

4 апрѣля.—Утромъ въ коммиссіи прошеній и въ Николаевскомъ институтѣ. Былъ у меня князь Орловъ. Передавалъ разныя подробности по Гартманскому дѣлу.

Изъ разговора съ Кахановымъ вижу, что по разнымъ дѣламъ графъ Л.-Меликовъ оказываетъ хотя и фрагментарную, но полезную дѣятельность.

Князь Горчаковъ поправляется, и уже говорятъ о его отъѣздѣ въ Баденъ.

5 апрѣля.—Утромъ былъ графъ Л.-Меликовъ. Все тѣ же грезы о задобриваніи безпокойныхъ элементовъ какими-то призывами сюда для какихъ-то совѣщаній. Видѣлъ также отблескъ неясныхъ представленій въ умѣ Абазы. Впрочемъ, до сихъ поръ ладно на дѣлѣ; неладно только въ мечтаніяхъ.

Обѣдалъ у французскаго посла. M-me Chanzy est une brave dame; mais le ton et les manières font penser à autre chose qu'une ambassade.

О министерствѣ внутреннихъ дѣлъ можно сказать, что его слово и пріемы мало соотвѣтствуютъ понятію о министерствѣ. Сегодня напечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, подъ

обычною глупою рубрикою: „Правительственное сообщеніе“, самымъ канцелярскимъ и неловкимъ образомъ редактированное извѣщеніе о распоряженіи верховной коммиссіи относительно полицейскихъ поднадзорныхъ.

6 апрѣля.—Утромъ у обѣдни. Выходилъ въ первый разъ пѣшкомъ.

Вчерашнее „правительственное сообщеніе“ отозвалось въ газетахъ. Онѣ, конечно, хвалятъ, и „Новое Время“, кадя верховной коммиссіи, говоритъ, что ей надлежало прежде всего разобраться съ оставленнымъ ей „наслѣдіемъ“. Но кто оставилъ его? По статьѣ о поднадзорныхъ,—III-е отдѣленіе и министерство внутреннихъ дѣлъ. Кто напечаталъ сообщеніе? То же министерство внутреннихъ дѣлъ. На чей счетъ теперь восхваляется верховная коммиссія? На счетъ правительства, существовавшаго и дѣйствовавшаго до ея учрежденія. У насъ какъ-то всегда выходитъ, что правительственная власть сама по себѣ бьетъ и читаетъ „mea culpa“ рядомъ съ „εὕρηκα“. Если графъ Л.-Меликовъ распорядился напечатаніемъ текста сообщенія, не предоставивъ редактировки министерству внутреннихъ дѣлъ, то это не дѣлаетъ чести ему и Каханову. Если министерство внутреннихъ дѣлъ имѣло просторъ и имъ не воспользовалось, то вина преимущественно лежитъ на немъ. Неужели и подъ фирмою графа Л.-Меликова ничего не состоится, кромѣ такихъ experimenta задобриванія и выманиванія Суворинскихъ и Бильбасовскихъ апробацій?

Былъ у меня генералъ Жилинскій. Онъ прямо высказалъ, что еслибы не поддался на ирригаціонныя темы князя Ливена, то пострадало бы дѣло осушенія болотъ. Князю Ливену непремѣнно нужна своя личная глава въ хроникѣ министерства государственныхъ имуществъ. Могу смѣло и правдиво сказать о себѣ, что мнѣ такіе разсчеты всегда были совершенно чужды. Я ничего,—ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ни въ министерствѣ государственныхъ имуществъ,—не предпринялъ ради того, чтобы дѣло было отмѣчено моимъ ярлыкомъ. Меня занимали предметы—отъ метеорологическихъ картъ до „blue book“ 1873 г. и до осушенія и облѣсенія, а не то, что мнѣ одно или другое дѣло будетъ приписано. Впрочемъ, себѣ въ заслугу я этого не ставлю. Мнѣ это не стоило ни усилія, ни самозабвенія, по принципу. Академія, въ которой я оффиціально наставлялся себялюбію, породила во мнѣ если не это чувство, то такое глубокое пренебреженіе къ обстановкѣ, что въ концѣ концовъ ре-

зультатъ почти одинаковъ, и цѣня только то, что̀ имѣетъ дѣйствительную для меня цѣну, я не могъ и не могу дорожить общественною молвою на хвалебныя ноты.

Академическія условія—въ прежней силѣ. Архимедовой точки опоры нѣтъ. Вижу, гдѣ другіе обрѣтаютъ Архимеда: графъ Толстой—въ Катковѣ, Маковъ—въ генералѣ Рылѣевѣ, и т. д. Все это не по моей части. Я свелъ счеты съ самимъ собою. Путь указанъ. Я долженъ идти, пока идти можно, защищать то, что̀ всегда защищалъ, и приносить пользу тамъ и тѣмъ, гдѣ и кому она приносима быть можетъ.

7 апрѣля.—Утромъ во дворцѣ. Осмотръ топографическихъ работъ. Обѣдалъ тамъ же. Въ оба раза ничего достопримѣчательнаго.

Генералъ Швейницъ приходилъ сообщить телеграфическую депешу князя Бисмарка, въ которой онъ отнѣкивается отъ брошюры „Berlin und Petersburg“. Видно, замѣтилъ, что его affidés пересолили.

Былъ также Горнъ. И онъ недоумѣваетъ по поводу правительственнаго сообщенія о поднадзорныхъ. Наши привычки самообличенія и самобичеванія дѣйствительно неудобопонятны.

8 апрѣля.—Комитетъ министровъ. Дѣло министерства внутреннихъ дѣлъ объ открытіи раскольничьей молельни при московской рогожской богадѣльнѣ. Обычные пріемы графа Толстого. Кромѣ него и Посьета (!), всѣ члены комитета были въ пользу предложенія Макова.

Гирсъ говорилъ мнѣ, что князь Горчаковъ опять хлопочетъ о томъ, чтобы ѣхать въ Ливадію.

9 апрѣля.—Выходилъ утромъ. Обѣдалъ у Грейга.

Неприличіе „Берега“ изумительно. Министръ внутреннихъ дѣлъ не гораздъ. Вообще, все его министерство, за исключеніемъ его самого, директора департамента духовныхъ дѣлъ и правителя канцеляріи, теперь мало на что̀ пригодно.

11 апрѣля.—Вчера выходилъ утромъ. Былъ у министра внутреннихъ дѣлъ. Его выборы губернаторовъ имѣютъ странный характеръ. Пахнутъ столоначальникомъ.

Сегодня былъ въ коммиссіи прошеній. Статсъ-секретарь князь Долгоруковъ потомъ пріѣзжалъ, чтобы показать представленный имъ государю отчетъ. Mundus vult decipi! Обѣдалъ въ англій-

скомъ посольствѣ. Кромѣ княгини Салтыковой,—одни чины посольства.

12 апрѣля.—Выѣзжалъ утромъ. Видѣлъ у себя графа Л.-Меликова. Странное сочетаніе правильныхъ и неправильныхъ взглядовъ, пріемовъ и распоряженій. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, что Катковъ, вслѣдствіе притѣсненій князя В. А. Долгорукова (!?), хочетъ, или угрожаетъ, сойти съ поприща и съ своего пьедестала. Онъ писалъ о томъ графу Толстому, министръ народнаго просвѣщенія докладывалъ государю и т. д. Quel imbroglio! Между тѣмъ, Катковъ опять начинаетъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", набрасывать на поляковъ отвѣтственность за нашихъ нигилистовъ. Этотъ зазнавшійся писака мѣтитъ опять въ меня. Все это графъ Толстой, Апухтинъ и К°. Не знаютъ, какъ со мною справиться.

Мнѣ часто становится внутренно стыдно, когда я слышу избитыя фразы о моемъ значеніи, моемъ вліяніи, и т. д. Ихъ иногда нанизываютъ довольно искренно, особливо когда о чемъ-нибудь просятъ. Я же знаю, насколько значу и вліяю! Бѣльмо на извѣстныхъ глазахъ,—и только!

13 апрѣля.—Утромъ у обѣдни. Выходилъ. Былъ, между прочимъ, у графа Адлерберга и у князя Ливена. По словамъ министра двора, кончина императрицы близится.

Опять взялся за приведеніе въ порядокъ моихъ бумагъ. Какъ-то все на умѣ непрочность всей обстановки, не говоря уже о томъ, что въ мои лѣта и жизнь не прочна. Жизнь! Какъ ея содержаніе мѣняется съ годами! Какъ мало мѣста занимаетъ въ ней теперь мое *я*! Когда меня не станетъ, и оставшіеся вздумаютъ прочесть эти строки, подумаютъ ли они о томъ, какъ много о нихъ думалъ я!

14 апрѣля.—У обѣдни. Затѣмъ дома. Былъ Маковъ, подъ впечатлѣніемъ вчера разсказаннаго ему графомъ Л.-Меликовымъ. Сей полудиктаторъ вчера имѣлъ нѣчто вродѣ сцены съ государемъ. По поводу дѣла о рогожскомъ молитвенномъ домѣ, государь сказалъ, что въ городѣ ходятъ толки о томъ, что это дѣло денежное, и что крупная сумма (600 тыс. руб.) поступила въ министерство внутреннихъ дѣлъ и *ко мнѣ черезъ моего сына*. Когда графъ Л.-Меликовъ спросилъ государя, сомнѣвается ли онъ на нашъ счетъ, то его величество, конечно, отвѣчалъ, что нѣтъ, но что нельзя не обращать на такіе толки вниманія, и

потомъ сталъ повторять все то (о значеніи рогожской молельни и псевдо-іерархіи московской), что̀ графъ Толстой говорилъ въ комитетѣ. Графъ Л.-Меликовъ, весьма естественно, былъ озабоченъ и даже будто бы плакалъ у Макова. Эти слезы — урокъ. Онъ не знаетъ почвы. Маковъ сталъ говоритъ объ уходѣ, о невозможности оставаться коллегомъ графа Толстого и т. д. Съ моей стороны, я до того ко всему приготовленъ, что обиженнымъ быть не могу за себя, а только, развѣ, за Никса. Подобные извѣты и принятіе ихъ стыдны для сочинителей и передавателей, а не для тѣхъ, на кого они направлены. Горячиться было бы въ высшей степени неблагоразумно. Неразсудительно было бы также упираться, когда позиція на полѣ борьбы явно невыгодна. Самъ Маковъ, своею системою „по частямъ“, вмѣсто движенія всего вопроса о сектаторахъ разомъ, далъ отчасти поводъ къ такому обороту дѣла. Свое мнѣніе высказалъ. Посмотримъ, что̀ сдѣлаютъ графъ Л.-Меликовъ и Маковъ. Во всякомъ случаѣ знаю, что̀ сдѣлаю я, если они моего мнѣнія не раздѣлятъ. Пока графъ Л.-Меликовъ не знаетъ, что Маковъ мнѣ сообщилъ о случившемся.

16 апрѣля.—Вчера утромъ государь прислалъ за мной. Онъ сказалъ, что въ виду настроенія нашихъ іерарховъ и т. п. причинъ, онъ желаетъ, чтобы дѣло о рогожской молельнѣ было пріостановлено, примѣрно, до Ѳоминой недѣли, когда онъ насъ соберетъ, и т. д. Я отвѣчалъ, что при противодѣйствіи, вмѣсто содѣйствія, оберъ-прокурора св. синода—лучше пріостановить впредь до приказанія, и вмѣсто того поручить министру внутреннихъ дѣлъ двинуть общій вопросъ къ началу осенней сессіи государственнаго совѣта. (Я былъ убѣжденъ, что теперь успѣхъ невозможенъ, и притомъ я никогда не былъ за частичную систему Макова). Тогда государь, одобряя мою мысль, вдругъ заговорилъ о слухахъ, возбужденныхъ дѣломъ, и, умалчивая о Маковѣ, сказалъ, что разсказывали, будто моему сыну дано 600 тыс. рублей.—C'est une infamie,—отвѣчалъ я,—de mêler à cela un jeune homme qui n'a pas d'antre tort que celui, que le seul luxe que se permette son père, c'est de lui en donner quelque peu. Pour ma part, j'en prends mon parti et m'en remets à Vous; mais pour mon fils, c'est une calomnie qni me révolte.—„*J'en ai été indigné*“,—сказалъ государь, а потомъ, когда я упомянулъ о сомнительномъ отзывѣ графа Толстого Каханову, въ комитетѣ министровъ, прибавилъ: „Mais ce que je puis vous dire, c'est que ce n'est pas lui qui m'a fait part de ces bruits“. Дальнѣйшее

объясненіе было невозможно, потому что государь спѣшилъ къ обѣднѣ.

Днемъ—два комитета: министровъ и кавказскій. Во второмъ—трудныхъ два дѣла, о долгахъ грузинскаго дворянства и о маіоратѣ князя Мингрельскаго. Въ первомъ—я заявилъ о пріостановленіи рогожскаго дѣла. Между тѣмъ, графъ Толстой, въ частномъ разговорѣ съ Сольскимъ, сказалъ, что это дѣло нечистое. Абаза по этому поводу заявилъ, что если государь сохранитъ графа Толстого министромъ, то коллеги послѣдняго должны будутъ уклониться отъ поданія ему руки. Я при этомъ не былъ, но вечеромъ получилъ отъ Макова увѣдомленіе, что онъ теперь считаетъ свои руки развязанными и пишетъ графу Толстому, что онъ *запрещаетъ* ему клеветать и *требуетъ* извиненія при первомъ же засѣданіи комитета министровъ.

Сегодня я былъ у Макова и видѣлъ отвѣтъ графа Толстого, въ каковомъ значится, что онъ удивленъ письмомъ и его *неприличнымъ* тономъ, что онъ никого не обвинялъ въ особенности, но не можетъ терпѣть клеветы, касающейся, между прочимъ, и его вѣдомства, и распространяемой старообрядцами! Между тѣмъ, графъ Л.-Меликовъ и Абаза, которымъ Маковъ послалъ копіи съ своего письма, были у него. Первый вчера ѣздилъ къ Цесаревичу и условился завтра произвести у государя общее нападеніе на графа Толстого. Инцидентъ письма Макова усложняетъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, завтра доведено будетъ о семъ до свѣдѣнія его величества,—если уже сегодня, извѣстнымъ дамскимъ путемъ, этого не было сдѣлано. Результатомъ, въ концѣ концовъ, должно быть исчезновеніе графа Толстого. Но какъ, и скоро ли?

Среди этого жалкаго и постыднаго imbroglio я считаюсь съ самимъ собою и снова чувствую, что при томъ пренебреженіи, которое я ощущаю къ средѣ, мнѣ остается только ожидать, на первое время пассивно, развитія кризиса. Невыгодно для Никса, чтобы я далъ поводъ заговорить о немъ. Правило don Basilio вѣрно. Мой сынъ въ подобныхъ дѣлахъ безусловно чистъ, но отъ клеветы всегда что-нибудь да пристанетъ. Маковъ, внесшій представленіе въ комитетъ министровъ, прямо затронутъ. Обо мнѣ толки только за спиною, и государь счелъ нужнымъ меня удостовѣрить, что они не идутъ отъ графа Толстого. Въ землѣ кафровъ я бы не могъ обижаться раздѣтостью посѣтителей, и только бы самъ не раздѣвался. Здѣсь кафровъ много, и они не стоятъ того, чтобы я съ невыгодою для себя и для своихъ билъ въ честь ихъ стекла. Я пока еще не принужденъ выступать на

сцену. Увидимъ, что будетъ далѣе. Что же касается — + —, то оно давно видно.

17 апрѣля.—По случаю страстной недѣли, дворцовыхъ торжественностей нѣтъ.

У меня были новый начальникъ управленія печати Абаза, совѣтникъ нашего лондонскаго посольства Бартоломей, московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ и прусская депутація, прибывшая для поздравленія государя императора. Генералъ-адъютантъ Тресковъ, при этомъ случаѣ, передалъ мнѣ благосклонный поклонъ отъ императора Вильгельма. Отдавъ визитъ депутаціи, я заѣхалъ къ Макову и слышалъ отъ него, что непріятная исторія принимаетъ хорошій оборотъ. Графъ Л.-Меликовъ былъ у него и передалъ, что онъ доложилъ государю переписку съ графомъ Толстымъ и сказалъ, что если послѣдній останется на мѣстѣ, то не могутъ остаться ни Маковъ, ни самъ графъ Л.-Меликовъ, а другіе члены комитета министровъ перестанутъ знаться съ графомъ Толстымъ. Государь, по словамъ графа Л.-Меликова убѣдился въ необходимости увольненія графа Толстого и поручилъ графу Л.-Меликову заѣхать къ Макову, чтобы „его успокоить". Если такъ, то и графу Толстому, и Каткову, и Апухтину предстоитъ давно подобавшій имъ урокъ.

18 апрѣля.—Утромъ государь прислалъ за мной. Засталъ во дворцѣ Макова, еще не имѣвшаго доклада. Государь освѣдомился объ эпизодѣ въ комитетѣ министровъ. Я сказалъ, что мнѣ извѣстно, и въ отношеніи къ положенію графа Толстого вообще вполнѣ высказался. Когда рѣчь зашла о кандидатахъ на его два мѣста, я оговорился насчетъ затруднительности ихъ пріисканія вообще, потомъ назвалъ Сабурова и Побѣдоносцева для двухъ частей. Я сказалъ насчетъ Сабурова, что его знаю мало, mais qu'il n'était pas engagé et que son savoir-faire à Dorpat parle en sa faveur; а насчетъ Побѣдоносцева, que malgrè qu'il ait quelques traits du pére Robin, je ne sache pas qu'un autre pût être plus agréable au clergé et prendre plus à cœur ses intérêts. (Разговоръ происходилъ преимущественно по-французски). Графъ Толстой, также призванный, уже ожидалъ въ пріемной, будучи воздухомъ для Макова, какъ и Маковъ для него. Государь приказалъ сказать графу Толстому, чтобы онъ былъ позже, и позвать Макова. Объясненіе съ симъ послѣднимъ по поводу эпизода происходило при Цесаревичѣ, и было для Макова удовлетворительно. Въ 1 ч. дня былъ графъ Л.-Ме-

ликовъ, и государь, все, повидимому колеблясь, еще спросилъ его, считаетъ ли онъ рѣшительно невозможнымъ оставленіе графа Толстого министромъ. Графъ Л.-Меликовъ высказался въ прежнемъ смыслѣ, и тогда, повидимому, окончательная рѣшимость установилась. Графъ Толстой былъ въ исходѣ 2-го часа, и вечеромъ тайный совѣтникъ Георгіевскій уже сказалъ князю Ливену, что графъ Толстой пересталъ быть министромъ, и что на его мѣсто по вѣдомству народнаго просвѣщенія будетъ назначенъ Сабуровъ.

19 апрѣля.—Удостоился св. причащенія.

У заутрени во дворцѣ. Христосованія не было. Понятно; но съ нимъ отпадаетъ отчасти и поводъ къ выходу. На этотъ разъ было какъ-то еще жарче и душнѣе, нежели обыкновенно. Родъ тяжелой мглы въ залахъ. Быть можетъ, я предубѣжденъ или предрасположенъ къ такимъ впечатлѣніямъ; но и въ разныхъ частностяхъ такихъ сборищъ я вижу symptoms of decay. Связующій цементъ ослабъ.

Новостей какъ-то не было, кромѣ констатированія ухода графа Толстого и назначенія графа Л.-Меликова шефомъ сунженскаго казачьяго полка. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ дерптскій попечитель Сабуровъ, оберъ-прокуроромъ св. синода—Побѣдоносцевъ.

Къ празднику еще народилось нѣсколько придворныхъ чиновъ обоего пола. Какое же тутъ понятіе о дворѣ!

Примѣчаніе № 26.—Я не могу не остановиться здѣсь на томъ возмутительномъ эпизодѣ, который былъ окончательнымъ поводомъ къ увольненію гр. Толстого. Гр. Л.-Меликовъ давно добивался этого результата въ видахъ популярности; но его старанія пребывали тщетными до того случая, когда государю было разсказано,—кѣмъ, осталось неизвѣстнымъ,—что рогожскіе раскольники заплатили подкупъ Макову и *мнѣ*, причемъ якобы для моей доли обратились къ моему сыну, конногвардейцу. Государь не могъ, конечно, повѣрить этой клеветѣ; но, тѣмъ не менѣе, толки придворнаго духовенства его поколебали, и потому-то я самъ предложилъ ему отсрочить дѣло sine die. Только когда стало гласнымъ содержаніе письма Макова; чаша бережливости въ отношеніи къ гр. Толстому переполнилась, и затѣмъ была опорожнена.

Не могу также по этому поводу не замѣтить, что низость нашихъ общественныхъ и оффиціальныхъ нравовъ меня не въ первый и не въ послѣдній разъ ставила въ затруднительное и даже

прямо оскорбительное положеніе, *только потому, что я не обладалъ имущественнымъ достаткомъ.* У насъ всякая клевета возможна, и даже съ какою-то странною и злорадною охотою разглашается, хотя бы ей и не вѣрили. Та низость нравовъ, о которой здѣсь говорю, ознаменовала себя въ другихъ формахъ, но не въ меньшей степени, осенью 1881 года, по уфимскому дѣлу. Упомяну объ этомъ въ примѣчаніяхъ къ моему дневнику въ свое время. [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

20 апрѣля.—Свѣтлый праздникъ. Настроеніе должно бы быть праздничнымъ. Но оно не праздничное.

Выходилъ. Видѣлъ Макова. На улицахъ обычное движеніе. Другъ къ другу ѣздятъ; записываются; между прочимъ и у меня; даже многіе. Mundus vult decipi!

У заутрени произошла мировая между гр. Толстымъ и Маковымъ, при содѣйствіи Сольскаго. Гр. Толстой поступилъ умно. Я не былъ при этомъ, но говорятъ, что онъ сдѣлалъ первый шагъ весьма прилично.

21 апрѣля.—Сегодня слышу, однако, что гр. Толстой не такъ прилично объясняетъ, въ кругу знакомыхъ, причины своего ухода. Гр. Паленъ, по словамъ кн. Ливена, ему вторитъ.

Выѣзжалъ утромъ. Былъ, между прочимъ, у кн. Ливена и у княгини Кочубей. Гр. Л.-Меликовъ былъ у меня. Все еще не извѣдалъ онъ здѣшнюю почву.

22 апрѣля.—Выходилъ утромъ. Былъ у министра юстиціи. Видѣлъ у себя гр. Хрептовича, ген.-ад. Тимашева и кн. Ливена. Событіе по министерству народнаго просвѣщенія и по св. синоду вызываетъ пестрые толки. Кахъ плохи у насъ верхніе слои!

Бывшія здѣсь военныя депутаціи, прусская и австрійская, не вынесутъ особенно пріятныхъ впечатлѣній. Государь былъ, по обыкновенію, любезенъ; но далѣе—любезности не оказывалось. У насъ вообще цѣльности нѣтъ. Развѣ въ смыслѣ:—да чтобъ ихъ!, или—вотъ еще!, или—знай нашихъ! и т. п.

23 апрѣля.—Утромъ—въ Николаевскомъ дворцѣ. Именины великой княгини Александры Петровны. Были немногіе. Задержанъ тамъ къ завтраку, во время котораго великій князь мнѣ сказалъ, что меня многіе „терпѣть не могутъ“, но онъ любитъ. Я отвѣчалъ, что знаю одно, желаю другого; а это первое объясняю тѣмъ, что я себѣ позволяю жить своею головою.

Видѣлъ тамъ Побѣдоносцева, который, очевидно, въ восхищеніи по случаю своего назначенія.

Выходилъ. Слышалъ, что вчера графъ Лорисъ-Меликовъ былъ вечеромъ у Нелидовой, въ духѣ и очень разговорчивъ. Такъ и быть должно. Все идетъ своимъ чередомъ. Но куда и къ чему? Слѣдуетъ ждать. Утомительно только постоянное ощущеніе временнаго, переходнаго. Les hommes ont cependant une tendance prononcée à ne pas se rendre compte du provisoire et à prendre au sérieux l'apparence d'une réalité. Que d'apparences, de nos jours, qui ne sont pas des réalités!

24 апрѣля. — Выѣзжалъ. Неизбѣжные визиты. Къ счастью никого не засталъ. Слышалъ отъ барона Корфа, что графъ Толстой уже давно отзывался обо мнѣ, въ англійскомъ клубѣ, въ такихъ выраженіяхъ, которыя слушателямъ казались болѣе чѣмъ странными. И въ сущности, за что, почему? Только вродѣ отместки за то, что я живу, какъ вчера сказалъ великому князю, своею головой.

Вечеромъ заѣзжалъ князь Ливенъ. Semper idem! Все занятъ не своимъ дѣломъ, а тѣмъ, что дѣлается около него по другимъ вѣдомствамъ, и городскими баснями.

25 апрѣля.—Выходилъ утромъ. Обѣдалъ у государя, между прочимъ съ Побѣдоносцевымъ. Государь любезно замѣтилъ, что онъ меня давно не видѣлъ. Побѣдоносцевъ былъ вчера у меня. Впечатлѣніе перваго съ нимъ объясненія не дурное. Только сегодня напечатаны въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" указы о назначеніи его и Сабурова. Послѣдній при этомъ случаѣ пожалованъ въ статсъ-секретари.

26 апрѣля.—Какъ перевести по-русски: infériorités? Напримѣръ: infériorités jalouses, envieuses, ou révoltées? Я встрѣчаюсь, къ сожалѣнію, со всѣми этими видами.

Былъ на конской выставкѣ. Вытерпѣлъ двухчасовую выводку. Видѣлъ разные aplombs, между прочимъ и дамскіе. Видѣлъ также, съ внутреннимъ сожалѣніемъ, милый, элегантный и, кажется, добрый экземпляръ петербургской дамской пустоты.

Барановъ, „герой" Весты, снова надѣлъ военный мундиръ, но артиллерійскій, и съ чѣмъ-то или почему-то командированъ за-границу гр. Лор.-Меликовымъ. Одна изъ нѣсколькихъ современныхъ характеристическихъ аномалій.

Что-то неладно по министерству внутреннихъ дѣлъ. Испол-

ненія по журналу комитета министровъ относительно генералъ-губернаторовъ до сихъ поръ не состоялось, и Кахановъ начинаетъ въ этомъ видѣть „неохоту“. Мнѣ кажется, что я болѣе и болѣе вижу „малоумѣніе“. Баронъ Кёне сегодня говорилъ мнѣ о какихъ-то указаніяхъ по заграничной печати. Risum teneatis!—онъ не подозрѣвалъ, что дѣло этихъ указаній въ моемъ находится вѣдѣніи.

27 апрѣля. — Утромъ у обѣдни. Государь прислалъ приказаніе быть въ $1^1/_2$ час. дня. Были: военный министръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лор.-Меликовъ и я. Вопросъ о замѣщеніи графа Коцебу. Передъ входомъ въ кабинетъ, мы всѣ четверо единогласно признавали графа Тотлебена въ Варшавѣ неудобнымъ, а при Панютинѣ—невозможнымъ. Государь открылъ совѣщаніе заявленіемъ, что онъ прочитъ графа Тотлебена, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, есть ли какое-либо съ моей стороны сомнѣніе или замѣчаніе? Я сказалъ, что насчетъ графа Тотлебена я ничего не могу сказать и не имѣю повода говорить, но что Панютинъ неподходящъ. На дальнѣйшій, уже съ явнымъ неудовольствіемъ сдѣланный вопросъ: почему? — я сказалъ, что онъ крутъ, не возбуждаетъ довѣрія, и вообще не слылъ надежнымъ, — присовокупивъ, что, впрочемъ, я сошлюсь и на оцѣнку другихъ. Изъ другихъ, однако, одинъ только Маковъ, на котораго государь тогда взглянулъ, попытался меня довольно робко поддержать. Тогда его величество вспылилъ, и я услышалъ насчетъ царства Польскаго и поляковъ все то, что уже такъ часто слышалъ: начиная съ вѣнскаго конгресса, продолжая императоромъ Николаемъ и кончая событіями шестидесятыхъ годовъ. Не до дальнѣйшей аргументаціи было. Я только сказалъ, что когда мнѣ разрѣшается говорить, я говорю, что думаю. Рѣшено вытребовать сюда графа Тотлебена по телеграфу и тогда предложить ему выборъ между Варшавой и Вильной. Видно, что государь se sent engagé et est un peu vexé de l'être. Мнѣ показалось также, что онъ не совсѣмъ себя чувствовалъ правымъ, и что это ему досаждало.

Послѣ выхода изъ кабинета, графъ Лор.-Меликовъ мнѣ сказалъ, что сегодня я получилъ „трёпку“, которую онъ получилъ вчера. Я отвѣчалъ, что не жалѣю, свое дѣло сдѣлалъ, а за дальнѣйшее не отвѣтчикъ.

Оставивъ своихъ коллеговъ въ пріемной, я сошелъ внизъ къ miss Carry. На этотъ разъ я могъ завершить психологическій анализъ, и теперь знаю, что желалъ знать, т.-е. какая сумма средствъ въ ней заключается.

Особаго вѣса графъ Лор.-Меликовъ не пріобрѣлъ. Сегодняшнее совѣщаніе вообще можетъ быть обозначено формулой: до входа—*4*, войдя—*1*½.

28 апрѣля. — Утромъ—въ государственномъ совѣтѣ. Графъ Толстой присутствовалъ уже въ видѣ члена совѣта и держалъ себя съ достоинствомъ, совершенно прилично. Потомъ былъ у великаго князя Михаила Николаевича по дѣламъ Кавказа.

Нельзя усерднѣе стараться объ уронѣ нашей псевдо-аристократіи, нежели стараются наши псевдо-аристократы!

29 апрѣля. — Комитетъ министровъ. Послѣ краткаго и пустого засѣданія долгіе толки по вопросу о раскольникахъ. Полнѣйшая разноголосица насчетъ способа движенія дѣла и обычное преобладаніе разныхъ сомнѣній и отрицаній передъ всякимъ положительнымъ направленіемъ. Сожалѣю, что опять далъ себя вовлечь въ безрезультатныя пренія. Рано. При этомъ грубость пониманій и тупая самоувѣренность кое-какихъ коллеговъ выказались и высказались съ надлежащею опредѣлительностью. Апломбъ удивительный. Впрочемъ, я не изумляюсь, а только вижу.

30 апрѣля. — Утромъ выѣзжалъ. Видѣлъ графа Орлова-Давыдова, для свидѣтельствованія его завѣщанія, графа Палена и Головнина. Вечеромъ былъ Грейгъ.

ЧЛЕНЪ ПАРЛАМЕНТА

РОМАНЪ.

— *Catherine Cecil Thurston.* John Chilcote, M. P.—London, 1906.

I.

Вечеромъ 23-го января, нѣкоторыя улицы Лондона покрылись такимъ непроницаемымъ туманомъ, какого не бывало уже много лѣтъ. Это само по себѣ незначительное явленіе природы оказало, однако, очень большое вліяніе на судьбу члена палаты общинъ, представителя Истъ-Варка — такое же, какъ и пограничное возстаніе противъ Персіи, поднявшееся въ Хоросанской области. Первыя извѣстія объ этомъ возстаніи пришли тоже къ вечеру 23-го января, и къ нимъ отнеслись сначала съ недовѣріемъ и даже со смѣхомъ.

Въ восемь часовъ вечера эта новость стала распространяться въ палатѣ общинъ, часовъ въ девять объ этомъ уже говорили депутаты въ кулуарахъ; рѣчь шла, однако, не только о политикѣ Россіи, которая, при наружныхъ симпатіяхъ къ шаху, на самомъ дѣлѣ тайно разжигала мятежъ; главнымъ образомъ говорили о томъ, что „Saint Georges Gazette"—вечерняя газета торіевъ—отнеслась къ этому событію серьезно и выступила съ рѣзкимъ осужденіемъ правительства.

Лэкли—собственникъ и издатель „Saint Georges Gazette"—уже нѣсколько разъ переходилъ отъ традиціонной сдержанности тона къ рѣзкости новѣйшей журналистики. А въ этотъ вечеръ онъ пошелъ еще дальше по этому пути и заявилъ въ статьѣ подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ, что въ этомъ будто бы совершенно невинномъ пограничномъ инцидентѣ дѣло идетъ вовсе не

объ одномъ антагонизмѣ расъ. Это, по его словамъ, первыя робкія попытки осуществить давно составленный и подготовленный русскими планъ, который постепенно созрѣлъ вслѣдствіе „вялой политики“ современнаго британскаго правительства.

Впечатлѣніе статьи было очень сильное и очень различное на разныхъ людей. Члены оппозиціи усматривали важность статьи въ чрезмѣрномъ, явно напускномъ спокойствіи на министерскихъ скамьяхъ; правительство же съ своей стороны не могло отдѣлаться отъ неопредѣленнаго чувства, что вспыхнувшій интересъ оппозиціи къ пограничному инциденту предвѣщаетъ недоброе. Всѣ эти различныя ощущенія создавали наэлектризованную атмосферу, не проявляясь, однако, ни въ какихъ осязательныхъ фактахъ. Палата продолжала заниматься текущими дѣлами до половины двѣнадцатаго вечера—и тогда только внесено было предложеніе перенести продолженіе занятій на слѣдующій день.

Первымъ вскочилъ со своего мѣста Джонъ Чилькотъ, депутатъ отъ Истъ-Варка. Онъ быстро выбѣжалъ изъ парламента въ какомъ-то почти безсознательномъ состояніи. Увидавъ вдругъ полицейскаго, который стоялъ подъ сводомъ большого двора съ неподвижно-спокойнымъ лицомъ, Чилькотъ инстинктивно хотѣлъ свернуть съ своего пути, какъ бы боясь, что нарушится ходъ его мыслей, если онъ услышитъ чужой голосъ; но онъ сдержалъ свой нервный порывъ и заговорилъ первый.

— Какой туманъ!—сказалъ онъ съ напускнымъ спокойствіемъ.

— Да, туманно; къ западу все больше заволакивается,—отвѣтилъ полисмэнъ.

— Да?—неопредѣленно отвѣтилъ Чилькотъ. Бодрый голосъ полисмэна раздражалъ его,—и онъ уже во второй разъ замѣчалъ въ себѣ такую болѣзненную раздражительность. Не глядя больше на полицейскаго, онъ прошелъ черезъ дворъ и вышелъ въ ворота. Въ клубящемся туманѣ сверкнули ему навстрѣчу огни двухъ фонарей, какъ глаза большой кошки, и обычное: „Кэбъ, сэръ?“—смутно прозвучало въ его ушахъ. Онъ остановился, уже направился было къ дверцѣ кэба, какъ вдругъ у него промелькнула другая мысль.

— Нѣтъ, — быстро сказалъ онъ, — нѣтъ, — я лучше пойду пѣшкомъ.

Кучеръ что-то пробормоталъ, щелкнулъ бичомъ, и коляска покатилась дальше подъ звонъ копытъ.

Чилькотъ тѣмъ временемъ перешелъ съ безцѣльной поспѣшностью черезъ улицу по направленію къ Уайтголю. Тамъ туманъ былъ еще болѣе густымъ, такъ что едва можно было различить

ближайшій уличный фонарь. Но Чилькотъ продолжалъ быстро идти дальше. Зоркій наблюдатель обратилъ бы вниманіе на его странную походку: хотя онъ шелъ, казалось бы, очень увѣренно, но весь вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи,—какъ человѣкъ съ болѣзненно-напряженной нервной системой.

Онъ продолжалъ идти и дальше съ той же поспѣшностью, не замѣчая, что съ каждымъ шагомъ мракъ вокругъ него сгущается, становится болѣе влажнымъ и осязательнымъ, что пѣшеходы съ каждой секундой все чаще наталкиваются другъ на друга и слова проходящихъ людей звучатъ все непонятнѣе, все болѣе неясно. Вдругъ онъ понялъ, что тѣмъ временемъ произошло, и сразу остановился.

Онъ совершенно неожиданно попалъ въ густой туманъ—въ такую непроницаемую завѣсу, что человѣческія фигуры, которыя вотъ только-что еще виднѣлись хоть смутными тѣнями, теперь разсѣялись въ ничто, какъ бы стертыя рукой волшебника; темнота точно всосала въ себя свѣтъ уличныхъ фонарей. Въ первую минуту на Чилькота напалъ паническій ужасъ отъ сознанія полнаго одиночества. Затѣмъ его охватилъ нервный страхъ передъ собственной разсѣянностью, которая завела его такъ далеко. Онъ прошелъ немного впередъ, потомъ остановился въ нерѣшительности. Но у него явилось мучительное сознаніе, что бездѣйствіе хуже всего, и онъ поэтому опять пошелъ впередъ, широко раскрывъ глаза и вытянувъ руку впередъ, чтобы ощупывать путь. Туманъ густо замкнулся передъ нимъ и позади него, и отрѣзалъ всякую возможность къ отступленію. Онъ только слышалъ въ темнотѣ вокругъ себя смутный гулъ голосовъ — веселыхъ, неувѣренныхъ, боязливыхъ, сердитыхъ. Временами его касалась чья-нибудь рука. Странная это была минута, таившая въ себѣ самыя разнообразныя возможности; въ странномъ хаосѣ звуковъ непрерывно сливались шумъ грохочущихъ колесъ, ругань и смѣхъ.

Чилькотъ держался лѣвой стороны и пытался идти дальше. Движенія его были порывисты, пугливы—на него напалъ непонятный страхъ среди этого одиночества, наполненнаго несчетными звуками. Сначала онъ тщетно нащупывалъ руками что-нибудь твердое; наконецъ, пальцы его прикоснулись къ чему-то холодному—къ спущеннымъ желѣзнымъ ставнямъ магазинной витрины. Это его успокоило. Онъ, какъ слѣпой ухватился за эту опору, стараясь какъ можно скорѣе подвигаться впередъ. Такъ онъ прошелъ шаговъ двѣнадцать, и тогда случилось неминуемое: онъ наткнулся на человѣка, шедшаго навстрѣчу ему.

Стукнулись они самымъ непредвидѣннымъ образомъ; при этомъ оба выругались и затѣмъ разсмѣялись. Въ этомъ не было, конечно, ничего необычайнаго, но Чилькотъ былъ въ такомъ настроеніи, что самое будничное становилось для него непостижимымъ. Восклицаніе и затѣмъ смѣхъ незнакомца подѣйствовали на него удручающимъ образомъ:—ему казалось, что изъ темноты эхо повторяетъ его же собственныя слова. Конечно, изъ десяти человѣкъ въ Лондонѣ девять — если взять людей одинаковаго воспитанія и одинаковаго общественнаго класса — выразили бы свою досаду или свое удивленіе въ той же самой формѣ, вѣроятно даже тѣмъ же тономъ голоса. Чилькотъ понималъ и это среди своего нервнаго возбужденія.

— Дьявольскій туманъ!—сказалъ онъ громко. — Я пробую попасть на Гровноръ-Сквэръ, но, кажется, мои шансы на успѣхъ невелики.

Незнакомецъ опять засмѣялся, и смѣхъ его снова смутилъ Чилькота. Онъ пугливо спрашивалъ себя, не жертва ли онъ обмана чувствъ; но незнакомецъ началъ говорить прежде, чѣмъ онъ смогъ распутаться въ своихъ ощущеніяхъ.

— Да, ваши шансы не особенно велики,—сказалъ онъ. — Даже еслибы собраться къ чорту, то въ такую ночь не легко найти къ нему дорогу.

Чилькотъ что-то пробормоталъ и придвинулся ближе къ магазинной витринѣ.

— Да, да,—сказалъ онъ.—Въ такую погоду, въ такой темнотѣ, начинаешь понимать, что слѣпымъ, при распредѣленіи вѣчнаго блаженства, должно достаться больше, чѣмъ намъ. Вѣдь это повтореніе тумана, бывшаго шесть лѣтъ тому назадъ. Выходили вы тогда на улицу?

У Чилькота была привычка непосредственно перескакивать съ одной фразы на другую,—привычка эта сказывалась въ послѣднее время особенно часто.

— Нѣтъ.—Незнакомецъ тѣмъ временемъ тоже пододвинулся къ магазину.—Шесть лѣтъ тому назадъ я не былъ въ Англіи.

— И не жалѣйте, что не были.—Чилькотъ поднялъ воротникъ.—Ужасный былъ тогда туманъ, — такой же черный, какъ вотъ сейчасъ, но еще болѣе расползшійся во всѣ стороны. Я отлично помню, какъ это было. Въ тотъ вечеръ какъ разъ Лексингтонъ произнесъ свою большую рѣчь о сахарѣ. Многіе еще въ три часа ночи бродили по Ламбетъ-Бриджу,—а изъ парламента мы ушли въ полночь.

Чилькотъ рѣдко предавался воспоминаніямъ; но эта бесѣда съ

невидимымъ спутникомъ казалась ему какъ бы разговоромъ съ самимъ собой. Когда раздался отвѣтъ на его слова, Чилькотъ даже не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ изумленія.

— Рѣчь о сахарѣ,—сказалъ незнакомецъ.—Странно, что я какъ разъ вчера ее перечитывалъ. Удивительно много краснорѣчія по поводу такого сухого предмета. Какую огромную карьеру могъ бы тогда сдѣлать Лексингтонъ!

Чилькотъ передвинулся, уставъ стоять на одномъ мѣстѣ.

— Вы, очевидно, интересуетесь возней въ Вестминстерѣ?—спросилъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ сарказма.

— Я?—уклончиво отвѣтилъ незнакомецъ.—Я читаю, какъ и остальные пять милліоновъ населенія, газету—вотъ и все. Я далекъ отъ политики.—Въ голосѣ его звучала сухость; прежнее его воодушевленіе какъ-то сразу исчезло.

— Далеки отъ политики!—повторилъ Чилькотъ.—Завидно...

— Можетъ быть,—для тѣхъ, которые стоятъ въ самомъ центрѣ ея. Но вернемтесь къ Лексингтону. Какъ высоко этотъ человѣкъ поднялся—и какое ошеломительное паденіе! Удивительное дѣло—во всѣхъ насъ есть точно какія-то дрожжи, которыя поднимаютъ каждаго на разную высоту.—Онъ на минуту замолчалъ и задумался. Потомъ снова раздался изъ темноты его голосъ:—Какая же была собственно причина его паденія?—вдругъ спросилъ онъ.—Алкоголь или какое-нибудь другое искусственное средство возбужденія? Мнѣ ужъ давно хотѣлось узнать правду.

Чилькотъ опять перемѣнилъ позицію.

— Стоитъ ли узнавать правду?—спросилъ онъ небрежнымъ тономъ.

— Въ томъ случаѣ, когда человѣкъ занимаетъ общественный постъ, несомнѣнно стоитъ. Его частная жизнь сливается вѣдь съ интересами массъ. Если онъ позволяетъ заглядывать въ причины своего успѣха, то зачѣмъ скрывать причину пораженія. Что-жъ его погубило,—алкоголь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Чилькотъ, нѣсколько погодя.

— Другія наркотическія средства?

Чилькотъ опять не сразу отвѣтилъ, и въ то время какъ онъ стоялъ въ раздумьи, его коснулось платье женщины, которая громко и нагло разсмѣялась, завидѣвъ его. Звукъ ея голоса непріятно поразилъ его.

— Такъ онъ, дѣйствительно, отравлялся наркотическими средствами?—спросилъ незнакомецъ легкимъ тономъ.—Я всегда такъ и думалъ.

— Да, онъ принималъ морфій. — Отвѣтъ вырвался у Чиль-

кота почти безсознательно, подъ вліяніемъ смѣха проходившей женщины, а также подъ гипнозомъ спокойныхъ разспросовъ незнакомца. Но едва онъ выговорилъ эти слова, какъ быстро оглянулся, точно испугавшись, что на время забылъ о соблюденіи необходимой бдительности.

Незнакомецъ задумался, помолчалъ, но потомъ опять заговорилъ очень оживленнымъ тономъ.

— Я это подозрѣвалъ,—сказалъ онъ,—но все-таки—даю вамъ слово — не былъ увѣренъ. Достигнуть въ жизни такъ много, и все потерять изъ-за потворства такому низменному пороку!—Въ голосѣ незнакомца слышались возмущеніе и презрѣніе.

— Вы строго судите, — сказалъ Чилькотъ съ напускнымъ смѣхомъ. Но незнакомецъ снова выразилъ свое возмущеніе.

— Я говорю только правду, — сказалъ онъ. — Никто не имѣетъ права выбрасывать зря то, за что другой заплатилъ бы спасеніемъ своей души. Это ослабляетъ довѣріе къ силѣ личности.

— А вы вѣрите въ эту силу?—Въ голосѣ Чилькота опять прозвучалъ сарказмъ, но уже болѣе слабо, чѣмъ прежде.

— Конечно, сила личности—результатъ работы надъ собой, минувшихъ или длящихся усилій. Людей, которые не требовательны къ себѣ, я не уважаю.

Спокойное презрѣніе этихъ словъ раздражало Чилькота.

— А вы полагаете, что Лексингтонъ не боролся прежде, чѣмъ сдаться?—горячо спросилъ онъ.—Имѣете ли вы представленіе о мучительной борьбѣ такого человѣка, когда то, что было прежде рабомъ, становится надъ нимъ господиномъ?—Онъ остановился, чтобы передохнуть; ему казалось, что незнакомецъ что-то бормочетъ недовѣрчивымъ тономъ.—Вы думаете, что морфій доставляетъ удовольствіе?—продолжалъ Чилькотъ.—Вѣрнѣе будетъ, если вы его назовете тираномъ, который мучитъ духъ, когда ему служишь, и мучитъ тѣло, когда отъ него отстаешь.

Подъ гнетомъ темноты и вслѣдствіе продолжающагося молчанія его спутника, онъ просто не могъ продолжать дальше. Въ эту минуту онъ не былъ Чилькотъ, депутатъ отъ Истъ-Варка, разсѣянность и молчаливость котораго вошли въ поговорку,—теперь онъ былъ человѣкомъ, которому хотѣлось высказать все, что у него на душѣ, и онъ продолжалъ:

— Вы говорите какъ всѣ, ничего не зная и вѣря только себѣ. Прежде чѣмъ осуждать Лексингтона, вы бы попробовали быть на его мѣстѣ.

— Какъ вы?—со смѣхомъ спросилъ незнакомецъ.

Хотя смѣхъ прозвучалъ совершенно невинно, онъ все-таки встревожилъ Чилькота. Его опять обуялъ страхъ, и онъ вздрогнулъ.

— Я...—онъ хотѣлъ тоже засмѣяться, но это ему не удалось: —я повторяю только то, о чемъ читалъ... Но, кажется, туманъ рѣдѣетъ. Нѣтъ ли у васъ огня? Можно хоть покурить, если ужъ ничего не видать вокругъ.

Онъ говорилъ быстро и несвязно. Мысль, что онъ выдалъ себя, безпокоила его въ высшей степени; ему хотѣлось предотвратить всѣ послѣдствія. Говоря съ незнакомцемъ, онъ сталъ шарить въ карманѣ, отыскивая портъ-сигаръ. Онъ искалъ съ нервной поспѣшностью и вытянулъ голову далеко впередъ. Не поднимая глазъ, онъ почувствовалъ, какъ туманное облако, въ которомъ онъ очутился, поднялось, снова опустилось и опять все окутало, а потомъ уже стало разсѣиваться. Найдя свой портъ-сигаръ, онъ взялъ папироску въ ротъ и поднялъ лицо въ тотъ моментъ, когда незнакомецъ зажегъ спичку. Съ минуту они поглядѣли другъ другу прямо въ лицо,—при исчезающемъ туманѣ уже можно было разглядѣть черты лицъ. Спичка въ рукѣ незнакомца догорѣла до конца и обожгла ему пальцы. Почувствовавъ боль, онъ со смѣхомъ бросилъ спичку.

— Однако!—Онъ не закончилъ, не находя словъ, чтобы выразить свое изумленіе. По странной игрѣ природы,—она казалась чѣмъ-то сверхъестественнымъ, хотя была вполнѣ въ порядкѣ вещей,—два лица, которыя, наконецъ, выдѣлились изъ мрака, были похожи одно на другое—до полнаго тождества каждой черты. Каждому изъ двухъ людей казалось, что онъ увидѣлъ не лицо другого человѣка, а свое собственное въ безупречно вѣрномъ зеркалѣ. Незнакомецъ оправился первый и, увидавъ, что Чилькотъ не можетъ выговорить ни слова отъ неожиданности, пришелъ ему на помощь.

— Очень странное происшествіе, конечно,—сказалъ онъ.— Но зачѣмъ удивляться выше мѣры? Не можетъ же природа быть вѣчно оригинальной. Иногда и у нея изсякаетъ изобрѣтательность. И почему не использовать дважды удачную модель?—Онъ отошелъ на шагъ назадъ и посмотрѣлъ на Чилькота сбоку.— Ахъ, простите,—сказалъ онъ,—вы все еще ждете огня.

Чилькотъ продолжалъ еще держать папироску во рту. Бумага уже засохла, и онъ слегка помочилъ ее языкомъ, наклоняясь къ своему собесѣднику.

— Не обращайте на меня вниманія,—сказалъ онъ.—Я сегодня слегка возбужденъ... нервы не въ порядкѣ. Правду сказать,—

моя фантазія подшутила надо мной въ густомъ туманѣ. Я вообразилъ, что говорю самъ съ собой.

— И потомъ *повѣрили*, что это дѣйствительно такъ?—Незнакомецъ усмѣхнулся.

— Да, приблизительно.

Оба помолчали съ минуту. Чилькотъ курилъ; и потомъ только, вспомнивъ про правила вѣжливости, онъ повернулся къ своему спутнику.

— Не желаете ли и вы покурить?—спросилъ онъ.

Незнакомецъ взялъ папиросу изъ протянутаго ему портъ-сигара. Въ это время Чилькоту еще больше бросилось въ глаза ихъ необыкновенное сходство. Онъ невольно протянулъ руку и коснулся руки своего собесѣдника.

— Это у меня все нервы,—сказалъ онъ какъ бы въ оправданіе себѣ.—Мнѣ нужно убѣдиться, что вы дѣйствительно стоите передо мной во плоти. Нервы иногда могутъ сыграть съ человѣкомъ плохую шутку.—Онъ принужденно засмѣялся.

Собесѣдникъ его поднялъ глаза. Лицо его въ эту минуту выражало удивленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторое презрѣніе,—но онъ поспѣшилъ принять выраженіе вѣжливаго участія.

— Я къ сожалѣнію ничего не понимаю въ нервности,—сказалъ онъ.

Чилькотъ смутился. Потомъ его мысли направились въ другую сторону.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросилъ онъ вдругъ. Любопытство, направленное на несущественныя подробности, было одной изъ его характерныхъ чертъ. Незнакомецъ не сразу отвѣтилъ. Наконецъ онъ медленно спросилъ:

— Вы хотите знать мой возрастъ? Мнѣ минетъ тридцать-шесть лѣтъ... завтра.

Чилькотъ быстро поднялъ голову.

— Почему вы это говорите такимъ страннымъ тономъ?—спросилъ онъ.—Я только на шесть мѣсяцевъ старше васъ, но хотѣлъ бы, чтобы разница между нами была въ шесть лѣтъ. Шесть лѣтъ ближе къ забвенію всего...

Снова въ глазахъ незнакомца мелькнуло презрѣніе.—Забвенію?—повторилъ онъ.—А ваши цѣли и стремленія? Чѣмъ занято ваше честолюбіе?

— Оно не существуетъ.

— Не существуетъ? Вѣдь вы представляете вашу родину въ парламентѣ? Къ этому выводу, по крайней мѣрѣ, я пришелъ во время нашей бесѣды въ туманѣ.

Чилькотъ саркастически засмѣялся.

Когда въ теченіе шести лѣтъ приходится возвышать голосъ въ интересахъ своей родины, то въ концѣ концовъ наступаетъ хрипота,—это совершенно естественно.

Тотъ улыбнулся.—Ага!—сказалъ онъ:—недовольство. Модная болѣзнь! Впрочемъ, мнѣ пора дальше. Спокойной ночи. Дадимъ другъ другу руки, чтобы убѣдиться, что мы оба дѣйствительно существа изъ плоти и крови.

Чилькотъ молча слушалъ незнакомца. Самоувѣренность и сильно выраженная индивидуальность незнакомца произвели на него сильное впечатлѣніе. Но когда онъ замолчалъ, Чилькотъ быстро подошелъ къ нему, возбужденный нервнымъ любопытствомъ.

— Неужели мы только увидѣли и окликнули другъ друга, какъ корабли въ ночи,-и потомъ уплывемъ каждый въ свою сторону?—порывисто спросилъ онъ.—Если природа дѣйствовала настолько необдуманно, что свела оригиналъ и копію, то она должна отвѣчать и за послѣдствія.

Незнакомецъ отрывисто засмѣялся.

— Будьте осторожны,—сказалъ онъ.—Наши пути широко расходятся. Вамъ отъ меня будетъ мало прока, а мнѣ...—Онъ остановился и опять отрывисто засмѣялся.—Нѣтъ,—прибавилъ онъ, — я бы на вашемъ мѣстѣ удовольствовался этой единственной встрѣчей—и проѣхалъ бы мимо. Знакомство съ человѣкомъ, не имѣющимъ успѣха въ жизни, не представляетъ никакого интереса. Попрощаемся лучше навсегда и разойдемся.

Онъ подержалъ руку Чилькота въ своей, потомъ сошелъ съ тротуара и направился черезъ улицу къ Стрэнду.

Это все совершилось въ одну секунду. Но въ то время какъ онъ уходилъ, у Чилькота было странное чувство: ему казалось, что онъ что-то потерялъ. Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшительности. Онъ снова ясно ощутилъ непріятную близость чужихъ лицъ и невѣдомыхъ голосовъ. Вдругъ имъ овладѣло другое рѣшеніе: онъ быстро повернулся и бросился вслѣдъ за высокимъ, стройнымъ человѣкомъ, такъ комично похожимъ на него.

Онъ настигъ незнакомца на полпути черезъ Трафальгаръ-Скверъ. Онъ стоялъ на одномъ изъ маленькихъ каменныхъ островковъ, о которые разбивается потокъ уличнаго движенія, и ждалъ возможности перейти черезъ улицу. При яркомъ свѣтѣ фонаря Чилькотъ впервые замѣтилъ, что платье незнакомца, при поразительной аккуратности, было, однако, очень поношенное. При этомъ открытіи онъ почувствовалъ нѣчто болѣе сильное, чѣмъ

только изумленіе. Представленіе о бѣдности какъ будто не вязалось съ самоувѣренностью, сдержанностью и сильной индивидуальностью незнакомца. Съ нѣсколько смущенной торопливостью, Чилькотъ сдѣлалъ шагъ впередъ и коснулся его руки.

— Послушайте,—сказалъ онъ, когда незнакомецъ обернулся къ нему.—Я пошелъ нагнать васъ, чтобы предложить обмѣнъ карточками. Вѣдь никакого вреда отъ этого не произойдетъ ни для одного изъ насъ, а я—я хотѣлъ бы нѣсколько ближе познакомиться съ моимъ вторымъ „я".—Онъ нервно засмѣялся, вынимая свою визитную карточку.

Незнакомецъ молча поглядѣлъ на него. Во взорѣ его опять промелькнуло едва замѣтное недовѣріе, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ отразился и нѣкоторый интересъ; а глаза его переходили отъ пальцевъ Чилькота, нервно вынимавшихъ карточку, къ его блѣдному лицу съ энергичнымъ подбородкомъ, прямымъ ртомъ и нависшими надъ сѣрыми глазами прямыми бровями. Когда, наконецъ, ему протянута была карточка, онъ ее безмолвно взялъ и сунулъ въ карманъ.

Чилькотъ посмотрѣлъ на него съ какой-то жадностью:

— А ваша карточка?—сказалъ онъ.

Незнакомецъ нѣсколько времени не отвѣчалъ, потомъ разсмѣялся.

— Могу вамъ дать, если хотите.—Онъ поискалъ въ жилетномъ карманѣ и далъ карточку.—Вамъ мое имя ничего не скажетъ,—прибавилъ онъ.—Имя неудачника никого не можетъ интересовать.—Онъ опять полу-иронически разсмѣялся, потомъ спустился съ островка и исчезъ въ толпѣ.

Нѣсколько времени еще Чилькотъ смотрѣлъ на мѣсто, съ котораго исчезъ незнакомецъ. Потомъ онъ поднялъ карточку къ фонарю и прочелъ имя:

„М-ръ Джонъ Лодеръ, 13, Клифордсъ-Иннъ".

II.

На утро послѣ этой туманной ночи Чилькотъ проснулся около девяти часовъ, какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда его слуга Ольсопъ прошелъ на кончикахъ пальцевъ черезъ комнату и поставилъ подносъ съ утреннимъ чаемъ на столикѣ у постели.

Нѣсколько минутъ Чилькотъ продолжалъ еще лежать съ закрытыми глазами. Сознаніе необходимости открыть ихъ съ утра,—твердо зная, что именно онъ увидитъ, когда откроетъ ихъ,—да-

вило ему вѣки нестерпимой тяжестью. Тяжелыя спущенныя портьеры, плотно закрытыя ставни, большая комната съ пышной обстановкой и строгимъ сочетаніемъ красокъ, все странное настроеніе туманной лондонской зимы и, главнымъ образомъ, молчаливая, почтительная и почтенная фигура Ольсопа—все это внушало ему полный ужасъ. Онъ пролежалъ еще съ минуту, не подавая виду, что проснулся; онъ видѣлъ, какъ осторожно ступалъ Ольсопъ. Потомъ пришло неизбѣжное:

— Девять часовъ, сэръ!

Онъ открылъ глаза, что-то пробормоталъ и опять опустилъ вѣки.

Слуга подошелъ къ окну, медленно раздвинулъ драпри и раскрылъ наполовину ставни.

— Надѣюсь, сэръ, что вы сегодня лучше спали,—мягко сказалъ онъ.

Чилькотъ натянулъ одѣяло на голову, чтобы защититься отъ дневного свѣта, хотя и очень блѣднаго въ туманное зимнее утро.

— Да, лучше, — отвѣтилъ онъ. — Въ первый разъ меня не душили кошмары.—Онъ вздрогнулъ, вспоминая о прежнихъ ночахъ. — Да не говорите вы лучше объ этомъ, не напоминайте мнѣ! Терпѣть не могу, когда говорятъ все объ одномъ и томъ же!

Онъ сказалъ это очень непривѣтливо. У него часто проявлялась дѣтская раздражительность въ разговорѣ о самыхъ безразличныхъ мелочахъ.

Ольсопъ безмолвно выслушалъ его раздраженный отвѣтъ. Онъ прошелъ черезъ всю комнату и сложилъ въ порядкѣ платье своего господина. Это опять послужило для Чилькота предлогомъ, чтобы разсердиться.

— Да это чортъ знаетъ что такое! — воскликнулъ онъ. — Надоѣло мнѣ это вѣчное повтореніе одного и того же. Я уже ясно представляю себѣ, какъ вы въ день моихъ похоронъ аккуратно приготовите мой саванъ. Бросьте все это и приходите черезъ полчаса!

Ольсопъ пристально поглядѣлъ на лицо Чилькота, почти исчезавшее въ большой кровати. Потомъ онъ отложилъ сюртукъ, который держалъ въ рукахъ, и направился къ двери. Уже взявшись за ручку, онъ еще разъ обернулся.

— Прикажете подать завтракъ сюда, сэръ, или сойдете внизъ?

Чилькотъ натянулъ одѣяло плотнѣе на плечи.

— Гдѣ угодно... нигдѣ!—крикнулъ онъ.—Мнѣ все равно!

Ольсопъ тихо удалился.

Когда Чилькотъ остался наединѣ, онъ сѣлъ въ постели и поставилъ подносъ съ чаемъ на колѣни. Ему, очевидно, было трудно до боли сдѣлать это движеніе. Онъ вынулъ платочекъ изъ-подъ подушки и вытеръ потъ съ лица; потомъ онъ поднялъ руку и, держа ее противъ свѣта, сталъ разглядывать. Рука имѣла вялый видъ и слегка дрожала. Онъ нервнымъ движеніемъ поставилъ подносъ на столъ и соскочилъ съ кровати. Быстро пройдя черезъ комнату, онъ остановился у шкапа въ стѣнѣ и открылъ дверцу. Оглянувшись вокругъ себя, онъ протянулъ руку въ глубину одной изъ полокъ. То, что онъ искалъ, было, очевидно, не трудно найти; онъ сейчасъ же отдернулъ руку, пошелъ отъ шкапа къ столику подлѣ камина и поставилъ на него пузырекъ съ маленькими бѣлыми лепешками. На столѣ стоялъ графинъ съ виски, сифонъ и кувшинъ съ водой. Онъ налилъ въ стаканъ воды, прибавилъ немного виски, откупорилъ пузырекъ, боязливо оглянулся на дверь и потомъ съ нервной торопливостью опустилъ нужное число лепешекъ въ стаканъ.

Пока лекарство растворялось, онъ оперся одной рукой объ столъ и сталъ глядѣть на полъ, очевидно стараясь преодолѣть свое нетерпѣніе. Едва лепешки растворились, какъ онъ уже схватилъ стаканъ и опустошилъ его однимъ глоткомъ. Послѣ того онъ снова спряталъ пузырекъ въ шкапъ и съ легкой дрожью снова скользнулъ въ постель.

Когда Ольсопъ вернулся, Чилькотъ сидѣлъ, опершись на подушки; чашка съ чаемъ стояла пустая на столикѣ, и онъ держалъ во рту папироску. Раздражительность его исчезла. Онъ уже не такъ нервно двигался, глаза его блестѣли и блѣдное лицо имѣло болѣе здоровый видъ.

— Да, да, Ольсопъ,—сказалъ онъ,—бываютъ разныя минуты въ человѣческой жизни... Не все дѣлается, какъ хочешь.

Ольсопъ не сталъ поддерживать этотъ разговоръ и только сказалъ:

— Я приказалъ подать завтракъ въ маленькой столовой, сэръ.

Чилькотъ завтракалъ въ десять часовъ. Аппетитъ его былъ всегда очень слабый, а по утрамъ онъ совсѣмъ ничего не могъ ѣсть. Онъ положилъ немного рыбы себѣ на тарелку, но не дотронулся до нея. Потомъ онъ выпилъ двѣ чашки чая, отодвинулъ стулъ, закурилъ свѣжую папироску и взялъ утреннюю газету. Онъ дважды развернулъ ее, дважды перевернулъ листы. Нерѣшимость сосредоточиться на опредѣленной мысли парали-

зовала его. Дѣйствіе лепешекъ морфія сказывалось въ большей твердости руки и взгляда, въ укрѣпившейся власти надъ обостренной чувствительностью; но результаты были очень незначительны и непродолжительны. То время—шесть лѣтъ тому назадъ,—когда лепешки ободряли его умъ, усиливали ясность пониманія, укрѣпляли равновѣсіе мыслей и дѣйствій,—это время отошло въ прошлое. Съ нимъ случилось то же, что было, по его словамъ, съ Лексингтономъ: и въ его жизни рабъ превратился въ господина.

Когда онъ опять сдѣлалъ усиліе, чтобы, наконецъ, возбудить въ себѣ интересъ къ газетѣ, открылась дверь и вошелъ его секретарь.

— Съ добрымъ утромъ, — сказалъ онъ. — Простите, что я явился такъ рано.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, съ непринужденными манерами и очень живыми глазами. Его почтительность и предупредительность—онъ относился къ Чилькоту, какъ къ человѣку, уже достигнувшему того, къ чему онъ только стремился, — забавляла обыкновенно Чилькота, но иногда и тяготила его.

— Здравствуйте, Блессингтонъ,—сказалъ онъ.—Что опять произошло?

Онъ, по привычкѣ, вздохнулъ и закрылъ лицо рукой, ограждаясь отъ солнечнаго луча, который нежданно проникъ черезъ туманный воздухъ.

Молодой человѣкъ усмѣхнулся.

— Дѣло идетъ о контрактахъ по рубкѣ лѣса, — сказалъ онъ. — Вы обѣщали мнѣ заняться этимъ дѣломъ. Вѣдь вы уже цѣлую недѣлю медлите, а Крэкъ и Бернаджъ слезно молятъ дать отвѣтъ.—Онъ подошелъ къ столу и положилъ бумаги, которыя принесъ, на столикъ подлѣ Чилькота. — Я очень жалѣю, что долженъ васъ побезпокоить,—прибавилъ онъ.—Надѣюсь только, что нервы у васъ сегодня въ порядкѣ.

Чилькотъ перебиралъ бумаги. Когда Блессингтонъ заговорилъ о нервахъ, онъ поглядѣлъ на него съ подозрѣніемъ, но невинное лицо секретаря успокоило его.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — мнѣ лучше. Я вчера вечеромъ успокоилъ нервы бромомъ. Я вѣдь зналъ, что туманъ свалитъ меня съ ногъ, если я не приму мѣръ предосторожности.

— Я очень радъ, что вамъ лучше, хотя все-таки лучше бы не брать брома. Къ нему можно привыкнуть, и это опасно. Что касается того дѣла въ Варкѣ, то хорошо бы заняться имъ теперь, если вы ничего противъ этого не имѣете.

Чилькотъ провелъ рукой по бумагамъ.

— Выходили вы вчера на улицу, Блессингтонъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я ужиналъ съ знакомыми въ „Савой-отелѣ", и мы пропустили часъ тумана. Къ тому же, кажется, онъ былъ очень густой въ отдѣльныхъ мѣстахъ.

— Да, кажется.

Блессингтонъ поправилъ свой изящный галстукъ. Онъ былъ очень учтивъ, но у него было сильно развито чувство долга.

— Простите, м-ръ Чилькотъ, — сказалъ онъ. — Нельзя ли поговорить о контрактѣ. Мнѣ непріятно надоѣдать, но...

— Ахъ, да, контрактъ. — Чилькотъ взглянулъ на него, думая о другомъ. — Кстати, не видали ли вы вчера мою жену? Что она дѣлала вчера вечеромъ?

— Я пилъ чай днемъ у м-ссъ Чилькотъ. Она говорила мнѣ, что будетъ къ обѣду у лэди Сабинетъ, и что до того должна сдѣлать еще нѣсколько визитовъ. — Онъ покосился на бумаги и на неподвижную руку Чилькота.

Чилькотъ засмѣялся.

— Ева, однако, очень любитъ свѣтскую жизнь, — сказалъ онъ. — Я бы не могъ обѣдать у Сабинетовъ, еслибы даже это дало мнѣ постъ премьера. У нихъ ужасный мэтръ-д'отель, какое-то фамильное наслѣдіе. Онъ неимовѣрно толстъ и громко сопитъ. Когда я въ послѣдній разъ у нихъ завтракалъ, меня преслѣдовало потомъ во снѣ воспоминаніе о немъ.

Блессингтонъ весело усмѣхнулся.

— Миссъ Чилькотъ не боится дурныхъ сновъ, — возразилъ онъ. — Но если вы мнѣ позволите замѣтить вамъ...

Чилькотъ забарабанилъ пальцами объ столъ.

— Да, Ева не боится дурныхъ сновъ, — сказалъ онъ. — Въ этомъ пунктѣ мы съ ней не сходимся.

Блессингтонъ старался скрыть свое нетерпѣніе. Онъ нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ на свои сапоги съ остроконечными носками.

— Простите, м-ръ Чилькотъ, я все-таки позволю себѣ напомнить вамъ...

Чилькотъ поднялъ голову недовольнымъ движеніемъ.

— Чортъ возьми, Блессингтонъ! — воскликнулъ онъ. — Неужели меня никогда не оставятъ въ покоѣ? Неужели я не могу сѣсть за столъ безъ того, чтобы мнѣ не подсовывали какую-нибудь работу? Вѣчно работать!.. За послѣднія шесть лѣтъ я ни о чемъ другомъ не слышу, какъ о работѣ. Увѣряю васъ, бываютъ

минуты...—Онъ вдругъ вскочилъ и подошелъ къ окну.—Бываютъ минуты, когда я готовъ былъ бы послать все къ чорту!

Блессингтонъ испугался его горячности и осторожно подошелъ къ нему.

— Но вѣдь не вашу политическую карьеру?

Чилькотъ колебался съ минуту, борясь противъ желанія, которое уже мѣсяцами наполняло его. Ему хотѣлось высказаться, но вопросительное, недовѣрчивое выраженіе на лицѣ Блессингтона леденило его, и онъ опять погрузился въ молчаніе.

— Ну, конечно... я не про это,—пробормоталъ онъ.—Молодые люди слишкомъ торопятся дѣлать заключенія, Блессингтонъ...

— Простите. О томъ, чтобы вы отказались отъ вашего политическаго положенія, я и не думалъ. Помилуйте, всѣ бы эти Рикшо, Вэли, Крешемы, весь промышленный Варкъ васъ бы со свѣту сжилъ, еслибы оказалось нѣчто подобное,—въ особенности теперь, въ виду слуховъ о Персіи. Кстати, какъ по вашему, есть что-нибудь фактическое въ этой хоросанской исторіи? „Saint Georges Gazette“ писала вчера въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ.

Чилькотъ подошелъ снова къ столу. Лицо его было еще совсѣмъ блѣдное отъ пережитаго волненія, и пальцы взволнованно забарабанили по развернутой газетѣ.

— Я не видѣлъ „Saint Georges“, — поспѣшно отвѣтилъ онъ.—Лэкли сейчасъ становится на дыбы, когда рѣчь заходитъ о Россіи. Но придется ли намъ выступить—это вопросъ другой. А что это, почему вы заговорили о Крэкѣ и Бернаджѣ? Вы что-то сказали о договорѣ, кажется?

— Объ этомъ вамъ не стоитъ безпокоиться.—Блессингтонъ замѣтилъ дрожаніе въ углахъ рта и нервную рѣзкость въ голосѣ. — Крэка и Бернаджа я могу урезонить. Если они получатъ отвѣтъ въ четвергъ, то этого совершенно достаточно.—Онъ началъ снова собирать бумаги.

Чилькотъ удержалъ его.

— Подождите минутку,— сказалъ онъ.—Подождите, я сейчасъ просмотрю. Мнѣ всегда становится лучше, когда я дѣлаю какое-нибудь дѣло. Пойдемте въ кабинетъ.

Онъ прошелъ черезъ комнату торопливыми шагами. У дверей онъ остановился.

— Пройдите впередъ, Блессингтонъ,—сказалъ онъ.—А я послѣдую за вами черезъ десять минутъ. Я хочу сначала просмотрѣть газету.

Блессингтонъ поглядѣлъ на него съ недовѣріемъ.

— Вѣдь вы не забудете, не правда ли?

— Нѣтъ, конечно не забуду.

Блессингтонъ, видимо, все еще сомнѣвался, но все-таки вышелъ изъ комнаты и тихо закрылъ за собой дверь. Какъ только Чилькотъ остался одинъ, онъ медленно вернулся къ столу, сѣлъ и пододвинулъ столъ. Глаза его устремились на бѣлую скатерть— утренняя газета лежала нетронутая. Проходило время. Вошелъ слуга и убралъ завтракъ со стола. Чилькотъ слегка двинулся, но затѣмъ продолжалъ сидѣть въ томъ же положеніи. Когда слуга кончилъ свою работу, онъ поправилъ огонь въ каминѣ и вышелъ изъ комнаты. Чилькотъ продолжалъ неподвижно сидѣть.

Понемногу ему становилось не по себѣ; онъ поднялся и перешелъ къ камину. Часы, стоявшіе на каминѣ, какъ бы глядѣли ему прямо въ лицо. Онъ посмотрѣлъ на циферблатъ, вздрогнулъ и вынулъ карманные часы. Стрѣлки на тѣхъ и другихъ часахъ показывали двѣнадцать. Онъ нервно наклонился надъ столомъ и позвонилъ. Появился слуга.

— М-ръ Блессингтонъ въ кабинетѣ? — спросилъ Чилькотъ.

— Пять минутъ тому назадъ онъ еще тамъ былъ.

Чилькотъ облегченно вздохнулъ.

— Хорошо. Такъ пойдите скажите ему, что я ушелъ, что мнѣ нужно было выйти—по важному дѣлу. Поняли?

— Понимаю. Слушаюсь, сэръ.

Не дожидаясь отвѣта слуги, Чилькотъ прошелъ мимо него и вышелъ изъ комнаты.

III.

Выйдя изъ дому, Чилькотъ продолжалъ идти быстро и безъ цѣли. На воздухѣ ему снова ясно вспомнилось приключеніе минувшей ночи. Съ момента пробужденія воспоминаніе это его мучило, и при ясномъ дневномъ свѣтѣ оно представилось его взору съ полной осязательностью. Все случившееся казалось ему мало вѣроятнымъ, но это ничего не мѣняло; фактъ оставался на лицо. Чилькотъ былъ въ томъ же пальто, какъ и наканунѣ, — онъ невольно опустилъ руку въ карманъ и вынулъ карточку вчерашняго незнакомца.

„М-ръ Джонъ Лодеръ". Онъ, идя дальше, повторялъ это имя въ тактъ своимъ шагамъ. Кто этотъ Джонъ Лодеръ? Что онъ такое? Этотъ вопросъ мучилъ его, и онъ безсознательно ускорялъ шаги. Фактъ, что два похожихъ до смѣшного другъ на друга человѣка живутъ въ томъ же городѣ, не зная о суще-

ствованіи другъ друга, казался неразрѣшимой загадкой. Его это положительно мучило. Въ непонятномъ сходствѣ ему чудилась даже какая-то опасность. Онъ началъ жалѣть о настойчивости, съ которой навязалъ свою карточку незнакомцу. Онъ жалѣлъ также, что неосторожно распространился о Лексингтонѣ. При воспоминаніи о томъ, что онъ говорилъ и что могъ бы еще сказать, его бросало въ жаръ и въ холодъ. Наконецъ, онъ остановился впервые послѣ того, какъ вышелъ и оглянулся вокругъ себя.

Выйдя изъ дому на Гровноръ-Сквэрѣ, онъ шелъ по направленію къ западу и быстро дошелъ до Марбль-Арчъ. Не обращая вниманія на окружающее, онъ пошелъ по Эджверъ-Роду и попалъ въ лабиринтъ мелкихъ улицъ за Падингтономъ. И тогда только онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, какъ далеко зашелъ. Сырые обрывки тумана висѣли еще съ минувшей ночи, какъ липкая завѣса, на выступахъ домовъ. Ничто не нарушало однообразной окраски, нигдѣ не видно было никакой зелени, все было спокойно, уродливо, запущено. Но на Чилькота убогость улицъ производила успокаивающее впечатлѣніе. Среди этихъ жалкихъ домовъ, среди пѣшеходовъ, занятыхъ каждый своимъ дѣломъ, онъ чувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Если человѣкъ остановится на фешёнэбельныхъ улицахъ, занятый своими мыслями, на него тотчасъ же обратится множество наглыхъ, пытливыхъ взоровъ. А тутъ можно было стоять хоть цѣлыхъ полчаса, и никто не обращалъ вниманія. Обрадованный этимъ, Чилькотъ пробродилъ еще цѣлый часъ, переходя съ улицы на улицу то медленными, то ускоренными шагами,—смотря по ходу мыслей. Наконецъ, онъ прервалъ это блужданіе и зашелъ въ маленькій ресторанъ.

Помѣщеніе было низкое и грязное, въ воздухѣ было душно и чадно—пахло плохо приготовленной пищей. Чилькотъ вошелъ туда безъ малѣйшаго отвращенія и безъ скрытой осмотрительности, съ которой входилъ обыкновенно къ себѣ домой. Страннымъ образомъ онъ чувствовалъ себя свободнѣе въ этой чуждой мелкой обстановкѣ, чѣмъ въ собственномъ кругу, гдѣ на немъ тяготѣло столько обязанностей. Онъ выбралъ мѣсто въ углу и заказалъ кофе; спрятавшись въ полу-тьмѣ, весь окутанный облаками дыма, онъ сидѣлъ и казался самому себѣ блуждающей безличной частичкой бытія, освобожденной отъ оковъ и безцѣльно несущейся въ блаженной безсознательности. Ему было отрадно это созданіе его фантазіи,—но оно не долго длилось. Въ послѣднее время онъ страдалъ отъ мучительной нерѣшительности

во всѣхъ поступкахъ и цѣляхъ, отъ невозможности сдѣлать какое-либо напряженіе, и чувствовалъ отвращеніе отъ малѣйшаго усилія. Онъ даже не могъ закурить второй папироски,—прежнее безпокойство снова имъ овладѣло, и онъ сталъ нервно двигаться на стулѣ. Черезъ пять минутъ, онъ поднялся, заплатилъ по маленькому счету и вышелъ.

На улицѣ онъ остановился и вынулъ часы, — у него было еще три часа передъ условленнымъ дѣловымъ свиданіемъ. Онъ подумалъ о томъ, какъ употребить эти три часа. За послѣднія пять минутъ онъ опять сталъ бояться одиночества; пустынныя улицы стали пугать его своей безотрадной пустотой, которой онъ до того совершенно не замѣчалъ.

Въ то время какъ онъ еще нерѣшительно обдумывалъ, что предпринять, медленно проѣхалъ мимо него по улицѣ пустой кэбъ. Видъ изящно одѣтаго господина привлекъ вниманіе кучера на Чилькота. Онъ подъѣхалъ ближе и сталъ замедлять ходъ. Появленіе кэба невольно вызвало у него въ воображеніи представленіе объ элегантной жизни. Мысли его съ быстротой молніи направились по другому направленію, и онъ поднялъ руку. Кэбъ остановился; онъ сѣлъ въ каретку.

— Куда прикажете?—спросилъ кучеръ.

— Все равно,—отвѣтилъ Чилькотъ,—куда-нибудь къ Пэль-Мэлю. — Когда лошадь двинулась, онъ крикнулъ черезъ окошечко: — Подождите, я передумалъ. Поѣзжайте на Кадоганъ-Гарденсъ, 33.

Они быстро доѣхали до Кадоганъ-Гарденсъ, и Чилькотъ едва успѣлъ опомниться, какъ кэбъ уже остановился. Онъ соскочилъ, заплатилъ за проѣздъ и быстро прошелъ въ домъ.

— Лэди Аструпъ дома? — спросилъ онъ, когда открылась дверь.

Лакей почтительно отступилъ и сказалъ:

— Милэди только-что кончила лёнчъ.

Чилькотъ ничего не отвѣтилъ и вошелъ въ переднюю. Остановившись посреди комнаты, онъ сказалъ:

— Не безпокойте милэди. Я подожду ее въ бѣлой комнатѣ.

Не обращая болѣе вниманія на лакея, онъ поднялся по лѣстницѣ.

Въ комнатѣ, гдѣ онъ ждалъ, горѣли дрова въ каминѣ. Огонь вносилъ уютность въ атмосферу январьскаго дня и бросалъ мягкіе красочные отсвѣты на тяжелыя бѣлыя драпировки, позолоченную мебель и венеціанскія вазы, полныя бѣлыхъ розъ. Онъ подошелъ

къ самому камину и подержалъ руки надъ огнемъ. Потомъ онъ опять забезпокоился, сталъ чувствовать обычное тревожное состояніе, обернулся и подошелъ къ дивану, стоявшему неподалеку отъ огня. На диванѣ—между прозрачнымъ хрустальнымъ шаромъ и раскрытымъ романомъ—лежала въ глубокомъ снѣ персидская кошка. Чилькотъ поднялъ кверху тонко граненый шаръ и подержалъ его противъ огня. Потомъ онъ тихо засмѣялся, бросилъ шаръ на прежнее мѣсто и схватилъ кошку за хвостъ. Кошка проснулась, потянулась и стала мурлыкать. Въ эту минуту открылась дверь комнаты. Чилькотъ обернулся.

— Я вѣдь сказалъ, чтобы тебя не безпокоили, — сказалъ онъ.—Ты навѣрное на меня въ претензіи?

Онъ сказалъ это съ легкимъ оттѣнкомъ раздраженности, которая часто примѣшивалась къ его словамъ. Лэди Аструпъ взяла его за руку ласковымъ движеніемъ и улыбнулась.

— Ничуть я не въ претензіи, что̀ ты!—медленно отвѣтила она пѣвучимъ тономъ и потомъ снова улыбнулась. Зоркій наблюдатель подмѣтилъ бы нѣкоторую искусственность въ этой улыбкѣ. Но развѣ у такого человѣка, какъ Чилькотъ, остается время и способность къ наблюденіямъ, когда дѣло идетъ о женщинахъ! Внѣшность улыбки была привѣтливая, и этого было довольно.

— Что̀ ты все это время дѣлалъ?—спросила она погодя.—Я уже думала, что ты меня совсѣмъ забылъ.—Она подошла къ дивану, взяла кошку на руки и поцѣловала ее:—Ну, не очаровательное ли созданіе?—сказала она.

Лэди Аструпъ очень граціозно повернулась къ Чилькоту съ кошкой на рукахъ. Ей было двадцать-семь лѣтъ, и она все еще имѣла видъ молодой дѣвушки. Линіи лица были очень чистыя, блѣдно-золотистый отливъ волосъ придавалъ воздушность лицу, и ея стройная фигура была необыкновенно молода и гибка. На ней было блѣдно-желтоватое платье, которое очень гармонировало съ ея нѣжнымъ цвѣтомъ лица.

— Ну, а теперь садись и отдохни—или, если хочешь, ходи по комнатѣ. Мнѣ все равно.—Она сѣла на диванъ и взяла въ руки стеклянный шаръ.

— Это что̀ за новая игрушка? Къ чему она?—Чилькотъ поглядѣлъ на нее, стоя у камина, къ которому онъ прислонился. Ему самому не было ясно, чѣмъ собственно привлекала его Лиліанъ Аструпъ. Ея поверхностность успокаивала его, ея непослѣдовательный эгоизмъ помогалъ ему забывать о себѣ. Она никогда не справлялась о томъ, что̀ съ нимъ дѣлается. Она ни-

когда не ждала ничего невозможнаго. Она предоставляла ему приходить, уходить, дѣлать что ему угодно, и никогда не спрашивала о причинахъ и цѣляхъ. Она была обаятельна, граціозна, игрива какъ кошка;—то, что она можетъ злиться, царапаться, тоже какъ кошка, не стѣсняло Чилькота. Иногда онъ выражалъ неопредѣленную зависть къ покойному лорду Аструпу. Но едва ли, еслибы даже обстоятельства это дозволяли, рѣшился бы онъ стать его преемникомъ. Лиліанъ была очаровательной подругой, но годилась ли она въ жены—былъ другой вопросъ.

— Что это за игрушка?—спросилъ онъ опять.

Она медленно подняла на него глаза.

— Какой ты противный, Джонни! Вѣдь это моя новѣйшая страсть.

Ея обаяніе заключалось, между прочимъ, и въ томъ, что она не могла жить безъ какой-нибудь игрушки или „страсти". Каждый новый капризъ вытѣснялъ старый, но къ каждому она относилась сначала съ очаровательнымъ неискреннимъ увлеченіемъ, съ той же преувеличенной восторженностью. Все это было, конечно, напускное,—но она такъ очаровательно позировала, что никто не могъ на нее сердиться за это.

— Не смѣйся,—протестовала она, опустивъ кошку на землю.—Я брала уроки—по пяти фунтовъ стерлинговъ за часъ—и у очаровательнаго человѣка — профессіональнаго учителя. Я была очень усердной ученицей. Конечно, ничего кромѣ неопредѣленныхъ туманныхъ явленій я пока еще не видѣла, но самое главное—именно видѣть неопредѣленное. Остальное придетъ само собой. Я попрошу Бланшъ, чтобы она позволила мнѣ придти въ костюмѣ гадалки на ея большой праздникъ въ мартѣ,—я тогда буду предсказывать судьбу даже всѣмъ вамъ, скучнымъ политикамъ.

Чилькотъ засмѣялся.

— А какъ же это дѣлается?—спросилъ онъ.

— Ахъ, это очаровательно! Садятся за столъ и ставятъ вотъ этотъ стеклянный шаръ передъ собой,—объясняла она, смѣясь.—Потомъ берутъ руки объекта, кладутъ ихъ на столъ и, мягко гладя ихъ, глядятъ на шаръ. Такъ устанавливается „симпатическій токъ".—Она взглянула на него съ неподражаемо невиннымъ видомъ.—Показать тебѣ?

Чилькотъ пододвинулъ столикъ къ дивану и положилъ на него руки ладонями внизъ.

— Такъ, что-ли?—спросилъ онъ.

Но вдругъ онъ почувствовалъ какую-то глупую нервность и снялъ руки со стола.

— Мы въ другой разъ это попробуемъ, — быстро сказалъ онъ. — Ты мнѣ покажешь какъ-нибудь. Сегодня я не расположенъ...

Если даже Лиліанъ и почувствовала нѣкоторое разочарованіе, она этого по крайней мѣрѣ не высказала.

— Бѣдненькій! — мягко сказала она. — Сядь подлѣ меня, — незачѣмъ печалиться. — Она указала ему на мѣсто подлѣ себя, и когда онъ тяжело опустился на диванъ, взяла его руку и нѣжно погладила ее. Ея прикосновеніе подѣйствовало на него успокаивающимъ образомъ, и онъ не отнималъ руки. Потомъ она вдругъ отняла руку и воскликнула съ легкимъ упрекомъ въ тонѣ:

— Ты прямо возмутительный человѣкъ — у тебя уже нѣтъ „маникюра". Гдѣ же результаты моего воспитанія?

Чилькотъ засмѣялся.

— Все забыто, — сказалъ онъ легкимъ тономъ. Но потомъ выраженіе лица и тонъ его голоса измѣнились. — Для человѣка въ моемъ возрастѣ, — сказалъ онъ, — роскошь не имѣетъ цѣны. Приходится считаться только съ общественными обязательствами. Я лично завидую нищему на улицѣ, — ему не нужно бриться, не нужно мыться.

Лиліанъ высоко подняла брови. Такія чувства превышали ея пониманіе.

— Уходъ за ногтями вѣдь дѣло другое, — сказала она съ упрекомъ. — Въ особенности, когда у человѣка такія красивыя руки. Твои руки и твои глаза прежде всего покорили меня, ты вѣдь самъ знаешь. — Она мягко вздохнула, предаваясь нѣжному воспоминанію. — Мнѣ казалось такимъ характернымъ, что ты не носишь колецъ, — вѣдь соблазнъ былъ такой близкій. Она взглянула на свои собственные пальцы, сверкавшіе драгоцѣнными камнями.

Мимолетное пріятное дѣйствіе отъ ея прикосновенія прошло. Чилькотъ отдернулъ руку и взялъ книгу, которая лежала между ними.

— „Подъ фальшивымъ флагомъ", — прочелъ онъ. — Конечно, романъ?

— Конечно, — отвѣтила она, улыбаясь. — Очень увлекательная исторія: два человѣка, которые мѣняются своими личностями.

Чилькотъ поднялся и перешелъ опять къ камину.

— Мѣняются личностями? — спросилъ онъ съ интересомъ.

— Да. Одинъ — художникъ, другой — милліонеръ. Одному хотѣлось бы испытать ощущеніе славы, а другому — ощущеніе огромнаго богатства. И они на мѣсяцъ обмѣнялись ролями. — Она засмѣялась.

Чилькотъ тоже засмѣялся.

— Какъ же они это устроили?—спросилъ онъ.

— Да я же говорю, что замыселъ нелѣпъ. Представь себѣ, что два человѣка такъ похожи другъ на друга, что ни друзья, ни прислуга не замѣчаютъ подмѣна. Вѣдь это невозможно.

Чилькотъ устремилъ глаза въ огонь.

— Да,—сказалъ онъ медленно.—Да... это кажется невозможнымъ.

— Конечно, невозможно. Бываютъ сходства, но ужъ не такія нелѣпыя.

Пока она говорила, Чилькотъ сидѣлъ, опустивъ голову; но при послѣднихъ словахъ онъ поднялъ глаза.

— Знаешь, однако,—сказалъ онъ,—я бы все-таки не сталъ такъ увѣренно утверждать это. Еще недавно я видѣлъ двухъ людей, до того похожихъ другъ на друга, что я... Ты, кажется, не вѣришь?—спросилъ онъ, видя, что Лиліанъ улыбается.—Ты думаешь, что это была игра моей фантазіи?

— Да нѣтъ же, милый, вовсе я этого не думаю. Садись и разскажи мнѣ всю эту исторію.—Она снова улыбнулась и указала на диванъ привѣтливымъ жестомъ.

Духовное равновѣсіе Чилькота пошатнулось... Въ первый разъ онъ почувствовалъ, что Лиліанъ принадлежитъ къ той недовѣрчивой, наблюдательной толпѣ, которой онъ всегда остерегался. Подъ гнетомъ этого впечатлѣнія, онъ быстро направился къ двери.

— Мнѣ нужно въ парламентъ, — сказалъ онъ.— Я опять зайду—когда буду въ лучшемъ настроеніи. Я знаю, что я сегодня несносенъ. Ты вѣдь знаешь—мои нервы.—Онъ подошелъ къ дивану и взялъ ее за руку, потомъ прикоснулся на минуту къ ея щекѣ рукой.—До свиданья,—сказалъ онъ.—Всего хорошаго тебѣ—и твоей кошкѣ.—Эти слова онъ прибавилъ шутливо, уже на порогѣ.

Къ вечеру нервное раздраженіе Чилькота дошло до высшей точки. Цѣлый день онъ съ величайшимъ усиліемъ сдерживался, чтобы не разразиться нервнымъ припадкомъ; но когда онъ очутился въ зимнихъ сумеркахъ въ палатѣ общинъ, на скамьѣ оппозиціи, то почувствовалъ, что сила сопротивленія въ немъ угасаетъ, что онъ уже не можетъ бороться съ собой. Опасенія его оправдались въ тотъ же вечеръ, когда пришелъ моментъ выступить съ интерпеляціей противъ правительства, въ связи съ устройствомъ новыхъ доковъ и съ бюджетомъ морского министерства.

Тогда онъ въ первый разъ убѣдился, что муки, испытанныя имъ за послѣдніе мѣсяцы, привели къ наружнымъ, также какъ и скрытымъ явленіямъ разрушенія, что ему грозитъ невозможность продолжать свои профессіональныя занятія, что сила воли въ немъ разбита и характеръ испорченъ.

Это потрясающее для него открытіе явилось совершенно неожиданнымъ. Въ сумерки онъ еще былъ сравнительно спокоенъ, и нервность его выражалась только въ томъ, что онъ часто поправлялъ воротникъ или мѣнялъ положеніе. Но когда залу освѣтили, и онъ откинулся на своемъ сидѣньи съ закрытыми глазами, то имъ овладѣло мучительное сознаніе, что онъ сквозь закрытыя вѣки видитъ лица на противоположной сторонѣ палаты, что онъ ясно отличаетъ рядъ заспанныхъ, сочувственныхъ наблюдательныхъ глазъ. Такого ощущенія онъ никогда прежде не испытывалъ, но теперь оно всецѣло овладѣло имъ. Ему казалось, что эти взоры прямо проникаютъ вглубь его глазъ; отъ страха у него выступилъ холодный потъ на лбу. Въ эту минуту какъ разъ лидеръ его партіи, Фрэдъ, обернулся къ нему, перегнулся черезъ спинку его сидѣнья и коснулся его колѣнъ. Чилькотъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

— Кажется... я... задремалъ?—смущенно сказалъ онъ.

Фрэдъ улыбнулся сухой любезной улыбкой.

— Это печальное признаніе для члена оппозиціи,—сказалъ онъ. — Я хотѣлъ съ вами видѣться уже утромъ, Чилькотъ. По моему, за этимъ персидскимъ инцидентомъ все-таки что-то кроется. Вамъ, крупнымъ коммерсантамъ, нужно не зѣвать.

Чилькотъ пожалъ плечами.

— Это дѣло спорное,—сказалъ онъ. — Я не вѣрю, что это серьезно. Лэкли поднесъ спичку къ пороховой бочкѣ, но получился только небольшой трескъ и много дыма.

Фрэдъ не улыбался.

— А каково настроеніе въ Варкѣ?—спросилъ онъ.

— Въ Варкѣ?—не знаю, право. За послѣднюю недѣлю я не знаю, что тамъ дѣлается. У меня столько личныхъ дѣлъ и заботъ...

Онъ чувствовалъ себя неловко отъ пытливыхъ вопросовъ своего властнаго единомышленника. Фрэдъ открылъ было ротъ, какъ бы собираясь отвѣчать, потомъ снова стиснулъ губы съ сдержаннымъ достоинствомъ и отвернулся. Чилькотъ откинулся назадъ на сидѣньи и незамѣтно провелъ рукой по лбу. Всѣ его мысли сосредоточены были на одномъ предметѣ,—и этимъ предметомъ былъ онъ самъ. Взглядъ его направился черезъ весь

густо заполненный освѣщенный залъ до стеклянныхъ дверей; онъ посмотрѣлъ на своихъ коллегъ, которые сидѣли одни съ равнодушными, другіе съ внимательными лицами. Потомъ пальцы его незамѣтно скользнули въ жилетный карманъ. Обыкновенно онъ бралъ лепешки съ морфіемъ съ собой, но сегодня онъ ихъ забылъ дома. Онъ это зналъ, и все-таки продолжалъ искать, чувствуя физическое недомоганіе во всемъ тѣлѣ отъ потребности привычнаго лекарства. Онъ былъ совершенно равнодушенъ ко всему, что происходило вокругъ него, и безсознательно приподнялся на половину со своего мѣста. Господинъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, поднялъ глаза.

— Не уходите, Чилькотъ,—сказалъ онъ. — Рефордъ скоро закончитъ свою болтовню.

Чилькотъ сѣлъ на свое мѣсто съ чувствомъ облегченія. Очевидно, на лицѣ его незамѣтны были слѣды его сильнаго внутренняго разстройства. Рефордъ сѣлъ на мѣсто. Послѣдовала обычная пауза и затѣмъ движеніе. Потомъ поднялся Визъ, депутатъ отъ Сальчестера.

При первыхъ словахъ оратора, Чилькотъ сталъ опять искать рукой въ жилетномъ карманѣ, и опять глаза его устремились къ входной двери. Но передъ нимъ стоялъ, высоко выпрямившись, Фрэдъ, и онъ не двигался поэтому съ мѣста.

Онъ съ величайшимъ усиліемъ вынулъ свои замѣтки и сталъ нервно разглаживать ихъ. Но какъ онъ ни вглядывался въ листы, исписанные яснымъ почеркомъ Блессингтона, онъ не могъ сообразить, что тамъ написано. Онъ взглянулъ въ лицо предсѣдателя, затѣмъ на лица сидѣвшихъ на министерской скамьѣ, потомъ снова откинулся назадъ. Его сосѣдъ замѣтилъ это движеніе.

— Собираетесь съ силами для рѣчи?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—торопливо отвѣтилъ Чилькотъ, — я просто чувствую себя очень скверно. Уже давно мнѣ не было такъ плохо.

Сосѣдъ внимательно посмотрѣлъ на него.—Здоровье не въ порядкѣ?—спросилъ онъ. Признанія со стороны Чилькота были большой неожиданностью.

— Нѣтъ, но эта постоянная каторжная работа—проклятая долбежка... Въ то время какъ онъ говорилъ, у него вдругъ упали силы. Онъ забылъ своего сосѣда, свое парламентское положеніе—все, кромѣ мучительной потребности, переполнявшей его тѣло и душу. Онъ едва сознавалъ, что дѣлаетъ, когда поднялся, наклонился и прошепталъ что-то на ухо Фрэду. Фрэдъ обернулся къ

нему съ пытливымъ испуганнымъ видомъ, и нѣсколько разъ утвердительно кивнулъ головой. Чрезъ минуту Чилькотъ удалился съ своего мѣста неспокойными, нервными шагами. По дорогѣ съ нимъ заговаривали два-три человѣка, но онъ почти невѣжливо отстранилъ ихъ, направился къ выходу и подозвалъ кэбъ. Поѣздка на Гровноръ-Сквэръ была ужасна. Онъ все время пересаживался съ одного угла коляски въ другой. Острыя внутреннія муки усиливались съ каждой минутой промедленія, отъ каждаго движенія. Наконецъ, онъ вышелъ изъ кэба, подъѣхавъ къ дому, сошелъ, чувствуя страшную слабость во всѣхъ членахъ, быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и прошелъ въ свои комнаты. Онъ осторожно открылъ дверь въ спальню и зорко оглядѣлся. Свѣтъ былъ зажженъ, но комната была пуста. Съ нервнымъ возбужденіемъ, которое онъ съ трудомъ могъ превозмочь, онъ вошелъ и заперъ за собой дверь. Потомъ онъ кинулся къ стѣнному шкапу, открылъ его и взялъ съ полки пузырекъ съ лепешками. Руки его дрожали, когда онъ ставилъ пузырекъ на столъ. Мука цѣлаго дня, ужасъ послѣднихъ часовъ и конечная катастрофа—все это теперь рвалось наружу. Онъ распустилъ бо́льшую дозу морфія, чѣмъ когда-либо, быстро осушилъ стаканъ, прошелъ наискось черезъ комнату и бросился въ платьѣ на постель.

IV.

Для тѣхъ, кто живетъ въ Вэстъ-Эндѣ, Флитъ-Стритъ—пустое имя, также какъ Клифордсъ-Иннъ. И все же Клифордсъ-Иннъ примыкаетъ къ зданію суда, скрываясь въ его глубокой тѣни, какъ могила у стѣны сельскаго кладбища: такая же зеленая трава, такіе же сѣрые камни и такъ же неслышно замираютъ шаги прохожихъ.

Противъ обведеннаго рѣшеткой зеленаго садика внутри двора стоялъ домъ, въ которомъ жилъ Джонъ Лодеръ. На первый взглядъ, зданіе производило пустынное впечатлѣніе дома, занятаго только конторами, и гдѣ жизнь существуетъ только въ дневные часы. Но когда спускалась ночь, зажигались огоньки, то въ одномъ этажѣ, то гдѣ-нибудь въ другомъ,—какъ маяки трудовыхъ существованій, подающихъ другъ другу сигналы. Комнаты, въ которыхъ жилъ Джонъ Лодеръ, были въ верхнемъ этажѣ. Изъ оконъ можно было съ философскимъ спокойствіемъ глядѣть внизъ, на верхушки деревьевъ, забывая про разбитую мостовую и разваливающуюся рѣшетку сквэра. На двери висѣла дощечка

съ его именемъ, но она выцвѣла отъ времени, и буквы стали тѣнями самихъ себя. Весь домъ съ его пустыми стѣнами и темными лѣстницами производилъ печальное, безотрадное впечатлѣніе.

Но при входѣ во внутрь непріятное впечатлѣніе значительно смягчалось. Помѣщеніе направо въ концѣ узкаго корридора было не слишкомъ маленькое, но очень низкое. Цвѣтъ стѣны, какъ и дощечки на двери, былъ грязный, полъ былъ голый, безъ ковра. Посреди комнаты стоялъ прекрасный старый столъ изъ временъ Кромвеля; на простыхъ полкахъ и на каминѣ стояло нѣсколько очень цѣнныхъ книгъ—большей частью политическаго и историческаго содержанія. На окнахъ не было занавѣсей; на столѣ стояла обыкновенная рабочая лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Видно было, что тутъ живетъ человѣкъ, у котораго мало привязанности къ вещамъ и еще меньше радостей въ жизни, человѣкъ, который существуетъ потому, что онъ живъ, и который работаетъ потому, что онъ долженъ работать.

На третій вечеръ послѣ туманной ночи, Джонъ Лодеръ сидѣлъ у письменнаго стола при свѣтѣ лампы подъ зеленымъ абажуромъ. На среднемъ столѣ стояли остатки скромнаго ужина; въ каминѣ горѣлъ небольшой огонь.

Послѣ того, какъ Лодеръ писалъ часа два, онъ отодвинулъ стулъ и выпрямилъ окоченѣлые пальцы. Потомъ онъ зѣвнулъ, поднялся и медленно прошелся по комнатѣ. Подойдя къ камину, онъ взялъ трубку, положенную тамъ, и немного табаку изъ ящика, стоявшаго за книгами. Лицо его было усталое и разстроенное, какъ часто у людей, которые долго работали надъ чѣмъ-нибудь, совершенно чуждымъ имъ по духу. Онъ растеръ табакъ въ рукахъ, медленно набилъ трубку и закурилъ. Въ эту минуту вниманіе его было возбуждено шагами, гулко раздававшимися по лѣстницѣ безъ ковра. Онъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться.

Шаги остановились. Онъ слышалъ, какъ кто-то зажегъ спичку. Посѣтитель, очевидно, не былъ знакомъ съ домомъ. Потомъ его шаги снова зашаркали и остановились передъ дверью Лодера. На лицѣ Лодера выразилось величайшее изумленіе, и онъ отложилъ трубку. Когда незнакомецъ постучалъ, онъ спокойно прошелъ черезъ комнату и отворилъ ему дверь. Въ корридорѣ было темно, и посѣтитель невольно отступилъ, увидавъ яркій свѣтъ въ комнатѣ.

— Мистеръ Лодеръ?—спросилъ онъ. Потомъ онъ вдругъ смущенно улыбнулся, точно извиняясь.—Простите,—сказалъ онъ.—Свѣтъ меня слегка ослѣпилъ. Я не сразу увидѣлъ, что это вы.

Лодеръ, вопреки своей обычной несообразительности, сразу узналъ голосъ своего страннаго знакомаго, встрѣченнаго въ туманную ночь.

— Ахъ, такъ это вы! — сказалъ онъ. — Пожалуйте. — Голосъ его звучалъ холодно. Его, видимо, удивляло, что снова воскресло полузабытое событіе. И удивленіе его было, повидимому, не изъ пріятныхъ. Онъ медленно подошелъ къ камину, и гость его послѣдовалъ за нимъ.

Пришедшій имѣлъ нервный, возбужденный видъ. — Простите, что я являюсь въ неподходящій часъ, — сказалъ онъ. — Но мое время не принадлежитъ исключительно мнѣ самому.

Лодеръ сдѣлалъ успокаивающее движеніе рукой. — Да кто господинъ своего времени? — спросилъ онъ. Это замѣчаніе придавало бодрости Чилькоту, и онъ тоже приблизился къ огню. До этой минуты онъ избѣгалъ глядѣть Лодеру въ лицо. Но теперь онъ поднялъ глаза, и опять — какъ онъ ни былъ подготовленъ — отшатнулся при видѣ необычайнаго сходства. Тутъ, въ бѣдно обставленной и плохо освѣщенной комнатѣ, сходство казалось еще болѣе удивительнымъ, чѣмъ въ таинственномъ покровѣ туманной ночи.

— Я прошу прощенія, — сказалъ онъ. — Мое ощущеніе чисто физическое, — я невольно выражаю свое изумленіе.

Лодеръ усмѣхнулся. Легкое неуваженіе, которое Чилькотъ вызвалъ у него при первой встрѣчѣ, теперь еще усилилось, и къ нему присоединилось другое ощущеніе, несовсѣмъ для него ясное. Этотъ человѣкъ производилъ впечатлѣніе такой слабости, такого непостоянства, — а между тѣмъ онъ былъ странной карикатурой его собственнаго „я".

— Сходство, дѣйствительно, поражающее, — сказалъ онъ. — Но все же нечего терять изъ-за него душевное равновѣсіе. Подойдите ближе къ огню. Что васъ привело сюда? Любопытство?

У камина стояло деревянное кресло. Онъ жестомъ указалъ на него, и потомъ снова взялъ въ руку дымящуюся трубку. Чилькотъ исподтишка смотрѣлъ на него и сѣлъ на указанное мѣсто.

— Сходство необычайное, — сказалъ онъ, точно не будучи въ состояніи разстаться съ этой мыслью.

Лодеръ оглянулся.

— Да, это очень бросается въ глаза, — сказалъ онъ, и прибавилъ другимъ тономъ: — Не хотите ли курить?

Чилькотъ сталъ вынимать папироску, но Лодеръ предупредилъ его и, взявъ ящикъ съ камина, протянулъ ему.

— Это единственная роскошь, которую я себѣ позволяю,— насмѣшливо сказалъ онъ.—Мои средства позволяютъ мнѣ только одну какую-нибудь прихоть, и я, кажется, сдѣлалъ мудрый выборъ. Это вѣдь единственный порокъ, который не обходится слишкомъ дорого.—Онъ пытливо взглянулъ на лицо, такъ комично похожее на его собственное, зажегъ свернутую бумажку и передалъ ее своему посѣтителю. Чилькотъ погладилъ свою папироску и нагнулся впередъ. При свѣтѣ горящей бумаги черты его имѣли напряженный и выжидающій видъ. Но Лодеръ замѣтилъ, что губы его не вздрогнули, какъ въ первый разъ, когда онъ ему предложилъ огонь для папироски.

— Что вы хотите выпить? Или, лучше сказать, не хотите ли стаканъ виски? — спросилъ онъ. — Ничего другого у меня нѣтъ. Роскошь гостепріимства мнѣ, къ несчастію, недоступна.

— Я рѣдко пью,—отвѣтилъ Чилькотъ, покачавъ головой.— Но вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь изъ-за меня.

— Я выпиваю разъ въ сутки что-нибудь,—обыкновенно въ два часа ночи, когда заканчиваю работу. Одинокій человѣкъ долженъ слѣдить за собой.

— Вы работаете до двухъ часовъ?

— До двухъ,—иногда и до трехъ.

Чилькотъ взглянулъ въ сторону письменнаго стола.

— Пишете?—спросилъ онъ.

Лодеръ утвердительно кивнулъ головой.

— Книги?—спросилъ Чилькотъ, и голосъ его слегка дрогнулъ отъ ожиданія.

Лодеръ горько засмѣялся.

— Нѣтъ, не книги,—сказалъ онъ.

Чилькотъ откинулся въ креслѣ и провелъ рукой по лбу. Онъ едва могъ скрыть радость, вызванную словами Лодера.

— Въ чемъ же заключается ваша работа?

Лодеръ отвернулся.

— Не спрашивайте,—коротко сказалъ онъ.—Когда у человѣка есть одна только способность, и эту способность не въ чемъ проявить, то все остальное ни къ чему не ведетъ. Я обрабатываю чужое поле: тяжелый трудъ и малое вознагражденіе.

Онъ стоялъ спиной къ огню и смотрѣлъ своему посѣтителю прямо въ лицо; въ его манерѣ держаться была странная смѣсь гордости, упрямства и безнадежности.

Чилькотъ опять нагнулся нѣсколько впередъ.

— Почему вы говорите о себѣ въ такихъ выраженіяхъ? Вѣдь

вы человѣкъ образованный и воспитанный? — Онъ предлагалъ эти вопросы, напряженно ожидая отвѣта.

— Что значитъ образованность и воспитаніе?—спросилъ Лодеръ со смѣхомъ.—Этимъ въ Лондонѣ мостовыя мостить можно. Что значитъ хорошее воспитаніе? Придворное платье, которое требуется при представленіи королю,—парикъ и мантія для адвоката. Но развѣ парикъ и мантія всегда означаютъ знаніе дѣла? Развѣ придворное платье обозначаетъ и королевскую милость? Нѣтъ, воспитаніе и образованіе не играютъ никакой роли. Все дѣло—въ благопріятныхъ условіяхъ. Вы бы должны были это знать.

Чилькотъ неспокойно задвигался въ креслѣ.

— Сколько горечи въ вашихъ словахъ!—сказалъ онъ.

Лодеръ поднялъ глаза.

— Гораздо больше горечи въ моихъ мысляхъ,—и это хуже. Я одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые ждали денегъ, и потому не выбрали никакой профессіи, не избрали себѣ даже какого-нибудь занятія...; у нихъ поэтому нѣтъ ничего, за что можно было бы ухватиться при караблекрушеніи,—ихъ теченіе неминуемо выгоняетъ въ открытое море. Я вѣдь васъ ночью предупреждалъ, что не слѣдуетъ направлять корабль въ мою сторону; я—разбитый корабль, который носится по волнамъ.

У Чилькота вспыхнули глаза.

— Вамъ, кажется, плохо пришлось отъ людей?—спросилъ онъ.—Проигрались вы въ сношеніяхъ съ другими?

— Другіе играли. Я только пострадалъ отъ результатовъ чужой игры.

— И очень?

— Вмѣсто восьмидесяти тысячъ фунтовъ, у меня осталось около восьмисотъ.

— И какъ же вы съ этимъ примирились?—невольно спросилъ Чилькотъ.

— Мнѣ было тогда двадцать-пять лѣтъ, я былъ полонъ надеждъ и очень самонадѣянъ. Но въ жизни нѣтъ мѣста ни для того, ни для другого.

— А ваша семья?

— Моего послѣдняго родственника я потерялъ одновременно съ моимъ состояніемъ.

— А ваши друзья?

Лодеръ отложилъ трубку.

— Я вѣдь уже говорилъ — мнѣ было тогда двадцать-пять лѣтъ. Вѣдь это все объясняетъ. Я никогда не думалъ о томъ,

что будетъ,—не вѣрилъ, что перемѣна денежныхъ обстоятельствъ можетъ измѣнить мою жизнь. Словомъ, мнѣ было двадцать-пять лѣтъ. — Онъ улыбнулся. — Когда выяснилось мое положеніе, я продалъ все, оставивъ себѣ только столъ и нѣсколько книгъ. Я надѣлъ простое платье и отпустилъ бороду. Потомъ я положилъ весь мой капиталъ въ карманъ и повернулъ спину Англіи, ни съ кѣмъ не прощаясь.

— На сколько времени?

— Лѣтъ на шесть. Въ это время я объѣздилъ половину Европы и добрую часть Азіи.

— А потомъ?

— А потомъ я опять сбрилъ бороду, вернулся въ Лондонъ и взялъ имущество, которое скопилъ себѣ.

Любопытство Чилькота не то обижало, не то сердило его. Но Чилькотъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на него въ упоръ. Рѣзкая опредѣленность личности Лодера и незначительность достигнутыхъ имъ результатовъ приводили его въ изумленіе. Лодеръ это замѣтилъ.

— Вы, очевидно, спрашиваете себя, зачѣмъ я собственно явился на свѣтъ?—быстро спросилъ онъ.—Иногда я самъ спрашиваю себя объ этомъ.

При этихъ словахъ что-то измѣнилось въ лицѣ Чилькота. Онъ приподнялся наполовину, потомъ снова опустился въ кресло.

— У васъ нѣтъ друзей?—спросилъ онъ.—Ваша жизнь не имѣетъ для васъ никакой цѣнности?

Лодеръ поднялъ голову.

— Я зналъ, что произведу на васъ такое впечатлѣніе.

— Такъ вы совершенно свободный человѣкъ?

— Человѣкъ, который работаетъ для насущнаго хлѣба, не свободенъ. Еслибы дѣло обстояло иначе, я бы, можетъ быть, шелъ вашими путями—участвовалъ бы въ законодательной и правительственной жизни. Было время, когда мои надежды направлены были въ эту сторону. Но мои надежды, также какъ и многое чисто матеріальное, относятся уже къ прошлому.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на своего гостя.

Перемѣна въ Чилькотѣ обозначилась тѣмъ временемъ еще болѣе рѣзко. Онъ опять сталъ мять папироску въ рукахъ, брови опустились книзу и губы дрожали отъ внутренняго волненія. Съ минуту онъ сидѣлъ тихо, избѣгая взгляда Лодера; потомъ онъ вдругъ собрался съ духомъ и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— А что, еслибы оказалось, что у васъ есть будущее, несмотря на то, что есть и прошедшее?

V.

Съ минуту царило глубокое молчаніе. Потомъ, среди ночной тишины, съ трехъ башенъ пробило одиннадцать часовъ, и бой ихъ вызвалъ отзвуки другихъ башенныхъ часовъ, громкихъ или слабыхъ, ясныхъ или оглушительно-громкихъ. Чилькотъ вздрогнулъ. Точно охваченный неотразимымъ порывомъ, онъ снова заговорилъ:

— Вы, вѣроятно, считаете меня сумасшедшимъ?—началъ онъ.

Лодеръ вынулъ трубку изо рта.

— Я не дѣлаю такихъ быстрыхъ заключеній,—сказалъ онъ спокойно.

Нѣсколько времени Чилькотъ смотрѣлъ на него молча, точно стараясь угадать его мысли, а потомъ снова заговорилъ:

— Послушайте, что я вамъ скажу. Я пришелъ сегодня сдѣлать вамъ одно предложеніе. Когда вы узнаете, въ чемъ дѣло, вы прежде всего будете смѣяться,—я тоже сначала смѣялся. Потомъ вы—какъ и я—поймете возможность того, о чемъ я говорю, и тогда...—онъ остановился и оглянулся въ комнатѣ—и тогда вы согласитесь, какъ и я...

Онъ такъ торопливо говорилъ, что слова его звучали едва понятно. Лодеръ невольно взглянулъ на него съ удивленіемъ, но онъ движеніемъ руки побудилъ его къ молчанію. Упрямая рѣшимость отпечатлѣлась на его лицѣ, какъ иногда у слабыхъ людей.

— Прежде чѣмъ продолжать говорить, я замѣчу прежде всего, что я не сошелъ съ ума и не пьянъ. — Онъ въ первый разъ взглянулъ прямо въ лицо Лодеру неспокойнымъ взглядомъ.— Я совершенно трезвъ... и совершенно въ своемъ умѣ.

Лодеръ попытался опять что-то сказать, но Чилькотъ снова остановилъ его.

— Дайте мнѣ договорить. Вы мнѣ разсказали кое-что изъ своей жизни. Я теперь разскажу вамъ про себя. Вы—первое человѣческое существо, которому я могу довѣриться. Вы говорите, что вамъ другіе испортили жизнь, а я—и это еще болѣе непоправимо—имѣлъ наибольшіе шансы въ жизни—и все загубилъ.

Послѣдовала напряженная пауза. Лодеръ вопросительно поднялъ голову.

— Морфій?—спокойно спросилъ онъ.

Чилькотъ повернулся къ нему съ выраженіемъ ужаса.

— Откуда вы знаете?

Лодеръ усмѣхнулся.

— Я догадываюсь, — сказалъ онъ. — Да это не трудно; вы сами мнѣ все или почти все сказали тогда, во время тумана, когда мы говорили о Лексингтонѣ. Въ тотъ вечеръ вы были нервно настроены, и я... быть можетъ, одинокая жизнь обостряетъ въ людяхъ наблюдательность.—Онъ улыбнулся.

Чилькотъ опустился снова на стулъ и провелъ рукой по лбу. Лодеръ наблюдалъ за нимъ нѣсколько времени, потомъ сказалъ сухимъ тономъ:

— Почему вы не бросаете этой привычки? Вы еще молодой человѣкъ. Бросьте, пока не поздно.

На лицѣ его не выражалось никакого участія, и вопросъ его прозвучалъ рѣзко.

Чилькотъ взглянулъ на него. Отъ его упрека онъ еще больше поблѣднѣлъ и казался очень больнымъ и усталымъ отъ возбужденія.

— Говорите хоть до скончанія вѣка,—это все равно напрасно,—раздраженно сказалъ онъ. —Изъ этого фазиса я вышелъ уже, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шесть.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?—сердито сказалъ Лодеръ.— Я не умѣю проливать слезъ участія.

— Мнѣ слезъ участія и не нужно. — Чилькотъ поднялся. Онъ былъ еще возбужденъ, но смогъ сдержаться.—Мнѣ нужно нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ участіе, и я готовъ за это заплатить.

Лодеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— У меня нѣтъ ничего, что для васъ имѣло бы цѣну хотя пяти фунтовъ,—холодно отвѣтилъ онъ.—Вы или заблуждаетесь, или... вы отнимаете у меня время.

Чилькотъ нервно засмѣялся.

— Подождите минутку. Пожалуйста, подождите. Я только объ этомъ васъ прошу. Я хотѣлъ бы описать вамъ мое положеніе,—это легко сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ. Мой отецъ родомъ изъ Вэстморлэнда. Дѣдъ мой былъ однимъ изъ первыхъ людей высшаго класса, понявшихъ, что будущность принадлежитъ торговлѣ. Онъ поэтому отрубилъ свою маленькую вѣточку отъ большого семейнаго древа и двинулся на югъ въ Варкъ, чтобы тамъ вступить въ кораблестроительную фирму. Тридцать лѣтъ спустя, онъ умеръ главой одной изъ самыхъ крупныхъ англійскихъ фирмъ, женившись на дочери своего прежняго прин-

ципала. Отцу моему было двадцать-четыре года, и онъ еще учился въ Оксфордѣ, когда ему досталось наслѣдство. Онъ первымъ дѣломъ отказался отъ энергичнаго жизненнаго направленія моего дѣда и вернулся на прежній путь. Онъ возвратился на сѣверъ и возобновилъ старыя семейныя связи. Онъ женился на своей кузинѣ. Когда такимъ образомъ возстановился прежній престижъ Чилькотовъ, и онъ могъ поддерживать его деньгами, пріобрѣтенными торговлей, онъ сталъ служить честолюбивой мечтѣ своей жизни. Она заключалась въ томъ, чтобы стать депутатомъ консервативной партіи отъ Истъ-Варка. Добиться этого было очень трудно, но онъ все-таки вышелъ побѣдителемъ, благодаря и своему личному вліянію, и своимъ связямъ. Онъ былъ аристократъ, но въ то же время и опытный дѣловой человѣкъ. Это была комбинація, имѣвшая большой успѣхъ у низшихъ классовъ. Въ парламентѣ онъ никогда не игралъ видной роли, но былъ опорой для своей партіи въ Варкѣ. Тамъ и до сихъ поръ его имя пользуется большимъ почетомъ.

— Вы говорите о Робертѣ Чилькотѣ,—сказалъ Лодеръ.— Я о немъ слышалъ. Онъ былъ прекрасный, честный человѣкъ, очень твердый въ своихъ дѣйствіяхъ, нѣсколько ограниченный, но цѣнный членъ своей партіи, благодаря своей выдержанности и стойкости. Вы имѣете полное основаніе гордиться своимъ отцомъ.

Чилькотъ громко разсмѣялся.

— Какъ легко мы судимъ,—сказалъ онъ,—когда рѣчь идетъ не о насъ самихъ! — Отецъ мой, можетъ быть, былъ дѣйствительно великолѣпный человѣкъ, но онъ все-таки напрасно оставилъ мнѣ въ наслѣдство свое общественное положеніе.

Взглядъ Лодера выразилъ удивленіе.

— Неужели вы не понимаете, что я хочу сказать? Когда отецъ умеръ, меня выбрали депутатомъ отъ Истъ-Варка. Вы скажете, что я могъ отказаться, если не чувствовалъ склонности занять это мѣсто,—но я васъ увѣряю, что никакъ не могъ этого сдѣлать. Всѣ мѣстные интересы—политическіе и коммерческіе—зависѣли отъ того, чтобы кандидатомъ былъ непремѣнно Чилькотъ. Я поступилъ такъ, какъ на моемъ мѣстѣ поступили бы восемь человѣкъ изъ десяти,—я поддался давленію.

— Это было хорошее начало для того, чтобы сдѣлать карьеру.

— Въ тюрьмахъ всегда широкія ворота.—Чилькотъ иронически засмѣялся. — Это было шесть лѣтъ тому назадъ. Уже за четыре года до того я пріучился къ морфію. Но до смерти

моего отца я еще сохранялъ полную власть надъ собой, — или воображалъ, что это такъ. Чувствуя на себѣ новую отвѣтственность, я въ теченіе первыхъ волнующихъ стычекъ политической борьбы почти совсѣмъ отказался отъ морфія. Первые мѣсяцы послѣ моего вступленія въ парламентъ я очень усердно работалъ. Я даже, кажется, произнесъ рѣчь, за которую на меня стали возлагать большія надежды, какъ на будущаго вліятельнаго политика. — Онъ опять презрительно засмѣялся. — Я даже женился.

— Да неужели?

— Да, представьте себѣ. Я женился на дѣвушкѣ девятнадцати лѣтъ, воспитанницѣ одного крупнаго государственнаго человѣка. Это была блестящая партія—въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Но бракъ не оказался особенно удачнымъ; я не былъ созданъ для любви. Затѣмъ, мнѣ была противна свѣтская жизнь, а кромѣ того мнѣ надоѣла работа. Одно только дѣлало мнѣ жизнь сносной — морфій. Черезъ полгода это для меня вполнѣ выяснилось.

— А ваша жена?

— Моя жена ничего объ этомъ не знала—и теперь понятія не имѣетъ. Но политическая жизнь—каторга политической жизни—окончательно меня губитъ. — Онъ остановился, а потомъ снова быстро заговорилъ прерывистымъ тономъ: — Вы не представляете себѣ, какая адская мука всегда сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, видѣть изо дня въ день одни и тѣ же лица и при этомъ постоянно думать о томъ, чтобы не выдать себя.

— Вы вѣдь можете когда угодно отказаться отъ своего мѣста въ парламентѣ.

— Отказаться? Вы считаете это возможнымъ? — Чилькотъ громко расхохотался.—Вы, очевидно, не имѣете представленія о партійномъ гнетѣ въ такомъ мѣстѣ, какъ Варкъ. Уже разъ двадцать я собирался бросить все къ чорту. Въ прошломъ году даже я разъ написалъ конфиденціально Валю, одному изъ главныхъ тамошнихъ дѣятелей, и намекнулъ ему о томъ, что у меня пошатнулось здоровье. Черезъ два часа послѣ полученія моего письма, онъ уже былъ у меня въ кабинетѣ. Будь я въ это время въ Гренландіи, онъ съ той же поспѣшностью и рѣшительностью отправился бы за мной туда. — Нѣтъ, — выйти изъ парламента немыслимо въ моемъ положеніи.

Лодеръ опустилъ глаза.

— Понимаю,—сказалъ онъ медленно.—Понимаю.

— Тогда вы поймете и другое — невозможную трудность,

обособленность моего положенія. Два-три года тому назадъ, я еще могъ это выносить. Но теперь мнѣ становится тяжелѣе съ каждымъ мѣсяцемъ. И наконецъ долженъ наступить день, когда... когда...—онъ сталъ медлить—когда мнѣ будетъ невозможно оставаться на моемъ посту.

Лодеръ молчалъ.

— Физически невозможно, — взволнованно повторялъ Чилькотъ.—До сихъ поръ я могъ до извѣстной степени разсчитывать на себя, полагаться на свои силы. Но вчерашній день былъ для меня ударомъ,—вчера я понялъ, что... что...—онъ опять запнулся въ нерѣшительности — что уже перешелъ черту, за которой нельзя полагаться на себя.

Наступило неловкое молчаніе. Лодеръ, чтобы скрыть свое смущеніе, вернулся къ камину и началъ поправлять огонь, который сталъ потухать.

Чилькотъ былъ сильно возбужденъ; онъ пошелъ за Лодеромъ и сталъ подлѣ него.

— Ну и что же?—спросилъ онъ, опустивъ глаза.

Лодеръ опять медленно выпрямился.

— Что же?—повторилъ онъ, наблюдая за своимъ гостемъ.— Я могу только сказать, что ваша исторія очень своеобразна, и что я польщенъ вашимъ довѣріемъ.

Въ его голосѣ послышалась намѣренная холодность.

— Вамъ нечего сказать мнѣ?

Чилькотъ не замѣтилъ этого оттѣнка въ голосѣ. Онъ выступилъ на шагъ впередъ и коснулся рукава Лодера.

— Я уже не могу полагаться на самого себя, — повторилъ онъ.—И я хочу имѣть кого-нибудь другого, на кого я могъ бы положиться. Я хочу сохранить свое положеніе въ глазахъ свѣта и все же оставаться свободнымъ...

Лодеръ невольно отступилъ на нѣсколько шаговъ. На его лицѣ презрѣніе еще боролось съ изумленіемъ.

Чилькотъ поглядѣлъ на него.

— По удивительной случайности,—сказалъ онъ,—вы можете сдѣлать для меня то, чего ни одинъ другой человѣкъ на свѣтѣ не могъ бы сдѣлать. Эту мысль внушила мнѣ одна книга: въ ней разсказывается о двухъ людяхъ, обмѣнявшихся своими личностями. Вначалѣ я ничего нужнаго мнѣ въ этомъ замыслѣ не нашелъ. Но сегодня утромъ, когда я послѣ вчерашняго фіаско лежалъ еще совсѣмъ больной въ постели, эта мысль овладѣла мной какъ откровеніе. Это можетъ быть, дѣйствительно, спасе-

ніемъ для меня—и вы можете извлечь изъ этого пользу. Я вовсе не хочу васъ обидѣть,—ради Бога, не думайте этого!

Лодеръ ничего не отвѣтилъ, освободился отъ прикосновенія Чилькота и подошелъ снова къ письменному столу. Въ немъ боролись гнѣвъ, гордость и—противъ воли—невольный интересъ къ словамъ Чилькота. Онъ сѣлъ, оперся руками о столъ и охватилъ голову руками. То, что̀ говорилъ Чилькотъ, было явное безуміе,—но, послѣ пяти лѣтъ благоразумія, безуміе его привлекало. Наперекоръ разсудку, эта мысль завлекала его. Черезъ минуту гордость и гнѣвъ отступили, благоразуміе снова взяло верхъ и возстановило равновѣсіе.

— Вы предлагаете мнѣ,—медленно сказалъ онъ,—чтобы я—въ виду нашего сходства—продалъ себя, предоставивъ вамъ дѣлать что̀ угодно,—и чтобы я сдѣлался вашимъ замѣстителемъ,—куклой въ вашихъ рукахъ.

Чилькотъ покраснѣлъ.

— Вы слишкомъ ясно выражаетесь,—это̀ непріятно.

— Но вѣдь я вѣрно понялъ смыслъ вашихъ словъ?

— Въ общихъ чертахъ вѣрно.

Лодеръ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ я совѣтую вамъ пойти домой,—сказалъ онъ.—Вы съ ума сошли.

Чилькотъ взглянулъ ему прямо въ глаза, и когда ихъ взгляды встрѣтились, Лодеръ долженъ былъ сознаться, что хотя у собесѣдника его былъ взволнованный видъ, все же въ чертахъ его не было и слѣда безумія.

— Я хочу вамъ сдѣлать одно предложеніе,—нервно сказалъ Чилькотъ.—Согласны вы его выслушать?

Лодеръ смолкъ на минуту и задумался. Чилькотъ воспользовался паузой и снова заговорилъ.

— Въ общемъ то, о чемъ я васъ прошу, очень просто. Я прошу васъ взять на себя на недѣлю или на двѣ мою ежедневную работу—когда я почувствую, что мнѣ необходимъ отдыхъ, что у меня изсякли силы для борьбы противъ себя. Моя работа очень легка для человѣка съ вашими способностями и вашимъ умомъ,—а плата будетъ такая, какую вы сами назначите.

Въ пылу разговора онъ подошелъ къ самому столу и сталъ подлѣ Лодера.

— Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, отвѣтъ. Я вѣдь сказалъ вамъ—я не пьянъ и вполнѣ въ своемъ умѣ.

Лодеръ сердито собиралъ въ кучу разбросанныя по столу бумаги.

— Только сумасшедшій можетъ сдѣлать такое предложеніе,— отвѣтилъ онъ рѣзко и сухо.

— Почему?

Лодеръ хотѣлъ быстро отвѣтить ему, но страннымъ образомъ не находилъ словъ.

— Я хочу только сказать, что все это — совершенно невыполнимо.

Чилькотъ ближе подошелъ къ нему.

— Почему?—повторилъ онъ.

— Да это просто немыслимо. Этого нельзя будетъ провести въ теченіе двѣнадцати часовъ.

Чилькотъ схватилъ его за руку. — Почему? — допрашивалъ онъ:—почему? Назовите мнѣ хоть одинъ неопровержимый доводъ.

Лодеръ отстранилъ его прикосновеніе и засмѣялся, но съ нѣкоторымъ волненіемъ. Вся сцена смутила его обычное благоразуміе. Все таки, его конечный отвѣтъ прозвучалъ твердо и рѣшительно.

— Если дѣло идетъ о доводахъ,—сказалъ онъ,—то я могъ бы назвать ихъ цѣлую сотню, будь у меня время. Представьте себѣ, что я принялъ ваше предложеніе. Я начинаю замѣщать васъ въ вашемъ домѣ, — скажемъ,—въ обѣденный часъ. Вашъ слуга подаетъ мнѣ вашъ фракъ—вотъ уже первая возможность подозрѣнія. Этотъ человѣкъ знаетъ васъ уже, быть можетъ, много лѣтъ,—знаетъ всякую подробность вашей внѣшности, каждый оттѣнокъ вашего голоса,—гораздо точнѣе, чѣмъ вы сами. Нѣтъ ничего болѣе зоркаго, чѣмъ глазъ слуги.

— Объ этомъ я уже думалъ. Я могу перемѣнить слугу и секретаря. Если дѣло будетъ рѣшено, то я приму самыя рѣшительныя мѣры.

Лодеръ взглянулъ на него съ изумленіемъ. Въ этомъ безуміи было больше методичности, чѣмъ онъ воображалъ себѣ. Тогда у него явилась другая мысль, и онъ снова засмѣялся.

— Но одно вы забыли,—сказалъ онъ.—Вы не можете вѣдь удалить вашу жену?

— Моя жена не въ счетъ.

Лодеръ опять засмѣялся.—Простите, но я съ этимъ не могу согласиться. Осложненія вышли бы по меньшей мѣрѣ... по меньшей мѣрѣ...—Онъ остановился.

Сдерживаемая раздражительность Чилькота вдругъ вырвалась наружу. — Послушайте! — воскликнулъ онъ: — все это вовсе не шутка. Не придавайте комичнаго вида моему предложенію. Для меня это глубоко важно.

Лодеръ ничего не отвѣтилъ.

— Обдумайте все это еще разъ какъ можно точнѣе, прежде чѣмъ рѣшительно отказать мнѣ. — Въ голосѣ Чилькота звучала настойчивость.

Одну минуту Лодеръ сидѣлъ неподвижно, потомъ онъ вскочилъ и отодвинулъ стулъ.

— Довольно. Вы не знаете, что говорите. То, что вы женаты, дѣлаетъ всю эту комбинацію невозможной. Развѣ вы не видите?

Чилькотъ опять схватилъ его за руку.—Вы невѣрно поняли меня, — сказалъ онъ.—Положеніе дѣлъ иное, чѣмъ вы представляете себѣ. Я повторяю вамъ, что мы, моя жена и я,—чужіе другъ для друга. Она идетъ по своей дорогѣ, я — по своей. У каждаго изъ насъ свои друзья, свои знакомые, свои отдѣльныя комнаты. Бракъ, какъ таковой, не существуетъ между нами. Мы иногда встрѣчаемся за обѣденнымъ столомъ, и бываемъ вмѣстѣ въ обществѣ, для соблюденія внѣшнихъ приличій. Кромѣ этого у насъ ничего нѣтъ. Если вы замѣстите меня въ жизни, то никто не будетъ предъявлять на васъ меньше правъ, чѣмъ Ева,— это я вамъ обѣщаю.—Онъ улыбнулся съ неувѣреннымъ видомъ.

Лицо Лодера оставалось неподвижнымъ. — Даже если это и такъ,—отвѣтилъ онъ, — то все-таки ваше предложеніе неосуществимо.

— Почему?

— А парламентъ? Тамъ вѣдь это невозможно было бы провести. Тамъ люди сталкиваются такъ же близко, какъ въ клубѣ.

— Возможно, возможно,—возразилъ Чилькотъ съ короткимъ нервнымъ смѣхомъ. — Но во всякомъ клубѣ есть среди членовъ какой-нибудь чудакъ. Я радъ, что вы коснулись этого пункта. Я уже издавна напалъ на мысль разыгрывать человѣка со странностями, — для прикрытія многаго другого. Чѣмъ полезнѣе это для меня, тѣмъ чаще я этимъ пользуюсь. Увѣряю васъ, что если вы завтра сядете въ парламентѣ на мое мѣсто и въ теченіе цѣлаго дня ни разу не кивнете головой никому, и не скажете ни слова,—то, въ виду нашего внѣшняго сходства, никто не найдетъ въ этомъ ничего подозрительнаго. Точно также вы могли бы, замѣщая меня, внести предложеніе, голосовать, или даже держать рѣчь, если вамъ вздумается...

При этомъ словѣ Лодеръ невольно обернулся къ нему. На одинъ едва замѣтный моментъ исчезла холодность его тона и выраженіе его лица измѣнилось. Чилькотъ замѣтилъ эту перемѣну и оживился.

— Почему же нѣтъ?—сказалъ онъ.—У васъ вѣдь были мечты, направленныя въ эту сторону. Почему же вамъ не осуществить ихъ?

— И потомъ съ вершины упасть... въ лужу?—Лодеръ со смѣхомъ покачалъ отрицательно головой.

— Лучше жить одинъ день, чѣмъ прозябать цѣлую жизнь.

Голосъ Чилькота дрожалъ отъ надежды. Онъ еще разъ коснулся руки Лодера. На этотъ разъ Лодеръ не отстранилъ его; онъ даже не замѣтилъ прикосновенія.

— Послушайте!—Пальцы Чилькота крѣпче ухватились за него.—Вы говорили прежде о благопріятныхъ условіяхъ, создающихъ въ жизни все. Вотъ вамъ открывается теперь случай очутиться въ положеніи, когда можно проявить свое личное вліяніе. Вы можете осуществить все, о чемъ прежде мечтали.

Лодеръ поднялъ голову.—Это нелѣпо!—воскликнулъ онъ.—Нелѣпо. Такая комедія немыслима.

— Въ этомъ—нашъ главный шансъ на успѣхъ. Подозрѣніе является у людей только тогда, когда они знаютъ прецеденты. Я васъ прошу только обдумать это,—только обдумать. Вѣдь если есть опасность, то главнымъ образомъ для меня. По вашимъ же словамъ, вамъ нечего терять.

Лодеръ засмѣялся.

— Обѣщайте мнѣ обдумать это, и тогда я уйду.

— Нѣтъ, не обѣщаю.

— Телеграфируйте мнѣ ваше рѣшеніе завтра утромъ. Я сегодня не принимаю отвѣта.

— Почему?—спросилъ Лодеръ.

— Потому, что я знаю людей, и знаю, что значитъ искушеніе. Мы всѣ бываемъ сильны, пока не коснутся чувствительнаго мѣста; тогда мы отступаемъ. У одного это морфій, у другого—честолюбіе. Въ обоихъ случаяхъ вопросъ только во времени. Онъ иронически засмѣялся и протянулъ ему руку.—Мой адресъ вѣдь есть у васъ. До свиданья.

Лодеръ коротко пожалъ ему руку.—Прощайте!—сказалъ онъ, подчеркивая это слово. Потомъ онъ прошелъ черезъ комнату и открылъ дверь.—Прощайте!—повторилъ онъ, когда Чилькотъ прошелъ мимо него.

Но Чилькотъ остановился на порогѣ.—До свиданья!—поправилъ онъ.

Лодеръ держалъ руку на ручкѣ двери, пока не затихли шаги посѣтителя. Потомъ онъ спокойно заперъ дверь и оглянулся въ комнатѣ. Нѣсколько времени онъ стоялъ неподвижно и какъ бы оцѣнивалъ предметы, окружавшіе его. Потомъ онъ медленно

подошелъ къ полкѣ, взялъ книгу подъ заглавіемъ: „Руководство для парламентскихъ дѣятелей“, сѣлъ къ письменному столу и поправилъ свѣтъ лампы.

VI.

Все слѣдующее утро Чилькотъ провелъ въ лихорадочномъ возбужденіи, то возгараясь надеждой, то дрожа отъ страха. Онъ брался то за то, то за другое, чтобы провести время, и сейчасъ же все бросалъ. Онъ два раза доѣзжалъ до Клифордсъ-Инна, но каждый разъ у него не хватало духу войти; онъ возвращался на Гровноръ-Сквэръ и тамъ съ грустью узнавалъ, что отвѣта отъ Лодера еще нѣтъ.

Онъ былъ въ мучительномъ состояніи духа, но въ общемъ все-таки состояніе его было лучшимъ, чѣмъ раздраженіе послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Днемъ онъ отправился въ парламентъ и занялъ свое мѣсто. Хотя это было его первое появленіе послѣ провала, но никто не обратилъ на него вниманія. Онъ умѣлъ, когда хотѣлъ, энергично отстранять всякія приставанія; но въ послѣднее время вообще всѣ старались его избѣгать.

Въ одной изъ совѣщательныхъ комнатъ онъ засталъ Фрэда, среди группы членовъ ихъ партіи. Онъ попробовалъ, какъ обыкновенно, незамѣтно проскользнуть мимо нихъ. Но старый лидеръ отошелъ отъ своихъ собесѣдниковъ и заговорилъ съ нимъ. Онъ былъ всегда вѣжливъ и предусмотрителенъ въ разговорахъ съ Чилькотомъ, въ виду того, что онъ былъ мужемъ его воспитанницы и крестницы.

— Ну, что, лучше вамъ?—спросилъ онъ Чилькота, протягивая ему руку.

При звукѣ его глубокаго, мягкаго голоса, составлявшаго одну изъ характерныхъ чертъ стараго политика, въ душѣ Чилькота воскресли сотни воспоминаній, сотни часовъ тягостныхъ, когда онъ ихъ переживалъ, и еще болѣе мучительныхъ въ воспоминаніи. Теперь ему свѣтилась новая надежда, новая возможность свободы въ будущемъ,—и это подняло его духъ. Почувствовавъ вдругъ потребность подѣлиться своими чувствами, онъ обратился къ Фрэду.

— Я, кажется, нашелъ средство противъ моихъ нервовъ,— сказалъ онъ.—Я..., кажется, стану новымъ человѣкомъ. — Внутренно ему стало смѣшно отъ этихъ словъ.

Фрэдъ тепло пожалъ ему руку.

— Ну, и отлично, — отвѣтилъ онъ. — Отлично. Я сегодня утромъ былъ у васъ, и Ева сказала мнѣ, что ваше недавнее нездоровье не было серьезнымъ. Она была очень занята и могла удѣлить мнѣ только четверть часа. Она неутомимо работаетъ для укрѣпленія вашего положенія въ обществѣ. Вы должны быть ей благодарны, милый мой. Женщина, которая пользуется общей любовью,—очень большое подспорье въ политической карьерѣ.

Спокойные, проницательные глаза Фрэда смутили Чилькота. Онъ отнялъ руку.

— Ева... совершенство,—растерянно сказалъ онъ.

— Вотъ это я одобряю,—съ улыбкой отвѣтилъ Фрэдъ.—Къ сожалѣнію, въ современныхъ бракахъ рѣдко можно встрѣтить взаимное признаніе заслугъ у мужей и женъ. — Онъ дружески кивнулъ Чилькоту и, оставивъ его, вернулся къ своимъ друзьямъ.

Чилькотъ могъ уйти изъ парламента только въ обѣденный часъ. Онъ быстро направился домой. Въ передней никого изъ прислуги не было. Онъ выбранился про себя и позвонилъ. Послѣ минутнаго возбужденія въ присутствіи Фрэда, онъ опять упалъ духомъ и потерялъ всякое равновѣсіе. Ожидая, что кто-нибудь явится на его звонокъ, онъ увидѣлъ на верху лѣстницы своего камердинера, Ольсопа.

— Идите скорѣе сюда!—крикнулъ онъ.—Онъ обрадовался, что можетъ на комъ-нибудь выместить свое раздраженіе. — Пришла телеграмма?

— Нѣтъ, сэръ. Я справлялся пять минутъ тому назадъ.

— Спросите еще разъ.

— Слушаюсь.—Ольсопъ исчезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался рѣзкій и громкій звонокъ у входныхъ дверей. Чилькотъ вздрогнулъ. Всякій неожиданный шумъ, всякій рѣзкій свѣтъ непріятно дѣйствовали на него. Онъ подошелъ къ двери, но быстро отступилъ. Тотчасъ послѣ этого явился Ольсопъ. Чилькотъ накинулся на него:

— Что это значитъ?—крикнулъ онъ.—Въ домѣ цѣлый полкъ прислуги—и нѣтъ никого, кто бы открылъ дверь!

У Ольсопа былъ растерянный видъ.

— Крапгэнъ сейчасъ придетъ. Онъ ушелъ только спросить Джефриса...

— Да чортъ съ нимъ, съ вашимъ Крапгэномъ! —прервалъ Чилькотъ. — Не говорите такъ много. Пойдите, откройте сами дверь!

Ольсопъ колебался. Чувство достоинства боролось въ немъ съ долгомъ послушанія. Тѣмъ временемъ позвонили еще разъ.

— Вы поняли, что я сказалъ?

— Да, сэръ.—Ольсопъ пошелъ къ двери.

Пока онъ открывалъ дверь, Чилькотъ перекладывалъ свой платокъ изъ руки въ руку, страшно возбужденный надеждой и страхомъ. Когда телеграфистъ громко назвалъ его имя, платокъ невольно выпалъ у него изъ рукъ. Ольсопъ взялъ телеграмму и передалъ ее своему господину.

— Телеграфистъ спрашиваетъ, будетъ ли отвѣтъ на телеграмму?—сказалъ онъ; потомъ поднялъ съ полу платокъ Чилькота и отошелъ въ сторону съ величественнымъ видомъ.

Чилькотъ былъ до того возбужденъ, что едва могъ открыть телеграмму. Онъ, дрожа, распечаталъ ее и развернулъ бумагу. Телеграмма была очень короткая:

„Жду сегодня вечеромъ 11 часовъ. Лодеръ".

Онъ прочелъ эти слова два, три раза и потомъ только поднялъ глаза.

— Отвѣта не будетъ,—сказалъ онъ машинально. Его собственный голосъ прозвучалъ какимъ-то чужимъ для него.

Ровно въ 11 часовъ Чилькотъ поднялся на лѣстницу къ Лодеру. На этотъ разъ онъ шелъ быстро и увѣренно, и взволнованно постучалъ въ дверь. Дверь тотчасъ же открылась—и передъ нимъ стоялъ Лодеръ. Въ первую минуту они оба не могли вымолвить ни слова, оглядывая другъ друга какъ бы новыми глазами и при новыхъ условіяхъ. Каждый занялъ въ мысляхъ другого измѣнившееся мѣсто. Мимолетное удивленіе, почти безличное любопытство, составлявшее прежде основу ихъ отношеній, теперь отошли — навсегда; каждый видѣлъ въ другомъ самого себя—и, быть можетъ, еще нѣчто большее. И на этотъ разъ, какъ и прежде, Лодеръ первый пришелъ въ себя.

— Я ждалъ васъ,—сказалъ онъ.—Войдите, пожалуйста.

Эти слова были тѣ же, какъ и сказанныя наканунѣ вечеромъ, но голосъ его звучалъ иначе. И лицо его, въ то время какъ онъ вошелъ въ комнату, имѣло другое выраженіе; въ немъ свѣтились надежда и ожиданіе, чего прежде не было. Чилькотъ сейчасъ же замѣтилъ перемѣну, какъ только переступилъ порогъ, и на секунду въ немъ зашевелилась зависть, но это ощущеніе быстро прошло.

— Я долженъ васъ поблагодарить, — сказалъ онъ, протягивая руку. — Онъ былъ хорошо воспитанъ, и не показалъ, что

увидѣлъ выраженіе уступчивости на лицѣ собесѣдника. Лодеръ постарался придать сразу непринужденный тонъ разговору.

— Мы должны быть откровенны другъ съ другомъ, —сказалъ онъ,—такъ какъ должны обмануть всѣхъ остальныхъ. Вамъ не за что меня благодарить, вы это отлично знаете. Все это—повтореніе старой исторіи съ Адамомъ,—вы меня ввели въ искушеніе, и я палъ.—Онъ засмѣялся; но въ его смѣхѣ было нѣчто торжествующее, — побѣдное чувство человѣка, котораго долго тиранила его собственная сила, и который вдругъ становится свободнымъ, благодаря слабости другого человѣка.—Вѣдь вы себѣ вполнѣ выяснили предложеніе, сдѣланное мнѣ? — спросилъ онъ съ измѣнившимся выраженіемъ лица. — Еще не поздно отступиться—даже теперь.

Чилькотъ открылъ ротъ, но ничего не сказалъ и засмѣялся, подражая смѣху Лодера. Но смѣхъ его былъ искусственный.

— Милый Лодеръ,—сказалъ онъ наконецъ;—слово „отступленіе" мнѣ неизвѣстно.

— Въ такомъ случаѣ дѣло рѣшено.

Лодеръ медленно прошелъ черезъ комнату, подошелъ къ камину, прислонился къ нему и посмотрѣлъ на своего посѣтителя. Сходство между ними теперь, когда они стояли другъ противъ друга, было феноменальное, даже для глазъ самаго остраго наблюдателя. И все же ихъ различало нѣчто неуловимое. Чилькотъ не былъ вполнѣ Лодеромъ, а Лодеръ былъ гораздо болѣе, чѣмъ Чилькотъ. Различіе между ними было не физическое; оно заключалось въ невидимомъ постоянномъ освѣщеніи изнутри—тѣмъ, что одни называютъ индивидуальностью, другіе—душой.

Объ этомъ быстро подумалъ на минуту Чилькотъ, глядя на Лодера своимъ острымъ наблюдательнымъ взоромъ. Но отъ ужаса онъ отстранилъ эту мысль.

— Я пришелъ говорить о подробностяхъ, — сказалъ онъ, быстро, подходя къ Лодеру.—Вы согласны? Вы...—онъ нерѣшительно остановился.

— Я совершенно въ вашихъ рукахъ.

Лодеръ говорилъ нерѣшительно; онъ подошелъ къ столу, указалъ на стулъ и придвинулъ другой стулъ для себя. Оба они сѣли. Чилькотъ положилъ сложенныя руки передъ собой на столъ и нагнулся впередъ.

— Мы должны обдумать нѣкоторые пункты,—началъ онъ и нервно взглянулъ на Лодера.

— Хорошо, — согласился Лодеръ. — Эти пункты я обдумывалъ въ теченіе всей вчерашней ночи. Прежде всего я долженъ

изучить вашъ почеркъ. Я гарантирую успѣхъ, но на это мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ.

— Мѣсяцъ?

— Можетъ быть три недѣли.

Чилькотъ безпокойно задвигался на стулѣ.

— Три недѣли,—повторилъ онъ.—Не можете ли вы...

— Нѣтъ, не могу.—Лодеръ сказалъ это очень рѣшительно.— Можетъ быть, мнѣ вообще не придется обращаться къ перу и бумагѣ,—но мнѣ можетъ придти въ голову подписать когда-нибудь чекъ. — Онъ засмѣялся.—А вы не подумали, что я могу подписывать чеки и, можетъ быть, буду это дѣлать?

— Нѣтъ. Я сознаюсь, что объ этомъ не подумалъ.

— Вы ставите на карту свое состояніе, чтобы сохранить положеніе, которое было куплено этими деньгами, не такъ ли?— Лодеръ снова засмѣялся. — Откуда вы знаете, что я не мошенникъ? Откуда вы знаете, что я не уѣду въ одинъ прекрасный день, оставивъ васъ безъ всякихъ средствъ? Кто можетъ помѣшать Чилькоту перевести на наличныя сорокъ или пятьдесятъ тысячъ фунтовъ и затѣмъ уѣхать...

— Этого вы не сдѣлаете. — Чилькотъ говорилъ это рѣзко и рѣшительно. — Я вѣдь вамъ вчера вечеромъ сказалъ, въ чемъ заключается ваша слабость, — не въ деньгахъ. На деньгахъ вы не потерпите крушенія.

— Такъ вы думаете, что я все-таки потерплю крушеніе? Но дѣло не въ томъ. Возвращаюсь къ нашему разговору: вы согласны подвергнуться опасности и дать мнѣ научиться вашему почерку?

Чилькотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Хорошо. А кромѣ того я долженъ знать имена и лица вашихъ знакомыхъ—мужчинъ—насколько это возможно. О женщинахъ заботиться нечего. Пока на вашемъ мѣстѣ буду я, вы будете для нихъ недоступны. Дѣло въ мужчинахъ—вѣдь въ нихъ главная опасность.

— У меня нѣтъ друзей,—я не вѣрю въ дружбу.

— А знакомые?

Чилькотъ рѣзко посмотрѣлъ на него.

— Не бойтесь, — сказалъ онъ. — У меня репутація очень разсѣяннаго человѣка, и это васъ всегда вывезетъ. Въ парламентѣ говорятъ обо мнѣ, что мой взоръ проникаетъ черезъ самыхъ толстыхъ людей, какъ будто они были изъ воздуха, хотя бы я въ тотъ же день съ ними вмѣстѣ завтракалъ.

Лодеръ улыбнулся.

— Положительно,—воскликнулъ онъ,—судьба предначертала эту исторію до нашего рожденія. Но я долженъ знать вашихъ коллегъ хотя бы только для того, чтобы имѣть о нихъ представленіе. Возьмите меня съ собой въ парламентъ!

— Это невозможно.

— Очень возможно. Я надвину шляпу на глаза и подниму воротникъ,—меня никто не замѣтитъ. Мы можемъ пойти, когда стемнѣетъ. Обѣщаю вамъ, что все хорошо пойдетъ.

— Но представьте себѣ, что сходство замѣтятъ. Это очень опасно.

— Опасность—соль жизни. Я долженъ видѣть васъ на вашемъ посту и знать людей, съ которыми вы вмѣстѣ работаете.— Онъ поднялся, прошелъ черезъ комнату и взялъ свою трубку.— Ужъ если я что-нибудь дѣлаю, то дѣлаю какъ слѣдуетъ.

Когда онъ набилъ свою трубку, онъ снова сѣлъ на мѣсто и оперся на столъ, безсознательно подражая жесту Чилькота.

— Есть у васъ спичка? — спросилъ онъ, протягивая ему руку.

Чилькотъ вынулъ спичечницу изъ кармана и зажегъ спичку. Когда ихъ руки соприкоснулись, Чилькотъ вскрикнулъ отъ удивленія:

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ.—Этого я не замѣтилъ.— Глаза его устремились съ выраженіемъ досады на руку Лодера. Лодеръ увидѣлъ направленіе его взгляда и сказалъ съ улыбкой:

— Да, этого мы не замѣтили. Я совсѣмъ забылъ. Отвратительный шрамъ, не правда ли?

Онъ поднялъ руку къ свѣту. На второмъ суставѣ третьяго пальца на лѣвой рукѣ виднѣлся глубокій шрамъ—остатокъ раны, которая прежде, вѣроятно, доходила до кости.

Чилькотъ наклонился, разсматривая шрамъ.

— Откуда это у васъ?

Лодеръ пожалъ плечами.

— Ахъ, это старая исторія!

— Но послѣдствія на лицо теперь. Очень неудобная штука.

Предпріимчивость Чилькота сильно упала отъ этой первой трудности.

Лодеръ продолжалъ смотрѣть на свою руку, не слушая своего двойника.

— Единственное средство,—сказалъ онъ,—это—чтобы каждый изъ насъ носилъ два кольца на третьемъ пальцѣ лѣвой руки. Два кольца прикрываютъ шрамъ вполнѣ.

Чилькотъ имѣлъ раздраженный и растерянный видъ.

— Я терпѣть не могу колецъ!—воскликнулъ онъ. — Я никогда не носилъ колецъ и не стану носить.

Лодеръ съ улыбкой покачалъ головой.

— Странный вы человѣкъ! — сказалъ онъ. — Не боитесь, чтобы я подписывалъ чеки за васъ, а ужасаетесь отъ мысли, что вамъ придется надѣть кольцо.

Чилькотъ безпокойно задвигался на стулѣ.

— Всѣ знаютъ, что я терпѣть не могу украшеній.

— Всѣ знаютъ, что у васъ много капризовъ. Словомъ, безъ колецъ нельзя обойтись.

— Вы, кажется, правы. Я согласенъ.—Это была его первая уступка, которую Лодеръ принялъ очень спокойно.

— Ну, а теперь—вопросъ о вознагражденіи,—съ замѣшательствомъ сказалъ Чилькотъ.

— О платѣ мнѣ?

— Зачѣмъ вы это такъ называете!

— Но вѣдь вы объ этомъ говорите? Такъ будемъ откровенны. Но, впрочемъ, объ этомъ мы можемъ поговорить въ другой разъ,—прибавилъ онъ, видя, что Чилькотъ нервно шаритъ у себя въ жилетномъ карманѣ.

Чилькотъ взглянулъ на него съ облегченіемъ.

— Да, мнѣ дѣйствительно не по себѣ,—сказалъ онъ,—и я бы попросилъ у васъ виски и соды.

Лодеръ принесъ воду, стаканъ, и пошелъ за виски. Чилькотъ тѣмъ временемъ вынулъ нѣсколько лепешекъ и незамѣтно опустилъ ихъ въ стаканъ съ водой. Онъ приготовилъ себѣ питье, не вливъ въ него ни капли изъ принесеннаго Лодеромъ графина виски. Лодеръ приготовилъ для себя стаканъ виски съ минеральной водой, и чокнулся со своимъ гостемъ.

— Выпьемъ за успѣхъ Джона Чилькота! — сказалъ онъ.

Чилькотъ на минуту замедлилъ, потомъ поднялъ стаканъ.

— За здоровье Джона Чилькота!—сказалъ онъ.

VII.

Прошло около трехъ недѣль послѣ первой встрѣчи Чилькота и Лодера. Лодеръ опять сидѣлъ у своего письменнаго стола.

Онъ подперъ голову рукой, а другая рука придерживала бумагу, на которой онъ писалъ строчку за строчкой. Когда страница была исписана до конца, онъ поднялся, подошелъ къ столу и сравнилъ свое писаніе съ открытымъ письмомъ, лежавшимъ

на столѣ. Сравненіе его, видимо, удовлетворило. Онъ выпрямился и посмотрѣлъ на листъ довольнымъ взглядомъ.

Онъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что не замѣтилъ, когда на лѣстницѣ раздались шаги; онъ поднялъ глаза, когда открылась дверь, и тогда только бѣгло оглянулся.

— Вы?—спросилъ онъ.

Чилькотъ закрылъ дверь и быстрыми шагами прошелъ черезъ комнату. У него былъ больной и разбитый видъ. Подойдя къ Лодеру, онъ нервно протянулъ руку и коснулся его руки. Лодеръ поднялъ глаза.

— Случилось что-нибудь?—спросилъ онъ.

Чилькотъ пытался улыбнуться.

— Да, случилось нѣчто,—сказалъ онъ.—Началось!

Лодеръ освободилъ свою руку.

— Что началось: конецъ свѣта?

— Мой конецъ!—Онъ задыхался, произнося эти слова.

Лодеръ все еще смотрѣлъ на него, ничего не понимая, или, можетъ быть, не желая понять.

Чилькотъ кашлянулъ и схватилъ его за рукавъ.

— Развѣ вы не видите?—спросилъ онъ.—Развѣ не замѣтно?

— Нѣтъ.

Чилькотъ провелъ платкомъ по лбу.

— Пришелъ конецъ, — сказалъ онъ. — Вы меня не понимаете? Вы мнѣ нужны.—Онъ отошелъ въ сторону и опять подошелъ къ нему съ выраженіемъ надежды.—Вы удивлены,—сказалъ онъ. — Но это не моя вина. Честное слово—не моя. На меня вдругъ находитъ...

Онъ остановился и опустился, обезсилѣвъ, въ кресло. Лодеръ стоялъ съ минуту выпрямившись и совершенно неподвижно; потомъ онъ почти съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на жалкую фигуру Чилькота.

— Вы желаете, чтобы я занялъ ваше мѣсто сегодня же вечеромъ, безъ всякаго подготовленія?—Голосъ его звучалъ рѣшительно и твердо.

— Да, я этого желаю.

— Для того, чтобы вы могли проводить ночь въ опьяненіи морфіемъ... эту ночь и много другихъ?

Чилькотъ взглянулъ на него; лицо у него было разстроенное.

— Вы не имѣете никакого права читать мнѣ нотаціи. Вы согласились на сдѣлку.

Лодеръ вскипѣлъ.

— Позвольте...—началъ онъ, но лицо его и голосъ сейчасъ

же измѣнились.—Вы совершенно правы,—сказалъ онъ холодно.—У васъ не будетъ больше основанія жаловаться.

Чилькотъ безпокойно задвигался на стулѣ.

— Я ничуть не хотѣлъ васъ обидѣть,—сказалъ онъ.—Это только слѣдствіе...

— Вашихъ разстроенныхъ нервовъ? Я знаю. Перейдемте къ дѣлу. Что̀ жъ я долженъ дѣлать?

Чилькотъ взволнованно выпрямился.

— Да, перейдемте къ дѣлу. Вамъ, конечно, непріятно, что я такъ неожиданно обращаюсь къ вамъ. Но вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который не можетъ положиться на самого себя.—Я провелъ ужасный день, истинно ужасный.—Лицо его еще сильнѣе поблѣднѣло. При свѣтѣ зеленаго абажура оно казалось сѣрымъ. Лодеръ невольно отвелъ глаза.

Чилькотъ глядѣлъ на него въ то время, какъ онъ перешелъ къ письменному столу и сталъ машинально собирать бумаги.

— Ужасный день!—повторялъ онъ.—Такой, что я не рѣшаюсь ждать еще одну ночь. Читали вы де-Квинси?—спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Читалъ.

— Прочтите его еще разъ, и вы поймете. Я переживаю всѣ ужасы, которые онъ описываетъ, всѣ до одного.—Онъ дико и уродливо засмѣялся.

Лодеръ повернулся къ нему.

— Да что̀ же, чортъ возьми!..—Онъ остановился. Что-то въ разстроенныхъ чертахъ Чилькота заставило его замолчать. Странное сознаніе какой-то предопредѣленности удержало его отъ дальнѣйшихъ возраженій.

— Что̀ же я долженъ дѣлать?—спросилъ онъ сдержанно.

При этихъ словахъ Чилькотъ успокоился и улыбнулся.

— Вы правы, напоминая мнѣ объ этомъ,—сказалъ онъ.—Намъ нечего терять времени. Теперь ужъ около часа. Онъ вынулъ часы, подошелъ къ окну и заглянулъ на тѣнистый сквэръ внизу.

— Какъ вы тутъ тихо и покойно живете!—сказалъ онъ.

Потомъ у него вдругъ мелькнула новая мысль, и онъ поспѣшилъ обратно на средину комнаты.

— Лодеръ,—торопливо сказалъ онъ,—Лодеръ, у меня новая мысль. Въ то время, какъ вы будете мною, почему бы мнѣ не быть Джономъ Лодеромъ, вмѣсто безличнаго существа, какъ мы раньше предполагали. Это будетъ великолѣпно. Я прямо удивленъ, что эта мысль не пришла намъ раньше въ голову.

Лодеръ все еще стоялъ у своего письменнаго стола.

— Я уже объ этомъ думалъ, — отвѣтилъ онъ, не поднимая глазъ.

— Почему же вы мнѣ не предложили этого?

Наступила минута молчанія. Чилькотъ покраснѣлъ.

— Вы, очевидно, очень дорожите своей репутаціей? — сказалъ онъ.

— Меня никто не знаетъ, и мнѣ нечѣмъ дорожить.

Чилькотъ засмѣялся непріятнымъ смѣхомъ.

— Значитъ, вы не такъ далеко зашли въ моей философіи, какъ я думалъ. Вы, очевидно, дорожите своимъ собственнымъ мнѣніемъ о себѣ.

Лодеръ опять нѣсколько помолчалъ.

— Вы иногда очень проницательны, — сказалъ онъ. — Я, кажется, дѣйствительно обладалъ какой-то ложной гордостью, которая заставляла меня дорожить чистотой моего имени. Но такія чувства вышли изъ моды, и нужно плыть по теченію. — Онъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ, потомъ прошелъ черезъ комнату и сталъ подлѣ своего гостя. — Какъ бы то ни было, — сказалъ онъ, — гордость мнѣ не къ лицу — ни настоящая, ни ложная. Возьмите мой образъ, используйте его какъ хотите. Когда сожжены всѣ укрѣпленія, тогда одна единственная баррикада не можетъ спасти городъ. — При этихъ словахъ онъ положилъ руку на плечо Чилькота. — А теперь — пойдемъ. Я жду вашихъ приказаній. Я сдаюсь.

Черезъ часъ оба они вышли изъ спальни Лодера, гдѣ были сдѣланы послѣднія окончательныя приготовленія. Лодеръ появился въ безупречномъ фракѣ; волосы его были тщательно причесаны и платье отлично сидѣло на немъ. На взглядъ даже самаго зоркаго наблюдателя это былъ тотъ же человѣкъ, который незадолго передъ тѣмъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ кабинетъ. Вмѣстѣ съ платьемъ Чилькота Лодеръ перенялъ его манеру ходить и держать голову. Онъ быстро вошелъ и подошелъ къ письменному столу.

— У меня нѣтъ никакихъ бумагъ, касающихся лично меня, — сказалъ онъ, — и мнѣ нечего запирать. Все можетъ остаться попрежнему. По утрамъ приходитъ женщина, по имени Робинсъ, убирать комнату и зажигать огонь въ каминѣ. О всемъ остальномъ вы должны заботиться сами. Никто не нарушитъ вашъ покой. Тишина и спокойствіе — спокойствіе, подобное смерти — единственное, на что вы можете разсчитывать вполнѣ.

Чилькотъ все еще стоялъ нерѣшительно у порога и пробовалъ улыбаться. Изъ нихъ двоихъ онъ, повидимому, былъ наиболѣе смущенный. Въ дешевомъ, потертомъ платьѣ Лодера онъ почувствовалъ себя внѣ всякаго соотношенія съ обществомъ, со всѣмъ, что до сихъ поръ прикрывало его слабость и давало ему возможность жить въ пріятныхъ условіяхъ. Онъ теперь мучительно сознавалъ себя, свое „я", но не былъ въ состояніи выразить словами свои чувства или мысли. Онъ поглядѣлъ на каминъ, на столъ и, наконецъ, на стулъ, на который онъ, при входѣ, небрежно положилъ свое пальто. При видѣ пальто глаза его сверкнули.

— Боже! — воскликнулъ онъ: — я вѣдь чуть совсѣмъ не забылъ...

— Что? — спросилъ Лодеръ, оглядываясь.

— Кольца. — Онъ взялъ пальто и засунулъ руку въ одинъ изъ кармановъ. — Дубликаты я получилъ только сегодня днемъ, въ послѣднюю минуту. — Онъ говорилъ быстро и поспѣшно шарилъ въ карманѣ. Лодеръ приблизился къ нему и съ любопытствомъ наклонился, когда онъ вынулъ футляръ.

— Такъ вотъ, какъ я уже вамъ говорилъ, — одно кольцо — воспроизведеніе стариннаго кольца съ печатью, а другое гладкое золотое, вродѣ вѣнчальнаго кольца.

Чилькотъ засмѣялся, разложивъ четыре кольца на ладони.

— Ничего другого я не нашелъ достаточно широкаго и при этомъ не слишкомъ бросающагося въ глаза. Я ненавижу всякія украшенія.

Лодеръ коснулся колецъ.

— У васъ очень мало вкуса, — сказалъ онъ. — Ну, теперь посмотримъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ своей цѣли. Онъ взялъ кольца и подошелъ къ лампѣ.

Чилькотъ глядѣлъ на него.

— Рана, однако, была глубокая, — сказалъ онъ; его любопытство снова загорѣлось при видѣ расправленныхъ пальцевъ Лодера. — Какимъ образомъ васъ ранили?

— Это знакъ, оставленный мнѣ на память, — сказалъ Лодеръ, улыбаясь.

— На память о храбрости?

— Нѣтъ, совершенно наоборотъ. — Онъ взглянулъ на свою руку, а потомъ на Чилькота. — Нѣтъ, — повторилъ онъ съ необычайной для него потребностью дѣлиться своими чувствами. — Это знакъ, напоминающій мнѣ, что я не составляю исключенія, что и меня можно дурачить, какъ и другихъ мужчинъ.

— Ага, дѣло въ женщинѣ!

— Да,—отвѣтилъ Лодеръ, взглянувъ еще разъ на рубецъ.— Я теперь рѣдко вспоминаю эту исторію. Она отошла въ прошлое. Но сегодня мнѣ хочется исповѣдаться. Вамъ слѣдуетъ знать, что я прошелъ черезъ огонь. Это своего рода гарантія.

Чилькотъ сдѣлалъ отстраняющій жестъ, но Лодеръ не далъ ему ничего сказать.

— Я знаю, что вы мнѣ достаточно довѣряете, — сказалъ онъ.—Но вы поручаете мнѣ такой опасный постъ, и я хотѣлъ бы вамъ доказать, что съ вопросомъ о женщинахъ я покончилъ окончательно.

— Что вы, Лодеръ, прошу васъ...

Но Лодеръ продолжалъ, не останавливаясь:

— Исторія произошла восемь лѣтъ тому назадъ въ Сантасаларе. Это—маленькое мѣстечко между Луной и Писторіей,—горсточка домовъ между холмами. Обломокъ настоящей старой Италіи, который разрушается среди цвѣтовъ и солнечнаго свѣта. Ничто тамъ не напоминаетъ о нашемъ времени, кромѣ поѣзда, изрѣдка извивающагося вдоль линіи холмовъ. Во время длиннаго путешествія изъ Швейцаріи на югъ, я попалъ въ это маленькое мѣстечко и остановился на нѣсколько времени въ маленькой гостинницѣ. На второй день послѣ моего пріѣзда случилось нѣчто необычайное. На томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, у холмовъ, поѣздъ сошелъ съ рельсовъ. Вся деревня заволновалась, всѣ побѣжали оказывать помощь, и я въ томъ числѣ. Большого несчастія не приключилось, путешественники отдѣлались перепугомъ, нѣсколько человѣкъ были слегка ранены. Но никто не поплатился жизнью.

Онъ остановился и пытливо посмотрѣлъ на своего гостя. Видя, что онъ интересуется разсказомъ, онъ сталъ продолжать:

— Среди путешественниковъ находилась одна англійская дама. Она растерялась менѣе всѣхъ и была почти единственной, которая отдѣлалась безъ малѣйшихъ поврежденій. Я наткнулся на нее въ тотъ моментъ, когда она сидѣла у разбитой двери вагона, и съ полнымъ спокойствіемъ поправляла шляпу. Замѣтивъ меня, она взглянула мнѣ въ лицо съ ласковой удыбкой. „Вотъ вы кстати пришли,—сказала она.—Моя глупая горничная расшиблась гдѣ-то тамъ въ вагонѣ второго класса, и у меня нѣтъ никого, кто помогъ бы мнѣ отыскать мою собачку“. Уже эти первыя слова могли бы надоумить меня, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Но я почему-то не вникъ въ нихъ. Я только видѣлъ ея улыбку и слышалъ ея голосъ, а до того, добра ли она, или безсердечна,

мнѣ тогда не было дѣла. Я принялся искать и нашелъ камеристку и собаку. Первая все-таки выказала нѣкоторую признательность, вторая же — никакой. Я съ невѣроятными усиліями вытащилъ ее изъ-подъ обломковъ багажнаго вагона—и вотъ знаки ея признательности. — Онъ протянулъ руку и показалъ шрамъ.

Чилькотъ посмотрѣлъ на него.

— Въ этомъ и заключается вся исторія раны?

— Да. Я хотѣлъ было скрыть рану, когда принесъ собачку ея собственницѣ. Но я весь обливался кровью, и скрыть было невозможно. Это измѣнило наши отношенія. Оказалось, что въ помощи нуждаюсь теперь именно я, и моя новая знакомая рѣшила ухаживать за мной. Она забыла про собачку, занявшись моимъ пальцемъ. Камеристка, которая дѣйствительно ничуть не пострадала, поѣхала впередъ по приказу своей госпожи, чтобы занять комнаты въ маленькой гостинницѣ; мы слѣдовали за ней. Это путешествіе въ гостинницу ночью произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Была неописуемая прелесть въ мягкой ночи,— но главнымъ образомъ мнѣ было пріятно то, что послѣ моихъ пятилѣтнихъ скитаній, женщина, и къ тому же еще соотечественница и дама моего круга, оказываетъ мнѣ столько вниманія.—Онъ иронически засмѣялся.—Я не буду утомлять васъ подробностями всей этой исторіи. Вы знаете ходъ такихъ любовныхъ исторій. Представьте себѣ, что цвѣтовъ было нѣсколько больше, чѣмъ обыкновенно, и солнце свѣтило нѣсколько ярче. Представьте себѣ, кромѣ того, человѣка, жившаго долго полнымъ отшельникомъ, и женщину, хорошо знающую свѣтъ и свѣтскую жизнь,—и тогда вамъ будетъ ясно все мое приключеніе въ Италіи. Она сказала, что останется три дня въ Сантасаларе, чтобы лечить мой палецъ. Но пробыла она три недѣли и надѣялась за это время совершенно погубить меня.

Остановившись въ гостинницѣ, она не записала своего имени. При первомъ разговорѣ я по всему заключилъ, что она молодая дѣвушка. Только черезъ три недѣли она объявила мнѣ съ небесной улыбкой, что не можетъ дѣйствовать и жить по своей волѣ, какъ я воображалъ, а зависитъ отъ своего супруга, котораго оставила во Флоренціи больного маларіей.

Ея сообщеніе привело меня въ крайнее замѣшательство, и я вовсе не старался скрыть своего настроенія. Мы разстались. Въ ея глазахъ я былъ дуракъ съ мѣщанскими принципами морали; въ моихъ... ну, да это не важно. Въ тотъ же вечеръ она оставила Сантасаларе съ безконечнымъ количествомъ сундуковъ

и картонокъ. На слѣдующее утро и я завязалъ мой узелокъ и поѣхалъ дальше на югъ.

— И съ тѣхъ поръ вы избѣгаете женщинъ?

— Это я и хотѣлъ вамъ доказать. Обжегшіяся дѣти боятся огня. — Онъ снова засмѣялся и рѣшительнымъ жестомъ надѣлъ оба кольца на палецъ. — Ну, теперь можно начать.—Это, очевидно, ключъ отъ вашего дома? — Онъ вынулъ ключъ изъ кармана надѣтаго имъ платья Чилькота.—Придя на Гровноръ-Сквэръ, я сейчасъ же найду вашъ домъ. Я войду. Поднимусь на лѣстницу—направо дверь въ ваши,—я хотѣлъ сказать—мои комнаты. Кажется, я теперь знаю все наизусть. Сегодня я чувствую истинное вдохновеніе и увѣренъ, что ничего не напорчу.—Онъ передалъ Чилькоту два другихъ кольца и взялъ въ руки пальто.—Я останусь въ вашемъ домѣ, пока не получу телеграмму; тогда я вернусь, и мы снова помѣняемся ролями.—Онъ надѣлъ пальто и подошелъ къ столу. Теперь, когда наступилъ рѣшительный моментъ, онъ чувствовалъ нѣкоторое волненіе. Онъ не зналъ, какъ положить конецъ бесѣдѣ, и протянулъ молча руку.

Чилькотъ взялъ его руку и поблѣднѣлъ.

— Ничего, сойдетъ хорошо,—нервно сказалъ онъ.—А что касается вознагражденія, то мы уже условились: сто фунтовъ въ недѣлю; всѣ другіе расходы—на мой счетъ.

— Да, вы о платѣ,—съ улыбкой сказалъ Лодеръ.—Да, это все ясно какъ день. А теперь—спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Голосъ Чилькота прозвучалъ странно, какъ бы издалека; Лодеръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Онъ пожалъ руку, которую держалъ въ рукѣ, хотя ея холодная влажность была ему непріятна.

— Спокойной ночи,—повторилъ онъ.

— Спокойной ночи.

Съ минуту они стояли молча и только глядѣли другъ на друга. Потомъ Лодеръ спокойно отнялъ руку, прошелъ черезъ комнату и переступилъ порогъ. Чилькотъ остался одинъ. Онъ прислушался, пока не затихли шаги на лѣстницѣ. Тогда онъ быстрымъ движеніемъ взялъ лампу подъ зеленымъ абажуромъ и направился въ спальню.

Съ англ. З. В.

НАКАНУНѢ НОВОЙ ДУМЫ

ОЧЕРКЪ.

I.

Крайняя трудность и вмѣстѣ съ тѣмъ опасность нашего современнаго политическаго положенія зависятъ прежде всего отъ кажущейся невозможности взаимнаго пониманія и соглашенія между правящимъ классомъ и прогрессивными элементами русскаго общества.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій умственный и нравственный уровень высшаго персонала нашей бюрократіи систематически и послѣдовательно понижался въ небывалой еще степени. Очень часто на первыя должности въ государствѣ выдвигались люди, болѣе извѣстные своею ограниченностью, отсутствіемъ всякихъ общихъ идей и знаній, и щеголявшіе лишь услужливою преданностью и угодливостью. Какъ бы установилось твердое правило, что личная порядочность, вѣрность извѣстнымъ нравственнымъ принципамъ и добросовѣстное отношеніе къ государственнымъ дѣламъ—несовмѣстимы съ успѣхами по службѣ и закрываютъ путь къ быстрой и блестящей карьерѣ; всякій честный, правдивый и знающій человѣкъ устранялся со сцены добровольно или принудительно, и никто не могъ возвыситься иначе, какъ отказавшись предварительно отъ какихъ бы то ни было убѣжденій и взглядовъ, несогласныхъ съ понятіями и требованіями придворной клики. Въ качествѣ государственныхъ дѣятелей не разъ выступали невѣжественные случайные фавориты или тупые канцелярскіе честолюбцы, привыкшіе смотрѣть на Россію какъ на неисчерпаемый источникъ казенныхъ доходовъ, а на русскій народъ—какъ на пассивный предметъ всевозможныхъ мѣропріятій и экзекуцій. Руководителемъ всей внутренней политики являлся иногда то свѣтскій бонвиванъ, заслужившій чье-то расположеніе своимъ кулинарнымъ искусствомъ, то спеціалистъ по департаменту полиціи, для котораго государство есть не что иное, какъ

всенародный полицейскій участокъ. Путемъ искусственнаго подбора, отбрасывая въ сторону все лучшее, способное и независимое, привлекая и поощряя только одни завѣдомо негодные, бездушно-хищные и лживые элементы, господствующая правительственная партія измельчала до того, что во главѣ ея смѣло становились „вахмистры и городовые—по образованію, погромщики—по убѣжденіямъ". За долгіе годы своего безраздѣльнаго владычества эта охранительная или реакціонная партія не выдвинула ни одного серьезнаго дѣятеля, котораго можно бы хоть приблизительно считать государственнымъ человѣкомъ,—ни одного такого, который, хотя бы въ отдаленной мѣрѣ, напоминалъ бы крупныхъ министровъ прежнихъ эпохъ, въ родѣ графа Уварова, гр. Киселева, Канкрина, гр. Дм. Милютина. Одно ничтожество смѣнялось другимъ, еще болѣе притязательнымъ и бездушнымъ; единственный сановникъ, вышедшій не изъ среды бюрократіи и обладавшій несомнѣнными дарованіями, энергіею и предпріимчивостью, оставался до конца чужимъ для высшихъ придворныхъ сферъ и никогда не пользовался ихъ довѣріемъ, даже занимая высокіе правительственные посты, — потому что все-таки способенъ былъ иногда понимать стремленія русскаго общества и откликаться на нихъ въ исключительныхъ случаяхъ. Исчезла элементарная честность въ пользованіи государственною властью и въ обращеніи съ государственными средствами; патріотическое чувство въ истинномъ смыслѣ этого слова совершенно утратилось, и единственными мотивами дѣятельности правительственныхъ лицъ стали побужденія карьеризма и своекорыстія. Этотъ характеръ правящаго класса проявился съ поразительною ясностью послѣ ужасной японской войны, когда руководители нашей внѣшней и внутренней политики, прямые виновники пораженій русской арміи и гибели русскаго флота, не только остались на своихъ мѣстахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, но даже объявили своихъ негодующихъ противниковъ крамольниками и предприняли безпощадную самоувѣренную борьбу противъ независимой части общественнаго мнѣнія для удержанія власти въ своихъ рукахъ. Невысокій нравственный уровень правящаго класса сказывается и въ неразборчивости средствъ, употребляемыхъ для подавленія оппозиціи, и въ прямолинейной жестокости репрессивныхъ мѣръ, и въ явной рѣшимости не отступать предъ полнымъ разстройствомъ и разореніемъ государства ради обезпеченія дальнѣйшаго господства анти-народной партіи.

Регулярнаго правительства, въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, у насъ, собственно говоря, не существуетъ: руководящая роль принадлежитъ тѣмъ закулиснымъ силамъ, которыя принято обозначать неопредѣленнымъ терминомъ „сферы", а министерство служитъ лишь исполнительнымъ органомъ различныхъ вліяній, преобладающихъ въ

данный моментъ при дворѣ. „Сферы“ всегда настроены болѣе или менѣе реакціонно, враждебно или—въ лучшемъ случаѣ—недовѣрчиво по отношенію къ обществу и народу; онѣ оказываютъ явное или скрытое покровительство всѣмъ выступающимъ на защиту самовластія по какимъ бы то ни было мотивамъ и въ какой бы то ни было формѣ,—чѣмъ и объясняется исключительное положеніе извѣстнаго рода „патріотическихъ“ организацій, промышляющихъ идеями охраны. Армія остается въ безусловномъ распоряженіи этихъ же реакціонныхъ сферъ. Представители арміи управляютъ значительнѣйшею частью Россіи, начиная съ обѣихъ столицъ, подъ именемъ генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, и министерство не имѣетъ надъ ними реальной власти.

Таковы были главные элементы и наиболѣе характерныя особенности нашего правящаго класса. Тяжелыя военныя неудачи на Дальнемъ Востокѣ заставили государственную власть сдѣлать крупныя уступки общественному мнѣнію и привели къ конституціонному акту 17-го октября 1905 года, но ни въ чемъ не измѣнили традиціонныхъ понятій, стремленій и привычекъ самодержавнаго бюрократическаго режима. На сцену явился новый могущественный факторъ въ видѣ Государственной Думы, призванной положить начало дѣйствительному обновленію устарѣлаго государственнаго строя; однако, правительственныя сферы не отдавали себѣ яснаго отчета въ значеніи и роли вновь созданнаго народнаго представительства и противопоставили ему ограниченное реакціонное министерство, способное лишь безплодно раздражать и усиливать оппозицію. Но и съ своей стороны, и Государственная Дума не приняла во вниманіе тѣхъ реальныхъ условій, при которыхъ ей приходилось дѣйствовать, и совершила цѣлый рядъ капитальныхъ ошибокъ, подготовившихъ почву для печальной развязки. Объ этихъ ошибкахъ можно и слѣдуетъ говорить теперь вполнѣ свободно, чтобы избѣжать повторенія ихъ въ ближайшемъ будущемъ.

II.

Господствовавшія въ Думѣ политическія партіи исходили изъ того предположенія, что у насъ введена уже или должна быть немедленно введена настоящая конституція по западно-европейскому образцу, и что дѣло идетъ только о способахъ ея скорѣйшаго осуществленія; поэтому съ самаго начала былъ усвоенъ невѣрный и слишкомъ высокій тонъ по отношенію къ противникамъ, располагавшимъ всѣми матеріальными силами и средствами государства. Вмѣсто того, чтобы основывать свой авторитетъ и свои полномочія на великихъ истори-

ческихъ грѣхахъ правителей, разорившихъ страну, Государственная Дума сразу вступила на путь простого подражанія готовымъ парламентскимъ образцамъ и занялась аккуратнымъ примѣненіемъ конституціонныхъ формулъ, совершенно не соотвѣтствующимъ нашимъ фактическимъ условіямъ и обстоятельствамъ. На краткую привѣтственную тронную рѣчь она отвѣтила не выразительною и ясною оцѣнкою труднаго положенія, созданнаго политикою правительства, и не требованіемъ суда надъ виновниками военнаго разгрома Россіи, а обширною доктринерскою программою съ исчерпывающимъ перечисленіемъ всѣхъ будущихъ радикальныхъ законопроектовъ и преобразованій, придуманныхъ какъ будто нарочно для того, чтобы заранѣе напугать умы правящаго класса и солидарной съ нимъ части общества. Имѣя предъ собою ничѣмъ не выдающихся министровъ стараго бюрократическаго типа, Дума серьезно завела съ ними шаблонную конституціонную игру, выразила имъ формально свое недовѣріе послѣ правительственной декларации 13 мая,—хотя о чьемъ-либо довѣріи къ кабинету не могло быть рѣчи и раньше,—и настойчиво требовала отставки министерства, какъ будто перемѣна министровъ означала перемѣну самой системы управленія. Дума принимала министерство Горемыкина за конституціонный кабинетъ, обязанный подчиняться парламенту, а на дѣлѣ министры были только послушными выразителями придворныхъ вліяній, для которыхъ конституція была и остается синонимомъ революціи. Отказавъ министрамъ въ своемъ довѣріи, на которое они, впрочемъ, съ самаго начала вовсе не имѣли права разсчитывать, Дума продолжала, однако, обращаться къ нимъ съ запросами и выслушивать ихъ объясненія, чѣмъ внесла какую-то двойственность въ свои отношенія къ правительству. По странному недоразумѣнію, она отрицала право министерства говорить отъ имени правительства—и не потому, что сомнѣвалась въ его солидарности съ истиннымъ закулиснымъ правительствомъ, а потому, что сама, въ лицѣ своего президіума или большинства, считала себя составною частью правительства, вопреки всѣмъ принципамъ и всей практикѣ парламентаризма. Въ то же время Дума оставила въ пренебреженіи единственную предоставленную ей закономъ возможность непосредственно вліять на настроеніе верховной власти и поддерживать съ нею правильныя и постоянныя отношенія: весьма важное право, которымъ такъ дорожатъ министры,—право личнаго доклада у Государя—не было использовано предсѣдателемъ Государственной Думы даже при первомъ ея политическомъ актѣ—представленіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь,—а между тѣмъ насущный вопросъ о перемѣнѣ правительственной системы требовалъ возможно болѣе частаго и полнаго примѣненія закона, уполномочивающаго предсѣдателя Думы

„всеподданнѣйше повергать на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы“ (ст. 10 учрежденія Г. Д.).

Въ своей безцѣльной и раздражающей борьбѣ съ министерствомъ Дума упускала изъ виду, что за министрами стоитъ дворъ, а за дворомъ—армія. Не заботясь о какомъ-либо компромиссѣ съ носителями реальной государственной власти, а опираясь на неопредѣленныя чувства и ожиданія народныхъ массъ, Дума возымѣла мысль добиться образованія думскаго министерства или, какъ говорятъ ея противники, „захватить власть“ въ свои руки; но этотъ проектъ доказывалъ лишь, что вожди думскаго большинства предавались опаснѣйшимъ иллюзіямъ, что они не понимали, какою пагубною ловушкою было бы для нихъ положеніе министровъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непримиримо-враждебными реальными силами стараго правительства. Сдѣлаться министрами, имѣя противъ себя высшія придворныя сферы, весь начальствующій персоналъ арміи, департаментъ полиціи и корпусъ жандармовъ, всѣхъ генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, всю администрацію и полицію на мѣстахъ,—это было бы не самоотверженіе для пользы государства, какъ полагали „кадеты“, а чистѣйшее безуміе. Очевидно, необходима была еще огромная предварительная реформаторская работа не одного, а нѣсколькихъ дѣловыхъ переходныхъ министерствъ, прежде чѣмъ можно было бы думать о парламентскомъ кабинетѣ изъ членовъ думскаго большинства; а роль переходнаго дѣлового министерства требовала участія нейтральныхъ дѣятелей, внушающихъ одинаковое личное довѣріе и консервативнымъ, и оппозиціоннымъ группамъ. Первымъ и очень крупнымъ шагомъ къ подготовкѣ новаго отвѣтственнаго государственнаго управленія было бы назначеніе министерства изъ такихъ лицъ, какъ гр. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ и князь Евгеній Трубецкой,—и дальше этого не должны были бы идти самыя смѣлыя мечты истинныхъ сторонниковъ конституціоннаго развитія Россіи. Идея чисто-оппозиціоннаго „кадетскаго“ министерства была не только величайшею политическою наивностью, но и грубѣйшею, непростительною тактическою ошибкою со стороны партіи, которая больше всего занималась вопросами тактики. Враги оппозиціи получали при этомъ благодарный матеріалъ для обвиненія ея вождей въ честолюбивыхъ разсчетахъ на министерскіе портфели, и сама Государственная Дума, заподозрѣнная въ чистотѣ своихъ побужденій, теряла часть своего авторитета въ глазахъ населенія.

На очереди стояла не борьба за власть, а борьба за реформу существующей власти, за устраненіе всеобщаго и повсемѣстнаго безправія, допускавшаго произвольные аресты, разстрѣлы, высылки и денежныя кары безъ суда. Думское большинство вполнѣ сознавало неизбѣжную настоятельность этой борьбы, и однако оно обнаружило

какъ будто готовность вѣрить, что борьба уже окончилась, что миръ уже можетъ быть заключенъ, что реакціонное правительство добровольно пойдетъ навстрѣчу оппозиціи и согласится не только на полную амнистію и на отмѣну смертной казни за политическія убійства, но и на предоставленіе министерскихъ постовъ дѣятелямъ конституціонно-демократической партіи. Трудно понять, какъ могли умные, образованные и даже ученые люди раздѣлять подобныя противорѣчивыя и явно неосуществимыя фантазіи. Они не считались съ особенной психикой правящихъ сферъ и приписывали имъ свое пониманіе вещей: разъ созвано народное представительство съ законодательною властью, то казалось бы естественнымъ сдѣлать изъ этого акта обычные логическіе выводы, смягчить старые способы управленія, отречься отъ наиболѣе рѣзкихъ формъ административнаго самовластія, стремиться къ примиренію съ обществомъ и даже уступить нѣкоторую долю власти свѣжимъ общественнымъ элементамъ. Но для этого правящій классъ долженъ былъ бы быть совершенно другой...

Дума и правительство говорили какъ будто на разныхъ языкахъ. Министры оправдывали систему беззаконій ссылками на исключительныя полномочія, примѣненіе которыхъ зависѣло отъ нихъ же; они утверждали, что должны поневолѣ ссылать сотни и тысячи людей въ Нарымскій край и Якутскую область, потому что имѣютъ на то законное право; они заявляли, что генералъ-губернаторы не подчинены центральному правительству и могутъ въ своихъ областяхъ безконтрольно распоряжаться судьбами населенія, исполняя одновременно функціи администраторовъ, законодателей и верховныхъ судей; въ другихъ же частяхъ имперіи роль верховнаго судьи относительно дѣятелей оппозиціи или „смуты“ принадлежитъ, будто бы, по праву министру внутреннихъ дѣлъ. Россія представлялась раздѣленною на отдѣльныя сатрапіи, изъ которыхъ каждая имѣла свои особые временные законы и порядки: въ одномъ мѣстѣ объявлялось преступнымъ то, что тутъ же рядомъ, въ сосѣдней губерніи, не подвергалось никакимъ преслѣдованіямъ; за одни и тѣ же преступленія назначалась въ одномъ мѣстѣ смертная казнь, а въ другомъ—тюрьма или ссылка; повсюду участь обывателей предоставлена на усмотрѣніе низшихъ и высшихъ агентовъ полиціи. И этотъ невѣроятный режимъ мѣстныхъ сатрапій поддерживается до сихъ поръ и спеціально защищается охранителями прочнаго внутренняго единства имперіи! Между тѣмъ Государственная Дума, передъ которою раскрывались всѣ ужасы этого режима, тратила время и силы на безплодное обсужденіе отдѣльныхъ эпизодовъ правительственной дѣятельности, подготовляла общіе законопроекты о гражданскихъ свободахъ и погружалась въ дебри аграрнаго вопроса, который она надѣялась разрѣшить ранѣе и помимо прове-

денія коренной политической реформы. Первая и основная задача не была поставлена съ надлежащею ясностью и полнотою: необходимое преобразованіе государственнаго строя и управленія почти не было затронуто Думою, которая часто какъ бы забывала свои высокія законодательныя обязанности и превращалась въ привилегированный митингъ. Единственный законъ, самостоятельно проведенный Государственной Думою, — объ отмѣнѣ смертной казни — касался лишь одной изъ частностей реакціоннаго режима и былъ заранѣе обреченъ на безсиліе, такъ какъ, по господствующимъ понятіямъ и взглядамъ носителей государственной власти, для нея далеко еще не прошелъ періодъ жестокой борьбы съ активной оппозиціей.

Думу обвиняли еще въ томъ, что она не высказалась категорически противъ революціонеровъ и не осудила совершаемыхъ ими насилій и политическихъ убійствъ; но никто и безъ того не сомнѣвался въ преступности этихъ насильственныхъ актовъ, которые безпощадно карались и караются по общимъ и исключительнымъ законамъ. Если Дума протестовала противъ организованныхъ массовыхъ преступленій, обращенныхъ противъ населенія различныхъ городовъ, то только потому, что эти преступленія оставались безнаказанными и даже открыто поощрялись нѣкоторыми представителями власти; дѣйствія же, за которыми слѣдовала суровая расправа надъ виновными, не нуждались уже, конечно, въ осужденіи со стороны Государственной Думы. Въ этомъ случаѣ Дума вовсе не заслужила тѣхъ горькихъ упрековъ, которые дѣлались ей строгими моралистами. Дума имѣла основаніе смотрѣть на революціонныя дѣйствія, какъ на печальные продукты существующей правительственной системы, и должна была направить всѣ свои заботы на устраненіе причинъ хроническаго зла, разъѣдающаго государственный организмъ; а причины заключались въ безнадежно-дурномъ, несправедливомъ и разорительномъ для страны управленіи. Революція исчезла бы, какъ дымъ, и всякія преступныя насилія и посягательства прекратились бы сами собою, еслибы власть перешла въ руки людей, достойныхъ общаго довѣрія и способныхъ на дѣлѣ осуществить благотворныя перемѣны, возвѣщенныя манифестомъ 17-го октября. Административный произволъ только усилился и упрочился съ изданіемъ этой „конституціи“; онъ свободно свирѣпствовалъ при существованіи Государственной Думы и продолжаетъ свирѣпствовать понынѣ,—и онъ направленъ главнымъ образомъ противъ мирной прогрессивной части общества, противъ умѣренныхъ политическихъ партій, противъ всѣхъ искреннихъ приверженцевъ законности и права. Правительство борется не столько противъ революціи, сколько противъ конституціи; оно преслѣдуетъ всякую вообще легальную оппозицію, уничтожаетъ свободу общественнаго мнѣнія,

свободу слова, собраній и печати. Революціонная смута служитъ только благовиднымъ предлогомъ для фактическаго подавленія либеральныхъ элементовъ, враждебныхъ дальнѣйшему одностороннему господству бюрократіи.

III.

Опытъ первой Государственной Думы вновь подтвердилъ старую истину, что политическія реформы должны предшествовать соціальнымъ, и что прочное разрѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ поземельный, возможно только при соотвѣтственныхъ условіяхъ политической жизни. Безполезно было ставить аграрную проблему впереди конституціонной: ничего нельзя достигнуть и устроить, не имѣя за собою реальной власти, а распредѣленіе власти зависитъ отъ государственнаго строя. Къ чему приведутъ самые справедливые и старательно разработанные аграрные проекты, если ихъ можетъ во всякое время безпрепятственно опрокинуть и упразднить ничтожнѣйшее министерство, располагающее всѣми силами государства? Что помогутъ народу самые лучшіе соціальные законы, пока примѣненіе ихъ будетъ находиться въ рукахъ земскихъ начальниковъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, а истолкованіе предоставлено бывшимъ директорамъ департамента полиціи? Прежде всего нужно преобразовать систему управленія, измѣнить составъ и способы дѣйствія администраціи, обезпечить правильное и постоянное функціонированіе народнаго представительства, а затѣмъ только можно приступить къ новому устройству поземельныхъ и прочихъ соціальныхъ отношеній, опираясь на сочувствіе и поддержку большинства избирателей.

Наши политическія партіи несомнѣнно пребывали въ мірѣ иллюзій, когда думали одержать побѣду надъ организованными матеріальными силами стараго режима при помощи подъема общественнаго настроенія или отдѣльныхъ мѣстныхъ вспышекъ протеста. Настроеніе, по существу перемѣнчивое и колеблющееся, не можетъ считаться опорою въ борьбѣ, когда оно не выражается въ реальныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ, какъ напр. въ подачѣ голосовъ за ту или другую партію на выборахъ. Слишкомъ много злоупотребляли у насъ фразами объ „умирающемъ режимѣ“ и о торжественномъ побѣдномъ шествіи освободительнаго движенія: негодный старый режимъ не расположенъ умирать, имѣя за собою военное могущество и вѣковыя традиціонныя чувства населенія; онъ можетъ оказаться чрезвычайно живучимъ, прибѣгая лишь къ частичнымъ передѣлкамъ, улучшеніямъ и прикрасамъ. Правда, онъ приноситъ страшный вредъ государству и парализуетъ

жизненныя силы народа; но это не доходитъ до сознанія правящихъ лицъ и потому не можетъ смущать ихъ. Многіе наивно воображали, что событія должны непремѣнно идти у насъ по французскому или иному образцу; между тѣмъ, тутъ нѣтъ матеріала для сравненія: у насъ недостаетъ могущественной и вліятельной революціонной буржуазіи; крестьянскія массы, разбросанныя на огромныхъ разстояніяхъ, неспособны къ сосредоточенному и планомѣрному дѣйствію и легко подавляются военно-полицейскими экзекуціями; власть располагаетъ вооруженной силой, которой не было у французскихъ правителей 1789 года; наши средніе классы -купечество и мѣщанство—безусловно консервативны. Рабочій пролетаріатъ только начинаетъ у насъ получать извѣстную организацію, а по общей численности, составляя лишь ничтожный процентъ всего населенія, онъ далеко еще не можетъ претендовать на ту руководящую роль, которая приписывается ему по аналогіи съ западно-европейскими государствами. Не слѣдуетъ также преувеличивать значенія и силъ нашихъ крайнихъ лѣвыхъ партій: эти партіи выросли и получили необыкновенное распространеніе подъ гнетомъ суровыхъ репрессій, и онѣ войдутъ въ свое нормальное русло, когда перестанутъ встрѣчать на своемъ пути искусственныя плотины и преграды. На другой день послѣ манифеста 17-го октября о гражданскихъ свободахъ вся Россія съ удивленіемъ узнала, что нѣтъ такого города или мѣстечка, гдѣ не было бы соціалъ-демократовъ съ ихъ партійной организаціей: это были неожиданные, но весьма чувствительные плоды многолѣтнихъ жестокихъ преслѣдованій, окружавшихъ пропаганду соціализма ореоломъ геройства и самоотверженія. Пусть прекратится гоненіе,—и наша соціалъ-демократія приметъ свои естественные размѣры и современемъ, быть можетъ, разовьется въ самостоятельную народную партію, свободную отъ слѣпого подражанія чужимъ идеямъ и примѣрамъ. Университетской молодежи полагается быть соціалъ-демократическою: въ двадцать лѣтъ обязательно вѣрить въ широкіе идеалы соціализма, но съ годами вѣра слабѣетъ и въ лучшемъ случаѣ превращается въ пассивное усвоеніе извѣстной, ни къ чему не обязывающей книжной теоріи. Соціалъ-демократія, въ современномъ ея видѣ, уже по своему нѣмецкому отвлеченно-философскому типу, не имѣетъ у насъ серьезной почвы и не можетъ разсчитывать на успѣхъ въ широкихъ народныхъ массахъ; она пріобрѣла у насъ узко-сектантскій характеръ, наиболѣе заманчивый для полу-интеллигентныхъ искателей правды. Наши соціалисты-революціонеры опасны только для режима Плеве и Дурново, или, вѣрнѣе, для представителей этого режима; но они вполнѣ безобидны при конституціонномъ правленіи, которое поневолѣ заставитъ

ихъ отбросить безплодное доктринерство и принять участіе въ положительной работѣ на пользу народа.

Въ открытой борьбѣ съ реакціоннымъ правительствомъ наши крайнія лѣвыя партіи были сильны своимъ духомъ, но не своимъ реальнымъ значеніемъ; онѣ могли наносить многочисленные отдѣльные удары, ожесточавшіе противника, но никогда не создавали для себя вѣроятности побѣды. Эпидемія политическихъ убійствъ разросталась по мѣрѣ усиленія репрессіи и достигла наибольшаго развитія со времени введенія военно-полевыхъ судовъ; человѣческая жизнь утратила какъ будто всякую цѣну, убійства и казни совершаются ежедневно, а никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ обоюднаго озвѣрѣнія, не видно. Ни одинъ политическій успѣхъ не можетъ быть приписанъ этимъ ударамъ революціоннаго террора: напротивъ, дѣятели реакціи охотно входятъ въ роль самоотверженныхъ героевъ и мучениковъ своего служенія, и на мѣсто одного Сипягина или Плеве встаютъ десятки кандидатовъ, еще болѣе рѣшительныхъ и прямолинейныхъ. Нечего и говорить о нелѣпыхъ нападеніяхъ на простыхъ подневольныхъ исполнителей, на какихъ-нибудь городовыхъ или солдатъ, или о новѣйшихъ разбояхъ и грабежахъ, практикуемыхъ подъ именемъ революціонной экспропріаціи: эти жалкіе или безумные подвиги свидѣтельствуютъ о нравственномъ вырожденіи и политической анархіи—послѣдствіяхъ продолжительнаго и безъисходнаго внутренняго кризиса. Ничего хорошаго не достигается даже самымъ обдуманнымъ и разсчетливымъ терроромъ, замѣняющимъ иногда отсутствующее для администраторовъ правосудіе; съ другой стороны, всякія кары безсильны противъ фанатиковъ и юношей-идеалистовъ, готовыхъ сознательно отдать свою жизнь во имя идеи. Единственный крупный шагъ впередъ, завоеванный освободительнымъ движеніемъ,—манифестъ 17-го октября—былъ вызванъ не актомъ насилія, а грандіозною мирною демонстраціей, грозившею изолировать правительство и дворъ отъ всего остального міра. Но эти конституціонныя завоеванія—какъ ни грустно въ этомъ сознаться—достались намъ все-таки только подъ вліяніемъ японскихъ побѣдъ, послѣ Мукдена и Цусимы. Однако, правящія сферы въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ терпѣли отъ террористовъ огромныя потери въ своемъ личномъ составѣ и въ числѣ своихъ вѣрныхъ слугъ,—и вопросъ о томъ, какъ положить конецъ этой кровавой охотѣ на сановниковъ, министровъ и ихъ агентовъ, представляетъ капитальный интересъ для нынѣшней государственной власти.

Еслибы доводы разсудка дѣйствовали на извѣстный кругъ лицъ, Россія давно имѣла бы регулярное народное представительство съ строго-отвѣтственнымъ и честнымъ управленіемъ; до сихъ поръ оппозиція настойчиво и тщетно доказывала правителямъ и ихъ союзни-

камъ спасительность конституціи для государства и народа,— не пора ли попытаться убѣдить ихъ въ пользѣ этого исхода для нихъ самихъ? Въ сущности правители, столь заботливо ограждающіе мнимую полноту и обширность своей власти, лишены теперь многихъ цѣнныхъ правъ, доступныхъ обыкновеннымъ смертнымъ,—они не знаютъ чувства личной безопасности, не обладаютъ свободою передвиженія, переѣздовъ и путешествій, не могутъ спокойно посѣщать заграничные курорты, постоянно должны испытывать тревогу изъ-за себя и своихъ семействъ. Не слѣдуетъ ли избавить ихъ отъ этихъ стѣснительныхъ ограниченій и вернуть имъ ту свободу жизни и дѣятельности, какою пользуются ихъ коллеги въ Европѣ? Не завидно ли, напр., положеніе Эдуарда VII, который, будучи могущественнымъ и весьма вліятельнымъ монархомъ, наслаждается всѣми преимуществами личной свободы и можетъ безпрепятственно разъѣзжать по своей странѣ, какъ и по чужимъ краямъ? Развѣ дурно положеніе Вильгельма II, связаннаго прусскою и германскою конституціями? Принципіальныя соглашенія между правящимъ классомъ и оппозиціею едва ли возможны; но многое было бы сдѣлано, еслибы откровенно стать на точку зрѣнія выгодности и практическаго удобства извѣстныхъ комбинацій для высшихъ сферъ.

Незадолго до открытія первой Государственной Думы, въ придворныхъ совѣщаніяхъ, какъ извѣстно теперь, заранѣе обсуждался и былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о роспускѣ Думы, если она выскажется за принудительное отчужденіе земель; главный сторонникъ этого взгляда сдѣлался премьеромъ, и, слѣдовательно, министерство Горемыкина имѣло съ самаго начала свою предустановленную обструкціонную программу по отношенію къ Думѣ, чѣмъ и объясняется самоувѣренный тонъ его декларацiи о „недопустимости" аграрной реформы. Полезно ли было для правящихъ сферъ это предварительное рѣшеніе о роспускѣ Думы и выгоденъ ли былъ для власти самый актъ этого роспуска? Объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній: несравненно лучше и спокойнѣе было бы предоставить Думѣ разрабатывать законопроекты, которые никому никакого вреда причинить не могли,—потому что они должны были бы затѣмъ еще обсуждаться въ Государственномъ Совѣтѣ, вновь разсматриваться въ Думѣ и служить предметомъ компромисса между обѣими палатами, или были бы отклонены въ принципѣ и не вошли бы вовсе въ законодательство, за отсутствіемъ необходимой санкціи. Для чего же нуженъ былъ весь этотъ мучительный кризисъ, подстроенный еще до созыва Думы, и какую пользу принесъ онъ правящимъ сферамъ? Между тѣмъ говорятъ, будто предположено и впредь идти по тому же пути непримиримой охранительной политики и что, въ случаѣ избранія рѣзко-

оппозиціонной Думы, будетъ угрожать опасность самому акту 17 октября: вся эта конституція будетъ просто отмѣнена, и бюрократическое самодержавіе возстановится, будто бы, въ старомъ византійско-подъяческомъ стилѣ, согласно идеямъ и стремленіямъ небольшого шумливаго кружка „союзниковъ русскаго народа". Но конституціонные акты не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть взяты обратно, и, конечно, мечтамъ „союза" не суждено осуществиться. Самая возможность подобныхъ слуховъ указываетъ, однако, на то, что въ правящихъ сферахъ не созрѣла еще рѣшимость покончить разъ навсегда съ политическимъ кризисомъ, тянущимся уже десятки лѣтъ и не дающимъ спокойно существовать не только массѣ русскаго общества, но и высокопоставленнымъ сановникамъ и министрамъ. Повидимому, нѣтъ недостатка въ закулисныхъ совѣтникахъ, заинтересованныхъ въ упорномъ продолженіи внутренней смуты; но интересы самой власти настоятельно требуютъ рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ въ духѣ мира и благоразумной уступчивости. Нужно желать, чтобы въ этомъ отношеніи вторая Государственная Дума была счастливѣе первой.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1907.

Положеніе дѣлъ на рубежѣ новаго года. — Историческія параллели. — Вопросъ о чрезвычайной охранѣ. — „Легализація“ партій и ея результаты. — Допустимо ли оставленіе „внѣ закона“ хотя бы самыхъ крайнихъ лѣвыхъ партій? — Новая инструкція о выборахъ. — Новое сенатское „разъясненіе“.—Выборы и духовенство.

Назначенъ, наконецъ, день выборовъ въ Государственную Думу; открылся предвыборный періодъ—но въ общемъ положеніи дѣлъ не произошло, пока, замѣтной перемѣны. Мѣстности, объявленныя на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны, не возвращены, за немногими исключеніями, подъ дѣйствіе обыкновенныхъ законовъ или хотя бы правилъ объ усиленной охранѣ. Не прекращается и не ослабѣваетъ работа военно-полевыхъ судовъ. Публичнымъ собраніямъ противопоставляются всякаго рода преграды. Органы независимой печати висятъ на волоскѣ, оборвать который въ каждую данную минуту можетъ градоначальникъ или губернаторъ. Съ другой стороны, въ разныхъ концахъ государства, не исключая столь бережно охраняемыхъ столицъ, повторяются террористическіе акты, какъ бы въ доказательство того, что угроза смертью вызываетъ, въ концѣ концовъ, пренебреженіе и къ своей, и къ чужой жизни.

Нигдѣ и никогда—за однимъ только исключеніемъ, которое мы сейчасъ укажемъ,—выборы въ законодательное собраніе не наступали при столь тяжелыхъ условіяхъ. Избранію Національнаго Конвента предшествовали первыя неудачи на театрѣ войны, взволновавшія населеніе; но врагъ былъ еще далеко, сентябрьскія же убійства разразились тогда, когда въ Парижѣ выборы были уже окончены, а въ департаментахъ, куда не успѣла еще дойти мрачная вѣсть—едва начаты. Выборы въ учредительное собраніе 1848-го года состоялись тогда, когда замолкли

отголоски февральской бури, а признаки новой смуты мало еще кѣмъ чувствовались и сознавались. Выборы въ прусскую палату депутатовъ, послѣдовавшіе за роспускомъ національнаго собранія и октроированіемъ конституціи (декабрь 1848 г.), застали страну смущенною, но не угнетенною; осадное положеніе было провозглашено только въ Берлинѣ и его окрестностяхъ. Французское національное собраніе 1871-го года было избрано подъ впечатлѣніемъ неслыханнаго военнаго разгрома, но безъ давленія со стороны правительства. Во время дополнительныхъ выборовъ, происходившихъ (2-го іюля) послѣ усмиренія коммуны, внѣ дѣйствія общихъ законовъ оставалась лишь небольшая часть государства.

Чтобы найти нѣчто напоминающее переживаемый нами историческій моментъ, нужно обратиться къ Франціи, какою она была послѣ декабрьскаго переворота 1851-го года. Чрезвычайные суды, военное положеніе, казни, массовые аресты и высылки, полновластіе администраціи—все это было налицо въ первые мѣсяцы управленія принца-президента; угнетеніе печати достигало такихъ размѣровъ, до какихъ оно не доходитъ даже у насъ въ настоящее время. Въ Законодательный Корпусъ, избранный при такой обстановкѣ, проникли, за единичными исключеніями, только сторонники правительства или, лучше сказать, покорные его слуги. Депутаты, образовавшіе изъ себя огромное большинство палаты, мало чѣмъ отличались отъ чиновниковъ: они считались избранниками народа, но на самомъ дѣлѣ ихъ назначало правительство, ставя и проводя „оффиціальныя кандидатуры". Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что аналогичныя условія приведутъ къ аналогичнымъ результатамъ, и наша вторая Государственная Дума явится вѣрнымъ снимкомъ съ созывающаго ее министерства? Нѣтъ: за внѣшнимъ сходствомъ скрывается глубокое внутреннее различіе. Захватъ власти, произведенный Людовикомъ-Наполеономъ, засталъ Францію разочарованною и растерявшеюся. Одна за другою пали монархія легитимная, опиравшаяся на преданіе и давность, и монархія буржуазная, ничего не видѣвшая и не хотѣвшая видѣть за предѣлами „легальной страны". Республика, провозглашенная въ февралѣ 1848-го года, была обречена на смерть уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда стихійное возстаніе пролетаріата навело страхъ на массу населенія, а наполеоновская легенда, дорогая народу, нашла искуснаго эксплуататора въ лицѣ племянника великаго дяди. Въ живучесть республиканской формы правленія плохо вѣрили сами составители конституціи—и вовсе не вѣрили ихъ преемники. Монархическое большинство законодательнаго собранія, избраннаго въ 1849-мъ году, ожидало, съ минуты на минуту, открытія наслѣдства; спорнымъ являлся только вопросъ о наслѣдникѣ. Когда этотъ вопросъ былъ

рѣшенъ тѣмъ изъ участниковъ спора, въ рукахъ котораго была вооруженная сила,—на сторонѣ тріумфатора, если не активно, то пассивно, оказалась масса населенія. Крестьяне-собственники, напуганные слухами о предстоящемъ раздѣлѣ земли, шли къ урнамъ толпами, подъ предводительствомъ назначенныхъ мэровъ и преданнаго новому режиму католическаго духовенства; рабочіе, не оправившіеся еще отъ іюньскаго погрома и извѣрившіеся въ буржуазную республику, не составляли сплоченной массы, готовой дать отпоръ правительственнымъ кандидатамъ; такъ называемыя „старыя партіи", враждебныя другъ другу, подавленныя крушеніемъ ихъ надеждъ, не принимали дѣятельнаго участія въ выборахъ; вожди передовыхъ группъ были въ изгнаніи или ссылкѣ. Все это способствовало побѣдѣ самозваннаго властителя, одержанной почти безъ боя.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь у насъ. Доказанною до очевидности является только полнѣйшая несостоятельность стараго порядка, приведшаго къ несчастной войнѣ и къ внутренней анархіи. Изъ комбинацій, идущихъ ему на смѣну, ни одна не можетъ считаться испытанной и окончательно отвергнутой. Крушенія не потерпѣла ни одна новая политическая вѣра. Народное представительство уже потому не могло обмануть возлагавшихся на него ожиданій, что слишкомъ коротка была его дѣятельность, протекавшая, притомъ, при крайне ненормальной обстановкѣ. Въ прошедшемъ прогрессивныхъ партій—если разсматривать каждую изъ нихъ какъ цѣлое, не отвѣтственное за дѣйствія отдѣльныхъ членовъ,—нѣтъ груза, неудержимо тянущаго внизъ или уничтожающаго, на время, возможность движенія. Если крестьянской массѣ и свойственъ консерватизмъ, то онъ парализованъ, въ настоящую минуту, томительнымъ чувствомъ матеріальной нужды и не устраненнаго еще безправія. Вѣковая исторія воспитала въ русскомъ крестьянствѣ такое отношеніе къ землѣ, какого не знаетъ Западъ. Надъ русскими рабочими, какъ классомъ, только-что сознавшимъ свои особые интересы, слабо тяготѣетъ память о безплодныхъ стремленіяхъ и о напрасно потраченныхъ силахъ. Усталость отъ борьбы не переходитъ у насъ въ уныніе. Въ этомъ—первое глубокое различіе между Франціей начала пятидесятыхъ годовъ и Россіей на рубежѣ 1907-го года. Другая разница—въ количествѣ и качествѣ реакціонныхъ силъ. Французская бюрократія, хорошо вымуштрованная, строго дисциплинированная, авторитетная въ глазахъ населенія, гордая своимъ дѣйствительнымъ или воображаемымъ превосходствомъ (вспомнимъ слова Тьера: „cette administration que l'Europe nous envie"), была надежнымъ орудіемъ въ рукахъ принца-президента и его порочныхъ, но умныхъ пособниковъ. Русское чиновничество—въ особенности то, которое непосредственно соприкасается съ народомъ—ли-

шено традицій, не обладаетъ ни выучкой, ни энергіей, мало довѣряетъ самому себѣ и мало кому внушаетъ довѣріе; въ политической борьбѣ, къ которой ничто его не подготовляло, его ослабляютъ даже лучшія его качества—умѣренное развитіе формализма и значительная доза добродушія. То же самое можно сказать и о русскихъ священникахъ: имъ чужда властность католическаго духовенства, чуждо желаніе вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла—и сообразно съ этимъ невелико политическое вліяніе ихъ на прихожанъ. Съиграть выдающуюся роль въ выборной борьбѣ они бы не смогли, еслибы и захотѣли.

Итакъ, на избирательную побѣду въ родѣ той, которую одержали, въ 1852-мъ году, Морни и Персиньи, министерство Столыпина разсчитывать не можетъ. Продолжимъ, однако, начатую нами параллель; допустимъ, что большинство во второй Государственной Думѣ, благодаря принятымъ и принимаемымъ административнымъ и инымъ мѣрамъ, окажется именно такимъ, какое желательно правительству. Французскій Законодательный Корпусъ, наполненный безличными и безцвѣтными креатурами торжествующаго бонапартизма, былъ призванъ къ самой скромной роли, при полномъ затишьѣ государственнаго творчества. Организація новаго политическаго строя была закончена, путемъ декретовъ, еще до открытія первой законодательной сессіи. На разсмотрѣніе палаты вносились только маловажные, сравнительно, законопроекты, прекрасно, въ техническомъ отношеніи, разработанные Государственнымъ Совѣтомъ. Управленіе страною велось опытными и ловкими руками; народное благосостояніе скорѣе росло, чѣмъ уменьшалось; неудовольствія въ массахъ не было; удачно и не безъ блеска веденная война съ Россіей увеличила престижъ, связанный тогда съ самымъ именемъ Наполеона. Все это вмѣстѣ взятое привело къ тому, что вторые выборы въ Законодательный Корпусъ, произведенные въ 1857-мъ году, мало чѣмъ отличались отъ первыхъ и упрочили еще на шесть лѣтъ благополучное и безмятежное существованіе декабрьскаго режима. При такихъ ли условіяхъ придется работать нашей второй Государственной Думѣ? Переходъ отъ одного государственнаго строя къ другому только-что начался; вездѣ царитъ хаосъ, вездѣ идетъ мучительно тяжелый процессъ созиданія новыхъ формъ и новыхъ отношеній; на очереди стоятъ преобразованія, глубоко, со всѣхъ сторонъ затрогивающія общественную жизнь. Съ громадной, ежедневно усложняющейся задачей не можетъ справиться бюрократія, несостоятельность которой обнаруживалась столько разъ въ другихъ дѣлахъ, гораздо менѣе трудныхъ. Необходимъ призывъ всѣхъ живыхъ народныхъ силъ, необходима мирная, но ничѣмъ не связанная борьба, которая только одна можетъ привести къ желанному успокоенію. Въ средѣ Думы, искус-

ственно приведенной къ одному знаменателю, такая борьба немыслима. Къ усиліямъ министерства ничего не прибавятъ усилія послушныхъ ему народныхъ представителей. А что, если правительственная поддержка проведетъ въ Думу значительное число сомнительныхъ союзниковъ? Что, если такъ называемые „монархисты", исходя изъ той мысли, что въ области политики неумѣстна благодарность, поднимутъ противъ министерства то самое знамя, которымъ они потрясаютъ теперь по адресу лѣвыхъ партій, какъ умѣренныхъ, такъ и крайнихъ? Не пойдетъ ли тогда на смарку и то немногое, что такою дорогою цѣною пріобрѣтено Россіей, и не очутится ли она опять, при еще худшихъ условіяхъ, въ томъ положеніи, въ которое ее повергла реакція послѣдней четверти XIX-го вѣка? Терпѣливо нести бремя этого положенія народъ, однажды проснувшись и раскрывъ глаза, безъ сомнѣнія не станетъ, и передъ несчастной страной раскроется такое „море бѣдъ", въ сравненіи съ которымъ померкнетъ все испытанное ею до настоящей минуты.

Къ числу „instrumenta regni", съ особою охотой употребляемыми министерствомъ Столыпина, принадлежитъ чрезвычайная охрана. Въ Москвѣ, гдѣ она была объявлена за нѣсколько дней до начала вооруженнаго возстанія, дѣйствіе ея продлено еще на полгода. Въ Петербургѣ и петербургской губерніи она была провозглашена 8-го іюля, очевидно—въ томъ предположеніи, что воспослѣдовавшій въ тотъ же день роспускъ Государственной Думы подастъ поводъ къ волненіямъ и безпорядкамъ. Предположеніе это оказалось ошибочнымъ: помимо военнаго бунта въ Кронштадтѣ, возникшаго не на почвѣ недовольства роспускомъ Думы и очень быстро усмиреннаго, общественная тишина была нарушена лишь нѣсколькими террористическими актами, противъ которыхъ безсильны самыя тщательныя предосторожности и самыя суровыя репрессіи. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайная охрана остается въ силѣ, хотя нельзя представить себѣ ничего болѣе несовмѣстнаго съ характеромъ и назначеніемъ предвыборнаго періода. Посмотримъ, какіе доводы приводятся обыкновенно въ оправданіе столь явной аномаліи.

Въ пользу чрезвычайной охраны говоритъ прежде всего, по мнѣнію ея защитниковъ, ея успокоительное дѣйствіе. Но развѣ до нея Петербургъ не переживалъ долгаго періода внѣшняго спокойствія, ничѣмъ не отличающагося отъ нынѣшняго? Развѣ со времени окончанія послѣдней прошлогодней забастовки происходили въ Петербургѣ сколько-нибудь серьезныя нарушенія порядка, вызывавшія вмѣшательство вооруженной силой? Случилось ли въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1906-го года что-нибудь напоминающее

хотя бы тѣ уличныя схватки, которыми были омрачены первые дни послѣ обнародованія манифеста 17-го октября? Что касается до петербургской губерніи, то развѣ не ко второй половинѣ года относятся немногіе аграрные безпорядки, нарушившіе правильное теченіе деревенской жизни? Къ тому заключенію, которое всемѣрно стараются обосновать новѣйшіе сторонники властной руки, нельзя, слѣдовательно, придти даже съ помощью обманчивой формулы: post hoc—ergo propter hoc. „Успокоеніе", въ смыслѣ отсутствія явныхъ нарушеній наружнаго порядка, наступило для Петербурга и петербургской губерніи гораздо раньше объявленія въ нихъ чрезвычайной охраны.

Какъ бы то ни было — таковъ дальнѣйшій аргументъ въ пользу statu quo,—при дѣйствіи чрезвычайной охраны живется сравнительно легко, и потому нужно за нее держаться и даже цѣпляться. Разсуждающіе такимъ образомъ не замѣчаютъ, что они стоятъ, въ сущности, за безсрочность чрезвычайной охраны — безсрочность, граничащую съ вѣчностью. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что во время охраны былъ бы рѣзко и сильно нарушенъ порядокъ. Само собою разумѣется, что вслѣдъ за этимъ съ особенною силой раздалось бы требованіе сохранить, продлить охрану. Теперь то же самое требованіе выводится изъ прямо противоположной основы — изъ ненарушимости порядка. Итакъ, охрана необходима во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ ходъ общественной жизни?... Никто, однако, не станетъ отрицать, что усиленная и, тѣмъ болѣе, чрезвычайная охрана—явленіе ненормальное, исключительное: на это указываетъ уже самое ея наименованіе. Не ясно ли, что въ основаніи аргументаціи, приводящей къ явно нелѣпому заключенію, лежитъ либо логическая ошибка, либо нежеланіе считаться съ логикой?

Спокойно ли, далѣе, живется подъ крылышкомъ охраны—спокойно ли живется хотя бы „благополучнымъ россіянамъ", огражденнымъ или считающимъ себя огражденными отъ полицейскаго произвола? Способствуютъ ли ихъ спокойствію газетныя извѣстія объ „экспропріаціяхъ", произведенныхъ въ частной квартирѣ или на улицѣ, иногда въ самомъ центрѣ столицы? Способствуетъ ли ихъ спокойствію сознаніе, что при прогулкѣ они могутъ наткнуться на сцену въ родѣ той, которая разыгралась 14-го октября на набережной Екатерининскаго канала, а у себя дома могутъ пострадать отъ бомбы, взорвавшейся надъ или подъ ихъ квартирой? Противъ тревоги, вытекающей изъ такихъ источниковъ, безсильна самая экстраординарная охрана: положить ей конецъ можетъ только прекращеніе террора сверху и террора снизу, установленіе порядка, при которомъ хорошо жилось бы по возможности всѣмъ и каждому.

Чрезвычайная охрана—это одна изъ новыхъ варіацій на старую тему:

„que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent“. Какъ и всѣ предшествовавшія, новая варіація не устраняетъ фальши, заключающейся въ самой темѣ. Между понятіями о bons и méchants нѣтъ и не можетъ быть ясной демаркаціонной линіи; каждое изъ нихъ видоизмѣняется до безконечности, въ зависимости отъ того, кто беретъ на себя роль толкователя. Нельзя, поэтому, утверждать, что отъ чрезвычайной охраны страдаютъ только заслуживающіе страданія. Ея удары, уже вслѣдствіе ихъ стремительности, часто падаютъ не на тѣхъ, кому они предназначались, еще чаще — на тѣхъ, въ комъ и съ помощью сильнѣйшаго увеличительнаго стекла нельзя найти признаковъ дѣйствительной „злобности“. Ошибки встрѣчаются даже тамъ, гдѣ онѣ слишкомъ легко могутъ оказаться непоправимыми — напр. въ сферѣ дѣйствій военно-полевыхъ судовъ. Ничѣмъ не вызванный обыскъ, ничѣмъ не оправданное лишеніе свободы—явленія совершенно обычныя, повторяющіяся столь часто, что имъ даже перестаютъ удивляться: а между тѣмъ, каждое изъ нихъ сгущаетъ ту атмосферу взаимнаго раздраженія и недовѣрія, которою мы теперь дышимъ — атмосферу, меньше всего подходящую для предвыборнаго періода. Мыслимо ли въ ней всестороннее выясненіе очередныхъ задачъ, мыслима ли нормальная, при равенствѣ условій происходящая борьба мнѣній? Достаточнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить два факта, только-что внесенные въ ежедневно растущій пассивъ чрезвычайной охраны. На помощника присяжнаго повѣреннаго налагается штрафъ въ *тысячу* рублей за то, что въ созывѣ устроеннаго имъ публичнаго собранія приняли участіе члены партіи народной свободы. Арестуются и высылаются изъ Петербурга двѣ курсистки за то, что онѣ старались вербовать новыхъ членовъ въ ту же партію. Чему и кому грозила, въ обоихъ случаяхъ, чрезвычайная опасность, извиняющая примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ? Можно ли усмотрѣть хоть тѣнь соотвѣтствія между виною и репрессіей—да и не странно ли говорить о винѣ, когда имѣется на лицо лишь невинное, безобидное пользованіе безспорнымъ правомъ? Что̀ преступнаго или предосудительнаго представляетъ участіе друзей въ разсылкѣ приглашеній на легальнѣйшее собраніе или разговоръ о предстоящихъ выборахъ не сопровождаемый ни угрозами, ни обманомъ? Какъ отнеслась бы администрація къ аналогичнымъ дѣйствіямъ совершеннымъ въ интересахъ одной изъ „покровительствуемыхъ“ партій?

На послѣдній вопросъ у апологетовъ произвола есть, мы это знаемъ, готовый отвѣтъ. „Quod licet Jovi—скажутъ они—non licet bovi“: изъ той свободы дѣйствій, которою пользуются „легализованныя“, „зарегистрованныя“ партіи, нельзя выводить необходимость предоставленія такой же свободы всѣмъ остальнымъ, не получившимъ, отъ

подлежащаго учрежденія, права на жизнь или прямо лишеннымъ этого права. Мы встрѣчаемся здѣсь съ одною изъ чудовищнѣйшихъ аномалій, созданныхъ дѣйствующимъ порядкомъ. Политическія партіи, *какъ таковыя*, не нуждаются въ оффиціальномъ утвержденіи. Существованіе ихъ разумѣется само собою, разъ что въ странѣ возникла политическая жизнь. Группировка людей, одинаково настроенныхъ, идущихъ, однимъ и тѣмъ же путемъ, къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, совершенно неизбѣжна: ее нельзя предотвратить, нельзя уничтожить, пока есть хоть какая-нибудь почва для общей, совмѣстной работы. Вмѣстѣ взятыя, эти группы обнимаютъ собою всю сложившуюся къ данному моменту политическую гамму, отъ самыхъ низкихъ нотъ до самыхъ высокихъ. Какъ изъ пѣсни нельзя выкинуть слова, такъ изъ цѣпи, образуемой партіями, нельзя вырвать ни одного звена. Если есть въ странѣ извѣстное мнѣніе, то не могутъ не быть и его представители, болѣе или менѣе прочно объединенные между собою. О *легализаціи* партіи можетъ идти рѣчь лишь настолько, насколько партія составляетъ *общество*, въ смыслѣ корпораціи, пользующейся правами юридическаго лица. Пускай требуется внесеніе партіи въ реестръ обществъ, поскольку она имѣетъ въ виду, напримѣръ, покупку дома, заключеніе долгового обязательства или контракта на наемъ квартиры; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы можно было обусловливать регистраціей *политическую* дѣятельность партіи — напр. созывъ собраній, разсылку воззваній и программъ, сборъ добровольныхъ членскихъ взносовъ. Вѣдь это значитъ сдѣлать правительство судьею въ собственномъ дѣлѣ, нарушить равновѣсіе между партіями, создать своего роду цензуру— создать ее именно тамъ, гдѣ для нея всего меньше основаній. Оставаясь въ своей настоящей сферѣ, т.-е. стремясь, законными путями, къ распространенію своихъ взглядовъ и осуществленію своихъ идеаловъ, партія дѣйствуетъ не какъ организованное общество, а какъ свободный, измѣнчивый въ своемъ составѣ союзъ, участники котораго, неся отвѣтственность каждый за себя, всецѣло сохраняютъ свою индивидуальность. Смѣшивать понятіе о партіи съ понятіемъ объ обществѣ — значитъ впадать въ юридическую и политическую ересь.

Намъ могутъ возразить, что требованіе легализаціи—необходимое и законное орудіе борьбы противъ такъ называемыхъ разрушительныхъ партій, угрожающихъ самымъ основамъ общества и государства. Соблюдать нейтралитетъ по отношенію къ такимъ партіямъ правительство не можетъ и не должно: не можетъ—въ силу принципа необходимой обороны, не должно—въ силу своей охранительной миссіи. Этотъ взглядъ заимствованъ всецѣло изъ традицій стараго режима; въ рамкахъ новой эпохи для него нѣтъ мѣста. Всѣ *мнѣнія* имѣютъ право на существованіе; государство, переставшее быть полицейскимъ,

можетъ реагировать силою только противъ *дѣйствій* или противъ словъ, равносильныхъ дѣйствіямъ. Ни въ одной цивилизованной странѣ нельзя безнаказанно и безпрепятственно призывать къ совершенію преступленій, къ вооруженному возстанію, къ немедленному ниспроверженію дѣйствующаго порядка — но вездѣ можно проповѣдывать ученія, послѣднимъ словомъ которыхъ является, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, полнѣйшій переворотъ въ государственномъ и общественномъ строѣ. Русское ухо еще не привыкло къ такой проповѣди, но должно привыкнуть къ ней, разъ что безповоротно рѣшенъ разрывъ съ абсолютизмомъ. Пора освободиться отъ страха передъ названіями и кличками; пора понять, что соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ не станетъ меньше отъ отказа признавать ихъ существующими. Примѣръ Германіи доказываетъ съ достаточною ясностью, что уравненіе всѣхъ партій передъ закономъ не обостряетъ, а смягчаетъ пропаганду, идущую слѣва, и уменьшаетъ опасность, которою она грозитъ современному государству.

Еще болѣе поучителенъ урокъ, вытекающій изъ нашего собственнаго прошлаго. Кто не могъ—или не хотѣлъ—приподнять завѣсу надъ такъ называемымъ подпольемъ, тотъ еще недавно не имѣлъ понятія о степени распространенія у насъ, въ ширину и глубину, доктринъ воинствующаго соціализма. Когда завѣса пала—хотя и не совсѣмъ,—передъ глазами общества предстали довольно значительныя соціалистическія группы, рѣзко выдѣляющіяся изъ неоформленной массы. Если онѣ могли образоваться подъ усиленнымъ, непрерывнымъ гнетомъ, среди вынужденнаго молчанія, то можно ли остановить ихъ дальнѣйшее развитіе теперь, когда ихъ голосъ, хотя и сдавленный, проникаетъ въ печать и черезъ нѣсколько недѣль свободно будетъ раздаваться въ Государственной Думѣ? Не ясно ли, что при такомъ положеніи вещей всякое стѣсненіе не уменьшаетъ, а увеличиваетъ шансы успѣха крайнихъ лѣвыхъ партій? Не знаменательно ли, что именно та соціалистическая партія, которая рѣшилась выступать открыто и легально, исключила изъ своей программы наиболѣе рѣзкія требованія, какъ политическія, такъ и экономическія?.. Есть еще одно обстоятельство, говорящее противъ „непризнанія“ лѣвыхъ партій, противъ оставленія ихъ „по ту сторону“ права и закона. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ средѣ учащейся молодежи если не абсолютное большинство, то большинство активныхъ, живыхъ силъ принадлежитъ, въ настоящую минуту, сторонникамъ разныхъ оттѣнковъ соціализма. Можно сожалѣть объ этомъ, но нельзя съ этимъ не считаться; нельзя игнорировать партіи, къ которымъ тяготѣетъ молодое поколѣніе—и нельзя бороться съ ними исключительно путемъ преслѣдованій и запрещеній. Весьма вѣроятно, что именно эти способы борьбы содѣйствовали быстрому

росту русскаго соціализма. Молодежь охотно становится въ ряды гонимыхъ и неохотно прислушивается къ рѣчамъ, на которыя невозможно или трудно отвѣчать открыто.

Если не достигаютъ цѣли внѣшнія преграды, противопоставляемыя дѣятельности крайнихъ лѣвыхъ партій, то что же сказать о стѣсненіяхъ, которымъ подвергается партія народной свободы? Къ революціоннымъ партіямъ она сопричислена въ силу явнаго и, по всей вѣроятности, намѣреннаго недоразумѣнія. Отъ болѣе лѣвыхъ группъ конституціоналисты-демократы отличаются именно тѣмъ, что они никогда не проповѣдывали обращенія къ грубой силѣ. Революціоннымъ способомъ дѣйствій нельзя признать даже пассивное сопротивленіе, рекомендованное выборгскимъ воззваніемъ. Можно считать это воззваніе большою ошибкой, но нельзя видѣть въ немъ призывъ къ бунту, къ вооруженной уличной борьбѣ. Ошибкой является, въ нашихъ глазахъ, и недостатокъ рѣшительности въ осужденіи террористическихъ актовъ; но отсюда до *сочувствія* къ красному террору еще очень далеко, и обвинять въ немъ партію народной свободы было бы въ высшей степени несправедливо. Значеніе партіи опредѣляется, притомъ, не прошедшимъ, а настоящимъ. За отказъ отъ платежа налоговъ и отъ несенія воинской повинности конституціоналисты-демократы теперь болѣе не стоятъ. Если въ Гельсингфорсѣ и не было прямо взято назадъ сказанное въ Выборгѣ, то о переходѣ отъ словъ къ дѣйствіямъ нѣтъ уже и рѣчи. Нѣтъ, слѣдовательно, основанія объявлять внѣ закона лѣвый центръ политической арміи, какимъ несомнѣнно является партія народной свободы. Съ центральнымъ положеніемъ несовмѣстима политика крайностей. Сильно передвинувшись влѣво, конституціоналисты-демократы перестали бы быть самими собою—а на это никогда не рѣшится партія, сознающая свое значеніе и вѣрящая въ свое призваніе.

Кромѣ крайнихъ лѣвыхъ партій, только одна партія народной свободы имѣетъ приверженцевъ въ средѣ учащейся молодежи; только она одна, слѣдовательно, создаетъ нѣкоторый противовѣсъ увлеченію, которое, разгораясь все больше и больше, грозитъ трудно вознаградимымъ перерывомъ въ развитіи народнаго образованія. Еслибы правящія сферы больше думали о народномъ благѣ, меньше—о своихъ собственныхъ интересахъ, онѣ должны были бы понять всю неразумность мѣръ, направленныхъ противъ сторонниковъ ускореннаго, но мирнаго движенія. Утѣшеніемъ, впрочемъ, можетъ служить безплодность этихъ мѣръ, бьющихъ, большею частью, мимо цѣли или ведущихъ къ прямо противоположнымъ результатамъ.

Ни на чемъ не основанное и ни съ чѣмъ несообразное требованіе *легализаціи* партій влечетъ за собою, помимо стѣсненія публичныхъ собраній, еще другія, не менѣе серьезныя послѣдствія. Оно послужило поводомъ къ такому дополненію инструкціи о выборахъ, противъ котораго единодушно возстала вся независимая печать. Въ отмѣну прежняго порядка, при которомъ полученіе бланковъ избирательныхъ записокъ изъ мѣстъ ихъ заготовленія не было обставлено никакими затрудненіями,—новыя правила допускаютъ выдачу ихъ въ неопредѣленномъ количествѣ только обществамъ и союзамъ, зарегистрованнымъ на основаніи закона 4-го марта 1906-го года. Чтобы понять, въ какой степени этимъ затрудняется положеніе нелегализованныхъ партій, необходимо имѣть въ виду, что дѣйствительными, въ силу новыхъ правилъ, будутъ считаться только тѣ бланки, которые снабжены печатью городской или земской управы. Получивъ любое количество такихъ бланковъ, партія, принадлежащая къ числу привилегированныхъ, можетъ отпечатать на нихъ имена своихъ кандидатовъ и разослать ихъ любому числу избирателей, между тѣмъ какъ въ распоряженіи партій непривилегированныхъ окажутся, для этой цѣли, только бланки, доставленные имъ избирателями. Правда, каждый избиратель можетъ получить по два экземпляра бланковъ; но еслибы даже всѣ избиратели, входящіе въ составъ партіи, передали или переслали свои бланки ея центральному комитету, число бланковъ, находящихся въ распоряженіи комитета, все-таки оказалось бы ограниченнымъ и разсылка ихъ была бы поставлена въ сравнительно тѣсныя рамки. А между тѣмъ, полученіе готоваго, заполненнаго бланка, при неграмотности или малограмотности многихъ избирателей, при сильно еще распространенномъ у насъ равнодушіи или просто лѣни, имѣетъ неоспоримо важное значеніе. Во многихъ случаяхъ приходится подавать голосъ за довольно значительное число лицъ (въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, избирательныхъ участкахъ Петербурга выборщиковъ насчитывается болѣе десяти), и собственноручное заполненіе бланка, безъ подчистокъ и помарокъ, является, для непривыкшихъ къ перу, трудомъ не малымъ... „Россія", съ безцеремонностью, свойственною оффиціозной прессѣ, находитъ льготы, предоставленныя легализованнымъ партіямъ, вполнѣ естественными. „Инструкція", по словамъ храброй газеты, „только вполнѣ послѣдовательно установила одно изъ совершенно неизбѣжныхъ слѣдствій того факта, что есть группы и партіи, признанныя закономъ, и группы и партіи, закономъ непризнанныя". Что законъ, относящійся къ *обществамъ*, непримѣнимъ къ *партіямъ*—это мы уже видѣли выше; но даже съ точки зрѣнія „Россіи" невозможно доказать неизбѣжную связь между правомъ на *существованіе* и правомъ на *привилегію*. Изъ того, что дѣятельность легализо-

ванной партіи нельзя *стѣснять*, вовсе еще не слѣдуетъ, что ей нужно *помогать*—а новая инструкція создаетъ для покровительствуемыхъ группъ особенно выгодныя условія борьбы, искусственно ухудшая тѣмъ самымъ положеніе всѣхъ остальныхъ.

Нововведенія въ инструкціи не исчерпываются правилами о бланкахъ. Какъ и первоначальная инструкція, правила 10-го декабря предусматриваютъ возможность составленія избирательныхъ записокъ въ помѣщеніи избирательной коммиссіи, для чего должна быть отведена особая комната; но къ этому теперь присоединяется требованіе, чтобы въ комнатѣ не находилось одновременно болѣе одного лица. Противъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью предупрежденіе постороннихъ вліяній на избирателя, возражать, при нормальныхъ условіяхъ, нельзя; но есть ли теперь увѣренность въ томъ, что эти мѣры всегда будутъ принимаемы съ одинаковою строгостью, откуда бы вліяніе ни исходило? Болѣе надежной гарантіей служило бы одновременное присутствіе въ „*особой*" комнатѣ *нѣсколькихъ* избирателей... То же самое слѣдуетъ сказать о новой статьѣ, по которой какъ внутри зданія, гдѣ происходятъ выборы, такъ и снаружи, у входа, не допускается вывѣшиваніе воззваній, раздача записокъ съ именами кандидатовъ, произнесеніе рѣчей и вообще избирательная агитація. Все будетъ зависѣть, въ этомъ отношеніи, отъ образа дѣйствій наблюдателей (т.-е. преимущественно полицейскихъ чиновъ), на безпристрастіе которыхъ полагаться нельзя... Какъ понимать, наконецъ, ст. 16-ую измѣненной инструкціи, въ силу которой избиратели, подавшіе свои записки, немедленно выходятъ изъ помѣщенія, гдѣ происходятъ выборы? Отмѣняетъ ли она ст. 21-ую первоначальной инструкціи, допускающую присутствіе, при чтеніи избирательныхъ записокъ и подсчетѣ голосовъ, не однихъ только членовъ избирательной коммиссіи? Если эта статья не отмѣнена, то какъ согласить съ нею обязательное удаленіе избирателей, подавшихъ записки? Какимъ образомъ, съ соблюденіемъ какихъ формальностей они будутъ вновь допущены въ залу, гдѣ происходятъ выборы? Почему, съ другой стороны, избиратель, подавшій записку, не можетъ присутствовать при дальнѣйшемъ ходѣ и заключительномъ актѣ выборовъ? Вѣдь еслибы желающихъ остаться оказалось слишкомъ много или они стали бы нарушать тишину и порядокъ, то отъ избирательной коммиссіи зависѣло бы принять мѣры къ устраненію возникающихъ отсюда неудобствъ. Между тѣмъ, именно присутствіе лицъ, не входящихъ въ составъ избирательной коммиссіи—т.-е. не оффиціально, а добровольно слѣдящихъ за всѣми фазисами вопросовъ,—служитъ лучшимъ оплотомъ противъ небрежности и злоупотребленій, лучшей гарантіей правиль-

ности выборовъ. Чѣмъ полнѣе гласность, тѣмъ меньше поводовъ къ подозрѣніямъ и нареканіямъ по адресу избирательныхъ коммиссій.

Дополненіе и измѣненіе инструкціи—не единственное средство, пущенное въ ходъ, въ послѣднее время, съ цѣлью повліять на исходъ выборовъ. Существовало намѣреніе добиться, при помощи Сената, такого устройства избирательныхъ съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которое уменьшило бы вліяніе крестьянъ-собственниковъ. Изъ закона, разрѣшающаго образованіе отдѣльныхъ *по мѣстностямъ уѣзда* предварительныхъ съѣздовъ, предполагалось вывести возможность группировки мелкихъ землевладѣльцевъ не по мѣсту нахожденія ихъ земли, а по другимъ „мѣстнымъ условіямъ"—напримѣръ, по принадлежности ихъ къ тому или другому общественному классу. Обязательно получились бы, такимъ образомъ, представители дворянства, духовенства, мѣщанства—и уменьшился бы, соотвѣтственно, крестьянскій элементъ на съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Въ концѣ концовъ, однако, противорѣчіе между текстомъ закона и хитроумнымъ толкованіемъ его оказалось слишкомъ рѣзкимъ, и вопросъ былъ снятъ съ очереди. Больше посчастливилось другому представленію министерства, также направленному къ своеобразной интерпретаціи избирательнаго закона. Высочайшій указъ 11-го декабря 1905-го года предоставилъ избирательное право, между прочимъ, лицамъ, не менѣе года занимающимъ въ предѣлахъ города на свое имя отдѣльную квартиру. По разъясненію Сената, въ избирательные списки не могутъ быть внесены по квартирному цензу тѣ лица, относительно которыхъ будетъ установлено, что они, нанимая на свое имя квартиру, на самомъ дѣлѣ въ ней не прожили, хотя и съ временными перерывами, послѣдняго года. Итакъ, внесенію въ избирательный списокъ по квартирному цензу должно предшествовать разслѣдованіе, дѣйствительно ли наниматель пользуется или пользовался квартирой? Или такое разслѣдованіе будетъ производиться только тогда, когда это найдетъ нужнымъ полиція? Что слѣдуетъ понимать подъ именемъ *временныхъ перерывовъ?* Достаточно ли, напримѣръ, пробыть въ квартирѣ одинъ день, или нужно побывать въ ней нѣсколько разъ въ теченіе года, прожить недѣлю, мѣсяцъ, полгода?... Въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ неизбѣжно будетъ господствовать полнѣйшій произволъ: одному и тому же обстоятельству легко будетъ дать совершенно различное значеніе, въ зависимости отъ того, къ какой категоріи избирателей принадлежитъ данный квартиронаниматель—благонадежной или неблагонадежной. Между тѣмъ, буквальный смыслъ закона не вызываетъ никакихъ сомнѣній: избирательное право пріурочено имъ къ легко опредѣлимому факту *занятія* квартиры, т.-е. къ заключенію договора найма, къ моменту установленія юридическихъ отношеній

между домовладѣльцемъ и квартирантомъ. Опасаться широкаго распространенія, на этой почвѣ, фиктивныхъ сдѣлокъ нельзя уже потому, что никто не можетъ знать заранѣе, когда будутъ происходить выборы въ Государственную Думу и сколько лѣтъ, слѣдовательно, придется платить за незанимаемую, de facto, квартиру. Во всякомъ случаѣ допущеніе въ число избирателей нѣсколькихъ фиктивныхъ квартирантовъ было бы зломъ гораздо мѐньшимъ, чѣмъ созданіе новаго повода къ полицейскимъ придиркамъ и злоупотребленіямъ... На всѣхъ тѣхъ, кому дорогъ, по старой памяти, авторитетъ Сената, послѣднее его предвыборное „разъясненіе" произвело такое же удручающее впечатлѣніе, какъ и всѣ предъидущія.

Новая инструкція о выборахъ, рядъ сенатскихъ „разъясненій", отказъ въ легализаціи оппозиціонныхъ партій, вытекающія отсюда ограниченія избирательной агитаціи, еще бо̀льшія стѣсненія личной и общественной свободы, обусловливаемыя военнымъ положеніемъ и чрезвычайной охраной—таковы разнообразныя формы правительственнаго вмѣшательства въ выборы или, лучше сказать, правительственнаго давленія на избирателей. На тотъ же путь вступаетъ, въ послѣднее время, и духовная власть. Циркулярный указъ св. синода отъ 12-го декабря призываетъ православное духовенство „къ дѣятельному участію и пастырскому руководительству своихъ пасомыхъ въ дѣлѣ выбора достойнѣйшихъ народныхъ представителей въ Государственную Думу". „Всѣ выборныя собранія"—гласитъ указъ—„желательно предварять молебствіями, на коихъ надлежитъ разъяснять избирателямъ, что насколько добра принесетъ народу Дума изъ людей благоразумныхъ и вѣрныхъ, настолько же зла нанесетъ ему такая Дума, въ которую съумѣли бы проникнуть враги святой вѣры и престола... Выборы въ члены Думы должны предваряться молебномъ, совершаемымъ архіереемъ въ каѳедральномъ соборѣ, и рѣчью, которую долженъ сказать выборщикамъ самъ преосвященный, или лучшій проповѣдникъ города, или наиболѣе вѣдомый народомъ и чтимый пастырь изъ сельскаго прихода или монастыря". Выборщикамъ и членамъ Думы слѣдуетъ „завѣщать крѣпко стоять за родину, за вѣру и за царя и заботиться прежде всего о томъ, что̀ служитъ на пользу всей православной странѣ нашей". Итакъ, именно въ тѣ моменты, когда избиратели и выборщики предоставляются самимъ себѣ, когда смолкаетъ агитація, идущая извнѣ, духовенство должно выступать въ несвойственной ему роли политическаго совѣтника и руководителя населенія! Что̀ совѣтовать, куда вести—это предписывается ему свыше: отъ него зависитъ только составленіе варіацій на данную тему. Буду-

щимъ членамъ Думы, призванной къ устройству судьбы разновѣрнаго и разноплеменнаго государства, духовенство обязано внушать заботливость о пользахъ *православной страны*, т.-е. попеченіе не о всемъ народѣ, а объ одной лишь его части. Какъ растяжимо понятіе о врагахъ престола и вѣры, какъ легко оффиціальное толкованіе этого понятія можетъ принять тенденціозную окраску—это не требуетъ объясненій. Мы не думаемъ, чтобы предвыборная дѣятельность духовенства могла оправдать ожиданія, возлагаемыя на нее, повидимому, правительствомъ (иниціатива приведеннаго нами указа принадлежитъ оберъ-прокурору св. синода, входящему въ составъ совѣта министровъ): за рѣдкими исключеніями, слишкомъ ограниченно вліяніе священниковъ на прихожанъ, слишкомъ слаба нравственная связь между ними. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, вмѣшательство духовенства можетъ нарушить равновѣсіе между партіями, искусственно усиливъ ту изъ нихъ, которая пишетъ на своемъ знамени слова: *русскій народъ*, но на самомъ дѣлѣ идетъ въ разрѣзъ съ стремленіями народа.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1907.

I.

— „Очерки и разсказы“ М. П. Чехова. С.-Петербургъ, 1905 г.

Очеркамъ и разсказамъ М. П. Чехова можетъ грозить двоякая опасность. Съ одной стороны—имя автора, невольно наводя на воспоминаніе о его, столь рано угасшемъ, знаменитомъ братѣ, вызываетъ на сравненіе его произведеній съ тѣмъ, чѣмъ въ рядѣ незабываемыхъ по изяществу, тонкости и глубинѣ чувства разсказовъ обогатилъ русскую литературу послѣдній. Съ другой стороны — мысль о подражательности, о перепѣвахъ, о заимствованіяхъ у брата не можетъ не создавать нѣкотораго „предустановленнаго“ мнѣнія не въ пользу слабыхъ копій съ сильныхъ образцовъ.

Ознакомленіе съ сборникомъ М. П. Чехова приводитъ къ заключенію, что опасность эта—мнимая. Его очерки и разсказы имѣютъ свою собственную цѣну, и если по формѣ и напоминаютъ, подобно многимъ новѣйшимъ произведеніямъ, первообразомъ которыхъ были „Contes à Ninon“ Зола и произведенія Мопассана, очерки Антона Павловича Чехова, то по существу являются плодомъ самостоятельной творческой мысли и труда, при чемъ руководящіе мотивы этой мысли—иные, чѣмъ у Антона Чехова. Изображая русскую жизнь въ рядѣ выхваченныхъ изъ нея сценъ, живыхъ и правдивыхъ, авторъ не могъ, конечно, не наталкиваться постоянно на ея печальныя стороны, на отсутствіе нравственныхъ устоевъ, на неуваженіе къ чужой личности и труду, на душевное и матеріальное неряшество, на смутное понятіе о долгѣ, на расплывчатую и безразличную, а потому и безплодную доброту—и все это нашло себѣ отраженіе въ его разсказахъ. Но, въ противоположность Антону Павловичу Чехову, онъ не впадаетъ въ ту безна-

дежность, которая сквозитъ въ произведеніяхъ перваго изъ нихъ и составляетъ основной тонъ создаваемаго ими настроенія. Онъ меньше покоряется слѣпымъ и жестокимъ законамъ существованія и рѣзче отдѣляетъ тяжесть *жизни*, создаваемую людьми,—отъ тягости *существованія*, на которое природа обрекаетъ людей. У него больше вѣры въ личность человѣка,—въ то, что послѣдній можетъ и долженъ бороться съ наслѣдственностью, съ болѣзнями, съ предполагаемою непреложностью „статистическихъ законовъ", съ несчастливо слагающимися обстоятельствами. Тургеневское „мы еще повоюемъ — чортъ возьми!" нерѣдко слышится въ его разсказахъ, въ которыхъ изображаются не неизбѣжность и прирожденность несчастія, скорби и паденія, а лишь условія, при которыхъ „радость жизни" не можетъ выразиться вполнѣ и безпрепятственно.

Изъ 22 разсказовъ, входящихъ въ книжку Чехова, болѣе половины талантливы и интересны по мысли. Недостатокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—немногихъ, впрочемъ,—состоитъ въ излишней краткости и, такъ сказать, скомканности конца, не соотвѣтствующихъ общему характеру разсказа, при чемъ эта краткость не искупается ея силой и внутреннимъ смысломъ. Таковы, напримѣръ, „Гришка" и „Сживется — стерпится". Къ недостаткамъ надо отнести и анекдотичность нѣкоторыхъ разсказовъ, лишающую ихъ серьезнаго значенія и заставляющую пожалѣть объ ихъ растянутости. Таковы „Интрига", „Улика" и „Вѣрочка". Но эти недостатки чужды цѣлой серіи разсказовъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, а иногда и яркими въ своей правдивости изображеніями. Такъ—превосходно, кратко и сильно изображенъ процессъ первой встрѣчи ребенка-крестьянина съ жестокимъ отношеніемъ человѣка къ убойнымъ животнымъ, и сцены на бойнѣ принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ автора, хотя на него, быть можетъ, не остались безъ вліянія удивительныя строки, посвященныя этому же предмету Л. Н. Толстымъ въ его предисловіи къ книгѣ о вегетаріанствѣ (разсказъ „Гришка"). Такъ, съ тонкимъ пониманіемъ и психологически-продуманно изображено, съ разныхъ сторонъ, состояніе человѣка, пораженнаго семейною потерею, при чемъ важность, тяжесть и таинственная значительность случившагося противопоставлены житейской прозѣ и пошлости, бездушію больничнаго персонала, эгоистическому безсердечію театральнаго антрепренера и корыстному вымогательству духовенства и прочихъ похоронныхъ пособниковъ („Непріятность", „Одинъ" и „Итогъ"). Въ этихъ разсказахъ, а также въ „Гришкѣ", „Стѣнѣ" и „Грѣхѣ", разлито много искренней любви къ дѣтямъ, пониманія дѣтской души и, какъ почти во всѣхъ разсказахъ, возвышеннаго отношенія къ чистымъ радостямъ и святымъ обязанностямъ семьи. Послѣдній изъ указанныхъ разсказовъ содержитъ въ

себѣ сильный, но безъ подчеркиваній, и глубокій, но безъ натяжекъ и односторонности, протестъ по вопросу о кормилицахъ, съ такой страстностью затронутый въ послѣдніе годы французской драматургіей. Чувство правды, которое сквозитъ почти въ каждомъ очеркѣ М. П. Чехова, удерживаетъ его отъ изображенія темными красками лишь одной стороны въ этомъ противоестественномъ договорѣ, — и сила впечатлѣнія отъ этого лишь выигрываетъ. Житейскою правдою и анализомъ тончайшихъ „противорѣчій души" проникнуты и начало разсказа „Сживется—стерпится", гдѣ превосходно изображена убыль любви въ обманувшемся въ себѣ сердцѣ, — и весь разсказъ „Ложь", достойный кисти Антона Чехова. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить превосходнаго разсказа „Реверсъ", гдѣ въ рамки самыхъ обыденныхъ явленій жизни и въ описаніе брака въ бѣдной офицерской армейской средѣ вставлено хватающее за сердце, трагическое содержаніе. Бѣднякъ офицеръ и учительница музыки, страстно влюбленные другъ въ друга и объявленные женихомъ и невѣстою, не могли дождаться срока, когда накопятъ всю сумму для реверса,—и несчастная дѣвушка, желая скрыть свой позоръ обращенія въ глазахъ окружающаго общества изъ „невѣсты" въ „любовницу", рѣшается тайно отъ жениха заложить взятый на прокатъ рояль. Наступаютъ роды, неумѣлая дешевая акушерка вызываетъ родильную горячку—и въ то время, когда родильница на краю гибели, а ребенокъ умеръ (что̀ отъ нея скрыли), на сцену является судебный слѣдователь. Но она остается жива, и когда совершенно потерявшійся мужъ возвращается домой, онъ застаетъ жену сидящею на кровати. Она смотритъ на него своими впалыми, но счастливыми глазами и улыбается ему во все лицо. „Кажется, моимъ страданіямъ пришелъ уже конецъ..."—говоритъ она. Онъ нагибается къ ней и, боясь, чтобы она не спросила о ребенкѣ, цѣлуетъ ее въ лобъ. „Нѣтъ, они только еще начинаются!"—думаетъ онъ и, отойдя къ окну, со сжатымъ сердцемъ смотритъ въ темный палисадникъ.

Отсутствіе шаржировки, напримѣръ, въ остроумномъ очеркѣ судейскаго недоразумѣнія между присяжными засѣдателями въ разсказѣ „По совѣсти",—здоровый юморъ, сжатость и точность языка—составляютъ неотъемлемыя достоинства книжки М. П. Чехова. Рисуя жизнь въ разныхъ ея общественныхъ проявленіяхъ, онъ касается многихъ ея щекотливыхъ сторонъ, гдѣ могъ бы разгуляться какой-нибудь изъ любителей и мастеровъ литературной порнографіи подъ прикрытіемъ якобы моральныхъ цѣлей. Но онъ говоритъ все, что̀ необходимо, и умѣетъ, въ то же время, щадить эстетическое чувство читателя и не возбуждать въ немъ гадливости. Таковы, напримѣръ, разсказы „Отъ скуки", съ описаніемъ квартиры „Розы Марковны", содержащей на-

хлѣбницъ, — таково описаніе бракоразводнаго процесса въ очеркѣ „Стѣна“...

Бодрой вѣрой въ чистыя чувства человѣка, способностью видѣть въ немъ не одну игрушку обстоятельствъ, отданную въ жертву животной природѣ, и примирительнымъ духомъ вѣетъ отъ книги Чехова.

II.

— „Повѣсти и разсказы“. Бориса Лазаревскаго, Москва, 1906 г.

Изъ четырнадцати разсказовъ г. Лазаревскаго не менѣе десяти слѣдуетъ признать содержательными и художественными по формѣ. Не задаваясь широкими нравоучительными или „обличительными“ задачами, не притягивая свое повѣствованіе къ гражданскимъ мотивамъ, г. Лазаревскій тепло и просто, сжато (кромѣ довольно растянутой и оттого менѣе прочихъ удачной повѣсти „Бѣдняки“) и вмѣстѣ красиво разсказываетъ про молодость, про зарожденіе и развитіе перваго чувства любви, про житейскую прозу, обрывающую въ этомъ чувствѣ одинъ лепестокъ за другимъ. Выхваченные имъ изъ пестрой ткани жизни отдѣльные куски полны правдивыхъ и яркихъ красокъ. На всемъ сборникѣ г. Лазаревскаго лежитъ печать несомнѣннаго дарованія, искренняго и здороваго чувства, умѣнья „словомъ твердо править“ и держать въ рукахъ свою мысль, не давая ей расплываться въ неясныхъ очертаніяхъ или намекахъ—и не давая ей переступать за черту правдоподобности. У него сверхъ того часто встрѣчаются оригинальныя опредѣленія, поэтическія картины и вѣрныя житейскія характеристики, обличающія немалую наблюдательность автора. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Любовь Константиновна“ г. Лазаревскій тонко характеризуетъ податного инспектора, считающаго роскошью пойти въ театръ не на праздникахъ или купить книгу,—сердящагося на жену, когда она даритъ свои старыя платья прислугѣ, собирающаго четвертушки бумаги,—не жалѣющаго денегъ только на обѣдъ, сводящаго все къ тому, что въ жизни главное — здоровье и деньги, и говорящаго: „всѣ же иныя блага дадутся вамъ свыше“, стараясь произнести это какъ славянскій текстъ, и негодующаго, когда ему замѣчаютъ, что такого текста въ священномъ писаніи нѣтъ. Узнавъ объ измѣнѣ жены, онъ проникается такимъ же страхомъ, какъ и въ томъ случаѣ, еслибы у него украли любимый кожаный диванъ, на которомъ онъ привыкъ спать послѣ обѣда.—Авторъ не оптимистъ, и жизнь даже въ лучшихъ случаяхъ, ровная и скучная, какъ ходъ товаро-пассажирскаго поѣзда, ему представляется во многихъ отно-

шеніяхъ тяжелой. Онъ рисуетъ тѣ случаи, когда условія и обстановка жизни уже не могутъ быть измѣнены, но лживый и низменный смыслъ ихъ вдругъ сталъ ясенъ,—„жизни, похожей на сонъ и сонъ ужасный, похожій на летаргію, когда человѣкъ просыпается, но уже послѣ погребенія, очнувшись уже въ могилѣ“, или когда приходитъ въ голову, что бороться съ нею не подъ силу, и потому „не лучше ли самому выпустить себя въ тиражъ заблаговременно“, и когда „судьба точно пугается такого рѣшенія, подобно ломовому извозчику, который, замѣтивъ, что его кляча можетъ упасть и издохнуть, вдругъ перестаетъ ее бить и начинаетъ изо всѣхъ силъ помогать ей самъ“... Герой одного изъ разсказовъ Лазаревскаго заявляетъ, что онъ „всегда былъ убѣжденъ, что на свѣтѣ существуетъ непреодолимый законъ справедливости, и что за каждую минуту счастья или наслажденія рано или поздно придется расплачиваться горемъ;—и это бы еще ничего: ну, справедливость такъ справедливость, но судьба никогда не требуетъ возвращенія взятаго у нея наслажденія въ такой же мѣрѣ, а всегда съ процентами, и съ какими процентами!“ Но поэтическія настроенія пробиваются у него сквозь этотъ пессимизмъ. Таковы его описанія—моря ночью, когда „то подходитъ, то снова возвращается назадъ, по мелкимъ камешкамъ, волна, точно желая и не рѣшаясь о чемъ-то спросить“... или пѣсни кубанскихъ казаковъ-пластуновъ въ разсказѣ „Сирэнъ“.

Къ лучшимъ изъ разсказовъ г. Лазаревскаго должны быть отнесены „Отъѣздъ“ и „Сирэнъ“. Первый изъ нихъ — исторія столкновенія изящной чувственности скучающей богатой помѣщицы, вышедшей замужъ по „голосу разсудка“,—съ чистотою непосредственной натуры грубоватаго студента, живущаго на „кондиціяхъ“,—исторія сжатая, какъ въ фокусѣ, въ одномъ эпизодѣ. Второй—разсказъ о томъ, какъ влюбляется молодой товарищъ прокурора, ѣдущій на Кавказъ, въ сосѣдку по купэ прямого поѣзда — умную армянскую дѣвушку,—весь проникнутъ свѣтомъ и тепломъ, подкупая читателя своей жизненной правдивостью, чуждою всякой сочиненности. И вагонъ, и пассажиры, и прекрасныя картины бѣгущей мимо природы, и всѣ мимолетные этапы развивающагося чувства нарисованы съ такимъ искусствомъ и такъ полны тѣмъ, что французскіе критики называютъ „crédibilité“, что кажется, что самъ переживаешь все это и видишь этихъ людей.

Глубокой скорбью—безъ всякой, однако, дѣланной чувствительности вѣетъ отъ разсказа „Счастье“, въ которомъ человѣкъ цѣпляется сердцемъ за призраки счастья, безжалостно разбиваемые судьбою, заставляющею его пережить любимую жену и дочь, изъ-за которыхъ пришлось перестрадать свыше мѣры, и отнимающую у него послѣднее достояніе мыслящаго человѣка—волю... Много истиннаго трагизма въ

разсказѣ „Не выдержалъ“, гдѣ матросъ, умирающій отъ скоротечной чахотки — слѣдствія простуды отъ долгаго пребыванія въ студеной водѣ во время побѣга съ вахты въ родное село — весь горитъ надеждою и житейскими заботами, осуществляя „Spes phtysicorum“; ярко и выпукло нарисована картинка закулисныхъ нравовъ въ провинціальномъ театрѣ и очерченъ паразитъ антрепренера, театральный критикъ мѣстной газеты—въ разсказѣ „Гейша“; оригиналенъ образъ дѣвушки (въ „Докторѣ“), инстинктивно постигнувшей психику человѣка, способной видѣть съ двухъ-трехъ встрѣчъ каждаго насквозь—и безжалостной, какъ *вивисекторъ*, — быстро обдающей холодомъ того, въ комъ для нея уже не остается ничего непонятнаго, подобно физіологу, выбрасывающему послѣ своихъ изслѣдованій уже ненужный ему трупъ. Наконецъ, — много тонкаго анализа въ „Элегіи“, гдѣ, въ формѣ записной тетради, проводится мысль, что *душевно* женщина можетъ отдать себя только одинъ разъ, и что первый, взявшій ея лучшія и самыя чистыя душевныя движенія, на всю жизнь будетъ ей ближе всѣхъ, какъ бы ни сложилась ея судьба...

Недостатки разсказовъ — или, вѣрнѣе, языка г. Лазаревскаго тонутъ въ художественныхъ достоинствахъ его повѣствованій. Къ нимъ надо отнести нѣкоторый излишекъ звукоподражательныхъ словъ и нѣсколько неудачныхъ выраженій („холодно было и въ ноги“, вмѣсто „холодно было и ногамъ“; „мы долго *пресмыкались* по дорожкамъ сада“,—„обложился вдребезги изорванными лекціями“...), а также одно, очевидно безсознательное, заимствованіе у Достоевскаго: „въ сущности, я ужасная скотина и больше ничего; выпилъ, поѣлъ и уже чувствую себя веселѣе. Весь, весь рѣшительно зависишь отъ того, сытъ ты или голоденъ, здоровъ или боленъ физически... Машина и больше ничего... Стоитъ ли послѣ этого бояться смерти?“,—это такъ близко подходитъ къ размышленіямъ Раскольникова въ кабакѣ, предъ встрѣчей съ Мармеладовымъ...—А. К.

III.

— Агафоновъ, В. К. Наука и жизнь. Спб. 1906.

Книга г. Агафонова появляется во-время. Вопросы взаимодѣйствія науки и жизни, особенно въ томъ освѣщеніи, какое придаетъ имъ г. Агафоновъ, можетъ быть, еще никогда не имѣли такого важнаго и практически-реальнаго значенія для насъ, какъ въ настоящее время. Наукѣ вообще приходилось героически бороться за свое существованіе въ Россіи, направляя свои усилія въ сторону темныхъ народныхъ

массъ и несознательныхъ общественныхъ классовъ; она должна была отстаивать свою независимость въ сферѣ административнаго обскурантизма или облекаться въ тогу академической недоступности и самоцѣльности, оборотной стороной которой зачастую являлся общественный индифферентизмъ. Не богатое просвѣщеніемъ общество наше, въ широкомъ смыслѣ, частью увлеченное революціонной борьбой, частью растерявшееся въ общей сумятицѣ, переживаетъ тяжелый жизненный процессъ перехода въ новыя условія, и нельзя не признать, что процессъ этотъ, при всей его неизбѣжности въ періоды освободительной борьбы, характеризуется въ непросвѣщенныхъ массахъ признаками умственнаго и нравственнаго одичанія. Наука изгоняется изъ университетовъ, среднія учебныя заведенія расшатаны до основанія, низшей школы почти не существуетъ. Поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что это — характерныя особенности всякой освободительной борьбы, когда наука отступаетъ передъ жизнью и даже становится по отношенію къ ней въ неизбѣжное противорѣчіе. Но вся исторія нашего общественнаго развитія показываетъ, напротивъ, что захватившая насъ смутная полоса является только тяжелой расплатой за тѣ столѣтія безысходнаго невѣжества народныхъ массъ и рабской ихъ приниженности, когда наука была не широкой насущной потребностью, а тропическимъ цвѣткомъ, который нужно было беречь отъ свѣжаго воздуха и дурного глаза.

Широкая демократизація науки—такова одна изъ основъ общественнаго міросозерцанія г. Агафонова, и мы особенно привѣтствуемъ этотъ девизъ, потому что въ немъ глубокое убѣжденіе въ творческой силѣ и важности знанія для жизни покоится на признаніи и уваженіи къ исторической традиціи, къ тому, что уже добыто человѣчествомъ на пережитыхъ имъ стадіяхъ культурнаго и философскаго развитія. Идеалъ науки г. Агафоновъ видитъ въ томъ, чтобы запечатлѣть и связать съ прошлымъ каждое индивидуальное переживаніе. И въ послѣдовательномъ и независимомъ стремленіи къ этому идеалу наука, въ самой основѣ своей, по убѣжденію автора, глубоко демократична. Въ доказательство своей мысли авторъ ссылается на цѣлый рядъ фактовъ, которые у всѣхъ на глазахъ. Прежде всего—народные университеты Англіи: ихъ создавала не одна филантропія, но и сознаніе того, что ростъ науки зависитъ отъ высоты образованія массы. Въ то время, какъ такіе ученые XIX-го вѣка, какъ Фарадей, Тиндаль, Гельмгольцъ, Уоллесъ, отдавали часть своего времени популяризаціи, наши русскіе ученые видѣли особую гордость въ томъ, что они не занимаются популяризаціей. „Эта гордость,—замѣчаетъ авторъ, проистекала изъ грубаго непониманія основного демократическаго характера науки и колоссальнаго значенія питательной среды для вся-

кой научной работы". При такой постановкѣ вопроса совершенно понятны нѣкоторыя увлеченія и крайности, особенно тамъ, гдѣ авторъ свои общія положенія примѣняетъ къ Россіи. „Въ такой невѣжественной и малокультурной странѣ, какъ Россія,—говоритъ г. Агафоновъ,—по нашему мнѣнію, неизмѣримо важнѣе для прогресса самой науки не накопленіе новыхъ научныхъ истинъ, не чисто научная работа, а болѣе правильное распредѣленіе научныхъ благъ, общее повышеніе образованія въ народныхъ массахъ". Вопросъ, „что важнѣе",—совершенно праздный вопросъ въ признаніи, что демократизація науки является опредѣляющимъ принципомъ и ея поступательнаго движенія впередъ, т.-е. накопленія новыхъ научныхъ истинъ, которыя, распредѣляясь въ народныхъ массахъ, становятся научными благами.

Но совершенно правильной, на нашъ взглядъ, является точка зрѣнія г. Агафонова на установленіе связи между интересами развитія научной истины и требованіями общественной совѣсти. „Но и въ основѣ эти двѣ проблемы,—говоритъ г. Агафоновъ,—не только не противорѣчатъ другъ другу, а даже сливаются другъ съ другомъ: и та и другая построены на признаніи разноцѣнности чужой индивидуальности съ моею; только построеніе научной истины всегда направлено къ прошлому, а повышеніе общественной справедливости—къ будущему".

„Интересно отмѣтить, что эта параллельность замѣчается и въ исторіи Россіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ: эпоха наибольшаго подъема общественной совѣсти—эпоха 60-хъ и 70-хъ годовъ—является и наиболѣе блестящей эпохой науки въ Россіи. 80-е и 90-е годы—годы правительственной реакціи и общественной апатіи—тусклы и сѣры въ исторіи русской науки...

„Мы всѣ знаемъ, какъ ужасно положеніе народнаго образованія въ Россіи, особенно низшей и средней школы. Желѣзная рука самодержавной бюрократіи душила всякую попытку общества расширить количество и повысить качество этихъ школъ. Борьба идетъ уже около ста лѣтъ, особенно сильная—за послѣднія пятьдесятъ".

Жалкіе результаты нашего просвѣщенія авторъ ставитъ въ прямую (но, конечно, не исключительную) зависимость съ тѣмъ, что не всѣмъ русскимъ ученымъ былъ вполнѣ ясенъ демократическій характеръ науки: въ противномъ случаѣ всѣ они не только во имя общественной совѣсти, но и во имя самой науки отстаивали бы интересы общаго образованія въ Россіи противъ тлетворныхъ вліяній бюрократіи, которая, особенно съ 80-хъ годовъ, развратила и профессорскую среду, распространивъ въ ней индифферентизмъ къ судьбамъ не только средней и низшей, но даже и высшей школы. И нельзя не согласиться съ

авторомъ, что чистая наука отъ этого не только не процвѣла, но весьма недвусмысленно пала.

Останавливаясь, въ другой статьѣ, на роли естествознанія въ общей системѣ образованія, г. Агафоновъ приводитъ прекрасные и сильные доводы за необходимость введенія естествознанія въ среднюю школу, какъ одной изъ ея могущественнѣйшихъ основъ. „Неужели и мы насильно будемъ оттаскивать нашихъ дѣтей отъ богатой сокровищницы мірового опыта и предоставимъ имъ складывать свои представленія изъ ничтожнаго количества только личныхъ ощущеній и опыта нянекъ и сверстниковъ?

„Нѣтъ! пусть съ дѣтства человѣкъ привыкаетъ мыслить и жить все въ болѣе и болѣе широкой міровой атмосферѣ, пусть для него не будутъ потеряны прожитыя людьми тысячелѣтія, и онъ используетъ ихъ какъ можно полнѣе. Только тогда и онъ самъ не будетъ потерянъ почти безслѣдно, какъ пропадаютъ милліарды споръ и сѣмянъ, а внесетъ свою лепту въ общественную жизнь. Естествознаніе должно быть введено въ среднюю школу, конечно, не для гимнастики ума, но и не для развитія чувства природы и эстетическихъ наслажденій; оно должно быть введено, чтобы изъ школы выходили люди, способные самостоятельно мыслить и работать“.

Являясь талантливымъ популяризаторомъ естественнонаучныхъ истинъ, г. Агафоновъ приводитъ ихъ въ связь и съ господствующими направленіями въ области философскихъ и соціальныхъ наукъ и съ запросами общественной справедливости; эволюціонизмъ является коренной чертой его міросозерцанія. Міровая эволюція завѣщала человѣку стремленіе, безсознательное и сознательное, къ тому идеалу его соціальной жизни, который требуетъ отъ него наибольшей самостоятельности, наибольшаго проявленія своей индивидуальности и въ то же время наибольшей чувствительности къ внѣшнему міру. „Но соціальная эволюція часто затуманиваетъ и коверкаетъ этотъ идеалъ: она создала рабство и пирамиды, крѣпостное право и Аракчеева, постоянное войско и Наполеона, мѣщанскую буржуазію и ея мораль, американскихъ милліардеровъ и чудовищный развратъ, пролетаріевъ и вырожденіе“.

Авторъ менѣе всего стоитъ за новизну своихъ идей, когда въ такъ называемой борьбѣ за существованіе видитъ „благопріятный факторъ эволюціи“, но онъ всей силой убѣжденія ратуетъ за реальную приложимость этого принципа въ той соціальной эволюціи, которая, завершивъ зоологическую эволюцію человѣческаго рода, закрѣпивъ человѣческій типъ, должна состоять въ дальнѣйшемъ расчлененіи внѣшняго міра на новые роды индивидуальностей, въ дальнѣйшей выработкѣ достовѣрности путемъ демократизаціи науки и, съ

другой стороны, въ созиданіи новыхъ индивидуальностей, въ созиданіи матеріальной культуры и въ творчествѣ. И, въ частности, напримѣръ, автору представляется вѣроятнымъ, что послѣ того, какъ человѣчество справилось съ рабствомъ, съ крѣпостнымъ правомъ, оно справится и съ другой, менѣе грубой несправедливостью—неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатства. „Я не могу себѣ представить людей,—говоритъ авторъ,—въ видѣ стада барановъ, пасущихся мирно на тучномъ лугу, я убѣжденъ, что всегда будетъ борьба и конкурренція, какъ всегда останутся человѣческія индивидуальности, но борьба должна быть честная, при равныхъ условіяхъ, и однимъ и тѣмъ же орудіемъ. А это настанетъ только тогда, когда каждому человѣку будутъ даны одинаковыя возможности учиться, работать и жить".

Вполнѣ послѣдовательнымъ является съ точки зрѣнія авторскаго индивидуализма признаніе цѣнности за личностью, обнаруживающей признаки стремленія къ самоопредѣленію, желающей проявить всѣ свои силы, развить всѣ свои способности. Цѣнны не одни только великіе Вольтеръ и Руссо, но и вся та плеяда энциклопедистовъ, которыхъ отличала прежде всего вѣра въ силу знанія, направленную противъ предразсудковъ и пережитковъ, которые боролись во имя личности, во имя „декларацiи правъ человѣка". И если они отстаивали свои идеалы героически, цѣною жизни и смерти, то тѣмъ выше „цѣнность" ихъ личности,—потому что въ этой цѣнности самое прекрасное—способность къ воодушевленію, къ экстазу и къ борьбѣ.

Въ статьѣ „Индивидуализмъ и соціализмъ" г. Агафоновъ проводитъ ту мысль, что индивидуализмъ, какъ онъ его понимаетъ, и соціализмъ вовсе не исключаютъ другъ друга. Исходя изъ того положенія, что альтруистическія и соціальныя чувства существуютъ въ природѣ человѣческой и что ихъ изъ человѣка не вырвешь, а съ другой стороны—что мораль можетъ быть только личная (автономная личность—единственный законодатель морали),—г. Агафоновъ проводитъ такую параллель между индивидуализмомъ и соціализмомъ:

„Основа индивидуализма, по нашему мнѣнію, не въ отрицаніи альтруистическихъ чувствъ и соціальности, а *въ защитѣ творческаго значенія личности и ея гармоничнаго развитія* (курсивъ автора). Это начало мнѣ приходилось не разъ защищать, и потому я считаю себя индивидуалистомъ.

„Но съ такимъ же правомъ я причисляю себя къ соціалистамъ.

„Что же такое „соціализмъ"?

„Соціализмомъ въ настоящее время мы назвали бы совокупность такихъ ученій, которыя, отрицая современное капиталистическое государство, какъ основанное на насиліи и эксплоатаціи меньшинствомъ большинства, стремится къ уничтоженію частной собственности на

землю и на орудія производства и къ созданію такихъ общественныхъ организацій, при которыхъ стала бы невозможной эксплоатація однихъ людей другими, при которыхъ человѣческая личность смогла бы удовлетворить всѣ свои потребности, смогла бы гармонически развиваться".

Въ такой формулировкѣ требованія соціализма представляются автору не только не противорѣчащими требованіямъ индивидуализма, но даже необходимыми, неизбѣжными для осуществленія послѣднихъ.

Въ связи съ этимъ наибольшая свобода индивидуальнаго творчества жизни является въ глазахъ автора наиболѣе высокимъ идеаломъ человѣчества. „Первымъ шагомъ, приближающимъ насъ къ этому идеалу, будетъ осуществленіе грядущей соціальной революціи, когда падутъ цѣпи экономическаго рабства, и всѣ получатъ равную возможность принять участіе въ строительствѣ жизни и будущаго человѣчества".

Таково въ общихъ чертахъ міросозерцаніе г. Агафонова, раскрываемое имъ въ цѣломъ рядѣ статей—старыхъ (вторая половина 90-хъ годовъ), подчасъ устарѣлыхъ, и новыхъ, развивающихъ вопросы живой современности. Съ этимъ міросозерцаніемъ можно не соглашаться, можно съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія отказывать ему въ философской глубинѣ, но нельзя не признать, что въ немъ на лицо всѣ признаки здоровой политической и общественной мысли, что оно проникнуто яснымъ и цѣльнымъ убѣжденіемъ въ необходимости знанія и прогресса, что оно согрѣто вѣрой въ близкое торжество освободительныхъ началъ. Такое міросозерцаніе, въ эпоху политическаго разброда и борьбы не оформившихся соціальныхъ инстинктовъ, особенно цѣнно, и мы желаемъ книгѣ г. Агафонова самаго широкаго распространенія.

IV.

— Котляревскій, Н. Декабристы: кн. А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ-Марлинскій. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1907.

„Въ кружкѣ декабристовъ поэзія и поэтическое творчество, — говоритъ г. Котляревскій,—были, какъ извѣстно, въ большомъ почетѣ. Политика не мѣшала, а способствовала культу искусства. Но истинныхъ новаторовъ въ творчествѣ среди этихъ политическихъ дѣятелей не было; были люди лишь съ болѣе или менѣе крупнымъ дарованіемъ".

Эта мѣткая характеристика относится къ Рылѣеву, А. Бестужеву, кн. А. Одоевскому и Кюхельбекеру. Она же можетъ быть принята и какъ господствующая точка зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на предметъ своего изложенія. На первомъ планѣ—тщательно

собранные и красиво и вдумчиво изложенные біографическіе факты, затѣмъ—обстоятельное разсмотрѣніе литературныхъ трудовъ. Политическій элементъ, въ разрѣзъ съ господствующей тенденціей, занимаетъ подчиненное положеніе, не выходя изъ границъ строго продуманной біографической канвы. Внимательное изученіе источниковъ, изящный, слегка романтическій стиль, чуткость къ поэтической красотѣ уже забытыхъ образовъ литературнаго прошлаго, связаннаго съ именами Одоевскаго и Бестужева, — таковы особенности, дѣлающія книгу г. Котляревскаго интересною для спеціалистовъ и привлекательною для широкихъ круговъ читающей публики.

Есть и еще одно свойство: искреннее увлеченіе автора предметомъ своего изложенія, не всегда гармонирующее съ требованіями историческаго безпристрастія. Въ настоящей книгѣ, посвященной Одоевскому и Бестужеву, особенно посчастливилось первому. Лермонтовъ обезсмертилъ „милаго Сашу“ однимъ изъ трогательнѣйшихъ своихъ стихотвореній, гдѣ говорилъ:

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
Поэзіи и счастья... Но безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную...

Въ г. Котляревскомъ Одоевскій нашелъ сочувственнаго біографа и тонкаго цѣнителя его лирическихъ изліяній. „Поэтическое вдохновенье, какъ даръ природы... любовь къ міру и людямъ... очарованіе красотой этого міра... пылъ душевнаго огня, презирающій опасность... мимолетная улыбка свободы и счастья... живая могила... разрушительная тоска, и все-таки жизнь, жизнь, полная духовной борьбы... и надъ всѣмъ этимъ вѣнецъ страданія“... Изъ этой поэтической дымки выступаетъ передъ читателемъ скорбный ликъ поэта-страдальца, озаренный лучами почти небесной кротости и чистоты. Однако, если забыть то обстоятельство, что Одоевскій по недоразумѣнію сдѣлался жертвой далеко не „рыцарской“ жестокости Николая Павловича, и трезво отнестись къ нѣкоторымъ фактамъ жизни и творчества Одоевскаго, то едва-ли явится возможность безъ колебаній раздѣлить поэтическое увлеченіе автора.

Въ качествѣ историка, г. Котляревскій не скрываетъ, но и не

подчеркиваетъ этихъ фактовъ. Одоевскій декабристъ? Но его роль въ движеніи была ничтожна, и, посылая его въ Сибирь вмѣстѣ съ прочими участниками декабрьскаго возстанія, Николай Павловичъ оказывалъ ему незаслуженную честь. Политическую роль Одоевскаго и г. Котляревскій признаетъ ничтожной. „Собственно никакой вины за нимъ, кромѣ самого присутствія на площади, и не было. Были даже заслуги" (?)... Одоевскій—личность? При жизни онъ казался привлекательнымъ для очень многихъ пылкостью своего характера, мечтательностью, живостью ума, но рядомъ съ этимъ въ немъ было несомнѣнное легкомысліе, слабость воли, измѣнчивость, — свойства, которыя, къ сожалѣнію, могли, дѣйствительно, превратить вины декабриста въ „заслуги". „Чѣмъ болѣе думаешь объ этихъ злодѣяніяхъ,— пишетъ Одоевскій царю изъ тюрьмы, — тѣмъ болѣе желаешь, чтобы корень зла былъ совершенно исторгнутъ изъ Россіи". И онъ изображаетъ Пестеля, какъ главу тайнаго общества, и взываетъ къ ангельской кротости царя, котораго всѣ любятъ, которымъ всѣ довольны и противодѣйствовать намѣреніямъ котораго — величайшее безумство и зло. Въ своихъ оправданіяхъ Одоевскій опредѣляетъ образъ мыслей, который онъ заимствовалъ изъ сообщества Бестужева и Рылѣева, „какъ нелѣпый, противузаконный и на однихъ безмозглыхъ мечтаніяхъ основанный". Между тѣмъ изъ дальнѣйшаго видно, что, вопреки показанію А. Бестужева, онъ ничѣмъ не проявилъ противузаконности своего образа мыслей въ тайной политической „работѣ", и солидарность его съ декабристами ограничивается одними разсужденіями съ Рылѣевымъ на темы о законахъ, о словесности да „мечтаніями" о будущемъ усовершенствованіи человѣческаго рода. Конечно, нельзя ставить въ вину Одоевскому его стремленіе доказать свою невиновность, особенно если принять во вниманіе инквизиторскій способъ слѣдственнаго процесса. Но показанія Одоевскаго, въ сопоставленіи съ показаніями другихъ декабристовъ и съ данными о его поведеніи до и послѣ 14-го декабря, даютъ весьма любопытную канву для психологическихъ объясненій, которыя, — разъ уже этому посвящается спеціальная работа, — представляются довольно необходимыми для постиженія его нравственнаго облика. Попалъ ли онъ дѣйствительно по недоразумѣнію въ кружокъ? Насколько внутренне-правдивы его показанія слѣдственной коммиссіи? Что внушено въ нихъ ужасомъ одиночнаго заключенія и предстоявшей кары, и что находилось въ согласіи съ правдой его нравственнаго облика? Г. Котляревскій не останавливается на этихъ вопросахъ, не изслѣдуетъ ихъ, предоставляя читателю самому дѣлать заключенія. Приводя показанія и письма Одоевскаго, г. Котляревскій большею частью уклоняется отъ ихъ исторической и психологической оцѣнки и въ выводахъ своихъ обна-

руживаетъ необыкновенную осторожность. Сдѣлавъ выписку изъ показанія Одоевскаго о его совмѣстныхъ мечтахъ съ Рылѣевымъ, г. Котляревскій замѣчаетъ: „Одоевскій говорилъ чистѣйшую правду: онъ, дѣйствительно, всего больше „заносился мечтой",—чѣмъ, кажется, и заслужилъ неудовольствіе своихъ товарищей". Сообщивъ, далѣе, нѣсколько фактовъ о „работѣ" Одоевскаго, которые были, однако, въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ „чистѣйшей правдой" показанія, г. Котляревскій не рѣшается дать опредѣленной характеристики политическихъ взглядовъ Одоевскаго. „Да и были ли они у него? — спрашиваетъ г. Котляревскій.—Если вѣрить ему, то къ политической мысли онъ былъ совсѣмъ не подготовленъ; онъ могъ быть политически *настроенъ*, и въ такое настроеніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, и выливалось все его политиканство. Изъ показаній на судѣ видно, напр., что онъ даже плохо зналъ уставъ общества, потому что думалъ, что существуетъ конституція, написанная Рылѣевымъ и Оболенскимъ. Самъ онъ ни устно, ни письменно по политическимъ вопросамъ не высказывался. Извѣстно только, что онъ, вмѣстѣ съ Бестужевымъ и Рылѣевымъ, останавливалъ Якубовича отъ цареубійства; Рынкевичъ, кромѣ того, показывалъ, что Одоевскій въ разговорахъ былъ умѣренъ и говорилъ, что Россія не въ такомъ положеніи, чтобы имѣть конституцію. Въ своихъ собственныхъ показаніяхъ Одоевскій неоднократно говорилъ, что все это дѣло считалъ шалостью и ребячествомъ".

Картина достаточная для того, чтобы придти къ заключенію, что, раздѣливъ,—и то въ наиболѣе слабой степени,—общую участь съ декабристами, Одоевскій лишь по недоразумѣнію можетъ быть поставленъ рядомъ съ ними, и, можетъ быть, было бы правильнѣе отнести его къ числу жертвъ, захваченныхъ одновременно буйнымъ порывомъ Николаевскаго негодованія и сыска.

Да и въ качествѣ жертвы Одоевскій былъ сравнительно баловнемъ судьбы. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи тысячу рублей ежегодно (вмѣсто шести тысячъ, которыя онъ могъ бы имѣть, еслибы получилъ разрѣшеніе государя), сибирскій инвентарь его заключалъ въ себѣ обширный и разнообразный матеріалъ хозяйственнаго и домашняго уклада; въ 1837 году, послѣ настойчивыхъ просьбъ вліятельныхъ родныхъ, онъ получилъ разрѣшеніе перейти на службу на Кавказъ, и здѣсь онъ въ томъ же году то пускался на демонстративныя выходки при проѣздѣ государя, и кричалъ,—впрочемъ по-латыни, чтобы не понимала полиція, тогда, какъ незадолго передъ тѣмъ, еще въ Сибири, онъ привѣтствовалъ наслѣдника престола патріотическими стихами, въ которыхъ взывалъ,—чтобы „пришелъ наконецъ владыко и извелъ для великаго свѣта всѣхъ сидящихъ въ узахъ темноты". Стоитъ сопоставить факты изъ жизни Одоевскаго хотя бы съ тѣмъ,

что сообщаетъ о бытовой сторонѣ жизни истинныхъ декабристовъ Западной Сибири г. Дмитріевъ-Мамоновъ, чтобы видѣть, что сравнительно съ ними Одоевскій пользовался относительнымъ благополучіемъ. Его жаль, какъ всякую молодую жизнь, пострадавшую безвинно и угасшую безвременно, но до страдальческаго вѣнца *декабриста* ему далеко...

Большую и серьезную работу выполнилъ г. Котляревскій по отношенію къ А. Бестужеву. Онъ прослѣдилъ его жизнь въ связи съ развитіемъ міросозерцанія и художественныхъ, отчасти и общественныхъ настроеній. Особенно цѣнной частью работы г. Котляревскаго является всестороннее изученіе его литературной дѣятельности, которое должно лечь въ основу историческаго опредѣленія дѣятельности Бестужева на литературномъ поприщѣ. Но въ своемъ этюдѣ о Бестужевѣ-декабристѣ г. Котляревскій не остановился на болѣе или менѣе рѣшительной характеристикѣ общественно-политическихъ взглядовъ Бестужева, которая могла бы быть сдѣлана на основаніи показаній послѣдняго и сопоставленія ихъ съ аналогичными свидѣтельствами, раскрывающими внутренній ходъ развитія міросозерцанія декабристовъ. Въ общемъ, въ изложеніи г. Котляревскаго выростаетъ чрезвычайно интересная и, дѣйствительно, яркая личность эпохи, производившая глубокое впечатлѣніе на современниковъ, оставившая неизгладимые слѣды своего вліянія въ политикѣ и литературѣ.

Въ дѣятельности А. Бестужева, какъ литератора, г. Котляревскій отмѣчаетъ прежде всего очень живой и порывистый темпераментъ. „Впечатлительность бойкаго ума, тревога души, неустойчивой въ своихъ настроеніяхъ и, наконецъ, быстрый темпъ рѣчи—свободной, яркой и нескупящейся на метафоры—источникъ и всѣхъ достоинствъ Марлинскаго, какъ писателя, и всѣхъ его недостатковъ. Достоинствомъ нужно признать разнообразіе идей, замысловъ, типовъ и психологическихъ проблемъ, какихъ успѣлъ коснуться нашъ писатель; недостаткомъ должно назвать неумѣніе художника найти подходящую достойную форму всему этому богатству. О чемъ бы ни говорилъ Марлинскій, онъ всегда умѣлъ выбрать живую тему, онъ всегда былъ интересенъ какъ наблюдатель, мыслитель и психологъ; писалъ ли онъ критическую статью—онъ былъ оригиналенъ въ своихъ взглядахъ; набрасывалъ ли онъ юмористическую картинку нравовъ—онъ былъ остроуменъ и чуждъ всякой банальности; сочинялъ ли онъ повѣсть—онъ каждому типу умѣлъ придать своеобразную рельефность; даже когда онъ писалъ стихи, онъ и въ этой, самой неблагодарной и блѣдной своей роли, иногда умѣлъ тронуть читателя. И при всѣхъ этихъ достоинствахъ каждое его созданіе скорѣе—обѣщаніе, чѣмъ выполненіе: талантъ блеститъ, онъ имѣетъ свою игру, но этотъ та-

лантъ передъ нами безъ подходящей оправы, и на немъ, какъ на алмазѣ, иногда неправильная, поспѣшная грань. Вездѣ чувствуется человѣкъ, который спѣшитъ; и тотъ, кто знаетъ жизнь Марлинскаго, проститъ ему эту торопливость сначала юноши, храбраго офицера, берущаго смѣло литературные барьеры, а затѣмъ загнаннаго человѣка, который сознавалъ, что жизнь его таетъ, какъ свѣча, горящая съ двухъ концовъ сразу".

Заслуги Марлинскаго на литературномъ поприщѣ уже—чисто историческія заслуги. Отъ него не осталось, какъ это признаетъ и г. Котляревскій, ни одного крупнаго произведенія, художественныя достоинства котораго могли бы пережить его эпоху. Но среди этихъ историческихъ заслугъ одна должна быть поставлена въ особую связь съ умственными теченіями общественно-освободительнаго процесса того времени, когда жилъ Бестужевъ. Это—его дѣятельность, какъ критика. Изслѣдователь видатъ въ Бестужевѣ перваго піонера серьезной критической мысли въ нашей литературѣ. Обладая врожденнымъ эстетическимъ чутьемъ и вкусомъ, онъ—первый по времени—внесъ въ критическую литературу значительную стихію: „она сказывалась,—говоритъ г. Котляревскій,—въ публицистической тенденціи автора, въ постоянномъ его стремленіи связывать литературу съ жизнью современной, въ попыткахъ изслѣдовать общественныя причины ея роста или увяданія". Правда, она проскальзывала въ его время въ очень общей формѣ у Веневитинова и Кирѣевскаго, затѣмъ у Вяземскаго, Полевого и Надеждина, но—только у Бестужева, который раньше ихъ всѣхъ выступилъ со своимъ словомъ,—эта публицистическая тенденція проступала наружу вполнѣ опредѣленно, какъ руководящая тенденція, которой авторъ придавалъ большое значеніе".

Въ приложеніяхъ къ своему труду г. Котляревскій помѣстилъ записки Бестужева о составѣ Тайнаго Общества и о членахъ Сѣвернаго Общества.

V.

— Лемке, Мих. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго (по неизданнымъ документамъ). Съ портретами и иллюстраціями. „Былое", 1906.

Напечатанные въ журналѣ „Былое" политическіе процессы интересовали автора не одной своей исторической или юридической стороной. Тѣ элементы административно-судебнаго произвола, которые возмущали чувство справедливости и гуманности людей шестидесятыхъ годовъ, еще далеко не изгладились изъ русской жизни, и въ борьбѣ съ ними ва

женъ каждый протестующій или обличающій голосъ. Особенно въ настоящее время, когда старый строй пошатнулся на своихъ устояхъ и вмѣстѣ съ нимъ зашатались и рушатся, теряя подъ собой почву, старыя понятія о законности и правѣ, особенное значеніе пріобрѣтаютъ тѣ свидѣтельства недавняго прошлаго, на которыхъ съ наибольшей яркостью отразились отрицательныя черты прежняго порядка. Въ этомъ отношеніи три названные процесса представляютъ собой типичную страницу въ исторіи тѣхъ условій, среди которыхъ, полувѣка тому назадъ, жила и развивалась прогрессивно настроенная человѣческая личность.

Г. Лемке не беретъ на себя задачи изобразить историческую обстановку или изслѣдовать интересующее его лицо съ біографической или психологической стороны. Онъ преслѣдуетъ скромную цѣль—оттѣнить „нашу отечественную юстицію шестидесятыхъ годовъ"; въ центрѣ своей работы онъ полагаетъ оффиціальные документы, извлеченные изъ архивовъ, и къ біографическимъ и историческимъ даннымъ обращается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются необходимыми дополненіями того или иного момента въ излагаемомъ процессѣ.

М. И. Михайловъ въ свое время былъ хорошо извѣстенъ какъ романистъ, публицистъ и талантливый поэтъ-переводчикъ. Потомъ его литературная дѣятельность была основательно забыта, и только цензура хранила о ней почтительное воспоминаніе до послѣдняго времени. Г. Лемке сообщаетъ объ этомъ одинъ, не лишенный пикантности фактъ: „Она (цензура) такъ тщательно хранила его (Михайлова) имя въ своихъ темныхъ, инквизиціонныхъ подвалахъ, что, напримѣръ, въ числѣ мѣстъ, подлежащихъ исключенію изъ моей книги—„Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ", напечатанной въ концѣ 1903 года безъ предварительной цензуры и, по постановленію главнаго управленія по дѣламъ печати, перепечатанной въ 1904 году со многими сокращеніями и измѣненіями,—была такая строка, помѣщенная въ концѣ обзора русской общественной жизни за 1861 годъ: „14-го декабря Михайловъ сосланъ въ каторгу"... Всѣ мои доказательства противъ ея исключенія самимъ начальникомъ управленія, сенаторомъ и бывшимъ профессоромъ, Звѣревымъ, были отвергнуты".

М. И. Михайловъ былъ однимъ изъ первыхъ авторовъ русской прокламаціонной литературы и первымъ политическимъ ссыльнымъ въ царствованіе Александра II. Ему приписывается (въ цѣломъ или въ части) прокламація „Къ молодому поколѣнію", за которую онъ и былъ арестованъ, судимъ и сосланъ въ Сибирь. Къ какимъ средствамъ прибѣгало знаменитое III-е отдѣленіе, чтобы добиться интересовавшихъ его показаній (не останавливаясь передъ завѣдомымъ лжесвидѣтельствомъ и подлогами) и какъ было обставлено судопроизводство

въ сенатѣ, объ этомъ читатели найдутъ обстоятельное изложеніе въ статьяхъ г. Лемке. Здѣсь мы остановимся только на вопросѣ: чего желалъ и къ чему стремился, при помощи нелегальнаго распространенія своихъ мыслей, этотъ богато одаренный человѣкъ, въ чемъ полагалъ свои гражданскія стремленія и идеалы? Мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ пунктахъ названной прокламаціи, которая показалась такой страшной правительственному режиму. Она приведена г. Лемке съ цѣлымъ рядомъ пропусковъ, отмѣченныхъ имъ въ качествѣ—„увы! неизбѣжныхъ".

Предварительно маленькая подробность. Нѣсколько наивныхъ, неосторожныхъ фразъ въ этой прокламаціи привлекли къ Михайлову особенное вниманіе бюрократическаго бомонда. Въ тотъ день, въ который Михайлову былъ объявленъ приговоръ, собраніе сената происходило публично. Избранная публика, по билетамъ, наполнила залъ и жадно смотрѣла на автора той прокламаціи, „которая ничего не имѣла,—какъ выразился г. Лемке,—противъ смерти всего высшаго чиновничества"... Теперь, когда эта прокламація стала простымъ историческимъ фактомъ, не трудно убѣдиться, что разсѣянные въ ней убійственные рецепты представляютъ собой простыя реторическія фигуры, употреблявшіяся для того, чтобы усилить впечатлѣніе и убѣдить въ неотложности реформъ, и что въ дѣйствительности прокламація была чужда какихъ бы то ни было кровавыхъ призывовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говорилось въ ней: „Если для осуществленія нашихъ стремленій—для раздѣла земли между народомъ—пришлось бы вырѣзать сто тысячъ помѣщиковъ, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не такъ ужасно. Вспомните, сколько народу потеряли мы въ Польскую и Венгерскую войны. И для чего? Изъ капризовъ Николая, и не только безъ всякихъ выгодъ, но на позоръ всей страны. Вспомните, что Крымская война стоила намъ триста тысячъ народа, что она разорила цѣлый край, что ввела насъ въ громадный долгъ,—а развѣ мы испугались ея? А развѣ наше дворянство—лучшая рабочая сила страны? Нѣтъ... Но намъ могутъ замѣтить, что наше образованіе шло изъ дворянства, что лучшіе люди были изъ этого сословія. Во-первыхъ, это не совсѣмъ правда. А Ломоносовъ, Кольцовъ, Бѣлинскій? Во-вторыхъ, лучшее, что выходило изъ дворянства, тотчасъ же отдѣлялось отъ него и становилось на сторону угнетеннаго народа. При разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ дворянство, и изъ него такъ называемая старая аристократія, показало еще разъ, чего можетъ ожидать отъ него Россія. Мы увидѣли еще разъ и убѣдились окончательно, что это—партія плантаторовъ, что это помѣха Россіи на пути ея развитія. Нравственныя силы Россіи, если онѣ даже и изъ этого источника, не

принадлежатъ и не могутъ принадлежать дворянской партіи: онѣ составляютъ свое особое сословіе, свой кругъ, непризнанный правительствомъ, враждебный ему и дворянству, дружественный народу. Что народное, что сильно своей внутренней силой, что составляетъ нравственное украшеніе страны—то не дворянское, не правительственное. Ни одинъ человѣкъ, способный различать только сѣрое отъ чернаго, не примкнетъ къ правительственной партіи, не пойдетъ въ привилегированное сословіе, не воспользуется своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и титуломъ для притѣсненія народа, для своихъ узкихъ, корыстныхъ цѣлей. Не ту пору мы переживаемъ. Современный честный русскій не можетъ быть другомъ правительства. Онъ—другъ народа. Все же враждебное народу, все, эксплуатирующее его, есть правительство; а все, поддерживающее правительство и стремящееся не къ общему равенству правъ, а къ привилегіямъ, къ исключительному положенію,—есть дворянство и партія дворянская. Это врагъ народа, врагъ Россіи. Жалѣть его нечего, какъ не жалѣютъ вредныя растенія при расчисткѣ огорода".

Уже изъ этого видно, что разрушительная сила прокламаціи заключалась не въ страшныхъ словахъ, не въ рѣзкихъ и грубыхъ выраженіяхъ, а въ разъѣдающей критикѣ современнаго строя, критикѣ, въ которой сказывалась убійственная глубина анализа, смѣлость убѣжденной мысли и чувство протеста, развитое до крайнихъ предѣловъ. Остановившись на вопросахъ, въ чемъ заключаются способности и права на исключительность положенія, которымъ пользуется высшее сословіе, прокламація проводитъ двѣ параллели, опять-таки разсчитанныя на то, чтобы поразить воображеніе и пробудить острую общественную мысль. „Представьте себѣ, что внезапно, въ одинъ день, умираютъ всѣ наши министры, всѣ сенаторы, всѣ чины государственнаго совѣта. Пусть вмѣстѣ съ ними умираютъ всѣ губернаторы, директоры департаментовъ, митрополиты, архіереи, — однимъ словомъ, вся нынѣшняя служебная аристократія. Что теряетъ отъ этого Россія? Ничего. Черезъ часъ явятся новые министры, новый сенатъ, новый государственный совѣтъ; явятся новые губернаторы, директоры департаментовъ, архіереи и митрополиты,—и колесо государственнаго управленія пойдетъ до того по-старому, что Россія и не замѣтитъ никакой перемѣны".

Но вотъ картина мѣняется,—все „безполезное населеніе" Россіи живо и здорово, но умираетъ аристократія мысли, умираютъ литераторы, поэты, ученые, художники, фабриканты, люди, выражающіе твореніями своими національный геній. „Что станется тогда съ Россіей? И сколько нужно времени, чтобы возстановить ея потерю? Ни фрейлины, ни сенаторы, ни архіереи, ни митрополиты, ни члены го-

сударственнаго совѣта и флигель-адъютанты не въ состояніи быть литераторами, художниками, фабрикантами. Что станется со страной, постигнутой такимъ страшнымъ бѣдствіемъ, лишенной всей нравственной силы?"

Далѣе прокламація вооружается противъ мысли, которая и донынѣ составляетъ отличительную черту представителей „выгоднаго для нихъ консерватизма", будто народъ нельзя предоставить самому себѣ, что ему нужны няньки. „Жалкіе мыслители, хотя и послѣдовательные, вы не хотите дать народу свободу, потому что и для себя самихъ вы видите возможность только одного положенія—холопства. Но кто же далъ вамъ право переносить свое тупоуміе и безсердечіе на весь народъ? Кто сказалъ вамъ, что всѣ должны быть лакеями, потому что вы — лакеи? что ни у кого не должно быть собственной воли, потому что вы тупоумны? Вы говорите, что народъ не созрѣлъ... Неужели нужна какая-то зрѣлость, чтобы отличить справедливость отъ безумія? чтобы чувствовать потребность дышать свѣжимъ воздухомъ, ѣсть, пить, мыслить и, слѣдовательно, свободно выражать свои желанія и мысли? Или вы думаете, что все это не есть органическая потребность человѣка? Или вы думаете, что нашъ крестьянинъ безчувственъ ко всему этому? Что его нужно пріучать постепенно къ справедливости и правдѣ? Что въ дѣлѣ народнаго грабежа и разоренія нужно сходить *на-нѣтъ* постепенно?"

Чего же хотѣла эта прокламація 60-хъ годовъ?—„Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа"... „Мы хотимъ свободы слова"... „Мы хотимъ развитія существующаго уже частью въ нашемъ народѣ начала самоуправленія"... „Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинаковыми правами, чтобы привилегированныхъ сословій не существовало"... „Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ"... „Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда"... „Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ"...

Если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя „страшныя" слова, которыми сопровождаются эти пожеланія, и вдуматься въ ихъ сущность, то въ итогѣ окажется очень опредѣленная, отчетливая программа, своевременное принятіе которой дало бы удовлетвореніе уже тогда назрѣвшимъ элементарнымъ потребностямъ гражданской свободы и избавило бы, можетъ быть, наши дни отъ необходимости въ страстной, затянувшейся борьбѣ доказывать, если можно такъ выразиться, застарѣлую своевременность введенія простѣйшихъ началъ правового строя. А пятьдесятъ лѣтъ назадъ человѣкъ, которому вмѣненъ былъ въ вину подобный образъ мыслей, былъ сосланъ на каторгу въ Сибирь и тамъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Много любопытныхъ документовъ и по дѣлу Д. И. Писарева. Объ этомъ дѣлѣ въ печати было чрезвычайно мало свѣдѣній. Оно также изложено строго фактически, съ самыми необходимыми примѣчаніями и поясненіями. Но само по себѣ оно заключаетъ такъ много бытового элемента, что былая жизнь ярко воскресаетъ въ воображеніи читателя и живо переноситъ въ тѣ, такъ называемыя, условія русской дѣйствительности, которыя налагали печать „нелегальной" отверженности на все, что было проникнуто смѣлой общественной мыслью или горечью оскорбленнаго гражданскаго порыва. Останавливаясь на политической сторонѣ процесса, мы находимъ въ немъ чрезвычайно любопытный текстъ прокламаціи „молодая Россія", которая тоже напугала въ свое время и правительство, и общественные классы. Этотъ текстъ излагалъ политическую программу извѣстнаго революціоннаго кружка съ тою же категорической опредѣленностью, которая не оставляла сомнѣнія въ полной непримиримости политическаго идеала съ самыми лучшими намѣреніями существующаго строя. „Мы требуемъ измѣненія,—читаемъ въ этомъ текстѣ,—современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки національнаго и областныхъ собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ. „Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которыхъ пользуются одинаковыми правами".

На землю и собственность программа смотрѣла такимъ образомъ, что земля отводилась каждому члену общины не пожизненно, но лишь на нѣсколько лѣтъ, по истеченіи которыхъ долженъ былъ происходить передѣлъ; все же остальное имущество оставалось въ пожизненномъ владѣніи члена общины, по смерти котораго оно дѣлалось достояніемъ общины. Указавъ на распредѣленіе дѣлъ и обязанностей, которыя должны пасть на долю національнаго и областныхъ собраній, программа переходитъ къ вопросу о правильномъ распредѣленіи налоговъ: они должны падать своею тяжестью на людей богатыхъ. Для этого программа требовала, чтобы національное собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣляло его только между областями. Областныя собранія распредѣляютъ его между общинами, а послѣднія опредѣляютъ личную подать, — такимъ способомъ осуществляется налогъ прогрессивный.

„Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя, по истеченіи извѣстнаго срока, давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, ко-

торой они дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія. Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія на счетъ общества больныхъ и стариковъ,—однимъ словомъ, всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія. Мы требуемъ полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины; требуемъ уничтоженія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно, и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства".

Требованіе уничтоженія брака и еще двухъ-трехъ пунктовъ вродѣ этого возмутили не только реакціонную часть общества, но и нѣкоторые либеральные круги. Намъ оно кажется чрезвычайно характернымъ для своего времени, какъ показатель того, въ какую даль заходили стремленія нашихъ соціалистовъ-шестидесятниковъ, и какой любопытной иллюстраціей ихъ преобразовательныхъ чаяній долженъ былъ послужить знаменитый романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?"

На ряду съ такими общими соціальными проблемами, программа предлагала рѣшеніе окраиннаго вопроса. Она требовала полной независимости Польши и Литвы, „какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставаться соединенными съ Россіей". Всѣ же области должны имѣть возможность рѣшить по большинству голосовъ, желаютъ ли онѣ войти въ составъ федеративной республики русской. „Безъ сомнѣнія мы знаемъ, что такое положеніе нашей программы, какъ федерація областей, не можетъ быть приведено въ исполненіе тотчасъ же. Мы даже твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ національное собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы). Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы — доказываетъ прошлое французское собраніе 48-го года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Луи Наполеона въ императоры".

Не менѣе интересна, какъ характерный образчикъ революціоннаго

творчества своей эпохи и прокламація „Предостереженіе", приводимая г. Лемке въ томъ же процессѣ. „Мы, революціонеры, т.-е., люди не производящіе переворота, а только любящіе народъ настолько, чтобы не покинуть его, когда онъ самъ безъ нашего возбужденія ринется въ борьбу, — мы умоляемъ публику, чтобы она помогла намъ въ нашихъ заботахъ смягчить готовящееся въ самомъ народѣ возстаніе. Намъ жаль образованныхъ классовъ; просимъ ихъ уменьшить грозящую имъ опасность. Но для этого нужно, чтобы публика сдѣлалась болѣе хладнокровна и менѣе легкомысленна, чѣмъ какою выказала она себя въ сплетняхъ о пожарахъ. Перестаньте поощрять правительство въ его реакціонныхъ мѣрахъ". Предостереженіе было направлено противъ ложныхъ обвиненій революціонеровъ, будто они поджигали Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно является коррективомъ къ увлеченіямъ „Молодой Россіи". Вооружаясь противъ выдумокъ и сплетней, предостереженіе говорило: „Мы достовѣрно знаемъ, что такихъ революціонеровъ нѣтъ и не было. Нѣсколько пылкихъ людей писали и напечатали публикацію, рѣзкія выраженія которой послужили предлогомъ для нелѣпыхъ обвиненій. Довольно прочесть эту публикацію со вниманіемъ, чтобы понять чувства ея издателей: эти люди—экзальтированные и уже по тому самому неспособные имѣть никакихъ низкихъ намѣреній. Они сказали нѣсколько опрометчивыхъ словъ, но, конечно, не придавали имъ того смысла, какой хочетъ въ нихъ видѣть правительство и находитъ петербургская публика... Исторія свидѣтельствуетъ, что демократы никогда не дѣйствовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами. Она обличала, что если много разъ винили ихъ въ этомъ, то обвиненіе всегда было клеветою, которую пораждало легковѣріе, и которою пользовались деспотическія правительства, всегда склонныя къ реакціоннымъ мѣрамъ"...

Кромѣ показаній Д. И. Писарева и студента Баллода, въ концѣ помѣщено нѣсколько небезынтересныхъ писемъ Благосвѣтлова къ В. П. Попову.

Но настоящимъ открытіемъ въ дѣлѣ изученія общественно-исторической литературы явилось опубликованіе процесса Н. Г. Чернышевскаго. Съ точки зрѣнія отечественной юстиціи 60-хъ годовъ, дѣло Чернышевскаго, по вѣрному замѣчанію г. Лемке, должно поистинѣ считаться вѣнцомъ зданія россійской законности; но оно представляетъ собой и замѣчательный документъ, характеризующій ту россійскую дѣйствительность, въ которой приходилось жить и работать просвѣщеннѣйшимъ людямъ своей эпохи. „На мою долю выпало познакомить, наконецъ, русское общество и съ процессомъ Чернышевскаго,—говоритъ авторъ, — съ тѣмъ ужасающимъ произволомъ и беззаконіемъ, которые скрываются за этимъ словомъ. Это не былъ про-

цессъ слѣдствія и суда. Это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это образецъ дѣлъ, которыя неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему неугодныхъ, не стѣсняясь никакимъ декорумомъ приличія. Это процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какой бы то ни было „политикой", имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время". И авторъ приводитъ въ концѣ негодующее письмо Герцена, гдѣ послѣдній поздравлялъ „различныхъ Катковыхъ", восторжествовавшихъ надъ своимъ врагомъ, и спрашивалъ, легко ли имъ на душѣ. „Чернышевскій былъ вами выставленъ къ позорному столбу на четверть часа,—писалъ Герценъ,—а вы, а Россія на сколько лѣтъ останетесь привязанными къ нему?"

Къ дѣлу Чернышевскаго мы надѣемся вернуться особо; о немъ нельзя говорить вкратцѣ. Отмѣтимъ здѣсь крупную заслугу г. Лемке, открывшаго возможность изучать это дѣло въ полномъ видѣ. Позволимъ себѣ лишь небольшое замѣчаніе. Въ свое изложеніе г. Лемке, помимо важныхъ поправокъ и примѣчаній фактическаго свойства, вноситъ нѣкоторый субъективный элементъ. И это вполнѣ естественно: не можетъ авторъ, излагающій обстоятельства дѣла Чернышевскаго, остаться равнодушенъ ко всему, что въ нихъ возмущаетъ или трогаетъ человѣческую душу. Но постановка вопроса о виновности Чернышевскаго представляется намъ не вполнѣ правильной. Приведя слова Чернышевскаго, указывавшія на то, что обвинительный матеріалъ противъ него былъ совершенно негоденъ, г. Лемке говоритъ: „Это, однако, не значитъ, чтобы я становился на точку зрѣнія, болѣе или менѣе общепринятую въ литературѣ: Чернышевскій пострадалъ-де *совершенно* невинно. Я думаю, что положеніе вопроса иное: Чернышевскій пострадалъ *юридически* невинно. Этимъ я хочу сказать, что вовсе не склоненъ думать, что Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновененъ къ революціонной работѣ своего времени". Всякая иная, кромѣ юридической, точка зрѣнія едва ли возможна при изученіи процесса Чернышевскаго и только затуманиваетъ истинную роль „отечественной юстиціи 60-хъ годовъ". Причастность Чернышевскаго къ революціонной работѣ своего времени въ гораздо большей степени доказывается полнымъ собраніемъ его сочиненій, чѣмъ отдѣльными о немъ мнѣніями. Не отрицая возможности участія Чернышевскаго въ *практической* революціонной работѣ, мы признаемъ приведенныя г. Лемке свидѣтельства слишкомъ, однако, недостаточными для рѣшенія вопроса въ утвердительномъ смыслѣ и во всякомъ случаѣ требующими болѣе глубокаго изслѣдованія и всесторонняго освѣщенія. Сравнительно съ общимъ смысломъ сочиненій Чернышевскаго, активное участіе его въ освободительномъ движеніи было такою

ничтожной крупицей, что оно далеко не имѣетъ той важности, какую склонны приписывать ему нѣкоторые изслѣдователи. Не слѣдуетъ забывать, что еслибы Чернышевскій хотя на одну минуту сошелъ съ юридической точки зрѣнія, онъ не искалъ бы съ такимъ фанатическимъ упорствомъ „правды". Очевидно, эта „правда" лежала внѣ области спорныхъ и во всякомъ случаѣ гадательныхъ предположеній о томъ, былъ ли Чернышевскій дѣйствительно авторомъ „воззванія къ барскимъ крестьянамъ", или нѣтъ. Это—вопросъ совершенно особый.

Приведемъ въ заключеніе нашей замѣтки стихотвореніе Некрасова, обращенное къ Чернышевскому съ неизвѣстной прежде и впервые напечатанной г. Лемке четвертой строфой:

Не говори: „Забылъ онъ осторожность.
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной"...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

Такъ мыслитъ онъ, и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ.

Чернышевскій и любилъ, и мыслилъ возвышеннѣе и шире, чѣмъ это онъ могъ бы раскрыть въ условіяхъ конспиративной работы; однако безъ изученія процесса Чернышевскаго образъ его много бы потерялъ въ своей жизни и полнотѣ. Но чтобы пріобщиться къ его высотѣ и широтѣ мысли и любви, нужно отдаться міру высокихъ и разнообразныхъ идей его богатаго духовнаго наслѣдства.

Статьи г. Лемке, выходящія, какъ извѣстно изъ объявленій, отдѣльнымъ изданіемъ, сопровождены нѣсколькими портретами, иллюстраціями и снимками съ подложныхъ документовъ.—Евг. Л.

VI.

— *И. И. Янжулъ.* Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

У насъ довольно много пишется о фабричной инспекціи и о той роли, какую играетъ министерство финансовъ и фабричные инспектора

въ дѣлѣ регулированія такъ-наз. рабочаго вопроса; но все это относится къ новѣйшему времени. Воспоминанія И. И. Янжула касаются, напротивъ того, первыхъ лѣтъ дѣятельности института фабричныхъ инспекторовъ; и такъ какъ авторъ былъ первымъ, — притомъ весьма энергичнымъ инспекторомъ, и принималъ „близкое участіе въ первоначальной исторіи нашего фабричнаго законодательства", то его записки могутъ многое выяснить въ вопросѣ о первыхъ шагахъ проведенія въ жизнь нашего фабричнаго законодательства. Такъ, И. И. Янжулъ напоминаетъ о забытомъ у насъ фактѣ учрежденія въ концѣ 70-хъ годовъ въ г. Москвѣ коммиссіи для осмотра фабрикъ и заводовъ и о другой коммиссіи, учрежденной московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Козловымъ. Заслуга этихъ коммиссій (въ трудахъ которыхъ принималъ участіе и авторъ „Воспоминаній") заключается не только въ томъ, что ими были изданы обязательныя постановленія для регулированія нѣкоторыхъ отношеній между фабрикантами и рабочими, постановленія, имѣвшія цѣлью, между прочимъ, „по возможности ограничить произволъ и злоупотребленія хозяевъ". Выработанныя правила для московской губерніи служили, кромѣ того, „важнѣйшимъ матеріаломъ, изъ котораго черпались впослѣдствіи многія положенія, вошедшія въ общіе имперскіе фабричные законы 1885—86 гг.". Намъ кажется только, что авторъ переоцѣнилъ положительное значеніе личности министра финансовъ Бунге (стр. 8) въ исторіи нашего фабричнаго законодательства, подчеркивая гуманизмъ Бунге и оставляя безъ вниманія настроеніе высшихъ сферъ (порожденное революціонной пропагандой въ народѣ) того времени сдѣлать что-либо для низшихъ классовъ общества и тѣмъ отвратить ихъ отъ воспріятія революціонныхъ идей. Настроеніе это выразилось въ такихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, какъ пониженіе выкупныхъ платежей, учрежденіе крестьянскаго банка и другія мѣропріятія, направленныя къ улучшенію положенія крестьянъ. Этимъ настроеніемъ въ значительной степени объясняются и мѣры правительственнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими фабрикъ и заводовъ. Будущій историкъ нашего фабричнаго законодательства, воздавъ должное добрымъ намѣреніямъ Бунге, не можетъ, тѣмъ не менѣе, не упрекнуть его въ томъ, что онъ не былъ достаточно настойчивъ въ практическомъ осуществленіи принципіально рѣшеннаго вопроса и допустилъ не только промедленіе примѣненія закона, но и всякія урѣзки и искаженія мысли законодателя. Исторія этихъ пороковъ нашего фабричнаго надзора и составляетъ предметъ „Воспоминаній" автора.

Первый фабричный законъ, о работѣ малолѣтнихъ, былъ Высочайше утвержденъ 1-го іюня 1882 г., а вслѣдствіе проволочекъ въ изданіи пояснительныхъ къ нему правилъ и инструкціи для инспекторовъ—къ

примѣненію его на практикѣ оказалось возможнымъ приступить лишь къ веснѣ 1885 г.! Но и опубликовавъ, наконецъ, 26 февраля 1885 г. правила для фабрикантовъ, министерство не озаботилось сдѣлать ихъ извѣстными владѣльцамъ промышленныхъ заведеній, несмотря на предупрежденія о томъ инспекторовъ, и послѣднимъ—вмѣсто надзора за осуществленіемъ закона, приходилось тратить мѣсяцы на ознакомленіе фабрикантовъ съ содержаніемъ послѣдняго. Издавъ законъ, министерство, однако, не спѣшило санкціонировать его разрѣшеніемъ преслѣдованія фабрикантовъ, виновныхъ въ его несоблюденіи. Департаментъ мануфактуръ и торговли—жалуется И. И. Янжулъ въ одномъ изъ писемъ того времени—„часто тормазитъ живое дѣло, заботясь не о лучшей постановкѣ закона, а чтобы все было тихо и спокойно, а главное, чтобы „въ Москвѣ (т.-е. крупные промышленники) были довольны!“ (стр. 84). Но и разрѣшеніе защищать авторитетъ закона, путемъ привлеченія фабрикантовъ къ отвѣтственности, было дано больше для формы. Недаромъ промышленники не вѣрили „рѣшимости правительства заставить ихъ исполнять новый законъ и считали все, можно думать, какой-то пробой пера или „шуткой“ (стр. 85). И дѣйствительно, въ районѣ вѣдѣнія И. И. Янжула всего три промышленника (и притомъ крупные) поплатились ничтожными штрафами въ 100 р. „Вотъ и весь видимый практичный результатъ моихъ стараній вплоть до оставленія мною инспекторской службы“,—иронизируетъ авторъ (стр. 93).

Мало удовлетворяли преданнаго своему дѣлу инспектора и другія узаконенія времени Бунге. Закономъ 12-го іюня 1884 г. о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ „въ значительной степени искажена основная мысль закона 1882 г., т.-е. обязательность для промышленниковъ предоставлять возможность обученія. Этотъ пунктъ закона можно было понимать въ смыслѣ необходимости для фабрикантовъ позаботиться о школьномъ вопросѣ самимъ (такъ понимали его и фабриканты: см. стр. 37). Узаконеніе 1884 г возлагаетъ обязанность заботиться объ устройствѣ школьнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ на инспекторовъ“ (стр. 51). Организація фабричной инспекціи въ свою очередь не могла дать удовлетворенія сколько-нибудь серьезнымъ требованіямъ. Личный ея составъ, первоначально намѣчавшійся въ 85 человѣкъ, былъ едва доведенъ до цифры 80, вслѣдствіе чего чуть не большая часть времени инспекторовъ уходила на разъѣзды, и они все-таки были въ состояніи въ теченіе года посѣтить лишь небольшую часть находившихся въ ихъ вѣдѣніи заведеній. Во главѣ инспекціи,—которой предстояло такое важное дѣло, какъ укладка, такъ сказать, фундамента зданія фабричнаго надзора,—поставлено было лицо (Я. Т. Михайловскій), по своей спеціальности (преподаватель,

кажется, исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ) не имѣвшій ни прямого, ни косвеннаго отношенія ни къ промышленности, ни къ рабочимъ, не обладавшій никакой подготовкой къ выполненію такого отвѣтственнаго дѣла. Въ добавленіе ко всему, директоръ департамента, въ вѣдѣніи котораго находился фабричный надзоръ, Н. А. Ермаковъ, оказался прямо-таки тянущимъ руку фабрикантовъ, чѣмъ, конечно, и объясняется описываемая проф. Янжуломъ печальная исторія первыхъ лѣтъ дѣйствія фабричныхъ законовъ. „Не рѣшаясь противодѣйствовать непріятному для него закону явно изъ опасенія скомпрометировать себя въ глазахъ начальства, онъ (Ермаковъ) втихомолку старался всячески извратить средства его выполненія“ (стр. 103). Съ замѣною въ 1887 г. Бунге Вышнеградскимъ, чиновникамъ-противникамъ фабричной инспекціи незачѣмъ было и скрывать свою антипатію, такъ какъ новое „начальство“ вполнѣ имъ въ этомъ симпатизировало. Авторъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующую характерную сценку, касающуюся этого предмета. 12 января 1887 г., на актѣ въ московскомъ университетѣ, И. И. Янжулъ встрѣтился съ только-что вернувшимся изъ Петербурга московскимъ городскимъ головою, Алексѣевымъ, и услышалъ отъ него такой разсказъ о его бесѣдѣ съ новымъ министромъ финансовъ, Вышнеградскимъ: „—Вѣдь вы фабрикантъ,—передаетъ Алексѣевъ рѣчь Вышнеградскаго,—ну, что̀ вы думаете о фабричной инспекціи, этой выдумкѣ Бунге?—Когда я (Алексѣевъ) ему отвѣтилъ, что я лично жаловаться на нее не могу и состою въ лучшихъ отношеніяхъ съ инспекціей, Вышнеградскій рѣзко оборвалъ.—Ну, вы тогда исключеніе! Особенно хорошъ вашъ Янжулъ: мутитъ рабочихъ, настраиваетъ противъ хозяевъ, со всѣхъ сторонъ его бранятъ... Нѣтъ, этого я больше не потерплю и постараюсь сократить. Еслибы только инспекція была изобрѣтена въ настоящее царствованіе, то ее легко было бы совсѣмъ отмѣнить; но, къ сожалѣнію, въ прошлое,—а памяти родителя не слѣдуетъ касаться! Но это все равно. Я постараюсь передать инспекцію въ министерство внутреннихъ дѣлъ—пусть изъ инспекторовъ сдѣлаютъ *становыхъ приставовъ!*“ (стр. 176). Излишне разъяснять, что̀ могло ожидать молодое наше фабричное законодательство при такомъ „начальствѣ“. Тѣмъ менѣе можно примириться съ тѣмъ, что въ теченіе пяти лѣтъ нахожденія фабричнаго надзора въ вѣдѣніи Бунге не было сдѣлано ничего для укорененія у насъ этого важнаго учрежденія.

Фабриканты (московскаго района, гдѣ дѣйствовалъ И. И. Янжулъ) знали, конечно, объ отношеніи къ закону доброжелательной къ нимъ власти, и потому не скрывали своего отвращенія къ нему и не разъ высказывали увѣренность, что практическаго примѣненія этотъ законъ имѣть не будетъ. Ихъ предсказанія, казалось, и оправдывались. Мы

приводили уже сообщеніе И. И. Янжула о трехъ всего случаяхъ ничтожнаго оштрафованія фабрикантовъ за нарушеніе закона—какъ результатѣ стараній инспектора воплотить законъ въ жизни. Но даже и при такихъ ничтожныхъ репрессіяхъ, фабриканты не стѣснялись заваливать министерство, и лично, и въ составѣ коллегіальныхъ учрежденій, жалобами на неумолимую будто бы строгость инспекціи, угрожающую, по ихъ увѣренію, чуть ли не существованію русской промышленности. Какъ принимались эти жалобы въ департаментѣ даже при Бунге, видно изъ горькаго замѣчанія И. И. Янжула (заслужившаго особенную ненависть фабрикантовъ) въ одномъ письмѣ отъ 1885 г., что „въ другихъ странахъ такая черта служебной дѣятельности (строгость) вызываетъ одобреніе, а у насъ, какъ видно, получается отсюда лишь осужденіе". Авторъ удивляется, какимъ образомъ въ Москвѣ создалась легенда о неумолимой его строгости, какъ инспектора. „Если настойчивость въ требованіи примѣненія закона—пишетъ онъ—и горячее желаніе видѣть его выполненнымъ составляютъ строгость, то жалобы справедливы—я строгъ. Если же—что будетъ правильнѣе—строгость мѣрить отвѣтственностью за нарушеніе закона, то я преступно снисходителенъ, ибо въ теченіе нынѣшняго (1885) года я нашелъ несоблюденіе закона на 200 фабрикахъ, и всего лишь три раза привлекъ хозяевъ къ отвѣтственности передъ судомъ!!" (стр. 94). Эта „преступная снисходительность" инспектора обратилась „въ неумолимую строгость" для фабрикантовъ лишь потому, что инспекторъ осмѣливался безпокоить ихъ „степенства" „настойчивыми требованіями примѣненія закона". Безъ надежды на сочувствіе къ себѣ въ министерствѣ фабриканты, конечно, не рѣшились бы предъявлять такія претензіи. А вѣдь это имѣло мѣсто въ министерство Бунге. Очевидно, что, при своихъ гуманитарныхъ тенденціяхъ, министръ не походилъ на своего подчиненнаго въ томъ, что касается „требованій примѣненія закона"; и самъ пр. Янжулъ произноситъ надъ нимъ приговоръ, заявляя, что всѣ его „представленія или предложенія правительству въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ усовершенствованій въ постановкѣ вопроса, не слушались въ министерствѣ финансовъ, и на нихъ не обращалось вниманія, особенно при Вышнеградскомъ" (стр. 18). А между тѣмъ положеніе И. И. Янжула въ институтѣ фабричной инспекціи, какъ спеціалиста по рабочему вопросу, было (и считалось таковымъ Бунге) незауряднымъ. Его, какъ выразился Бунге, правительство „обобрало" при мотивировкѣ закона 1882 г.; отъ него же, какъ отъ спеціалиста, оно ожидало многаго въ смыслѣ введенія въ жизнь и дальнѣйшаго усовершенствованія фабричныхъ законовъ. Почтенный профессоръ считалъ себя обязаннымъ откликнуться на предложеніе взять на себя отвѣтственную роль, такъ

сказать, обоснованія первыхъ шаговъ фабричнаго надзора въ центральномъ районѣ. Онъ забрасывалъ начальство сообщеніями, предложеніями и указаніями на пробѣлы законовъ, выяснившіеся при попыткахъ примѣненія ихъ къ жизни, и получалъ въ отвѣтъ уклоненіе отъ „категорическихъ отвѣтовъ“ (стр. 60), формальныя отписки или намеки на несовсѣмъ умѣстную ретивость въ выполненіи своихъ важныхъ обязанностей. Съ водвореніемъ въ министерствѣ Вышнеградскаго стали ходить даже слухи, что своимъ усердіемъ въ роли фабричнаго инспектора И. И. Янжулъ можетъ, пожалуй, испортить свою профессорскую карьеру. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1887 г. И. И. Янжулъ подалъ въ отставку, проработавъ въ качествѣ инспектора пять лѣтъ и издавъ въ это время два отчета о своей дѣятельности и отчетъ объ изслѣдованіи польской промышленности, признанные весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу о нашей фабричной промышленности. Авторъ оставилъ должность, „убѣдившись въ безсиліи своемъ принести какую-либо пользу“ „любимому“ имъ рабочему вопросу.

VII.

— *А. И. Скворцовъ*, проф. Новоалександрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Спб. 1906.

Названное произведеніе профессора Скворцова, среди множества книгъ и брошюръ по аграрному вопросу послѣдняго времени, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе потому, что мы въ немъ имѣемъ попытку освѣтить данный вопросъ со стороны ученаго, стремящагося послѣдовательно проводить въ своихъ работахъ экономическое ученіе и методъ трактованія экономическихъ явленій К. Маркса, и уже поэтому пользующагося среди читателей довольно большой популярностью. Къ тому же авторъ заинтересовываетъ читателя новой своей книги заявленіемъ, что, по его мнѣнію, появленіе въ наши дни новой работы по аграрному вопросу „можетъ быть оправдано только тѣмъ, что въ ней проводится новый взглядъ или приводятся существенно-важные факты, могущіе повліять на рѣшеніе вопроса“. Правда, авторъ отказывается отъ того, чтобы предложить свое рѣшеніе аграрнаго вопроса; но онъ обѣщаетъ намъ нѣчто, на нашъ взглядъ, болѣе важное: „выясненіе принципіальныхъ положеній, которыя должно имѣть въ виду при его обсужденіи“. Этимъ выясненіемъ онъ не надѣется убѣдить писателей и прожектеровъ аграрныхъ реформъ; но онъ обращается къ „широкому кругу общества“ и надѣется показать ему „ошибочность той точки зрѣнія, съ которой ему представлялся до сихъ поръ данный вопросъ“. Какъ же справляется авторъ съ своей задачей?

Авторъ порицаетъ наши партіи за то, что онѣ полагаютъ „разрѣшить аграрный вопросъ однимъ взмахомъ пера, по одной мѣркѣ для всѣхъ", не взирая на огромное разнообразіе аграрнаго строя различныхъ мѣстностей Россіи. Такъ, „чуть не всѣ разсужденія по аграрному вопросу начинаются съ выставленія положенія, что наши крестьяне страдаютъ отъ малоземелья" (стр. 4). Авторъ же считаетъ, что уже характеръ аграрныхъ движеній въ различныхъ областяхъ Россіи показываетъ, что „такое шаблонное рѣшеніе должно, по меньшей мѣрѣ, подлежать значительнымъ поправкамъ". А именно, въ западныхъ и большей частью въ юго-западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ аграрное движеніе имѣло характеръ борьбы батраковъ съ нанимателями; „требованіе же о передачѣ земли являлось исключеніемъ". А въ нечерноземныхъ губерніяхъ, особенно съ развитою промышленностью, „аграрныя движенія не получили такого развитія, какъ на черноземѣ, и часто совсѣмъ не проявлялись" (стр. 5). Мысль объ уравнительномъ раздѣлѣ всѣхъ барскихъ земель сохранилась—по утвержденію автора—только въ районѣ общиннаго землевладѣнія. А тамъ, гдѣ господствуетъ подворное владѣніе землей, въ средѣ крестьянъ замѣчается значительная дифференціація, отсутствуетъ солидарность интересовъ отдѣльныхъ группъ крестьянъ, и „стремленіе къ передѣлу можетъ быть развѣ что у наиболѣе обдѣленныхъ или совсѣмъ безземельныхъ". „Можно, однако, не рискуя ошибиться, утверждать, что и самое требованіе объ увеличеніи земельныхъ надѣловъ, предъявляемое крестьянами западной полосы, должно считаться въ значительной степени навѣяннымъ" (стр. 8). И „это не были требованія литовскаго и польскаго крестьянства въ цѣломъ, а только наиболѣе обдѣленной его массы". При этомъ крестьяне имѣютъ въ виду получить землю въ полную собственность, а „такой постановкой дѣла характеръ мѣропріятія совершенно измѣняется". Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія было бы въ этомъ случаѣ „ничѣмъ не оправдываемой передачей капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія" (стр. 10).

Если приведенныя выдержки изъ книги проф. Скворцова,—предполагая даже, что рисуемое ими настроеніе крестьянъ совершенно отвѣчаетъ дѣйствительности,—допускаютъ какое-либо заключеніе, то лишь заключеніе о томъ, что потребность въ расширеніи землевладѣнія распространяется не на всю массу крестьянъ какого-либо района, и что, объявляя принудительное отчужденіе частновладѣльческой земли, нельзя допустить, чтобы эта крайняя мѣра разрѣшенія аграрнаго вопроса обратилась въ простое средство наживы мелкихъ капиталистиковъ на счетъ крупныхъ. Но авторъ дѣлаетъ изъ этого тотъ выводъ, „что увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія не можетъ быть мѣрой, распространяемой на *всю* Россію" (стр. 10); что нѣкоторыя части

послѣдней должны поэтому остаться внѣ сферы примѣненія этого мѣропріятія.

Изъ дальнѣйшаго, однако, оказывается, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, какъ мѣра, проведенная сколько-нибудь широко, должно миновать и всѣ другіе районы Россіи. Въ пріозерной полосѣ „прибавочное надѣленіе едва-ли понадобится“ (с. 29); въ нечерноземной промышленной полосѣ „нѣкоторое увеличеніе землевладѣнія“ понадобится развѣ только на окраинахъ, „въ незначительномъ, относительно, числѣ случаевъ и всегда при непремѣнномъ условіи развязки съ общиннымъ строемъ“ (стр. 37—38); спасеніе бѣлорусскихъ областей „не въ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія, а въ улучшеніи путей сообщеній и сношеній и въ развитіи промышленности“ (стр. 39) и т. д. И даже въ центральной черноземной полосѣ, гдѣ авторъ признаетъ наличность всеобщаго требованія о раздѣлѣ между крестьянами всѣхъ некрестьянскихъ земель (стр. 7), допускается лишь „нѣкоторое увеличеніе крестьянскаго землепользованія“, да и то потому, что положеніе очень ужъ обострилось „и аппетиты крестьянъ раздражены обѣщаніями чуть не всѣхъ думскихъ партій“ (стр. 80).

Въ предисловіи и послѣсловіи къ своей книгѣ авторъ отказывается предложить отъ себя какое-либо рѣшеніе аграрнаго вопроса; но изъ вышеизложеннаго читатель можетъ усмотрѣть, что такое рѣшеніе дано имъ, по крайней мѣрѣ, съ отрицательной стороны: нигдѣ онъ не призналъ необходимости сколько-нибудь значительнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Распредѣленіе земли между крупной и мелкой собственностью должно остаться, слѣдовательно, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, и который вызываетъ ожесточенныя нападки и нашихъ прогрессивныхъ партій, и огромныхъ массъ населенія. Къ этому почти единообразному для всѣхъ разнообразныхъ областей Россіи заключенію авторъ пришелъ послѣ того, какъ онъ предъявилъ ко всѣмъ нашимъ партіямъ обвиненіе въ намѣреніи разрѣшить аграрный вопросъ „по одной мѣркѣ для всѣхъ“ и высказалъ, что для установленія тѣхъ мѣропріятій „аграрной политики, помощью которыхъ можетъ быть поднято благосостояніе земледѣльческаго населенія даннаго района, необходимо исходить изъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится здѣсь земледѣльческій промыселъ“ (стр. 10). Какъ же случилось, что великое разнообразіе условій сельскаго хозяйства на огромной территоріи Россіи отразилось въ сознаніи изслѣдователя, единообразной формулой, высказанной выше?

Описаніе авторомъ „условій, въ которыхъ находится земледѣльческій промыселъ района“, состоитъ въ указаніи естественныхъ обстоятельствъ, вліяющихъ такъ или иначе на сельское хозяйство, системъ этого по-

слѣдняго, распространенія крупнаго и мелкаго землевладѣнія и земледѣлія, и въ оцѣнкѣ того, насколько мѣстныя условія благопріятствуютъ преимущественному развитію крупнаго или мелкаго хозяйства. Въ этомъ, нужно полагать, и заключается обѣщанное авторомъ „выясненіе принципіальныхъ положеній, которыя должно имѣть въ виду при обсужденіи вопроса (аграрнаго)". Если эти положенія принципіальныя, и отъ нихъ зависитъ то или иное рѣшеніе аграрнаго вопроса, то такое рѣшеніе должно бы, казалось, заключаться въ приведеніи отношеній землевладѣнія въ соотвѣтствіе съ отношеніями производства: тамъ, гдѣ естественныя условія требуютъ крупнаго производства, съ точки зрѣнія автора, естественно желать и распространенія крупнаго землевладѣнія; а гдѣ природа мѣстности даетъ перевѣсъ мелкому хозяйству—слѣдуетъ стремиться къ распространенію и мелкаго землевладѣнія. Но у г. Скворцова выходитъ иначе, и чтобы характеризовать методъ его аргументаціи, мы укажемъ, какъ онъ разсуждаетъ въ случаѣ двухъ районовъ съ взаимно противоположными естественными условіями сельско-хозяйственнаго промысла. Условія центральнаго черноземнаго района благопріятствуютъ, по мнѣнію автора, крупному хозяйству. Мелкія хозяйства „въ настоящій историческій моментъ должны уступить здѣсь мѣсто болѣе крупнымъ хозяйствамъ" (стр. 70). Естественно, если для даннаго района г. Скворцовъ отвергаетъ идею о раздробленіи аграрнаго землевладѣнія, несмотря на то, что такого раздробленія требуетъ крестьянское населеніе области, и только потому что „аппетиты крестьянъ раздражены обѣщаніями",—онъ допускаетъ „нѣкоторое увеличеніе крестьянскаго землепользованія" (стр. 80). Въ другомъ районѣ, польскомъ, отношенія прямо противоположны. „Всѣ естественныя и экономическія условія благопріятствуютъ здѣсь процвѣтанію крестьянскаго хозяйства" (стр. 14). Изъ этого, повидимому, естественно придти къ заключенію о передачѣ крестьянамъ хотя бы тѣхъ помѣщичьихъ земель, которыя состоятъ въ ихъ арендномъ пользованіи и на коихъ ими организованы сравнительно удовлетворительныя хозяйства. Но авторъ высказываетъ другое заключеніе. Такъ какъ, при выполненіи вышеуказанной мысли, у крупныхъ владѣльцевъ западной полосы „были бы отобраны всѣ земли, кромѣ лѣсныхъ", тогда какъ „владѣльцы зерновыхъ районовъ поплатились бы только относительно небольшимъ процентомъ своихъ земель", и такъ какъ „положеніе крестьянина въ западной полосѣ несравненно болѣе благопріятно, чѣмъ въ восточной", то въ аграрной реформѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, надобности не представляется (стр. 23).

Изъ сказаннаго читатель можетъ заключить, что хотя проф. Скворцовъ и отказывается отъ того, чтобы дать какое-либо рѣшеніе аграрнаго вопроса, и обѣщаетъ указать лишь принципіальныя положенія,

долженствующія играть роль при такомъ рѣшеніи, но искомое рѣшеніе этого вопроса у него уже предрѣшено, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для перераспредѣленія землевладѣнія государствомъ принимаемо быть не должно. Что же касается проекта частичныхъ измѣненій каждой области—таковаго отъ автора, конечно, никто и не потребуетъ. Съ такимъ рѣшеніемъ жгучаго аграрнаго вопроса авторъ представляется намъ какъ бы выходцемъ съ того свѣта. Въ его представленіи аграрный вопросъ чуть ли не возбужденъ нашими партіями, наперерывъ предлагающими крестьянамъ помѣщичьи земли; „и если бы гг. конституціоналисты-демократы не выставляли платформы, въ которой аграрный вопросъ былъ выдвинутъ на первое мѣсто, то намъ не приходилось бы теперь переживать того бѣлаго и краснаго террора, который свирѣпствуетъ чуть не по всему лицу земли русской". Авторъ находитъ „настоящій моментъ совершенно и неблагопріятнымъ для проектированія чего-нибудь существеннаго" въ этой области (стр. 136). „Переживаемый Россіей историческій моментъ именно таковъ, что требуетъ прежде всего добыванія различныхъ свободъ, а не тѣхъ или иныхъ экономическихъ или соціальныхъ реформъ" (стр. 141). Подъ „свободой" авторъ понимаетъ болѣе всего осуществленіе правила: laissez faire, laissez passer, „снятіе тѣхъ путъ, которыя налагаетъ общинный строй и всякія полицейскія вмѣшательства въ жизнь народа" (стр. 141—2). Авторъ не высказывается опредѣленно о своихъ политическихъ пожеланіяхъ; но что эти послѣднія не могутъ быть очень широки—видно изъ того, что онъ былъ бы удовлетворенъ, еслибы первая Государственная Дума на первый разъ распространила „на всю Россію хотя бы земское положеніе 1864 г. въ его первоначальномъ видѣ" (стр. 138). Это касается, впрочемъ, позиціи г. Скворцова среди другихъ политическихъ партій; что же касается его отношенія къ переживаемому моменту вообще, то, какъ видно изъ вышеизложеннаго, авторъ находится еще на той точкѣ зрѣнія, какую наши либеральныя партіи занимали въ началѣ освободительнаго движенія,—на точкѣ зрѣнія стремленія къ политическимъ реформамъ, какъ перваго шага къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ страны. Ему, повидимому, неизвѣстно, что расширить свои программы внесеніемъ въ нихъ пунктовъ объ аграрной реформѣ и рабочемъ вопросѣ—за что авторъ такъ обвиняетъ партію к. д. (стр. 142)—заставила сама жизнь. Всеобщія требованія крестьянъ,—безъ поддержки которыхъ на выборахъ эта партія не получила бы преобладанія въ Думѣ, и побудили ее выставить на своемъ знамени непріятное автору требованіе земли и воли.—В. В.

Въ теченіе истекшаго декабря мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив.—Деревенскіе очерки. Спб. 907. Ц. 7 к.

Адлеръ, Эмма.—Знаменитыя женщины французской революціи. 1789—1795. Съ портретомъ. Перев. К. Богдзевича. М. 907. Ц. 1 р.

Аловъ, А. А.—О травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ при работахъ на сельско-хозяйственныхъ машинахъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Ау (С. Патрашкинъ).—Народъ и правительство. Первая Государственная Дума. Сарат. 907. Ц. 30 к.

Базаровъ, В.—Анархическій коммунизмъ и марксизмъ. Спб. 906. Ц. 50 к.

Бентамъ, — Политическіе опыты. Тактика законодательныхъ собраній. Перев. М. К. Спб. 907. Ц. 1 р.

Бердяевъ, Н. — Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, соціальные и литературные (1900—1906 г.). Спб. 907. Ц. 2 р.

Бернштейнъ, Эд.— Анархизмъ. Спб. 906. Ц. 25 к. — Основныя условія хозяйственной жизни. Перев. Спб. 906. Ц. 10 к.

Берлинъ, П. — Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Спб. 907. Ц. 10 к.

Богдановъ, А.—Изъ психологіи общества. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 80 к.

Брикнеръ, А. Г.—Смерть Павла I. Со статьею В. П. Сольскаго. Перев. М. Чапинской. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Брусянинъ, В. В.—Судьба первыхъ депутатовъ. Спб. 906. Стр. 82. Ц. 20 к.

Бялъцъ, Эд.—О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти. Съ нѣм. П. Ларенко. Спб. 906. Ц. 50 к.

В., В. — Производство и потребленіе въ капиталистическомъ обществѣ. Спб. 907. Ц. 30 к.

Вайсбейнъ, М. К. — Производство брикетовъ. Съ 104 чертеж., проект. и смѣт. Спб. 907. Ц. 3 р.

Васильевъ, Н. П.—Правда о „кадетахъ". Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 10 к.

Веббъ, С.—Соціализмъ въ Англіи. Съ нѣм. Г. Куррела. Спб. 907. Ц. 1 р.

Виташевскій, Н. А. — По тайгѣ за золотомъ. По дневнику и письмамъ автора. Съ рис. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Восинъ, Ю.—Разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Гартъ.—Революція и наши партіи. М. 906. Ц. 25 к.

Гартманъ, Эд.—Міровоззрѣніе современной физики. Съ нѣм. С. Контовтъ. Астрах. 906. Ц. 1 р.

Геккель, Эрн.—„Міровыя загадки". Общедоступные этюды по монистической философіи, съ предисловіемъ: „Символъ чистаго разума". Перев. съ нѣм. п. р. проф. В. Шимкевича. М. 907. Ц. 80 к.

Геллій, Авлъ.—Мысли о русской революціи. Спб. 907. Ц. 30 к.

Гиппіусъ, З. Н.—Новые люди. Разсказы. 2-е изд. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Гудзь, Ц. К.—Законы о выборахъ въ Государственную Думу, съ постатейными разъясненіями. Тверь. 906. Ц. 50 к.

Давидъ, Г. Соціализмъ и кооперативное движеніе. Спб. 906. Ц. 20 к.

Дорофеевъ,—П. П. Краткій учебникъ пчеловодства. Съ 107 рис. Спб. 907. Ц. 45 к.

Еллинекъ, проф. Г. — Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Съ нѣм. п. р. Б. Кистяковскаго. Спб. 907. Ц. 30 к.

Ильинъ, А.—Подробный Атласъ Россійской Имперіи, съ планами главнѣй

шихъ городовъ. Карты Подольской и Пензенской губ.; Судебныхъ Округовъ, Увеличеніе населенія Европ. Россіи за 20 лѣтъ; планъ города Риги. Спб.

Кантъ.—Критика чистаго разума. Съ нѣм. Н. Лосскій. Спб. 907. Ц. 2 р.

Кириллъ.—Одиннадцать дней на „Потемкинѣ". Спб. 907. Ц. 1 р.

Козловъ, В. Д.—Очерки и разсказы изъ минувшей войны. Спб. 906. Ц. 1 р.

Кондратьевъ, А. И.—Краткій курсъ военной гигіены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Конштедтъ, В. — Аграрный вопросъ въ германской соціалдемократіи, съ прилож. ст. Каутскаго объ этой книгѣ. Спб. 907. Ц. 75 к.

Кротковъ, В. В.—Современные вопросы. Спб. 907. Ц. 30 к.

Кутшевъ, д-ръ Станиславъ.—Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Перев. съ польск. Ядв. Пошховичъ. Спб. 907.

Лексановъ, Евг.—Стихотворенія. Од. 906. Ц. 40 к.

Лотаръ, Р. — Арлекинъ. Маскарадъ въ 4-хъ д. Перев. Евг. Шарицева. Рига, 906.

Маккай, Дж.—Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе. Съ нѣм. п. р. Дименской. Спб. 907. Ц. 60 к.

Мельгуновъ, С.—Церковь и государство въ Россіи. Къ вопросу о свободѣ совѣсти. Съ 16 иллюстр. въ текстѣ. М. 907. Ц. 50 к.

Миллеръ, В. Ѳ. — Отголоски смутнаго времени въ былинахъ. Спб. 906.

Мирбо, О. — Дневникъ горничной. Перев. съ франц. Ан. Чеботаревской. Спб. 907. Ц. 1 р.

Митчель, Дж.—Рабочіе союзы въ Америкѣ. Съ нѣм. А. Розенштейнъ, п. р. В. Конеля. М. 907. Ц. 50 к.

Михайловъ, Н. М.—Стихотворенія, съ 1895 по 1904 г. М. 906. Ц. 45 к.

Могилянскій, М.—Первая Государственная Дума. Спб. 907. Ц. 1 р.

Никольскій, Вл.—О гомеопатіи: ея сущность, причины возникновенія, распространеніе и пр. Варш. 906.

Нѣмоевскій, Анд.—Заглавіе конфисковано. Съ польск. Спб. 907. Ц. 1 р.

Огановскій, Н.—Какъ смотрятъ разныя политическія партіи на земельный вопросъ. М. 906. Ц. 10 к.

Петрищевъ, А.—Очерки и разсказы. Спб. 906. Ц. 40 к.

Петровъ, М. Н. — Лекціи по Всемірной исторіи. Т. I: Исторія Древняго міра. Изд. 2-е, въ новой обработкѣ и съ дополненіями А. Деревицкаго. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Полилова-Сѣверцова, Г. Т.—Наши дѣды-купцы. Бытовыя картины начала XIX столѣтія. Съ 12 рис. Спб. 907. Ц. 3 р.

Прессъ, Аркадій. — „Пиръ" Платона. О любви. Съ греческаго. Спб. 904. Ц. 50 к.

Прудонъ, П. Ж.—Что такое собственность? Спб. 907. Ц. 75 к.

Пфундлеръ, Л. — Физика обыденной жизни, изложенная общедоступно. 464 рис. Съ нѣм. Г. Котлеръ, п. р. проф. Гезехуса. Спб. 906. Ц. 3 р.

Радемскій, Влад.—Сынъ народа. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Ренанъ, Эрнестъ.—Жизнь Іисуса. Полный перев. съ 25-го изд. А. С. Усовой. Подъ ред. и съ предисл. акад. Александра Веселовскаго. Съ портретомъ. (Библіотека „Свѣточа", подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 906. Стр. XLVII+436. Ц. 1 р. 50 к.

Розенъ, бар. А. Е.—Записки декабриста, съ портретомъ и приложеніями. Спб. 906. Ц. 3 р.

Россовъ, П.—Національное самосознаніе корейцевъ. Спб. 906. Ц. 30 к.

Рубакинъ, Н. — Чистая публика и интеллигенція изъ народа. „Искорки". Очерки и наброски публициста. Спб. 906. Ц. 80 к.

Рѣзановъ, В. И.—Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 906.

Семенюта, П.—Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть. Въ очеркахъ и картинахъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Синклеръ, Уптонъ.—Дебри (The Jungle). Съ англ. К. Ж. М. 907. Ц. 1 р. 25.

Скворцовъ, А.—Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Спб. 906. Ц. 1 р.

Старошвильскій, С.—Н. Ив. Пироговъ, великій цѣлитель тѣла и воспитатель души. Варш. 907. 25 стран.

Суперанскій, М. — Начальная народная школа въ Симбирской губерніи. Историко-статист. очеркъ. Симб. 906.

Сухоплюевъ, И.—Почему продовольственное дѣло было изъято изъ вѣдѣнія земства? Черниговъ 907.

Тверитиновъ, Алексѣй.—Объ объявленіи приговора Н. Г. Чернышевскому; о распространеніи его сочиненій на французскомъ языкѣ въ западной Европѣ и о многомъ другомъ. Съ рис. Спб. 906. Ц. 50 к.

Толстой, гр. А. К. — Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Изданіе *сороковое*. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, (гр.) Л. Н.—О значеніи русской революціи. М. 907. Ц. 15 к.

Трусевичъ, Я.—Западная и русская Дипломатика и Сфрагистика древняго Востока. Спб. 907. Ц. 1 р. 20 к.

Френсенъ, Г.—„Рукопись". Изъ романа „Hilligenlei". Жизнь Іисуса. Перев. А. Гюберта. Съ вступительными статьями А. Горнфельда и И. Гюберта. Спб. 907. Ц. 75 к.

Хейсинъ, М.—Профессіональные рабочіе союзы. Спб. 907. Ц. 30 к.

Чарнолусскій, В. — Итоги общественной мысли въ области образованія. Спб. 906. Ц. 50 к.

Чернышевъ, В.—Законы и правила русскаго произношенія. Знаки—формы—ударенія. Опытъ руководства для учителей, чтецовъ и артистовъ. Варш. 906. Ц. 30 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиній въ 10 томахъ съ 4 портретами.—Т. II. „Современникъ" 1856. Стр. 658.—Т. V. „Современникъ" 1859. Отдѣлъ „политики". Стр. 527.—Т. X. Ч. I. Произведенія, написанныя въ Сибири. Стр. 445. Прологъ. Романъ. Стр. 312.—Т. X. Ч. II. Отдѣльныя статьи (1885—1863). Статьи послѣдняго времени (1885—1889). Стр. 329+173+108+321+142. Ц. 10 т. 18 р.

Черри, пр. д. — Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. Съ англ. П. Люблинскій. Спб. 907. Ц. 50 к.

Шапиръ, О.—Въ бурные годы. Романъ.—I. Отливъ. II. Въ народъ. III. Впередъ! (1866—1877 гг.). Спб. 907. Ц. 2 р.

Шевыревъ, Ив.—Борьба съ короѣдами. I. Загадка короѣдовъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Эраносъ. — Сборникъ статей по литер. и исторіи въ честь заслуж. проф. университета св. Владиміра. Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 906. Ц. 2 р.

Hautmont, Em.—Iwan Tourguénief, la Vie et l'Oeuvre. Par. 906.

Leontieff, W.—Die Lage der Baumwollerarbeiter in St.-Petersburg. Die Geschichte der Industrie und die Fabrikgesetzgebung. München. 906.

— Библіотека перваго Драматическаго Театра: Вып. 1.— О. Дымовъ, Каинъ, ц. 20 к. — Вып. 2.—Г. Ибсенъ, Маленькій Эольфъ, ц. 20 к. — Вып. 3.—

А. Шнитцлеръ, Фарисей, ц. 20 к.—Вып. 4.—С. Рафаловичъ, Рѣка идетъ, ц. 20 к. Спб. 906.

— Бой-котъ. На темы дней свободы. 1905—06. Спб. 906. Ц. 50 к.

— Дешевая библіотека тов. „Знаніе": 1) Ванъ-Коль.—Колоніальная политика и соціалъ-демократія. Съ нѣм. I. Гольденбергъ. Ц. 5 к. 2) Антонъ Паннекёкъ, Соціализмъ и Религія. Съ нѣм. Д. Ратнеръ. Спб. 906. Ц. 5 к.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ окт. по окт. 1906. Годъ XI. Кіевъ, 906.

— Законъ 4-го марта 1906 г. о союзахъ и обществахъ съ послѣдующими къ нему разъясненіями Правительствующаго Сената и Министерства вн. дѣлъ. Спб. 906.

— Записки Восточнаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Изд. п. р. бар. В. Розена. Т. XVII, вып. II-III. Спб. 906.

— Земскіе общеобразовательные курсы для народныхъ учителей. Сборникъ статей. Спб. 906. Ц. 75 к.

— Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общества, изд. п. р. А. А. Достоевскаго. Т. XLII, вып. II, III. Спб. 906.

— Изданія Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей: 1) Отчетъ Гл. Управленія неокладныхъ сборовъ, 1904 г. 2) Поступленіе акциза со спирта и вина по 50 губ. Европ. Россіи за 1861—1901 гг. 3) Статистика по казенной продажѣ питей. Спб. 906.

— Изданія двухнедѣльнаго журнала „Тропинка": 1) Анатоль Франсъ, Пчелка, сказка. Перев. Н. Манассеиной, съ рис. Allegro. Спб. 907. Ц. 25 к. 2) В. Поливановъ, Воронъ—Индѣйцы. Разсказы для дѣтей, съ иллюстр. Спб. 907. Ц. 25 к. 3) М. С. Безобразова, Исторія одного воробья, разск. для дѣтей, съ рис. Allegro. Спб. 907. Ц. 25 к. 4) П. Соловьева (Allegro), Елка, стихи для дѣтей, съ рис. автора. Спб. 907. Ц. 1 р. 5) Н. Манассеина, Разсказы для дѣтей, съ иллюстр. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Отчетъ государственнаго Дворянскаго Земельнаго банка и его Особаго отдѣла за 1904 годъ. XIX-ый годъ. Спб. 906.

— Отчетъ государственнаго Дворянскаго земельнаго Банка по ликвидаціи Сарат.-Симб. Земельн. Банка за 1904 годъ. Спб. 906.

— Отчетъ (государственнаго?) крестьянскаго поземельнаго Банка за 1904 годъ. XXII-ый годъ. Спб. 906.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. IV. Спб. 906.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе" за 1906 г. Книга XIII. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Сборникъ Спб. округа путей сообщенія. Вып. IX, съ 6 черт. и политипажами. Спб. 906.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1905 годъ. Спб. 906.

— Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. II: Стих. Кюхельбекера, Раевскаго, Бобрищева-Пушкина, Лорера и Муравьева-Апостола съ ихъ портретами и біограф. очеркомъ. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Сочиненія Пушкина. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Переписка и. р. и съ примѣч. В. И. Саитова. Т. I: 1815—1896. Спб. 906.

— Съѣздъ учителей и дѣятелей средней школы въ Петербургѣ. Іюнь 1906 года. Спб. 906. Ц. 85 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1907 г.

Международное положеніе въ Европѣ за истекшій годъ. — Марокककская конференція и ея результаты. — Колоніальные вопросы въ германскомъ парламентѣ. — Роспускъ имперскаго сейма и внутренняя политика. — Политическія дѣла во Франціи, въ Англіи и Австро-Венгріи. — Русско-японскіе переговоры.

Общее политическое положеніе въ Европѣ за истекшій годъ несомнѣнно испытывало на себѣ послѣдствія нашего русскаго кризиса: съ одной стороны, упадокъ военнаго могущества Россіи значительно ослабилъ ея роль въ международныхъ дѣлахъ и замѣтно отразился на группировкѣ великихъ державъ; съ другой стороны, происходившія у насъ внутреннія событія служили повсюду заграницей предметомъ напряженнаго вниманія и вызывали настроеніе, побуждавшее кабинеты держаться вообще выжидательной политики.

Франко-русскій союзъ формально сохранилъ свою силу, потому что этого требовали матеріальные интересы французовъ, какъ крупнѣйшихъ кредиторовъ Россіи на денежномъ рынкѣ; но союзъ потерялъ для Франціи свое прежнее политическое значеніе и уже нисколько не гарантировалъ ее отъ посягательствъ и придирокъ германской дипломатіи. Германія пріобрѣла свободу дѣйствій относительно своихъ западныхъ сосѣдей и дала имъ сильно почувствовать совершившуюся перемѣну, возбудивъ серьезный конфликтъ изъ-за марокककскаго вопроса; она заставила Францію отказаться отъ существенныхъ выгодъ англо-французскаго соглашенія, которымъ фактически признано было право французскаго протектората надъ Марокко, и впервые за многіе годы въ Европѣ вновь повѣяло духомъ военной тревоги, вопреки миролюбію народовъ. Обѣ великія націи, французская и нѣмецкая, одинаково жаждутъ прочнаго мира и стремятся поддерживать между собою дружественныя дѣловыя связи; однако въ каждый данный моментъ можетъ возникнуть опасность войны, такъ какъ внѣшняя политика Германіи находится въ безконтрольномъ распоряженіи императора Вильгельма II, проникнутаго идеями и традиціями милитаризма. Вильгельмъ II почему-то заинтересовался судьбою Марокко, призналъ марокककскаго султана независимымъ государемъ, провозгласилъ полную равноправность всѣхъ націй въ предѣлахъ его владѣній и, такимъ образомъ, рѣшительно выступилъ про-

тивъ французскихъ плановъ, одобренныхъ уже Англіею и Испаніею. Берлинская дипломатія усердно занялась обсужденіемъ французскихъ „притязаній“, которыя незадолго предъ тѣмъ считались вполнѣ безразличными и безобидными для другихъ державъ; нѣмецкія патріотическія газеты заговорили въ рѣзкомъ и вызывающемъ тонѣ, опираясь на общіе принципы международнаго права, и старый вопросъ о франко-германскихъ отношеніяхъ неожиданно выдвинулся на сцену во всемъ его грозномъ значеніи. Англія съ самаго начала была на сторонѣ Франціи, и по нѣкоторымъ признакамъ можно было ожидать заключенія спеціальной конвенціи между обѣими странами на случай войны; это обстоятельство оказывало отчасти сдерживающее вліяніе на германское правительство, которое, разумѣется, не могло желать столкновенія съ британскимъ флотомъ. Благодаря замѣчательному самообладанію французскихъ политическихъ дѣятелей и дипломатовъ, дѣло не дошло до разрыва; Франція пошла на уступки и согласилась предоставить рѣшеніе спорныхъ марокскихъ дѣлъ особой международной конференціи. Собравшись въ Алжесирасѣ, недалеко отъ Гибралтара, конференція приступила къ занятіямъ 16 января и окончила ихъ только 7 апрѣля (нов. ст.); она работала болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, и потребовались исключительныя дипломатическія усилія, чтобы достигнуть благополучной развязки. Австро-Венгрія безусловно поддерживала всѣ требованія и заавленія Германіи; Россія и Англія категорически заявили о своей солидарности съ Франціею, и подъ этими противоположными вліяніями состоялось мирное соглашеніе, которое положило конецъ опасному конфликту. Германія обезпечила за собою извѣстную долю участія въ дѣлахъ Марокко и способствовала устройству довольно сложнаго международнаго протектората надъ этой страной, съ устраненіемъ предположеннаго французскаго преобладанія и съ подтвержденіемъ верховной власти султана; мѣры полицейской безопасности должны были приниматься иностранными агентами отъ имени того же туземнаго властителя, имѣющаго свои особыя понятія о правѣ и законности, и этотъ порядокъ вещей только увеличиваетъ матеріалъ для междоусобій и столкновеній. Одинъ изъ мѣстныхъ вождей, Райсули, издавна занимался разбойничьими набѣгами на сосѣднія области, собиралъ произвольную дань съ населенія, бралъ жителей въ плѣнъ и нерѣдко захватывалъ также иностранныхъ поселенцевъ и комерсантовъ, чѣмъ давалъ поводъ къ протестамъ и вмѣшательству заинтересованныхъ европейскихъ державъ; султанъ назначилъ Райсули губернаторомъ, чтобы подчинить его своей власти, и съ тѣхъ поръ онъ совершаетъ свои подвиги уже въ качествѣ оффиціальнаго сановника. Въ послѣднее время Райсули часто тревожилъ своею предпріимчивостью округъ Танжера, гдѣ отъ

него чувствительно страдали иностранцы, преимущественно французы и испанцы; султанъ вынужденъ былъ наконецъ послать туда своего военнаго министра съ войскомъ, чтобы „поставить городъ подъ тѣнь безопасности", — о чемъ возвѣстилъ представителямъ державъ. Марокскій министръ не торопится, однако, принимать серьезныя мѣры противъ губернатора, и самъ повелитель ихъ въ душѣ, вѣроятно, сочувствуетъ послѣднему въ его мѣропріятіяхъ противъ иноземцевъ; однако, принципъ независимости султана соблюдается, согласно постановленіямъ алжесирасской конференціи.

Германія пока еще не имѣетъ основанія гордиться результатами, достигнутыми ею въ Марокко. Напротивъ, своею придирчивою и по существу несправедливою политикою относительно Франціи она изолировала себя въ Европѣ, укрѣпила идею франко-британскаго союза и упрочила установившееся сближеніе между Франціею и Италіею; на эти обстоятельства все чаще и рѣзче указывали въ имперскомъ сеймѣ не только оппозиціонныя партіи, но и преданные правительству націоналъ-либералы. Жалобы на личный режимъ и на поддерживающаго его канцлера стали постоянно повторяться въ печати; онѣ находили новую пищу въ неудачномъ ходѣ колоніальныхъ дѣлъ въ южной Африкѣ, гдѣ нѣмецкія власти никакъ не могли справиться съ разроставшимся возстаніемъ туземцевъ. Относительно африканскихъ племенъ и ихъ предводителей Германія руководствуется уже совсѣмъ другими началами, чѣмъ тѣ высокіе принципы международнаго права, которые она выставила въ защиту марокскаго султана; вожди готтентотовъ и гереро, пытающіеся отстоять свои права отъ посягательствъ пришлыхъ благодѣтелей, разсматриваются какъ преступники и подвергаются безпощадной суровой расправѣ. Нѣмецкія газеты сообщали въ разное время подробныя свѣдѣнія о жестокостяхъ и злоупотребленіяхъ германскихъ колоніальныхъ чиновниковъ; нападки относились не только къ отдѣльнымъ мѣстнымъ органамъ, но и къ центральному управленію, подчиненному непосредственно имперскому канцлеру. Во главѣ колоніальнаго вѣдомства стояли люди добросовѣстные, но недостаточно энергичные и ничѣмъ особеннымъ не выдающіеся; безцвѣтный чиновникъ Штюбель долженъ былъ уступить мѣсто принцу Гогенлоэ-Лангенбургу, человѣку лично порядочному и корректному, но мало дѣловитому; наконецъ, на этотъ постъ назначенъ былъ одинъ изъ видныхъ представителей коммерческаго міра, бывшій директоръ крупнаго берлинскаго банка, Бернгардъ Дернбургъ, который тотчасъ же, какъ опытный практикъ, приступилъ къ радикальной очистительной работѣ въ предѣлахъ запущеннаго его предмѣстниками колоніальнаго управленія.

Въ засѣданіи имперскаго сейма, 28-го ноября (нов. ст.), начались пренія о колоніальномъ бюджетѣ; въ своей вступительной рѣчи канцлеръ Бюловъ горячо рекомендовалъ палатѣ новаго „директора“ и выразилъ увѣренность въ успѣхѣ его миссіи. Ораторскій дебютъ Дернбурга показывалъ въ немъ очень трезваго и умѣлаго дѣльца, привыкшаго обращать все вниманіе на цифры и факты; онъ перечислилъ цѣлый рядъ фирмъ, занимавшихся поставками въ колоніи по невыгоднымъ для казны контрактамъ, которые теперь прекращены или не будутъ возобновлены, по его распоряженію, и эта участь постигла, между прочимъ, извѣстный торговый домъ Типпельскирха, въ дѣлахъ котораго была заинтересована семья прусскаго министра земледѣлія, генерала Подбѣльскаго. Выясняя экономическое значеніе колоній, Дернбургъ опредѣляетъ сумму затраченныхъ въ нихъ промышленныхъ капиталовъ въ 370 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ 250 милліоновъ приносятъ уже обезпеченный доходъ. Будущность колоній рисуется ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ, и вся его обстоятельная рѣчь дышала патріотическимъ оптимизмомъ. Противъ этого оптимизма краснорѣчиво возражали ораторы двухъ наиболѣе многочисленныхъ въ парламентѣ партій—католическаго центра и соціалъ-демократіи. Центръ признаетъ пользу и даже необходимость колоніальныхъ владѣній, но возстаетъ противъ примѣняемой въ нихъ военно-административной системы и противъ чрезмѣрно-суроваго обращенія съ туземцами; соціалъ-демократы съ своей стороны отвергаютъ колоніи въ принципѣ и видятъ въ нихъ только источникъ всевозможныхъ опасностей въ настоящемъ и будущемъ. „Всякая колоніальная политика—говорилъ Бебель—написана кровью и пропитана преступленіемъ“. Въ отдаленныхъ колоніяхъ нѣмецкіе чиновники и офицеры развращаются неограниченностью своихъ полномочій и фактическимъ безправіемъ подвластныхъ народностей; они пріучаются жить и дѣйствовать въ атмосферѣ беззаконія. Оппозиціонные депутаты приводятъ примѣры явныхъ насилій и преступленій, совершаемыхъ надъ туземцами безнаказанно подъ прикрытіемъ авторитета германской власти; должностныя лица открыто берутъ себѣ мѣстныхъ дѣвушекъ въ наложницы, произвольно подвергаютъ жителей тѣлеснымъ наказаніямъ, разстрѣливаютъ непокорныхъ и допускаютъ иногда избіеніе плѣнныхъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Эти скандальныя разоблаченія заняли нѣсколько засѣданій и сообщили преніямъ чрезвычайно оживленный и отчасти бурный характеръ. Депутаты называли имена провинившихся чиновниковъ, ссылаясь на частныя письма и на формальныя заявленія и жалобы колоніальныхъ миссіонеровъ; обвиненія большею частью касались незаконныхъ связей съ туземными женщинами и крутыхъ мѣръ противъ возможныхъ или дѣйствительныхъ соперниковъ, привлекав-

шихъ на себя вниманіе этихъ черныхъ фаворитокъ. Жестокія кары обрушивались иногда и на малолѣтнихъ, о чемъ съ возмущеніемъ передавали нѣкоторые ораторы въ парламентѣ; какой-нибудь начальникъ станціи приговаривалъ туземца къ двадцати пяти палочнымъ ударамъ, „по чьему-нибудь одностороннему указанію, не выслушавъ обвиняемаго, безъ суда и разбирательства", и это считалось въ порядкѣ вещей. Подобныя безобразія, по мнѣнію оппозиціи, бросаютъ тѣнь на нравственное достоинство нѣмецкой націи. Въ сущности всѣ эти ужасы кажутся довольно жалкими и ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что дѣлалось, напримѣръ, нашими карательными отрядами и что практикуется у насъ до сихъ поръ военно-полевыми судами, которые также не щадятъ ни женщинъ, ни несовершеннолѣтнихъ; наши россійскія экзекуціи, при участіи или безъ участія казаковъ и драгуновъ, производятъ, конечно, болѣе внушительное впечатлѣніе, чѣмъ палочные удары гдѣ-нибудь въ Того или Камерунѣ,—и притомъ жертвами являются здѣсь не готтентоты и гереро, а свои же соотечественники, сограждане и единовѣрцы. Для нѣмцевъ, однако, незаконное сожительство съ готтентотками или произвольныя тѣлесныя наказанія въ южной Африкѣ представляются уже достаточно вопіющими фактами, и германская колоніальная администрація грозно привлекалась къ отвѣту за эти грѣхи ея исполнительныхъ органовъ. Крайне рѣзкую обвинительную рѣчь произнесъ въ засѣданіи 3-го декабря представитель центра, крупный дѣятель судебнаго вѣдомства Рёренъ; Дернбургъ отвѣчалъ ему столь же подробно и затѣмъ неожиданно раскрылъ предъ собраніемъ закулисную роль депутата Рёрена и его партіи въ колоніальныхъ дѣлахъ. Произошла парламентская битва, какой давно не бывало въ спокойномъ и уравновѣшенномъ рейхстагѣ; рѣчи перебивались восклицаніями, апплодисментами и протестами; оппозиціонныя и консервативныя группы давали волю своимъ чувствамъ, едва замѣчая энергическіе звонки и жесты предсѣдателя графа Баллестрема. По поводу всѣхъ разоблаченій Дернбургъ говорилъ вполнѣ убѣдительно и ясно: нельзя публично обвинять людей на основаніи непровѣренныхъ свѣдѣній, которыя могутъ оказаться ложными; правительство будетъ твердо искоренять и преслѣдовать дѣйствительныя злоупотребленія и превышенія власти, но оно должно оградить своихъ служащихъ отъ преждевременныхъ и несправедливыхъ приговоровъ общественнаго мнѣнія, противъ которыхъ они остаются беззащитными. Многія фактическія указанія могли быть легко опровергнуты точнымъ разслѣдованіемъ на мѣстѣ; такъ, докторъ Керстингъ убилъ, будто бы, своего повара и велѣлъ тайно увезти его трупъ къ морю; сверхъ того, онъ застрѣлилъ одного туземца, отрѣзалъ ему голову и выставилъ ее въ своей столовой; между тѣмъ въ дѣйствительности было установ-

лено, что поваръ умеръ отъ „черной лихорадки“ внутри страны послѣ того какъ докторъ Керстингъ лечилъ его въ теченіе нѣсколькихъ дней; что же касается головы туземца, то ее принесъ доктору туземный же служитель, который застрѣлилъ обвиняемаго въ отравленіи арестанта, пытавшагося бѣжать. Мѣстные слухи и сплетни, основанные часто на суевѣріи и невѣжествѣ туземныхъ дикарей, принимаются миссіонерами за безспорные факты и сообщаются въ Берлинъ депутатамъ и журналистамъ, причемъ имена должностныхъ лицъ заранѣе опорочиваются въ печати и въ парламентѣ; противъ этого рѣшительно протестуетъ Дернбургъ: онъ просилъ предварительно сообщать ему имѣющійся обвинительный матеріалъ для надлежащей провѣрки, но никто не откликнулся на его призывъ, потому что обвинители хлопочутъ вовсе не о разъясненіи истины, а только объ устраненіи неугодныхъ имъ чиновниковъ, хотя бы ни въ чемъ не повинныхъ. Представители центра, съ депутатомъ Рёреномъ во главѣ, давно уже злоупотребляютъ своимъ парламентскимъ вліяніемъ, стараясь подчинить себѣ колоніальную администрацію и направить ея дѣятельность въ нужную имъ сторону; они систематически добивались удаленія должностныхъ лицъ, возбудившихъ противъ себя неудовольствіе мѣстныхъ миссіонеровъ, и настойчиво защищали тѣхъ, которые дѣйствовали въ ихъ пользу. Дернбургъ подтвердилъ свое обвиненіе любопытными документами, оффиціальными протоколами, письмами и телеграммами, въ которыхъ депутатъ Рёренъ требовалъ смѣщенія того или другого чиновника, удовлетворенія разныхъ ходатайствъ духовныхъ миссій, прекращенія судебнаго производства объ административномъ агентѣ, скрывшемъ оффиціальную депешу отъ своего начальства и сообщившемъ ее миссіонерамъ, и т. п. Директоръ Штюбель съ болью въ сердцѣ исполнялъ всѣ желанія Рёрена и его коллегъ, опасаясь нападеній ихъ въ парламентѣ; еще въ февралѣ этого года депутатъ Рёренъ заявилъ чинамъ колоніальнаго вѣдомства, что если извѣстное дѣло не будетъ рѣшено въ желательномъ ему смыслѣ, то партія ничего не дастъ и не утвердитъ для колоній. Такого закулиснаго давленія и гнета онъ, Дернбургъ, не потерпитъ; онъ лучше уйдетъ, если не въ состояніи будетъ дѣйствовать самостоятельно, по внушенію своей совѣсти и чести. Эти неожиданныя разоблаченія сильно взволновали палату; ораторы центра уличены были въ лицемѣріи и фальши: ихъ громкія слова о морали и справедливости получили совсѣмъ иное освѣщеніе. Депутатъ Рёренъ вышелъ изъ себя и разразился чисто личными нападками на Дернбурга, который, будто бы, вноситъ въ парламентъ грубый языкъ и неприличные пріемы биржевого зайца, позволяетъ себѣ публично читать частныя письма и ссылается на протоколы, составленные какимъ-нибудь маленькимъ кан-

целярскимъ ассесоромъ; но по существу Рёренъ не могъ ничего возразить, и его рѣзкія выходки только усиливали впечатлѣніе нанесеннаго ему удара. Дернбургъ заявилъ съ достоинствомъ, что необходимо было „вскрыть злокачественный нарывъ", такъ какъ давленіе партіи центра лишаетъ правительство возможности располагать хорошими служебными силами въ колоніяхъ; онъ исполнилъ только свой долгъ, и никакія оскорбленія не заставятъ его уклониться отъ прямого пути. Пренія продолжались еще на слѣдующій день; отдѣльные ораторы пытались смягчить происшедшій инцидентъ и оправдать партію центра, но личный успѣхъ новаго колоніальнаго директора не подлежалъ уже сомнѣнію. Тѣмъ временемъ правительственная смѣта расходовъ на колоніи въ 1907 году дѣятельно обсуждалась въ бюджетной коммиссіи, вызывая значительныя возраженія оппозиціи; партія центра настаивала на сокращеніи численности колоніальныхъ войскъ, тогда какъ правительство доказывало безусловную необходимость сохраненія предположенной нормы, по крайней мѣрѣ, до апрѣля будущаго года. Соглашеніе не состоялось; центръ не желалъ оставить въ южно-африканскихъ колоніяхъ болѣе 2.500 солдатъ, а правительство требовало не менѣе 8.000 человѣкъ. Въ такомъ видѣ колоніальный бюджетъ поступилъ на разсмотрѣніе имперскаго сейма, въ засѣданіи 13 декабря. Канцлеръ князь Бюловъ вкратцѣ объяснилъ, что тщательно обдуманный проектъ союзныхъ правительствъ ни въ чемъ не можетъ быть измѣненъ, въ виду предстоящей задачи скорѣйшаго подавленія возстанія въ южной Африкѣ; и „еслибы,—сказалъ онъ въ заключеніе,—это высокое собраніе остановилось на противоположномъ рѣшеніи, столь опасномъ въ военномъ, финансовомъ, политическомъ и національномъ отношеніяхъ, то я, въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя имперскихъ дѣлъ, былъ бы не въ состояніи подписать подобную капитуляцію". Дернбургъ говорилъ затѣмъ дважды; говорили еще представители различныхъ партій, и въ концѣ опять выступилъ князь Бюловъ. Онъ напомнилъ о тяжелой отвѣтственности, которую примутъ на себя противники правительственнаго проекта; „правительство не отступитъ отъ занятой имъ позиціи, и если вы хотите имѣть кризисъ,—прибавилъ онъ громко,—вы будете имѣть его". Націоналъ-либералы устроили канцлеру шумную овацію за эту угрозу по адресу центра; на скамьяхъ оппозиціи раздаются свистки. Отъ имени бюджетной коммиссіи и также отъ имени собранія заявляетъ депутатъ Шпанъ, что „имперскій сеймъ вполнѣ сознаетъ свою отвѣтственность при ассигнованіи средствъ на потребности иностранной политики". Изъ 346 поданныхъ голосовъ высказываются за правительственный проектъ колоніальнаго бюджета 168 голосовъ, а противъ—178 голосовъ; слѣдовательно, проектъ отвергнутъ. Тотчасъ

по объявленіи этого результата президентомъ графомъ Баллестремомъ, поднимается канцлеръ и читаетъ повелѣніе императора о закрытіи засѣданій рейхстага на основаніи 24-ой статьи имперской конституціи, согласно постановленію союзнаго совѣта. При первыхъ словахъ князя Бюлова объ императорскомъ декретѣ значительная часть собранія выразила свое одобреніе восторженными апплодисментами, которые едва удалось прекратить президенту; рукоплесканія повторились по прочтеніи декрета, при обычномъ возгласѣ въ честь императора; соціалъ-демократы, по обыкновенію, раньше вышли изъ залы, чтобы не присутствовать при этомъ заключительномъ возгласѣ благонамѣренныхъ патріотовъ.

Преждевременный роспускъ имперскаго сейма, полномочія котораго истекали только въ декабрѣ 1908 года, вызывалъ на этотъ разъ единодушное сочувствіе либеральныхъ партій, что бываетъ довольно рѣдко въ подобныхъ случаяхъ, при столкновеніи между правительствомъ и парламентомъ. Тутъ не было рѣчи ни о правахъ народнаго представительства, ни о попыткахъ правительственной реакціи; напротивъ, принятая мѣра была направлена противъ главнаго оплота реакціонной политики — противъ могущественной партіи центра, на которую поневолѣ должно было опираться правительство во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ. Безъ поддержки этой партіи правительство не имѣло бы большинства въ рейхстагѣ, такъ какъ другая могущественная партія—соціалъ-демократическая—представляетъ собою непримиримую оппозицію; стоило только центру отвернуться отъ правительства, и послѣднее очутилось бы въ меньшинствѣ, какъ это и произошло въ данномъ случаѣ. Формальный разрывъ между партіею центра и правительствомъ имѣетъ или, вѣрнѣе, могъ бы имѣть значеніе крупнаго событія для внутренней политики въ Германіи и долженъ отчасти оживить популярность канцлера въ либеральныхъ классахъ населенія; способствовавшій этому разрыву колоніальный директоръ Дернбургъ сразу прославился, какъ энергическій дѣятель, свободный отъ бюрократическихъ традицій и внушающій довѣріе своимъ прямодушіемъ. Государственная власть на этотъ разъ не только не обнаружила стремленія остаться безъ парламента на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, а напротивъ, сократила почти на половину законный срокъ перерыва: по конституціи новые выборы должны быть назначены въ предѣлахъ шестидесяти дней со времени роспуска, и новый рейхстагъ долженъ быть созванъ въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ тридцати дней; теперь же выборы назначены на 25-е января, и открытіе новой парламентской сессіи ожидается въ половинѣ февраля (новаго стиля). Нѣмецкіе либералы и прогрессисты довольны прави-

тельствомъ и хвалятъ Бюлова за рѣшимость открыто порвать съ центромъ; но въ какой мѣрѣ этотъ фактъ можетъ повліять на общій характеръ и направленіе правительственной политики—это другой вопросъ, относительно котораго либеральныя партіи не дѣлаютъ себѣ особенныхъ иллюзій. Умѣренные либералы и „свободомыслящіе" имѣютъ мало шансовъ на увеличеніе своей численности въ парламентѣ; крѣпко сплоченная и хорошо организованная партія центра едва ли подвергнется чувствительнымъ потерямъ и имѣетъ большіе шансы сохранить свой прежній составъ; землевладѣльческія и промышленныя консервативныя группы также имѣютъ свой обезпеченный кругъ избирателей; одни только соціалъ-демократы могутъ значительно выиграть на выборахъ, въ виду неудержимаго и постояннаго роста сознательныхъ рабочихъ массъ въ Германіи. Прогрессивное усиленіе парламентской соціалъ-демократіи сдѣлалось какъ бы закономъ германскаго политическаго развитія, и оно обнаруживается съ стихійной силой при каждыхъ выборахъ; съ этой стороны ни правительство, ни умѣренные либералы не могутъ разсчитывать на благопріятные для себя результаты. Такимъ образомъ правительство князя Бюлова, консервативное по своей природѣ, опять-таки будетъ имѣть предъ собою парламентъ съ консервативнымъ большинствомъ и во всякомъ случаѣ безъ либеральнаго большинства,—и правительство опять должно будетъ искать соглашенія съ центромъ, чтобы обезпечить себя отъ ударовъ соціалъ-демократіи.

Слабость либеральныхъ политическихъ партій въ Германіи, при видимомъ господствѣ буржуазіи и при несомнѣнномъ преобладаніи либеральныхъ идей и стремленій въ нѣмецкомъ обществѣ, зависитъ прежде всего отъ особеннаго политическаго строя прусской монархіи, которая служитъ основою могущества центральной имперской власти. Въ Пруссіи владычество понынѣ принадлежитъ высшимъ привилегированнымъ классамъ—землевладѣльческому дворянству и придворной аристократіи; тамъ нѣтъ всеобщей подачи голосовъ, и большинство трудящагося населенія вовсе не имѣетъ своихъ представителей въ палатѣ депутатовъ. Правительство опирается тамъ на аграріевъ, сторонниковъ высокихъ пошлинъ—и, слѣдовательно, высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты земледѣлія; тамъ горячо и безплодно обсуждаются еще такіе жгучіе для народа вопросы, какъ вопросъ объ искусственной дороговизнѣ мяса вслѣдствіе недопущенія привоза заграничнаго скота по требованію крупныхъ землевладѣльцевъ; тамъ министромъ земледѣлія былъ до послѣдняго времени гусарскій генералъ Подбѣльскій, вѣрнѣйшій другъ и союзникъ аграріевъ, и нынѣшній преемникъ его, фонъ-Арнимъ, по своему соціальному положенію и по всѣмъ своимъ взглядамъ и симпатіямъ, является продол-

жателемъ той же односторонней землевладѣльческой политики, разорительной для народнаго большинства. Пока не будутъ предприняты коренныя политическія реформы въ Пруссіи, до тѣхъ поръ не можетъ измѣниться и характеръ германскаго правительства и германской политики, и въ этомъ отношеніи послѣдовательные успѣхи соціалъ-демократіи служатъ краснорѣчивымъ симптомомъ возростающаго внутренняго недовольства, которое рано или поздно должно привести къ желательному обновленію устарѣлаго государственнаго и сословнаго строя Пруссіи.

Французская республика получила въ истекшемъ году новаго президента, въ лицѣ Армана Фалліера, избраннаго конгрессомъ 18 февраля на мѣсто Лубе. Перемѣна главы государства совершилась вполнѣ спокойно, какъ нормальный, періодически повторяющійся конституціонный актъ, не могущій уже ни волновать населеніе, ни отражаться на обычномъ ходѣ государственныхъ дѣлъ. Министерство Рувье сохраняло свою власть и при новомъ президентѣ; только въ мартѣ оно уступило мѣсто новому кабинету Сарріена, при участіи наиболѣе выдающихся вождей радикальнаго большинства въ парламентѣ—Клемансо, Леона Буржуа и Бріана. Въ маѣ происходили всеобщіе выборы, которые еще болѣе усилили это большинство; министерская декларація Сарріена, прочитанная 12 іюня, возвѣщала крупныя соціально-политическія реформы и высказывала твердую рѣшимость довести до конца установленное закономъ отдѣленіе церкви отъ государства. Въ іюлѣ разыгралась заключительная развязка многолѣтнихъ клерикальныхъ махинацій въ знаменитомъ дѣлѣ Дрейфуса; соединенныя палаты высшаго кассаціоннаго суда признали, наконецъ, фактъ судебной ошибки и объявили осужденнаго свободнымъ отъ всякаго уголовнаго преслѣдованія и наказанія; Дрейфусъ былъ возстановленъ въ своихъ гражданскихъ и служебныхъ правахъ, а безкорыстный обличитель неправильныхъ и преступныхъ дѣйствій, приведшихъ къ осужденію невиннаго, полковникъ Пикаръ, вновь зачисленъ на службу съ повышеніемъ въ генералы, послѣ чего занялъ постъ военнаго министра въ новомъ кабинетѣ Клемансо.

Министерство Клемансо, образовавшееся окончательно 26 октября, смѣло взялось за необыкновенно сложную и трудную задачу коренного фактическаго преобразованія религіозныхъ учрежденій и порядковъ въ странѣ — задачу, отчасти навязанную республикѣ упорной отрицательной политикой римской церкви. Законъ 9 декабря 1905 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства предоставлялъ духовенству и вѣрующимъ католикамъ право образовать мѣстныя вѣроисповѣдныя ассоціаціи, которыя вступили бы въ завѣдываніе церковными зданіями

и имуществами и обезпечивали бы свободное отправленіе богослуженія; съ этою же цѣлью предпринятъ былъ повсемѣстно подробный инвентарь церковныхъ и монастырскихъ цѣнностей въ виду ожидаемой передачи ихъ будущимъ приходскимъ союзамъ. Однако, римско-католическое духовенство не допускало этихъ нововведеній и отнеслось враждебно къ самому производству инвентарей, чѣмъ возбудило тягостныя столкновенія съ полиціей и войсками въ разныхъ мѣстахъ Франціи; папская энциклика 11 февраля категорически отвергла новый законъ и осудила республиканское правительство за его „безбожныя" посягательства, а вторая энциклика, отъ 10 августа, запретила католикамъ учреждать вѣроисповѣдныя ассоціаціи или принимать въ устройствѣ ихъ какое бы то ни было участіе. Такимъ образомъ законный путь къ компромиссу для безобиднаго осуществленія великой реформы былъ закрытъ вмѣшательствомъ римской церкви, несмотря на то, что многіе французскіе епископы склонны были дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. Между тѣмъ для образованія вѣроисповѣдныхъ ассоціацій, уполномоченныхъ принять въ свое завѣдываніе церковныя зданія и имущества, установленъ закономъ годичный срокъ, по истеченіи котораго всѣ эти зданія и имущества поступаютъ въ распоряженіе мѣстныхъ общинъ и государства по принадлежности. Срокъ истекалъ въ декабрѣ, и въ виду отсутствія законныхъ заявленій объ ассоціаціяхъ католикамъ угрожало временное закрытіе церквей, которое и для правительства представляло крайне непріятную перспективу. Министерство старалось быть миролюбивымъ и уступчивымъ, насколько это было возможно; оно само указало на послѣдній и единственный выходъ изъ затрудненія—на примѣненіе закона 1881 года о правѣ собраній, при помощи котораго духовенство могло бы по прежнему исполнять свои религіозныя функціи въ церквахъ, сдѣлавъ предварительно требуемую закономъ декларацію; объ этомъ способѣ дѣйствій говорилось и на сентябрьскомъ съѣздѣ французскихъ епископовъ. Но въ послѣдній моментъ пришла изъ Рима инструкція, запрещавшая дѣлать декларацiи по закону 1881 года, и слѣдовательно этотъ единственный выходъ былъ также закрытъ. Правительству ничего не оставалось, какъ тотчасъ же внести въ палату новый законопроектъ о передачѣ церквей въ завѣдываніе мѣстныхъ общинъ и объ условіяхъ обычнаго исполненія обрядовъ религіознаго культа, съ соблюденіемъ правилъ 9-го декабря 1905 года, или предписаній закона 1901 объ ассоціаціяхъ и закона 1881 о правѣ собраній; этотъ законопроектъ, принятый палатою депутатовъ въ засѣданіи 21-го декабря большинствомъ 388 противъ 146 голосовъ, перешелъ затѣмъ на разсмотрѣніе сената, который также одобрилъ его. Въ то же время пришлось принять законныя

мѣры для того, чтобы побудить обитателей монастырскихъ и церковныхъ зданій очистить ихъ къ назначенному сроку; высокіе сановники церкви, архіепископы и епископы, должны были покинуть свои помѣщенія при участіи полицейскихъ властей, среди толпы сочувствующихъ обывателей, для которыхъ причины этихъ крутыхъ мѣропріятій оставались неясными.

Въ глазахъ несвѣдущей публики отвѣтственность за эти тягостныя сцены падаетъ всецѣло на правительство. Французскіе епископы могли, на основаніи существующаго законодательства, создать свободную церковь въ свободномъ государствѣ; но вмѣсто того они предпочли слѣпо подчиниться указаніямъ римскаго папы и поставили себя въ ложное положеніе французскихъ гражданъ, не признающихъ для себя обязательной силы отечественныхъ законовъ. Трудно винить за это республику и республиканскихъ министровъ. Для французскихъ католиковъ можно считать несчастьемъ то обстоятельство, что престолъ св. Петра занятъ теперь не глубоко-просвѣщеннымъ и гуманнымъ Львомъ XIII или подобнымъ ему лицомъ, а Піемъ X, проникнутымъ безотчетной вѣрою въ спасительность узкихъ идей и принциповъ Пія IX. Непримиримый римскій папа помогаетъ французамъ устроить такую радикальную ликвидацію церковныхъ дѣлъ, о какой не мечтали самые передовые враги клерикализма во Франціи.

Въ Англіи новые парламентскіе выборы, происходившіе въ январѣ, доставили полное торжество либеральной партіи и министерству Кемпбелля-Баннермана. Отъ закрытія парламентской сессіи, 8 января, до созыва новой палаты общинъ, прошло немногимъ болѣе мѣсяца; въ этотъ короткій промежутокъ страна успѣла краснорѣчиво высказаться противъ консервативныхъ дѣятелей, такъ долго стоявшихъ во главѣ британскаго управленія: главные изъ бывшихъ министровъ, начиная съ самого вождя партіи Бальфура, не были даже избраны въ парламентъ, и только позднѣе очистилась для консервативнаго лидера вакансія въ одномъ изъ лондонскихъ избирательныхъ округовъ, благодаря самоотверженію избраннаго уже кандидата. Новая сессія открылась 19 февраля и обѣщала быть очень плодовитой и оживленной, насколько можно было судить по содержанію тронной рѣчи; и дѣйствительно законодательная работа по внутреннимъ вопросамъ получила сильный и энергическій толчокъ; въ парламентъ внесены многіе важные законопроекты, обсужденіе которыхъ не доведено еще до конца, но крупнѣйшій изъ нихъ—о народномъ образованіи — дошелъ уже до палаты лордовъ и подвергнутъ ею существенной передѣлкѣ, измѣняющей его смыслъ и значеніе. Судьба этого закона вновь вы-

двинула на сцену старый вопросъ о реформѣ верхней палаты съ цѣлью приближенія ея къ потребностямъ современной эпохи; однако, никто серьезно не думаетъ о подобныхъ радикальныхъ проектахъ, которые вообще не соотвѣтствуютъ политическимъ нравамъ и обычаямъ англичанъ. Палата лордовъ никогда не отличалась принципіальнымъ упорствомъ и легко соглашалась на необходимыя уступки; поэтому и въ данномъ случаѣ будетъ вѣроятно достигнутъ какой-нибудь компромиссъ.

Въ области внѣшнихъ и колоніальныхъ дѣлъ Англіи заслуживаетъ вниманія окончательное рѣшеніе вопроса объ автономіи Трансвааля: въ началѣ декабря оффиціально обнародованъ текстъ весьма либеральной трансваальской конституціи, съ соотвѣтственными инструкціями для мѣстныхъ органовъ центральной государственной власти. Побѣжденные буры не имѣютъ повода оплакивать свою судьбу, сдѣлавшись подданными британской короны; они обезпечены въ своихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ и могутъ свободно устраивать дѣла своей родины, не опасаясь враждебнаго вмѣшательства и назойливой опеки англійской бюрократіи.

Въ Австро-Венгріи прекратилось тяжелое состояніе внутренняго кризиса, такъ какъ монархическая власть перестала воевать съ общественнымъ мнѣніемъ своихъ народовъ. Въ Австріи подготовляется введеніе всеобщаго избирательнаго права; Венгрія имѣетъ свое самостоятельное популярное министерство, которое не обязано считаться съ внушеніями, исходящими изъ Вѣны. Имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Голуховскій, вынужденъ былъ выйти въ отставку именно потому, что ему приписывалось участіе въ придворныхъ интригахъ или „теченіяхъ", направленныхъ противъ національныхъ требованій мадьяръ. Преемникъ его, баронъ Эренталь, извѣстенъ только тѣмъ, что провелъ многіе годы своей дипломатической службы въ Петербургѣ. Министерства дважды мѣнялись въ Австріи за истекшій годъ: барона Гауча замѣнилъ князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, который въ свою очередь уступилъ мѣсто барону Беку. Австрійскій парламентъ занимался обсужденіемъ подробностей избирательной реформы, которая должна обезпечить равноправное развитіе отдѣльныхъ народностей на началахъ конституціонной свободы; остается только открытымъ вопросъ о томъ, какъ побудить аристократическую палату господъ принять систему всеобщаго избирательнаго права для выборовъ въ нижнюю палату.

Въ Венгріи, послѣ распущенія парламента указомъ 19 февраля, министръ-президентъ генералъ Фейервари устранился отъ дѣлъ, и

образовалось новое національное министерство, подъ руководствомъ Александра Векерле, съ участіемъ такихъ общеизвѣстныхъ передовыхъ венгерскихъ дѣятелей, какъ Францъ Кошутъ и графъ Аппоньи. Парламентскіе выборы (28 апрѣля—8 мая) дали этому кабинету огромное большинство, и политическая жизнь страны постепенно входитъ въ нормальную колею. Спорные и щекотливые вопросы еще существуютъ, но ничто не стоитъ на пути ихъ мирнаго разрѣшенія, при полной свободѣ общественнаго мнѣнія и при отсутствіи раздражающихъ постороннихъ вліяній.

Вполнѣ естественное безпокойство вызывается ходомъ переговоровъ между Россіею и Японіею по поводу практическаго примѣненія и толкованія нѣкоторыхъ статей портсмутскаго мирнаго трактата. Въ виду исключительной важности этихъ переговоровъ, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующее оффиціальное сообщеніе, появившееся въ нашихъ газетахъ отъ 17-го декабря:

„Разнорѣчивые, преувеличенные слухи распространялись въ послѣднее время по поводу переговоровъ между Россіей и Японіей о торговомъ трактатѣ и рыболовной конвенціи.

„Такъ между прочимъ сообщалось, что переговоры эти прерваны и ожидается посредничество третьей державы или обращеніе къ третейскому разбирательству. Причиной разногласія являются, по газетнымъ свѣдѣніямъ, требованія Японіи, которая будто бы домогается допущенія ея судовъ, въ отмѣну айгунскаго договора, на Амуръ; открытія японской торговлѣ свободнаго транзита отъ Владивостока до Балтійскаго моря; разрѣшенія японцамъ пріобрѣтать земельную собственность въ Сибири и уравненія правъ японцевъ въ нашихъ водахъ на Дальнемъ Востокѣ съ правами русскихъ подданныхъ.

„Въ дѣйствительности дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Согласно портсмутскому договору (ст. XII) Россія и Японія обязались принять за основаніе новаго торговаго трактата прежній русско-японскій договоръ 1895 г., который, не будь войны, продолжалъ бы дѣйствовать еще пять лѣтъ, т.-е. до 1911 года. Такъ какъ новое торговое соглашеніе, по желанію японскаго правительства, должно ограничиваться тѣмъ же срокомъ 1911 года, когда прекращаются прочіе торговые договоры Японіи съ иностранными державами, то Россія, согласно упомянутой XII статьѣ портсмутскаго трактата, не предъявляла Японіи съ своей стороны никакихъ новыхъ требованій. Россія настаивала исключительно на простомъ сохраненіи за ней преимуществъ, выговоренныхъ въ нашу пользу по торговому трактату, дѣйствовавшему до войны.

„Напротивъ того Японія не только желаетъ включенія въ новый договоръ всѣхъ тѣхъ, не упомянутыхъ въ трактатѣ 1895 г. правъ, которыя обезпечены иностранцамъ въ Россіи по новѣйшимъ нашимъ торговымъ конвенціямъ (1904—1906 гг.), но предъявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько новыхъ требованій, обусловливая ихъ измѣнившимися въ послѣднее время обстоятельствами на Дальнемъ Востокѣ.

„Такъ какъ новый трактатъ, по соглашенію обоихъ правительствъ въ Портсмутѣ, долженъ основываться, подобно прежнему договору 1895 года, на „принципѣ наибольшаго благопріятствованія", то очевидно не встрѣчалось бы препятствій обезпечить за Японіей, при условіи полнаго взаимства, тѣ общія льготы, которыя Россія предоставляетъ другимъ странамъ. Выработкѣ этихъ именно постановленій договора и посвящены были происходившія въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ засѣданія русско-японской торговой конференціи. Нынѣ обѣ стороны пришли къ соглашенію какъ о возобновленіи прежнихъ, взаимно предоставленныхъ другъ другу въ 1895 году льготъ, такъ и о примѣненіи къ обоюднымъ подданнымъ, въ томъ и другомъ государствѣ, правъ наибольшаго благопріятствованія по торговлѣ и мореплаванію, по владѣнію и пріобрѣтенію недвижимаго имущества, гдѣ это дозволено вообще иностранцамъ, и по занятіямъ ремеслами и промыслами, въ соотвѣтствіи съ мѣстными законами.

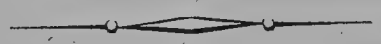
„Но предстоитъ еще обсудить *новыя*, заявленныя Японіей требованія, которыя касаются: свободнаго судоходства по Сунгари (а не по Амуру, о чемъ Японія требованій вовсе не заявляла), учрежденія консульствъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, паспортныхъ облегченій для японцевъ въ Азіатской Россіи, а также установленій на манчжурской границѣ особо льготныхъ условій по таможенной части для торговыхъ сношеній Россіи съ Японіей.

„Этими вопросами, затрагивающими не только экономическіе, но отчасти и политическіе интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ, конференція еще не занималась. По нимъ состоялся лишь предварительный обмѣнъ мнѣній; рѣшеніе ихъ зависитъ отъ правильнаго толкованія мирнаго трактата и протоколовъ портсмутской конференціи.

„Что касается вопроса о рыболовствѣ, то, какъ извѣстно, по статьѣ XI портсмутскаго договора, Россія обязалась войти съ Японіею въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ моряхъ Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ.

„Русское правительство, въ полной мѣрѣ сознавая всю важность этого вопроса, существенно затрагивающаго экономическое развитіе нашего тихоокеанскаго побережья и будущность русской колонизаціи въ этихъ краяхъ, не сочло возможнымъ принять сдѣланныя Японіею

при началѣ переговоровъ предложенія, каковыми, по его убѣжденію, японскимъ подданнымъ предоставлялись гораздо болѣе широкія права, нежели тѣ, которыя имѣлись въ виду въ портсмутскомъ трактатѣ и протоколахъ портсмутской конференціи. Главныя затрудненія касались того, какъ надо понимать термины „бухты и рѣки“ (anses et fleuves), которыя, согласно сказаннымъ протоколамъ, должны быть изъяты изъ дѣйствія рыболовныхъ конвенцій,—уравненія правъ японскихъ рыбопромышленниковъ съ правами русскихъ, наконецъ опредѣленія самыхъ предметовъ промысла (рыбы, безпозвоночныя, водоросли, млекопитающія). Образована спеціальная русско-японская коммиссія съ цѣлью установленія по обоюдному согласію точнаго смысла словъ „anse“ и „inlet“, употребленныхъ во французскомъ и англійскомъ текстахъ протоколовъ портсмутской конференціи. Соглашенія по вышесказаннымъ вопросамъ еще не достигнуто, но переговоры продолжаются и теченіе ихъ можетъ быть названо вполнѣ нормальнымъ“.



НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Hugo von Hofmannsthal. Kleine Dramen. Leipzig. Insel Verlag. 1906.

Художественное издательство „Insel“ выпустило въ свѣтъ три драматическія сказки Гуго фонъ-Гофмансталя, подъ заглавіемъ „Маленькія драмы“. Всѣ три пьесы: „Фалунскій рудникъ“, „Король и колдунья“ и „Маленькій міровой театръ“ — чисто фантастическія. Это философскія сказки, въ которыхъ поэтъ воплощаетъ въ художественныхъ, далекихъ отъ реальной дѣйствительности образахъ соотношенія между природой, жизненной волей и духовной жаждой человѣка.

Гофмансталя причисляютъ къ такъ называемымъ ново-романтикамъ. Романтизмъ его сказывается въ отрицаніи міра, какъ онъ есть, въ постоянномъ бѣгствѣ отъ современной дѣйствительности въ далекое прошлое. Его привлекаютъ рамки прежней жизни, въ особенности Возрожденіе, и именно итальянское—въ частности XV-го и XVI-го вѣковъ; туда онъ переноситъ дѣйствіе большинства своихъ пьесъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возсоздаетъ опредѣленныя историческія рамки, а не предпочитаетъ фантастическія линіи и краски. Это тяготѣніе къ итальянскому ренессансу объясняется нѣкоторыми критиками Гофмансталя тѣмъ, что онъ отчасти романскаго происхожденія. Гофмансталь еще молодъ. Онъ родился въ 1874 г. въ Вѣнѣ, и тамъ же постоянно живетъ, самъ воспѣвая иногда вѣнскую „легкость жизни“. Гофмансталь много путешествовалъ, подолгу жилъ въ Италіи, во Франціи, великолѣпно знаетъ итальянское искусство и также французскую литературу. Подъ этими вліяніями сложилось его литературное творчество, въ которомъ вся красочность описаній связана со старымъ итальянскимъ искусствомъ.

Стиль Гофмансталя, его выдержанный художественный стихъ тоже подходятъ къ рамкамъ итальянскаго ренессанса, но лирическое и драматическое содержаніе его стиховъ и разсказовъ преображаетъ его романтизмъ въ нѣчто гораздо болѣе близкое намъ, чѣмъ „презрѣніе къ дѣйствительности“ нѣмецкихъ и французскихъ романтиковъ, воспѣвавшихъ бурныя страсти или кокетливую меланхолію.

Гофмансталь занятъ проблемой, къ которой онъ пришелъ послѣ многихъ другихъ, для того, чтобы освѣтить ее собственнымъ понима-

ніемъ; это проблема отношеній духовнаго творчества человѣка и творчества жизни: поэтъ и судьба, художникъ и жизнь—вотъ силы, борющіяся въ его пьесахъ. Художникъ кажется ему высшей реальностью сравнительно съ жизнью, которая стремится подчинить его себѣ. Въ „Смерти Тиціана“ Гофмансталь провозглашаетъ безсмертіе художника, творящаго красоту, такъ какъ красота въ его пониманіи—оправданіе жизни.

И во всѣхъ другихъ пьесахъ творческое, обособляющее начало въ человѣкѣ изображено въ борьбѣ съ закономъ жизни. Въ пониманіи Гофмансталя жизнь—враждебное начало, которое нужно преодолѣть, перевоплотить въ себѣ—или же оно побѣждаетъ. Онъ чувствуетъ безъисходность раскола между „я“, —т.-е. индивидуальностью, и „не-я“, т.-е. міромъ, и это отдаляетъ его въ сущности отъ господствующихъ философскихъ теченій въ новѣйшей литературѣ. Онъ не стремится къ примиренію правды души съ правдой жизни, а въ этомъ—лейтмотивъ нашего времени. Онъ дѣйствительно романтикъ, воспѣвающій мятежныя чувства только какъ знакъ раскола. Только мечта поэта кажется ему истиной, потому что въ ней создается и любовь, и счастье, не подчиненное закону жизни, не сопровождаемое расплатой за каждый мигъ удовлетворенія,—муками за любовь, усталостью за достиженіе, страшнымъ чувствомъ внутренняго опустошенія за полноту ощущеній. Драматическій элементъ его пьесъ заключается въ столкновеніяхъ личности съ судьбой, всегда враждебной человѣку. Цѣлый рядъ одноактныхъ пьесъ, какъ „Вчера“, „Женщина у окна“, „Авантюристъ и пѣвица“, прославляетъ жизнь, состоящую изъ ряда ощущеній, изъ дѣйствій, происходящихъ въ душѣ, и во всѣхъ этихъ пьесахъ поражаетъ сила создаваемыхъ художникомъ образовъ. А въ драмахъ, основанныхъ на дѣйствіи, главнымъ элементомъ является мятежъ противъ законовъ жизни. Очень характерна въ этомъ отношеніи одна изъ новѣйшихъ трагедій Гофмансталя, „Электра“. Въ его обработкѣ античной темы властнымъ орудіемъ человѣка противъ судьбы становится ненависть, воодушевляющая героиню. Торжество ненависти—полное противорѣчіе античному духу; но эта трагедія, очень сильная по языку, по страстности и пластичности образовъ, характерна для опредѣленія Гофмансталя. Въ ней ясно проявляется его отношеніе къ жизни: въ вѣчной враждѣ съ дѣйствительностью, онъ вѣчно стремится разбить ея законы, любитъ только созданное воображеніемъ; источникъ трагизма онъ видитъ въ томъ, что дѣйствительность налагаетъ тяжкія кары на того, кто презрѣлъ ее. Этотъ конфликтъ выраженъ съ большой силой въ лирической одноактной драмѣ: „Глупецъ и смерть“.

Три пьесы, соединенныя подъ заглавіемъ „Маленькія драмы“,

вполнѣ соотвѣтствуютъ общему характеру произведеній Гофмансталя. Первая драма, „Фалунскій рудникъ“, передаетъ въ сказочной формѣ трагедію человѣческой души, которая томится среди многообразной призрачности жизненныхъ цѣлей; законъ души враждуетъ съ закономъ жизни. Эта мысль воплощена въ образѣ матроса, который скитается по морямъ, но чувствуетъ таинственное влеченіе къ землѣ, питаетъ страстную мечту проникнуть вглубь земли. Онъ говоритъ, обращаясь къ землѣ: „Глубокое жилище, зачѣмъ бѣжимъ мы отъ тебя, мы, безумцы, идущіе въ море? Мы повинуемся только волнамъ, только лживому зрѣнію; оно показываетъ намъ то, что должно было быть сокрыто отъ насъ навсегда, пестрый міръ, которымъ мы не можемъ овладѣть. Даже жаба, слѣпая прячущаяся тварь, и та свѣтится сравнительно съ нашей темнотой и киваетъ мнѣ сверкающей головой: она еще близка къ землѣ“... На этомъ контрастѣ обманной поверхности моря и таинственной, открытой только мудрецу, глубины земли, построена драма. Герой ея, Элисъ Фребемъ, матросъ, возвращается со своимъ судномъ домой, чтобы потомъ опять отплыть въ даль. Его родина—веселый морской портъ, гдѣ его сейчасъ же окружаютъ товарищи и дѣвушки въ приморскомъ кабачкѣ. Среди дѣвушекъ есть красавица Ильзебиль, которую онъ когда-то любилъ. Она и теперь его любитъ. Но Элисъ мраченъ и погруженъ въ свои мысли. Товарищи объясняютъ трактирщицѣ, что онъ всегда такой. „Не трогай его,—говорятъ ей;—тамъ, откуда онъ пришелъ, не свѣтитъ солнце. Тамъ только блѣдный свѣтъ, какъ отъ луны, наполняетъ долины и ущелья. Взоръ его подернутъ какъ у совы. Отецъ его былъ такой же. Онъ былъ кормчій, но имѣлъ два лика. Онъ бродилъ по горнымъ ущельямъ, а тѣло его было у насъ на кораблѣ“. Въ этомъ образѣ—идея драмы: и отецъ и сынъ трагичны своей двуликостью, такъ какъ море и земля, основные контрасты человѣческаго бытія, въ нихъ волшебно слиты. Другими словами, конечно, они означаютъ собой трагизмъ, безсознательно живущій во всѣхъ. Но простые люди считали Фребема кудесникомъ, и отъ сына его сторонятся за его таинственность. Онъ еще угрюмѣе, чѣмъ былъ прежде: придя домой, онъ узналъ, что мать его умерла. И теперь вдвойнѣ усиливается его влеченіе къ тайнѣ земли, туда, куда уходитъ на покой все живое.

Все, что радовало и печалило, все, что переливалось какъ волны морскія, кажется теперь ничтожнымъ и пустымъ Элису, котораго тянетъ къ себѣ земля. Въ бесѣдѣ съ Ильзебиль, выпивъ вина, онъ вспоминаетъ, какъ любилъ ее, какъ восторгался ея красотой, вспоминаетъ, какъ онъ глубоко ранилъ себѣ руку въ знакъ любви къ ней. Теперь она ему безразлична;—и съ такимъ же холодомъ онъ вспоминаетъ про другую любовь преданной ему маленькой яванки; и

въ память о ней есть у него шрамъ на рукѣ, выжженный слѣдъ зубовъ дѣвушки. Но и это воспоминаніе не будитъ въ немъ теплаго отзвука: онъ помнитъ только ужасъ того дня, только то, что отецъ его сгорѣлъ въ тотъ же вечеръ,—зная заранѣе, что умретъ. Съ тѣхъ поръ Элисъ чувствуетъ призывные голоса земли. Голосъ звалъ его къ матери, и когда онъ пришелъ, ея уже не было въ живыхъ. Жизнь ему стала чужой: „Я могъ бы часами глядѣть на свои руки,—говоритъ онъ,—и думать, кто этотъ чужой человѣкъ, которому онѣ принадлежатъ?“ Его влечетъ въ пучину, „откуда не вернулось ни одно судно“. Онъ „обогнулъ послѣдній мысъ и ѣдетъ безъ руля“. Всѣ радости жизни не обманываютъ уже его: „Когда мнѣ говорятъ: съѣшь, вотъ это вкусно, я отвѣчаю: самое вкусное достается червямъ. Когда мнѣ говорятъ о красотѣ дѣвушки, я отвѣчаю, что камень лучше: камни обогнули высокій мысъ, они сыграли свое до конца, они ничего не чувствуютъ“.

Товарищи тянутъ его съ собой кутить и веселиться, обѣщая ему магометанскій рай на землѣ. Когда же онъ не соглашается идти съ ними, одинъ изъ товарищей, въ сердцахъ, говоритъ ему, что онъ не морякъ и что его страшно было бы взять съ собой въ плаваніе. На это онъ говоритъ, что дѣйствительно онъ ближе къ землѣ, чѣмъ къ морю. Въ этомъ, по мысли автора, все его значеніе. Человѣкъ, который задумался о правдѣ, скрытой въ нѣдрахъ жизни, въ землѣ, уже будетъ чуждымъ навсегда и глади, и бурямъ на поверхности водъ.

Дальнѣйшее дѣйствіе драмы воплощаетъ въ фантастическомъ видѣніи эту жажду проникнуть въ тайну земли. Во время бесѣды появляется незамѣтно старикъ Торбернъ, старый рудокопъ, который слыветъ волшебникомъ. Онъ знаетъ землю, знаетъ много ея тайнъ, и потому мудрѣе моряка. При его появленіи Элисъ сразу, даже не замѣтивъ его присутствія, поддается власти его чаръ; онъ мечтаетъ о томъ, чтобы проникнуть въ нѣдра земли,—ему кажется, что это значитъ вернуться во чрево матери, слиться со всѣмъ живымъ, что̀ коренится въ землѣ. Всѣ чувствуютъ, что онъ говоритъ подъ вліяніемъ чаръ старика рудокопа, но онъ продолжаетъ свои заклинанія, молитъ землю, чтобы она дозволила ему переступить порогъ, проникнуть къ корнямъ всего живущаго. Наконецъ, онъ замѣчаетъ Торберна и, вспыливъ, обвиняетъ его, что онъ внушилъ ему всѣ его слова. Торбернъ тихо отвѣчаетъ ему, что онъ пришелъ оттуда, куда Элисъ стремится, изъ нѣдръ земли, и что мольбы Элиса, хотя онъ произносилъ ихъ безсознательно, выражали самыя тайныя желанія его души. Элисъ пробуетъ возражать, что онъ морякъ, что онъ отплываетъ въ Гренландію, но Торбернъ смѣется. Онъ знаетъ, въ чемъ призваніе Элиса, онъ пришелъ звать его вглубь земли:—„Чѣмъ ты меня покоряешь?“—

спрашиваетъ Элисъ, невольно повинуясь старику.—„Твоей собственной волей!—быстро отвѣчаетъ Торбернъ и повелѣваетъ:—ты долженъ пойти со мной въ Фалунъ и стать тамъ рудокопомъ“.

Во второй картинѣ драмы изображено видѣніе Элиса; ему кажется, что онъ очутился въ глубинѣ горы и тамъ видится съ горной королевой. Эта сцена—чисто фантастическая. Въ ней прекрасны образы королевы и Элиса въ ихъ взаимныхъ притяженіяхъ и роковомъ противорѣчіи. Королева полюбила земного пришельца — и не боится его, хотя онъ—полная ея противоположность: онъ знаетъ существо, родившее его, зоветъ его „матерью“ и живетъ съ нимъ подъ однимъ кровомъ; — ей это не дано. Она не знаетъ ни рожденія, ни смерти; ей кажется ужаснымъ, что можно жить, изойдя изъ плоти, чтобы вернуться внизъ, къ другимъ тѣламъ. Ей дано спать „долго и чисто и глубоко“. Время для нея не проходитъ: всѣ „вѣковыя святыя „вчера“ могутъ собраться вокругъ нея по первому зову и стать „сегодня“. Она говоритъ о всемогуществѣ духовъ въ землѣ и зоветъ Элиса. Онъ ее не понимаетъ, и она призываетъ старика Торберна, приведшаго Элиса. Его считаютъ на землѣ волшебникомъ, потому что онъ не признаетъ людскихъ мѣръ, живетъ въ нѣдрахъ земли, и потому сталъ болѣе близокъ къ жизни природы, сталъ больше понимать. Королева объясняетъ Элису, что и онъ—такой же, что и онъ—волшебникъ, потому что захотѣлъ проникнуть къ ней на глубину. „Тебѣ тяжелъ былъ воздухъ земли, твой взоръ проникъ въ ничтожество земного, уста твои отвергли міръ, и предъ лучомъ твоего взгляда разступилась мгла“. „Эта сила спитъ въ васъ всѣхъ, но вы этого не знаете“, объясняетъ горная королева Элису, который не понимаетъ, какая сила привела его въ глубину. „Кто взоромъ и устами тянется къ сіянію лучей, тотъ волшебникъ, хотя и связанъ какъ дитя“... Но Элисъ не можетъ и не долженъ остаться у королевы горъ, такъ какъ въ немъ еще живы образы того, что̀ наверху, на землѣ. Когда мальчикъ Агмадъ подалъ чашу съ питьемъ Элису при его появленіи, Элисъ восхитился юношей и привѣтствовалъ его сначала какъ свою подругу яванку, потомъ какъ утонувшаго давно друга. Но Агмадъ—только призракъ, только зеркало, являющее каждому то, что̀ таится у него на душѣ. Элисъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ окружавшихъ его на землѣ, но еще кое-что земное осталось жить въ его сердцѣ. Онъ долженъ вернуться на землю, перестрадать, жить въ одиночествѣ и тогда вернуться въ глубины, уже подготовленнымъ къ пребыванію въ нихъ.

Видѣніе разсѣивается. Элисъ опять среди своихъ товарищей, у оконъ кабака. Тамъ никто не удивляется его возвращенію; всѣ знали, что онъ снова вернется. Элисъ ищетъ старика рудокопа, но

его нѣтъ, и тогда онъ объявляетъ, что ѣдетъ въ фалунскій рудникъ; его перевозитъ туда сынъ рыбака, юноша, который до того уже умиралъ—и оживаетъ для того, чтобы переправить Элиса. Элисъ видитъ, что путь его въ горы преисполненъ чудесъ. Онъ вѣритъ въ свою удачу—„законъ міра не на мнѣ".

Есть много легендъ, относящихся къ фалунскому руднику, но драма Гофмансталя не связана непосредственно съ ними; напротивъ того, она составляетъ какъ бы прологъ къ нимъ. Въ драмѣ этой нѣтъ, конечно, никакихъ выводовъ, никакой законченной идеи. Въ ней только художественно, въ сильныхъ образахъ возсоздана сила влеченій къ тайнамъ, сокрытымъ навсегда отъ человѣка. Образы вѣчнаго—горная королева, старикъ рудокопъ,—ярко и трагично противопоставлены мѣняющимся, ускользающимъ явленіямъ—женщинамъ въ кабакѣ, тремъ женщинамъ, которыхъ любили и потомъ покинули, рыбаку и его женѣ съ ихъ больнымъ сыномъ — и самому Элису, печальному искателю, который въ жизни видитъ только смерть, а жаждетъ истинной жизни—въ глубинѣ горъ.

Вторая драма сборника—„Король и колдунья"—наиболѣе опредѣленная по идеѣ, наиболѣе сильная по художественности воплощенія. Основная мысль ея жизненна—въ противоположность отвлеченной и неразрѣшенной идеѣ „Фалунскаго рудника": человѣкъ долженъ искать въ зрѣлищахъ и переживаніяхъ жизни себя — тогда онъ одолѣетъ судьбу, тогда онъ исполнитъ свой законъ и побѣдитъ враждебность міра. Носитель этой идеи — король. Онъ семь лѣтъ во власти колдуньи, которая плѣнила его, околдовала его чувства и закрыла отъ него окружающую жизнь. Король жаждетъ свободы, борется за нее, и онъ знаетъ, какъ ее достичь. Только семь дней долженъ онъ устоять отъ чаръ колдуньи, не касаться ея, не идти на ея зовъ, и когда зайдетъ солнце на седьмой день, ея не станетъ. Король на охотѣ со своей свитой, но онъ самъ чувствуетъ себя звѣремъ, котораго травятъ. Онъ бѣжитъ отъ соблазна колдуньи и ищетъ спасенія въ природѣ и людяхъ, во всемъ, что можетъ ему вернуть самого себя, вырвать его жизнь изъ губительныхъ объятій слѣпой страсти. Ему кажется, что онъ въ лабиринтѣ, но онъ знаетъ, что можетъ выйти изъ него, выдержавъ семидневный искусъ. Колдунья манитъ его, дразня его своей красотой, еще столь живой для его чувствъ. Онъ ищетъ спасенія, зоветъ своихъ людей, и она со злымъ хохотомъ ускользаетъ въ кусты, смѣясь надъ его слабостью, надъ тѣмъ, что онъ прибѣгаетъ къ защитѣ.—„Бѣдный король!" насмѣшливо говоритъ она ему, убѣгая, и его охватываетъ ревность; онъ рвется къ убѣжавшей обольстительницѣ, чтобы другіе не послѣдовали за нимъ. Но тутъ начинается его освобожденіе. Къ нему является юноша Тарквиній, самый молодой изъ

его слугъ, и утѣшаетъ его своей чистотой и преданностью. Глядя на него, король понимаетъ радость правды, и въ отвѣтъ на горячія слова юноши о его преданности и готовности отдать себя королю, онъ говоритъ, что черезъ другого нельзя спастись, что только въ себѣ—источникъ спасенія: „Ничья кровь не можетъ служить человѣку, кромѣ собственной". И далѣе онъ говоритъ о пути къ самонахожденію; онъ видитъ его только въ правдѣ, въ вѣрности самому себѣ:—„Если ты наружно не тотъ, какой въ душѣ, если ты не заставишь себя быть вѣрнымъ себѣ, то все существо твое наполнится ядомъ, и жизнь вокругъ станетъ тебѣ могилой. Ты не услышишь отзвука правды и отъ другихъ, всѣ вокругъ станутъ тѣнями, и ты при жизни будешь какъ въ могилѣ... Въ комъ нѣтъ правды, тотъ себя теряетъ". И еще онъ открываетъ юношѣ неистребимость всего, что̀ сдѣлано человѣкомъ въ каждый часъ его жизни: „все, что̀ ты совершилъ, ты долженъ носить всегда... и улыбку, и преступленіе"... И еще открылось ему велѣніе истины: не говорить ни однимъ словомъ больше о своей любви любимому существу, чѣмъ то, что̀ дѣйствительно чувствуешь къ нему.

Король понялъ спасительную истину и можетъ преподать ее чистому юношѣ, но самъ онъ еще не можетъ воплотить истину. Горе его—въ томъ, что на устахъ его слова становятся ложью, потому что онъ прикованъ ко всему земному, равнодушенъ къ судьбамъ людей, какъ плескъ фонтана, и потому что собственный голосъ правды доходитъ до него лишь какъ далекій трубный звукъ.

Но пониманіе правды—уже ступень къ самонахожденію, и король послѣ каждой встрѣчи поднимается на этомъ пути. Послѣ разговора съ Тарквиніемъ, онъ срываетъ съ себя корону, охваченный ненавистью ко всему, что̀ заключено въ золотомъ обручѣ; „въ немъ—цѣлый міръ величія и отчаянія, міръ полный могилъ, нивъ, горъ и морей... Что̀ мнѣ все это, откуда мнѣ взять силы, чтобы носить міръ? Развѣ я самъ для себя не достаточная тяжесть?"

Проповѣдь все та же: нужно найти себя въ мірѣ и потомъ только идти въ жизнь, чтобы покорить ее для истины. Опять короля соблазняетъ голосъ колдуньи, и, чтобы выдержать искусъ, онъ призываетъ людей. Новая встрѣча опять убѣждаетъ его въ ничтожествѣ человѣческихъ рѣшеній и ведетъ дальше на путь широкаго пониманія справедливости. Солдаты ведутъ человѣка на казнь. Это Лидусъ, мятежникъ, сжегшій много селеній и ложно объявившій себя намѣстникомъ Господнимъ. Король допрашиваетъ его и узнаетъ, что началомъ его злодѣяній была месть за несправедливость: „Судью, который хотѣлъ попрать справедливость, я захотѣлъ повѣсить,—вотъ съ чего все началось",—говоритъ осужденный. Узнавъ, что съ нимъ говоритъ король, осужденный все-таки стоитъ въ то время, какъ другіе пре-

клонили колѣни: „Этой игрѣ наступилъ конецъ, — отвѣчаетъ онъ на вопросъ короля, — завтра я опущу голову на плаху". Онъ еще разъ отвѣчаетъ королю, что началось все съ несправедливости. „То, что ты сдѣлалъ?"—спрашиваетъ король.—„То, что я претерпѣлъ,—отвѣчаетъ осужденный".—„А то, что послѣдовало потомъ?"—„Судьба".—„А то, что будетъ завтра?"—„Конецъ, справедливый конецъ". Король видитъ въ преступникѣ человѣка, вѣрнаго себѣ до послѣднихъ страшныхъ предѣловъ, и потому считаетъ его выше обычныхъ обвиненій. Онъ его освобождаетъ и назначаетъ начальникомъ морскихъ силъ, воюющихъ съ пиратами.

Опять на короля находятъ прежніе соблазны,—еще онъ не понялъ полной суетности всего, что есть; онъ опять гонится за колдуньей, будто бы ранитъ ее и думаетъ, что она умерла. Но ея мнимая смерть—только предлогъ для новыхъ встрѣчъ, наставляющихъ короля на пути самонахожденія. Встрѣча съ бѣднякомъ, которому онъ даетъ обломокъ короны, чтобы онъ похоронилъ колдунью, увеличиваетъ его презрѣніе къ безднѣ человѣческаго паденія. Еще одна встрѣча съ слѣпымъ старцемъ, который оказывается потомъ ослѣпленнымъ и изгнаннымъ его предшественникомъ на византійскомъ престолѣ, довершаетъ пройденный имъ путь. Онъ понимаетъ призрачность своихъ правъ, основанныхъ на произволѣ и грабежѣ, видитъ, какъ судьба сплетаетъ жизнь людей, дѣлая однихъ рабами, готовыми все продать за горсть золота, а другихъ—властителями... Теперь король уже близокъ къ истинѣ — и къ тому, чтобы разсѣялись чары колдуньи. Близокъ вечеръ послѣдняго дня испытанія. Съ послѣднимъ лучомъ солнца колдунья утратитъ свою силу. Она дѣлаетъ послѣднюю попытку, является къ королю въ образѣ его жены; но когда она открываетъ ему свое истинное лицо, онъ въ ужасѣ отступаетъ и уже твердо отстраняетъ ее, говоря, что все способствовало его спасенію: „Изъ всѣхъ ущелій, улицъ и изъ лѣсовъ, изъ земли, изъ воздуха явились ангелы спасти меня. Куда я ни бросался въ погонѣ за тобой, всюду открывались мнѣ таинственныя двери въ истинную жизнь и возвращали мнѣ самого себя". Заходитъ солнце, колдунья исчезаетъ, и только видна скользнувшая тѣнь уродливой старухи. Король радостно преклоняетъ колѣни, произнося благодарственную молитву за то, что ему дано было найти себя и вступить въ жизнь обновленнымъ, ставящимъ истину выше обмана чувствъ.

Такъ заканчивается эта драматическая сказка, написанная съ большимъ идеалистическимъ подъемомъ. Та же мысль укрѣпляется и въ третьей пьесѣ „Маленькій міровой театръ, или счастливые". Въ ней нѣтъ законченнаго дѣйствія; она представляетъ рядъ мѣняющихся образовъ—людей счастливыхъ или тѣмъ, что они смирились передъ

жизнью и вплели свое существованіе въ ткань природы (какъ, напр., садовникъ, который былъ нѣкогда могущественнымъ властителемъ и разочаровался во власти), или тѣмъ, что чувствуютъ себя во всеоружіи силъ, чтобы взять полноту жизни, или же—они дороже всего поэту—тѣмъ, что создаютъ міръ собственнымъ воображеніемъ; это—художники.

Эти три пьесы Гофмансталя нельзя, конечно, отнести къ разряду драмъ въ точномъ смыслѣ слова, хотя средняя пьеса—„Король и колдунья"—такъ полна благороднаго паѳоса и такъ прекрасна въ своихъ смѣняющихся картинахъ, что могла бы увлечь и зрителей въ театрѣ. И во всякомъ случаѣ, какъ художественное произведеніе, всѣ три пьесы представляютъ большой интересъ по гармоніи образной формы съ идейнымъ содержаніемъ.

II.

Jules Sageret. Les grands convertis. Стр. 265. Paris, 1906. (Société du Mercure de France).

На ряду съ творческой работой мысли и воображенія, на ряду съ разрушительными теченіями, съ борьбой противъ переживаній и созиданіемъ новыхъ формъ въ литературѣ и въ жизни, во Франціи уживается любовь къ традиціямъ, отстаиваніе консервативныхъ началъ въ общественной и интеллектуальной жизни. И нельзя сказать, что все талантливое, всѣ выдающіяся интеллектуальныя силы сосредоточены „на передовыхъ позиціяхъ". Въ противоположномъ лагерѣ есть также писатели и общественные дѣятели, заслуживающіе серьезнаго вниманія по своимъ идеямъ и своему вліянію.

Въ Парижѣ вышла, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, книга Жюля Сажерэ, подъ названіемъ „Les grands convertis". Она посвящена нѣсколькимъ писателямъ съ громкимъ именемъ, которые пошли противъ современнаго духа свободы и настолько вернулись къ традиціямъ старой Франціи, что сдѣлались вѣрными слугами и защитниками католической церкви. Авторъ книги, Жюль Сажерэ, говоритъ о четырехъ „обращенныхъ", о Гюисмансѣ, Бурже́, Брюнетьерѣ и Коппе́. Изъ нихъ два, Бурже́ и Коппе́, утратили теперь въ значительной степени литературное значеніе, которое имѣли прежде, когда Бурже́ былъ эстетомъ и тонкимъ психологомъ, прежде чѣмъ стать рабомъ моды, а Коппе́ не утопилъ еще свой несомнѣнный поэтическій талантъ въ морѣ сентиментальности и пошлости. Два другихъ „обращенныхъ", Гюисмансъ и Брюнетьеръ, сохранили благородство—одинъ въ своемъ художественномъ, другой—въ болѣе отвлеченномъ, идейномъ творчествѣ и послѣ того, какъ „пошли въ Римъ". Задача интересной книги Сажерэ

заключается въ томъ, чтобы объяснить психологію ихъ обращенія и связать ее съ характерными и существенными элементами французской общественной жизни.

Мы знаемъ, конечно, что интересъ къ религіи вообще и къ католичеству въ частности не составляетъ исключительной особенности консервативнаго лагеря. Въ художественномъ творчествѣ, напротивъ того, религіозное настроеніе характеризуетъ именно наиболѣе новыхъ по своимъ задачамъ поэтовъ и художниковъ. Начиная съ Верлэна, французская лирика отмѣчена религіозными настроеніями и интересами, которыхъ не чуждъ даже такой интеллектуальный писатель, какъ Анатоль Франсъ. Но между отношеніемъ къ религіи, какъ къ выраженію духовныхъ исканій человѣка, и внѣшнимъ ортодоксальнымъ католичествомъ Бурже́ и другихъ „обращенныхъ", въ сущности очень мало общаго. Сажерэ совершенно не говоритъ о мистикахъ, поэтахъ и художникахъ; его „обращенные"—писатели, вѣрные общественнымъ традиціямъ, а не разбивающіе ихъ во имя своей индивидуальной правды, какъ поэты вродѣ Верлэна и другихъ.

Въ книгѣ Сажерэ особенно интересенъ очеркъ о Брюнетьерѣ. Съ тѣхъ поръ какъ вышла книга Сажере́ (осенью минувщаго года), знаменитый критикъ и публицистъ умеръ, и характеристика Сажерэ пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, что даетъ цѣльный образъ и вѣрное опредѣленіе умершаго писателя. Сажерэ отмѣчаетъ въ Брюнетьерѣ самое характерное въ немъ — его крайнюю непослѣдовательность, обыкновеніе защищать въ разное время и по разнымъ случаямъ самые противоположные принципы. Съ полнымъ безпристрастіемъ, не обличая его ни въ чемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не восхваляя его, Сажерэ пытается объяснить эту черту Брюнетьера, угадать въ немъ скрытый принципъ его цѣльности и показать, какъ совершился въ немъ путь отъ полнаго свободомыслія къ тому, что Брюнетьеръ самъ называетъ „путемъ въ Римъ".

Все объясняется, по мнѣнію Сажерэ, тѣмъ, что Брюнетьеръ—боецъ по темпераменту. Онъ не мыслитель, который ищетъ истины, исключающей всѣ другія; онъ—воинствующій практикъ, для котораго всѣ истины одинаковы, если онѣ въ данный моментъ пригодны для руководства въ жизни. Противорѣчіе—вовсе не признакъ заблужденія. Если двѣ истины не согласуются одна съ другой, то это не говоритъ ни противъ одной изъ нихъ. Брюнетьеръ, какъ Боссюэтъ, которому онъ поклоняется, сравниваетъ такія двѣ противорѣчивыя истины съ двумя концами цѣпи, которые соединяются гдѣ-нибудь внѣ нашего поля зрѣнія, и онъ, какъ Боссюэтъ, твердо держитъ оба конца. Сажерэ видитъ въ этомъ отличительное проявленіе активнаго темперамента. „Какъ поступаютъ мыслители? — спрашиваетъ онъ. — Вмѣсто того, чтобы

крѣпко держать, они выпускаютъ изъ рукъ все, чтобы слѣдить за однимъ концомъ цѣпи и провѣрить, дѣйствительно ли онъ соединится съ другимъ. Они предпринимаютъ долгія изслѣдованія, которыя, въ большинствѣ случаевъ, ни къ чему не приводятъ. Брюнетьеръ же не теряетъ на исканіе основныхъ принциповъ драгоцѣнное время, которое можно употребить на защиту ихъ. Онъ становится защитникомъ этихъ принциповъ.

Для Брюнетьера, такимъ образомъ, важна его цѣль, и она объединяетъ всѣ противорѣчія въ его сужденіяхъ. Онъ стремится укрѣпить общественную жизнь на твердыхъ устояхъ, защищая всѣ начала, которыми держится французское общество. Ему приходится въ виду этой цѣли отстаивать самые противоположные принципы демократизма и традиціонности, причемъ онъ впадаетъ большей частью въ противорѣчія. Дѣлая выводъ изъ этого основного опредѣленія Брюнетьера въ книгѣ Сажерэ, мы видимъ, что если опровергать Брюнетьера, то нужно исходить изъ его цѣлей, а не спорить съ его доводами. Это отношеніе къ нему совершенно вѣрное: Брюнетьеръ—писатель съ большими достоинствами, критикъ, умѣющій очень ярко освѣщать литературу разныхъ эпохъ; всякое художественное произведеніе представляется ему живымъ организмомъ, значительнымъ не своими случайными красотами, а тѣмъ, что̀ въ немъ воплощено. Если же критика Брюнетьера кажется намъ теперь, при всей его эрудиціи и критическомъ талантѣ, сухой и мертвой, то лишь потому, что намъ чужда его основная цѣль, его отстаиваніе общественныхъ устоевъ противъ вторженій индивидуализма. Это повліяло на всѣ его сужденія и привело его къ его послѣдней эволюціи—къ католичеству. Сажерэ намѣчаетъ главныя проявленія его консерватизма, поскольку онъ отразился въ его литературныхъ взглядахъ: Брюнетьеръ отстаиваетъ XVII-ый вѣкъ противъ XVIII-го, потому что XVII-ый былъ вѣкомъ догматизма, а XVIII-ый —вѣкомъ морали, или, вѣрнѣе, совѣсти, т.-е. свободнаго отношенія къ принципамъ, во имя индивидуальнаго пониманія морали. Въ этой борьбѣ Брюнетьеръ проявляетъ именно свою коренную непослѣдовательность, осуждая въ писателяхъ XVIII вѣка то, что̀ онъ оправдываетъ въ представителяхъ „великаго XVII вѣка". И въ XVII вѣкѣ онъ прославляетъ только его типичныхъ выразителей, строго критикуя тѣхъ, кто шелъ противъ духа времени. Идеалъ Брюнетьера—Боссюэтъ, догматикъ par excellence; врага Боссюэта, Фенелона, ставившаго мораль выше догматизма, онъ строго осуждаетъ. Сэнъ-Симона, слишкомъ строгаго къ Людовику XIV, Брюнетьеръ исключаетъ изъ литературы XVII вѣка; онъ также пренебрежительно относится къ Декарту, къ Мальбраншу, стараясь изъять изъ XVII вѣка все, что̀ въ немъ подготовляло вольнодумную реакцію слѣдующаго вѣка; а потомъ

онъ доказываетъ, до чего вѣкъ Вольтера пошелъ противъ классической великой поры французской литературы и культуры. Его нападки на XVIII вѣкъ безпощадны; онъ говоритъ, что это—„вѣкъ наименѣе французскій по духу", что „XVIII вѣкъ, въ самую блестящую его пору, характеризуется поразительнымъ обѣднѣніемъ мысли, паденіемъ характеровъ, пониженіемъ стиля... что никогда не писали съ такимъ отсутствіемъ и содержанія, и вкуса, какъ въ XVIII вѣкѣ" и т. д... И этому общему осужденію цѣлаго вѣка соотвѣтствуютъ также рѣзкія нападки на всѣхъ отдѣльныхъ писателей, главнымъ образомъ на Вольтера; Брюнетьеръ осуждаетъ его за его жажду славы, за угодливость и другія проявленія „безнравственности",—выказывая, съ другой стороны, самую большую снисходительность къ „человѣческимъ слабостямъ", когда рѣчь идетъ о Мольерѣ, выразителѣ духа XVII вѣка. Затѣмъ онъ врагъ энциклопедистовъ; онъ ставитъ имъ въ упрекъ главнымъ образомъ ихъ космополитизмъ.

Но, отвергая XVIII-ый вѣкъ и всѣхъ его дѣятелей, Брюнетьеръ—въ этомъ опять одно изъ его противорѣчій—отстаиваетъ великую революцію и ведетъ борьбу противъ Тэна. Казалось бы, что французская революція связана именно съ идеями энциклопедистовъ, которыхъ онъ упрекаетъ въ отсутствіи французскаго національнаго духа, — а между тѣмъ революцію онъ прославляетъ, несмотря на нападки на ея творцовъ и предшественниковъ, несмотря на то, что революція опровергаетъ принципы XVII вѣка. Все это, конечно, противорѣчія, и Сажерэ сводитъ ихъ къ тому, что Брюнетьеръ по своимъ цѣлямъ защитникъ принциповъ, на которыхъ покоится французское общество. Такъ какъ, съ одной стороны, французское общество имѣетъ традиціонныя основы, установленныя съ XVII вѣка, то онъ отстаиваетъ XVII-ый вѣкъ, и такъ какъ, съ другой стороны, современное французское общество коренится въ революціи, то онъ—сторонникъ революціи и врагъ индивидуализма, разрушающаго общество. Вотъ основные принципы Брюнетьера, какъ охранителя общества, и этой охранительной тактикой объясняются всѣ его дальнѣйшія эволюціи.

Но у Брюнетьера есть твердыя, неизмѣнныя черты: это, во-первыхъ, его воинственность, а затѣмъ его приверженность къ одному образу національнаго прошлаго—Боссюэту. Брюнетьеръ видитъ въ немъ воплощеніе духа авторитета и традиціонности, и въ этомъ усматриваетъ оплотъ и спасеніе противъ общественной опасности—индивидуализма; противъ него и направлены всѣ его удары.

Конечнымъ проявленіемъ эволюціонизма Брюнетьера было его обращеніе къ католичеству. Сажерэ показываетъ, что если обсуждать логически это обращеніе, то оно еще болѣе полно противорѣчій, чѣмъ всѣ остальныя дѣйствія Брюнетьера. Онъ по существу свободомысля-

щій, дарвинистъ, сторонникъ идеи эволюціи,—но это не помѣшало ему стать католикомъ, потому что католичество для него общественный принципъ. Онъ искалъ опоры противъ шатаній общества въ смутную пору дрейфусарства. Дрейфусары, съ ихъ требованіями справедливости наперекоръ интересамъ государства, возмущали его какъ индивидуалисты, т.-е. враги общества. Онъ искалъ укрѣпленія основъ традиціонности—и обратился къ религіи. Религія соединилась у него съ политическими цѣлями; онъ видитъ въ ней не дѣло личной совѣсти, а средство спасенія Франціи. Для него вопросъ вѣры—второстепенный: „Во что я вѣрю... объ этомъ спросите въ Римѣ". Для него обращеніе въ католичество — союзъ съ властью, умѣющей поддержать разрушающіяся основы національныхъ традицій. При такомъ отношеніи къ религіи онъ, конечно, могъ соединять католичество съ эволюціонизмомъ и—тоже по примѣру своего учителя во всемъ, Боссюэта,—старался взять на себя примирительную миссію: примирить отцовъ церкви съ позитивизмомъ Конта, мораль католическую—съ моралью позитивистовъ.

Саржерэ показываетъ такимъ образомъ, что Брюнетьеръ, какъ онъ выражается,—„homme bloc", въ которомъ всѣ эволюціи, всѣ кажущіяся противорѣчія самому себѣ объясняются воинственнымъ темпераментомъ и твердостью цѣли, какъ защитника традиціонной Франціи. Это, конечно, придаетъ ему силу и значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ставитъ его совершенно въ сторонѣ отъ поступательнаго движенія въ современной французской жизни. Въ лицѣ его умеръ одинъ изъ самыхъ сильныхъ представителей старой Франціи; и какъ историкъ литературы,—главнымъ образомъ, какъ изобразитель крупныхъ фигуръ XVII вѣка, онъ навсегда сохранитъ большое значеніе. Но его идеи отжили свое время, и никого уже теперь онъ не убѣдитъ въ предпочтительности общественныхъ традицій индивидуальному развитію. И никого также примѣръ Брюнетьера, „католика изъ политическихъ цѣлей", не убѣдитъ, что такого рода союзъ религіи съ жизнью можетъ имѣть какое-либо дѣйствительное значеніе для общественной жизни. Вопросъ о союзѣ Рима съ Франціей не должно смѣшивать съ вопросомъ о религіи, которая можетъ быть только вопросомъ индивидуальной совѣсти. Католицизмъ Брюнетьера—скорѣе фактъ, говорящій о томъ, какъ мертво католичество въ французскомъ обществѣ, если можно откровенно орудовать имъ какъ политическимъ средствомъ, забывая о внутреннемъ значеніи религіи.

Другіе „обращенные", о которыхъ говоритъ Сажерэ, тоже съ религіей ничего общаго не имѣютъ. Буржé сталъ защитникомъ католицизма, связавъ его со всѣми традиціонными интересами консервативной Франціи. Онъ—принципіальный защитникъ аристократіи и сто-

ронникъ классовыхъ различій, и защита католической церкви становится однимъ изъ естественныхъ выводовъ его ученія. Точно также Коппé обращается въ католичество одновременно съ тѣмъ, какъ становится націоналистомъ, и приведенъ къ нему рядомъ сентиментальныхъ причинъ, слезливой филантропіей и т. д. Только относительно Гюисманса Саржерэ, выдѣляя его изъ ряда сторонниковъ и защитниковъ традицій, говоритъ, что скорѣе „онъ обращалъ католичество въ нѣчто другое, слѣдуя за эволюціями своего героя, чѣмъ самъ былъ обращенъ въ католичество".

Такимъ образомъ изъ четырехъ очерковъ въ книгѣ Саржерэ явствуетъ, что даже самые выдающіеся нео-католики ничего общаго съ возрожденіемъ религіи во Франціи не имѣютъ. Напротивъ того, ихъ примѣръ показываетъ, что религіозные интересы во Франціи переродились въ нѣчто сугубо-мірское, въ заботы объ интересахъ земной родины, а не въ духовное искательство людей вѣры.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1907.

За мѣсяцъ до выборовъ.—„Октябристы“ и „кадеты“.—Чрезвычайная охрана.—Отношеніе „деревни“ къ оказаннымъ ей благодѣяніямъ.—Еврейскій вопросъ и „патріотизмъ“ реакціонной печати.—Петербургское юридическое общество.

День выборовъ, наконецъ, назначенъ. Если 20-го февраля, по пророческимъ словамъ „Новаго Времени“, рѣшится вопросъ: „убережемъ ли мы свою конституцію, или подставимъ ее подъ смертельные удары“,— то 5-го февраля рѣшеніе этого вопроса въ значительной мѣрѣ опредѣлится. И въ первую Думу, вопреки ожиданіямъ, громадная масса избранниковъ народа пришла съ готовыми политическими требованіями и желаніями. Тѣмъ болѣе во вторую—она придетъ не для выработки основъ своего политическаго міросозерцанія, а для проведенія въ жизнь того, что̀ уже сложилось въ болѣе или менѣе ясно обозначившіяся формулы.

Вышеприведенная фраза знаменательна и характерна не потому, конечно, что она появилась на столбцахъ полу-оффиціозной газеты. Она знаменательна потому, что составляетъ, какъ будто, отзвукъ взгляда на роль и задачи второй Думы правительства. И она характерна въ общественномъ отношеніи потому, что довольно точно выражаетъ предвыборный лозунгъ октябристовъ — партіи, подъ флагомъ которой съ каждымъ днемъ все плотнѣе объединяются элементы, склонные къ реакціи, но еще не рискующіе откровенно кричать: „долой подлую конституцію“. „Убережемъ ли мы свою конституцію или поставимъ ее подъ смертельные удары“?! Да отъ кого ее должно оберегать? Отъ кого она можетъ ждать „смертельныхъ ударовъ“? Какъ выраженіе взглядовъ правительства и какъ лозунгъ октябристовъ, приведенныя слова, очевидно, не имѣютъ въ виду ни опасности для конституціи съ крайняго лѣваго общественнаго полюса, ни опасности—съ крайняго праваго. Въ нихъ скорѣе слышится предупрежденіе, чѣмъ угроза,—предупрежденіе, что конституція будетъ „отнята“ отъ населенія верховной властью, а не одна угроза, что конституціонный строй будетъ революціей или пугачевщиной насильственно ниспровергнутъ. Но если такъ, то что̀ же такое конституція? Зачѣмъ и почему измѣненъ государственный строй? Зачѣмъ и почему народъ былъ призванъ, въ лицѣ свободно избранныхъ имъ представителей, раздѣлить съ монархомъ бремя власти и бремя от-

вѣтственности? Зачѣмъ и почему были провозглашены „незыблемыя“ основы гражданской свободы?.. Выходитъ, что какъ будто измѣненіе государственнаго строя послѣдовало вовсе не въ силу признанія государственной въ томъ необходимости, а что это дѣйствительно была—какъ утверждали революціонеры—вырванная уступка, или—что это было только нѣчто вродѣ ученическаго подарка народу за благонравіе. Народные представители должны руководствоваться въ своей дѣятельности заботой „уберечь“ основные законы страны отъ „смертельныхъ“ ударовъ со стороны правительства!! Можно ли идти дальше въ путаницѣ понятій?..

Въ самомъ невообразимомъ хаосѣ идей, фактовъ и отношеній, въ которомъ безнадежно, ища выхода, бьется уже столько времени русская жизнь, отправныя положенія куда-то затерялись и исчезли. Интересы минуты, понимаемые съ безконечнымъ разнообразіемъ, плотной коркой охватили все, что не касается данной минуты. Цѣль перепуталась со средствами, и средства стали самодовлѣющей цѣлью. Конечно, правительству будетъ удобно, если выборы дадутъ „послушную“ Думу, т.-е. Думу, которая не будетъ имѣть своей иниціативы, которая не только одобритъ то, что въ области законодательства создано въ порядкѣ 87-ой статьи, а въ области управленія „наразъяснено“ сенатомъ и министерскими инструкціями и циркулярами,—но и затѣмъ станетъ безъ критики и возраженій принимать законопроекты министровъ,—которая удовлетворится обѣщаніемъ снять тиски исключительныхъ законовъ въ то золотое время, когда обыватели обратятся въ безсловесныхъ животныхъ—вѣрнѣе, въ недумающіе и недвигающіеся камни... Но развѣ Дума-декорація нужна для блага государства? И безъ нея Россія позорно проиграла войну, потеряла флотъ, и дошла до того, что мужикъ такъ напродовольствовалъ армію своихъ опекуновъ-чиновниковъ, что самъ уже не можетъ существовать безъ продовольствованія со стороны. Неужели для декораціи стоило и стоитъ налаживать дорогую и сложную машину народнаго представительства?

Когда „истинно-русскіе люди“ готовятъ смертельные удары мечтамъ—увы, въ теченіе цѣлаго уже года только мечтамъ!—реализировать формальное обновленіе государства въ цѣляхъ обновленія содержанія государственно-общественной жизни,—то они и не скрываютъ, что хотятъ государственнаго переворота. Переворотъ въ сторону неизжитаго новаго или въ сторону давно извѣданнаго стараго—не все ли равно? Но когда допускаетъ для себя возможность нанесенія смертельныхъ ударовъ „конституціи“ правительство—на случай, если, несмотря на принятыя мѣры, выборы все-таки не дадутъ „послушной“ Думы,—то такая готовность къ государственному перевороту знаме-

новала бы, что, пожалуй, обновленіе отодвинулось еще дальше назадъ, чѣмъ оно было даже въ эпоху словъ о „довѣріи“...

Если для правительства подобное отношеніе къ „конституціи“ не находитъ оправданія, то оно все же находитъ объясненіе. Правительство со всей страстью борца отдалось подавленію—сперва революціи, потомъ оппозиціи. А страсть такъ легко затуманиваетъ мысль. Кто въ пылу борьбы рискнулъ на созданіе военно-полевой юстиціи и на упраздненіе крестьянской поземельной общины и кому въ словахъ закона: „отдѣльныхъ по мѣстностямъ уѣзда предварительныхъ съѣздовъ“, читалось: „отдѣльныхъ по сословіямъ предварительныхъ съѣздовъ“,—для того нетрудно принести конституціонную идею въ жертву успѣху борьбы. Но какъ дошли до предупрежденія октябристы — нельзя и объяснить. А. И. Гучковъ мудро себя устранилъ отъ борьбы. Онъ не вошелъ въ составъ кабинета, ни графа Витте—въ прошломъ ноябрѣ, ни П. А. Столыпина—въ іюлѣ. Забывъ свои слова, что ему органически противны не столько убивающіе, сколько апплодирующіе убивающимъ, онъ поднялъ голосъ въ защиту полевыхъ судовъ, но самъ отъ участія въ кабинетѣ, отвѣтственномъ за казни, уклонился. Ни онъ, ни Ю. Н. Милютинъ, ни Бобрищевъ-Пушкинъ активной борьбы съ революціей не ведутъ. Они—и всѣ октябристы—такіе же зрители борьбы, какъ члены другихъ конституціонныхъ партій. Почему же они забыли то, что написано въ манифестѣ, дата котораго составляетъ ихъ знамя, и идутъ на выборы съ правительствомъ, зная—и предупреждая о томъ избирателей,—что отъ правительства возможны „смертельные удары“ конституціи? Конституціонализмъ октябристовъ не выдержалъ испытанія неуспѣха при первыхъ выборахъ, роспуска Думы, убійствъ слѣва и казней. Они уже не октябристы—они далеко ушли отъ своего знамени. Слова, на немъ начертанныя, обратились въ безсодержательное названіе. Недаромъ монархисты, съ Грингмутомъ во главѣ, уже готовы простить имъ былыя заблужденія и слиться съ ними въ предвыборный блокъ...

Главная численная сила оппозиціи—партія народной свободы, или въ просторѣчіи кадеты—тоже утратила ясное представленіе объ отправныхъ положеніяхъ освободительнаго движенія. Гордая прошлымъ успѣхомъ и сознающая себя единственно сильной, благодаря широко и умѣло созданной организаціи, партія ставитъ узко-партійные интересы выше всего. Она не хочетъ считаться съ тѣмъ, что въ интересахъ всей русской оппозиціи важно имѣть въ Думѣ не только наибольшее число баллотирующихъ голосовъ, но и наибольшее число голосовъ говорящихъ, сильныхъ знаніями, опытныхъ въ работѣ и способныхъ воздѣйствовать. Она не хочетъ признать, что съ ея стороны было большой ошибкой не поддержать при первыхъ выборахъ канди-

датуры—въ Петербургѣ—К. К. Арсеньева, въ Калугѣ—кн. С. Н. Трубецкого, въ Смоленскѣ—А. С. Посникова, изъ которыхъ первые двое вышли изъ партіи, а третій въ нее не вступалъ, но всѣ трое всегда были и остались не менѣе строгими конституціоналистами, чѣмъ самые правовѣрные изъ ея сочленовъ. Она закрываетъ глаза на то, что болѣе ста сильнѣйшихъ представителей партіи отъ выборовъ устранены, и дѣйствуетъ такъ, какъ будто все равно, кто будетъ избранъ членомъ Думы — только бы онъ былъ „кадетъ". Въ исключительно важный историческій моментъ партія народной свободы покрываетъ задачи всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества задачей своего партійнаго торжества.

Въ № 238, „Рѣчь" такъ прямо и писала, что цѣлью избирательной борьбы должно быть „составленіе въ Думѣ компактнаго, прочнаго большинства, способнаго поддерживать стремленія *партіи* съ той же настойчивостью и съ той же вліятельностью, какъ это было въ первой Думѣ". И далѣе: „защищать новую точку зрѣнія можетъ только тотъ, кто вообще не понимаетъ или не признаетъ значенія организованныхъ политическихъ партій. Мы полагаемъ, что эту ступень политическаго воспитанія мы уже оставили позади"... „Въ свое время—справедливо отвѣчалъ на это „Товарищъ",—въ „дни свободы", соціалъ-демократическая партія также строила всю свою тактику на такихъ основаніяхъ; ея органы столь же высокомѣрно, какъ теперь „Рѣчь", отвергали всѣ требованія соглашенія и блоковъ, они столь же категорически требовали диктатуры своей партіи и столь же ядовито смѣялись надъ своими „друзьями—противниками", „оставшимися-де позади той ступени политическаго воспитанія", которую достигли *они*, с.-д. Всѣ знаютъ, чѣмъ это кончилось!.. И тѣмъ не менѣе намъ рекомендуютъ продѣлать то же самое съ другого конца!"

Днемъ раньше „Страна" обращалась къ лидерамъ конституціонно-демократической партіи со слѣдующими словами: „Мы, пока еще не поздно, предупреждаемъ объ опасности и предостерегаемъ кадетовъ отъ излишней самоувѣренности. Перетянутая струна легко можетъ лопнуть, а неудача кадетовъ была бы въ то же время и пораженіемъ для всей оппозиціи. Во имя общаго блага обращаемся мы къ вождямъ кадетской партіи. Они должны понять, какая огромная отвѣтственность лежитъ на нихъ передъ всѣмъ дѣломъ русскаго освободительнаго движенія, и должны поэтому отрѣшиться отъ приходскаго патріотизма".

Полемику между „Рѣчью", съ одной стороны, и тремя другими петербургскими прогрессивными газетами—„Товарищъ", „Страна" и „Русь" — съ другой, вызвало ближайшимъ образомъ рѣшеніе петербургскаго городского комитета партіи народной свободы произвести,

по примѣру первыхъ выборовъ, партійный плебисцитъ и на результатахъ его укрѣпиться, какъ на мертвомъ якорѣ. Теоретической цѣлью плебисцита въ прошломъ году было фактическое обращеніе степенныхъ выборовъ въ прямые. Практической—фиксація мысли избирателей на томъ, что кандидаты намѣчены не комитетомъ, а широкимъ и свободнымъ голосованіемъ всѣхъ членовъ партіи. Но, повторяя тотъ же пріемъ, петербургскій комитетъ позабылъ, что прямые выборы безъ долгой предварительной агитаціи на митингахъ и собраніяхъ, какъ было въ прошломъ году — абсурдъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ прошломъ году, не имѣя опыта, комитетъ еще могъ заблуждаться относительно фиктивности плебисцита, то въ этомъ году ни для него, ни для членовъ партіи, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что партійный плебисцитъ — самообманъ. При разсылкѣ членамъ партіи списка двѣнадцати кандидатовъ, расположенныхъ въ порядкѣ большинства голосовъ, полученныхъ при баллотированіи въ комитетѣ, съ предложеніемъ зачеркнуть троихъ, или хотя всѣхъ, но съ тѣмъ, чтобы въ возвращаемомъ бюллетенѣ стояли девять фамилій, или изъ числа напечатанныхъ, или вписанныхъ самимъ членомъ партіи, — результатъ всегда можно предсказать съ математической точностью. Голоса абсолютно не могутъ сосредоточиться иначе, какъ на фамиліяхъ, стоящихъ въ спискѣ, а изъ нихъ—съ подавляющей вѣроятностью—на поставленныхъ въ голову списка. И это, конечно, при безусловной добросовѣстности въ подсчетѣ.

Когда мы пишемъ настоящую хронику, исходъ плебисцита еще не опубликованъ. Но въ одной изъ газетъ уже было напечатано, что незаконченный подсчетъ опредѣлилъ побѣду первыхъ шести кандидатовъ по комитетскому списку, т.-е. то, чего не могло не случиться. Но почему партія медлитъ съ дѣломъ? Нельзя ли въ этомъ видѣть признакъ отказа отъ принятаго рѣшенія?

Рискъ для всей оппозиціи, на который въ своемъ ослѣпленіи прошлымъ успѣхомъ идетъ партія народной свободы, удесятерился послѣ изданія новой инструкціи о порядкѣ производства выборовъ. Ни одна изъ оппозиціонныхъ партій, кромѣ партіи мирнаго обновленія, не легализирована. А отъ нелегализированныхъ партій, обществъ и союзовъ отнята возможность примѣненія самаго простого и въ то же время самаго дѣйствительнаго средства сосредоточенія при выборахъ голосовъ. Учрежденіямъ, заготовляющимъ бланки избирательныхъ бюллетеней, воспрещена выдача имъ этихъ бланковъ; бюллетени же безъ печати земской или городской управы—не будутъ имѣть силы. Такимъ образомъ, для оппозиціонныхъ партій закрыта разсылка и раздача избирателямъ готовыхъ бюллетеней, и сторонникамъ ихъ придется писать бюллетени самимъ. При такихъ условіяхъ, со сто-

роны партіи народной свободы было бы прямо преступно не пожертвовать узко-партійными интересами. Повидимому, „Рѣчь“ это сознала. Ея передовая статья въ № 242 начинается словами: „Изданіе новой инструкціи о выборахъ значительно мѣняетъ общее тактическое положеніе и дѣлаетъ необходимымъ новый пересмотръ вопроса о предвыборныхъ соглашеніяхъ“.

Но сколько въ той же статьѣ партійнаго самомнѣнія! „Поскольку,— пишетъ газета, — рѣчь идетъ о соглашеніяхъ на общей программѣ, соглашеніяхъ принципіальныхъ, — всѣ попытки намѣтить эти соглашенія, до сихъ поръ сдѣланныя, приводили, въ болѣе или менѣе замаскированномъ видѣ, къ принятію другими группами той платформы, которая уже намѣчена нами. Мы, конечно, не думаемъ этимъ подчеркивать наши особыя права на данную платформу: общее согласіе только показываетъ, что мы правильно выставили на первую очередь такія задачи, насущность которыхъ признается всѣми. Разумѣется, мы всегда привѣтствовали бы соглашенія на этой общей почвѣ. Мы думаемъ, что они и вполнѣ возможны съ безпартійными элементами“. Иными словами, соглашеніе, по мысли газеты, есть замаскированное присоединеніе всѣхъ къ партіи народной свободы...

Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ столичныхъ губерніяхъ выборы будутъ происходить не только при дѣйствіи всѣхъ разъясненій, инструкцій и циркуляровъ, но также еще въ условіяхъ чрезвычайной охраны. Чрезвычайная охрана была введена въ Москвѣ годъ назадъ, во время вооруженнаго возстанія; въ Петербургѣ—въ іюлѣ, одновременно съ роспускомъ Думы. Тогда ожидалось, что населеніе, особенно Петербурга, бурно отвѣтитъ на роспускъ, что будутъ если не попытки строить баррикады, то грандіозныя и шумныя манифестаціи. Ожиданія не оправдались. Петербургъ пассивно принялъ извѣстіе о роспускѣ Думы. Изъ ближайшихъ городовъ волненія были только въ Кронштадтѣ—и то среди войскъ, а не населенія. Прошло пять мѣсяцевъ. Жизнь если не вошла въ нормальную колею, то, во всякомъ случаѣ, революціонныя проявленія, наблюдаемыя въ настоящій моментъ, ничуть не сильнѣе, чѣмъ они были до 8 іюля. Почему же чрезвычайная охрана не снимается?

Этотъ вопросъ поставили въ петербургскомъ земскомъ собраніи К. К. Арсеньевъ и Н. А. Меншуткинъ и предложили возбудить ходатайство, чтобы чрезвычайная охрана, въ виду предстоящихъ выборовъ, была снята. Собраніе отвергло предложеніе. При настроеніи, господствующемъ сейчасъ въ земскихъ сферахъ, такое рѣшеніе понятно. Но еслибы предложеніе и было принято, то едва ли ходатайство увѣнчалось бы успѣхомъ.

Администрація наша держится съ безконечной настойчивостью за исключительные законы. На что тишь и гладь царили во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ и въ первыя три четверти девятидесятыхъ,— а много ли было случаевъ снятія, за ненадобностью, усиленной охраны? Секретъ простой: управлять, имѣя въ рукахъ исключительныя средства воздѣйствія на населеніе, гораздо проще и легче, нежели не располагая такими средствами. Кто и когда изъ администраторовъ признаетъ, что обладаетъ слишкомъ большими полномочіями и правами? Кому излишекъ правъ и полномочій мѣшаетъ? Для одного — смотря по темпераменту — исключительные законы нужны, чтобы во всю ширь ихъ примѣнять. Въ глазахъ другого они если не необходимы, то полезны, какъ угроза. Въ глазахъ третьяго — они безвредны. „Онъ" можетъ ихъ и не примѣнять—не прибѣгать къ преданію военному суду, не накладывать штрафовъ, никого безъ вины и судебнаго преслѣдованія не сажать въ тюрьмы и не высылать.

При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ законопроекта Государственной Думы объ отмѣнѣ смертной казни, одинъ изъ членовъ Совѣта говорилъ, что онъ не сторонникъ сохраненія смертной казни, но что въ вопросѣ рѣшающее значеніе должны имѣть отзывы генералъ-губернаторовъ: считаютъ ли они возможнымъ управлять ввѣренными губерніями и областями и быть отвѣтственными за сохраненіе въ нихъ спокойствія и порядка, если отъ нихъ будетъ отнято право лишать жизни черезъ посредство военныхъ судовъ? Любопытная постановка вопроса! Ее выработалъ бюрократическій режимъ, и о нее всегда разбивались всѣ начинанія, направленныя къ установленію дѣйствительнаго, а не фиктивнаго правового порядка. Исключительныя положенія тамъ, гдѣ они разъ были введены, будутъ сняты лишь тогда, когда новая законодательная власть, безъ справокъ у генералъ-губернаторовъ, отмѣнитъ или измѣнитъ дающій имъ содержаніе законъ. Трудно разсчитывать, чтобы до этого момента совершился переходъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, отъ болѣе суроваго исключительнаго положенія къ менѣе суровому — отъ чрезвычайной охраны къ усиленной.

Въ частности, по отношенію къ выборамъ, чрезвычайная охрана создаетъ весьма большія стѣсненія, при весьма маломъ общемъ ихъ значеніи. Она можетъ повліять въ желательномъ для правительства направленіи въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и т. д., т.-е. въ большихъ городахъ, дающихъ, однако, болѣе чѣмъ скромное, въ общемъ, число представителей. Деревня же, какъ она ни окружена попечительнымъ начальствомъ, въ сущности всегда была и остается внѣ предѣловъ досягаемости для „усиленныхъ" и „чрезвычайныхъ" начальственныхъ воздѣйствій. Путемъ воздѣйствій можно не допустить

развитія въ крестьянской деревнѣ сторонней агитаціи и пропаганды. Но будто ужъ такъ велико было значеніе сторонней агитаціи при первыхъ выборахъ! Первые выборы показали, что деревня своимъ умомъ дошла до отрицанія того государственнаго строя, благодаря которому она все глубже и глубже тонетъ въ пучинѣ горя и безысходной нужды... Какъ деревня настроена теперь? Какъ она реагируетъ на оказанныя ей въ порядкѣ 87-ой статьи „благодѣянія"?

„Рѣчь" (№ 242) перепечатала изъ одной провинціальной газеты любопытную сценку, очевидно срисованную съ натуры: „Въ селѣ Ставровѣ былъ волостной сходъ, и старшина предложилъ ему послать благодарность правительству за его послѣдніе земельные законы. Сходъ попросилъ объяснить эти законы. Когда старшина объяснилъ послѣдній законъ о возможности выхода изъ общины, то крестьяне засмѣялись и заговорили, что благодарить они еще успѣютъ: „Мы благодарили уже и даже вотъ икона у насъ куплена въ память 3-го ноября 1905 года". И какъ старшина ни настаивалъ, ничего не вышло: отъ благодарности отказались. „Ну такъ этотъ вопросъ, значитъ, отложимъ?"—настаивалъ старшина. „Да",—отвѣтили всѣ".

Приведенная сценка характерна съ различныхъ точекъ зрѣнія. Какъ образчикъ крестьянской ироніи, за которой слышится лукавство, какъ примѣръ, раскрывающій тайну происхожденія благодарственныхъ адресовъ, и какъ скрытое, но рѣшительное осужденіе крестьянами закона объ упраздненіи общины. Въ послѣднемъ отношеніи сообщаемое газетой вполнѣ совпадаетъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя до насъ доходили непосредственно изъ близко извѣстной намъ мѣстности. Эта мѣстность—со сплошнымъ великорусскимъ населеніемъ и съ сильно развитымъ частнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, параллельно съ надѣльнымъ землепользованіемъ. Въ рѣдкой деревнѣ, если не половина крестьянъ, то хоть часть, не имѣетъ купленной земли—отъ дробной части десятины на домъ до трехъ или пяти, рѣдко когда больше. Всего въ уѣздѣ купленной земли у крестьянъ почти столько же, сколько надѣльной. При такихъ условіяхъ можно было думать, что симпатіи населенія не принадлежатъ общинѣ. Однако, еще лѣтомъ мы имѣли случай убѣдиться въ противномъ. Въ Государственной Думѣ, какъ извѣстно, при самомъ началѣ обсужденія аграрнаго вопроса, обнаружилось, что мысль объ образованіи государственнаго земельнаго запаса изъ казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель и изъ отчуждаемыхъ частновладѣльческихъ—далеко не встрѣчаетъ полнаго сочувствія. Представители Малороссіи и всѣхъ окраинъ, не исключая самыхъ радикальныхъ, рѣшительно высказывались за уступку земли трудовому крестьянству въ собственность, а отнюдь не на началахъ арендного права. Они прямо говорили, что пусть Дума опре-

дѣляетъ какой ей угодно порядокъ землепользованія для великороссійскихъ губерній, но что во всѣхъ другихъ—въ основу реформы долженъ быть обязательно положенъ принципъ землевладѣнія, т.-е. владѣнія на правѣ собственности. Въ виду единодушія представителей окраинъ и такъ какъ одинаково съ ними высказывались по данному вопросу правые элементы Думы, представлялось весьма возможнымъ, что рѣшеніе вопроса выльется въ такой двойственной формѣ. Опасаясь, что это вызвало бы со стороны крестьянъ-великороссовъ упрекъ въ несправедливости, ибо для даннаго момента полученіе земли въ собственность имѣетъ несомнѣнныя преимущества, мы при бесѣдахъ съ своими крестьянами-сосѣдями ставили прямой вопросъ: какую аграрную систему они считали бы для себя наиболѣе предпочтительной? Отвѣтъ каждый разъ получался въ пользу земельнаго запаса и неотчужденія участковъ изъ него въ собственность. Крестьяне той мѣстности, о которой мы говоримъ, обрабатываютъ купленную землю болѣе тщательно, чѣмъ надѣльную, и вообще относятся къ ней болѣе, такъ сказать, рачительно. Но надѣльная, общинная земля, въ ихъ глазахъ, имѣетъ ту особенную цѣнность, что ее нельзя ни продать, ни заложить. Каждый человѣкъ въ деревнѣ, по ихъ взгляду, долженъ имѣть такое, хотя бы ничтожное, обезпеченіе, которое, независимо отъ его индивидуальныхъ свойствъ и качествъ, могло бы его прокормить и снимало бы тѣмъ съ другихъ заботу о его пропитаніи. Земля же купленная—вещь наживная и проживная. Она—тотъ плюсъ, который для каждаго желателенъ, насколько позволительно каждому желать вывести свое существованіе изъ состоянія полуголоданія.

Подобный взглядъ намъ кажется типичнымъ для великорусскихъ крестьянъ. И насъ не удивляетъ, что кое-гдѣ уже были случаи составленія приговоровъ о воспрещеніи односельчанамъ продавать и закладывать надѣлъ—до Думы. Вѣра въ Думу въ крестьянахъ не погасла. Но во всякой деревнѣ есть голытьба, есть и пауки. Для первыхъ законъ создалъ искушеніе—выдѣлиться, продать надѣлъ и хоть мѣсяцъ, если не годъ, не видѣть полуголодныхъ дѣтей. Для вторыхъ законъ создалъ не меньшее искушеніе—сдѣлаться въ своей же деревнѣ бариномъ, помѣщикомъ. Въ деревню внесена рознь, отъ которой недалеко до кольевъ...

Едва ли законъ объ упраздненіи общины увеличилъ шансы на правительственное большинство во второй Думѣ. Вотъ если бы состоялось „разъясненіе“ сената по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ объ образованіи предварительныхъ съѣздовъ по сословіямъ, о чемъ мы писали въ прошломъ мѣсяцѣ, тогда дѣло было бы другое Но, повидимому, такого „разъясненія“ не послѣдуетъ. Уже назначены дни для предварительныхъ всесословныхъ съѣздовъ и въ нѣкоторыхъ

губерніяхъ уже разосланы мелкимъ собственникамъ повѣстки. Говорятъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ взялъ свой рапортъ обратно. Опровергая въ прошломъ мѣсяцѣ съ юридической точки зрѣнія предлагавшееся министерствомъ толкованіе избирательнаго закона, мы на произвольныхъ цифрахъ строили доказательства того, что оно искусственно и совершенно несправедливо создало бы на выборахъ перевѣсъ для десятковъ голосовъ дворянства, купечества и духовенства надъ тысячами голосовъ крестьянъ. Теперь въ нашемъ распоряженіи имѣются по одному изъ уѣздовъ точныя цифры. Избирательный списокъ лицъ, имѣющихъ полный цензъ и право непосредственнаго участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ этого уѣзда, заключаетъ въ себѣ 73 имени. Собственниковъ—71, управляющихъ имѣніями—2. Изъ собственниковъ: дворянъ—38, крестьянъ—11, священниковъ—1, прочихъ сословій—21. Общее количество земли, принадлежащей крупнымъ землевладѣльцамъ—около 50 тыс. десятинъ. Въ спискѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, участвующихъ въ съѣздѣ черезъ уполномоченныхъ, значится 13.760 лицъ. Изъ нихъ: дворянъ—35, священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ, лично обладающихъ землей—17, представителей церковныхъ имуществъ—101, крестьянъ-собственниковъ—13.568, прочихъ сословій—39. Всей земли, принадлежащей мелкимъ землевладѣльцамъ—около 160 тыс. десятинъ, составляющихъ свыше 700 полныхъ цензовъ, т.-е. дающихъ право избранія свыше 700 уполномоченныхъ. Какому землевладѣнію, крупному или мелкому, и какому сословію долженъ по праву принадлежать рѣшающій голосъ на выборахъ? Иначе: представителемъ какихъ интересовъ должны себя считать выборщики даннаго уѣзда на губернскомъ избирательномъ собраніи и затѣмъ въ Думѣ, если который-нибудь изъ нихъ пройдетъ и черезъ послѣднюю выборную ступень?

Въ № 11047 „Новаго Времени", подъ заголовкомъ: „Союзъ 17 октября", напечатана корреспонденція изъ Калуги. Въ корреспонденціи изложенъ отчетъ о собраніи октябристовъ, состоявшемся 6 декабря, при участіи представителей кадетской партіи. Какъ и подобаетъ партійному отчету, онъ сообщаетъ читателямъ газеты о полномъ пораженіи кадетовъ и о такомъ же полномъ торжествѣ октябристовъ. Вотъ заключительныя слова: „Рѣчи октябристовъ принимались публикою очень горячо; были сторонники и у кадетовъ, но и они не скрывали отъ себя ихъ пораженія, обусловленнаго тѣмъ, что, какъ всегда, кадеты отвѣчали пустыми фразами на уничтожающіе ихъ факты и документы". Какіе это были документы—отчетъ не упоминаетъ. Подъ видомъ же „уничтожающихъ" фактовъ, главный ораторъ

крайнихъ политическихъ идеаловъ вначалѣ, ни наблюдающагося теперь разочарованія въ ихъ практической примѣнимости.

Передъ нами отчеты общества за 1904 и 1905 гг. Изъ нихъ узнаемъ, что его дѣятельность замерла „по независящимъ обстоятельствамъ". Въ 1904 году, административнымъ отдѣленіемъ общества была назначена на 12-е ноября бесѣда о необходимыхъ измѣненіяхъ дѣйствующаго закона о печати. Имѣя въ виду § 1 устава, согласно которому главнѣйшая цѣль общества заключается въ „распространеніи юридическихъ свѣдѣній", общество никогда не закрывало своихъ дверей и не стѣсняло желающихъ посѣщать его засѣданія. Но на этотъ разъ бесѣда привлекла такую массу публики, что въ обычномъ мѣстѣ засѣданій—въ зданіи столичнаго мирового съѣзда—оказались переполненными всѣ корридоры, проходы, лѣстницы и, несмотря на это, еще нѣсколько сотъ человѣкъ остались на улицѣ. Открыть засѣданіе было фактически невозможно, и пришлось бесѣду отложить и перенести въ большой залъ Тенишевскаго училища, вмѣщающій 750 человѣкъ. Сюда публика явилась 19-го ноября уже въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. На улицѣ образовалась толпа, которая въ отвѣтъ на увѣщанія упорно требовала, чтобы всѣ пришедшіе были впущены. Произошелъ безпорядокъ; полиція стала примѣнять мѣры насильственнаго воздѣйствія на толпу; это сдѣлалось извѣстно внутри зданія—и вынудило бесѣду прекратить.

Такимъ образомъ, первое препятствіе юридическое общество встрѣтило въ чрезмѣрности интереса къ выдвинутымъ имъ на обсужденіе вопросамъ. Но съ этимъ препятствіемъ еще можно было бороться. Совѣтъ общества выработалъ правила, регулирующія допускъ публики на засѣданія, послѣ чего редакціонный комитетъ административнаго отдѣленія намѣтилъ рядъ докладовъ, посвященныхъ вопросамъ представительнаго образа правленія въ Россіи: „Основы избранія представителей", „О публичныхъ правахъ гражданъ", „Объ однопалатной и двухпалатной системѣ представительства", „Объ отвѣтственности должностныхъ лицъ и въ частности министровъ" и др. Въ засѣданіи 7-го марта, при громадномъ стеченіи публики, но въ полномъ порядкѣ, былъ прочитанъ докладъ по первому вопросу. Въ засѣданіи 11-го марта докладъ былъ повторенъ. Дальнѣйшихъ же докладовъ не читалось, ибо „возникла переписка" съ временнымъ генералъ-губернаторомъ. Надъ обществомъ повисла угроза закрытія. Министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ измѣненія устава и включенія въ него параграфа, опредѣляющаго, что „общество можетъ быть закрыто министерствомъ народнаго просвѣщенія, по разсмотрѣніи дошедшихъ до него свѣдѣній о безпорядкахъ въ обществѣ или о нарушеніи его

устава"... Такова печальная исторія попытокъ петербургскаго юридическаго общества выполнить лежавшій на немъ долгъ.

Въ новый 1907 годъ общество вступаетъ еще при худшихъ условіяхъ: оно лишилось своего журнала. Изданіе журнала было возможно только при безплатномъ печатаніи въ сенатской типографіи, на что ежегодно, съ 1879 г., испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе. Письмомъ на имя предсѣдателя отъ 18-го ноября, министръ юстиціи извѣстилъ, что „въ виду вызываемыхъ затруднительнымъ положеніемъ государственнаго казначейства настояній министра финансовъ и государственнаго контролера о возможномъ сокращеніи расходовъ казны и необходимости сокращенія кредитовъ на нужды сенатской типографіи", онъ, „къ сожалѣнію", будетъ поставленъ въ невозможность испросить Высочайшее повелѣніе на дальнѣйшее печатаніе „Вѣстника Права" безплатно въ означенной типографіи.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію овраговъ, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды...

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наиболѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми

мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою лепту для облегченія крестьянской нужды и кому по̀ сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и въ журналѣ „Трудовая Помощь", а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Галкинъ-Враской*.

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ" (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ" (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями" (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ" (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи" (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ" (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ" (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ" (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ" (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей" (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей" (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ" (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей" (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ" (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли" (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей" (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ" (Англійскій пр., 45),

---

III.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. Университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной

необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

Журнальный фонд
Ярославской обл. библиотеки

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3/h